литературные мемуары

Михаил и Елена Булгаковы

ДНЕВНИК МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ

ВАГРИУС

УДК 882-94
ББК 84.Р7
Б 90

Федеральная программа книгоиздания России

Составление, предисловие,
комментарии В.И.Лосева

Издательство благодарит
Российскую государственную библиотеку по искусству
за предоставленный фотоматериал

На фронтисписе: М.А.Булгаков и Е.С.Булгакова.
Москва, 1935

ISBN 5-264-00693-0

В дневнике Елены Сергеевны Булгаковой есть запись, которая привлекает своей простотой и в то же время значительностью.

2 июля 1937 года она записала:

«Вечером Дмитриев... сидел до трех часов ночи.

Он сказал, что они с Асафьевым (В.В.Дмитриев, выдающийся театральный художник, и Б.В.Асафьев, известный композитор. — *В.Л.*) много говорили о М.А. и решили, что М.А. необычайно высоко стоит в моральном отношении, — как забавно сказал Дмитриев, — другого такого порядочного человека они не знают».

Быть порядочным человеком вообще не очень просто, а в те времена «порядочность» была сопряжена с риском подвергнуться опале и даже потерять жизнь. Булгаков не встал на общую писательскую дорожку примитивного, услужающего реализма, не поступился своими взглядами и представлениями на происходившие в стране события. Эту принципиальность писателя вынуждены были с уважением признать и его стоявшие у власти оппоненты, чье мнение выразил А.А.Фадеев в письме к Е.С.Булгаковой от 15 марта 1940 года: «...мне сразу стало ясно, что передо мной человек поразительного таланта, внутренне честный и принципиальный и очень умный... И люди политики и люди литературы знают, что он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью, что путь его был искренен, органичен... Хуже было бы, если бы он фальшивил...»

Да, в самые критические для России периоды Булгаков добровольно выбирал наитруднейшие и опаснейшие жизненные пути. Так было в студенческие годы, когда он изъявил желание участвовать в боевых действиях в составе военно-морских сил России. Так было чуть позже, когда он добровольно ушел на фронт врачом. И когда по своей воле защищал Киев от петлюровцев и принимал участие в сражениях в составе Добровольческой армии против большевиков. И когда, после мучительных размышлений и колебаний (1921 год), он все-таки не покинул родину, остался в подневольной России, прекрасно сознавая все трудности, которые предстояло пережить. Наконец, когда, выбирая для себя профессию писателя, полагал, что на этом поприще он сможет не только реализовать свои природные дарования, но и — опять-таки — послужить отечеству. Булгаков редко говорил на эти темы в обыденной жизни, но все

творчество его пронизано любовью и состраданием к несчастной родине. Умирая, он шептал: «Служить народу... За что меня жали?.. Я хотел служить народу...»

Булгакову было присуще и еще одно удивительное свойство — способность проникать в сущность происходящих событий и предвидеть обозримое будущее. Крайне редко ошибался он и в оценке людей. Но эти уникальные человеческие качества приносили ему не радость, а печаль и страдания.

18 марта 1917 года В.Г.Короленко с восторгом писал сестре: «В несколько дней политическая физиономия России меняется, как по волшебству, почти без кровопролития... Над русской землей загорелась наконец бурная и облачная, но, будем надеяться, немеркнущая заря свободы...»

Интеллигенция почти всех оттенков признала эту революцию кровно своей. По всей России царило ликование...

Булгакову же, еще совсем молодому человеку, работавшему земским врачом, достаточно было поездки в Саратов в марте 1917 года и нескольких наскоков в Москву в последующие месяцы, чтобы прийти к абсолютно противоположному выводу. Позже, в статье «Грядущие перспективы» он назовет этот период «безумством мартовских дней» и «безумством дней октябрьских». Булгаков нисколько не сомневался, что за череду «безумств» народу российскому придется платить полной мерой: «Безумство двух последних лет толкнуло нас на страшный путь... Мы начали пить чашу наказания и выпьем ее до дна».

Но именно в безысходных ситуациях и проявлялись наиболее ярко удивительная смелость и стойкость Булгакова. Он не был «записным храбрецом», но он не мог совершить того или иного поступка, если поступок этот противоречил его внутренним принципам, его «кодексу чести». Но именно потому, несмотря на беспримерную травлю, обрушившуюся на Булгакова едва ли не в самом начале его творческого пути, он твердо отстаивал свою позицию. «Я свою писательскую задачу в условиях неимоверной трудности старался выполнить как должно», — писал он брату Николаю 21 февраля 1930 года. А чуть позже, в «Письме Правительству СССР», открыто заявил: «Попыток... сочинить коммунистическую пьесу я даже не производил, зная заведомо, что такая пьеса у меня не выйдет». В этом случае Булгаков прекрасно понимал, что на карту поставлена сама его жизнь, но он не мог преступить черту, за которой для него были позор и бесчестие.

И тут нельзя не затронуть тему, которую принято именовать «Булгаков и Сталин».

Между Булгаковым и Сталиным шла многолетняя, затяжная, напряженнейшая психологическая борьба. При этом каждая из сторон прекрасно понимала, что противник достался не из легких. Конечно, борьба эта была неравной: почти все средства управления ситуацией находились в руках Сталина. Но с точки зрения нравственной — несомненное преимущество имел писатель.

Сейчас часто говорится об «особом отношении» Сталина к Булгакову. Размышляя об этом, стоит обратить внимание на три важнейших обстоятельства.

Первое: Сталин сохранил писателю жизнь. Звучит, быть может, несколько удивительно, но в условиях неограниченного единовластия, абсолютного беззакония и неслыханной кровожадности тирана — сохранение жизни откровенному врагу, к тому же творчески активному и непреклонному, — факт, из ряда вон выходящий.

Второе: Сталин сумел по достоинству оценить талант Булгакова. И дело не в том, что он питал слабость к пьесе «Дни Турбиных», хотя и это имело немаловажное значение, а в том, что вождь понял, почувствовал мощный творческий потенциал писателя, его особое, выделяющееся дарование.

Третье: Сталин хотел использовать талант Булгакова в своих целях, чтобы затем полностью «преобразовать» его на благо «социализма».

Исследователями доподлинно установлено, что Политбюро ЦК ВКП(б) семь (!) раз принимало решения по произведениям Булгакова. Случай, безусловно, уникальный, и означает только одно: к Булгакову в течение продолжительного времени было приковано внимание не только Сталина и его партийного аппарата, но и органов политического сыска, о чем свидетельствуют открытые ныне архивные материалы ОГПУ.

«Связка» Булгаков — Сталин (или: Сталин — Булгаков) возникла как-то сразу, и выросла она из «Дней Турбиных».

Положительное решение Сталина (оформленное, конечно, постановлением Политбюро) о постановке «Дней Турбиных» в Московском Художественном театре буквально для всех было величайшим сюрпризом.

Исследователи-булгаковеды до сих пор не могут найти аргументированного объяснения этому необычному решению. А ответ между тем достаточно прост, если рассматривать вопрос в плоскости историко-политической.

В условиях жесточайшей схватки между двумя политическими группировками (Сталин, Рыков, Ворошилов и пр., с одной стороны, и Троцкий, Зиновьев, Каменев и пр. — с другой) Сталину важно было представить себя главою великодержавного крыла в партии, борющегося с антинациональным крылом, что он и сделал. Тут как раз «подвернулись» «Дни Турбиных». Более подходящего случая продемонстрировать свою «великодержавность» найти было трудно. К тому же Сталин ничем не рисковал: пьеса разрешалась к постановке только в Москве и только в Художественном театре. Зато политический резонанс был колоссальный.

Булгаков под впечатлением огромного успеха «Дней Турбиных» и самого факта появления пьесы на сцене на какое-то время «впал в благодушество». Писатель (как позже он отметил это в «Мастере и Маргарите») стал «смеяться» над появлявшимися в прессе пасквилями на пьесу. Кое-какие надежды на Сталина сохранил он и в последующие годы, когда травля в прессе приобрела чудовищные формы, и было уже не до смеха. Это видно из первых редакций «Романа о дьяволе» (первоначальное название «Мастера и Маргариты»), который он начал писать в 1928 году именно в ответ на жесточайшую травлю.

Осенью 1929 года (этот год и для Булгакова был годом «великого перелома») сложившуюся вокруг него ситуацию писатель оценивал

уже несколько по-иному. Теперь он ни от кого не ждал помощи... Впрочем, это не совсем верно, ведь к тому времени у него появилась «Маргарита». И «Мастер» сказал ей вещие слова: «Против меня был целый мир — и я один. Теперь мы вдвоем, и мне ничего не страшно!» Сама же «Маргарита», может быть, того не ведая, уже в шестидесятые годы, рассказывая о друзьях писателя с Пречистенки, также произнесла вещие слова: «Они хотели сделать из него распятого Христа...»

Со всех сторон на Булгакова сыпались страшные известия. Поразила внезапная смерть ближайшего сподвижника Сталина Г.К.Орджоникидзе: видимо, писатель увидел в этом событии страшное предзнаменование. Из Парижа пришло печальное сообщение о смерти Евгения Замятина, одного из самых близких Булгакову людей, сумевшего на какое-то время вырваться из тисков сталинской диктатуры, но так мало пожившего «на свободе». Вскоре умер от туберкулеза сердечно относившийся к Булгакову Илья Ильф. 27 марта Елена Сергеевна записала в дневнике слова мужа: «Мы совершенно одиноки. Положение наше страшно».

Вскоре начались преследования писателей, драматургов и критиков, ранее беспощадно травивших Булгакова. Но Булгаков прекрасно понимал, что начавшиеся репрессии проводятся не в целях восстановления справедливости, а совсем по другим мотивам. Полностью оправдался его прогноз о том, что со временем окрепшие «шариковы» уничтожат своих учителей — «швондеров».

Но не только «швондеров» поглощал Молох, а всех, кто в какой-то степени подозревался в «неблагонадежности». Дневник Елены Сергеевны запестрел сообщениями об арестах.

Душевное состояние Булгакова в эти месяцы было тягостным, удручающим.

Но объяснялось оно не столько ожиданием ареста, сколько его писательским положением: пьесы Булгакова не игрались (за исключением «Дней Турбиных»), и ни одной строчки своей опубликовать он не мог. К тому же и встреча с братьями, Николаем и Иваном, проживавшими в Париже, оказалась невозможной.

Вероятно, до Сталина доходила информация о тяжелом моральном и физическом состоянии Булгакова. Это видно из тех бесед, которые велись периодически с писателем в сановных кабинетах. Так, 9 мая состоялась его встреча с председателем Главискусства Л.М.Керженцевым. Елена Сергеевна зафиксировала, со слов мужа, содержание разговора.

Из беседы совершенно четко просматривается план Сталина по «приручению» писателя: прежние свои произведения Булгакову надлежит забыть и приступить к новым, разумеется, устраивающим вождя. Механика чрезвычайно простая, но от нее художнику становилось еще тяжелее. За Булгакова взялись теперь всерьез, обработка велась целенаправленно, продуманно, интенсивно. К писателю был специально «прикреплен» сотрудник ЦК партии М.А.Добраницкий, весьма образованный и обаятельный человек, не скрывавший своих намерений. Стало предельно ясно: руководство страны хочет не только привлечь на свою сторону строптивого талантливого писателя, но и желает сделать из него активного борца за новую жизнь.

В конце концов Добраницкий тоже сгинул. В ноябре Булгаковы узнали о его аресте...

Нужно сказать, что давление на писателя осуществлялось не только либеральными методами. Применялись и другие способы воздействия, в том числе шантаж. Квартиру Булгаковых постоянно «курировали» сексоты (секретные сотрудники органов) из числа журналистов, актеров и другой публики. Булгаков распознавал их моментально, но ему приходилось вести с ними «корректную» игру. Характерна запись Е.С.Булгаковой от 25 июня:

«...встретили Эммануила Жуховицкого.Обрадовался, говорил, что обижен очень нами, что мы его изъяли, спрашивал, когда может опять прийти? Условились на сегодняшний вечер, в десять часов...

Жуховицкий явился почему-то в одиннадцать часов и почему-то злой и расстроенный (М.А. объяснил потом мне — ну, ясно, потрепали его здорово в учреждении).

Начал он с речей, явно внушенных ему, — с угрозы, что снимут «Турбиных», если М.А. не напишет агитационной пьесы.

М.А.:

— Ну, я люстру продам».

Конечно, Булгаков понимал, что существовать в осаде долго нельзя. Тем более что даже ближайшие друзья не всегда могли его понять, советовали «сдаться». То и дело к нему приходит отчаяние. В такие минуты и появляются в дневнике жены тревожные записи.

«Мучительные поиски выхода: письмо ли наверх? Бросить ли театр? Откорректировать роман и представить? Ничего нельзя сделать. Безвыходное положение» (23 сентября).

«Надо писать письмо наверх. Но это страшно» (5 октября).

2 октября 1937 года о своем невыносимом положении Булгаков написал своему другу Б.В.Асафьеву: «Сейчас сижу и ищу выхода, и никакого выхода у меня, по-видимому, нет... За семь последних лет я сделал шестнадцать вещей разного жанра, и все они погибли. Такое положение невозможно, и в доме у нас полная беспроглядность и мрак».

Будучи опальным и отлученным от широкого читателя и зрителя, Булгаков тем не менее пользовался огромным авторитетом в литературных и театральных кругах. Побывать у Булгаковых, побеседовать с Михаилом Афанасьевичем считали за честь самые выдающиеся представители русской культуры. Восхищение его проницательным умом и исключительной честностью было всеобщим. Иногда ему об этом говорили прямо в лицо, стараясь поддержать морально.

Но все же это был довольно узкий круг людей. На фоне других литераторов, заполонивших газеты, журналы и книжные прилавки, он становился писателем полузабытым.

Конец печально знаменитого в истории нашей страны 1937 года был для Булгакова очень тревожным. 31 декабря Елена Сергеевна подвела итог: «Кончается 1937-й год. Горький вкус у меня от него». Булгаков же фактически оценку этому году сделал гораздо раньше — еще весной. 24 марта он писал своему другу П.С.Попову: «Многие мне говорили, что 1936-й год потому, мол, плох для меня, что он високосный, — такая есть примета. Уверяю тебя, что эта примета липовая. Теперь вижу, что в отношении меня 37-й не уступает предшественнику... Некоторые мои доброжелатели избрали довольно странный способ утешать меня. Я не раз слышал уже подозрительно елейные голоса: «Ничего, после вашей смерти все будет напечатано!» Я им очень благодарен, конечно!»

Необходимо сказать несколько слов и о последней пьесе М.Булгакова «Батум», героем которой стал Сталин.

Существуют разные точки зрения на эту пьесу, но преобладают из них две: Булгаков так «возлюбил» Сталина, что решил воспеть его в своей превосходной пьесе «Батум»; Булгаков «сломался» и сочинил панигирик Сталину. Обе точки зрения, как ни странно, близки друг другу, ибо в том и другом случае Сталин торжествует — он одержал победу над строптивым писателем.

Между тем это не так. Пятнадцать лет Булгакову твердили со всех сторон, что он должен написать сочинение во славу новой власти в России. Пятнадцать лет он отбивался, как мог, но исподволь готовил пьесу о главном выразителе этой власти. И что же? Пьеса оказалась запрещена самим героем пьесы!

Почему это произошло? Единственно верный ответ на этот вопрос может быть только один: ни малейшего восхваления Сталина в пьесе нет. Об этом лучше всех сказал в свое время Константин Симонов:

«Прочитал я «Батум». Пьеса талантливая, как и все, что делал Булгаков. Что касается Сталина, то в этой пьесе, конечно, есть отношение к нему как к крупной личности, пьеса и написана о становлении крупной личности, и в то же время нет никакого намека на коленопреклонение. Пьеса, по-моему, справедливая. Это очень важно».

И запрещая пьесу, Сталин, как никто, понимал, что и на этот раз он проиграл битву с писателем.

Свои дневники Михаил Афанасьевич и Елена Сергеевна Булгаковы создавали в такие трудные годы, когда осторожные люди вообще старались не документировать происходящие события, а тем более свою личную жизнь. Теперь очевидно, что эти дневниковые записи, письма и другие материалы стали в совокупности выдающимся свидетельством эпохи.

История собственно булгаковского дневника довольно темна, но многое прояснилось в последние годы, когда были открыты архивы ОГПУ—НКВД. Стало известно, что в мае 1926 года во время обыска на квартире Булгаковых сотрудниками ОГПУ были изъяты дневники писателя (три тетради) и рукописи «Собачьего сердца». В акте обыска указаны годы, в которые велся дневник (1921—1923, 1925).

Булгаков неоднократно обращался в ОГПУ и в правительственные учреждения с заявлениями о возвращении ему дневников, и каждый раз его ходатайства оставались без ответа. Из опубликованных агентурных сводок ОГПУ видно, что последний раз писатель обращался по поводу возвращения дневников к А.И.Рыкову в 1930 году (очевидно, это было в самом начале года; письмо до сих пор не найдено) и после этого ему якобы были отданы дневники, рукописи «Собачьего сердца» и другие документы.

Пока есть одно «вещественное» свидетельство этого факта: на сохранившейся в архиве писателя рукописи «Собачьего сердца» есть следующая запись, сделанная рукой Булгакова: «Экземпляр, взятый ГПУ и возвращенный». Правда, в записи отсутствует указание на дату возвращения рукописи. Но есть точные свидетельства того, что осенью 1929 года материалы еще не были возвращены писателю. Рас-

сматривавший заявление Булгакова правительству (от 30 июля 1929 г.) А.П.Смирнов (один из руководителей партии) в своем заключении, адресованном в Политбюро ЦК, отметил: «Нельзя пройти мимо неправильных действий ОГПУ по части отобрания у Булгакова его дневников. Надо предложить ОГПУ дневники вернуть». Однако намеченное на 5 сентября заседание Политбюро не состоялось из-за отсутствия Сталина (он был в отпуске). Так что возвращены рукописи были не позже марта 1930 года (28 марта Булгаков написал свое знаменитое «Письмо Правительству СССР», в котором уже ничего не говорилось об изъятых у него дневниках и рукописях).

Но если рукописи «Собачьего сердца» находятся в архиве писателя (два экземпляра), то дневник отсутствует. Правда, к счастью, сохранились четыре небольших фрагмента дневника (автографы!) за январь—февраль 1922 года — они были вырезаны писателем из тетради, не побывавшей в ОГПУ!

Думаю, что Булгаков вырезал из тетради несколько фрагментов текста дневника специально — чтобы засвидетельствовать его наличие как такового. Что же касается трех тетрадей дневника, изъятых ОГПУ у Булгакова, то ни сам писатель, ни Елена Сергеевна, ни Л.Е.Белозерская никаких сведений об этом не оставили. Правда, существует устная легенда, что условием возвращения дневников писателю ставилось их уничтожение. В это трудно поверить (почему же тогда не потребовали уничтожения рукописи «Собачьего сердца»?), но нельзя в то же время пройти мимо другого предположения — о том, что Булгаков уничтожил свои дневники вместе с рукописями, которые он сжег в марте 1930 года («И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе, черновик комедии и начало второго романа «Театр», — писал Булгаков в «Письме Правительству СССР» от 28 марта 1930 года).

Долгие годы о дневниках Булгакова ничего не было известно. Предполагалось лишь, что в недрах сыскных органов наверняка остался «след» от них. Лишь в 1989 году было объявлено о «сенсационной» находке («находки» посыпались из архивов КГБ) — в РГАЛИ была передана машинописная копия дневника писателя. Видимо, это был один из экземпляров служебного машинописного текста, представленного в свое время Сталину или Молотову. Когда этот текст был опубликован (Театр. 1990. № 2), то у многих исследователей (да и у читателей) возникли сомнения: не фальшивка ли это? Причины для таких сомнений, к сожалению, были: во-первых, как потом выяснилось, при публикации были сделаны купюры, во-вторых, машинопись содержала огромное количество ошибок, допущенных в свое время «переводчиками» из ОГПУ. Но в то же время каждый, кто сколько-нибудь чувствовал язык и стиль Булгакова, не мог позволить себе усомниться в подлинности булгаковского текста, правда, сильно искаженного.

Вскоре, к счастью, появились сведения о том, что в архиве КГБ сохранилась фотокопия дневника. По ней была осуществлена новая публикация (Независимая газета. 1993. 24 ноября; 8, 9, 15, 16, 22 декабря), в которой значительная часть ранее допущенных искажений текста и ошибок была исправлена. Автору этих строк посчастливилось поработать с фотокопией дневника Булгакова в архиве Службы безопасности и внести в текст более ста уточнений (Слово.

1995. № 1—2; 7—8), но тем не менее в трех-четырех местах прочитать текст так и не удалось (отдельные слова, конечно).

Дневники Булгакова носят ярко выраженный политический характер. Его интересовали все важнейшие события, которые, по его мнению, могут повлиять на политические процессы в России. Булгаковские оценки тех или иных событий точны, аргументированы, а в некоторых случаях близки к пророческим. Булгаков замечает и отмечает все наиболее яркое, примечательное, имеющее реальное значение, независимо от политической окраски. В дневнике мелькают такие фигуры, как Муссолини, Гитлер, Штреземан, Ллойд Джордж, Пуанкаре, Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Раковский, Димитров, Коралов, Врангель, Милюков и многие другие.

О проницательности Булгакова свидетельствуют и его оценки (блестящие, емкие, глубокие и, главное, предвосхищающие будущие события) сменовеховского движения, «никитинских субботников» и своих собственных произведений.

Но если уж говорить о самом важном, о самом сокровенном и наболевшем, что постоянно волновало писателя, так это то, что в сердцах буквально выкрикнуто им: «дикий мы, темный, несчастный народ». Эти горькие слова могли бы послужить эпиграфом ко всему его творчеству.

Дневник Е.С.Булгаковой — документ совсем иного рода: это любовно и бережно собираемые слова, мысли, поступки человека, которому она посвятила себя — как истинная Маргарита своему Мастеру.

Дневник Елены Сергеевны также имеет свою историю. Первая запись в нем сделана 1 сентября 1933 года. И эта запись устанавливает тесную связь с дневником Михаила Булгакова:

«Сегодня первая годовщина нашей встречи с М.А. после разлуки.

Миша настаивает, чтобы я вела этот дневник. Сам он, после того как у него в 1926 году взяли при обыске его дневники, — дал себе слово никогда не вести дневника. Для него ужасна и непостоянна мысль, что писательский дневник может быть отобран».

Запись эта говорит о многом и прежде всего о том, что Булгаков настаивал на ведении дневника! Ему он был необходим как неотъемлемая часть текущей жизни. Так что дневник Елены Сергеевны он рассматривал и как свой. Так оно *по сути* и оказалось: большая часть записей Елены Сергеевны так или иначе связана с Булгаковым, а иногда она просто фиксировала его высказывания, размышления, разговоры с кем-либо и т.д. В лице Елены Сергеевны Булгаков получил настоящего Лагранжа, только еще более преданного, более чуткого и предусмотрительного. Она и не скрывала своей роли при Булгакове. Вот ее запись из первой редакции дневника: «Я не знаю, кто и когда будет читать мои записи. Но пусть не удивляется он тому, что я пишу только о делах. Он не знает, в каких страшных условиях работал Михаил Булгаков, мой муж».

Елена Сергеевна вела дневник в течение семи лет (1933—1940), до последних дней жизни Михаила Афанасьевича. Дневник составил семь объемных общих тетрадей, не считая тетрадей специальных, «тематических» (например, тетради с записями во время болезни писателя). Шесть из них сохранились, но одна тетрадь (самая первая, с текстами за 1933—1934 годы) таинственно исчезла. Мож-

но делать по этому поводу различные предположения, но нельзя не отметить, что, при приеме в Отдел рукописей Ленинской библиотеки третьей части архива М.А.Булгакова (сентябрь 1970 года, сразу после смерти Е.С.Булгаковой), детальная опись на эти материалы не составлялась (первые две части архива писателя сдавала сама Елена Сергеевна по детальнейшим описям, ею собственноручно составленным), и установить сейчас местонахождение первой тетради дневников Е.С.Булгаковой чрезвычайно трудно.

К счастью, Елена Сергеевна переписала эту таинственную тетрадь.

В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов Елена Сергеевна решила свой дневник подготовить к печати. При прочтении текстов она стала их редактировать, а затем и переписывать в новые тетради. Надо заметить, что изменения и уточнения она вносила лишь там, где просматривались неясности или неудачные формулировки, суть же написанного (за редким исключением) не изменялась.

Работая очень внимательно, Елена Сергеевна отредактировала и переписала пять первых тетрадей, что составило четыре новые тетради текста. Последующие две тетради она переписывать не стала, ограничившись лишь их редактированием (карандашом по первоначальному чернильному тексту). В результате проведенной работы получились две редакции дневников: первоначальная редакция (семь тетрадей) и вторая редакция, включающая в себя четыре новые переписанные тетради и две тетради первой редакции (отредактированные).

Письма Булгакова, представленные в настоящем издании, не только восполняют отсутствующие за те или иные годы дневники, не прерывая при этом единой канвы повествования, но и служат прекрасным дополнением к дневниковым записям. В своей совокупности, дневники и письма, расположенные в хронологическом порядке, позволяют наиболее полно восстановить события, связанные с жизнью и творчеством писателя.

Читая дневники Елены Сергеевны, обращаешь прежде всего внимание на то, что между нею и Булгаковым не было ни одной ссоры за все годы супружеской жизни. Это почти невероятно, если к тому же учесть, что жизнь Булгакова (и, как отражение, жизнь Елены Сергеевны) была порою не только тяжелой, но и просто невыносимой.

Достаточно уже сказано о заслуге Елены Сергеевны в сохранении архива писателя. Но при этом не подчеркивалось главного: многие рукописи Булгакова хранились в архиве в одном-единственном экземпляре, и их утрата означала утрату творческого рукописного наследия гениального писателя навсегда! Поэтому-то она стремилась его сочинения переписать на машинке. И переписывала...

Мало сохранилось автографов писателя за двадцатые годы. Но в этом нет вины Елены Сергеевны: все, что она получила в свои руки, она сохранила.

О ее стремлении пробить брешь в бюрократических стенах, чтобы опубликовать творческое наследие Булгакова, и о ее огромной работе по подготовке текстов и их публикации, когда представилась такая возможность, пока сказано очень мало. Но одно то, что она за-

вершила работу над рукописью «Мастера и Маргариты» и опубликовала роман в шестидесятые годы (друг и биограф писателя П.С.Попов предсказал в 1940 году, что роман будет опубликован не ранее чем через сто лет!), свидетельствует о ее незаурядных способностях и огромной воле в осуществлении поставленной цели.

Е.С.Булгаковой была опубликована большая часть творческого наследия писателя. Она сделала бы и больше, если бы смогла преодолеть преграды Главлита, но увы... В письме к Николаю Афанасьевичу Булгакову (от 7 сентября 1962 года) есть такие ее слова: «...Я делаю все, что только в моих силах, для того, чтобы не ушла ни одна строчка, написанная им, чтобы не осталась неизвестной его необыкновенная личность... Это — цель, смысл моей жизни. Я обещала ему многое перед смертью, и я верю, что я выполню все...»

О своей необыкновенной любви к Маргарите писатель рассказал в своем закатном романе. В обыденной жизни он не любил говорить о вещах сокровенных. Но теплота его чувств к Елене Сергеевне частью выплескивается в его письмах к ней.

Елена же Сергеевна своих чувств к Булгакову никогда не скрывала, но самые замечательные слова о своей фантастической любви она сказала значительно позже, в пятидесятые годы. Вот они: «Несмотря на все, несмотря на то, что бывали моменты черные, совершенно страшные, не тоски, а ужаса перед неудавшейся литературной жизнью, если вы мне скажете, что у нас, у меня была трагическая жизнь, я вам отвечу: нет! Ни одной секунды. Это была самая светлая жизнь, какую только можно себе выбрать, самая счастливая. Счастливее женщины, какой я тогда была, не было...»

Когда писатель умирал и близкие к Булгаковым люди видели эту невыразимую по трагичности картину борьбы за жизнь любимого человека, то у них возникала необходимость запечатлеть этот момент. Сестра Елены Сергеевны Ольга Бокшанская в такие минуты написала матери: «...Люся страшно изменилась... в глазах ее такой трепет, такая грусть... она все время находится в напряженнейшем желании бороться за его жизнь. «Я его не отдам, — говорит она, — я его вырву для жизни». Она его любит так сильно, это не похоже на обычное понятие любви...»

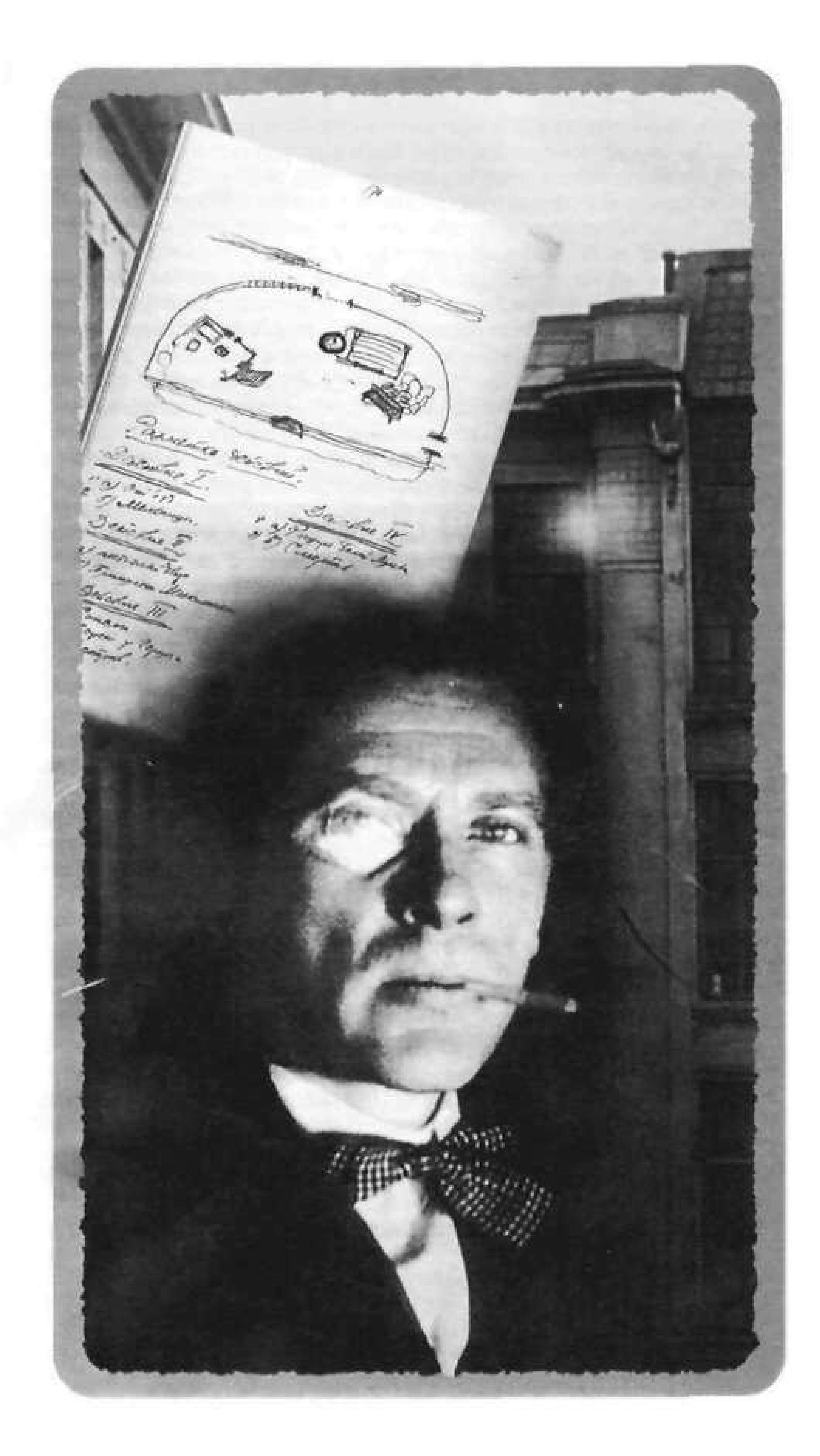
«Дневник Мастера и Маргариты» — это книга о жизни и творчестве одного из самых загадочных русских писателей двадцатого века. Это рассказ самого Булгакова и его подруги, музы и ангела-хранителя Елены Сергеевны Булгаковой. Это дневники и письма, выстроенные нами хронологически в форме единого текста, дающие уникальную возможность день за днем прожить рядом с писателем самые мучительные и плодотворные его годы — прожить и прикоснуться к тому, что почти всегда остается тайной за семью печатями, — внутреннему миру творца.

Виктор Лосев

литературные мемуары

ПОД ПЯТОЙ

Дневник и письма
М.А.Булгакова

1921

На Большой Садовой
Стоит дом здоровый.
Живет в доме наш брат
Организованный пролетариат.
И я затерялся между пролетариатом
Как какой-нибудь, извините за выражение,
Атом...

17 ноября

В.М.ВОСКРЕСЕНСКОЙ

Дорогая мама,
как Вы поживаете, как Ваше здоровье? <...>

Очень жалею, что в маленьком письме не могу Вам передать подробно, что из себя представляет сейчас Москва. Коротко могу сказать, что идет бешеная борьба за существование и приспособление к новым условиям жизни. Въехав $1^{1}/_{2}$ месяца тому назад в Москву, в чем был я, как мне кажется, добился maximuma того, что можно добиться за такой срок. Место я имею. Правда, это далеко не самое главное. Нужно уметь получать и деньги. И второго я, представьте, добился. Правда, пока еще в ничтожном масштабе. Но все же в этом месяце мы с Таськой уже кой-как едим, запаслись картошкой, она починила туфли, начинаем покупать дрова и т.д.

Работать приходится не просто, а с остервенением. С утра до вечера, и так каждый без перерыва день.

Идет полное сворачивание советских учреждений и сокращение штатов. Мое учреждение тоже попадет под него, и, по-видимому, доживает последние дни. Так что я без места буду в скором времени. Но это пустяки. Мной уже предприняты меры, чтобы не опоздать и вовремя перейти на частную службу. Вам, вероятно, уже известно, что только на ней или при торговле и можно существовать в Москве. <...>

Афанасий Иванович и Варвара Михайловна Булгаковы — отец и мать писателя.

Я предпринимаю попытки к поступлению в льняной трест. Кроме того, вчера я получил приглашение пока еще на невыясненных условиях в открывающуюся промышленную газету. Дело настоящее коммерческое, и меня пробуют. Вчера и сегодня я, так сказать, держал экзамен. Завтра должны выдать $^1/_2$ милл. аванса. Это будет означать, что меня оценили и, возможно тогда, что я получу заведование хроникой. Итак лен, промышленная газета и частная работа (случайная) — вот что предстоит. Путь поисков труда и специальность, намеченные мной еще в Киеве, оказались совершенно правильными. В другой специальности работать нельзя. Это означало бы, в лучшем случае, голодовку. <...>

Знакомств масса и журнальных, и театральных, и деловых просто. Это много значит в теперешней Москве, которая переходит к новой, невиданной в ней давно уже жизни — яростной конкуренции, беготне, проявлению инициативы и т.д. Вне такой жизни жить нельзя, иначе погибнешь. В числе погибших быть не желаю.

<...> Бедной Таське приходится изощряться изо всех сил, чтоб молотить рожь на обухе и готовить из всякой ерунды обеды. Но она молодец! Одним словом, бьемся оба как рыбы об лед. Самое главное — лишь бы была крыша. Комната Андрея мое спасение. С приездом Нади вопрос этот, конечно, грозно осложнится. Но я об этом пока не думаю, стараюсь не думать, п.ч. и так мой день есть день тяжких забот.

В Москве считают только на сотни тысяч и миллионы. Черный хлеб 4600 р. фунт, белый 14.000. И цена растет и растет! Магазины полны товаров, но что ж купишь! Театры полны, но вчера, когда я проходил по делу мимо Большого (я теперь уже не мыслю, как можно идти не по делу!), барышники продавали билеты по 75, 100, 150 т. руб! В Москве есть все: обувь, материи, мясо, икра, консервы, деликатесы — все! Открываются кафе, растут как грибы. И всюду сотни, сотни! Сотни!! Гудит спекулянтская волна.

Семья Булгаковых—Покровских на даче в Буче (под Киевом). Слева направо: верхний ряд — Михаил Булгаков, В.Богданов, И.Л.Булгакова; средний ряд — М.М.Покровский, Вера и Варвара Михайловна Булгаковы, Н.М.Покровский, Варя Булгакова, И.П.Воскресенский; нижний ряд — Надя Булгакова, Т.Н.Лаппа, Елена Булгакова, М.Лисянская. Лето 1914.

Я мечтаю только об одном: пережить зиму, не сорваться на декабре, который будет, надо полагать, самым трудным месяцем. Таськина помощь для меня не поддается учету: при огромных расстояниях, которые мне приходится ежедневно пробегать (буквально) по Москве, она спасает мне массу энергии и сил, кормя меня и оставляя мне лишь то, что уж сама не может сделать: колку дров по вечерам и таскание картошки по утрам.

Оба мы носимся по Москве в своих пальтишках. Я поэтому хожу как-то одним боком вперед (продувает почему-то левую сторону). Мечтаю добыть Татьяне теплую обувь. У нее ни черта нет, кроме туфель.

Но авось! Лишь бы комната и здоровье!

<...> Пишу это все еще с той целью, чтобы показать, в каких условиях мне приходится осуществлять свою idee-fixe. А заключается она в том, чтоб в 3 года восстановить норму — квартиру, одежду, пищу и книги. Удастся ли — увидим.

Не буду писать, потому что Вы не поверите, насколько мы с Таськой стали хозяйственны. Бережем каждое полено дров.

Такова школа жизни.

По ночам урывками пишу «Записки земского врача». Может выйти солидная вещь. Обрабатываю «Недуг». Но времени, времени нет! *Вот что больно для меня!* <...>

P.S. Самым моим приятным воспоминанием за последнее время является — угадайте, что?

Как я спал у Вас на диване и пил чай с французскими булками. Дорого бы дал, чтоб хоть на два дня опять так лечь, напившись чаю, и ни о чем не думать. Так сильно устал. <...>

1 декабря

Н.А.ЗЕМСКОЙ

...Я заведую хроникой «Торг. Пром. Вестн.», и если сойду с ума, то именно из-за него. Представляешь, что значит пустить част-

Т.Н.Лаппа — первая жена М.А.Булгакова.

ную газету?! Во 2 № должна пойти статья Бориса об авиации в промышленности, о кубатуре, штабелях и т. под. и т. под. Я совершенно ошалел. А бумага!! А если мы не достанем объявлений? А хроника!! А ценз!! Целый день как в котле.
Написал фельетон «Евгений Онегин» в «Экран» (театральный журнал). Не приняли. Мотив — годится не для театрального, а для литературного журнала. Написал посвященный Некрасову художественный фельетон «Муза мести». Приняли в Бюро худ. фельетонов при ГПП. Заплатили 100. Сдали в «Вестник искусств», который должен выйти при Тео ГПП. Заранее знаю, что или не выйдет журнал, или же «Музу» в последний момент кто-нибудь найдет не в духе... и т.д. Хаос.
Не удивляйся дикой небрежности письма. Это не нарочно, а потому что буквально до смерти устаю. Махнул рукой на все. Ни о каком писании не думаю. Счастлив только тогда, когда Таська поит меня горячим чаем. Питаемся мы с ней неизмеримо лучше, чем вначале. Хотел написать тебе длинное письмо с описанием Москвы, но вот что вышло...

1922

13 января

Н.А.ЗЕМСКОЙ

...В этом письме посылаю тебе корреспонденцию «Торговый ренессанс». Я надеюсь, что ты не откажешь (взамен и я постараюсь быть полезным тебе в Москве) отправиться в любую из киевских газет по твоему вкусу (предпочтительно большую ежедневную) и предложить ее срочно.

Результаты могут быть следующими:

1) ее не примут, 2) ее примут, 3) примут и заинтересуются. О первом случае говорить нечего. Если второе, получи по ставкам редакции гонорар и переведи его мне, удержав в свое пользование из него сумму, по твоему расчету необходимую тебе на почтовые и всякие иные расходы при корреспонденциях и делах со мной (полное твое усмотрение).

Если же 3, предложи меня в качестве столичного корреспондента по каким угодно им вопросам, или же для подвального художественного фельетона о Москве. Пусть вышлют приглашение и аванс. Скажи им, что я завед. хроникой в «Вестнике», профессиональный журналист. Если напечатают «Ренессанс», пришли *заказной* бандеролью два №. Я надеюсь, что ты извинишь меня за беспокойство. <...> Ты поймешь, что я должен испытывать сегодня, вылетая вместе с «Вестником» в трубу.

Одним словом, раздавлен. <...>

Надежда Булгакова (в замужестве Земская). 1912.

Рукопись фельетона М.А.Булгакова «Торговый ренессанс».

ДНЕВНИК М.А.БУЛГАКОВА

...Говорят, что «Яр» открылся!

Сильный мороз. Отопление действует, но слабо. И ночью холодно.

25 января
(Татьянин день)

Забросил я дневник. А жаль: за это время произошло много интересного.

Я до сих пор еще без места. Питаемся с женой плохо. От этого и писать не хочется.

Черный хлеб стал 20 тысяч фунт, белый <...> тысяч.

К дяде Коле силой, в его отсутствие <...> Москвы, вопреки всяким декретам <...> вселили парочку <...>

26 января

Вошел в бродячий коллектив актеров; буду играть на окраинах. Плата 125 за спектакль. Убийственно мало. Конечно, из-за этих спектаклей писать будет некогда, заколдованный круг.

Питаемся с женой впроголодь.

Не отметил, что смерть Короленко сопровождалась в газетах обилием заметок. Нежности.

Пил сегодня у Н.Г. водку.

9 февраля

Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем. Пришлось взять у дядьки немного муки, постного

масла и картошки. У Бориса миллион. Обегал всю Москву — нет места.

Валенки рассыпались.

<...> Возможно, что особняк З. заберут под детский голодный дом.

Ученый проф. Ч. широкой рукой выкидывает со списков, получающих академический паек, всех актеров, вундеркиндов (сын Мейерхольда получал академический паек!) и «ученых» типа Свердловского университета преподавателей. На академическом <...>

14 февраля

Вечером на Девичьем поле в бывших Женских курсах (ныне 2-й университет) был назначен суд над «Записками врача». В половине седьмого уже стояли черные толпы студентов у всех входов и ломились в них. Пришло несколько тысяч. В аудитории сло <...>

Вересаев очень некрасив, похож на пожилого еврея (очень хорошо сохранился). У него очень узенькие глаза, с набрякшими тяжелыми веками, лысина. Низкий голос. Мне он очень понравился. Совершено другое впечатление, чем тогда на его лекции. Быть может, по контрасту с профессорами. Те ставят нудные тяжелые вопросы, Вересаев же близок к студентам, которые хотят именно жгучих вопросов и правды в их разрешении. Говорит он мало. Но когда говорит, как-то умно и интеллигентно все у него выходит.

С ним были две дамы, по-видимому, жена и дочь. Очень мила жена. <...>

15 февраля

Погода испортилась. Сегодня морозец. Хожу в остатках подметок. Валенки пришли в негодность. Живем впроголодь. Кругом должен.

«Должность» моя в военно-редакционном совете сведется к побе<...>

<...>жении республики в пожарном отношении в катастрофическом положении. Да в каком отношении оно не в катастрофическом? Если не будет в Генуе конференции, спрашивается, что мы будем делать.

16 февраля

Вот и не верь приметам! Встретил похороны и <...> 1) есть кажется в газете «Рабочий <...>

24 марта

Н.А.ЗЕМСКОЙ

...Жизнь московскую описывать не стану. Это нечто столь феерическое, что нужно страниц 8 специально посвященных ей.

Н.М.Покровский с племянниками — Верой, Николаем, Варварой и Надеждой Булгаковыми. Ессентуки, 1912.

Иначе понять ее нельзя. <...> На всякий случай упомяну две-три детали, дернув их наобум.

Самое характерное, что мне бросилось в глаза: 1) человек плохо одетый — пропал; 2) увеличивается количество трамваев и, по слухам, прогорают магазины, театры (кроме «гротесков») прогорают, частные художественные издания лопаются. Цены сообщить невозможно, потому что процесс падения валюты принял галопирующий характер, и иногда создается разница при покупке днем и к вечеру. <...>

Прочее, повторяю, неописуемо. Замечателен квартирный вопрос. По счастью, для меня тот кошмар в 5-м этаже, среди которого я $^1/_2$ года бился за жизнь, стоит дешево (за март около 700 тыс.). <...>

Работой я буквально задавлен. Не имею времени писать и заниматься, как следует, французским языком. Составляю себе библиотеку (у букинистов — наглой и невежественной сволочи — книги дороже, чем в магазинах). <...>

Сейчас 2 часа ночи. Настолько устал, что даже не отдаю себе отчета: что я, собственно, написал! Пустяки какие-то написал, а важное, кажется, забыл...

В.А.БУЛГАКОВОЙ

...Я очень много работаю; служу в большой газете «Рабочий» и зав. издат. в Научн. Техн. Комит. У Бориса Михайловича Земского. Устроился только недавно. Самый ужасный вопрос в Москве — квартирный. Живу в комнате, оставленной мне по отъезде Андреем Земским. Больш. Садовая, 10, кв. 50. Комната скверная, соседство тоже, оседлым себя не чувствую, устроиться в нее стоило больших хлопот. О ценах московских и писать не буду, они невероятны. Я получаю жалования около 45 миллионов в месяц (по мартовскому курсу). Этого мало. Нужно напрягаться, чтобы заработать еще. Знакомых у меня в Москве очень много (журнальный и артистический мир), но редко кого вижу, потому что горю в работе и мечусь по Москве исключительно по газетным делам. <...>

А.Н.Толстой и Н.В.Крандиевская.

1923

23 января

В.А.БУЛГАКОВОЙ

Дорогая Вера,
спасибо вам всем за телеграфный привет. Я очень обрадовался, узнав, что ты в Киеве. К сожалению, из телеграммы не видно — совсем ли ты вернулась или временно? Моя мечта, чтобы наши все осели бы, наконец, на прочных гнездах в Москве и в Киеве.

Я думаю, что ты и Леля, вместе и дружно, могли бы наладить жизнь в том углу, где мама налаживала ее. Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что лучше было бы и Ивану Павловичу, возле которого остался бы кто-нибудь из семьи, тесно с ним связанной и многим ему обязанной. С печалью я каждый раз думаю о Коле и Ване, о том, что сейчас мы никто не можем ничем облегчить им жизнь. С большой печалью я думаю о смерти матери и о том, что, значит, в Киеве возле Ивана Павловича никого нет. Мое единственное желание, чтобы твой приезд был не к разладу между нашими, а наоборот, связал бы киевлян. Вот почему я так обрадовался, прочитав слова «дружной семьей». Это всем нам — самое главное. Право, миг доброй воли, и вы зажили бы прекрасно. Я сужу по себе: после этих лет тяжелых испытаний я больше всего ценю покой! Мне так хотелось бы быть среди своих. Ничего не поделаешь. Здесь в Москве, в условиях неизмеримо более трудных, чем у вас, я все же думаю пустить жизнь в нормальное русло. <...>

Моя большая просьба к тебе: живите дружно в память о маме.

Я очень много работаю и смертельно устаю. Может быть, весной мне удастся ненадолго съездить в Киев, я надеюсь, что застану тебя, повидаю Ивана Павловича. Если ты обживешься в Киеве, посоветуйся с Иваном Павловичем и Варварой, нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы сохранить мамин участок в Буче. Смертельно мне будет жаль, если пропадет он. <...>

Твой брат Михаил.

Автопортрет А.Н.Толстого с шуточной надписью и автографы Булгакова, С.Калменса, М.Левидова. 1923.

24 мая

Давно не брался за дневник. 21 апреля я уехал из Москвы в Киев и пробыл в нем до 10-го мая. В Киеве делал себе операцию (опухоль за левым ухом). На Кавказ, как собирался, не попал. 12-го мая вернулся в Москву. И вот тут начались большие события. Советского представителя Вацлава Вацловича Воровского убил Конради в Лозанне. 12-го в Москве была грандиозно инсценированная демонстрация. Убийство Воровского совпало с ультиматумом Керзона России: взять обратно дерзкие ноты Вайнштейна, отправленные через английского торгового представителя в Москве, заплатить за задержанные английские рыбачьи суда в Белом море, отказаться от пропаганды на Востоке и т.д. и т.д.

В воздухе запахло разрывом и даже войной. Общее мнение, правда, что ее не будет. Да оно и понятно, как нам с Англией воевать? Но вот блокада очень может быть. Скверно то, что зашевелились и Польша, и Румыния (Фош сделал в Польшу визит). Вообще мы накануне событий. Сегодня в газетах слухи о посылке английских военных судов в Белое и Черное моря и сообщение, что Керзон и слышать не хочет ни о каких компромиссах и требует от Красина (тот после ультиматума немедленно смотался в Лондон на аэроплане) точного исполнения по ультиматуму.

Москва живет шумной жизнью, в особенности по сравнению с Киевом. Преимущественный признак — море пива выпивают в Москве. И я его пью помногу. Да вообще последнее время размотался. Из Берлина приехал граф Алексей Толстой. Держит себя распущенно и нагловато. Много пьет.

Патриарх Тихон. 1920.

Я выбился из колеи — ничего не писал 1 $^{1}/_{2}$ месяца.

11 июля.
Среда

Самый большой перерыв в моем дневнике. Между тем происшедшее за это время чрезвычайно важно.
Нашумевший конфликт с Англией кончился тихо, мирно и позорно. Правительство пошло на самые унизительные уступки, вплоть до уплаты денежной компенсации за расстрел двух английских подданных, которых советские газеты упорно называют шпионами.
Недавно же произошло еще более замечательное событие: патриарх Тихон вдруг написал заявление, в котором отрекается от своего заблуждения по отношению к советской власти, объявляет, что он больше не враг ей и т.д.

Его выпустили из заключения. В Москве бесчисленные толки, а в белых газетах за границей — буря. Не верили... комментировали и т.д.

На заборах и стенах позавчера появилось воззвание патриарха, начинающееся словами: «Мы, Божьей милостью, патриарх московский и всея Руси...»

Смысл: советской власти он друг, белогвардейцев осуждает, но живую церковь также осуждает. Никаких реформ в церкви, за исключением новой орфографии и стиля.

Невероятная склока теперь в Церкви. Живая церковь беснуется. Они хотели патриарха Тихона совершенно устранить, а теперь он выступает, служит etc.

Стоит отвратительное, холодное и дождливое лето.

Хлеб белый — 14 миллионов фунт. Червонцы (банкноты) ползут в гору и сегодня 832 миллиона.

25 июля

Лето 1923 г. в Москве исключительное. Дня не проходит без того, чтобы не лил дождь и иногда по нескольку раз. В июне было два знаменитых ливня, когда на Неглинном провалилась мостовая и заливало мостовые. Сегодня было нечто подобное — ливень с крупным градом.

Жизнь идет по-прежнему сумбурная, быстрая, кошмарная. К сожалению, я трачу много денег на выпивки. Сотрудники «Гудка» пьют много. Сегодня опять пиво. Играл на Неглинном на биллиарде. «Гудок» два дня как перешел на Солянку во «Дворец труда», и теперь днем я расстоянием отрезан от «Накануне».

Дела литературные вялы. Книжка в Берлине до сих пор не вышла, пробиваюсь фельетонами в «Накануне». Роман из-за «Гудка», отнимающего лучшую часть дня, почти не подвигается.

Москва оживлена чрезвычайно. Движения все больше.

Банкнот (червонец) сегодня стал 975 милл., а золотой рубль — 100. Курс Госбанка.

Здорово?

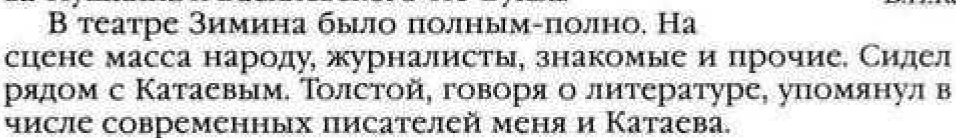
22 августа

Месяцами я теперь не берусь за дневник и пропускаю важные события.

В.П.Катаев.

27 августа.
Ночь

Только что вернулся с лекции сменовеховцев: проф. Ключникова, Ал.Толстого, Бобрищева-Пушкина и Василевского-Не-Буква.

В театре Зимина было полным-полно. На сцене масса народу, журналисты, знакомые и прочие. Сидел рядом с Катаевым. Толстой, говоря о литературе, упомянул в числе современных писателей меня и Катаева.

Книжки «Записки на манжетах» до сих пор нет.

«Гудок» изводит, не дает писать.

2 сентября.
Воскресенье

Сегодня банкноты, с Божьей помощью, 2050 руб. (2 миллиарда 50 милл.), и я сижу в долгу, как в шелку. Денег мало, будущее темновато.

Вчера приехали к нам Софочка с матерью, мужем и ребенком. Проездом в Саратов. Завтра должны уехать со скорым поездом туда, где когда-то жизнь семьи была прекрасна, теперь будет кочевье, скудость и тяжесть.

Сегодня я с Катаевым ездил на дачу к Алексею Толстому (Иваньково). Он сегодня был очень мил. Единственно, что плохо, это плохо исправимая манера его и жены богемно обращаться с молодыми писателями.

Все, впрочем, искупает его действительно большой талант.

Когда мы с Катаевым уходили, он проводил нас до плотины. Половина луны была на небе, вечер звездный, тишина, Толстой говорил о том, что надо основать неореальную школу. Он стал даже немного теплым:

— Поклянемся, глядя на луну...

Он смел, но он ищет поддержки и во мне и в Катаеве. Мысли его о литературе всегда правильны и метки, порой великолепны.

Среди моей хандры и тоски по прошлому, иногда, как сейчас, в этой нелепой обстановке временной тесноты, в гнусной комнате гнусного дома, у меня бывают взрывы уверен-

ности и силы. И сейчас я слышу в себе, как взмывает моя мысль, и верю, что я неизмеримо сильнее как писатель всех, кого я ни знаю. Но в таких условиях, как сейчас, я, возможно, пропаду.

3 сентября.
Понедельник

После ужасного лета установилась чудная погода. Несколько дней уже яркое солнце, тепло.

Я каждый день ухожу на службу в этот свой «Гудок» и убиваю в нем совершенно безнадежно свой день.

Жизнь складывается так, что денег мало, живу я, как и всегда, выше моих скромных средств. Пьешь и ешь много и хорошо, но на покупки вещей не хватает.

Без проклятого пойла — пива не обходится ни один день. И сегодня я был в пивной на Страстной площади с А.Толстым, Калменсом, конечно, хромым «Капитаном», который возле графа стал как тень.

Сегодня уехали родные в Саратов.

Сегодня днем получилась телеграмма Роста: в Японии страшное землетрясение. Разрушена Иокогама, горит Токио, море хлынуло на берег, сотни тысяч погибших, императорский дворец разрушен, и судьба императора неизвестна.

И сегодня же, точно еще не знаю, мельком видел какую-то телеграмму о том, что Италия напала на Грецию.

Что происходит в мире?

Толстой рассказывал, как он начинал писать. Сперва стихи. Потом подражал. Затем взял помещичий быт и исчерпал его до конца. Толчок его творчеству дала война.

9 сентября.
Воскресенье

Сегодня опять я ездил к Толстому на дачу и читал у него свой рассказ «Дьяволиада». Он хвалил, берет этот рассказ в Петербург и хочет пристроить его в журнал «Звезда» со своим предисловием. Но меня-то самого рассказ не удовлетворяет.

Уже холодно. Осень. У меня как раз безденежный период. Вчера я, обозлившись на вечные прижимки Калменса, отказался взять у него предложенные мне 500 рублей и из-за этого сел в калошу. Пришлось занять миллиард у Толстого (предложила его жена).

18 сентября.
Вторник

В своем дневнике я, отрывочно записывая происходящее, ни разу не упомянул о том, что происходит в Германии.

А происходит там вот что: германская марка катастрофически падает. Сегодня, например, сообщение в советских газетах, что доллар стоит 125 миллионов марок! Во главе правительства стоит некий Штреземан, которого советские газеты называют германским Керенским. Компартия из кожи вон лезет, чтобы поднять в Германии революцию и вызвать кашу. Радек на больших партийных собраниях категорически заявляет, что революция в Германии уже началась.

Действительно, в Берлине уже нечего жрать, в различных городах происходят столкновения. Возможное: победа коммунистов — и тогда наша война с Польшей и Францией, или победа фашистов — (император в Германии etc.) и тогда ухудшение советской России. Во всяком случае, мы накануне больших событий.

Сегодня нездоров. Денег мало. Получил на днях известие о Коле (его письмо); он болен (малокровие), удручен, тосклив. Написал в «Накануне» в Берлин, чтобы ему выслали 50 франков. Надеюсь, что эта сволочь исполнит.

Сегодня у меня был А.Эрлих, читал мне свой рассказ. Коморский и Дэви. Пили вино, болтали. Пока у меня нет квартиры — я не человек, а лишь полчеловека.

25 сентября.
Вторник. Утро

Вчера узнал, что в Москве раскрыт заговор. Взяты: в числе прочих Богданов, председатель ВСНХ! и Краснощеков, председатель Промбанка! И коммунисты. Заговором руководил некий Мясников, исключенный из партии и сидящий в Гамбурге. В заговоре были некоторые фабзавкомы (металлистов). Чего хочет вся эта братия — неизвестно, но, как мне сообщила одна коммунистка, заговор «левый»(!) — против НЭПа!

В «Правде» и других органах начинается бряцание оружием по поводу Германии (хотя там и нет, по-видимому, надежд на революцию, т.к. штреземановское правительство сговаривается с французским). Кажется, в связи с такими статьями червонец на черной бирже пошел уже ниже курса Госбанка.

Qui vivra — verra![1]

30 сентября

Вероятно, потому, что я консерватор до... «мозга костей» хотел написать, но это шаблонно, ну, словом, консерватор, всегда в старые праздники меня влечет к дневнику. Как жаль, что я не помню, в какое именно число сентября я приехал два года тому назад в Москву. Два года! Многое ли изменилось за это время? Конечно, многое. Но все же вторая годовщина меня застает все в той же комнате и все таким же изнутри.

Болен я, кроме всего прочего...

---

[1] Поживем — увидим! *(лат.)*. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. сост.*

Во-первых, о политике: все о той же гнусной и неестественной политике. В Германии идет все еще кутерьма. Марка, однако, начала повышаться в связи с тем, что немцы прекратили пассивное сопротивление в Руре. Но зато в Болгарии идет междоусобица. Идут бои с... коммунистами! Врангелевцы участвуют, защищая правительство.

Для меня нет никаких сомнений в том, что эти второстепенные славянские государства, столь же дикие, как и Россия, представляют великолепную почву для коммунизма.

Наши газеты всячески раздувают события, хотя, кто знает, может быть, действительно мир раскалывается на две части — коммунизм и фашизм.

Что будет — никому не известно.

Москва по-прежнему чудная какая-то клоака. Бешеная дороговизна, и уже не на эти дензнаки, а на золото. Червонец сегодня — 4000 руб. дензнаки 1923 г. (4 миллиарда).

По-прежнему и даже еще больше, чем раньше, нет возможности ничего купить из одежды.

Если отбросить мои воображаемые и действительные страхи жизни, можно признаться, что в жизни моей теперь крупный дефект только один — отсутствие квартиры.

В литературе я медленно, но все же иду вперед. Это я знаю твердо. Плохо лишь то, что у меня никогда нет ясной уверенности, что я действительно хорошо написал. Как будто пленка какая-то застилает мой мозг и сковывает руку в то время, когда мне нужно описывать то, во что я так глубоко и по-настоящему (это-то я твердо знаю) проникаю мыслью и чувством.

5 октября.
Пятница

Во-первых, политические события.

В Болгарии начисто разбили коммунистов. Повстанцы частью перебиты, частью бежали через границу в Югославию. В числе бежавших заправилы — Коларов и Димитров. Болгарское правительство (Цанков) требует выдачи их. По совершенно точным сообщениям, доконали большевиков (поскольку, конечно, верно, что повстанцы большевики) Врангель с его войсками.

В Германии, вместо ожидавшейся коммунистической революции, получился явный и широкий фашизм. Кабинет Штраземана подал в отставку, составляется деловой кабинет. Центр фашизма в руках Кара, играющего роль диктатора, и Гитлера, составляющего какой-то «Союз». Все это в Баварии, из которой, по-видимому, может вылезти в один прекрасный день кайзер. Марка, однако, продолжает падать. Сегодня в «Известиях» официальный курс доллара 440 миллионов марок, а неофициальный — 500.

В «Известиях» же передовая Виленского-Сибирякова о том, что всюду неспокойно и что белогвардейцы опять ухватились за мысль об интервенции. Письмо Троцкого к артиллерийским частям Западно-Сибирского округа еще красочнее. Там он прямо говорит, что, в случае чего, «он рассчитывает на красноармейцев, командиров и политработников»...

В Японии продолжаются толчки. На острове Формозе было землетрясение.

Что только происходит в мире!

18 октября.
Четверг. Ночь

Сегодня берусь за мой дневник с сознанием того, что он важен и нужен.

Теперь нет уже никаких сомнений в том, что мы стоим накануне грандиозных и, по всей вероятности, тяжких событий. В воздухе висит слово «война». Второй день, как по Москве расклеен приказ о призыве молодых годов (последний — 1898 г.). Речь идет о так называемом «территориальном сборе». Дело временное, носит характер учебный, тем не менее вызывает вполне понятные слухи, опасения, тревогу...

Сегодня Константин приехал из Петербурга. Никакой поездки в Японию, понятное дело, не состоится, и он возвращается в Киев. Константин рассказывал, что будто бы в Петербургском округе призван весь командный состав 1890 года! В Твери и Клину расклеены приказы о территориальном обучении. Сегодня мне передавал... что есть еще более веские признаки войны. Будто бы журнал «Крокодил» собирается на фронт.

События же вот в чем. Не только в Германии, но уже и в Польше происходят волнения. В Германии Бавария является центром фашизма, Саксония — коммунизма. О, конечно, не может быть и речи о том, чтобы это был коммунизм нашего типа, тем не менее в саксонском правительстве три министра коммуниста — Геккерт, Брандлер и Бетхер. Заголовки в «Известиях» — «Кровавые столкновения в Берлине», «Продовольственные волнения» и т.д. Марка упала невероятно. Несколько дней назад доллар стоил уже несколько миллиардов марок! Сегодня нет телеграммы о марке — вероятно, она стоит несколько выше.

В Польше, по сообщению «Известий», забастовка горнорабочих, вспыхнувшая в Домбровском районе и распространившаяся на всю (?) страну. Террор против рабочих организаций и т. д.

Возможно, что мир, действительно, накануне генеральной схватки между коммунизмом и фашизмом.

Если развернутся события, первое, что произойдет, это война большевиков с Польшей.

Теперь я буду вести записи аккуратно.

В Москве несколько дней назад произошел взрыв пороха в охотничьем магазине на Неглинном. Катастрофа грандиозна. С разрушением дома и обильными жертвами.

Сегодня был у доктора, посоветоваться насчет боли в ноге. Он меня очень опечалил, найдя меня в полном беспорядке. Придется серьезно лечиться. Чудовищнее всего то, что я боюсь слечь, потому что в милом органе, где я служу, под меня подкапываются и безжалостно могут меня выставить.

Вот, черт бы их взял.

Червонец, с Божьей помощью, сегодня 5500 млн. рублей ($5\,^1/_2$ миллиардов). Французская булка стоит 17 миллионов, фунт белого хлеба — 65 миллионов. Яйца, десяток, вчера стоили 200 млн. рублей. Москва шумна. Возобновил маршруты трамвай № 24 (Остоженка).

О «Записках на манжетах» ни слуху ни духу. По-видимому, кончено.

19 октября.
Пятница. Ночь

На политическом горизонте то же — изменений резких нет.

Сегодня вышел гнусный день. Род моей болезни таков, что, по-видимому, на будущей неделе мне придется слечь. Я озабочен вопросом, как устроить так, чтобы в «Гудке» меня не сдвинули за время болезни с места. Второй вопрос, как летнее пальто жены превратить в шубу.

День прошел сумбурно, в беготне. Часть этой беготни была затрачена (днем и вечером) на «Трудовую копейку». В ней потеряли два моих фельетона. Возможно, что Кольцов (редактор «Копейки») их забраковал. Я не мог ни найти оригиналы, ни добиться ответа по поводу их. Махнул в конце концов рукой.

Завтра Гросс (редактор финансового отдела «Копейки») даст мне ответ по поводу фельетона о займе и, возможно, 3 червонца.

Вся надежда на них.

«Накануне» в этот последний период времени дает мне мало (там печатается мой фельетон в 4-х номерах о выставке). Жду ответа из «Недр» насчет «Дьяволиады».

В общем, хватает на еду и мелочи, а одеться не на что. Да, если бы не болезнь, я бы не страшился за будущее.

Итак, будем надеяться на Бога и жить. Это единственный и лучший способ.

Поздно вечером заходил к дядькам. Они стали милее. Дядя Миша читал на днях мой последний рассказ «Псалом» (я ему дал) и расспрашивал меня сегодня, что я хотел сказать и т.д. У них уже больше внимания и понимания того, что я занимаюсь литературой.

Начинается дождливое, слякотное время осени.

22 октября.
Понедельник. Ночь

Сегодня в «Известиях» помещена речь Троцкого, которую он на днях произнес на губернском съезде металлистов.

Л.Д.Троцкий.

Вот выдержки из нее:

«...Германская коммунистическая партия растет из месяца в месяц.

...В Германии наметились два плацдарма *предстоящих* боев: фашистская Бавария и пролетарские Саксония и Тюрингия...

...Вообще раскачка идет в Германии во все стороны со дня на день и с часа на час.

...Мы подошли к открытой борьбе...

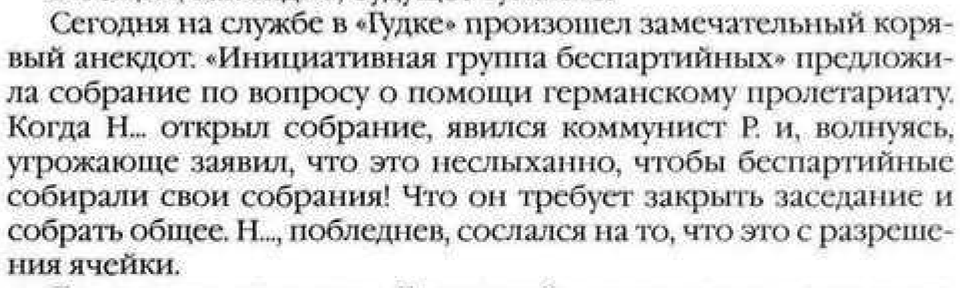
...Уже теперь некоторые нетерпеливые товарищи говорят, что война с Польшей неизбежна. Я этого не думаю, наоборот, есть много данных за то, что войны с Польшей не будет...

...Мы войны не хотим...

...Война — это уравнение со многими неизвестными...

...Физической помощи германской революции не надо...»

В общем, как видно, будущее туманно.

Сегодня на службе в «Гудке» произошел замечательный корявый анекдот. «Инициативная группа беспартийных» предложила собрание по вопросу о помощи германскому пролетариату. Когда Н... открыл собрание, явился коммунист Р. и, волнуясь, угрожающе заявил, что это неслыханно, чтобы беспартийные собирали свои собрания! Что он требует закрыть заседание и собрать общее. Н..., побледнев, сослался на то, что это с разрешения ячейки.

Дальше пошло просто. Беспартийные, как один, голосовали, чтобы партийцы пригласили партийных и говорили льстивые слова. Партийные явились и за это вынесли постановление, что они дают вдвое больше беспартийных (беспартийные — однодневный, партийные — двухдневный заработок), наплевав, таким образом, беспартийным ослам в самую физиономию.

Когда голосовали, кого выбрать в редакционную комиссию, дружно предложили меня. И.Кочетков встал и сейчас же предложил другой состав. Чего он на меня взъедается — не знаю.

«Территориальные сборы», кажется, смахивают на обыкновеннейшую мобилизацию. По крайней мере, портниха Тоня, что принесла мне мерить блузу, сообщила, что 1903-й год пошел в казармы на 1,5 года.

Я ее спросил, с кем будем воевать. Она ответила:

— С... Германией. С немцами опять будем воевать (!!!!).

Червонец — 6200 — 6350!

Слякоть. Туманно слегка.

26 октября.
Пятница. Вечер

Я нездоров, и нездоровье мое неприятное, потому что оно может вынудить меня лечь. А это в данный момент может повредить мне в «Гудке». Поэтому и расположение духа у меня довольно угнетенное.

Сегодня я пришел из «Гудка» рано. Днем лежал. По дороге из «Гудка» заходил в «Недра» к П.Н.Зайцеву. Повесть моя «Дьяволиада» принята, но не дают больше, чем 50 руб. за лист. И денег не будет раньше следующей недели. Повесть дурацкая, ни к черту негодная. Но Вересаеву (он один из редакторов «Недр») очень понравилась.

В минуты нездоровья и одиночества предаюсь печальным и завистливым мыслям. Горько раскаиваюсь, что бросил медицину и обрек себя на неверное существование. Но, видит Бог, одна только любовь к литературе и была причиной этого.

Литература теперь трудное дело. Мне с моими взглядами, волей-неволей выливающимися в произведениях, трудно печататься и жить.

Нездоровье же мое при таких условиях тоже в высшей степени не вовремя.

Но не будем унывать. Сейчас я просмотрел «Последнего из могикан», которого недавно купил для своей библиотеки. Какое обаяние в этом старом сентиментальном Купере! Тип Давида, который все время распевает псалмы, и навел меня на мысль о Боге.

Может быть, сильным и смелым он не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о нем легче. Нездоровье мое осложненное, затяжное. Весь я разбит. Оно может помешать мне работать, вот почему я боюсь его, вот почему я надеюсь на Бога.

Сегодня, придя домой, ждал возвращения Таси (у нее ключи) у соседа-пекаря. Он заговаривал на политические темы. Поступки власти считает жульническими (облигации etc). Рассказывал, что двух евреев комиссаров в Краснопресненском совете избили явившиеся на мобилизацию за наглость и угрозы наганом. Не знаю, правда ли. По словам пекаря, настроение мобилизованных весьма неприятное. Он же, пекарь, жаловался, что в деревнях развивается хулиганство среди молодежи. В голове у малого то же, что и у всех — себе на уме, прекрасно понимает, что большевики жулики, на войну идти не хотят, о международном положении никакого понятия.

Дикий мы, темный, несчастный народ.

Червонец — 6500 руб. Утешаться можем маркой: один доллар — 69 миллиардов марок. В Гамбурге произошли столкновения между рабочими и полицией. Побили рабочих. Ничего подобного нашему в Германии никогда не будет. Это общее мнение. Лидин, приехавший из Берлина, по словам Соколова-Микитова, которого я видел сегодня в «Накануне», утверждает, что в «Известиях» и «Правде» брехня насчет Германии.

Это несомненно так.

Интересно: Соколов-Микитов подтвердил мое предположение о том, что Ал. Дроздов — мерзавец. Однажды он в шутку позвонил Дроздову по телефону, сказал, что он Марков 2-й, что у него есть средства на газету и просил принять участие. Дроздов радостно рассыпался в полной готовности. Это было перед самым вступлением Дроздова в «Накануне».

Мои предчувствия относительно людей никогда меня не обманывают. Никогда. Компания исключительной сволочи группируется вокруг «Накануне». Могу себя поздравить, что я в их среде. О, мне очень туго придется впоследствии, когда нужно будет соскребать накопившуюся грязь со своего имени. Но одно могу сказать с чистым сердцем перед самим собою. Железная необходимость вынудила меня печататься в нем. Не будь «Накануне», никогда бы не увидали света ни «Записки на манжетах», ни многое другое, в чем я могу правдиво сказать литературное слово. Нужно было быть исключительным героем, чтобы молчать в течение четырех лет, молчать без надежды, что удастся открыть рот в будущем. Я, к сожалению, не герой.

Но мужества во мне теперь больше, о, гораздо больше, чем в 21-м году. И если б не нездоровье, я бы тверже смотрел в свое туманное черное будущее.

От Коли нет письма. С Киевом запустил переписку безнадежно.

27 октября.
Суббота. Вечер

Вечером разлилось зарево. Я был в это время в Староконюшенном переулке. Народ выскакивал, смотрел. Оказалось — горит выставка.

После Староконюшенного, от доктора, забежал на Пречистенку. Разговоры обычные, но уже с большим оттенком ярости и надежды.

В душе — сумбур. Был неприятно взволнован тем, что, как мне показалось, доктор принял меня сухо. Взволнован и тем, что доктор нашел у меня улучшение процесса. Помоги мне, Господи.

Сейчас смотрел у Семы гарнитур мебели, будуарный, за очень низкую плату — 6 червонцев. Решили с Тасей купить, если согласятся отсрочить платеж до следующей недели. Завтра это выяснится. Иду на риск — на следующей неделе в «Недрах» должны уплатить за «Дьяволиаду».

29 октября.
Понедельник. Ночь

Сегодня впервые затопили. Я весь вечер потратил на замазывание окон. Первая топка ознаменовалась тем, что знаменитая Аннушка оставила на ночь окно в кухне настежь открытым. Я положительно не знаю, что делать со сволочью, что населяет эту квартиру.

У меня в связи с болезнью тяжелое нервное расстройство, и такие вещи меня выводят из себя.

Новая мебель со вчерашнего дня у меня в комнате. Чтобы в срок уплатить, взял взаймы у Мозалевского 5 червонцев.

Сегодня вечером были Митя Стонов и Гайдовский, приглашали сотрудничать в журнале «Город и деревня». Потом Андрей. Он читал мою «Дьяволиаду». Говорил, что у меня новый жанр и редкая стремительная фабула.

На выставке горел только павильон Моссельпрома и быстро был потушен. Полагаю, что это несомненный поджог.

6 ноября.
Вторник. Вечер

Недавно ушел от меня Коля Гладыревский, он лечит меня. После его ухода я прочел плохо написанную, бездарную книгу Мих. Чехова о его великом брате. И читаю мастерскую книгу Горького «Мои университеты».

Теперь я полон размышления и ясно как-то стал понимать — нужно мне бросить смеяться. Кроме того — в литературе вся моя жизнь. Ни к какой медицине я никогда больше не вернусь. Несимпатичен мне Горький как человек, но какой это огромный, сильный писатель и какие страшные и важные вещи говорит он о писателе.

Сегодня, часов около пяти, я был у Лежнева, и он сообщил мне две важные вещи: во-первых, о том, что мой рассказ «Псалом» (в «Накануне») великолепен, «как миниатюра» («я бы его напечатал»), и 2-е, что «Накануне» всеми презираемо и ненавидимо. Это меня не страшит. Страшат меня мои 32 года и брошенные на медицину годы, болезни и слабость. У меня за ухом дурацкая опухоль <...> уже два раза оперированная. Из Киева писали начать рентгенотерапию. Теперь я боюсь злокачественного развития. Боюсь, что шалая, обидная, слепая болезнь прервет мою работу. Если не прервет, я сделаю лучше, чем «Псалом».

Я буду учиться теперь. Не может быть, чтобы голос, тревожащий сейчас меня, не был вещим. Не может быть. Ничем иным я быть не могу, я могу быть одним — писателем.

Посмотрим же и будем учиться, будем молчать.

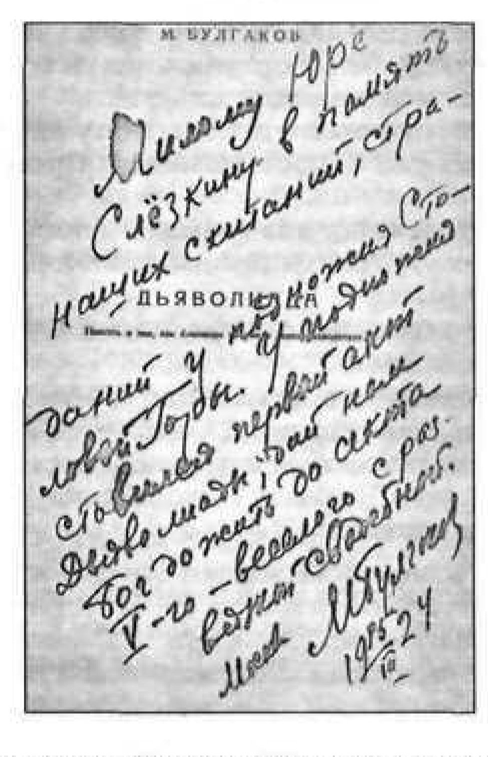
1924

8 января

Сегодня в газетах: бюллетень о состоянии здоровья Л.Д.Троцкого.

Начинается словами: «Л.Д.Троцкий 5-го ноября прошлого года болел инфуэнцией...», кончается: «отпуск с полным освобождением от всяких обязанностей, на срок не менее 2-х месяцев». Комментарии к этому историческому бюллетеню излишни.

Итак, 8-го января 1924 г. Троцкого выставили. Что будет с Россией, знает один Бог. Пусть он ей поможет!

Ю.Л.Слезкин и книга Булгакова «Дьяволиада» с дарственной надписью.

Сегодня вечер у Бориса. Мы только что вернулись с женой. Было очень весело. Я пил вино, и сердце мое не болит.

Червонец — 3,6 миллиарда...

22 января

Сейчас только что (пять с половиною часов вечера) Семка сообщил, что Ленин скончался. Об этом, по его словам, есть официальное сообщение.

25 февраля.
Понедельник

Сегодня вечером получил от Петра Никаноровича свежий номер «Недра». В нем моя повесть «Дьяволиада». Это было во время чтения моего — я читал куски из «Белой гвардии» у Веры Оскаровны З.

По-видимому, и в этом кружке производило впечатление. Вера Оскаровна просила продолжать у нее же.

Итак, впервые я напечатан не на газетных листах и не в тонких журналах, а *в книге-альманахе.* Да-с. Скольких мучений стоит! Скольких?

«Записки на манжетах» похоронены.

15 апреля.
Вторник

Злобой дня до сих пор является присланная неделю назад телеграмма Пуанкаре, присланная советскому правительству. В этой телеграмме Пуанкаре позволил себе вмешаться в судеб-

ное разбирательство по делу Киевского областного «Центра действия» (контрреволюционная организация) и серьезно просит не выносить смертных приговоров.

В газетах приводятся ответы и отклики на эту телеграмму киевских и иных профессоров. Тон их холуйский. Происхождение их понятно.

В газетах травля проф. Головина (офтальмолога) — он в обществе офтальмологов ухитрился произнести черносотенную речь.

Сегодня в «Гудке» кино снимало сотрудников. Я ушел, потому что мне не хочется сниматься.

В Москве многочисленные аресты лиц с «хорошими» фамилиями. Вновь высылки. Был сегодня Д.Кисельгоф. Тот, по обыкновению, полон фантастическими слухами. Говорит, что будто по Москве ходит манифест Николая Николаевича. Черт бы взял всех Романовых! Их не хватало.

Идет кампания перевыборов правлений жилищных товариществ (буржуев выкинуть, заменить рабочими). Единственный дом, где этого нельзя сделать — наш. В правлении ни одного буржуя. Заменять некого.

Весна трудная, холодная. До сих пор мало солнца.

16 апреля.
Среда. Ночь

Только что вернулся из Благородного Собрания (ныне дом Союзов), где было открытие съезда железнодорожников. Вся редакция «Гудка», за очень немногими исключениями, там. Я в числе прочих назначен править стенограмму.

В круглом зале, отделенном портьерой от Колонного зала, бил треск машинок, свет люстр, где в белых матовых шарах горят электрические лампы. Калинин, картавящий и сутуловатый, в синей блузе, выходил, что-то говорил. При свете ослепительных киноламп вели киносъемку во всех направлениях.

После первого заседания был концерт. Танцевали Мордкин и балерина Кригер. Мордкин красив, кокетлив. Пели артисты Большого театра. Пел в числе других Викторов — еврей — драматический тенор с отвратительным, пронзительным, но громадным голосом. И пел некий Головин, баритон из Большого театра. Оказывается, он бывший дьякон из Ставрополя. Явился в Ставропольскую оперу и через три месяца пел Демона, а через год-полтора оказался в Большом. Голос его бесподобен.

17 апреля.
Четверг

В 7 $^{1}/_{2}$ часов вечера на съезде появился Зиновьев. Он быстро прошел круглый зал, с наигранной скромностью справляясь, где раздеться, прошел в комнату президиума, там разделся и поднялся на трибуну. Его встретили аплодисментами, прервавшими предыдущего оратора, который что-то мямлил. Опять

засветили юпитера и его снимали. Возможно, что в фокус попал и я.

Он говорил долго, часть его речи я слышал. Говорил он о международном положении, причем ругал Макдональда, а английских банкиров называл торгашами. Речь его интересна. Говорит он с шуточками, рассчитанными на вкус этой аудитории.

Одет в пиджачок, похож на скрипача из оркестра. Голос тонкий, шепелявит, мало заметен акцент.

Из его речи можно понять одно: по-видимому, теперешняя конференция в Лондоне сорвется. Англичане требуют реституции собственности, отнятой у иностранцев, независимых судов, отказа от пропаганды.

21 июля.
Понедельник

Появились медные пятаки. Появились полтинники. Тщетно пытался их «копить». Расходятся, и ничего с ними не сделаешь! Вообще прилив серебра, в особенности это заметно в магазинах Моссельпрома — там дают в сдачу много серебра.

Вечером, по обыкновению, был у Любови Евгеньевны и Дениньки. Сегодня говорили по-русски — о всякой чепухе. Ушел я под дождем грустный и как бы бездомный.

Приехали из Самары Ильф и Юрий Олеша. В Самаре два трамвая. На одном надпись «Площадь Революции — Тюрьма», на другом — «Площадь Советская — Тюрьма». Что-то в этом роде. Словом, все дороги ведут в Рим!

В Одессе барышню спросили:

— Подвергались ли вы вычистке?

Она ответила:

— Я девица.

С Олешей все-таки интересно болтать. Он едок, остроумен.

25 июля.
Пятница

Ну и выдался денек! Утро провел дома, писал фельетон для «Красного перца». А затем началось то, что приходится проделывать изо дня в день, не видя впереди никакого просвета — бегать по редакциям в поисках денег. Был у наглейшего Фурмана, представителя газеты «Заря Востока». Оттуда мне вернули два фельетона. Больших трудов стоило у Фурмана забрать назад рукопись — не хотел отдавать, т.к. за мною 20 рублей. Пришлось написать ему расписку, что верну эти деньги не позже 30-го числа. Дальше: один из этих фельетонов и тот, что утром написал, сдал в «Красный перец». Уверен, что забракуют. Дальше: вечером Свэн забраковал фельетон в «Занозе». Был я у него на квартире и кой-как удалось у него получить записку на 20 рублей, на завтра. Кошмарное существование.

В довершение всего днем позвонил Лежневу по телефону, узнал, что с Каганским пока можно и не вести переговоров отно-

Л.Е.Белозерская — вторая жена М.А.Булгакова. Начало 1920-х годов.

сительно выпуска «Белой гвардии» отдельной книгой, т.к. у того денег пока нет. Это новый сюрприз. Вот тогда не взял 30 червонцев, теперь могу каяться. Уверен, что «Гвардия» останется у меня на руках.

Словом — черт знает, что такое.

Поздно, около 12, был у Любови Евгеньевны.

2 августа.
Суббота

Вчера получилось известие, что в экипаж Калинина (он был в провинции где-то) ударила молния. Кучер убит, Калинин совершенно невредим.

Сегодня состоялась демонстрация по случаю десятилетия «империалистической» войны. Я не был. Возвращаясь из «Гудка», видел, как к Страстной площади шли служащие милиции в форме и штатские. Впереди оркестр. Распоряжались порядком верховые в кепках, с красными нарукавниками — повязками. Двух видел — у обоих из-под задравшихся брюк торчат завязки подштанников.

Лавочник Ярославцев выпустил, наконец, свой альманах «Возрождение». В нем 1 часть «Записок на манжетах», сильно искаженная цензурой.

С. рассказывал, что полк ГПУ ушел на демонстрацию с оркестром, который играл «Эти девушки все обожают».

4 августа.
Понедельник

Знаменитый сатирический журнал «Красный перец» отличился несколько раз. В частности, в предпоследнем своем номере, где он выпустил рисунок под надписью «Итоги XIII-го съезда» (толстую нэпманшу шнурует горничная, и нэпманша говорит приблизительно так: «Что ты душишь меня, ведь и XIII-й съезд нас только ограничил». Что-то в этом роде. В московском комитете партии подняли гвалт. Кончилось все это тем, что прихлопнули и «Красный перец», и сестру его «Занозу». Вместо них выйдет один тощий журнал. Поручено выпустить некоему Верхотурскому (кажется, редактор «Рабочей Москвы»). Сегодня был на заседании, обсуждавшем первые темы и название нового журнала. Крутой поворот влево: журнал должен быть рабочим и с классово-производственным заглавием. Тщетно Свэн отстаивал кем-то предложенное название «Петрушка». Назовут «Тиски» или «Коловорот», или как-нибудь в этом роде. Когда обсуждали первую тему, предложенную Кот. для рисунка «Европейское равновесие» (конечно, жонглер и т.д.), Верхотурский говорил:

— Да. А вот хорошо бы, чтобы при этом на заднем плане были видны рабочие, которые войдут и весь этот буржуазный цирк разрушат.

Мельком сегодня в «Гудке» видел Еремеева, бывшего редактора «Рабочей газеты». Он преобразился в моряка. На темной куртке масса красных нашивок. Он будет редактировать «Смехач», а Свэн будет его помощником.

6 августа.
Среда

Сегодня в газетах сообщение о том, что англо-советская конференция лопнула. Сообщение написано в сухих официальных словах: «...разрыв произошел на вопросе об удовлетворении претензий бывших частных собственников»... «так как выяснилось, что по вопросу о бывших крупных собственниках соглашение достигнуть невозможно, конференция была объявлена закрытой».

Finita, как говорится, la comedia. Интересно было бы знать, сколько времени «Союз социалистических республик» просуществует в таком положении.

9 августа.
Суббота

По Москве пошли автобусы. Маршрут: Тверская — Центр — Каланчевская. Пока их только несколько штук. Очень хороши. Массивны и в то же время изящны. Окраска коричневая, а рамы (они застеклены) желтые. Одноэтажные, но огромные.

Сегодня <...>[1]

Кажется (я не читал газеты), подписано англо-советское соглашение.

Новый анекдот: будто по-китайски «еврей» — «там». Там-там-там-там (на мотив «Интернационала») означает «много евреев».

16 августа.
Суббота. Ночь

Оказывается, в эти дни Раковский <...>[2]

<...> но последние сообщения показывают, что в Англии началась сильная кампания против такого договора и, возможно, что его не ратифицирует парламент.

Сообщение о договоре явилось неожиданным — телеграфировали о разрыве, а потом — сообщение о подписании.

В Англии пишут то, что должно бы выходить по здравому английскому смыслу — нельзя же дать большевикам деньги, когда эти большевики только и мечтают что о разрушении Англии! Резон.

Доиграются англичане!

---

[1] Текст (часть листа) оборван.
[2] Обрыв текста.

Подписали договор Понсонби и Макдональд.

<...> каламбур — понсонбие (пособие). Каламбур неизвестно чей.

Понсонби — пособи.

Вчера неясное сообщение о восстании в Афганистане, поддержанном «английскими агентами».

Сегодня приехала Галя Сынгаевская. Деваться ей некуда. Татьяна пока пристроила ее ночевать у Зины Коморской. Кормить буду я. У девчонки, говорят, исключительные способности танцовщицы.

Понес в «Современник» отрывок из «Белой гвардии». Вероятно, не возьмут.

Сегодня в издательстве Френкеля, где пишет Любовь Евгеньевна на машинке, даже некий еврей служащий говорил, что брошюрки, затеянные И.М.Василевским («Люди революции»), работа не того...

Писать «Дзержинского» будет Блюмкин. Тот самый изумительный убийца (якобы) посла Мирбаха.

Наглец.

23 августа.
Суббота

Консервативная английская печать ведет энергичную кампанию против англо-советского договора, и есть основание полагать, что парламент <...>[1]

Хотя я вовсе и не претендую на роль ментора, но нужно бы прекратить разговоры в коридоре... рабкоры приезжают... они смотрят на газету, как на святое святых...

Я настолько привык, что такие выходки не производят на меня впечатления.

Олеша показал мне рецензии в «Звезде». Сказано: «написано с большим юмором» (это по поводу «Дьяволиады»)[2].

<...> Москва пыльна, кажется, ремонтируется.

В Кисловском переулке начали достраивать тот самый грандиозный дом, который я зимой осматривал для «Гудка». Видно, не рухнет!

На улицах торгуют на всех углах книгой Лемке «250 дней в ставке», кричат:

— «Тайны дома Романовых».

26 августа.
Вторник

Сегодня день пропал на Кубув. Был на приеме у проф. Мартынова по поводу моей гнусной опухоли за ухом. Он говорит, что в злокачественность ее не верит, и назначил рентген. Вечером мельком видел N., а затем попал к С...у и вечер просидел у него.

[1] Обрыв текста.
[2] Обрыв текста.

28 августа.
Четверг

Сейчас (около 12 ч. ночи) заходила Любовь Евгеньевна, говорила, что в пределах России арестован Борис Савинков. Приехал будто бы для террористического акта.

29 августа.
Пятница

Ничего нельзя понять в истории с Савинковым. Правительственное сообщение сегодня изумительно. Оказывается, его уже судили (в Москве) и приговорили к смерти, но ввиду того, что он раскаялся и признал советскую власть, суд просил ЦИК о смягчении участи.

Написано, что поймали Савинкова с ...

3 сентября.
Среда

В Китае происходит какой-то кавардак. Против главы южного (левого) правительства Сун Ят-Сена восстали контрреволюционные силы, поддерживаемые англичанами.

Был у писателя Лидина. У него взяли комнату на учет. Он агентам Муни сказал:

— Где же я буду писать?

Ответили:

— Здесь пишите.

И Лидин рассказал, что один гражданин обвенчался с барышней, с которой встретился случайно на улице, чтобы только она въехала в его комнату. Второго такого я знаю сам — еврей Раввинов просил сегодня (в магазине «Радуга»), чтобы ему рекомендовали какую угодно женщину. Немедленно венчается с ней в Загсе и даже ужином будет кормить, лишь бы въехала (комната более 16 аршин).

12 сентября.
Пятница

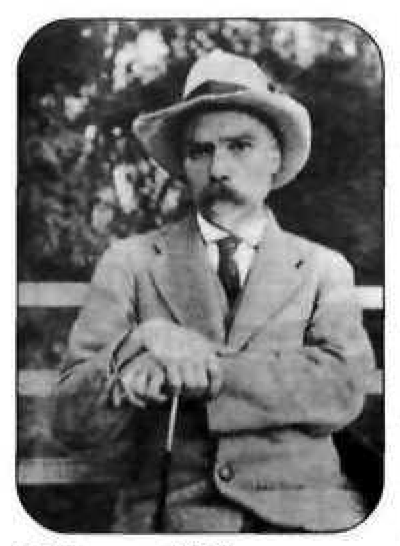
Яркий солнечный день.

Новость: на днях в Москве появились совершенно голые люди (мужчины и женщины) с повязками через плечо «Долой стыд». Влезали в трамвай. Трамвай останавливали, публика возмущалась.

В Китае гремит гражданская война. Не слежу за газетами в этой области, знаю лишь, что «империалистические хищники» замешаны в этом деле, поэтому в Одессе (!) образовалось общество «Руки прочь от Китая».

26 сентября.
Пятница

Только что вернулся из Большого театра с «Аиды», где был с Любовью Евгеньевной. Тенор Викторов невероятно кричит.

В.Я.Брюсов. 1923.

Весь день в поисках денег для комнаты с Любовью Евгеньевной. Заняли под расписку у Евгения Никитича.

В Москве несколько дней солнце, тепло. Из Петербурга до сих пор подробности наводнения, которое поразило великий и злосчастный город несколько дней назад. Оно почти равно наводнению 1824 года.

12 октября.
Воскресенье

Сейчас хоронят В.Я.Брюсова. У Литературно-художественного института его имени на Поварской стоит толпа в колоннах. Ждут лошади с красными султанами. В колоннах интеллигенция и полуинтеллигенция. Много молодежи — коммунистически рабфаковского мейерхольдовского типа.

18 октября.
Суббота

Я по-прежнему мучаюсь в «Гудке». Сегодня день потратил на то, чтобы получить 100 рублей в «Недрах». Большие затруднения с моей повестью-гротеском «Роковые яйца». Ангарский подчеркнул мест 20, которые надо по цензурным соображениям изменить. Пройдет ли цензуру. В повести испорчен конец, потому что писал я ее наспех.

Вечером был в опере Зимина (ныне Экспериментальный театр) и видел «Севильского цирульника» в новой постановке. Великолепно. Стены ходят, бегает мебель.

В ночь с 20 на 21 декабря

Опять я забросил дневник. И это, к большому сожалению, потому, что за последние два месяца произошло много важнейших событий. Самое главное из них, конечно — раскол в партии, вызванный книгой Троцкого «Уроки Октября», дружное нападение на него всех главарей партии во главе с Зиновьевым, ссылка Троцкого под предлогом болезни на юг и после этого — затишье. Надежды белой эмиграции и внутренних контрреволюционеров на то, что история с троцкизмом и ленинизмом приведет к кровавым столкновениям или перевороту внутри партии, конечно, как я и предполагал, не оправдались. Троцкого съели, и больше ничего.

Анекдот:

— Лев Давыдыч, как ваше здоровье?

— Не знаю, я еще не читал сегодняшних газет.

(Намек на бюллетень о его здоровье, составленный совершенно в смехотворных тонах.)

Из Англии нас поперли с треском. Договор разорван, и консервативная партия вновь ведет непримиримую экономическую и политическую войну с СССР.

Чемберлен — министр иностранных дел.

Знаменитое письмо Зиновьева, содержащее в себе недвусмысленные призывы к возмущению рабочих и войск в Англии, — не только министерством иностранных дел, но и всей Англией, по-видимому, безоговорочно признано подлинным. С Англией покончено.

Тупые и медленные бритты хоть и с опозданием, но все же начинают соображать о том, что в мосье Раковском и курьерах, приезжающих с запечатанными пакетами, таится некая весьма грозная опасность разложения Британии. Теперь очередь французов. Мосье Красин с шиком поднял на Rue de Grenelle красный флаг на посольстве. Вопрос ставится остро и ясно: или Красин со своим полпредством разведет бешеную пропаганду во Франции и одновременно с этим постарается занять у французов денег, или французы раскусят, что сулит флаг с серпом и молотом в тихом квартале Парижа... Вернее второе. В прессе уже началась бешеная кампания не только против большевиков московских и парижских, но и против французского премьера Эррио, который этих большевиков допустил в Париж. У меня нет никаких сомнений, что он еврей. Люба мне это подтвердила, сказав, что она разговаривала с людьми, лично знающими Эррио. Тогда все понятно.

Приезд monssieur Красина ознаменовался глупейшей в «style russe» историей: полоумная баба, не то журналистка, не то эротоманка, с револьвером приходила к посольству Красина — стрелять. Полицейский инспектор ее немедленно забрал. Ни в кого она не стреляла, и вообще это мелкая, сволочная история. Эту Диксон я имел удовольствие встречать не то в 22-ом, не то в 23-ем году в милой редакции «Накануне» в Москве, в Гнездниковском переулке. Толстая, совершенно помешанная баба. Выпустил ее за границу père[1] Луначарский, которому она осточертела своими приставаниями.

В Москве событие — выпустили 30° водку, которую публика с полным основанием назвала «рыковкой». Отличается она от царской водки тем, что на десять градусов она слабее, хуже на вкус и в четыре раза ее дороже. Бутылка ее стоит 1 р. 75 коп. Кроме того, появился в продаже «Коньяк Армении», на котором написано 31°. (Конечно, Шустовской фабрики.) Хуже прежнего, слабей, бутылка его стоит 3 р. 50 коп.

Москва после нескольких дней мороза тонет в оттепельной грязи. Мальчишки на улицах торгуют книгой Троцкого «Уроки Октября», которая шла очень широко. Блистательный трюк: в то время как в газетах печатаются резолюции с преданием Троцкого анафеме, Госиздат великолепно продал весь тираж. О, бессмертные еврейские головы. Положим, ходили, правда, слухи, что Шмидта выгнали из Госиздата именно за напечатание этой книги, и только потом сообразили, что конфисковать ее нельзя, еще вреднее, тем более что публика, конечно, ни уха ни рыла не понимает в этой книге и ей глубоко все равно — Зиновьев ли,

[1] Папаша *(фр.)*.

Троцкий ли, Иванов ли, Рабинович. Это «спор славян между собой».

Москва в грязи, все больше в огнях — и в ней странным образом уживаются два явления: налаживание жизни и полная ее гангрена. В центре Москвы, начиная с Лубянки, Водоканал сверлил почву для испытания метрополитена. Это жизнь. Но метрополитен не будет построен, потому что для него нет никаких денег. Это гангрена. Разрабатывают план уличного движения. Это жизнь. Но уличного движения нет, потому что не хватает трамваев, смехотворно — 8 автобусов на всю Москву. Квартиры, семьи, ученые, работа, комфорт и польза — все это в гангрене. Ничто не двигается с места. Все съела советская канцелярская, адова пасть. Каждый шаг, каждое движение советского гражданина — это пытка, отнимающая часы, дни, а иногда месяцы. Магазины открыты. Это жизнь, но они прогорают, и это гангрена. Во всем так. Литература ужасна.

Около двух месяцев я уже живу в Обуховом переулке в двух шагах от квартиры К., с которой у меня связаны такие важные, такие прекрасные воспоминания моей юности: и 16-ый год и начало 17-го. Живу я в какой-то совершенно неестественной хибарке, но, как это ни странно, сейчас я чувствую себя несколько более «определенно». Объясняется это <...>[1]

23 декабря.
Вторник. (Ночь на 24-е)

Сегодня по новому стилю 23, значит, завтра сочельник. У Храма Христа продаются зеленые елки. Сегодня я вышел из дома очень поздно, около двух часов дня, во-первых, мы с женой спали, как обычно, очень долго. Разбудил нас в половине первого Василевский, который приехал из Петербурга. Пришлось опять отпустить их вдвоем по делам. Ушел я, впрочем, равномерно, потому что мой путь теперь совершенно прямая. Последнюю запись в дневнике я диктовал моей жене и окончил запись шуточно. Так вот, еще в предыдущей записи я хотел сказать об этой прямой. Утешил меня очень разговор в парикмахерской. Брила меня девочка-мастерица. Я ошибся в ней, ей всего 17 лет, и она дочь парикмахера. Она сама заговорила со мной, и почему-то в пречистенских тихих зеркалах при этом разговоре был большой покой.

Для меня всегда наслаждение видеть Кремль. Утешил меня Кремль. Он мутноват. Сейчас зимний день. Он всегда мне мил.

На службе меня очень беспокоили, и часа три я провел безнадежно (у меня сняли фельетон). Все накопление сил. Я должен был еще заехать в некоторые места, но не заехал, потому что остался почти до пяти часов в «Гудке», причем Р.О.Л., при Ароне, при Потоцком и еще ком-то был — держал речь обычную и заданную мне, — о том, каким должен быть «Гудок». Я до сих пор не могу совладать с собой. Когда мне нужно говорить, и сдер-

---

[1] Обрыв текста.

жать болезненные арлекинские жесты. Во время речи хотел взмахивать обеими руками, но взмахивал одной правой, и вспомнил вагон в январе 20-го года и фляжку с водкой на сером ремне, и даму, которая жалела меня за то, что я так страшно дергаюсь. Я смотрел на лицо Р.О. и видел двойное видение. Ему говорил, а сам вспоминал... Нет, не двойное, а тройное. Значит, видел Р.О., одновременно — вагон, в котором я поехал не туда, куда нужно, и одновременно же — картину моей контузии под дубом и полковника, раненного в живот.

Бессмертье — тихий светлый брег...
Наш путь — к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег,
Вы, странники терпенья...

Чтобы не забыть и чтобы потомство не забыло, записываю, когда и как он умер. Он умер в ноябре 19-го года во время похода за Шали-Аул и последнюю фразу сказал мне так:

— Напрасно вы утешаете меня, я не мальчик.

Меня уже контузили через полчаса после него. Так вот, я видел тройную картину. Сперва — этот ночной ноябрьский бой, сквозь него — вагон, когда уже об этом бое рассказывал, и этот бессмертно-проклятый зал в «Гудке». «Блажен, кого постигнул бой». Меня он постигнул мало, и я должен получить свою порцию.

Когда мы расходились из «Гудка», в зимнем тумане, — в вестибюле этого проклятого здания Потоцкий сказал мне: «Молодец вы, Михаил Афанасьевич». Это мне было приятно, хотя я, конечно, ни в какой мере не молодец, пока что.

Позволительно маленькое самомнение. Относительно Франции — совершеннейший пророк. Под Парижем полиция произвела налет на комшколу, которая, как корреспондирует из Парижа Раппопорт, «мирно занималась изучением Энгельса и Маркса». Кроме того, где-то уже стачка рыбаков и camelots du roi[1] шли мимо красинского убежища с криками.

Кажется, в Амьене, если не ошибаюсь, уже началось какое-то смятение. Первую ставку Красин выиграл у французов. Начался бардак.

Денег сегодня нигде не достал, поэтому приехал кислый и хмурый домой, с большим раздражением думал о их совместном путешествии, и единственным успокоением является моя прямая. Она всегда — кратчайшее расстояние между двумя точками, и стоит мне вспомнить ее, как я совершенно успокаиваюсь. Дома впал в страшную ярость, т.к. уже две недели я тренирую себя, то сейчас же разъяснил ее, как пес сову, и запер на ключ. Не нужно говорить о политике ни в коем случае.

Василевский страшно ослабел. Человек, который имел чутье, начал его терять в СССР. Это, конечно, будет гибельно. Голова полна проектами, один из которых совершенно блистателен.

[1] Королевские молодчики *(фр.)* — ирония М.Булгакова.

И.М.Василевский (Не-Буква).

У них у всех нет американского подхода: достаточно сказать один раз, и я уже понял. Понял. Мысленно его гипнотизировал, чтобы он делал, но так как я в этом деле дилетант, то за успех не поручусь.

Он привез и показывал две из тех книжек, которые выпускало его издательство. В серии «Вожди и деятели революции» одна из них написана Митей Стоновым («Калинин»). Другая — Бобрищев-Пушкин («Володарский»). Трудно не сойти с ума. Бобрищев пишет о Володарском. Впрочем, у старой лисы большее чутье, чем у Василевского. Это объясняется разностью крови. Он ухитрился спрятать свою фамилию не за одним псевдонимом, а сразу за двумя. Старая проститутка ходит по Тверской все время в предчувствии облавы. Этот ходит плохо.

Василевский говорит, что квартиру его описали. Вообще он въехал неудачно. Но все-таки поймите. Старый, убежденный погромщик, антисемит pur-sang пишет хвалебную книжку о Володарском, называя его «защитником свободы печати». Немеет человеческий ум. Василевский говорит обо всем этом с каким-то особенным подпрыгивающим, рамолентным весельем. Был один момент, когда он мне жутко напомнил старика Арсеньева. Все они настолько считают, что партия безнадежно сыграна, что бросаются в воду в одежде. Василевский одну из книжек выпустил под псевдонимом. Насчет первой партии совершенно верно. И единственная ошибка всех Павлов Николаевичей и Пасмаников, сидящих в Париже, что они все еще доигрывают первую, в то время как логическое следствие: за первой партией идет совершенно другая, вторая. Какие бы ни сложились в ней комбинации — Бобрищев погибнет.

Забыл. Пьеса ли это, или это роман «Странник играет под сурдинку».

Василевский же мне рассказал, что Алексей Толстой говорил:

— Я теперь не Алексей Толстой, а рабкор-самородок Потап Дерьмов.

Грязный, бесчестный шут.

Василевский же рассказал, что Демьян Бедный, выступая перед собранием красноармейцев, сказал:

— Моя мать была блядь...

В состоянии безнадежной ярости обедал у Валентины. Vis-a-Vis помещался этот тюремный человек с Поварской. Громадная разница между ним и клопом, и напрасно еврейские девушки приравнивают. Это слишком примитивная солдатчина. Есть огромная разница: клопа давить неприятно. Примитивы этого не поймут. Никто, как свой. И свои могут напортить хуже, чем чужие, черт бы их взял!

Д.Бедный. 1926.

Записи под диктовку есть не самый высший, но все же акт доверия.

Сегодня сообщение о том, что убили еще одного селькора в провинции — Сигаева. Или у меня нет чутья, и тогда я кончусь на своем покатом полу, или это интродукция к совершенно невероятной опере.

Запас впечатлений так огромен за день, что свести их можно только отрывками, с мыслью впоследствии систематизировать их. День, как во время севастопольской обороны, за месяц, — месяц за год. Но где же мои матросы?

Самым чудовищным из всех рассказов Василевского был рассказ о том, как Френкель, ныне московский издатель, в прошлом раввин (вероятно, и сейчас, только тайный), ехал в спальном международном вагоне из С.-Петербурга в Москву. Это один из крупных узлов, который кормит сейчас в Москве десятки евреев, работающих по книжному делу. У него плохонькое, но машинно налаженное дело в самом центре Москвы, и оно вечно гудит, как улей. Во двор Кузнецкого переулка вбегают, из него убегают, собираются. Это рак в груди. Неизвестно, где кончаются деньги одного и где начинаются деньги другого. Он очень часто ездит в Петербург, и характерно, что его провожают почтительной толпой, очевидно, он служит и до сих пор дает советы о козе. Он мудр.

Сегодня еще в ярости, чтобы успокоить ее, я перечитываю фельетон петербургского фельетониста 70-ых годов. Он изображает музыку в Павловске, и еврея изображает в презрительной шутке, с акцентом.

Богу сил!

Сейчас я работаю совершенно здоровым, и это чудесное состояние, которое для других нормально, — увы — для меня сделалось роскошью, это потому, что я развинтился несколько. Но, в основном, главном, я выздоравливаю, и силы, хотя и медленно, возвращаются ко мне. С нового года займусь гимнастикой, как в 16-ом и 17-ом году, массажем и к марту буду в форме.

Есть неуместная раздражительность. Все из-за проклятого живота и нервов. Записи о своем здоровье веду с единственной целью: впоследствии перечитать и выяснить, выполнил ли задуманное.

Порхают легкие слушки, и два конца из них я уже поймал. Вот сволочь!

26 декабря.
(В ночь на 27-е)

Только что вернулся с вечера у Ангарского — редактора «Недр». Было одно, что теперь всюду: разговоры о цензуре, нападки на нее, «разговоры о писательской правде» и «лжи». Был Вересаев, Козырев, Никандров, Кириллов, Зайцев (П.Н.), Ляшко и Львов-Рогачевский. Я не удержался, чтобы несколько раз не встрять с речью о том, что в нынешнее время работать трудно, с нападками на цензуру и прочим, чего вообще говорить не следует.

Ляшко (пролетарский писатель), чувствующий ко мне непреодолимую антипатию (инстинкт), возражал мне с худо скрытым раздражением:

— Я не понимаю, о какой «правде» говорит т. Булгаков? Почему всю кривизну нужно изображать? Нужно давать «чересполосицу» и т.д.

Когда же я говорил о том, что нынешняя эпоха — это эпоха сведения счетов, он сказал с ненавистью:

— Чепуху вы говорите...

Не успел ничего ответить на эту семейную фразу, потому что вставали в этот момент из-за стола. От хамов нет спасения.

Лютый мороз. Сегодня утром водопроводчик отогрел замерзшую воду. Зато ночью, лишь только я вернулся, всюду потухло электричество.

Ангарский (он только на днях вернулся из-за границы) в Берлине, а кажется, и в Париже всем, кому мог, показал гранки моей повести «Роковые яйца». Говорит, что страшно понравилось и кто-то в Берлине (в каком-то издательстве) ее будут переводить.

Больше всех этих Ляшко меня волнует вопрос — беллетрист ли я?

Отзвук в разговоре у Ангарского имел и прогремевший памфлет-письмо Бернарда Шоу, напечатанный во вчерашнем номере «Известий». Радек пытается ответить на него фельетоном «Мистер Пиквик о коммунизме», но это слабо. В памфлете есть место: «бросьте и толковать о международной революции — это кинематограф».

В ночь на 28 декабря

В ночь я пишу потому, что почти каждую ночь мы с женой не спим до трех, четырех часов утра. Такой уж дурацкий обиход сложился. Встаем очень поздно, в 12, иногда в 1 час., а иногда и в два дня. И сегодня встали поздно и вместо того, чтобы ехать в проклятый «Гудок», изменил маршрут и, побрившись в парикмахерской на моей любимой Пречистенке, я поехал к моей постоянной зубной врачихе, Зинушке. Лечит она два моих зуба, которые, по моим расчетам, станут вечными. Лечит не спеша, хожу я

к ней аккуратно, она вкладывает ватку то с йодом, то с гвоздичным маслом, и я очень доволен, что нет ни боли, ни залезания иглой в каналы.

Пока к ней дополз, был четвертый час дня. Москва потемнела, загорелись огни. Из окон у нее виден Страстной монастырь и огненные часы.

Великий город — Москва! Моей нежной и единственной любви, Кремля, я сегодня не видал.

После зубной врачихи был в «Недрах», где странный Ангарский производит какой-то разгром служащих. Получил, благодаря ему, 10 рублей.

И вот, по Кузнецкому мосту шел, как десятки раз за последние зимние дни, заходя в разные магазины. Нужно купить то да се. Купил, конечно, неизбежную бутылку белого вина и полбутылки русской горькой, но с особенной нежностью почему-то покупал чай. У газетчика случайно на Кузнецком увидал 4-й номер «России». Там первая часть моей «Белой гвардии», т.е. не первая часть, а первая треть. Не удержался, и у второго газетчика, на углу Петровки и Кузнецкого, купил номер. Роман мне кажется то слабым, то очень сильным. Разобраться в своих ощущениях я уже больше не могу. Больше всего почему-то привлекло мое внимание посвящение. Так свершилось. Вот моя жена.

Вечером у Никитиной читал свою повесть «Роковые яйца». Когда шел туда, ребяческое желание отличиться и блеснуть, а оттуда — сложное чувство. Что это? Фельетон? Или дерзость? А может быть, серьезное? Тогда не выпеченное. Во всяком случае, там сидело человек 30, и ни один из них не только не писатель, но и вообще не понимает, что такое русская литература.

Боюсь, как бы не саданули меня за все эти подвиги «в места не столь отдаленные». Очень помогает мне от этих мыслей моя жена. Я обратил внимание, когда она ходит, она покачивается. Это ужасно глупо при моих замыслах, но, кажется, я в нее влюблен. Одна мысль интересует меня. При всяком ли она приспособилась бы так же уютно, или это избирательно для меня?

Политических новостей сегодня нет для меня. Эти *«Никитинские субботники» — затхлая, советская, рабская рвань, с густой примесью евреев.*

Не для дневника и не для опубликования: подавляет меня чувственно моя жена. Это и хорошо, и отчаянно, и сладко, и в то же время безнадежно сложно: я как раз сейчас хворый, а она для меня...

Сегодня видел, как она переодевалась перед нашим уходом к Никитиной, жадно смотрел...

Политических новостей нет, нет. Взамен них политические мысли.

Как заноза сидит все это сменовеховство (я причем?), и то, что чертова баба завязила меня, как пушку в болоте, важный вопрос. Но один, без нее, уже не мыслюсь. Видно, привык.

29 декабря.
Понедельник

Водку называют «Рыковка» и «Полурыковка». «Полурыковка» потому, что она в 30°, а сам Рыков (горький пьяница) пьет в 60°.

Был в этом проклятом «Гудке», вечером был у Лидии Васильевны. Условились насчет встречи Нового года.

Лежнев ведет переговоры с моей женой, чтобы роман «Белая гвардия» взять у Сабашникова и передать ему. Люба отказала, баба бойкая и расторопная, и я свалил с своих плеч обузу на ее плечи. Не хочется мне связываться с Лежневым, да и с Сабашниковым расторгать договор неудобно и неприятно. В долгу сидим как в шелку.

1925

2 января.
В ночь на 3-е

«Если бы к «Рыковке» добавить «Семашковки», то получилась бы хорошая «Совнаркомовка».

«Рыков напился по смерти Ленина по двум причинам: во-первых, с горя, а во-вторых, от радости».

«Троцкий теперь пишется «Троий» — ЦК выпало».

Все эти анекдоты мне рассказала эта хитрая веснушчатая лиса Лежнев вечером, когда я с женой сидел, вырабатывая текст договора на продолжение «Белой гвардии» в «России». Жена сидела, читая роман Эренбурга, а Лежнев обхаживал меня. Денег у нас с ней не было ни копейки. Завтра неизвестный мне еще еврей Каганский должен будет уплатить мне 300 рублей и векселя. Векселями этими можно подтереться. Впрочем, черт его знает! Интересно, привезут ли завтра деньги. Не отдам рукопись...

Сегодня газет нет, значит, нового ничего нет.

Забавный случай: у меня не было денег на трамвай, а поэтому я решил из «Гудка» пойти пешком. Пошел по набережной Москвы-реки. Полулуние в тумане. Почему-то середина Москвы-реки не замерзла, а на прибрежном снеге и льду сидят вороны. В Замоскворечье огни. Проходя мимо Кремля, поравнявшись с угловой башней, я глянул вверх, приостановился, стал смотреть на Кремль и только что подумал «доколе, Господи!» — как серая фигура с портфелем вынырнула сзади меня и оглядела. Потом прицепилась. Пропустил ее вперед, и около четверти часа мы шли, сцепившись. Он плевал с парапета, и я. Удалось уйти у постамента Александру.

3 января

Сегодня у Лежнева получил 300 рублей в счет романа «Белая гвардия», который пойдет в «России». Обещали на остальную сумму векселя.

Л.Е.Белозерская на Б.Пироговской. 1929. Фото Н.А.Ляминой.

Были сегодня вечером с женой в «Зеленой лампе». Я говорю больше, чем следует, но не говорить не могу. Один вид Ю.Потехина, приехавшего по способу чеховской записной книжки и нагло уверяющего, что...

— Мы все люди без идеологии, — действует на меня, как звук кавалерийской трубы.

— Не бреши!

Литература, на худой конец, может быть даже коммунистической, но она не будет садыкерско-сменовеховской. Веселые берлинские бляди! Тем не менее, однако, боюсь, как бы «Белая гвардия» не потерпела фиаско. Уже сегодня вечером, на «Зеленой лампе» Ауслендер сказал, что «в чтении...», и поморщился. А мне нравится, черт его знает почему.

Ужасное состояние: все больше влюбляюсь в свою жену. Так обидно — 10 лет открещивался от своего... Баба как баба. А теперь унижаюсь даже до легкой ревности. Чем-то мила и сладка. И толстая.

Газет не читал сегодня.

4 января

Петербургу — быть пусту.

Вчера наводнение в Петербурге: были затоплены Василеостровский, Петербургский, Московско-Нарвский и Центральный районы. Поздним вечером вода пошла на убыль.

Из Англии пришла нота, подписанная Чемберленом, из которой явствует, что английское правительство не желает говорить более ни одного слова по поводу письма Зиновьева. Отношения с Англией нестерпимо поганые.

Есть сообщение из Киева, что вся работа союза швейников, ввиду того, что в нем 80% евреев, переводится постепенно на еврейский язык.

Даже весело.

Слева направо: М.А.Булгаков, Л.Е.Белозерская, Н.Н.Лямин, С.С.Топленинов. 1927.

Сегодня вышла «Богема» в «Красной ниве» № 1. Это мой первый выход в специфически-советской тонко-журнальной клоаке. Эту вещь я сегодня перечитал, и она мне очень нравится, но поразило страшно одно обстоятельство, в котором я целиком виноват. Какой-то беззастенчивой бедностью веет от этих строк. Уж очень мы тогда привыкли к голоду и его не стыдились, а сейчас как будто бы стыдно. Подхалимством веет от этого отрывка. Кажется, впервые со знаменитой осени 1921-го года позволю себе маленькое самомнение и только в дневнике, — написан отрывок совершенно на «ять», за исключением одной, двух фраз («Было обидно» и др.).

Все идет верхним концом и мордой в грязь. Вся Москва растеклась в оттепельной грязи, а я целый день потратил на разъезды, приглашая гостей. Хотим у Нади потанцевать.

Видел милых Ляминых и отдал им номер «России» с «Белой гвардией».

В антракте между фокстротными разъездами был взят за горло милыми евреичками по поводу бабьих писем. Сжали, и кругом правы. Я жму в свою очередь, но ни черта, конечно, не сделаю. Ни в коем случае не пришлет. Как кол в горле. А сам я, действительно, кобра. До того сжали, что я в один день похудел и вся морда обвисла на сторону. Три дня и три ночи буду думать, а выдумаю. Все равно я буду водить, а не кто-нибудь другой.

5 января

Какая-то совершенно невероятная погода в Москве — оттепель, все распустилось, и такое же точно, как погода, настроение у москвичей. Погода напоминает февраль, *и в душах февраль*.

— Чем все это кончится? — спросил меня сегодня один приятель.

Вопросы эти задаются машинально и тупо, и безнадежно, и безразлично, и как угодно. В его квартире, как раз в этот момент, в комнате через коридор, пьянствуют коммунисты. В коридоре пахнет какой-то острой гадостью, а один из партийцев, по сообщению моего приятеля, спит пьяный, как свинья. Его пригласили, и он не мог отказаться. С вежливой и заискивающей улыбкой ходит к ним в комнату. Они его постоянно вызывают. Он от них ходит ко мне и шепотом их ругает. *Да, чем-нибудь все это да кончится. Верую!*

Сегодня специально ходил *в редакцию «Безбожника»*. Она помещается в Столешниковом переулке, вернее, в Козмодемьяновском, недалеко от Моссовета. Был с М.С., и он очаровал меня с первых же шагов.

— Что, вам стекла не бьют? — спросил он у первой же барышни, сидящей за столом.

— То есть, как это? (растерянно). — Нет, не бьют (зловеще).

— Жаль.

Хотел поцеловать его в его еврейский нос. Оказывается, комплекта за 1923 год нету. С гордостью говорят — разошлось. Удалось достать 11 номеров за 1924 год. 12-й еще не вышел. Барышня, если можно так назвать существо, дававшее мне его, неохотно дала мне его, узнав, что я частное лицо.

— Лучше я бы его в библиотеку отдала.

Тираж, оказывается, 70 000, и весь расходится. В редакции сидит неимоверная сволочь, выходит, приходит; маленькая сцена, какие-то занавесы, декорации... На столе, на сцене, лежит какая-то священная книга, возможно, Библия, над ней склонились какие-то две головы.

— Как в синагоге, — сказал М., выходя со мной.

Меня очень заинтересовало, на сколько процентов все это было сказано для меня специально. Не следует, конечно, это преувеличивать, но у меня такое впечатление, что несколько лиц, читавших «Белую гвардию» в «России», разговаривают со мной иначе, как бы с некоторым боязливым, косоватым почтением.

М-н отзыв об отрывке «Белой гвардии» меня поразил, его можно назвать восторженным, но еще до его отзыва окрепло у меня что-то в душе. Это состояние уже дня три. Ужасно будет жаль, если я заблуждаюсь и «Белая гвардия» не сильная вещь.

Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера «Безбожника», был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены.

Вечером была Л.Л. и говорила, что есть на свете троцкисты. Анекдот: когда Троцкий уезжал, ему сказали: «Дальше едешь, тише будешь».

А.Белый. 1933.

Сегодня в «Гудке» в первый раз с ужасом почувствовал, что я писать фельетонов больше не могу. Физически не могу. «Это надругательство надо мной и над физиологией».

Большинство заметок в «Безбожнике» подписаны псевдонимами.
«А сову эту я разъясню».

16 января.
Пятница

Позавчера был у П.Н.Зайцева на чтении А.Белого. В комнату Зайцева набилась тьма народу. Негде было сесть. Была С.З.Федорченко и сразу как-то обмякла и сомлела.

Белый в черной курточке. По-моему, нестерпимо ломается и паясничает.

Говорил воспоминания о Валерии Брюсове. На меня все это произвело нестерпимое впечатление. Какой-то вздор... символисты. «Брюсов дом в 7 этажей».

«Шли раз по Арбату... И он вдруг спрашивает (Белый подражал, рассказывая это в интонации Брюсова): "Скажите, Борис Николаевич, как по-Вашему — Христос пришел только для одной планеты или для многих?" Во-первых, что я за такая Валаамова ослица — вещать, а во-вторых, в этом почувствовал подковырку...»

В общем, пересыпая анекдотиками, порой занятными, долго нестерпимо говорил... о каком-то папоротнике... о том, что Брюсов был «Лик» символистов, но в то же время любил гадости делать...

Я ушел, не дождавшись конца. После «Брюсова» должен был быть еще отрывок из нового романа Белого.

Merci.

25 февраля.
Среда. Ночь

Предо мною неразрешимый вопрос.
Вот и всё.

10 мая

М.А.ВОЛОШИНУ

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,
Н.С.Ангарский передал мне Ваше приглашение в Коктебель. Крайне признателен Вам. Не откажите черкнуть мне, могу ли я с женой у Вас на даче получить отдельную комнату в июле—августе? Очень приятно было бы навестить Вас. Примите привет.

М.Булгаков.

М.А.Волошин и его дом в Коктебеле. Начало 1930-х годов.

15 октября

В.В.ЛУЖСКОМУ

Глубокоуважаемый Василий Васильевич.

Вчерашнее совещание, на котором я имел честь быть, показало мне, что дело с моей пьесой обстоит сложно. Возник вопрос о постановке на Малой сцене, о будущем сезоне и, наконец, о коренной ломке пьесы, граничащей, в сущности, с созданием новой пьесы.

Охотно соглашаясь на некоторые исправления в процессе работы над пьесой совместно с режиссурой, я в то же время не чувствую себя в силах писать пьесу наново.

Глубокая и резкая критика пьесы на вчерашнем совещании заставила меня значительно разочароваться в моей пьесе (я приветствую критику), но не убедила меня в том, что пьеса должна идти на Малой сцене.

И наконец, вопрос о сезоне может иметь для меня только одно решение: сезон этот, а не будущий.

Поэтому я прошу Вас, глубокоуважаемый Василий Васильевич, в срочном порядке поставить на обсуждение в дирекции и дать мне категорический ответ на вопрос:

Согласен ли 1-й Художественный Театр в договор по поводу пьесы включить следующие безоговорочные пункты:

1. Постановка *только* на *Большой сцене.*

2. *В этом сезоне* (март 1926).

3. Изменения, но не коренная ломка стержня пьесы.

В случае если эти условия неприемлемы для Театра, я позволю себе попросить разрешение считать отрицательный ответ на знак, что пьеса «Белая гвардия» — свободна.

Уважающий Вас М.Булгаков.

*В.В.Лужский.
Портрет работы
Б.М.Кустодиева.*

18 октября

ВСЕРОССИЙСКОМУ СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ

Уважаемые товарищи,
в ответ на приглашение Ваше на литературную выставку посылаю «Дьяволиаду».
Что касается портрета моего:
Ничем особенным не прославившись как в области русской литературы, так и равно и в других каких-либо областях, нахожу, что выставлять мой портрет для публичного обозрения — преждевременно.
Кроме того, у меня его нет.

Уважающий Вас М.Булгаков.

6 декабря

В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Дорогой Викентий Викентьевич,
я был у Вас, чтобы без всякой торжественности поздравить Вас.

Вчера, собираясь послать Вам парадное письмо, я стал перечитывать Вас, письма так и не написал, а ночью убедился, насколько значительно то, что Вы сочинили за свой большой путь.

Не раз за последние удивительные годы снимал я с полки Ваши книги и убеждался, что они живут. Сроков людских нам знать не дано, но я верю, и совершенно искренно, что я буду держать в руках Вашу новую книгу и она так же взволнует меня, как много лет назад меня на первом пороге трудной лестницы взволновали «Записки врача».

Это будет настоящей радостью — знаком, что жива наша Словесность Российская — а ей моя любовь. <...>

Михаил Булгаков.

13 декабря

Я около месяца не слежу за газетами. Мельком слышал, что умерла жена Буденного. Потом слух, что самоубийство, а потом, оказывается, он ее убил. Он влюбился, она ему мешала. Остается совершенно безнаказанным.

По рассказу — она угрожала ему, что выступит с разоблачениями его жестокости с солдатами в царское время, когда он был вахмистром.

1926

18 мая

В ОГПУ

Литератора Михаила Афанасьевича Булгакова,
проживающего в г. Москве, в Чистом
(б. Обуховском) пер., в д. № 9, кв. 4,

Заявление

При обыске, произведенном у меня представителями ОГПУ 7-го мая 1926 г. (ордер № 2287, дело 45), у меня были взяты с

СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ

Экземпляр, взятый ГПУ и возвращенный

Чудовищная история.

Первая страница машинописи «Собачьего сердца» с рукописной пометкой М.А.Булгакова

соответствующим занесением в протокол — повесть моя «Собачье сердце» в 2-х экземплярах на пишущей машинке и 3 тетради, писанных мною от руки черновых мемуаров моих под заглавием «Мой дневник».

Ввиду того что «Сердце» и «Дневник» необходимы мне в срочном порядке для дальнейших моих литературных работ, а «Дневник», кроме того, является для меня очень ценным интимным материалом, прошу о возвращении мне их.

Михаил Булгаков.

4 июня

В СОВЕТ И ДИРЕКЦИЮ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Сим имею честь известить о том, что я не согласен на удаление Петлюровской сцены из пьесы моей «Белая гвардия».

Мотивировка: Петлюровская сцена органически связана с пьесой.

Также не согласен я на то, чтобы при перемене заглавия пьеса была названа «Перед концом».

Также не согласен я на превращение 4-х актной пьесы в 3-х актную.

Согласен совместно с Советом Театра обсудить иное заглавие для пьесы «Белая гвардия».

В случае если Театр с изложенным в этом письме не согласится, прошу пьесу «Белая гвардия» снять в срочном порядке.

Михаил Булгаков.

24 июня

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Литератора
Михаила Афанасьевича Булгакова

Заявление

7-го мая с.г. представителями ОГПУ у меня был произведен обыск (ордер № 2287, дело 45), во время которого у меня были

А.Д.Попов. 1935.

отобраны с соответствующим занесением в протокол следующие мои, имеющие для меня громадную интимную ценность рукописи:
Повесть «Собачье сердце» в 2-х экземплярах и «Мой дневник» (3 тетради).
Убедительно прошу о возвращении мне их.

Михаил Булгаков.
24 июня 1926 года.

26 июля

А.Д.ПОПОВУ

Здравствуйте, дорогой режиссер!
Письмо Ваше от 16 июля я получил вчера в Крюкове — под Москвой. По-видимому, происходит недоразумение: я полагал, что я продал Студии *пьесу,* а Студия полагает, что я продал ей *канву,* каковую она (Студия) может поворачивать, как ей заблагорассудится.

Ответьте мне, пожалуйста, Вы — режиссер, как можно 4-х актовую пьесу превратить в 3-х актовую?! <...>

Коротко: «Зойкина» — 4-х актная пьеса. Не-воз-мож-но ее превратить в 3-х актную.

Новую трехактную пьесу я писать не буду. Я болен (во 1-х), переутомлен (во 2-х), в 3-х же, публика, видевшая репетицию, совершенно справедливо говорит мне:

«Не слушайте их (Совет, извините!), они сами во всем виноваты».

В 4-х: я полагал, что будет так: я пьесы пишу, Студия их ставит. Но она не ставит! О, нет! Ей не до постановок! У нее есть масса других дел: она сочиняет проекты переделок. Ставить же, очевидно, буду я! Но у меня нет театра! *(К сожалению!!)*

Итак: я согласился на переделки. Но вовсе не затем, чтобы устроить 3 акта. Я сейчас, испытывая головные боли, очень больной, задерганный и затравленный, сижу над переделкой. <...>

Ну ладно. Я переделываю, потому что, к сожалению, я «Зойкину» очень люблю и хочу, чтоб она шла хорошо. <...>

Сообщите мне, наконец, будут вахтанговцы ставить «Зойкину» или нет? Или мы будем ее переделывать до 1928-го года? Но сколько бы мы ни переделывали, я не могу заставить актрис и актеров играть ту Аллу, которую я написал. Ту Зойку, которую я придумал. Того Алилую, которого я сочинил. Это Вы, Алексей Дмитриевич, должны сделать.

Я надеюсь, что Вы не будете на меня в претензии за некоторую растрепанность этого письма. Я очень спешу (оказия в Москву), я переутомлен.

На днях я студийной машинистке начну сдавать для переписки новую «Зойкину». Если не сдохну. Если она выйдет хуже 1-й,

да ляжет ответственность в этом на нас всех! *(Совет в первую голову!)*

Пишу Вам без всякого стискивания зубов. Вы положили труд. Я тоже.

Привет!

Ваш М.Булгаков.

11 августа

А.Д.ПОПОВУ

Уважаемый Алексей Дмитриевич!

«Переутомление» действительно есть. В мае всякие сюрпризы, не связанные с театром, в мае же гонка «Гвардии» в МХАТе 1-м (просмотр властями!), в июне мелкая беспрерывная работишка, потому что ни одна из пьес еще дохода не дает, в июле правка «Зойкиной». В августе же все сразу. Но «недоверия» нет. К чему оно? Силы студии свежи, Вы — режиссер, и остры и напористы (совершенно искренне это говорю). Есть только одно: Вы на моих персонажей смотрите иными глазами, нежели я, да и завязать их хотите в узел *немного* не так, как я их завязал. Но ведь немного! И столковаться очень можно.

Что касается Совета, то он, по-видимому, непогрешим! Я же, грешный человек, могу ошибаться, поэтому с величайшим вниманием отношусь ко всему, что исходит от Вас.

Надеюсь, что ни дискуссии, ни войны, ни мешанина нам не грозят. Я не менее Студии желаю хорошего результата, а не гроба! <...>

Во всяком случае, поднятия последних актов мы добьемся. А уж это много значит. С Вами во многом столкуемся. У актера и режиссера голова пухнуть не будет (у меня она уже лопнула). Рад, если пьеса пойдет срочно.

Если хотите, срочно ответьте мне на это письмо. Сообщите все Ваши соображения. Быть может, Вам удастся 3-й и 4-й акты пустить в виде 2-х картин (один акт). (Почему Вам так загорелось делать 3 акта?!)

Жду письма...

P.S. Извините, что письмо небрежно. Спешу: «Зойкина» задавила.

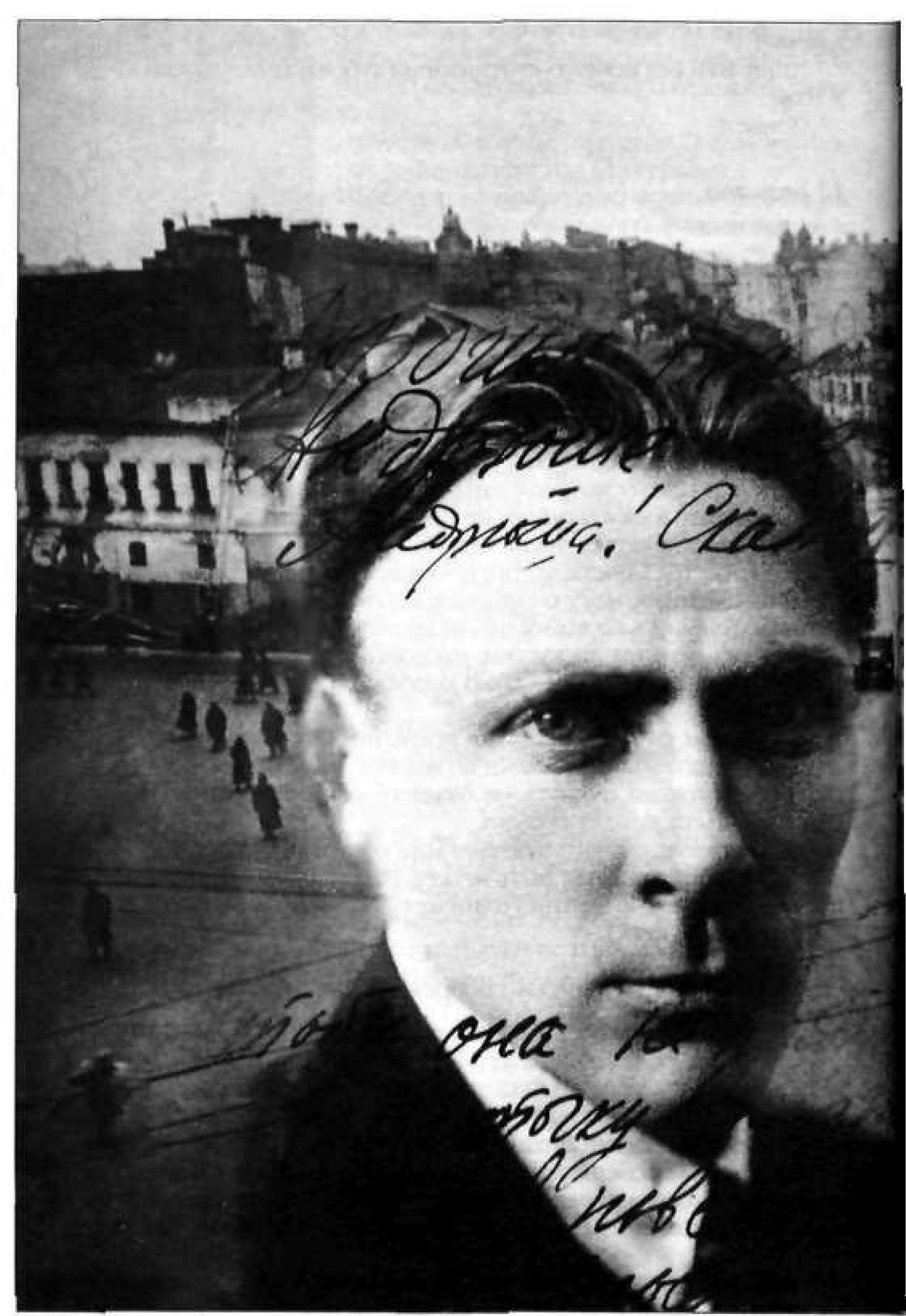
19 августа

В.В.ВЕРЕСАЕВУ

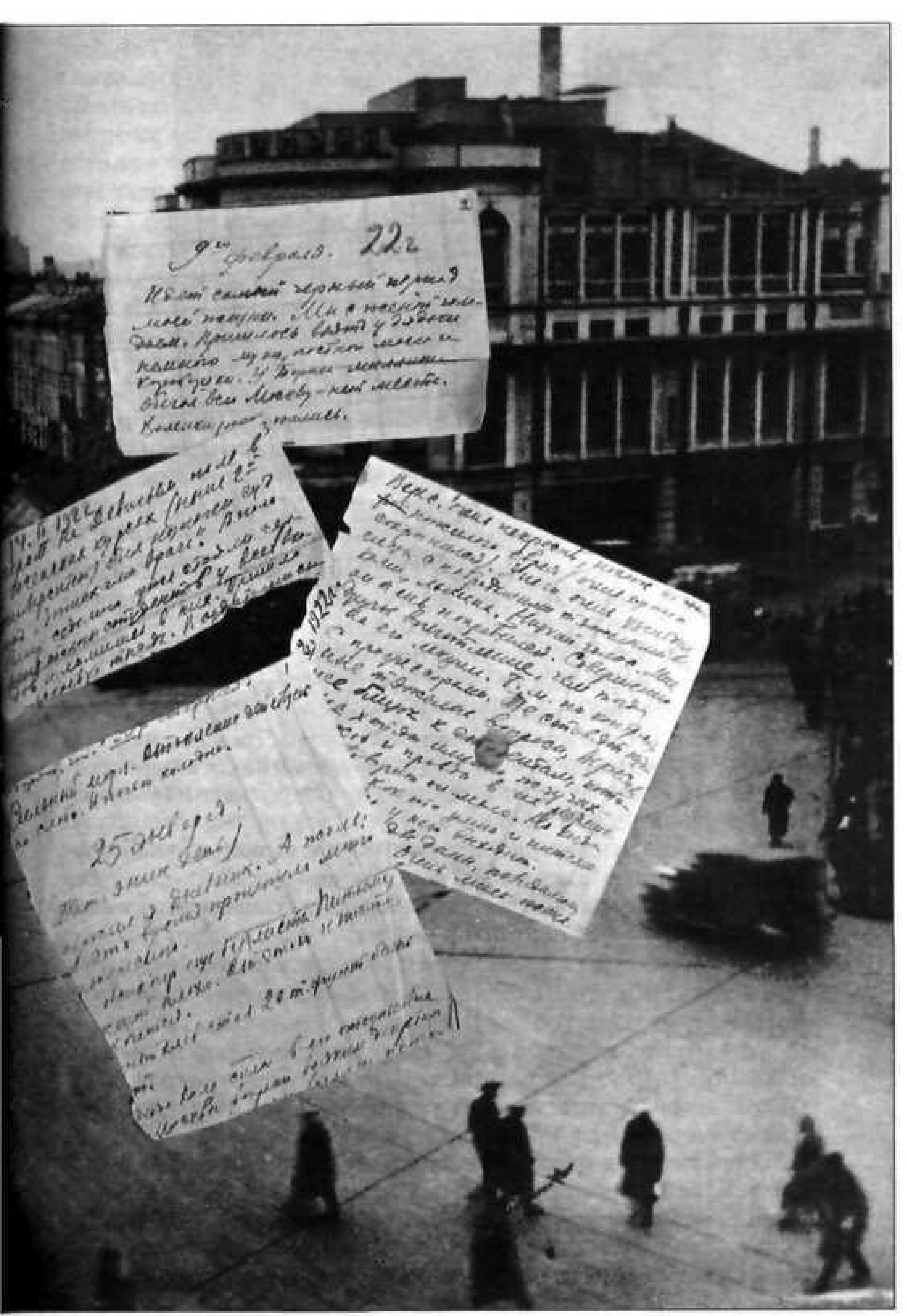
Дорогой Викентий Викентьевич!

Ежедневное созерцание моего управдома, рассуждающего о том, что такое излишек площади (я лично считаю излишним лишь все сверх 200 десятин), толкнуло меня на подачу анкеты в КУБУ.

Если Вы хоть немного отдохнули и меня не проклинаете, не черкнете ли квалификационной даме, сидящей под плакатом у Незлобинского театра, или мне (не упоминая об отрицательных сторонах моего характера) Ваше заключение обо мне.

Фотопортрет М.А.Булгакова, подаренный им Надежде и Андрею Земским.

Сохранившиеся фрагменты дневника, уничтоженного Булгаковым.

Афиша первого спектакля «Дни Турбиных» (МХАТ, 1926).
В.С.Соколова — Елена Тальберг, М.И.Прудкин — Шервинский .

Как скорее протолкнуть анкету и добиться зачисления?

Советом крайне обяжете!

Когда собираетесь вернуться? Как Ваше здоровье? Работаете ли над Пушкиным? Как море? Если ответите на все эти вопросы — обрадуете. О Вас всегда вспоминаю с теплом.

Мотаясь между Москвой и подмосковной дачей (теннис в те редкие промежутки, когда нет дождя), добился стойкого и заметного ухудшения здоровья.

Радуют многочисленные знакомые: при встречах говорят о том, как я плохо выгляжу, ласково и сочувственно осведомляются, почему я в Москве, или утверждают, что... с осени я буду богат!! (Намек на Театр.)

Последнюю мысль мне они внушили настолько, что я выкормил в душе одно — с осени платить долги!!!

В редкие минуты просветления, впрочем, сознаю, что мысль о богатстве — глупая мысль.

Итак, желаю Вам отдохнуть.

Преданный Вам М.Булгаков.

22 сентября

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА В ОГПУ

Показания по существу дела

Литературным трудом начал заниматься с осени 1919 г. в городе Владикавказе, при белых. Писал мелкие рассказы и фельетоны в белой прессе. В своих *произведениях я проявлял критическое и неприязненное отношение к Советской России.* С Освагом связан не был, предложений о работе в Осваге не получал. На территории белых я находился с августа 1919 г. по февраль 1920 г. *Мои симпатии были всецело на стороне белых, на отступление которых я смотрел с ужасом и недоумением.* В момент прихода Красной Армии я находился во

Владикавказе, будучи болен возвратным тифом. По выздоровлении стал работать с Совластью, заведуя ЛИТО Наробраза. Ни одной крупной вещи до приезда в Москву нигде не печатал. По приезду в Москву поступил в ЛИТО Главполитпросвета в качестве секретаря. Одновременно с этим начинал репортаж в московской прессе, в частности в «Правде». Первое крупное произведение было напечатано в альманахе «Недра» под заглавием «Дьяволиада», печатал постоянно и регулярно фельетоны в газете «Гудок», печатал мелкие рассказы в разных журналах. Затем написал роман «Белая гвардия», затем «Роковые яйца», напечатанные в «Недрах» и в сборнике рассказов. В 1925 г. написал повесть «Собачье сердце», нигде не печатавшуюся. Ранее этого периода написал повесть «Записки на манжетах».

Н.П.Хмелев — Алексей Турбин.

Записано с моих слов верно.

М.Булгаков.

<...>[1] были напечатаны «Дьяволиада» и «Роковые яйца». «Белая гвардия» была напечатана только двумя третями и недопечатана вследствие закрытия, т.е. прекращения толстого журнала «Россия».

«Повесть о собачьем сердце» не напечатана по цензурным соображениям. Считаю, что произведение «Повесть о собачьем сердце» вышло гораздо более злостным, чем я предполагал, создавая его, и причины запрещения печатания мне понятны. Очеловеченная собака Шарик — получилась, с точки зрения профессора Преображенского, отрицательным типом, т.к. подпала под влияние фракции. Это произведение я читал на Никитинских субботниках редактору «Недр» — т. Ангарскому и в кружке поэтов у Зайцева Петра Никаноровича и в «Зеленой лампе». В Никитинских субботниках было человек 40, в «Зеленой лампе» человек 15, и в кружке поэтов человек 20. Должен отметить, что неоднократно получал приглашения читать это произведение в разных местах и от них отказывался, т.к. понимал, что в своей сатире пересолил в смысле злостности и повесть возбуждает слишком пристальное внимание.

Вопрос: Укажите фамилии лиц, бывающих в кружке «Зеленая лампа»?

Ответ: Отказываюсь по соображениям этического порядка.

Вопрос: Считаете ли вы, что в «Собачьем сердце» есть политическая подкладка?

---

[1] Обрез верхней части листа.

Ответ: Да, политические моменты есть, оппозиционные к существующему строю.

М.Булгаков.

На крестьянские темы я писать не могу, потому что деревню не люблю. Она мне представляется гораздо более кулацкой, нежели это принято думать.

Из рабочего быта мне писать трудно, я быт рабочих представляю себе хотя и гораздо лучше, нежели крестьянский, но все-таки знаю его не очень хорошо. Да и интересуюсь я им мало и вот по какой причине: я занят. Я остро интересуюсь бытом интеллигенции русской, люблю ее, считаю хотя и слабым, но очень важным слоем в стране. Судьбы ее мне близки, переживания дороги.

Значит, я могу писать только из жизни интеллигенции в Советской стране. Но склад моего ума сатирический. Из-под пера выходят вещи, которые порою, по-видимому, остро задевают общественно-коммунистические круги.

Я всегда пишу по чистой совести и так, как вижу! Отрицательные явления жизни в Советской стране привлекают мое пристальное внимание, потому что в них я инстинктивно вижу большую пищу для себя (я — сатирик).

22 сентября 1926 г.
Михаил Булгаков.

30 октября

А.В.ЛУНАЧАРСКОМУ

Народному Комиссару Просвещения
Михаила Афанасьевича Булгакова
(Москва 34, Мал. Левшинский пер., 4, кв.1)

Заявление

7-го мая 1926 года при обыске, произведенном у меня в квартире представителями ОГПУ, у меня отобрана в числе других рукопись (3 тетради) под названием «Мой дневник».

Прошу вашего ходатайства о возвращении мне «Дневника», не предполагающегося для печати, содержащего многочисленные лично мне интересные и необходимые заметки.

Задержка «Дневника» приостановила работу мою над романом, не имеющим никакого отношения к политике, разрушила вконец весь мой литературный план года на 2 вперед.

Еще раз прошу о возвращении «Дневника».

Михаил Булгаков.

18 ноября

В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Дорогой Викентий Викентьевич!

При сем посылаю Вам два билета (для Вас и супруги Вашей) на «Дни Турбиных».

Кроме того, посылаю первые 50 рублей в уплату моего долга Вам.

Только вчера начал небольшими порциями получать гонорар (громадные суммы забрали крупные мои кредиторы и в первую очередь — Театр). Только этим объясняется моя задержка в уплате Вам.

Посылаю Вам великую благодарность, а сам направляюсь в ГПУ (опять вызвали).

Искренно преданный Вам М.Булгаков.

1927

28 ноября

ВО ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО КУЛЬТУРНОЙ СВЯЗИ С ЗАГРАНИЦЕЙ (ВОКС)

Прилагаемое при сем письмо в редакцию прошу перевести на соответствующие нижеследующим городам иностранные языки и напечатать в заграничных газетах в Риге, Ревеле, Берлине, Париже и Вене.

Прошу не отказать в любезности прислать мне копии переводов.

М.Булгаков.

ВО ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО КУЛЬТУРНОЙ СВЯЗИ С ЗАГРАНИЦЕЙ (ВОКС)

Письмо в редакцию

Гражданин редактор, не откажите напечатать следующее!

Мною получены срочные сведения, что за границей появился гр.Каганский и другие лица, фамилии коих мне еще неизвестны, которые, ссылаясь на якобы имеющуюся у них мою доверенность, приступили к эксплуатации моего романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных».

Настоящим извещаю, что никакой от меня доверенности у гр.Каганского и у других лиц, оперирующих сомнительными устными заявлениями, нет и быть не может.

Сообщаю, что ни Каганскому, ни другим лицам, утверждающим это устно, я экземпляров моих пьес «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» не передавал. Если у них такие экземпляры имеются, то это списанные или приобретенные без ведома автора и без ведома же автора отправленные за границу экземпляры. Возможна наличность черновиков или гранок незаконченного в СССР печатанием романа «Белая гвардия», присвоенного незаконным путем.

Настоящим прошу с Каганским или другими лицами, действующими при помощи сомнительных заявлений, ни в какие сделки по поводу постановки «Дней Турбиных» или инсценировок моего романа для кино или драмтеатра, или переводов на иностранные языки, или печатания на русском языке не вступать.

2/III-26г.

/М.А.Булгаков/

Договор по взаимному соглашению сторон расторгнут, аванс в сумме [illegible] рублей получен обратно.

Директор МХАТ: /Н.В.Егоров/

19/IV-27 года.

Акт о расторжении договора МХАТа с М.А.Булгаковым на постановку «Собачьего сердца». 1927.

Всех, кому известно местопребывание Каганского или вышеописанных лиц, прошу мне об этом местопребывании сообщить. <...>

Прошу тех, кто может это сделать в Берлине, написать мне фамилию лица или название издательства, выпустившего в свет перевод «Дней Турбиных» без моего разрешения.

Мой адрес: Москва, Большая Пироговская, 35а, кв. 6, тел. 2-03-27.

Заграничные газеты прошу это письмо перепечатать.

Михаил Афанасьевич Булгаков.

1928

21 февраля

АДМИНИСТРАТИВНОМУ ОТДЕЛУ МОССОВЕТА

В дополнение к заявлению в АОМС — М.А.Булгакова

Цель поездки за границу

Еду, чтобы привлечь к ответственности Захара Леонтьевича Каганского, объявившего за границей, что он якобы приобрел у меня права на «Дни Турбиных», и на этом основании выпустившего пьесу на немецком языке, закрепившего за собой «права» на Америку и т.д.

Каганский (и другие лица) полным темпом приступили к спекуляции моим литературным именем и поставили меня в тягостнейшее положение. В этом смысле мне необходимо быть в Берлине.

В Париж еду, чтобы вести переговоры с Театром Mathurins[1] (постановка «Дней Турбиных»), вести переговоры с Société des auteurs dramatigues[2], в которое я вступил.

---

[1] Театр Матюрен *(фр.)*.
[2] Общество драматургов *(фр.)*.

Прошу отпустить со мной жену, которая будет при мне переводчиком. Без нее мне будет крайне трудно выполнить все мои дела (не говорю по-немецки).

В Париже намерен изучать город, обдумывать план постановки пьесы «Бег», принятой ныне в Московский Художественный Театр (действие V «Бега» в Париже происходит).

Поездка не должна занять ни в коем случае более 2-х месяцев, после которых мне необходимо быть в Москве (постановка «Бега»).

Надеюсь, что мне не будет отказано в разрешении съездить по этим важным и добросовестно изложенным здесь делам.

М.Булгаков.
21/II 1928 г.

Москва, Больш. Пироговская 35а, кв. 6.

Телеф. 2-03-27.

P.S. Отказ в разрешении на поездку поставит меня в тяжелейшие условия для дальнейшей драматургической работы.

Л.Е.БЕЛОЗЕРСКОЙ

Дорогая кошечка,
на шкаф, на хозяйство, на портниху, на зубного врача, на сладости, на вино, на ковры и автомобиль — 30 рублей.

Кота я вывел на свежий воздух, причем он держался за мою жилетку и рыдал.

Твой любящий.

Я на тебя, Ларион, не сержусь.

16 марта

«ПИСЬМО М.А.БУЛГАКОВА»

Я, Михаил Афанасьевич Булгаков — автор пьесы «Дни Турбиных», прошу огласить следующее:

В газете «Дни», в конце февраля 1928 года, под заголовком «Дело М.Булгакова» появилось письмо в редакцию Захара Леонтьевича Каганского.

З.Л.Каганский сообщает, что он пьесу «Дни Турбиных» получил от М.Булгакова через его уполномоченного.

Я — М.Булгаков — извещаю всех, что, во-первых, у меня нет и не было никакого уполномоченного. Во-вторых, ни через какого уполномоченного ни одной из моих пьес я г. З.Каганскому не передавал, и, даже будь у меня уполномоченный, ни в коем случае именно г. З.Каганскому не передал бы.

Г-н З.Каганский пишет, что он выдал определенный аванс уполномоченному М.Булгакова, а я — М.Булгаков — сообщаю, что никакого аванса г. З.Каганский ни мне, ни уполномоченному не выдавал.

Г-н З.Каганский пишет, что он взял на себя обязательство платить мне — М.Булгакову. Я — М.Булгаков — сообщаю, что никакого обязательства г. З.Каганский не брал на себя, а если и взял перед не существующим в природе уполномоченным, то блестяще его (обязательство) не выполнил — ни одной копейки за пьесу «Дни Турбиных» ко мне от г. З.Каганского не поступало и не поступает.

Е.И.Замятин.
Рисунок Ю.П.Анненкова. 1921

Кроме того, я сообщаю, что в заголовке письма г. З.Каганского есть неточность; это не «Дело М.Булгакова», а «Дело З.Каганского».
И дело это заключается в следующем: Г-н З.Каганский ухитрился без моего ведома достать в России один из первых вариантов пьесы «Дни Турбиных» и выпустить его в переводе на немецкий язык в Берлине, снабдив издание ложной пометкой «Авторизованный перевод». Затем г. З.Каганский, не имея на то никаких прав, приступил к закреплению за собой «Дней Турбиных» не только в Европе, но и в Америке и к извлечению прибылей из героев пьесы М.Булгакова. Когда я, М.Булгаков, которому г. З.Каганский своими действиями причинил ущерб и крупные неприятности, приступил к извлечению из рук г. З.Каганского моей собственной пьесы, г. З.Каганский, в расчете на то, что Булгакову трудно будет дотянуться до Каганского из Москвы, напечатал ложное сообщение о том, что он якобы приобрел «Дни Турбиных» вместе с романом «Белая гвардия» у М.Булгакова (газета «Дни» в январе 1928 г.).

После опровержения М.Булгакова г. З.Каганский в газете «Дни» напечатал уже иное ложное сообщение, именно, что он якобы получил «Дни Турбиных» через уполномоченного М.Булгакова.

Мне неизвестно, что напечатает г. З.Каганский в третий раз, но мне хорошо известно, и об этом я считаю долгом предупредить всех, что, прежде чем читать (или печатать) письма г. З.Каганского, к ним следует отнестись с сугубой осторожностью.

Итак, вторично сообщаю, что ни на роман «Белая гвардия», ни на пьесу «Дни Турбиных» З.Л.Каганский прав не имеет.

Г-на З.Каганского я привлекаю к ответственности.

Михаил Афанасьевич Булгаков.

Москва, Б.Пироговская 35а, кв. 6.

16-го марта 1928 г.

Собственноручную подпись члена Драмсоюза, драматурга Михаила Афанасьевича Булгакова Драмсоюз удостоверяет

Уполномоченный Общества

И.Стрельников

12 апреля

Е.И.ЗАМЯТИНУ

Дорогие Людмила Николаевна и Евгений Иванович! Москва встретила меня кисло, и прежде всего я захворал. Тем не менее Канторовича я постараюсь найти. В тоске покидая Ваш очаровательный город, не то у Вас, не то у Николая Эрнестовича на

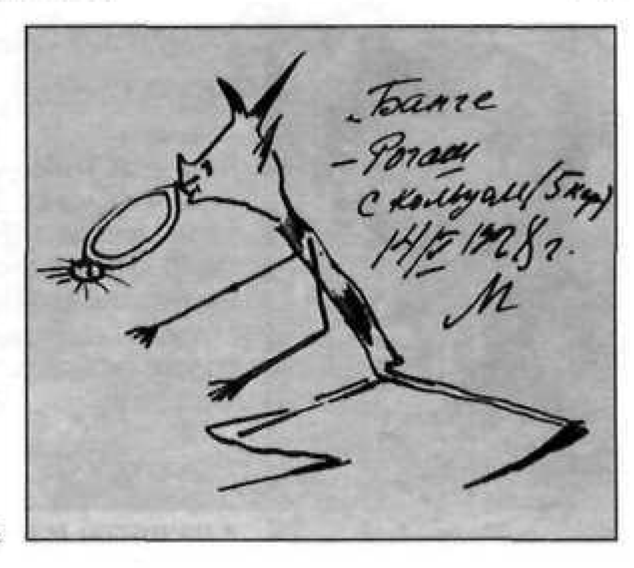

Рисунок М.А.Булгакова.

вешалке забыл свой шарф (двухцветный — лиловый с черным). Пришлите мне его! Передайте всем привет от меня! Желаю Вам весело провести праздники.

Ваш М.Булгаков.

P.S. Москва — противная.

22 апреля.

Е.И.ЗАМЯТИНУ

Гудермес (на Кавказе).

Дорогой Евгений Иванович!

Поручение Ваше выполнил, — говорил с Канторовичем. Он еще не получил роман Эренбурга, обещал Вам его послать по получении.

Совершенно больной еду в Тифлис.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛЛЕГИИ ОГПУ т. ЯГОДА

Литератора
Михаила Афанасьевича Булгакова

Заявление

Так как мне по ходу моих литературных работ необходимо перечитать мои дневники, взятые у меня при обыске в мае 1926 года, я обратился к Алексею Максимовичу Горькому с просьбой ходатайствовать перед ОГПУ о возвращении мне моих рукописей, содержащих крайне ценное лично для меня отражение моего настроения в прошедшие годы (1921—1925).

Алексей Максимович дал мне знать, что ходатайство его успехом увенчалось, и рукописи я получу.

Но вопрос о возвращении почему-то затянулся.

Я прошу ОГПУ дать ход этому моему заявлению и дневники мои мне возвратить.

М.Булгаков.

М.Чимишкиан («старичок»). 1920-е годы.

18—19 августа

Л.Е.БЕЛОЗЕРСКОЙ

Конотоп.

Дорогой Топсон! Еду благополучно и доволен, что вижу Украину. Только голодно в этом поезде зверски. Питаюсь чаем и видами. В купе я один и очень доволен, что можно писать. Привет домашним, в том числе и котам. Надеюсь, что к моему приезду второго уже не будет (продай его в рабство). Тиш, тиш, тиш.

Твой М.

18 августа 28 г. под Киевом.

Дорогой Топсон,

я начинаю верить в свою звезду: погода испортилась!

Твой М.

Тиш, тиш, тиш!

Как тянет земля, на которой человек родился.

19 августа.

Я в Одессе, гостиница «Империаль».

М.

19 сентября

К.МАРИЛУ

Глубокоуважаемый господин директор!

Так как мое последнее драматическое произведение «Бег» (Der Lauf) еще не разрешен к постановке в России, я не могу до получения разрешения иностранного отдела Главлита это произведение послать за границу.

Между тем я узнал, что мое произведение «Бег» без моего ведома кем-то через границу переправлено и что некто за границей пытается продать это произведение.

В связи с этим я прошу Вашу фирму, если это только возможно, взять на себя охрану моих прав...

В случае если я получу разрешение на постановку в России моей новой пьесы «Бег», я Вам тотчас перешлю.

М.Булгаков.

27 сентября

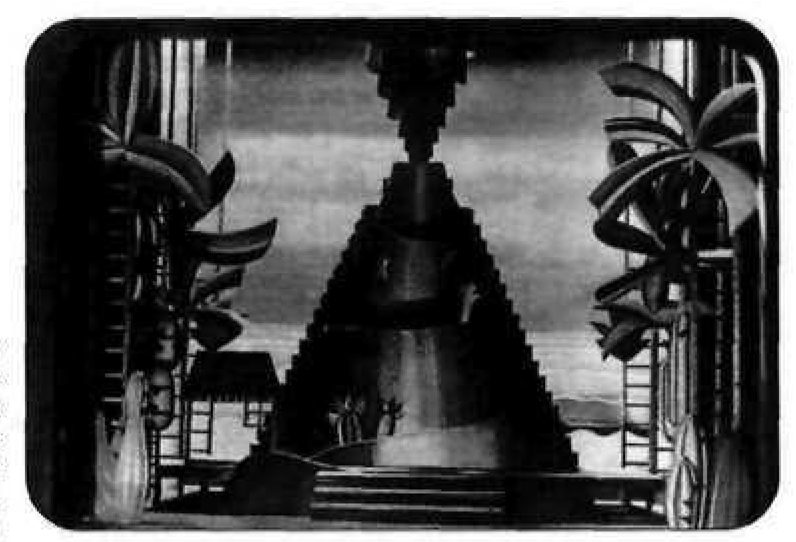
Е.И.ЗАМЯТИНУ

Дорогой Евгений Иванович!

На этот раз я задержал ответ на Ваше письмо именно потому, что хотел как можно скорее на него ответить.

К тем семи страницам «Премьеры», что лежали без движения в первом ящике, я за две недели приписал еще 13. И все 20 убористых страниц, выправив предварительно на них ошибки, вчера спалил в той печке, возле которой вы не раз сидели у меня.

И хорошо, что вовремя опомнился.

Эскиз декорации В.Ф.Рындина к «Багровому острову» в Московском камерном театре. 1928.

При живых людях, окружающих меня, о направлении в печать этого опуса речи быть не может.

Хорошо, что не послал. Вы меня извините за то, что я не выполнил обещания, я в этом уверен, если я скажу, что все равно не напечатали бы ни в коем случае.

Не будет «Премьеры»!

Вообще упражнения в области изящной словесности, по-видимому, закончились.

Плохо не это, однако, а то, что я деловую переписку запустил.

Человек разрушен.

К той любви, которую я испытываю к Вам, после Вашего поздравления присоединилось чувство ужаса (благоговейного).

Вы поздравили меня за две недели до разрешения «Багрового острова».

Значит, Вы пророк.

Что касается этого разрешения, то не знаю, что сказать. Написан «Бег». Представлен.

А разрешен «Багровый остров».

Мистика.

Кто? Что? Почему? Зачем?

Густейший туман окутывает мозги.

Я надеюсь, что Вы не лишите меня Ваших молитв!

А равно также привет Людмиле Николаевне!

Старичок гостил у нас. Вспоминали поездку на взморье. Ах, Ленинград, восхитительный город!

Ваш М.Булгаков.

8 октября

ИЗДАТЕЛЬСТВУ ЛАДЫЖНИКОВА В БЕРЛИНЕ

Настоящим письмом разрешаю Издательству Ladyschnikowa перевод на немецкий язык моей пьесы «Зойкина квартира», включение этой пьесы в число пьес этого издательства и охрану моих авторских интересов на условиях, указанных в письме Издательства Ladyschnikowa от 3-го октября 1928 года.

Николай Булгаков. Париж, 1929.

Сообщаю, что ни г. Лившицу, ни г. Каганскому никаких прав на эту пьесу я не предоставлял. Пьеса в печати в России не появлялась.
Согласен на то, чтобы Издательство Ладыжникова возбудило судебное преследование против лиц, незаконно пользующихся моим произведением «Зойкина квартира», на условиях, что Издательство Ладыжникова, как оно сообщало в письме от 3-го октября 1928 года, примет судебные издержки на себя.
Нотариальную доверенность вышлю Вам, как только она будет готова.
С искренним уважением —

Михаил Булгаков.

Москва, Большая Пироговская, 35а, кв. 6.
Михаил Афанасьевич Булгаков.

13 октября

Л.Е.БЕЛОЗЕРСКОЙ

За Харьковом.
Дорогой Любан,
я проснулся от предчувствия под Белгородом. И точно: в Белгороде мой международный вагон выкинули к черту, т.к. треснул в нем болт. И я еду в другом не международном вагоне. Всю ночь испортили... Не хочу, чтобы выкинули вагон!

М.

1929

25 апреля

Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Коля!
Сегодня узнал, что твой переезд в Париж уже решен. Я очень рад этому и искренне желаю, чтобы твоя судьба была там счастлива. Прошу тебя, как только ты двинешься, меня об этом известить, а по приезде в Париж *тотчас же* сообщить твой адрес. Возможно, что мне удастся помочь тебе материально.
Я уж просил тебя не негодовать на меня за крайне редкие мои письма. Наша страшная и долгая разлука ничего не изменила: не забываю и не забуду тебя и Ваню. <...>
Ты, наверное, знаешь, что такие скудные суммы мы посылали тебе потому, что больше не разрешалось.

19 июля

Е.И.ЗАМЯТИНУ

Дорогой Евгений Иванович! Насчет лазанья под биллиард: существует знаменитая формула: «Сегодня я, а завтра, наоборот. Ваша компания!»

П.А.Маркова в Москве нет. Где он и когда вернется, сразу узнать не удалось. Таиров (Александр Яковлевич) за границей и будет там до половины августа. По телефону узнал, что во 2-м МХАТе обязанности директора сейчас исполняет Резголь Антон Александрович. Вахтанговцы сейчас все в Москве и до 28-го июля будут играть в Парке культуры, а что дальше с ними будет — неизвестно. Желаю успеха, рад служить. И Любови Евгениевне, и Марике привет Ваш передал. Что касается старости, то если мы будем вести себя так, как ведем, то наша старость не будет блистательна. Передайте мой лучший привет Людмиле Николаевне, а также миллионщикам.

Ваш до гроба (который не за горами).

М.Булгаков.

P.S. Как изволите видеть, письмо касается лишь Вашего уважаемого поручения. Относительно же Вашей пьесы я Вам, как обещал, напишу. Ждите. Говорил я кое с кем, и во мраке маленький луч. Но если этот луч врет?! О Tempora, о Mores![1]

В Москве краткие грозы, прохладно, пасмурно, скучно. На душе и зуйно, и фонно.

Июль

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ПАРТИИ И.В.СТАЛИНУ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ Ц.И.КОМИТЕТА М.И.КАЛИНИНУ
НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВИСКУССТВА А.И.СВИДЕРСКОМУ
А.М.ГОРЬКОМУ

Литератора
Михаила Афанасьевича Булгакова
(Москва, Б.Пироговская, 35а, кв. 6, т. 2-03-27)

Заявление

В этом году исполняется десять лет с тех пор, как я начал заниматься литературной работой в СССР. Из этих десяти лет последние четыре года я посвятил драматургии, причем мною были написаны 4 пьесы. Из них три («Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Багровый остров») были поставлены на сценах государственных театров в Москве, а четвертая — «Бег» была принята МХАТом к постановке и в процессе работы театра над нею к представлению запрещена.

В настоящее время я узнал о запрещении к представлению «Дней Турбиных» и «Багрового острова». «Зойкина квартира» была снята после 200-го представления в прошлом сезоне по распоряжению властей. Таким образом, к настоящему театральному сезону все мои пьесы оказываются запрещенными, в том числе и выдержавшие около 300 представлений «Дни Турбиных».

В 1926-м году в день генеральной репетиции «Дней Турбиных» я был в сопровождении агента ОГПУ отправлен в ОГПУ, где подвергся допросу.

---

[1] О времена, о нравы! *(лат.)*

Несколькими месяцами раньше представителями ОГПУ у меня был произведен обыск, причем отобраны были у меня «Мой дневник» в 3-х тетрадях и единственный экземпляр сатирической повести моей «Собачье сердце».

Ранее этого подверглась запрещению повесть моя «Записки на манжетах». Запрещен к переизданию сборник сатирических рассказов «Дьяволиада», запрещен к изданию сборник фельетонов, запрещены в публичном выступлении «Похождения Чичикова». Роман «Белая гвардия» был прерван печатанием в журнале «Россия», т.к. запрещен был самый журнал.

По мере того как я выпускал в свет свои произведения, критика в СССР обращала на меня все большее внимание, причем ни одно из моих произведений, будь то беллетристическое произведение или пьеса, не только никогда и нигде не получило ни одного одобрительного отзыва, но, напротив, чем большую известность приобретало мое имя в СССР и за границей, тем яростнее становились отзывы прессы, принявшие наконец характер неистовой брани.

Все мои произведения получили чудовищные, неблагоприятные отзывы, мое имя было ошельмовано не только в периодической прессе, но в таких изданиях, как Б. Сов. Энциклопедия и Лит. Энциклопедия.

Бессильный защищаться, я подавал прошения о разрешении, хотя бы на короткий срок, отправиться за границу. Я получил отказ.

Мои произведения «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» были украдены и увезены за границу. В г. Риге одно из издательств дописало мой роман «Белая гвардия», выпустив в свет под моей фамилией книгу с безграмотным концом. Гонорар мой за границей стали расхищать.

Тогда жена моя Любовь Евгеньевна Булгакова вторично подала прошение о разрешении ей отправиться за границу одной для устройства моих дел, причем я предлагал остаться в качестве заложника.

Мы получили отказ.

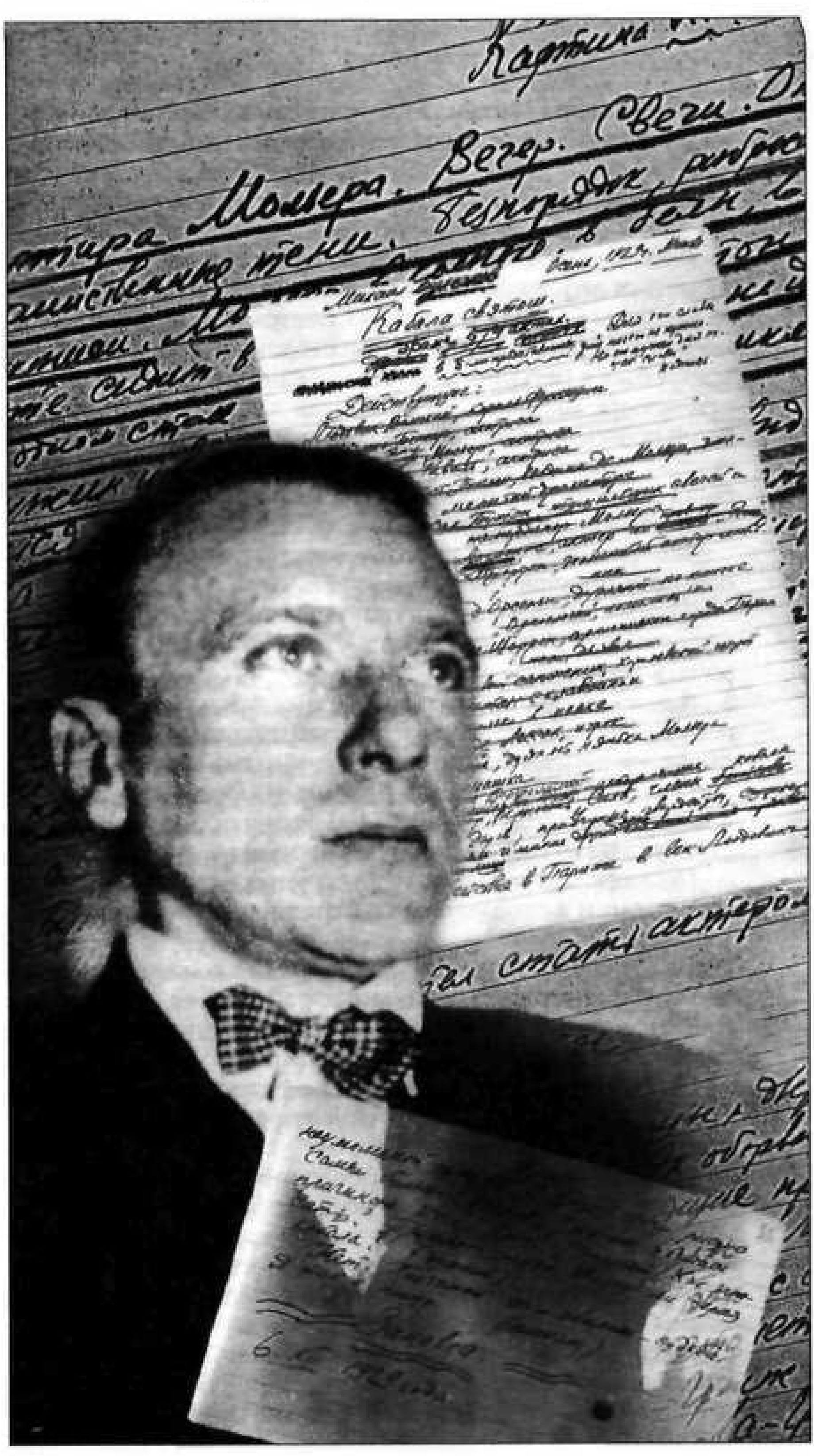
Я подавал много раз прошения о возвращении мне рукописи из ГПУ и получал отказы или не получал ответа на заявления.

Я просил разрешения отправить за границу пьесу «Бег», чтобы ее охранить от кражи за пределами СССР.

Я получил отказ.

К концу десятого года силы мои надломились, не будучи в силах более существовать, затравленный, зная, что ни печататься и ставиться более в пределах СССР мне нельзя, доведенный до нервного расстройства, я обращаюсь к Вам и прошу Вашего ходатайства перед Правительством СССР ОБ ИЗГНАНИИ МЕНЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ СССР ВМЕСТЕ С ЖЕНОЮ МОЕЙ Л.Е.БУЛГАКОВОЙ, которая к прошению этому присоединяется.

М.Булгаков.

Фрагменты рукописи пьесы «Кабала святош». 1929.

30 июля

НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВИСКУССТВА А.И.СВИДЕРСКОМУ

Литератора Михаила Афанасьевича Булгакова
(Москва, Б.Пироговская, 35а, кв. 6, т. 2-03-27)

Заявление

В этом году исполняется десять лет с тех пор, как я начал заниматься литературой в СССР. За этот срок я, ни разу не выезжая за пределы СССР (в Большой Советской Энциклопедии помещено в статье обо мне неверное сведение о том, что я якобы одно время был в Берлине), написал ряд сатирических повестей, а затем четыре пьесы, из которых три шли при неоднократных цензурных исправлениях, запрещениях их и возобновлениях на сценах государственных театров в Москве, а четвертая, «Бег», была запрещена в процессе работы над нею в Московском Художественном театре и света не увидела вовсе.

Теперь мне стало известно, что и остальные три к представлению запрещаются.

Таким образом, в наступающем сезоне ни одна из них, в том числе и любимая моя работа «Дни Турбиных», — больше существовать не будут.

Я должен сказать, что, в то время как мои произведения стали поступать в печать, а впоследствии на сцену, все они до одного подвергались в тех или иных комбинациях или сочетаниях запрещению, а сатирическая повесть «Собачье сердце», кроме того, изъята у меня при обыске в 1926 году представителями Государственного Политического Управления.

По мере того как я писал, критика стала обращать на меня внимание, и я столкнулся со страшным и знаменательным явлением:

Нигде и никогда в прессе в СССР я не получил *ни одного* одобрительного отзыва о моих работах, за исключением одного быстро и бесследно исчезнувшего отзыва в начале моей деятельности, да еще Вашего и А.М.Горького отзывов о пьесе «Бег».

Ни одного. Напротив: по мере того как имя мое становилось известным в СССР, пресса по отношению ко мне становилась все хуже и страшнее.

Обо мне писали как о проводнике вредных и ложных идей, как о представителе мещанства, произведения мои получали убийственные и оскорбительные характеристики, слышались непрерывные в течение всех лет моей работы призывы к снятию и запрещению моих вещей, звучала открытая даже брань.

Вся пресса направлена была к тому, чтобы прекратить мою писательскую работу, и усилия ее увенчались к концу десятилетия полным успехом: с удушающей документальной ясностью я могу сказать, что я не в силах больше существовать как писатель в СССР.

После постановки «Дней Турбиных» я просил разрешения вместе с моей женой на короткий срок уехать за границу — и получил отказ.

Когда мои произведения какие-то лица стали неизвестными мне путями увозить за границу и там расхищать, я просил о разрешении моей жене *одной* отправиться за границу — получил отказ.

Я просил о возвращении взятых у меня при обыске моих дневников — получил отказ.

Теперь мое положение стало ясным: ни одна строка моих произведений не пройдет в печать, ни одна пьеса не будет играться, работать в атмосфере полной безнадежности я не могу, за моим писательским уничтожением идет материальное разорение, полное и несомненное.

И вот я со всею убедительностью прошу Вас направить Правительству СССР мое заявление:

Я прошу Правительство СССР обратить внимание на мое невыносимое положение и разрешить мне выехать вместе с моей женой Любовью Евгеньевной Булгаковой за границу на тот срок, который будет найден нужным.

Михаил Афанасьевич Булгаков.

10 августа

Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Коля,
я надеюсь, что ты не откажешь мне в любезности зайти к моему корреспонденту Владимиру Львовичу Биншток (W.Bienstock 236, Boulevard Raspail Paris XIV) с письмом, которое при этом, и получить у него причитающиеся мне в счет гонорара по роману «Белая гвардия» одну тысячу сто франков.

Из них 400 франков я прошу тебя послать Ване, а остальные сохранить у себя впредь до моего письма по поводу их.

Очень прошу тебя немедленно подтвердить мне получение этого моего письма.

Я очень жалел, что ты известил меня о переезде в Париж не телеграммой, а письмом. Это было нужно мне, оттого я и просил.

Биншток — мой доверенный по печатанию «Белой гвардии» в Париже.

Желаю тебе счастливо устроиться в Париже и жду твоих писем. <...>

24 августа

Н.А.БУЛГАКОВУ

...Крайне также признателен тебе за готовность мне помочь в литературных делах моих. Иного я и не ждал.

Насчет того, что я не щедр на письма: что поделаешь!

Теперь сообщаю тебе, мой брат: положение мое неблагополучно.

Все мои пьесы запрещены к представлению в СССР, и беллетристической ни одной строки моей не напечатают. В 1929 году совершилось мое писательское уничтожение. Я сделал последнее усилие и подал Правительству СССР заявление, в котором прошу меня с женой моей выпустить за границу на любой срок.

В сердце у меня нет надежды. Был один зловещий признак — Любовь Евгеньевну не выпустили одну, несмотря на то что я оставался (это было несколько месяцев тому назад).

Вокруг меня уже ползет змейкой темный слух о том, что я обречен во всех смыслах.

В случае если мое заявление будет отклонено, игру можно считать оконченной, колоду складывать, свечи тушить.

Мне придется сидеть в Москве и не писать, потому что не только писаний моих, но даже фамилии моей равнодушно видеть не могут.

Без всякого малодушия сообщаю тебе, мой брат, что вопрос моей гибели это лишь вопрос срока, если, конечно, не произойдет чуда. Но чудеса случаются редко.

Очень прошу написать мне, понятно ли тебе это письмо, но ни в коем случае не писать мне *никаких слов утешения и сочувствия,* чтобы не волновать мою жену.

Вот тебе более щедрое письмо.

Нехорошо то, что этой весной я почувствовал усталость, разлилось равнодушие. Ведь бывает же предел... <...>

3 сентября

СЕКРЕТАРЮ ЦИК СОЮЗА ССР А.С.ЕНУКИДЗЕ

Ввиду того что абсолютная неприемлемость моих произведений для советской общественности очевидна,

в виду того что совершившееся полное запрещение моих произведений в СССР обрекает меня на гибель,

в виду того что уничтожение меня как писателя уже повлекло за собой материальную катастрофу (отсутствие у меня сбережений, невозможность платить налог и невозможность жить, начиная со следующего месяца, могут быть документально доказаны).

При безмерном утомлении

бесплодности всяких попыток

обращаюсь в верховный орган Союза — Центральный Исполнительный Комитет СССР и прошу разрешить мне вместе с женою моей Любовию Евгениевной Булгаковой выехать за границу на тот срок, который Правительство Союза найдет нужным назначить мне.

Михаил Афанасьевич Булгаков
(автор пьес «Дни Турбиных», «Бег» и других).

А.М.ГОРЬКОМУ

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Я подал Правительству СССР прошение о том, чтобы мне с женой разрешили покинуть пределы СССР на тот срок, какой мне будет назначен.

Прошу Вас, Алексей Максимович, поддержать мое ходатайство. Я хотел в подробном письме изложить Вам все, что проис-

Всероссийский Союз Писателей.

Московский Отдел

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 308

Предъявитель сего Михаил Афанасьевич Булгаков

Состоит членом Всероссийского Союза Писателей.

Председатель

Секретарь

Москва. 7 июня 1924 г.

Билет действителен по 31 декабря 1924 г.

ходит со мной, но мое утомление, безнадежность безмерны. Не могу ничего писать.

Все запрещено, я разорен, затравлен в полном одиночестве.

Зачем держать писателя в стране, где его произведения не могут существовать? Прошу о гуманной резолюции — отпустить меня.

Уважающий Вас М.Булгаков.

Убедительно прошу уведомить меня о получении этого письма.

6 сентября

Н.А.БУЛГАКОВУ

Милый Коля,
от тебя нет ответа на то письмо мое, в котором я сообщал тебе о моем положении. Начинаю думать, что ты его не получил. После него мною тебе отправлено письмо, где я просил проверить слух о том, что на французском языке появилась якобы моя запрещенная повесть «Собачье сердце». Жду известий от тебя.

2 октября

В ПРАВЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Михаила Афанасьевича
Булгакова

Заявление

Прошу меня из числа членов Всероссийского Союза Писателей исключить.

Михаил Булгаков.
2-го октября 1929 г.
Москва.

СПРАВКА.

Справка, выданная Булгакову в декабре 1929 года, о том, что его пьесы запрещены к публичному исполнению.

1930

16 января

Н.А.БУЛГАКОВУ

...Сообщаю о себе: все мои литературные произведения погибли, а также и замыслы. Я обречен на молчание и, очень возможно, на полную голодовку. В неимоверно трудных условиях во второй половине 1929 г. я написал пьесу о Мольере. Лучшими специалистами в Москве она была признана самой сильной из моих пяти пьес. Но все данные за то, что ее не пустят на сцену. Мучения с нею продолжаются уже полтора месяца, несмотря на то, что это Мольер, 17-й век, несмотря на то, что современность в ней я никак не затронул.

Если погибнет эта пьеса, средства спасения у меня нет — я сейчас уже *терплю бедствие.* Защиты и помощи у меня нет. Совершенно трезво сообщаю: корабль мой тонет, вода идет ко мне на мостик. Нужно мужественно тонуть. Прошу отнестись к моему сообщению внимательно.

Если есть какая-нибудь возможность прислать мой гонорар (банк? чек? я не знаю как) прошу прислать: *у меня нет ни одной копейки.* Я надеюсь, конечно, что присылка будет официальной, чтобы не вызвать каких-нибудь неприятностей для нас. <...>

21 февраля

Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Коля,
ты спрашиваешь, интересует ли меня твоя работа? Чрезвычайно интересует! <...> Я рад и горжусь тем, что в самых трудных усло-

виях жизни ты выбился на дорогу. Я помню тебя юношей, всегда любил, а теперь твердо убежден, что ты станешь ученым. <...>

Многие из моих знакомых расспрашивали меня о нашей семье, и меня всегда утешало то, что я мог говорить о твоих больших способностях.

Одна мысль тяготит меня, что, по-видимому, нам никогда не придется в жизни увидеться. Судьба моя была запутанна и страшна. Теперь она приводит меня к молчанию, а для писателя это равносильно смерти.

У меня есть встречный вопрос к тебе: интересует ли тебя моя литературная работа? Это напиши. Если хоть немного интересует, выслушай следующее и, если можно, со вниманием (хотя мой навык и чутье, кажется, подсказывают мне после внимательнейшего чтения твоих писем, что и интерес и внимание есть).

Я свою писательскую задачу в условиях неимоверной трудности старался выполнить, как должно. Ныне моя работа остановлена. Я представляю собою сложную (я так полагаю) машину, продукция которой в СССР не нужна. Мне это слишком ясно доказывали и доказывают еще и сейчас по поводу моей пьесы о Мольере.

По ночам я мучительно напрягаю голову, выдумывая средство к спасению. Но ничего не видно. Кому бы, думаю, еще написать заявление?..

Теперь о ближайшем: будь добр, еще некоторое время потерпи беспокойство (долго, я полагаю, затруднять тебя не буду!). В счет того, что выдал тебе из моего гонорара Владимир Львович, вышли мне опять через банк сколько-нибудь. Суммы, хотя бы и ничтожные, мне нужны. Я не знаю, сколько он тебе выдал? Но полностью не высылай, а сделай так: мне очень нужны чай, кофе, носки и чулки жене. Если незатруднительно, пришли посылку — чай, кофе, 2 пары носков и две пары чулок дамских (№ 9) (ни в коем случае ничего шелкового). Я не знаю, сколько это будет стоить. Желательно так: посылку в первую голову, если останется еще — долларов десять через банк, а остальные оставь у себя на какие-нибудь мои расходы. Если же я ошибаюсь в расчете — только посылку.

В случае *если Ваня бедствует,* мне посылку, а ему некоторую сумму из моих.

Сам рассчитай, прошу тебя!

15 марта наступит первый платеж фининспекции (подоходный налог за прошлый год). Полагаю, что, если какого-нибудь чуда не случится, в квартирке моей маленькой и сырой вдребезги (кстати: я несколько лет болею ревматизмом) не останется ни одного предмета. Барахло меня трогает мало. Ну, стулья, чашки, черт с ними. Боюсь за книги! Библиотека у меня плохая, но все же без книг мне гроб! Когда я работаю, я работаю очень серьезно — надо много читать.

Все, что начинается от слов «15 марта», не имеет делового характера — это не значит, что я жалуюсь или взываю о помощи в этом вопросе, сообщаю так, для собственного развлечения.

Помирись с мыслью, что мои письма к тебе станут частыми (повторяю, вероятно, ненадолго). Я, правда, не мастер писать письма: бьешься, бьешься, слова не лезут с пера, мысли своей как следует выразить не могу...

Очень жду известий. Будь бодр, смел, не забывай своего брата Михаила. Если найдется время, подумай о Михаиле Булгакове...

2 апреля

В ОГПУ

Прошу не отказать направить на рассмотрение Правительства СССР мое письмо от 28.III.1930 г., прилагаемое при этом.

М.Булгаков.

28 марта

ПРАВИТЕЛЬСТВУ СССР

Михаила Афанасьевича Булгакова
(Москва, Б.Пироговская, 35а, кв. 6)

Я обращаюсь к Правительству СССР со следующим письмом:

1.

После того как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен, как писатель, стали раздаваться голоса, подающие мне один и тот же совет:

Сочинить «коммунистическую пьесу» (в кавычках я привожу цитаты), а кроме того, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать как преданный идее коммунизма писатель-попутчик.

Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале.

Этого совета я не послушался. Навряд ли мне удалось бы предстать перед Правительством СССР в выгодном свете, написав лживое письмо, представляющее собой неопрятный и к тому же наивный политический курбет. Попыток же сочинить коммунистическую пьесу я даже не производил, зная заведомо, что такая пьеса у меня не выйдет.

Созревшее во мне желание прекратить мои писательские мучения заставляет меня обратиться к Правительству СССР с письмом правдивым.

2.

Произведя анализ моих альбомов вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных — было 3, враждебно-ругательных — 298.

Последние 298 представляют собой зеркальное отражение моей писательской жизни.

Героя моей пьесы «Дни Турбиных» Алексея Турбина печатно в стихах называли «СУКИНЫМ СЫНОМ», а автора пьесы рекомендовали, как «одержимого СОБАЧЬЕЙ СТАРОСТЬЮ». Обо мне писали как о «литературном УБОРЩИКЕ», подбирающем объедки после того, как «НАБЛЕВАЛА дюжина гостей».

Писали так:

«...МИШКА Булгаков, кум мой, ТОЖЕ, ИЗВИНИТЕ ЗА ВЫРАЖЕНИЕ, ПИСАТЕЛЬ, В ЗАЛЕЖАЛОМ МУСОРЕ шарит... Что это, спрашиваю, братишечка, МУРЛО у тебя... Я человек деликатный, возьми да и ХРЯСНИ ЕГО ТАЗОМ ПО ЗАТЫЛКУ... Обывателю мы без Турбиных вроде как БЮСТГАЛЬТЕР СОБАКЕ без нужды... Нашелся, СУКИН СЫН. НАШЕЛСЯ ТУРБИН, ЧТОБ ЕМУ НИ СБОРОВ, НИ УСПЕХА...» («Жизнь ИСКУССТВА», № 4 — 1927 г.).

Писали «О Булгакове, который чем был, тем и останется, НОВО-БУРЖУАЗНЫМ ОТРОДЬЕМ, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы» («Комс. Правда» 14/X. 1926 г.).

Сообщали, что мне нравится «АТМОСФЕРА СОБАЧЬЕЙ СВАДЬБЫ вокруг какой-нибудь рыжей жены приятеля» (А.Луначарский, «Известия», 8/X—1926 г.) и что от моей пьесы «Дни Турбиных» идет «ВОНЬ» (Стенограмма совещания при Агитпропе в мае 1927 г.), и так далее, и так далее...

Спешу сообщить, что цитирую я отнюдь не с тем, чтобы жаловаться на критику или вступать в какую бы то ни было полемику. Моя цель — гораздо серьезнее.

Я доказываю с документами в руках, что вся пресса СССР, а с нею вместе и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно и С НЕОБЫКНОВЕННОЙ ЯРОСТЬЮ доказывали, что произведения Михаила Булгакова в СССР не могут существовать.

И я заявляю, что пресса СССР СОВЕРШЕННО ПРАВА.

3.

Отправной точкой этого письма для меня послужит мой памфлет «Багровый остров».

Вся критика СССР, без исключений, встретила эту пьесу заявлением, что она «бездарна, беззуба, убога» и что она представляет «пасквиль на революцию».

Единодушие было полное, но нарушено оно было внезапно и совершенно удивительно.

В № 12 «Реперт. Бюлл.» (1928 г.) появилась рецензия П.Новицкого, в которой было сообщено, что «Багровый остров» — «интересная и остроумная пародия», в которой «встает зловещая тень Великого Инквизитора, подавляющего художественное творчество, культивирующего РАБСКИЕ ПОДХАЛИМСКИ-НЕЛЕПЫЕ ДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ ШТАМПЫ, стирающего личность актера и писателя», что в «Багровом острове» идет речь о «злове-

щей мрачной силе, воспитывающей ИЛОТОВ, ПОДХАЛИМОВ И ПАНЕГИРИСТОВ...».

Сказано было, что «если такая мрачная сила существует, НЕГОДОВАНИЕ И ЗЛОЕ ОСТРОУМИЕ ПРОСЛАВЛЕННОГО БУРЖУАЗИЕЙ ДРАМАТУРГА ОПРАВДАНО».

Позволительно спросить — где истина?

Что же такое, в конце концов, «Багровый остров»? — «Убогая, бездарная пьеса» или это «остроумный памфлет»?

Истина заключается в рецензии Новицкого. Я не берусь судить, насколько моя пьеса остроумна, но я сознаюсь в том, что в пьесе действительно встает зловещая тень и это тень Главного Репертуарного Комитета. Это он воспитывает илотов, панегиристов и запуганных «услужающих». Это он убивает творческую мысль. Он губит советскую драматургию и погубит ее.

Я не шепотом в углу выражал эти мысли. Я заключил их в драматургический памфлет и поставил этот памфлет на сцене. Советская пресса, заступаясь за Главрепертком, написала, что «Багровый остров» — пасквиль на революцию. Это несерьезный лепет. Пасквиля на революцию в пьесе нет по многим причинам, из которых, за недостатком места, я укажу одну: пасквиль на революцию, вследствие чрезвычайной грандиозности ее, написать НЕВОЗМОЖНО. Памфлет не есть пасквиль, а Главрепертком — не революция.

Но когда германская печать пишет, что «Багровый остров» это «первый в СССР призыв к свободе печати» («Молодая гвардия» № 1 — 1929 г.), — она пишет правду. Я в этом сознаюсь. Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, мой писательский долг, так же как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода.

4.

Вот одна из черт моего творчества и ее одной совершенно достаточно, чтобы мои произведения не существовали в СССР. Но с первой чертой в связи все остальные, выступающие в моих сатирических повестях: черные и мистические краски (я — МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное — изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М.Е.Салтыкова-Щедрина.

Нечего и говорить, что пресса СССР и не подумала серьезно отметить все это, занятая малоубедительными сообщениями о том, что в сатире М.Булгакова — «КЛЕВЕТА».

Один лишь раз, в начале моей известности, было замечено с оттенком как бы высокомерного удивления:

«М.Булгаков ХОЧЕТ стать сатириком нашей эпохи» («Книгоноша», № 6 — 1925 г.).

Увы, глагол «хотеть» напрасно взят в настоящем времени. Его надлежит перевести в плюсквамперфектум: М.Булгаков СТАЛ САТИРИКОМ и как раз в то время, когда никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно немыслима.

Не мне выпала честь выразить эту криминальную мысль в печати. Она выражена с совершеннейшей ясностью в статье В.Блюма (№ 6 «Лит. Газ.»),и смысл этой статьи блестяще и точно укладывается в одну формулу:

ВСЯКИЙ САТИРИК В СССР ПОСЯГАЕТ НА СОВЕТСКИЙ СТРОЙ.

Мыслим ли я в СССР?

5.

И наконец, последние мои черты в погубленных пьесах: «Дни Турбиных», «Бег» и в романе «Белая гвардия»: упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной исторической судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях «Войны и мира». Такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией.

Но такого рода изображения приводят к тому, что автор их в СССР, наравне со своими героями, получает — несмотря на свои великие усилия СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ — аттестат белогвардейца-врага, а получив его, как всякий понимает, может считать себя конченым человеком в СССР.

6.

Мой литературный портрет закончен и он же есть политический портрет. Я не могу сказать, какой глубины криминал можно отыскать в нем, но я прошу об одном: за пределами его не искать ничего. Он исполнен совершенно добросовестно.

7.

Ныне я уничтожен.

Уничтожение это было встречено советской общественностью с полною радостью и названо «ДОСТИЖЕНИЕМ».

Р.Пикель, отмечая мое уничтожение («Изв.» 15/IX — 1929 г.), высказал либеральную мысль:

«Мы не хотим этим сказать, что имя Булгакова вычеркнуто из списка советских драматургов».

И обнадежил зарезанного писателя словами, что «речь идет о его прошлых драматургических произведениях».

Однако жизнь, в лице Главреперткома, доказала, что либерализм Р.Пикеля ни на чем не основан.

18 марта 1930 года я получил из Главреперткома бумагу, лаконически сообщающую, что не прошлая, а новая моя пьеса «Кабала святош» («Мольер») К ПРЕДСТАВЛЕНИЮ НЕ РАЗРЕШЕНА.

Скажу коротко: под двумя строчками казенной бумаги погребены — работа в книгохранилищах, моя фантазия, пьеса, получившая от квалифицированных театральных специалистов бесчисленные отзывы — блестящая пьеса.

Р.Пикель заблуждается. Погибли не только мои прошлые произведения, но и настоящие и все будущие. И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе, черновик комедии и начало второго романа «Театр».

Все мои вещи безнадежны.

8.

Я прошу Советское Правительство принять во внимание, что я не политический деятель, а литератор, и что всю мою продукцию я отдал советской сцене.

Я прошу обратить внимание на следующие два отзыва обо мне в советской прессе.

Оба они исходят от непримиримых врагов моих произведений, и поэтому они очень ценны.

В 1925 году было написано:

«Появляется писатель, НЕ РЯДЯЩИЙСЯ ДАЖЕ В ПОПУТНИЧЕСКИЕ ЦВЕТА» (Л.Авербах, «Изв.», 20/IX — 1925 г.).

А в 1929 году:

«Талант его столь же очевиден, как и социальная реакционность его творчества» (Р.Пикель, «Изв.», 15/IX — 1929 г.).

Я прошу принять во внимание, что невозможность писать равносильна для меня погребению заживо.

9.

Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ СССР В СОПРОВОЖДЕНИИ МОЕЙ ЖЕНЫ ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЫ БУЛГАКОВОЙ.

10.

Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в отечестве, великодушно отпустить на свободу.

11.

Если же и то, что я написал, неубедительно и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское Правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера.

Я именно и точно и подчеркнуто прошу О КАТЕГОРИЧЕСКОМ ПРИКАЗЕ, О КОМАНДИРОВАНИИ, потому что все мои попытки найти работу в той единственной области, где я

могу быть полезен СССР, как исключительно квалифицированный специалист, потерпели полное фиаско. Мое имя сделано настолько одиозным, что предложения работы с моей стороны встретили ИСПУГ, несмотря на то, что в Москве громадному количеству актеров и режиссеров, а с ними и директорам театров, отлично известно мое виртуозное знание сцены.

Я предлагаю СССР совершенно честного, без всякой тени вредительства, специалиста режиссера и актера, который берется добросовестно ставить любую пьесу, начиная с шекспировских пьес и вплоть до пьес сегодняшнего дня.

Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный Театр — в лучшую школу, возглавляемую мастерами К.С.Станиславским и В.И.Немировичем-Данченко.

Если меня не назначат режиссером, я прошусь на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя — я прошусь на должность рабочего сцены.

Если же и это невозможно, я прошу Советское Правительство поступить со мной, как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего 5 пьес, известного в СССР и за границей, налицо, В ДАННЫЙ МОМЕНТ, — нищета, улица и гибель.

5 мая

И.В.СТАЛИНУ
ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Я не позволил бы себе беспокоить Вас письмом, если бы меня не заставляла сделать это бедность.

Я прошу Вас, если это возможно, принять меня в первой половине мая.

Средств к спасению у меня не имеется.

Уважающий Вас Михаил Булгаков.

6 августа

К.С.СТАНИСЛАВСКОМУ

Многоуважаемый Константин Сергеевич.

Вернувшись из Крыма, где лечил мои больные нервы после очень трудных для меня последних двух лет, пишу Вам простые неофициальные строки.

Запрещение всех моих пьес заставило меня обратиться к Правительству СССР с письмом, в котором я просил или отпустить меня за границу, если мне уже невозможно работать в качестве драматурга, или же предоставить мне возможность стать режиссером в театре СССР.

Есть единственный и лучший театр. Вам он хорошо известен. И в письме моем к Правительству написано было так: «Я про-

Елена Сергеевна — еще Шиловская. 1928.

шусь в лучшую школу, возглавляемую мастерами К.С.Станиславским и В.И.Немировичем-Данченко». Мое письмо было принято во внимание, и мне была дана возможность подать заявление в Художественный Театр и быть зачисленным в него.

После тяжелой грусти о погибших моих пьесах мне стало легче, когда я — после долгой паузы — и уже в новом качестве переступил порог театра, созданного Вами для славы страны.

Примите, Константин Сергеевич, с ясной душой нового режиссера. Поверьте, он любит Ваш Художественный Театр.

Возвращайтесь в Москву и вновь пройдите по сукну, окаймляющему зал.

Уважающий Вас Михаил Булгаков.

7 августа

Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Никол!

Вчера получил твое письмо из Zagreba от 31.VII 30, начинающееся словами «пишу это письмо, лежа в клинике...».

До этого ни одного из твоих писем я не получил. Последнее мое письмо к тебе содержало просьбу о лекарствах. На него (и на предыдущие) ответа от тебя уже не было.

Вчерашняя весть от тебя меня несколько оживила. Прошу срочно ответить на это письмо.

<...> Назначен режиссером в МХТ. Комментарии к этому, появившиеся в прессе за пределами СССР, мне неизвестны. В них, вероятно, много путаного, вымышленного.

<...> Даже в Москве какие-то сукины сыны распространили слух, что будто бы я получаю по 500 рублей в месяц в каждом театре. Вот уж несколько лет как в Москве и за границей вокруг моей фамилии сплетают вымыслы. Большей частью злостные.

Но ты, конечно, сам понимаешь, что черпать сведения обо мне можно только из моих писем — скудных хотя бы.

Итак: если у тебя имеются мои деньги и если хоть какая-нибудь возможность перевести в СССР есть, *ни минуты не медля,* переведи. <...>

Поправляйся. Надеюсь на вполне благоприятный исход твоей операции. Счастлив, что ты погружен в науку. Будь блестящ в своих исследованиях, смел, бодр и всегда надейся. Люба тебе шлет привет.

Твой Михаил.

1931

3 января

Е.С.ШИЛОВСКОЙ

Мой друг! Извини, что я так часто приезжал. Но сегодня я...[1]

И.В.СТАЛИНУ
ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ВКП(б)

О, муза! Наша песня спета...
И музе возвращу я голос,
И вновь блаженные часы
Ты обретешь, сбирая колос
С своей несжатой полосы.

Некрасов

Вступление

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Около полутора лет прошло с тех пор, как я замолк. Теперь, когда я чувствую себя очень тяжело больным, мне хочется просить Вас стать моим первым читателем...[1]

18 марта

К.С. СТАНИСЛАВСКОМУ

Дорогой и многоуважаемый Константин Сергеевич!

Я ушел из ТРАМа, так как никак не могу справиться с трамовской работой.

Я обращаюсь к Вам с просьбой включить меня, помимо режиссерства, также и в актеры Художественного Театра.

О моем разговоре по этому поводу с М.С.Гейтц подробно пишет Вам Рипсимэ Карповна.

Преданный М.Булгаков.

30 мая

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП (б)
ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

«Чем далее, тем более усиливалось во мне желание быть писателем современным. Но я видел в то же время, что, изображая современность, нельзя находиться в том высоко настроенном и спокойном состоянии, какое необходимо для проведения большого и стройного труда.

Настоящее слишком живо, слишком шевелит, слишком раздражает; *перо писателя нечувствительно переходит в сатиру.*

...мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большое самопожертвование и что именно для служ-

---

[1] На этом письмо обрывается (не отправлено).

бы моей отчизне я *должен буду воспитаться где-то вдали от нее.*

..я знал только то, что еду вовсе не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорей чтобы натерпеться, точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от нее».

Н.Гоголь

Я горячо прошу Вас ходатайствовать за меня перед Правительством СССР о направлении меня в заграничный отпуск на время с 1 июля по 1 октября 1931 года.

Сообщаю, что после полутора лет моего молчания с неудержимой силой во мне загорелись новые творческие замыслы, что замыслы эти широки и сильны, и я прошу Правительство дать мне возможность их выполнить.

С конца 1930 года я хвораю тяжелой формой нейрастении с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикончен.

Во мне есть замыслы, но физических сил нет, условий, нужных для выполнения работы, нет никаких.

Причина болезни моей мне отчетливо известна.

На широком поле словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашеный ли волк, стриженый ли волк, он все равно не похож на пуделя.

Со мной и поступили как с волком. И несколько лет гнали меня по правилам литературной садки в огороженном дворе.

Злобы я не имею, но я очень устал и в конце 1929 года свалился. Ведь и зверь может устать.

Зверь заявил, что он более не волк, не литератор. Отказывается от своей профессии. Умолкает. Это, скажем прямо, малодушие.

Нет такого писателя, чтобы он замолчал. Если замолчал, значит был не настоящий.

А если настоящий замолчал — погибнет.

Причина моей болезни — многолетняя затравленность, а затем молчание.

За последний год я сделал следующее:

несмотря на очень большие трудности, превратил поэму Н.Гоголя «Мертвые души» в пьесу;

работал в качестве режиссера МХТ на репетициях этой пьесы;

работал в качестве актера, играя за заболевших актеров в этих же репетициях;

был назначен в МХТ режиссером во все кампании и революционные празднества этого года;

служил в ТРАМе — Московском, переключаясь с дневной работы МХТовской на вечернюю ТРАМовскую;

ушел из ТРАМа 15.III.31 года, когда почувствовал, что мозг отказывается служить и что пользы ТРАМу не приношу;

взялся за постановку в театре Санпросвета (и закончу ее к июлю).

А по ночам стал писать.

Но надорвался[1].

Я переутомлен.

Сейчас все впечатления мои однообразны, замыслы повиты черным, я отравлен тоской и привычной иронией.

В годы моей писательской работы все граждане беспартийные и партийные внушали и внушили мне, что с того самого момента, как я написал и выпустил первую строчку, и до конца моей жизни я никогда не увижу других стран.

Если это так — мне закрыт горизонт, у меня отнята высшая писательская школа, я лишен возможности решить для себя громадные вопросы. Привита психология заключенного.

Как воспою мою страну — СССР?

Перед тем как писать Вам, я взвесил все. Мне нужно видеть свет и, увидев его, вернуться. Ключ в этом.

Сообщаю Вам, Иосиф Виссарионович, что я очень серьезно предупрежден большими деятелями искусства, ездившими за границу, о том, что там мне оставаться невозможно.

Меня предупредили о том, что, в случае если Правительство откроет мне дверь, я должен быть сугубо осторожен, чтобы как-нибудь нечаянно не захлопнуть за собой эту дверь и не отрезать путь назад, не получить бы беды похуже запрещения моих пьес.

По общему мнению всех, кто серьезно интересовался моей работой, я невозможен ни на какой другой земле кроме своей — СССР, потому что 11 лет черпал из нее.

К таким предупреждениям я чуток, а самое веское из них было от моей побывавшей за границей жены, заявившей мне, когда я просился в изгнание, что она за рубежом не желает оставаться и что я погибну там от тоски менее чем в год.

(Сам я никогда в жизни не был за границей. Сведение о том, что я был за границей, помещенное в Большой Советской Энциклопедии, — неверно.)

«Такой Булгаков не нужен советскому театру», — написал нравоучительно один из критиков, когда меня запретили.

Не знаю, нужен ли я советскому театру, но мне советский театр нужен как воздух.

Прошу Правительство СССР отпустить меня до осени и разрешить моей жене Любови Евгениевне Булгаковой сопровождать меня. О последнем прошу потому, что серьезно болен. Меня нужно сопровождать близкому человеку. Я страдаю припадками страха в одиночестве.

Если нужны какие-нибудь дополнительные объяснения к этому письму, я их дам тому лицу, к которому меня вызовут.

Но, заканчивая письмо, хочу сказать Вам, Иосиф Виссарионович, что писательское мое мечтание заключается в том, чтобы быть вызванным лично к Вам.

Поверьте, не потому только, что вижу в этом самую выгодную возможность, а потому что Ваш разговор со мной по телефону в апреле 1930 года оставил резкую черту в моей памяти.

Вы сказали: «Может быть, вам, действительно, нужно ехать за границу...»

---

[1] Обрыв текста примерно на треть листа.

В.В.Вересаев.

Я не избалован разговорами. Тронутый этой фразой, я год работал не за страх режиссером в театрах СССР.

М.Булгаков.

29 июня

В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Дорогой Викентий Викентьевич!

К хорошим людям уж и звонить боюсь, и писать, и ходить: неприлично я исчез с горизонта, сам понимаю.

Но, надеюсь, поверите, если скажу, что театр меня съел начисто. Меня нет. Преимущественно «Мертвые души». Помимо инсценирования и поправок, которых царствию, по-видимому, не будет конца, режиссура, а кроме того, и актерство (с осени вхожу в актерский цех — кстати, как Вам это нравится?) МХТ уехал в Ленинград, а я здесь вожусь с работой на стороне (маленькая постановка в маленьком театре).

Кончилось все это серьезно: болен я стал, Викентий Викентьевич. Симптомов перечислять не стану, скажу лишь, что на письма деловые перестал отвечать. И бывает часто ядовитая мысль — уж не свершил ли я, в самом деле, свой круг? По-ученому это называется нейростения, если не ошибаюсь.

А тут чудо из Ленинграда — один театр мне пьесу заказал.

Делаю последние усилия встать на ноги и показать, что фантазия не иссякла. А может, иссякла. Но такая тема дана, Викентий Викентьевич! Хочется безумно Вам рассказать! Когда можно к Вам прийти?

Видел позавчера сон: я сижу у Вас в кабинете, а Вы меня ругаете (холодный пот выступил).

Да не будет так наяву!

Марии Гермогеновне передайте и жены моей и мой привет! И не говорите, что я плохой. Я — умученный. Желаю Вам самого всего хорошего.

Ваш М.Булгаков.

1 июля

Н.А.ВЕНКСТЕРН

Все зависит от моих дел. Если все будет удачно, постараюсь в июле (может быть в 10-х числах) выбраться в Зубцов. <...>

План мой: сидеть во флигиле одному и писать, наслаждаясь высокой литературной беседкой с Вами. Вне писания буду вести голый образ жизни: халат, туфли, спать, есть. <...>

Расскажу по приезде много смешного и специально для Вас предназначенного. <...> Буду сидеть как Диоген в бочке.

22—28 июля

В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Дорогой Викентий Викентьевич!

Сегодня, вернувшись из г. Зубцова, где я 12 дней купался и писал, получил Ваше письмо от 17.VII и очень ему обрадовался. <...>

В самом деле: почему мы так редко видимся? В тот темный год, когда я был раздавлен и мне по картам выходило одно — поставить точку, выстрелив в себя, Вы пришли и подняли мой дух. Умнейшая писательская нежность!

Н.А.Венкстерн.

Но не только это. Наши встречи, беседы, Вы, Викентий Викентьевич, так дороги и интересны!

За то, что бремя стеснения с меня снимаете — спасибо Вам.

Причина — в моей жизни. Занятость бывает разная. Так вот, моя занятость неестественная. Она складывается из темнейшего беспокойства, размена на пустяки, которыми я вовсе не должен был бы заниматься, полной безнадежности, нейростенических страхов, бессильных попыток. У меня перебито крыло.

Я запустил встречи с людьми и переписку. Вот, например, последнее обстоятельство. Ведь это же поистине чудовищно! Приходят деловые письма, ведь нужно же отвечать! А я не отвечаю подолгу, а иногда и вовсе не отвечал.

Вы думаете, что я не пытался Вам писать, когда, чтобы навестить Вас, не выкраивалось время из-за театра? Могу уверить, что начинал несколько раз. Но я пяти строчек не могу сочинить письма. Я боюсь писать! Я жгу начало писем в печке. <...>

Есть у меня мучительное несчастье. Это то, что не состоялся мой разговор с генсекром. Это ужас и черный гроб. Я исступленно хочу видеть хоть на краткий срок иные страны. Я встаю с этой мыслью и с нею засыпаю.

Год я ломал голову, стараясь сообразить, что случилось? Ведь не галлюцинировал же я, когда слышал его слова? Ведь он же произнес фразу: «Быть может, Вам действительно нужно уехать за границу?..»

Он произнес ее! Что произошло? Ведь он же хотел принять меня?..

27.VII. Продолжаю: один человек с очень известной литературной фамилией и большими связями, говоря со мной по поводу другого моего литературного дела, сказал мне тоном полууверенности:

— У вас есть враг.

Тогда еще фраза эта заставила меня насторожиться. Серьезный враг? Это нехорошо. Мне и так трудно, а тогда уж и вовсе не справиться с жизнью. Я не мальчик и понимаю слово — «враг». В моем положении это — lasciate ogni sperantza[1]. Лучше самому запастись KCN'ом[2]! Я стал напрягать память. Есть десятки людей — в Москве, которые со скрежетом зубовным произносят

[1] «Оставь всякую надежду» *(итал.).* — Слова начертаны над вратами ада (из «Божественной комедии» Данте Алигьери).
[2] Цианистым калием.

Титульный лист «Белой гвардии» с дарственными надписями Е.С.Булгаковой.

мою фамилию. Но все это в мирке литературном или околотеатральном, все это слабое, все это дышит на ладан.
Где-нибудь в источнике подлинной силы как и чем я мог нажить врага?
И вдруг меня осенило! Я вспомнил фамилии! Это — А.Турбин, Кальсонер, Рокк и Хлудов (из «Бега»). Вот они мои враги! Недаром во время бессонниц приходят они ко мне и говорят со мной: «Ты нас породил, а мы тебе все пути преградим. Лежи, фантаст, с загражденными устами».
Тогда выходит, что мой главный враг — я сам.
Имеются в Москве две теории. По первой (у нее многочисленные сторонники) я нахожусь под непрерывным и внимательнейшим наблюдением, при коем учитывается всякая моя строчка, мысль, фраза, шаг. Теория лестная, но, увы, имеющая крупнейший недостаток.
Так на мой вопрос: «А зачем же, ежели все это так важно и интересно, мне писать не дают?», от обывателей московских вышла такая резолюция: «Вот тут-то самое и есть. Пишете Вы Бог знает что и поэтому должны перегореть в горниле лишений и неприятностей, а когда окончательно перегорите, тут-то и выйдет из-под Вашего пера хвала».

Но это совершенно переворачивает формулу «Бытие определяет сознание», ибо никак, даже физически, нельзя себе представить, чтобы человек, бытие которого составлялось из лишений и неприятностей, вдруг грянул хвалу. Поэтому я против этой теории.

Есть другая. У нее сторонников почти нет, но зато в числе их я.

По этой теории — ничего нет! Ни врагов, ни горнила, ни наблюдения, ни желания хвалы, ни призрака Кальсонера, ни Турбина, словом — ничего. Никому ничего это не интересно, не нужно, и об чем разговор? У гражданина шли пьесы, ну, сняли их, и в чем дело? Почему этот гражданин, Сидор, Петр или Иван, будет писать и во ВЦИК, и в Наркомпрос и всюду всякие заявления, прошения, да еще об загранице?! А что ему за это будет? Ничего не будет. Ни плохого, ни хорошего. Ответа просто не будет. И правильно, и резонно! Ибо если начать отвечать всем Сидорам, то получится форменное вавилонское столпотворение.

Вот теория, Викентий Викентьевич! Но только и она никуда не годится. Потому что в самое время отчаяния, нарушив ее, по счастию мне позвонил генеральный секретарь год с лишним назад. Поверьте моему вкусу: он вел разговор сильно, ясно, государственно и элегантно. В сердце писателя зажглась надежда: оставался только один шаг — увидеть его и узнать судьбу.

28.VII. Но упала глухая пелена. Прошел год с лишним. Писать вновь письмо, уж конечно, было нельзя.

И тем не менее этой весной я написал и отправил. Составлять его было мучительно трудно. В отношении к генсекретарю воз-

можно только одно — правда, и серьезная. Но попробуйте все уложить в письмо. Сорок страниц надо писать. Правда эта лучше всего могла бы быть выражена телеграфно:

«Погибаю в нервном переутомлении. Смените мои впечатления на три месяца. Вернусь!»

И все. Ответ мог быть телеграфный же: «Отправить завтра».

При мысли о таком ответе изношенное сердце забилось, в глазах показался свет. Я представил себе потоки солнца над Парижем! Я написал письмо. Я цитировал Гоголя, я старался все передать, чем пронизан.

К.С.Станиславский. 1933.

Но поток потух. Ответа не было. Сейчас чувство мрачное. Один человек утешал: «Не дошло». Не может быть. Другой, ум практический, без потоков и фантазий, подверг письмо экспертизе. И совершенно остался недоволен. «Кто поверит, что ты настолько болен, что тебя должна сопровождать жена? Кто поверит, что ты вернешься? Кто поверит?»

И так далее.

Я с детства ненавижу эти слова: «кто поверит?» Там, где это «кто поверит?» — я не живу, меня нет. Я и сам мог бы задать десяток таких вопросов: «А кто поверит, что мой учитель Гоголь? А кто поверит, что у меня есть большие замыслы? А кто поверит, что я — писатель?» И прочее и так далее.

Ныне хорошего ничего не жду. Но одна мысль терзает меня. Мне пришло время, значит, думать о более важном. Но, перед тем как решать важное и страшное, я хочу получить уж не отпуск, а справку. Справку-то я могу получить?

Кончаю письмо, а то я никогда его Вам не отошлю. Если вскоре не увидимся, напишу еще одно Вам о моей пьесе.

Викентий Викентьевич, я стал беспокоен, пуглив, жду все время каких-то бед, стал суеверен.

Желаю, чтобы Вы были здоровы, отдохнули. Марии Гермогеновне привет. Жду Вашего приезда, звонка. Любовь Евгеньевна в Зубцове.

Ваш М.Булгаков.

P.S. Перечитал и вижу, что черт знает как написано письмо! Извините!

30 августа

К.С.СТАНИСЛАВСКОМУ

Дорогой Константин Сергеевич!

Весною я получил предложение от одного из Ленинградских Театров (Красный Театр Госнардома) написать для него пьесу на тему о будущей войне. Театр дал мне возможность разработать эту тему по моему желанию, не стесняя меня никакими рамками.

Я написал 4-х актную пьесу «Адам и Ева».

М.А.Булгаков, В.Д.Долгоруков, С.С.Топленинов. Москва, 1927.

Совершенно железная необходимость заставила меня предоставить эту пьесу театру имени Вахтангова в Москве, который срочно заключил со мною договор, не меняя ни одной буквы из пьесы.

Я очень жалел, что пьеса не пошла в Художественном театре. Этому был ряд причин и притом неодолимых: нет никаких сомнений в том, что МХТ не заключил бы со мной договора вслепую, не зная пьесы, пришлось бы вести переговоры осенью, а я *физической* возможности не имел ждать до осени. Но кроме этого — в договорах МХТ существует твердо принятый вообще тяжелый, а для меня ужасный пункт о том, что в случае запрещения пьесы автор обязан вернуть аванс (я так уже возвращаю тысячу рублей за «Бег»).

Я вечно под угрозой запрещения. Немыслимый пункт! Кроме того, МХТ дает только аванс в счет будущих авторских, а не деньги за право постановки, а мне, обремененному за время моего запрещения авансами, уж и немыслимо их брать.

Вот почему пьеса срочно ушла в Театр Вахтангова.

Недавно во время моих переговоров с Большим Драматическим Театром *в Ленинграде,* я, связанный с ним давними отношениями, согласился, опять-таки срочно, написать для них пьесу по роману Л.Толстого «Война и мир».

Сообщаю Вам об этом, Константин Сергеевич. Если только у Вас есть желание включить «Войну и мир» в план работ Художественного театра, я был бы бесконечно рад предоставить ее Вам.

Было бы желательно, если бы Вы *в срочном порядке поставили бы вопрос о заключении договора на «Войну и мир».*

Повторяю: железная необходимость теперь руководит моими договорами. Считаю долгом сообщить, что пришлось при

заключении договора с *Ленинградом* дать Большому Драматическому Театру право премьеры. Ничего не мог поделать!

Но я лично полагаю, что беды от этого никакой нет.

Любящий и уважающий Вас М.Булгаков.

30 сентября

А.М.ГОРЬКОМУ

Многоуважаемый Алексей Максимович!

При этом письме посылаю Вам экземпляр моей пьесы «Мольер» с теми поправками, которые мною сделаны по предложению Главного Репертуарного Комитета.

В частности, предложено заменить название «Кабала святош» другим.

Уважающий Вас М.Булгаков.

26 октября

Е.И.ЗАМЯТИНУ

Дорогой Евгений Иванович!

Это что же за мода — не писать добрым знакомым? Когда едете за границу? Мне сказали, что Вы в конце октября или начале ноября приедете в Москву. Черкните в ответ — когда? Мои театральные дела зовут меня в Ленинград, и совсем уже было собрался, но кроме ленинградских дел существуют, как известно, и московские, так что я свою поездку откладываю на ноябрь.

Итак, напишите спешно, когда навестите Москву и где остановитесь, «Мольер» мой разрешен. Сперва Москва и Ленинград только, затем и повсеместно (литера «Б»). Приятная новость. Знатной путешественнице Людмиле Николаевне привет.

Жду Вашего ответа.

Ваш М.Булгаков.

P.S. Сейчас иду жаловаться, телефон испорчен и не чинят. Пишу это на тот предмет, что если приедете, а он еще работать не будет, то дайте знать о своем появлении иным каким-нибудь почтово-телеграфным образом. Приятно мне — провинциалу — полюбоваться трубкой и чемоданом туриста.

М.Б.

26 октября

П.С.ПОПОВУ

Дорогой Павел Сергеевич,
только что получил Ваше письмо от 24.X. Очень обрадовался.

Во-первых, все-таки в «десятках экземпляров», а не «экземпляр...ах». Ах, будьте упрямы и пишите, как писали до сих пор!

Но «ов» ли, «ах» ли, нет десятков! Мало отпечатал. Несмотря на это, приложу все старания к тому, чтобы Вас ознакомить с этим безмерно утомившим меня произведением искусства.

Второе: убили Вы меня бумагой, на которой пишите! Ай, хороша бумага! И вот изволите ли видеть, на какой Вам приходится отвечать! Да еще карандашом. Чернила у меня совершенно несносные. И я бы на месте Михаила Васильевича в том же

письме к генералу-поручику И.И.Шувалову воспел вместе со стеклом за компанию и письменные принадлежности.

«Не меньше пользы *в них,* не меньше *в них* красы»!

А мне, ох, как нужны они. На днях вплотную придется приниматься за гениального деда Анны Ильиничны. Вообще дела сверх головы и ничего не успеваешь и по пустякам разбиваешься, и переписка запущена позорно. Переутомление, проклятые житейские заботы!

Собирался вчера уехать в Ленинград, пользуясь паузой в МХТ, но получил открытку, в коей мне предлагается явиться завтра в Военный Комиссариат. Полагаю, что это переосвидетельствование. Надо полагать, что придется сидеть, как я уже сидел весною, в одном белье и отвечать комиссии на вопросы, не имеющие никакого отношения ни к Мольеру, ни к парикам, ни к шпагам, испытывать чувства тяжкой тоски. О, Праведный Боже, до чего же я не нужен ни в каких комиссариатах. Надеюсь, впрочем, что станет ясно, что я мыслим только на сцене и дадут мне чистую и отпустят вместе с моим больным телом и душу на покаяние! <...>

«Мольер» мой получил литеру Б (разрешение на повсеместное исполнение).

Привет Анне Ильиничне! От Любови Евгениевны привет!

Жду Вашего ответа, адреса, жму руку.

Ваш М.Булгаков.

Б.Пироговская, 35а, кв. 6 (как совершенно справедливо Вы и пишете).

31 октября

Е.И.ЗАМЯТИНУ

Из Москвы в Ленинград.

Дорогой Агасфер!

Когда приедете в Москву, дайте мне знать о своем появлении и местопребывании, каким Вам понравится способом — хотя бы, скажем, запиской в МХТ, ибо телефон мой — сволочь — не подает никаких признаков жизни.

Из трех эм'ов в Москве остались, увы, только два — Михаил и Мольер.

Что касается Людмилы Николаевны, то я поздравляю ее с интересной партией. Она может петь куплет:

Вот удачная афера,
Вышла я за Агасфера.

Итак, семейству Агасферовых привет!

31 декабря

К.С.СТАНИСЛАВСКОМУ

Дорогой Константин Сергеевич!

Я на другой же день после репетиции вечеринки в «Мертвых душах» хотел написать это письмо, но, во-первых, стеснялся, а во-вторых, не был связан с Театром (простужен).

Цель этого неделового письма выразить Вам то восхищение, под влиянием которого я нахожусь все эти дни. В течение трех часов Вы на моих глазах ту узловую сцену, которая замерла и не шла, превратили в живую. Существует театральное волшебство!

Во мне оно возбуждает лучшие надежды и поднимает меня, когда падает мой дух. Я затрудняюсь сказать, что более всего восхитило меня. Не знаю, по чистой совести. Пожалуй, Ваша фраза по образу Манилова: «Ему ничего нельзя сказать, ни о чем нельзя спросить — сейчас же прилипнет» — есть высшая точка. Потрясающее именно в театральном смысле определение, а показ как это сделать — глубочайшее мастерство!

Я не беспокоюсь относительно Гоголя, когда Вы на репетиции. Он придет через Вас. Он придет в первых картинах представления в смехе, а в последней уйдет, подернувшись пеплом больших раздумий. Он придет.

Ваш М.Булгаков.

1932

25—30 января

П.С.ПОПОВУ

Дорогой Павел Сергеевич!

Вот, наконец-то, пишется ответ на Ваше последнее письмо.

Бессонница, ныне верная подруга моя, приходит на помощь и водит пером. Подруги, как известно, изменяют. О, как желал бы я, чтоб эта изменила мне!

Итак, дорогой друг, чем закусывать, спрашиваете Вы? Ветчиной. Но этого мало. Закусывать надо в сумерки на старом потертом диване среди старых и верных вещей. Собака должна сидеть на полу у стула, а трамваи слышаться не должны. Сейчас шестой час утра, и вот они уже воют, из парка расходятся. Содрогается мое проклятое жилье. Впрочем, не буду гневить судьбу, а то летом, чего доброго, и его лишишься — кончается контракт.

Впервые ко мне один человек пришел, осмотрелся и сказал, что у меня в квартире живет хороший домовой. Надо полагать, что ему понравились книжки, кошка, горячая картошка. Он ненаблюдателен. В моей яме живет скверная компания: бронхит, рейматизм и черненькая дамочка — Нейростения. Их выселить нельзя. Дудки! От них нужно уехать самому.

Куда?

Куда, Павел Сергеевич?

Впрочем, полагаю, что такое письмо Вам радости не доставит, и перехожу к другим сообщениям.

Вы уже знаете? Дошло к Вам в Ленинград и Тярлево? Нет? Извольте: 15 января днем мне позвонили из Театра и сообщили, что «Дни Турбиных» срочно возобновляются. Мне неприятно признаться: сообщение меня раздавило. Мне стало физически нехорошо. Хлынула радость, но сейчас же и моя тоска. Сердце, сердце!

Предшествовал телефону в то утро воистину колдовской знак. У нас новая домработница, девица лет 20-ти, похожая на

глобус. С первых же дней обнаружилось, что она прочно, по-крестьянски, скупа и расчетлива, обладает дефектом речи и богатыми способностями по счетной части, считает излишним существование на свете домашних животных — собак и котов («кормить их еще, чертей») и страдает при мысли, что она может опоздать с выходом замуж. Но кроме всего этого, в девице заключается какой-то секрет, и секрет мучительный. Наконец он открылся: сперва жена моя, а затем я с опозданием догадались — девица оказалась трагически глупа. Глупость выяснилась не простая, а, так сказать, экспортная, приводящая веселых знакомых в восторг. И при этом в венце такого упрямства, какого я еще не видал. Краткие лекции по разным вопросам, чтение которых принял на себя я, дали блестящие результаты — в головах и у девицы и у меня сделалось окончательное месиво. Курс драматургии я исключил, сочтя по наивности девицу стоящей вне театра. Но я упустил из виду, что кроме моего университета существуют шесть кухонь в нашем доме с Марусями и Грушами и Нюшами.

28.I. Продолжаю: Девица если не полностью курс драматургии, то во всяком случае историю драматургии Михаила Булгакова в кухне прослушала. И это ей понравилось, ибо драматургия, как известно, родная сестра бухгалтерии.

И в то время как в салоне арендаторши решаются сложнейшие задачи — как и какую финансовую операцию учинить над М.А.Булгаковым ближайшим летом, в кухне бьются над именованными числами попроще: сколько метров ситца можно было бы закупить и включить в состав девицыного приданого, в случае ежели бы пьесы щедрого драматурга пошли на сцене.

29.I. Боюсь, что письмо длинно. Но в полном моем одиночестве давно уже ржавеет мое перо, ведь я не совсем еще умер, я хочу говорить настоящими моими словами!

Итак: 15-го около полудня девица вошла в мою комнату и, без какой бы то ни было связи с предыдущим или последующим, изрекла твердо и пророчески:

— Трубная пьеса ваша пойдеть. Заработаете тыщу.

И скрылась из дому.

А через несколько минут — телефон.

С уверенностью можно сказать, что из Театра не звонили девице, да и телефонов в кухнях нет. Что же этакое? Полагаю — волшебное происшествие.

Далее — Театр. Павел Сергеевич, мою пьесу встретили хорошо, во всех цехах, и смягчилась моя душа!

А далее плеснуло в город. Мать честная, что же это было!

30.I. Было три несчастья. Первое вылилось в формулу: «Поздравляю. Теперь Вы разбогатеете!» Раз — ничего. Два — ничего. Но на сотом человеке стало тяжко. А все-таки некультурны мы! Что за способ такой поздравлять! Тем более что по отношению ко мне на долгий еще срок такого сорта поздравление звучит глупейшим издевательством. Я с ужасом думаю о будущем лете и о квартирном вопросе.

Номер второй: «Я смертельно обижусь, если не получу билета на премьеру». Это казнь египетская.

Фотография, подаренная М.А.Булгаковым Елене Сергеевне к ее 37-летию.

Третье хуже всего: московскому обывателю оказалось до зарезу нужно было узнать: «Что это значит?!» И этим вопросом они стали истязать меня. Нашли источник! Затем жители города решили сами объяснить, что это значит, видя, что ни автор пьесы, ни кто-либо другой не желает или не может этого объяснить. И они наобъясняли, Павел Сергеевич, такого, что свет померк в глазах. Кончилось тем, что ко мне ночью вбежал хорошо знакомый человек с острым носом, с большими сумасшедшими глазами. Воскликнул: «Что это значит?!»

— А это значит, — ответил я, — что горожане и преимущественно литераторы играют IX главу твоего романа, которую я в твою честь, о великий учитель, инсценировал. Ты же сам сказал: «в голове кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность в мыслях... вызначилась природа маловероятная, ленивая, исполненная беспрерывных сомнений и вечной боязни». Укрой меня своей чугунною шинелью!

И он укрыл меня, и слышал я уже глуше, как шел театральный дождь — и бухала моя фамилия, и турбинская фамилия, и «Шаляпин приезжает, и Качалову ногу отрезали»!! (Качалов точно болен, но нельзя же все-таки народным артистам ноги отхватывать! А Шаляпин, кажется, не приезжает, и только зря в Большом телефон оборвали. Языки бы им оборвать!)

Ну, а все-таки, Павел Сергеевич, что же это значит? Я-то знаю? Я знаю:

В половине января 1932 года, в силу причин, которые мне неизвестны и в рассмотрение коих я входить не могу, Правительство СССР отдало по МХТ замечательное распоряжение — пьесу «Дни Турбиных» возобновить.

Для автора этой пьесы это значит, что ему — автору — возвращена часть его жизни. Вот и все.

15 марта

В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Дорогой Викентий Викентьевич!

...Вчера получил известие о том, что «Мольер» мой в Ленинграде в гробу. Большой Драматический Театр прислал мне письмо,

в котором сообщает, что худполитсовет отклонил постановку и что Театр освобождает меня от обязательств по договору.

Мои ощущения?

Первым желанием было ухватить кого-то за горло, вступить в какой-то бой. Потом наступило просветление. Понял, что хватать некого и неизвестно за что и почему. Бои с ветряными мельницами происходили в Испании, как Вам известно, задолго до нашего времени.

Это нелепое занятие.

Я — стар.

И мысль, что кто-нибудь со стороны посмотрит холодными и сильными глазами, засмеется и скажет: «Ну-ну, побарахтайся, побарахтайся»... Нет, нет, немыслимо!

Сознание своего полного, ослепительного бессилия нужно хранить про себя.

Живу после извещения в некоем щедринском тумане.

На столе лежит пьеса, на пьесе литера «Б» Главреперткома. Но если вглядеться, то оказывается, что ни пьесы, ни литеры нет! Чудеса...

19 марта

П.С.ПОПОВУ

...Большой Драматический Театр в Ленинграде прислал мне сообщение о том, что худполитсовет отклонил мою пьесу «Мольер». Театр освободил меня от обязательств по договору.

а) На пьесе литера «Б» Главреперткома, разрешающая постановку безусловно.

б) За право постановки Театр автору заплатил деньги.

в) Пьеса уже шла в работу.

Что же это такое?

Прежде всего это такой удар для меня, что описывать его не буду. Тяжело и долго.

На апрельскую (примерно) премьеру на Фонтанке я поставил все. Карту убили. Дымом улетело лето... ну, словом, что тут говорить!

О том, что это настоящий удар, сообщаю Вам одному. Не говорите никому, чтобы на этом не сыграли и не причинили бы мне дальнейший вред.

Далее это обозначает, что, к ужасу моему, виза Главреперткома действительна на всех пьесах, кроме моих.

Приятным долгом считаю заявить, что на сей раз никаких претензий к государственным органам иметь не могу. Виза — вот она. Государство в лице своих контрольных органов не снимало пьесы. И оно не отвечает за то, что театр снимает пьесу.

Кто же снял? Театр? Помилуйте! За что же он 1200 рублей заплатил и гонял члена дирекции в Москву писать со мной договор?

Наконец, грянула информация из Ленинграда. Оказалось, что пьесу снял не государственный орган. Уничтожил Мольера совершенно неожиданный персонаж! Убило Мольера частное, не ответственное, не политическое, кустарное и скромное лицо

и по соображениям совершенно не политическим. Лицо это по профессии драматург. Оно явилось в Театр и так напугало его, что он выронил пьесу.

Первоначально, когда мне сообщили о появлении драматурга, я засмеялся. Но очень быстро смеяться я перестал. Сомнений, увы, нет. Сообщают разные лица.

Что же это такое?

Это вот что: на Фонтанке, среди бела дня, меня ударили сзади финским ножом при молчаливо стоящей публике. Театр, впрочем, божится, что он кричал «караул», но никто не прибежал на помощь.

Не смею сомневаться, что он кричал, но он тихо кричал. Ему бы крикнуть по телеграфу в Москву, хотя бы в Народный Комиссариат Просвещения.

Вс. Вишневский. 1918

Сейчас ко мне наклонилось два-три сочувствующих лица. Видят, плывет гражданин в своей крови. Говорят: «Кричи!!» Кричать, лежа, считаю неудобным. Это не драматургическое дело!

Просьба, Павел Сергеевич: может быть, Вы видели в ленинградских газетах след этого дела. Примета: какая-то карикатура, возможно, заметки. Сообщите!

Зачем? Не знаю сам. Вероятно, просто горькое удовольствие еще раз взглянуть в глаза подколовшему.

Когда сто лет назад командора нашего русского ордена писателей пристрелили, на теле его нашли тяжелую пистолетную рану. Когда через сто лет будут раздевать одного из потомков перед отправкой в дальний путь, найдут несколько шрамов от финских ножей. И все на спине.

Меняется оружие!

Продолжение последует, если не возражаете. Пасмурно у меня на душе.

Ваш М.Булгаков.

27 марта

П.С.ПОПОВУ

...Нет, нет, дорогой друг, дело не в капитальном строительстве. Пьеса находится не в Александровском (Ак-Драма), а в Большом Драматическом Театре (БДТ) на Фонтанке в № 65.

То есть, вернее, находилась, потому что сейчас она находится в земле.

Похоронил же ее, как я Вам точно сообщаю, некий драматург, о коем мною уже получены многочисленные аттестации. И аттестации эти одна траурнее другой.

Внешне: открытое лицо, работа «под братишку», в настоящее время крейсирует в Москве.

Меня уверяют, что есть надежда, что его догонит в один прекрасный момент государственный корвет, идущий под военным флагом, и тогда флибустьер пойдет ко дну в два счета.

М.А.Файнзильберг, В.П.Катаев, М.А.Булгаков, Ю.К.Олеша, И.П.Уткин на похоронах В.В.Маяковского. 17 апреля 1930. Фото И.Ильфа.

Но у меня этой надежды нисколько нет (источник не солидный уверяет).

Да черт с ним, с флибустьером! Сам он меня не интересует. Для меня есть более важный вопрос: что же это, в конце концов, будет с «Мольером» вне Москвы. Ведь такие плавают в каждом городе... <...>

14—20 апреля

П.С.ПОПОВУ

...Старых друзей нельзя забывать — Вы правы. Совсем недавно один близкий мне человек утешил меня предсказанием, что когда я вскоре буду умирать и позову, то никто не придет ко мне, кроме Черного Монаха. Представьте, какое совпадение. Еще до этого предсказания засел у меня в голове этот рассказ. И страшновато как-то все-таки, если уж никто не придет. Но что же поделаешь, сложилась жизнь моя так.

Теперь уже всякую ночь я смотрю не вперед, а назад, потому что в будущем для себя я ничего не вижу. В прошлом же я совершил пять роковых ошибок. Не будь их, не было бы разговора о Монахе, и самое солнце светило бы мне по-иному, и сочинял бы я, не шевеля беззвучно губами на рассвете в постели, а как следует быть, за письменным столом.

Но теперь уже делать нечего, ничего не вернешь. Проклинаю я только те два припадка нежданной, налетевшей, как обморок, робости, из-за которой я совершил две ошибки из пяти. Оправдание у меня есть: эта робость была случайна — плод утомления. Я устал за годы моей литературной работы. Оправдание есть, но утешения нет.

15.IV. Продолжаю.

Итак, усталый, чувствуя, что непременно надо и пора подводить итог, принять все окончательные решения, я все проверяю прошедшую жизнь и вспоминаю, кто же был моим другом. Их

так мало. Я помню Вас, во всяком случае помню твердо, Павел Сергеевич.

20.IV. Что за наказание! Шесть дней пишется письмо! Дьявол какой-то меня заколдовал.

Продолжаю: так вот в дружелюбные руки примите часть душевного бремени, которое мне уже трудно нести одному. Это, собственно, не письма, а заметки о днях... ну, словом, буду писать Вам о «Турбиных», о Мольере и о многом еще. Знаю, что это не светский прием, говорить только о себе, но писать ничего и ни о чем не могу, пока не развяжу свой душевный узел. Прежде всего о «Турбиных», потому что на этой пьесе как на нити подвешена теперь вся моя жизнь и еженощно я воссылаю моления Судьбе, чтобы никакой меч эту нить не перерезал.

Но прежде всего иду на репетицию, а затем буду спать, а уж выспавшись, письмо сочиню. Итак, до следующего письма. <...>

24 апреля

П.С.ПОПОВУ

Дорогой Павел Сергеевич,
итак, мои заметки. Я полагаю, что лучше всего будет, если, прочитав, Вы бросите их в огонь. Печка давно уже сделалась моей излюбленной редакцией. Мне нравится она за то, что она, ничего не бракуя, одинаково охотно поглощает и квитанции из прачечной, и начала писем, и даже, о позор, позор, стихи! С детства я терпеть не мог стихов (не о Пушкине говорю, Пушкин — не стихи!), и, если сочинял, то исключительно сатирические, вызывая отвращение тетки и горе мамы, которая мечтала об одном, чтобы ее сыновья стали инженерами путей сообщения. Мне неизвестно, знает ли покойная, что младший стал солистом-балалаечником во Франции, средний ученым-бактериологом, все в той же Франции, а старший никем стать не пожелал. Я полагаю, что она знает. И временами, когда в горьких снах я вижу абажур, клавиши, Фауста и ее (а вижу я ее во сне в последние ночи вот уж третий раз. Зачем меня она тревожит?), мне хочется сказать — поедемте со мною в Художественный Театр. Покажу Вам пьесу. И это все, что могу предъявить. Мир, мама?

Пьеса эта была показана 18-го февраля. От Тверской до Театра стояли мужские фигуры и бормотали механически: «Нет ли лишнего билетика?» То же было и со стороны Дмитровки.

В зале я не был. Я был за кулисами, и актеры волновались так, что заразили меня. Я стал перемещаться с места на место, опустели руки и ноги. Во всех концах звонки, то свет ударит в софитах, то вдруг как в шахте тьма и загораются фонарики помощников, и кажется, что спектакль идет с вертящей голову быстротой. Только что тоскливо пели петлюровцы, а потом взрыв света и в полутьме вижу, как выбежал Топорков и стоит на деревянной

лестнице и дышит, дышит... Наберет воздуху в грудь и никак с ним не расстанется... Стоит тень 18-го года, вымотавшаяся в беготне по лестницам гимназии и ослабевшими руками расстегивает ворот шинели. Потом вдруг тень ожила, спрятала папаху, вынула револьвер и опять скрылась в гимназии (Топорков играет Мышлаевского первоклассно). Актеры волновались так, что бледнели под гримом, тело их покрывалось потом, а глаза были замученные, настороженные, выспрашивающие.

Когда возбужденные до предела петлюровцы погнали Николу, помощник выстрелил у моего уха из револьвера и этим мгновенно привел меня в себя.

На кругу стало просторно, появилось пианино и мальчик-баритон запел эпиталаму.

Тут появился гонец в виде прекрасной женщины. У меня в последнее время отточилась до последней степени способность, с которой очень тяжело жить. Способность заранее знать, что хочет от меня человек, подходящий ко мне. По-видимому, чехлы на нервах уже совершенно истрепались, а общение с моей собакой научило меня быть всегда настороже.

Словом, я знаю, что мне скажут, и плохо то, что я знаю, что мне ничего нового не скажут. Ничего неожиданного не будет, все — известно. Я только глянул на напряженно улыбающийся рот и уже знал — будет просить не выходить...

Гонец сказал, что Ка-Эс звонил и спрашивает, где я и как я себя чувствую?..

Я просил благодарить — чувствую себя хорошо, а нахожусь я за кулисами и на вызовы не пойду.

О, как сиял гонец! И сказал, что Ка-Эс полагает, что это — мудрое решение.

Особенной мудрости в этом решении нет. Это очень простое решение. Мне не хочется ни поклонов, ни вызовов, мне вообще ничего не хочется, кроме того, чтобы меня Христа ради оставили в покое, чтобы я мог брать горячие ванны и не думать каждый день о том, что мне делать с моей собакой, когда в июне кончится квартирный контракт.

Вообще мне ничего решительно не хочется.

Занавес давали 20 раз. Потом актеры и знакомые истязали меня вопросами — зачем не вышел? Что за демонстрация? Выходит так: выйдешь — демонстрация, не выйдешь — тоже демонстрация. Не знаю, не знаю, как быть. <...>

30 апреля

П.С.ПОПОВУ

Дорогой Павел Сергеевич!

Ваше милое письмо от 26-го я получил. Очень, очень признателен за выписку. После получения ее у меня на столе полный паспорт гражданина Вишневского со всеми особыми приметами. Этот Вс. Вишневский и есть то лицо, которое сняло «Мольера» в Ленинграде, лишив меня, по-видимому, возможности купить этим летом квартиру. Оно же произвело и ряд других подвигов уже в отношении других драматургов и театров. Как в Ленинграде, так и в Москве.

Подвиги эти такого свойства, что разговаривать о Вс. Вишневском мне просто нежелательно. Но несколько слов все же придется сказать о «Днях Турбиных». Вс. Вишневский был единственным, кто отметил в печати возобновление. Причем то, что он написал, пересказу не поддается. Нужно приводить целиком. Привожу кусочек: «...все смотрят пьесу, покачивая головами, и вспоминают рамзинское дело...» Казалось бы, что только в тифозном бреду можно соединить персонажи «Турбиных» с персонажами рамзинского дела.

Но я не считаю себя плохим экспертом. (Пусть это самомнение!) Это не бред, это ясная речь. Душевный комплекс индивида в полном порядке. Индивид делает первые робкие шаги к снятию декораций моих со сцены. Возможно, что шаги эти глупы. Ах, впрочем, дело не в этом!

Мне хочется сказать только одно, что в последний год на поле отечественной драматургии вырос в виде Вишневского такой цветок, которого даже такой ботаник, как я, еще не видел. Его многие уже заметили, и некоторые клянутся, что еще немного времени — и его вырвут с корнем.

А, да мне все равно, впрочем. Довольно о нем. В Лету! К чертовой матери!

Опять, опять к моим воспоминаниям. Сердце стучит тревожно, спешу записать их. <...>

6 мая

Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Коля,
прошу тебя помочь мне вот в каком деле. Издательство S.Fischer-Verlag, Berlin № 57, Bülowstr., 90, с которым я связан договором по охране за границей моей пьесы «Дни Турбиных», прислало мне письмо, в котором сообщает, что некий г. Greanin, предъявив в Société des auteurs et compositeurs dramatiques[1] полномочие (?!!) со стороны автора, *получил 3000 франков за меня!*

1) Никакого г. Greanin... я не знаю. (Во-первых, он Гранин, Греанин или Грэнэн?)

2) Никакого полномочия я ему не давал.

Убедительно прошу узнать в Societe, что означает все это. Сообщить Société, что г. Greanin ничего получать за меня не может, так как никакой доверенности у него от меня нет.

Я завтра отправляю в Société письмо об этом. Копию тебе. Побывай у Бинштока... быть может, он поможет выяснить это дело.

Что со мною вообще делают за границей?!

Помнишь, ты мне писал, что какие-то лица не понравились тебе вокруг моей пьесы. Кто? Что? Пиши точно, укажи фамилии. Пожалуйста. Помоги мне прекратить эти атаки на мой гонорар и в первую очередь срочно разъяснить этого господина Greanin.

Прости за беспокойство. Целую тебя и Ивана.

---

[1] Общество драматургов и театральных композиторов *(фр.)*.

М.М.Яншин — Лариосик в «Днях Турбиных» (1926) и Почтмейстер в «Мертвых душах» (1932).

7 мая

П.С.ПОПОВУ

Эх, рановато было бы о «Мертвых душах», дорогой Павел Сергеевич! Вы ломаете мой план. Но раз Вам угодно — извольте. Но потом все-таки я вернусь к «Дням Турбиных».

Итак, мертвые души... Через девять дней мне исполняется 41 год. Это — чудовищно! Но тем не менее это так.

И вот к концу моей писательской работы я был вынужден сочинять инсценировки. Какой блистательный финал, не правда ли? Я смотрю на полки и ужасаюсь: кого, кого еще мне придется инсценировать завтра? Тургенева, Лескова, Брокгауза—Ефрона? Островского? Но последний, по счастью, сам себя инсценировал, очевидно предвидя то, что случится со мною в 1929—1931 гг. Словом...

1) «Мертвые души» инсценировать нельзя. Примите это за аксиому от человека, который хорошо знает произведение. Мне сообщили, что существует 160 инсценировок. Быть может, это и неточно, но во всяком случае играть «Мертвые души» нельзя.

2) А как же я-то взялся за это?

Я не брался, Павел Сергеевич. Я ни за что не берусь уже давно, так как не распоряжаюсь ни одним моим шагом, а Судьба берет меня за горло. Как только меня назначили в МХТ, я был введен в качестве режиссера-ассистента в «М.Д.» (старший режиссер Сахновский, Телешева и я). Одного взгляда моего в тетрадку с инсценировкой, написанной приглашенным инсценировщиком, достаточно было, чтобы у меня позеленело в глазах. Я понял, что на пороге еще Театра попал в беду — назначили в несуществующую пьесу. Хорош дебют? Долго тут рассказывать нечего. После долгих мучений выяснилось то, что мне давно известно, а многим, к сожалению, неизвестно: для того чтобы что-то играть, надо это что-то написать. Коротко говоря, писать пришлось мне.

Первый мой план: действие происходит в Риме (не делайте больших глаз!). Раз он видит ее из «прекрасного далека» — и мы так увидим!

Рим мой был уничтожен, лишь только я доложил exposé[1]. И Рима моего мне безумно жаль!

3) Без Рима так без Рима.

Именно, Павел Сергеевич, резать! И только резать! И я разнес всю поэму по камням. Буквально в клочья. Картина I (или пролог) происходит в трактире в Петербурге или в Москве, где секретарь Опекунского совета дал случайно Чичикову уголовную мысль: покойников купить и заложить (загляните в т. 1, гл. XI). Поехал Чичиков покупать. И совсем не в том порядке, как в поэме. В картине X-й, называемой в репетиционных листках «Камеральной», происходит допрос Селифана, Петрушки, Коробочки и Ноздрева, рассказ про капитана Копейкина и приезжает живой капитан Копейкин, отчего прокурор умирает. Чичикова арестовывают, сажают в тюрьму и выпускают (полицмейстер и жандармский полковник), ограбив дочиста. Он уезжает. «Покатим, Павел Иванович!»

Вот-с, какие дела.

Что было с Немировичем, когда он прочитал! Как видите, это не 161-я инсценировка и вообще не инсценировка, а совсем другое. (Всего, конечно, не упишешь в письме, но, например, Ноздрев всюду появляется в сопровождении Мижуева, который ходит за ним как тень. Текст сплошь и рядом передан в другие уста, совсем не в те, что в поэме, и так далее.)

Владимир Иванович был в ужасе и ярости. Был великий бой, но все-таки пьеса в этом виде пошла в работу. И работа продолжается около 2-х лет!

4) Ну и что же, этот план сумели выполнить? Не беспокойтесь, Павел Сергеевич, не сумели. Почему же? Потому что, к ужасу моему, Станиславский всю зиму прохворал, в Театре работать не мог (Немирович же за границей).

На сцене сейчас черт знает что. Одна надежда, что Ка-Эс поднимется в мае, глянет на сцену.

Когда выйдут «Мертвые души»? По-моему — никогда. Если же они выйдут в том виде, в каком они сейчас, будет большой провал на Большой Сцене.

В чем дело? Дело в том, что для того, чтобы гоголевские пленительные фантасмагории ставить, нужно режиссерские таланты в Театре иметь.

Вот-с как, Павел Сергеевич!

А впрочем, все равно. Все равно. И все равно!

До следующего письма.

8—13 июня

П.С.ПОПОВУ

Дорогой Павел Сергеевич!

Сбился я в нумерации моих писем, поэтому нумеровать более не буду. Ваши я получаю, и всегда они вызывают хорошее чувство. Приходят они среди, правда, редких, но все же тяжелых для меня деловых писем. Их легко разделить по следующему признаку:

---

[1] Общий замысел *(фр.)*.

Е.А.Шиловский с сыном Евгением.

а) письма отечественные;
б) письма заграничные.
Первые имеют лик мелко будничный. За телефон, например, за какой-то месяц какого-то года нужно доплатить 9 рублей. А кроме того, почему я не состою в Горкоме писателей? А если где-нибудь состою, то где, будьте любезны?
Я состою в РАБИСе и очень рад, что состою. Но в глубине у меня мысль, что это неважно — где я состою. И эти вопросы и ответы на них только время у меня отнимают. Словом, похоже на комаров, которые мешают наслаждаться природой. Заграничные — дело другое. Как письмо оттуда — на стол, как кирпич. Содержание их мне известно до вскрытия конвертов: в одних запрашивают о том, что делать, и как быть, и как горю пособить с такой-то моей пьесой там-то, а в других время от времени сообщают, что там-то или где-то у меня украли гонорар.

Пять примерно лет я получаю эти письма и отвечаю на них. И вот теперь, в этом году, руки мои опустились. Ведь все на свете надоедает.

9/VI—10/VI. Ночь.

В самом деле: я пишу куда-то, в неизвестное пространство, людям, которых я не знаю, что-то, что, в сущности, не имеет никакой силы. Каким образом я, сидя на Пироговской, могу распоряжаться тем, что делается на Бюловштрассе или рю Баллю?

12—13 июня. Ночь.

Ничего ночью не произошло, ибо я спать хотел. Попробуем 13/VI днем: рю Баллю, La Carde Blanche. Мы хотим ставить в Америке. <...>

4 августа

П.С.ПОПОВУ

Дорогой друг Павел Сергеевич,
как только Жан Батист Поклэн де Мольер несколько отпустит душу и я получу возможность немного соображать, с жадностью Вам стану писать.

Биография — 10 листов — да еще в жару — да еще в Москве!

А Вам хочется писать о серьезном и важном, что немыслимо при наличности на столе Grimarest, Despois и других интуристов.

Сейчас я посылаю Вам и Анне Ильиничне дружеский привет и отчаянное мое сожаление, что не могу повидать Вас 7-го.

Спасибо Вам за память. Непременно напишите, сколько времени еще будете жить в Тярлеве.

В 3 3/4 дня я
сь в Заксе. От-
пустите меня через
10 минут

Записка М.А.Булгакова:
«Секретно. Срочно. В 3 $^{3}/_{4}$ дня я венчаюсь в Заксе.
Отпустите меня через 10 минут».

М.А.Булгаков в 1932 году.

6 сентября

Е.А.ШИЛОВСКОМУ

Дорогой Евгений Александрович,
я виделся с Еленой Сергеевной по ее вызову, и мы объяснились с нею. Мы любим друг друга так же, как любили раньше. И мы хотим по...[1]

В.Г.САХНОВСКОМУ

Секретно. Срочно.
В 3 $^{3}/_{4}$ дня я венчаюсь в Заксе[2]. Отпустите меня через 10 минут.

1933

14 января

Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Коля!
Надеюсь, что ты жив и здоров. Ты уж привык, конечно, к тому, что от меня приходят редкие сведения. Я о тебе в последнее время тоже давно ничего не знаю. Верю, что жив и здоров и Иван с семьей.

Сейчас я заканчиваю большую работу — биографию Мольера.

Ты меня очень обязал бы, если бы выбрал свободную минуту для того, чтобы хотя бы бегло — глянуть на памятник Мольеру (фонтан Мольера), улица Ришелье.

Мне нужно краткое, но точное описание этого памятника в настоящем его виде, по следующей примерно схеме:

---

[1] Письмо обрывается.
[2] Так в тексте.

Материал, цвет статуи Мольера.

Материал, цвет женщин у подножья.

Течет ли вода в этом фонтане (львиные головы внизу).

Название места (улиц, перекрестка в наше время, куда лицом обращен Мольер, на какое здание он смотрит).

Если ты имеешь возможность, наведи мне справку, кто из больших французов-мольеристов находится в настоящее время в Париже. Желательно было бы знать одну или две фамилии таких подлинных, а не дилетантов, мольеристов и их адреса.

Если бы ты исполнил просьбу, ты облегчил бы мне тяжелую мою работу.

Сообщаю тебе, что в моей личной жизни произошла громадная и важная перемена. Я развелся с Любой и женился на Елене Сергеевне Шиловской. Ее сын, шестилетний Сергей, живет с нами.

Конечно, как всегда, обещаю написать о моей жизни подробно, и думаю, что после 1 февраля это удастся мне, потому что на помощь мне пришло серьезное переутомление. Я должен сдать 1 февраля «Мольера» и, по-видимому, на очень большой срок отказаться от сочинительской работы.

Силы мои истощились. Оставлю только репетиции в театре. Тогда мой верный друг, Елена Сергеевна, поможет мне разобраться в моей переписке.

Елена Сергеевна носится с мыслью поправить меня в течение полугода. Я в это ни в какой мере не верю, но за компанию готов смотреть розово на будущее.

Письмо диктую жене, потому что мне так легче работать, чем писать рукой.

Итак, обнимаю тебя и Ивана. Желаю, чтобы ваша судьба была хороша.

Да, забыл попросить. Я знаю, что о «Мертвых душах» (моей пьесе по Гоголю) были в Париже заметки. Я очень прошу тебя, если тебе попадутся какие-либо сообщения в прессе — французской, русской или какой-нибудь, — сделать вырезки и сохранить.

Мне хочется иметь твою фотографию. Ивана — также. Пришли.

Итак, еще раз целую. Прошу не забывать.

Живу я там же: Большая Пироговская, 35а, кв. 6.

4 февраля

В ИЗДАТЕЛЬСТВО «С.ФИШЕР-ФЕРЛАГ»

Многоуважаемый г. К.Марил!

Не откажите в любезности взять с моего счета у Вас пятьдесят (50) марок и перевести их по адресу:

Сергею Марковичу Нюренберг,

Альбертовская улица, 2, кв. 1.

Рига. Латвия.

А также не откажите сообщить, сколько на моем счету остается чистых денег после уплаты подоходного налога в Гер-

мании, которую я просил произвести через Ваше издательство.

Примите мой привет.

М.Булгаков.

8 марта

Н.А.БУЛГАКОВУ

...Работу над Мольером я, к великому моему счастью, наконец, закончил и пятого числа сдал рукопись. Изнурила она меня чрезвычайно и выпила из меня все соки. Уже не помню, который год я, считая с начала работы еще над пьесой, живу в призрачном и сказочном Париже XVII века. Теперь, по-видимому, навсегда я с ним расстаюсь.

Если судьба тебя занесет на угол улиц Ришелье и Мольера, вспомни меня! Жану-Батисту де Мольеру от меня привет!..

7 апреля

В ИЗДАТЕЛЬСТВО «С.ФИШЕР-ФЕРЛАГ»
В ТЕАТРАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА «С.ФИШЕР-ФЕРЛАГ»

Многоуважаемый г. Марил!

Сегодня Вам отправлены рукописи МОЛЬЕРА и МЕРТВЫХ ДУШ на русском языке. Я полагал, что у Вас в Издательстве имеются эти экземпляры на русском языке? Они необходимы. Ко мне поступают запросы на эти пьесы, и я направляю лиц с этими запросами по Вашему адресу.

Запрос о МОЛЬЕРЕ последовал от господина Доманского, польского переводчика из Варшавы, запрос о МЕРТВЫХ ДУШАХ — из Праги и из Риги.

Благоволите подтвердить получение моих рукописей. Также мне было бы очень интересно знать, верно ли известие в Пражской газете, что МОЛЬЕР идет в Цюрихе?

Я был бы очень признателен, если бы Вы меня чаще осведомляли о ходе моих дел.

Я получил Ваше извещение о том, что налог Вы уплатили. Согласно Вашему письму от 7.I.33 на моем счету числилась сумма в марок 871,16. Я хотел бы знать перечень моих расходов, так как, согласно Вашему письму от 28.2.33, на моем счету числится только марок 197,37.

Не откажите в любезности с моего счета взять 30 (тридцать) марок и перевести по адресу:

ЛАТВИЯ. РИГА. АЛЬБЕРТОВСКАЯ УЛИЦА, 2, КВ. 1.

АЛЕКСАНДРЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ НЮРЕНБЕРГ.

Вы меня очень обязали бы, если бы сделали это срочно.

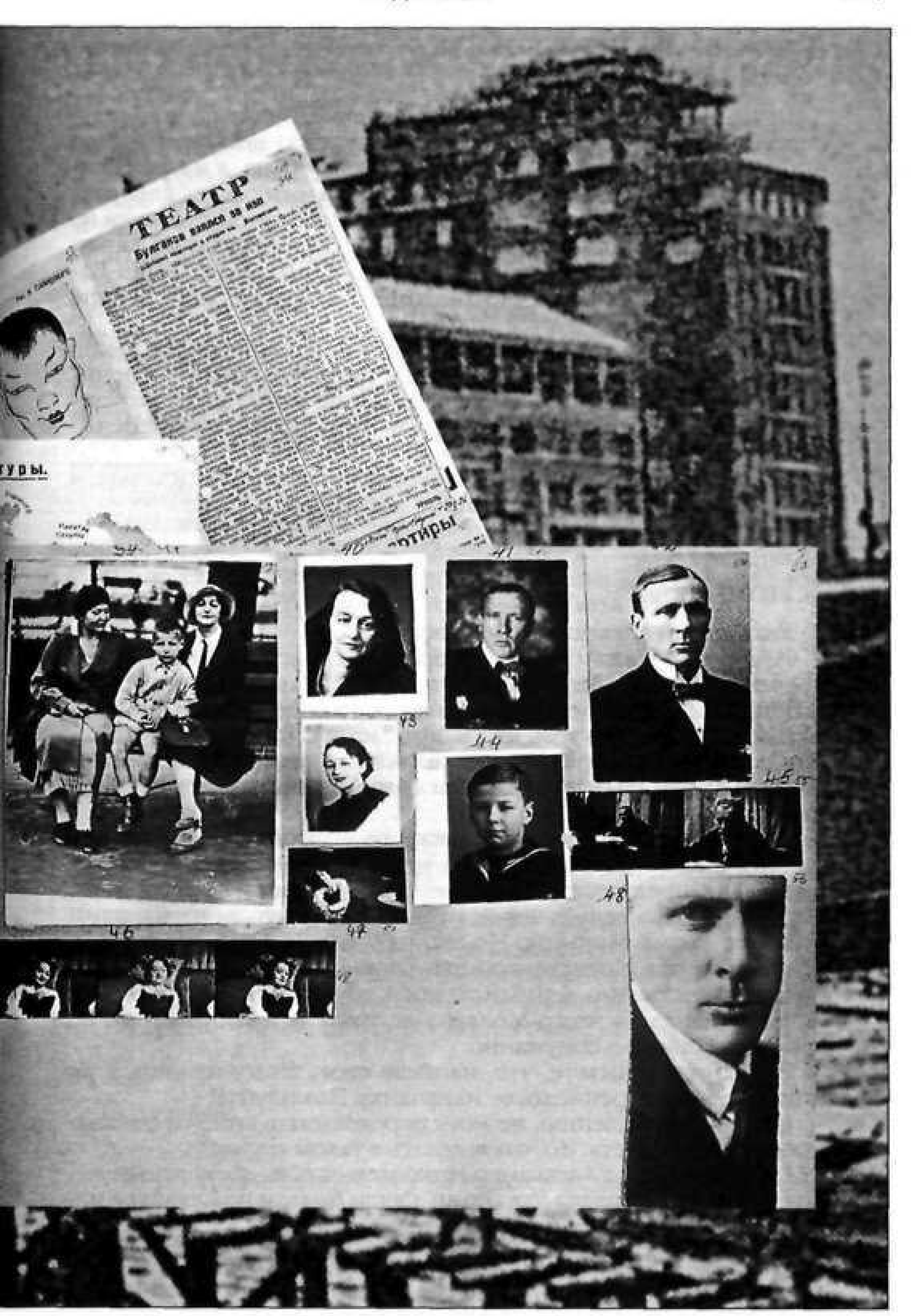
Будьте добры сообщить мне, поступает ли аккуратно гонорар из Риги, где в театре Русской Драмы МОЛЬЕР идет под названием КОМЕДИАНТЫ ГОСПОДИНА.

Очень благодарен Вам за то, что Вы произвели уплату налога. Ожидаю Ваших известий.

Примите уверения в моем уважении.

М.Булгаков.

Дерево современной лите
1923 г.
21

Страницы из альбомов М.А.Булгакова и Е.С.Булгаковой.

10 апреля

ЗАМЯТИНЫМ

Итак, я развелся с Любовью Евгеньевной и женат на Елене Сергеевне Шиловской. Прошу ее любить и жаловать, как люблю и жалую я. На Пироговской живем втроем — она, я и ее шестилетний сын Сергей. Зиму провели у печки в интереснейших рассказах про Северный полюс и про охоты на слонов, стреляли из игрушечного пистолета и непрерывно болели гриппом. За это же время я написал биографию Вашего парижанина Жана-Батиста Мольера, для серии «Жизнь замечательных людей». Теперь этой биографией любуется Тихонов.

А вы, стало быть, обвенчались с Анной Карениной? Бог мой! Слово — Толстой — приводит меня в ужас! Я написал инсценировку «Войны и мира». Без содрогания не могу проходить теперь мимо полки, где стоит Толстой. Будь прокляты инсценировки отныне и вовеки!

Вы спрашиваете, когда я собираюсь на Запад? Представьте, в последние три месяца этот вопрос мне задают многие...

12 апреля

А.Н.ТИХОНОВУ

Уважаемый Александр Николаевич!

Н.А.Экке вручила мне Ваш разбор моей книги МОЛЬЕР. Я его и прочел и обдумал. Дело обстоит плохо. Суть не в деталях Вашей рецензии, которые поразили меня как по содержанию, так и по форме <...> — дело в том, что вопрос идет о полном уничтожении той книги, которую я сочинил, и о написании взамен ее новой, в которой речь должна идти совершенно не о том, о чем я пишу в своей книге.

Для того чтобы вместо «развязного молодого человека» поставить в качестве рассказчика «серьезного советского историка», как предлагаете Вы, мне самому надо было бы быть историком. Но ведь я не историк, а драматург, изучающий в данное время Мольера. Но уж, находясь в этой позиции, я утверждаю, что я отчетливо вижу *своего* Мольера. *Мой* Мольер и есть единственно верный (с моей точки зрения) Мольер, и форму донесения этого Мольера до зрителя я выбрал тоже не зря, а совершенно обдуманно.

Вы сами понимаете, что, написав свою книгу налицо, я уж никак не могу переписать ее наизнанку. Помилуйте!

Итак, я, к сожалению, не могу переделывать книгу и отказываюсь переделывать. Но что ж делать в таком случае?

По-моему, у нас, Александр Николаевич, есть прекрасный выход. Книга непригодна для серии. Стало быть, и не нужно ее печатать. Похороним ее и забудем!

Уважающий Вас М.Булгаков.

13 апреля

П.С.ПОПОВУ

...Ну-с, у меня начались мольеровские дни. Открылись они рецензией Тихонова. В ней, дорогой Патя, содержится множество

приятных вещей. Рассказчик мой, который ведет биографию, назван развязным молодым человеком, который верит в колдовство и чертовщину, обладает оккультными способностями, любит альковные истории, пользуется сомнительными источниками и, что хуже всего, склонен к роялизму!

Но этого мало. В сочинении моем, по мнению Т., «довольно прозрачно проступают намеки на нашу советскую действительность»!!

Е.С. и К., ознакомившись с редакторским посланием, впали в ярость, и Е.С. даже порывалась идти объясняться. Удержав ее за юбку, я еле отговорил ее от этих семейных действий. Затем сочинил редактору письмо. Очень обдумав дело, счел за благо боя не принимать. Оскалился только по поводу формы рецензии, но не кусал. А по существу сделал так: Т. пишет, что мне, вместо моего рассказчика, надлежало поставить «серьезного советского историка». Я сообщил, что я не историк и книгу переделывать отказался.

Т. пишет в том же письме, что он послал рукопись в Сорренто.

Итак, желаю похоронить Жана-Батиста Мольера. Всем спокойнее, всем лучше. Я в полной мере равнодушен к тому, чтобы украсить своей обложкой витрину магазина. По сути дела, я — актер, а не писатель. Кроме того, люблю покой и тишину...

19 апреля

Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Никол!

Получил ли ты мое письмо, в котором я благодарил тебя за присылку мне материала о Фонтане? Если не получил, еще раз благодарю тебя и обнимаю.

Никол, напиши мне, пожалуйста, по получении этого письма, будешь ли ты этим летом в Париже или уедешь куда-нибудь? На какие месяцы и куда? Адрес?

Жив ли, здоров Иван? Что он делает? Передай привет его семье, а тебе также — привет от моей семьи. Целую тебя.

Адрес мой все еще прежний. Собираюсь перебраться на новую квартиру в надстраивающийся дом в Нащокинском переулке, но думаю, что это не осуществится ранее осени.

19 мая

П.С.ПОПОВУ

Дорогой Павел!

Распространился слух, что ты уезжаешь в отпуск. Кроме того, Коля говорил мне, что ты звонил ко мне, но не дозвонился. Надеюсь, что ты урвешь минуту и забежишь попрощаться. Захвати с собой злосчастного Мольера.

А я? Ветер шевелит зелень возле кожной клиники, сердце замирает при мысли о реках, мостах, морях. Цыганский стон в душе. Но это пройдет. Все лето, я уж догадываюсь, буду сидеть на Пироговской и писать комедию (для Ленинграда). Будет жара, стук, пыль, нарзан...

О.С.Бокшанская.

21 июня

О.С.БОКШАНСКОЙ

Милая Оля!
Большое тебе спасибо за обстоятельное письмо, которое пришло сегодня. Настоящее театральное письмо — все совершенно ясно. Если тебя не очень замотают, пиши, пожалуйста, еще.
Афишу... ах, забыл, что я уже просил об этом! <...>
Люсенька тебе завтра напишет все, что касается деловой стороны — это уж по ее части. Возможно, что она и сама приедет в Ленинград.
Очень рад, что ты удобно устроилась. Питайся и наслаждайся северной столицей.

Целую тебе ручку.

Люся и Сергей тебя обнимают. О подвигах Сергея в Серебряном Бору, куда я ездил с ним купаться, тебе напишет Люся.

Май—июнь

И.В.СТАЛИНУ

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Позвольте побеспокоить Вас просьбой по важнейшему делу, касающемуся Художественного театра.

Дело это вот в чем: Владимир Иванович Немирович-Данченко застрял за границей в самом тяжелом положении — ему не на что выехать в СССР.

А между тем здесь он совершенно необходим. Ему нельзя задерживаться за рубежом, — ему нужно быть здесь, в Театре.

Я прошу Вас, Иосиф Виссарионович, предоставить ему возможность погасить его долговые обязательства, которые держат его, с тем чтобы он в срочном порядке мог вернуться в Союз.

Сумма, которая ему необходима, составляет 1500 долларов.

Искренне уважающий Вас...

29 июня

И.Я.СУДАКОВУ

Уважаемый Илья Яковлевич!

При этом письме посылаю Вам окончательные исправления в пьесе «Бег».

Помимо этого вся пьеса будет мною проверена и в некоторых местах сокращена. Сокращения эти очень прошу принять во внимание — они необходимы. Будут еще кое-какие маленькие поправки, не меняющие стержни пьесы. Вам я вручу новый экземпляр пьесы, по которому и попрошу Вас репетировать. <...>

Получили ли Вы мое предыдущее письмо? Вы — в «Астории»?

И.Я.Судаков.

Дружески и искренне приветствую Вас в день четырехсотого представления пьесы, на которую Вы положили так много режиссерского труда!

Какая сложная судьба у этой пьесы, Илья Яковлевич!

<...> Мы встретились в самое трудное и страшное время, и все мы пережили очень много, и я в том числе... и мой утлый корабль... Впрочем, я не то... Время повернулось, мы живы, и пьеса жива, и даже более того: вот уж и «Бег» Вы собираетесь репетировать!..

Ну, что ж, ну, что ж!

Пожалуйста, срочно подтвердите мне получение исправлений, а то я не уверен, в «Астории» ли Вы.

Всем, всем привет! — от Елены Сергеевны и от меня.

22 июля

П.С.ПОПОВУ

Жив ли ты, здоров ли, дорогой Павел?

Я вернулся из Ленинграда, значительно отдохнул за 10 дней в Астории.

Коля пытался меня уверить в двух вещах: 1) ты поставил у себя телефон, 2) ты меня совершенно забыл.

Задыхаюсь на Пироговской. Может быть, ты умолишь мою судьбу, чтобы наконец закончили дом в Нащокинском? Когда же это, наконец, будет?! Когда?!

31 июля

М.РЕЙНГАРДТ

Уважаемая г-жа Рейнгардт!

Разрешите мне ответ на Ваше любезное письмо от 5 июля 1933 года направить Вам дня через два. Мне нужно будет просмотреть по архиву, в каком положении вопрос о постановке «Зойкиной квартиры» за границей. Лишь только я сверюсь с моими бумагами, я сейчас же напишу Вам исчерпывающий ответ.

Примите мой привет и пожелание дальнейших успехов в Вашей сценической деятельности.

М.Булгаков.

2 августа

В.В.ВЕРЕСАЕВУ

...Прежде всего хочу рассказать Вам о своей поездке в Ленинград. Там МХТ в двух театрах играл «Дни Турбиных». Играл с большим успехом и при полных сборах, вследствие чего со всех сторон ко мне поступили сообщения о том, что

я разбогател. И точно: гонорар должен быть оттуда порядочный.

Вот мы и приехали в Ленинград, зная, как трудно заполучить в руки эти богатства.

Тут уж не я, а Елена Сергеевна, вооруженная доверенностью, нагрянула во 2-й из театров — Нарвский дом культуры. Заведующий театром дважды клялся, что вдогонку нам он немедленно переведет из моего гонорара 5 тысяч. Как Вы догадываетесь, он не перевел по сию минуту даже 5-ти копеек.

И наступила знакомая мне жизнь в мертвом театральном сезоне. Елена Сергеевна через Всероскомдрам шлет телеграммы и выцыганивает малые авансы, а я мечтаю только об одном счастливом дне, когда она добьется своего, и я, вернув Вам мой остающийся долг, еще раз Вам скажу, что Вы сделали для меня, дорогой Викентий Викентьевич.

Ох, буду я помнить года 1929—1931!

Я встал бы на ноги, впрочем, раньше, если бы не необходимость покинуть чертову яму на Пироговской! Ведь до сих пор не готова квартира в Нащокинском. На год опоздали. На год! И разодрали меня пополам.

Но больше уж и говорить об этом не буду!

Что Вы делаете после «Сестер»? Елена Сергеевна чрезвычайно, чрезвычайно интересно отзывается об этой книге! Мы с ней долго толковали об этом романе.

Я же, кроме того, просидел две ночи над Вашим Гоголем. Боже! Какая фигура! Какая личность!

В меня же вселился бес. Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комнатенках, я стал марать страницу за страницей наново тот свой уничтоженный три года назад роман. Зачем? Не знаю. Я тешу себя сам! Пусть упадет в Лету! Впрочем, я, наверное, скоро брошу это.

Передайте, пожалуйста, Елены Сергеевны и мой привет Марии Гермогеновне.

Желаю Вам отдохнуть, желаю Вам хорошего.

Ваш М.Булгаков.

5 августа

А.М.ГОРЬКОМУ

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Как чувствуете Вы себя теперь после болезни?

Мне хотелось бы повидать Вас.

Может быть, Вы были бы добры сообщить, когда это можно сделать?

Я звонил Вам на городскую квартиру, но все неудачно — ничего нет.

Уважающий Вас М.Булгаков.

Михаил Афанасьевич Булгаков.
Б.Пироговская, 35а, кв. 6.

13 августа

Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Коля!

Пожалуйста, помоги мне в одном деле, взяв на себя в нем роль моего поверенного. Г-жа Мария Рейнгардт — актриса <...> перевела мою пьесу «Зойкина квартира» <...> на французский язык и предлагает мне ставить ее на французском языке в драматических театрах <...>

Я выражаю согласие на это с тем, чтобы мой договор с ней был действителен для драм. театра — на 2 года, а для кино — на один год, считая с премьеры в драм. театре.

Само собой разумеется, что я, зная, насколько ты занят, прошу тебя смотреть на себя, как на моего поверенного в этом деле и отчислять для себя, в виде вознаграждения, 25% с тех сумм, которые будут поступать для меня.

Вот еще что: в 1928-м году я разрешил Издательству Ладыжникова в Берлине напечатать на немецком языке и тем самым закрепить за собой за границей право на постановки «Зойкиной квартиры» и охрану ее <...>

По моим сведениям, издательства этого уже не существует. Кроме того, в течение времени с декабря 1928 года и по сей день издательство ничего не давало мне знать по поводу «Зойкиной квартиры». Выясни, прошу, прав ли я, полагая, что никаких препятствий у меня для соглашения с Рейнгардт Марией нет. Чтобы не было потом никаких столкновений и недоразумений <...>

Прилагаю при этом тебе записку, доверяющую тебе вести переговоры с Рейнгардт и получать суммы, и прошу побывать у нее.

Полную копию французского письма Рейнгардт ко мне вышлю в следующем письме.

Ванино письмо с приложением стихов я получил. И ему, и тебе еще напишу. Сейчас же тороплюсь только написать по этому вопросу о Рейнгардт.

Беспокою тебя потому, что больше обратиться не к кому. Целую и прошу самым срочным образом ответить на это письмо.

Твой М.Булгаков.
(M.Bulgakow).

М.РЕЙНГАРДТ

Madame!

Настоящим письмом я выражаю свое согласие на предоставление Вам права перевода на французский язык и исполнение на французском языке моей пьесы «Зойкина квартира»... на условиях, предложенных Вами мне в Вашем любезном письме от 5 июля 1933 года, то есть четыре процента (4%) мне авторских с каждого представления в драматических театрах, а для кино на французском языке — пятьдесят процентов мне с тех сумм, которые будете получать Вы.

Н.Н.Лямин.

Срой действия нашего договора предлагаю считать двухлетний (со времени этого письма) для драматических театров, а для кино — один год, считая со времени премьеры в Париже в драматическом театре.

Считаю долгом известить Вас о том, что, согласно моему разрешению от 7 октября 1928 года, издательство И.Ладыжникова в Берлине... напечатало на немецком языке в Берлине «Зойкину квартиру» с пометкой о закреплении права переводов и постановки за собой, и тем самым получая это право на постановку и охрану пьесы за пределами СССР.

Ввиду того что с тех пор издательство Ладыжникова не давало мне ничего знать о пьесе, а по моим сведениям, кроме того, прекратило свое существование, я полагаю, что никаких препятствий для непосредственного заключения моего соглашения с Вами нет.

Но я прошу Вас принять меры к тому, чтобы выяснить этот вопрос для того, чтобы не было никаких недоразумений или юридических столкновений.

В случае если бы я ошибался и Ладыжникова издательство имеет право на «Зойкину», может быть, нам нужно заключать соглашение через него?

Одновременно с этим письмом я пишу моему брату, доктору Николаю Афанасьевичу Булгакову, проживающему в Париже... с просьбой побывать у Вас для детальных переговоров обо всем, в том числе и по вопросу о Ладыжникове. На Н.А.Булгакова прошу смотреть как на моего поверенного в этом деле, и те суммы, которые будут причитаться мне по моему соглашению с Вами, вручать ему.

Мне было бы очень приятно получить французский текст «Зойкиной квартиры», а от Вас получать известия о дальнейшей судьбе этой пьесы.

Прошу Вас принять выражения моего уважения к Вам.

М.Булгаков.

23 августа

Н.Н.ЛЯМИНУ

...Вчера началась зима — в театре произошел съезд. Зима принесет свои заботы, планы и прочее, а сейчас Люся и я стараемся ликвидировать все летние заботы. Люся превратилась в великомученицу из-за ленинградских гастролей. Эти подлецы, эти ленинградские театральные сукины дети, конечно, денег авторских не заплатили до сих пор. Люсина жизнь превратилась в кутерьму. Она встает со словом «Ленинград» и с этим словом же ложится, вроде как бы с молитвой. Какие-то письма, кого-то в Ленинград посылали, какие-то телеграммы приходили, — словом — это наглые арапы! Бедная доверенная Люся! <...>

Сцена из спектакля Студии им. Евг. Вахтангова «Зойкина квартира» (1926). Р.Н.Симонов — Аметистов, А.Д.Козловский — Обольянинов.

Буду уговаривать Люсю, чтобы она ни за что не делала драматурга из Сережки. Но, кроме шуток, я серьезно начинаю задумываться...

В самом деле, в оркестр сажали зрителей, вызывали усиленные наряды милиции, накормил я всех этими Турбиными! И вот — спасибо! Ну, черт с ними!

Сережка поправляется. По-видимому, хромать не будет. Сегодня узнаем точнее у врача.

Живем по-прежнему, за исключением этого ленинградского безобразия, в тишине, согласии и в мечтах.

Как поживает миловидная болгарка?

Ну-с, итак, семейство наше Тату и тебя целует.

Твой М.

30 августа

Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Коля!

Твое письмо от 25 августа 33 г. получил сегодня утром. Прежде всего, сердечно благодарю тебя за то, что ты так быстро и обстоятельно ответил. Далее по пунктам:

1. Положение вещей изложено тобой в совершенно понятной для меня форме.

2. К этому письму прилагаю копию моего письма от 8 октября 1928 года в Издательство Ладыжникова. Как видишь, это не постатейный договор, а письмо, а также, как видишь, в письме не указан пропущенный мной, очевидно, в спешке срок действия этого письма.

Примечание: Захар Леонтьевич Каганский — тот самый, который проделал ряд махинаций с романом БЕЛАЯ ГВАРДИЯ и

пьесой ДНИ ТУРБИНЫХ за границей, что-то начал проделывать и с переводом и выпуском ЗОЙКИНОЙ КВАРТИРЫ, о чем меня предупредило Издательство Ладыжникова, вследствие этого фамилия Каганского и попала в письмо.

Попутно предупреждаю тебя, что Каганский — квалифицированный мошенник, причем в сферу его деятельности входит не только Берлин, но, сколько мне известно, и Париж, и возможно, и другие города.

3. Что делать с Ладыжниковым — решайте в Париже сами. Я же завтра попытаюсь посоветоваться с юристом, может быть, что-нибудь узнаю здесь.

4. Охотно предоставляю тебе все права на ЗОЙКИНУ за границей и завтра же попрошу засвидетельствовать мою подпись на доверенности. Лишь только она будет засвидетельствована — доверенность вышлю тебе.

5. Возможно ли получить от меня текст ЗОЙКИНОЙ КВАРТИРЫ? Нет, полагаю, что это невозможно.

6. Ясно, что ЗОЙКИНА ходит за границей в одном из тех экземпляров, которые неизвестным для меня способом какие-то лица, возможно, что через Ригу или Берлин, пустили в обращение.

Я не знаю, в каком виде этот текст, и, конечно, возможно, что он в неряшливом виде.

7. Совершенно необходимо сделать наоборот: чтобы Рейнгардт выслала бы мне срочнейше копии своего французского перевода — (заказным, натурально) — или копию того русского текста, с которого она переводила. Я жду этого.

8. Если бы эта высылка была невозможна (хотя я не знаю почему) или бы задержалась, — мне совершенно необходимо, чтобы ты мне в письме выслал бы опознавательные какие-либо признаки рейнгардтовского экземпляра (перечень действующих лиц, указание количества картин и актов, начало и концовки картин) — я хотя какое-нибудь представление составлю о том, что она перевела. Жду этого срочно. <...>

9. Очень рекомендую выписать из Берлина, если это возможно, экземпляр ладыжниковский «ЗОЙКАС ВОНУНГ». Может быть, сравните.

10. Относительно эскизов костюмов и декораций — это, помоему, нельзя, потому что нельзя фотографировать постановку вахтанговского театра в Москве, нельзя же ее копировать. Нужно другое: авторские точные указания относительно костюмов и декораций, и эти указания, если нужно, я Вам дам.

Вот пока все. Как видишь, я тебе отвечаю в тот же день, как получил письмо. Жди теперь моих следующих писем. Завтра же будем просить о заверении моей подписи...

литературные мемуары

«РОМАН НУЖНО ОКОНЧИТЬ...»

Дневник Е.С.Булгаковой и письма М.А.Булгакова

1933

1 сентября

Сегодня первая годовщина нашей встречи с М.А. после разлуки.

Миша настаивает, чтобы я вела этот дневник. Сам он, после того, как у него в 1926 году взяли при обыске его дневники, — дал себе слово никогда не вести дневника. Для него ужасна и непостижима мысль, что писательский дневник может быть отобран.

4 сентября

Вчера и сегодня у нас обедали приехавшие из Ленинграда Николай и Дина Радловы. Он — блестящий собеседник, сложный человек. Очень злой.

5 сентября

Днем были в МХТ на генеральной — «Таланты и поклонники». Миша уехал домой после второго акта.

— А что мне говорить?

— А ты скажи: мы завсегда вами очень благодарны, только подлостев таких мы слушать не желаем.

Вечером у нас Яков Л. Леонтьев, Оля с Калужским. Уговаривали М.А. прийти завтра на «Турбиных» — будет Эррио, который просил поставить завтра эту вещь. Миша отказывался. За ужином занимались тем, что подыскивали из разных пьес фразы для Н.В.Егорова. Придумали: поставить «Горе от ума», Егоров — Фамусов. Говорит про Леонтьева: «В швейцары произвел ленивую тетерю...» (Калужский показывал, картавя, как Егоров).

6 сентября

М.А. получил из Театра официальный вызов на спектакль. Ушел. Я — дома. Звонок телефонный Оли:

Е.С.Булгакова (Нюренберг). Рига, 1907.

— Ну, Люся, ты должна все простить Владимиру Ивановичу (у меня к нему счет за М.А.). Знаешь, что он сделал?! Спектакль сегодня идет изумительно, по-моему, никогда так не играли. Может быть, оттого, что смотрит Вл. Ив. Ну, и Эррио, конечно... Уже после первого акта Эррио стал спрашивать про автора, просил познакомить, но Мака куда-то исчез. После «Гимназии» Вл. Ив. увидел Маку в ложе, стал выманивать. Мака с Судаковым подошли. Эррио, Литвинов, Альфан, мхатовцы — в первом ряду. После знакомства, видя внимание публики ко всему этому, Вл. Ив. сделал жест, знаешь, такой округлый, как он всегда делает, и сказал интимно, но так, что вся публика услышала: «А вот и автор спектакля», — и тут все зааплодировали в театре, была настоящая овация. Мака очень хорошо кланялся. Эррио в восторге от спектакля. Вл. Ив. тоже: «Это настоящий художественный спектакль. Замечательная пьеса и замечательная игра актеров». На принос Николки Вл. Ив. не пошел: «Если пойду, заплáчу непременно»... Вообще, подъем необыкновенный в Театре...

Тут подошел домой Миша, рассказал мне: моментально вынырнул переводчик. М.А. отказался. Эррио — «Mes compliments...»[1] Спросил, писал ли М.А. по документам?

— На основании виденного.

— Talberg est un traître?[2]

— Конечно.

— Кто такие петлюровцы?

(Со стороны — вопрос: сколько вам лет?)

— Скрываю...

Вопрос Литвинова: какие пьесы вы еще написали?

— «Зойкину квартиру», «Мольера»...

Эррио:

— Были ли когда-нибудь за границей?

— Jamais[3].

Крайнее удивление.

— Mais pourquoi?![4]

— Нужно приглашение, а также разрешение Советского правительства.

— Так я вас приглашаю!

Звонки.

— Au revoir![5]

В следующем антракте Немирович задумчиво:

— Может быть, я сделал политическую ошибку, что вас представил публике?

— Нет.

---

[1] «Мои поздравления...» *(фр.)*
[2] Тальберг предатель? *(фр.)*
[3] Никогда *(фр.)*.
[4] Но почему?! *(фр.)*
[5] До свиданья! *(фр.)*

7 сентября

Звонок некоего Л.Канторовича (журналиста). Просит разрешения прийти.

8 сентября

Пришел Л.Канторович.

— Михаил Афанасьевич должен как-то о себе напомнить...

Настойчивые советы каких-то писем, желание напечатать отрывок из биографии Мольера, акт из пьесы, просьба ответить на анкету о Салтыкове-Щедрине.

Оставил печатную анкету. М.А. вяло согласился.

9 сентября

В 12 часов дня во МХАТе Горький читал «Достигаева». Встречен был аплодисментами, актеры стояли. Была вся труппа. Читал в верхнем фойе.

А.А. и С.М. Нюренберги с дочерьми Еленой (справа) и Ольгой.

Горький:

— Я прямо оглох от аплодисментов. У меня ухо теперь отзывается только на крик «Ура!»

В антракте у М.А. встреча с Горьким и Крючковым. Крючков сказал, что письмо М.А. получено (от 5 августа, что ли?), что Алексей Максимович очень занят был, как только освободится...

— А я думал, что Алексей Максимович не хочет принять меня.

— Нет, нет!

По окончании пьесы аплодисментов не было.

Горький:

— Ну, говорите, в чем я виноват?

Немирович:

— Ни в чем не виноваты. Пьеса прекрасная, мудрая.

Москвин сказал, что Горький прекрасно читает и так и надо играть все роли, как он читает.

Сахновский что-то просил разъяснить, и Горький рассказал массу всяких политических и иных происшествий, чтобы объяснить своих героев.

Наверху, в предбаннике, у Олиной конторки, Афиногенов М.А-чу:

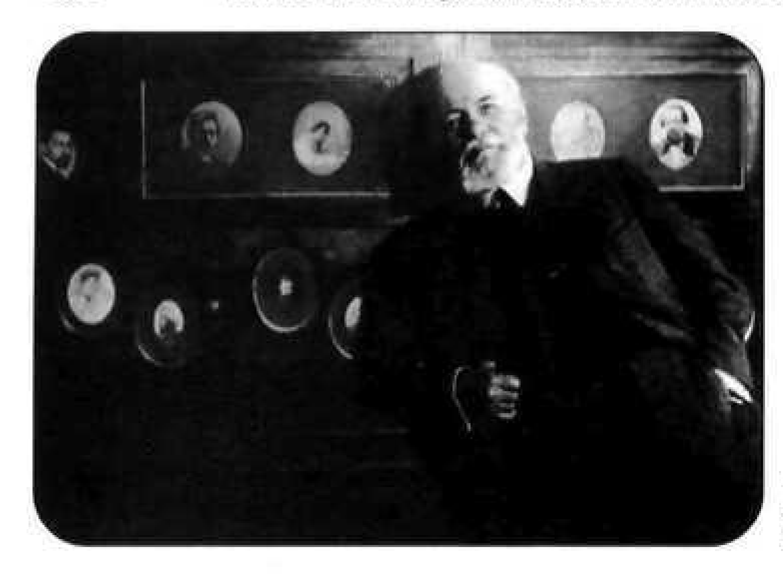
— Читал ваш «Бег», мне очень нравится, но первый финал был лучше.

— Нет, второй финал лучше. (С выстрелом Хлудова.)

Взяли чай, пошли в кабинет Маркова. Афиногенов стал поучать, как нужно исправить вторую часть пьесы, чтобы она стала политически верной. Судаков:

— Вы слушайте его!! Он — партийный!

Афиногенов:

Вл.И.Немирович-Данченко. 1930-е годы.

— Ведь эмигранты не такие...

М.А.:

— Это вовсе пьеса не об эмигрантах, и вы совсем не об этой пьесе говорите. Я эмиграции не знаю, я искусственно ослеплен.

Афиногенов пропустил мимо ушей.

В конце разговора М.А. сказал:

— То есть, другими словами, переводя нашу речь на европейский язык, вы хотите, чтобы я из Чарноты сделал сукиного сына?

Судаков:

— Сутенер он, сутенер!!

Афиногенов разрабатывает закон, что пьеса будет давать авторские только пять лет.

М.А.:

— Ну, тогда я знаю, что мне делать...

Афиногенов:

— Нет, нет! Пять лет со дня опубликования закона! А что, что вы бы сделали?

12 сентября

Вчера М.А. был у Пати Попова. Кроме них с Аннушкой (Толстой) был профессор Гудзий и еще кто-то. Аннушка пела под гитару. М.А. все просил цыганские вальсы — ищет для «Бега».

Сегодня обедала у нас Оля. Только сели за стол, разразился скандал. Оля сказала, что был разговор в Театре о «Беге». Немирович сказал, что не знает автора упрямей, чем Булгаков, что на все уговоры он будет любезно улыбаться, но ничего не сделает в смысле поправок. Что Владимир Иванович, например, находит сцену в Париже лишней, а Афиногенов сказал, что — нет, ему эта сцена нравится, а вот вторая часть пьесы не годится... Тут я что-то сказала про них обоих — и Оля с воплем: «Я уйду! С тобой невозможно разговаривать!» — кинулась в переднюю. Потом — постепенное примирение, благодаря М.А.

13 сентября

Письмо из Парижа от брата Мишиного Николая — относительно «Зойкиной квартиры».

14 сентября

М.А.БУЛГАКОВ — Н.А.БУЛГАКОВУ

...Ты, надеюсь, понимаешь, что от дел с моими пьесами у меня голова идет кругом. Никоим образом, стоя у окошечка на Пироговской, нельзя управиться с заграничными вопросами. И происходит чертова, по временам, кутерьма. Тут все: и путаница в сношениях с издательствами, и появление разнобойных текстов одних и тех же вещей, по временам фортеля, которые выкидывают некоторые субъекты типа знаменитого Каганского, словом, все прелести. Впрочем, я не только надеюсь, но и убежден, что ты понимаешь все трудности моего положения, почему и не буду распространяться на эту тему. <...>

Да, еще по поводу «Зойкиной»: вскоре после предложения Рейнгардт, издательство С.Фишер радостно известило меня, что оно насчет «Зойкиной» заключило договор в Чехии. Все это очень мило, но я им написал, что Ладыжников уже выпустил пьесу, так что причем здесь Фишер? Словом: надо играть в Париже, надо, чтобы ты, сколько можешь, привел вопрос о «Зойкиной» за пределами СССР в порядок.

Сообщения газет о том, что в МХТ пойдут «Мольер» и «Бег», приблизительно верны. Но вопрос о «Мольере» так затягивается (по причинам чисто внутренне театральным), что на постановку его я начинаю смотреть безнадежно, а «Бег», если будет судьбе угодно, может быть, пойдет к весне 1934 года. В других театрах Союза обе пьесы, по-видимому, безнадежны. Есть тому зловещие знаки. В «Беге» мне было предложено сделать изменения. Так как изменения эти вполне совпадают с первым моим черновым вариантом и ни на иоту не нарушают писательской совести, я их сделал...

Михаил.

М.А. вызван в 4 часа в Театр в Комиссию по устройству программы в день 35-летия МХАТ. Леонтьев, Марков, Топорков, Яншин, Станицын, Ливанов, Вл. Баталов. М.А. предложил не ставить спектакля в этот день, а то ничего не выйдет. Говорят — нельзя. Кто-то предложил — маскарад. Общее веселье по этому поводу.

Юбилей хотят сделать торжественно, говорят, ждут Правительство.

Вечером — звонок Гаврилова, режиссера из Ашхабада. С этим было так: пришла как-то телеграмма из Ашхабада — дайте «Турбиных».

— Пьют, наверно, вторую неделю.

— А может, послать?

— Ты с ума сошла.

— Опять — телеграмма.

— Я пошлю ответ — пусть пришлют две тысячи за право постановки. А вдруг...

— Можешь. Даже двадцать две. Ведь они все равно прочитать не сумеют, голубчики.

Пришли две тысячи. Послала экземпляр.

— Ну, ясно, заметут их. Эх, втянула ты меня в историю.

Через несколько времени — телеграмма — приглашают на премьеру — 17 марта.

А теперь вот звонит — в Москве.

15 сентября

Около 11 часов вечера появился Гаврилов. М.А. не было дома. Мы разговаривали с Гавриловым через окно (которое во дворик выходит), он не входил. Привез программу «Турбиных» в Ашхабаде. Спектакль шел, кажется, тринадцать раз. Говорит, хороший состав, некоторые роли — лучше, чем в Москве. Потом в газете яростная статья. Вскоре его вызвали в ответственное место. Прямо, говорит, шел, трясся, вдруг какие-нибудь неприятности по поводу «Турбиных».

— У вас идет булгаковская пьеса?

Он задрожал.

— Так вот, мы хотим ее посмотреть. Нас — двенадцать товарищей.

Ожил.

Тем не менее вскоре сняли. А у них уже было приглашение в Баку на двадцать спектаклей и еще куда-то, кажется — Тифлис, тоже двадцать.

17 сентября

Опять журналист Канторович — все те же предложения, уговоры, пишите пьесу, пишите сценарий — детский, звериный, что хотите. Дайте сведения биографические для какого-то фельетон-бюро для заграницы.

— Никаких автобиографических сведений принципиально не дам. Писать не буду, устал и не уверен, что поставят. Насчет «Мольера» говорите с Еленой Сергеевной.

Вечером М.А. читал две главы романа Коле Л.

19 сентября

Дежурство М.А. на «Нашей молодости» в качестве режиссера.

20 сентября

Была в МХТ. Яков Л. устроил в своем кабинете встречу мою с ленинградскими директорами Шихматовым и Тельсоном — неожиданно для них. Яков, как всегда, умно повел разговор, и они дали подписку, что уплатят все деньги до 15 октября (за летние гастроли). Подписку заверили в Театре, и я ее отвезла во Всероскомдрам. Неужели эти жулики действительно отдадут?

21 сентября

Вечером пришла Н.А.Экке, принесла экземпляр мольеровской биографии, задержавшийся у нее после запрещения. Рассказывала: какой-то партийный работник из «Acadeimia» говорил:

— Вы дураки будете, если не напечатаете. Блестящая вещь. Булгаков великолепно чувствует эпоху, эрудиция громадная, а источниками не давит, подает материал тонко.

22 сентября

Миша у Поповых, а я перетаскиваю книги в столовую — в кабинете сырость, погибают.

23 сентября

Было общее собрание жильцов корпуса А, опять откладывается стройка. На собрании М.Залка и Шкловский сводили счеты.

24 сентября

Днем — «Турбины». Дети в первый раз смотрели.

Евгений:

— Первоклассная пьеса. На ять.

Сергей:

— Во — пьеса! Если бы еще три действа были, все пересмотрел бы.

Вечером у нас: Оля, Калужский, Любаша, которая сегодня переехала в отделанную для нее комнату — рядом с нами.

27 сентября

Миша читал Коле Л. новые главы романа о дьяволе, написанные в последние дни, или, вернее, — ночи.

28 сентября

Уговоры Канторовича дать фильм «Бубкин». Я ему как-то рассказала, что М.А. каждый вечер рассказывает Сергею истории из серии «Бубкин и его собака Конопат». Бубкин — воображаемый идеальный мальчик, храбрец, умница и рыцарь. Его приключения. Вечером, когда Сергей укладывается, Миша его спрашивает: «Тебе какой номер рассказать?» — «Ну, семнадцатый». — «Ага. Это, значит, про то, как Бубкин в Большой театр ходил с Ворошиловым. Хорошо». И начинается импровизация. Канторович говорит, что есть чудесный мальчишка для роли Бубкина. Пишите!

Но М.А. занят романом, да и не верит в действительность затеи.

1 октября

Письмо из Риги от Гришина, с распиской мамы, выдал ей 26 лат. Думаем, что честность объясняется заинтересованностью в «Беге» — все о нем пишет.

3 октября

Вчера чудесный вечер у Леонтьевых.

Письмо из Рима от какой-то Резневич. Переводит на итальянский «Мольера».

От брата Николая из Парижа письмо — скоро вышлет французский перевод «Зойкиной». Пишет, что скоро в Москву поедет его шеф, известный бактериолог, профессор Felix d'Herelle.

4 октября

М.А.БУЛГАКОВ — Н.А.БУЛГАКОВУ

...Отвечаю тебе по пунктам твоего обстоятельного, понятного и милого письма.

1. Благодарю за переписку текста.

2. Жду текста адаптасьон франсэз. Твой экземпляр — некорректированный экземпляр, содержащий некоторые искажения и многочисленные опечатки. Конечно, если бы была какая-либо возможность, хорошо было бы мне до адаптасьон получить копию и русского текста, но, если это невозможно, ничего не поделаешь. Я немедленно вооружаюсь одним из своих экземпляров ЗОЙКИНОЙ, полагая, что он точно такой, как твой, и вышлю тебе поправки, стараясь исправить неряшливости, чтобы не искажать смысл. <...>

3. Спасибо за копию соглашения и русский его перевод. В дальнейшем, если не будет времени переводить, посылай без перевода, — переведу.

4. Рад твоему вступлению в Сосьете.

5. С юристом я говорил. Он того мнения, что я с Ладыжниковым могу считать себя уже не связанным. Нотариальная доверенность мною Ладыжникову НЕ БЫЛА ПОСЛАНА. <...>

Да, мне придется написать Ладыжникову о том, что я дал тебе доверенность, и прошу расторгнуть со мною соглашение. Напишу.

6. О Фишере: оказывается, что он имеет отношение к «Зойкиной квартире», как он утверждает. <...>

Ладыжников ни звуком меня не известил о том, что он передал Фишеру распространение «Зойкиной», как вообще ни о чем не извещал. Прими все это к сведению. Фишеру же, конечно, я немедленно напишу о том, что доверенность у тебя, попрошу его урегулировать с тобою вопрос о Чехии, и всех корреспондентов по «Зойкиной квартире» буду направлять к тебе. <...>

7. Рад переговорам с театром.

8. Список действующих лиц, характеристика, одежда, бытовые условия идут немедленно в следующем письме.

9. Прошу тебя, милый Никол, немедленно по получении этого письма передать профессору Д'Эрель, что я чрезвычайно рад буду видеть его у себя <...>. Мне будет приятно повидать твоего шефа, с которым ты связан научной работой, услышать что-нибудь о тебе. Я думаю, что он, даже если его время и будет занято официальной частью приезда, какими-нибудь визитами или научными сообщениями, — вполне найдет возможность увидеться со мной. <...> И я, и жена говорим по-французски.

У меня вообще сейчас французская полоса. Сижу над Мольером (я продолжаю его изучать), а недавно беседовал с Эррио, который приехал в МХТ и смотрел Дни Турбиных. <...>

5 октября

В 6.30 в верхнем фойе Немирович беседовал с драматургами и критиками. Миша называл мне Всев. Иванова, Файко, Всев. Вишневского, Ромашова и т.д. Миша сидел рядом с Афиногеновым. Вл. Ив. высказывался в таком духе, что критик не должен быть внутри театра, входить органически в его жизнь, — тогда он перестанет быть беспристрастным критиком.

М.А. — Афиногенову:

— Бачелиса не должно быть в театре. А кстати, он тут?

Оказалось, сидит рядом с Афиногеновым.

Ольга Леонардовна обратилась к М.А. — пусть драматурги ходатайствуют о перенесении могилы Чехова, так как она очень разрушается, плохо охраняется. М.А. тут же поговорил об этом с Афиногеновым.

После антракта и чаепития выступал Вишневский. Начал с заявления, что Булгаков плохо сделал инсценировку «Мертвых».

Вечером мы были у Поповых — М.А. читал отрывки из романа. Вернулись на случайно встретившемся грузовике.

6 октября

Семейный день. Оля и мой Женюша (прокурор — как его называет Миша).

7 октября

Немирович смотрел «Мертвые души», хвалил спектакль:

— Вполне мхатовский. Вот, разве, чтеца недостает.

— Да я же три раза давал варианты с чтецом!

— Да, да... впрочем, все равно, спектакль хороший...

8 октября

Днем приходила бывшая жена И.Лежнева — Альтшулер, просила М.А. пьесы для театра «Гилд» в Нью-Йорке. М.А. отказал.

Вечером М.А. был дежурным по спектаклю «В людях» в филиале. Пошли. Какой актер Тарханов! Выдумал трюк — в рубашке до пят — делает реверансы, оскорбительные — молодому Пешкову.

10 октября

Вечером у нас: Ахматова, Вересаев, Оля с Калужским, Патя Попов с Анной Ильиничной. Чтение романа. Ахматова весь вечер молчала.

11 октября

М.А. продиктовал мне страничку о Салтыкове-Щедрине — второй вариант. Первый — написанный в форме почти одно-

сложных ответов на анкетные вопросы, Канторович вернул с нижайшей просьбой переделать.

В Театре днем совещание по музыке к «Бегу»: Судаков, Лев Книппер, Влад. Ал. Попов, Сухарев, Лесли, М.А. — Разобрали первую картину — «Монастырь».

12 октября

Утром звонок Оли: арестованы Николай Эрдман и Масс. Говорит, за какие-то сатирические басни. Миша нахмурился.

Днем — актер Волошин, принес на просмотр две свои пьесы.

Играли в блошки — последнее увлечение.

Ночью М.А. сжег часть своего романа.

13 октября

Из журнала «Театр и драматургия» просят отрывки из биографии Мольера. (Работа, что ли, Канторовича?)

14 октября

Позвонила по этому поводу в редакцию «Жизнь замечательных людей» — освободите рукопись. Экке мила, просит отсрочки. Тихонов уехал, его заменяет Каменев — надо дать ему прочесть.

М.А.БУЛГАКОВ — В РЕДАКЦИЮ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

Ввиду того что ко мне поступило предложение дать для напечатания отрывки из сочиненной мною для «Жизни замечательных людей» БИОГРАФИИ МОЛЬЕРА, я прошу Редакцию в срочном порядке дать мне письменное согласие на напечатание таких отрывков.

А также прошу Редакцию известить меня относительно того, будет ли Редакция печатать биографию Мольера, или же отказывается от этого.

М.Булгаков.

15 октября

Второе совещание по музыке к «Бегу».

М.А. говорил:

— Важно правильно попасть, то есть чтобы музыкальные номера не звучали слишком вульгарно-реально, а у МХАТа этот грех есть, — и в то же время, чтобы не загнуть в какую-нибудь левизну, которая и нигде-то не звучит, а уж особенно во МХАТе.

Но Судаков как будто начинает понимать, что такое сны в «Беге». Хочет эпиграфы к каждой картине давать от живого лица, передать это, например, Прудкину-Голубкову. М.А. говорит — мысль неплохая, но вряд ли удастся во МХАТе.

Может быть, Судаков и доведет на этот раз до конца «Бег».

16 октября

У нас: милейший Яков Леонтьевич со своими, Оля, Калужский, Яншин. При каком-то разговоре медицинского направления М.А. спрашивает Арендта (хирурга):

— Вы знаете, что такое аневризма?
Пауза. Дикий хохот за столом.
— Миша, ты нахал.
Яков меня поправляет:
— Режиссер МХАТа не может быть нахалом.

17 октября

С М.А. на «Дядюшкином сне».

М.А.Булгаков и Я.Л.Леонтьев. Шарж С.С.Топленинова.

М.А.БУЛГАКОВ — В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Дорогой Викентий Викентьевич,
помнится, один раз я Вас уже угостил письмом, которое привело Вас в полнейшее недоумение.

Но так всегда бывает: когда мой литературный груз начинает давить слишком, часть сдаю Елене Сергеевне. Но женские плечи можно обременять лишь до известного предела. Тогда — к Вам.

Давно уже я не был так тревожен, как теперь. Бессонница. На рассвете начинаю глядеть в потолок и таращу глаза до тех пор, пока за окном не установится жизнь — кепка, платок; платок, кепка. Фу, какая скука!

Так в чем же дело? Квартира. С этого начинается. Итак, на склоне лет я оказался на чужой площади. Эта сдана, а та не готова. Кислая физиономия лезет время от времени в квартиру и говорит: «Квартира моя». Советует ехать в гостиницу и прочие пошлости. Надоел нестерпимо. Дальше чепуха примет грандиозные размеры и о работе помышлять не придется. <...>[1]

18 октября

С М.А. и Сережкой на новой стройке в Нащокинском. Авось, в январе переедем.

Тут же кто-то рассказал, что Эрдмана высылают в Енисейск на три года. Кроме того, педераста Алексеева (конферансье) — на 10 лет. Будто бы Юрьев получил внушение.

19 октября

Опять — на стройке. М.А. волнуется — только бы переехать.

20 октября

День под знаком докторов: М.А. ходил к Блументалю и в рентгеновский — насчет почек — болели некоторое время. Но, говорят, все в порядке.

Я — к Снегиреву, глазнику.

---

[1] Письмо не отправлено.

21 октября

Мой день рожденья — у нас Калужские.

22 октября

М.А. у Вересаева, на обратном пути зашел к Пате П.

23 октября

День рожденья Сергея, ему семь лет минуло.

— А я даже не чувствую, что мне семь лет. Мне все кажется, что как было, так и осталось шесть.

Был, конечно, Женюша.

25 октября

Под утро видела сон: пришло письмо от папы из Риги, написанное почему-то латинскими буквами. Я тщетно пытаюсь разобрать написанное — бледно.

В это время Миша меня осторожно разбудил — телеграмма из Риги. В ней латинскими буквами: papa skonchalsia.

27 октября

Юбилей МХАТа. Днем там было заседание — только МХАТ. Речь Немировича. Потом — пришли другие театры, друзья — с поздравлениями. Вечером, по подписке, банкет в «Ново-Московской». М.А. не захотел пойти, я — тем более.

28 октября

Оля говорила по телефону, что и юбилей и банкет прошли исключительно хорошо.

У нас к обеду — Радловы, Николай и Дина.

Вечером — Коля Л. Чтение романа. Часов в десять — двое молодых людей — научные работники — физики. Написали пьесу. М.А. обещал помочь советами.

31 октября

В четыре часа дня — режиссерское совещание.

Вчера на спектакле «Турбиных» был Молотов. Немирович специально приезжал в Театр. Оля:

— Молотов сказал — очень хорошо играют. Ну, конечно, когда актеры узнали, что приехал Владимир Иванович, они так подтянулись, так хорошо стали играть...

1 ноября

Позвонил писатель Буданцев, что физиолог Брюхоненко, — который работает по вопросу об оживлении мертвого организма и делает опыты с отрезанной собачьей головой, — хотел бы очень познакомиться с М.А.

В конце разговора выяснилось, что сам Буданцев написал пьесу и хотел бы ее прочитать М.А. и, кроме того, он просит билеты на «Мертвые души».

Часа через два приехал Брюхоненко, рассказывал о работе своего института, говорил, что это — готовый материал для пьесы, звал туда. Потом показывал привезенные им с собою образцы пространственного рисования.

Я оставила его обедать.

Звонок Экке:

— Каменеву биография Мольера очень нравится, он никак не соглашается с оценкой Тихонова. Ждет его приезда из отпуска для того, чтобы обсудить этот вопрос с ним. Я очень надеюсь, что биография все-таки будет напечатана у нас.

2 ноября

Очень мешает жить Зельдович, которому наша застройщица Валентина Григорьевна продала на корню нашу квартиру. М.А. ходит почти каждый день на стройку, нервничает. Там ставят перегородки.

Вечером какой-то журналист принес пьесу, просит М.А. прочитать. М.А., уходя к Коле Л., попросил меня предварительно проглядеть пьесу. Бред.

3 ноября

Гости: Федя Михальский, Дорохин, Калужский, Оля. За ужином пели. Оля рассказывала, как у них на вечере в Ржевском Сахновский и Гедике дико напились...

Федя предсказывал:

— «Мольер» не пойдет, а «Бег» пойдет.

4 ноября

Получили письмо. Английский справочник «Who's who» прислал напечатанную справку о М.А.Булгакове, с просьбой сделать в ней изменения в случае ошибочности сведений. Там напечатано, что M.Bulgakow принадлежит к «extreme right wing of contemporary Russian literature»[1], что он был в Берлине, как сотрудник «Накануне».

Последнее сведение — ложное — они, видимо, почерпнули из Советской энциклопедии. М.А. никогда в жизни не был ни в Берлине, ни вообще за границей.

Вечером пошли с М.А. на его дежурство в филиал — «Хлеб» Киршона. Перед спектаклем — торжественная часть, сцена декорирована красным, речи, после каждой оркестр исполняет отрывок «Интернационала». Но мы не сидели в зале, а ходили по театру в поисках воды. Пьесу смотрели, скучали, мужики неправдоподобные, Кедров играет хорошо.

5 ноября

Журналист — узнать мнение М.А. о пьесе. М.А., добросовестно прочитав ее, дал всякие советы для исправления ее. С.Ермолинский, бывший при конце разговора, сказал, что один начинающий сценарист притащил ему на просмотр сценарий под названием: «Вопль кулацкого бессилья».

---

[1] Крайне правому крылу современной русской литературы *(англ.)*.

В.В.Дмитриев и Н.С.Голованов. 1930-е годы.

6 ноября

Преддверие октябрьского праздника. В городе пробуют иллюминацию, на площадях деревянные сооружения, помосты, на стенах домов развешивают большие портреты вождей.

Миша днем у Полонского, в компании с Всев. Ивановым и Зенкевичем, — составляли бумагу в правление нового дома.

7 ноября

Миша днем у Пати П., я дома. Погода ужасная.

8 ноября

М.А. почти целый день проспал — было много бессонных ночей. Потом работал над романом (полет Маргариты). Жалуется на головную боль.

9 ноября

Тревожит вопрос о квартире. Пошли к Матэ Залка, — тот успокаивает — скоро будет, к концу года.

Холодно. Первый снег. Вьюга.

Сегодня хоронили Катаяму, японского революционного деятеля. Была остановка движения. Екатерина Ивановна (Сережина воспитательница) с Сергеем попали в самую гущу. М.А. уверял, что они, как завзятые факельщики, шли долго за гробом со свечками в руках, низко кланяясь при этом и крестясь. (Следует замечательный показ.)

10 ноября

Дневной концерт во МХАТе — мы пошли. Голованов с оркестром — Испанское каприччио. Большинство номеров — артисты студий Немировича и К.С. Хорош джаз — без инструментов. В смокингах.

Письмо, после большого перерыва, из Парижа от Замятина. Его «Блоху» собираются ставить в Париже на французском языке.

11 ноября

Заседание правления в новом доме.

12 ноября

Два молодых драматурга — Раевский и Островский — с началом своей пьесы.

Вечером — Дмитриев. Пришел из Большого театра. Там на «Дон-Кихоте» видел в ложе Сталина.

Рассказывал о своем балетном либретто о партизанах. Ищет еще сюжет из гражданской войны для балета!

Р.Н.Симонов. 1930.

13 ноября

По словам Любаши, Афиногенов послал в МХАТ просьбу не ставить его «Ложь». Оля подтверждает. Будто бы Афиногенов признался в неправильном политическом построении пьесы.

14 ноября

М.А. говорил с Калужским о своем желании войти в актерский цех. Просил дать роль судьи в «Пиквикском клубе» и гетмана в «Турбиных». Калужский относится положительно. Я в отчаянии. Булгаков — актер...

В Театре волнение по поводу «Лжи». Будто бы Афиногенов написал Немировичу и Судакову о возвращении ему пьесы. Будто бы Судаков перехватил письмо, никому не показал, кинулся в Кремль к Енукидзе, стал просить разрешения МХАТу продолжать репетиции с тем, чтобы показать Правительству.

Будто бы пьеса снята сверху.

16 ноября

М.А. дежурил на «Мертвых». «Ложь» не снята, репетиции продолжаются. Разрешено сделать показ. Стало быть, не было сверху снятия? Говорят, что все началось в Харькове, где пьесу сбросили сейчас же после премьеры в Русском драматическом театре (у Петрова).

17 ноября

Вечером — на открытии театра Рубена Симонова в новом помещении на Большой Дмитровке — «Таланты и поклонники». Свежий, молодой спектакль. Рубен Николаевич принимал М.А. очаровательно, пригласил нас на банкет после спектакля. Было много вахтанговцев, все милы. Была потом и концертная программа. Среди номеров — Вера Духовская, про которую на одном концерте Н.Егоров сказал: «Невинное девичье лицо». Перед тем, как запеть, она по записке прочитала об угнетении артистов в прежнее время и о положении их теперь, — после чего

очень дурно исполнила «Пролог» из «Паяцев» и «Нищую» на слова Беранже. Чей-то голос сзади нас явственно произнес: «Вот сволочь! Пришибить бы ее на месте!»

Мороз. С трудом уговорили шофера подвезти — за большие деньги и папиросы.

20 ноября

Первая репетиция у М.А. «Пиквика». Его ввели как режиссера-ассистента к Станицыну и, кроме того, дали роль судьи — президента суда.

22 ноября

У Поповых. Гитара, цыганский вальс. У них до нас был в гостях какой-то знакомый, но Аннушка ему сказала:

— Как Булгаков придет, так ты сматывай удочки, он терпеть не может посторонних.

М.А., узнав, бросился его догонять — не успел. Это был Гудзий, кажется.

24 ноября

Днем генеральная «Достигаева» у вахтанговцев. В театре много драматургов. После второго акта — традиционные вызовы.

25 ноября

В МХАТе — банкет, чествуют стариков. М.А. не пошел, мы были званы к Свечиным.

26 ноября

Вчера на банкете Енукидзе сказал, что репетиции «Лжи» надо прекратить, что ее не будут просматривать. Говорят, Еланская рыдала, у Судакова и Афиногенова — опрокинутые лица.

Потом Оля прибавила:

— Да, «Бег», конечно, тоже не пойдет.

Позвольте, а «Бег» причем?

29 ноября

В Театре было совещание: дирекция, Немирович, старики. Полная тайна.

30 ноября

Тайна открыта. Пойдут: «Гроза», «Чайка» и комедия Киршона, которую он только что представил Немировичу. «Бег» сброшен. «Гроза» ставится для утешения Еланской, за потерю роли в «Лжи». Кроме того, по словам Оли:

— Выплывает, кажется, «Мольер». Написали во Францию К.С.'у, и если он не «подкузьмит» (?), далее, если не подкузьмит Москвин, если дадут актеров...

А пьеса в Театре уже два года. Ее начинали репетировать и бросали — несколько раз.

1 декабря

Днем ездили на стройку. Несмотря на морозы, подвигается.

Оля по телефону:

— Дай «Полоумного Журдена» Мордвинову, хочет почитать, может быть, для филиала, может быть, для Музыкального.

Извлекаю рукопись.

Слух от Коли Л.: здание Экспериментального театра дают Немировичу, труппу переводят в Берсеневский театр, а Берсенева закрывают.

Вздор!

А.К.Тарасова в роли Елены («Дни Турбиных»). 1926.

4 декабря

У Миши внезапная боль в груди. Горячая ножная ванна.

6 декабря

Оля у нас.

— ...Ну, а «Мольер»?

— Ничего неизвестно... вряд ли пойдет...

7 декабря

Вечером у нас доктор Дамир. Нашел у М.А. сильнейшее переутомление.

Потом пришли Патя П. и Аннушка.

Звонки — Брюхоненко, Кнорре.

Ординарный вечерок.

8 декабря

Кнорре зашел в филиал, вызвал М.А. и очень тонко, очень обходительно предложил тему — «прекрасную — о перевоспитании бандитов в трудовых коммунах ОГПУ» — так вот, не хочет ли М.А. вместе с ним работать.

М.А. не менее обходительно отказался.

9 декабря

Просмотр шести картин «Пиквика» в филиале: Немирович, Оля, Леонидов, Москвин, Сахновский, Мордвинов, другие режиссеры, помощники, Леонтьев, масса актеров, в том числе Топорков, Яншин. Показ был в фойе, в выгородке. Миша играл в шестой картине — судью. Имел успех. Первым поздравил его Топорков. Немирович сказал:

— Да, вот новый актер открылся.

Но судьба «Пиквика», боюсь, плачевна. Комедия Киршона (ставить ее будет Мордвинов) получила первую очередь. Да и состав слаб.

На репетиции сообщили, что возобновляются мольеровские репетиции. М.А. вечером же пошел к Горчакову — ломали голову

над составом для «Мольера» — актеры заняты в других пьесах. Мольера будет играть Станицын. Москвин, прежний исполнитель, сказал М.А., что ему очень трудно произносить многие свои реплики, ему кажется, что он говорит о себе. Он сейчас расходится с женой, у него роман с Аллой Т. — и положения театральные часто слишком напоминают жизненные.

11 декабря

Приходила сестра М.А. — Надежда. Оказывается, она в приятельских отношениях с тем самым критиком Нусиновым, который в свое время усердно травил «Турбиных», вообще занимался разбором произведений М.А. и, в частности, написал статью (очень враждебную) о Булгакове для Литературной энциклопедии. Так вот, теперь энциклопедия переиздается, Нусинов хочет пересмотреть свою статью и просит для ознакомления «Мольера» и «Бег».

В это же время — как Надежда сообщает это — звонок Оли и рассказ из Театра:

— Кажется, шестого был звонок в Театр — из Литературной энциклопедии. Женский голос: — Мы пишем статью о Булгакове, конечно, неблагоприятную. Но нам интересно знать, перестроился ли он после «Дней Турбиных?»

Миша:

— Жаль, что не подошел к телефону курьер, он бы ответил: так точно, перестроился вчера в 11 часов. (Надежде): — А пьес Нусинову я не дам.

Еще рассказ Надежды Афанасьевны: какой-то ее дальний родственник по мужу, коммунист, сказал про М.А. — Послать бы его на три месяца на Днепрострой, да не кормить, тогда бы он переродился.

Миша:

— Есть еще способ — кормить селедками и не давать пить.

12 декабря

Должны были днем идти на генеральную «Машинель» в театре Симонова, но из-за ребят не пошли. Женя ночевал у нас, они шумом подняли нас чуть ли не в семь часов.

Днем попытались с Мишей выйти на лыжах. Прошли поперек пруда у Ново-Девичьего и вернулись — дикий ледяной ветер.

Сегодня в «Известиях» сообщение о новом американском после и его фотография — вчера приехал в Москву.

13 декабря

Днем М.А. в макетной МХАТа на совещании по «Мольеру» (эскизы Ульянова). Приходится очень менять оформление. Когда репетировал Москвин, он придумывал всякие эффектные появления Мольера, приходилось лишние разы поворачивать сцену и громоздить новые декорации. Теперь это убирают.

Постановочная часть загружена, растеряна — что делать в первую очередь.

После этого сразу же режиссерское совещание в кабинете дирекции. Сложности: что когда идет? Как развести актеров?

Первую очередь получает Киршон.

Я зашла за Мишей, мы пошли в филиал, поболтали с Яковом Л. и по морозу — домой.

Приехали к нам Калужские, поужинали уютно дома.

14 декабря

Продолжение режиссерского совещания. Разведение актеров по пьесам. Из «Пиквика» многих выставили, заменили.

Мордвинов заявил:

— У меня такая плохая пьеса (Киршона), что мне нужны очень хорошие актеры, иначе не могу выпустить ее.

Мучения с Бутонами: в Театре четыре Бутона: Яншин, Топорков, Грибков, Грибов — ни одного нельзя получить, все заняты.

15 декабря

Большой мороз. Но пошла, проводила М.А. в Театр — где у него встреча с Горчаковым и Станицыным по «Мольеру».

Вечером мы с М.А. одни.

17 декабря

У нас Дмитриев. Хорошо.

18 декабря

Пришел Рубен Симонов слушать «Полоумного Журдена». Сережка сидел рядом со мной на печке, хрюкал, кашлял, хохотал, изредка подталкивал Симонова и говорил: «Сейчас будет самое интересное!»

Потом — Соснин. Он получил роль Шаррона. А хочет играть Людовика. Потому расстроен. Но когда М.А. ему сказал, что Шаррон приходит к Людовику — в шпорах, в высоких сапогах — поколебался.

Завтракали, потом обедали, а поздно вечером Рубен Симонов потащил нас к себе. Там были еще другие вахтанговцы, было очень просто и весело. Симонов и Рапопорт дуэтом пели «По диким степям Забайкалья...» (Один из поющих будто бы не знает слов, угадывает, вечно ошибается: «навстречу — родимый отец...» (поправляется: мать!) и т.д.)

Обратно Симонов вез нас на своей машине — по всем тротуарам — как только доехали!

19 декабря

Пошла в город, отправила жене Симонова корзину цветов.

Потом с Сергеем зашли на Ржевский. Женичка приготовил для Миши вырезку из «Вечерней Москвы»: американский посол Буллит был на «Турбиных» и в книге Театра написал: прекрасная пьеса, прекрасное исполнение.

Вечером — неожиданно, без звонка Дина Радлова, посидела недолго, поехала в «Метрополь», там ждала ее компания Пильняка.

20 декабря

Вместе с ребятами провожала М.А. в Театр на режиссерское совещание.

На роль Бутона дают Грибкова.

23 декабря

На роль Бутона дают Петкера. Немирович спросил:

— А на роль Бонуса кто будет?

Бонус, так Бонус...

М.А. читал пьесу новым вошедшим исполнителям. Соснин примирился с Шарроном, но не дает покоя Горчакову — ему понравилась мысль М.А., что Шаррон в некоторых сценах в военном костюме с крестом на груди.

Леонидов (Леонид Миронович) сказал недавно:

— Мы, старики, играем роль презерватива: не даем молодым делать то, что они хотят. А они хотят делать. И мы, когда были молоды, разбивали себе головы, но одерживали также и победы.

Сегодня звонил Вересаев, жаловался: его книжку «Сестры», выпущенную ГИХЛом, ГИХЛ же поместил в витрину брака с надписью, что книга вредная. Жаль старика.

25 декабря

К четырем часам заехала в Театр за М.А., поехали на Якиманку в Институт переливания крови. Брюхоненко очень жалел, что не может показать оживление отрезанной головы у собаки — нет подходящего экземпляра. Показывал кое-какие свои достижения.

Но главное — настойчиво предлагал М.А. написать пьесу — вместе с ним — положив в основу какой-нибудь из его научных опытов.

Тут же приехал его знакомый режиссер из «Союзкино» с уговорами написать фильм вместо пьесы или и то и другое. Но вместе с тем было ясно, что фамилия «Булгаков» его пугает, он все время бормотал, горестно вздыхая:

— Да... ведь вы же сатирик!.. ведь я помню ваши «Роковые яйца»... да-а...

И качал грустно головой.

Потом и он и Брюхоненко, оба в пиджаках, без пальто, несмотря на сильнейший мороз, выскочили во двор, провожая нас, и приглашали еще приезжать к ним.

29 декабря

Сегодня — впервые у нас Егоров и Рипси, а потом и Федя. Рипси одна из немногих, которая приветствовала наш брак.

За ужином Николай Васильевич с громадным темпераментом стал доказывать, что именно М.А. должен бороться за чистоту театральных принципов и за художественное лицо МХАТа.

— Ведь вы же привыкли голодать, чего вам бояться! — вопил он исступленно.

— Я, конечно, привык голодать, но не особенно люблю это. Так что уж вы сами боритесь.

31 декабря

М.А.БУЛГАКОВ — Л.Н.ЗАМЯТИНОЙ

...Еще несколько часов и пробьет «12». Говорят, что все это условности. Возможно. Но все-таки всякий раз, как ждешь боя часов, внушаешь себе, что вот явится Фортуна, обольстительно улыбнется. Она, конечно, не явится, все это чепуха, но ждать никому не запрещается.

Итак, поздравляю Вас с Новым годом. Так мне точно известно, что нужно для счастья человека, то этого и желаю Вам: 1) здоровье, 2) собственная вила, 3) автомобиль, 4) деньги.

Все прочее приложится.

Себе желаю только одного: как можно скорее переехать в Нащокинский переулок. Больше мне ничего не нужно.

Есть затрепанная, тусклая, заношенная надежда, что это случится в январе. Но если не случится, то гражданин, которому наша Пироговская квартира уже сдана, отравит мне окончательно жизнь.

Но недаром я жду полночи — улыбнется богиня — авось, переедем...

<М.Булгаков>

Сейчас к нам придут Калужские, Леонтьевы, Арендты.

Пришли. Было славно. Женя Калужский и Леонтьев помирали над шуточными неприличными стихами, которые М.А. сочинил к Новому году, то есть стихи были абсолютно приличные, но рифмы требовались другие. Калужские остались ночевать.

1934

3 января

Вечером американский журналист Лайонс со своим астрономическим спутником — Жуховицким. Им очень хочется, чтобы М.А. порвал свои деловые отношения с издательством Фишера (которое действительно маринует пьесы М.А.) и передал права на «Турбиных» Лайонсу. М.А. не любит таких разговоров, нервничал.

Жуховицкий за ужином:

— Не то вы делаете, Михаил Афанасьевич, не то! Вам бы надо с бригадой на какой-нибудь завод или на Беломорский канал. Взяли бы с собой таких молодцов, которые все равно писать не могут, зато они ваши чемоданы бы носили...

— Я не то что на Беломорский канал — в Малаховку не поеду, так я устал.

8 января

Ужин у Лайонса — почти роскошный. Жена его говорит на ломаном русском языке. Музыкальна, играла на гитаре и пела, между прочим, песенки из «Турбиных» — по-английски.

Днем я обнаружила в архиве нашем, что договор на «Турбиных» с Фишером закончился, и М.А., при бешеном ликовании Жуховицкого, подписал соглашение на «Турбиных» с Лайонсом.

— Вот поедете за границу, — возбужденно стал говорить Жуховицкий. — Только без Елены Сергеевны!..

— Вот крест! — тут Миша истово перекрестился — почему-то католическим крестом, — что без Елены Сергеевны не поеду! Даже если мне в руки паспорт вложат.

— Но почему?!

— Потому, что привык по заграницам с Еленой Сергеевной ездить. А кроме того, принципиально не хочу быть в положении человека, которому нужно оставлять заложников за себя.

— Вы — несовременный человек, Михаил Афанасьевич.

9 января

М.А. — сцена за сценой — намечает пьесу. В какой театр?

— С моей фамилией никуда не возьмут. Даже если и выйдет хорошо.

14 января

Пропустила несколько дней. За это время — две смерти: Луначарского и Андрея Белого.

— Всю жизнь, прости господи, писал дикую ломаную чепуху... В последнее время решил повернуться лицом к коммунизму, но повернулся крайне неудачно... Говорят, благословили его чрезвычайно печальным некрологом.

———

В МХАТе начались репетиции «Врагов».

На каком-то спектакле этой пьесы недавно в Малом театре в правительственной ложе была произнесена фраза:

— Хорошо бы эту пьесу поставить в Художественном театре.

———

В Сатире громадный успех у Шкваркина — «Чужой ребенок». Публика валом идет.

15 января

На квартире осталось только — внутренняя окраска, проводка электрическая, проводка газа, пуск воды. Но сколько это еще протянется?

После квартиры ездила к фининспектору — подавала декларацию. Ездила по делам с Сергеем, так как Екатерина Ивановна все еще больна.

———

Миша пришел домой безмерно усталый — репетировал и «Мольера» и «Пиквика».

Ливанов на репетиции, как всегда, бузил, — «его не удовлетворяет текст роли Муаррона».

— А я хочу услышать этот текст, а не разговоры по поводу его, какие я слышу уже два года.

Станицын еще добавил от себя:

— Коренева в штанах!

Ливанов утих и стал репетировать.

Вечером М.А. дежурил на «Хозяйке гостиницы».

Потом у нас ужинали: Лайонс с женой и Жуховицкий. Этот пытался уговорить М.А. подписать договор на «Мольера», но М.А. отказался — есть с Фишером.

17 января

В Большом — генеральная «Князя Игоря» — художник Федоровский, постановщик Баратов.

Новый занавес — золотой, на нем вышиты цифры — годы революционных событий. Потом открылся занавес — специально для «Князя Игоря» — во время увертюры: бой русского с половцем, оба на конях. Это оставляет неприятное впечатление — музыка стремительна, а картина — статична. Не вяжется. Декорации пышные, масса золота, храмы, пожар на заднем плане.

Торгсиновского типа постановка. Состав слабый: Игорь — Савранский, Кончак — старик Петров.

В партере — много домработниц, видимо, есть манера у людей, которым посылают билеты на генеральные — сами не можем идти, пусть пойдет домработница... М.А. уверял меня, что под креслом у одной женщины был бидон...

Актеров, критиков, писателей очень мало было.

18 января

Вечером у нас Калужские. Оля: — До чего мне жаль Афиногенова! Какое у него может быть творческое настроение, после того как сняли «Ложь»!..

М.А. рассказывал, что в Театре местком вывесил объявление:

«Товарищи, которые хотят ликвидировать свою неграмотность или повысить таковую, пусть обращаются к Т.Петровой».

Второй рассказ:

Н.В.Егоров, по своей невытравимой скупости, нашел, что за собак, которые лают в «Мертвых душах», платят слишком дорого, — и нанял каких-то собак за дешевую цену, — и дешевые собаки не издали на спектакле ни одного звука.

Оля говорила за ужином:

— Владимир Иванович так страдает от атмосферы в Театре, от мысли, что МХАТ стал теперь самым старым и косным Театром.

20 января

В театре Немировича — генеральная «Леди Макбет» — или, вернее, «Катерины Измайловой», как она теперь называется. Музыка Шостаковича — очень талантлива, своеобразна, неожиданна: мазурка — у старика-свекра, полька — у священника, вальс — у полицейских, чудесные «антракты».

Василенко в антракте говорил:

— Шостакович зарезал себя слишком шумной музыкой.

Декорации Дмитриева хороши.

Немирович волновался:

— ...не за спектакль, а самим спектаклем...

Он очень радостно меня встретил, попросил «поцеловаться» и объяснил П.Маркову, что очень давно влюблен.

23 января

Ну и ночь была. М.А. нездоровилось. Он, лежа, диктовал мне главу из романа — пожар в Берлиозовой квартире. Диктовка закончилась во втором часу ночи. Я пошла в кухню — насчет ужина, Маша стирала. Была злая и очень рванула таз с керосинки, та полетела со стола, в угол, где стоял бидон и четверть с керосином — не закрытые. Вспыхнул огонь. Я закричала: «Миша!!» Он, как был, в одной рубахе, босой, примчался и застал уже кухню в огне. Эта идиотка Маша не хотела выходить из кухни, так как у нее в подушке были зашиты деньги!..

Я разбудила Сережку, одела его и вывела во двор, вернее — выставила окно и выпрыгнула, и взяла его. Потом вернулась домой. М.А., стоя по щиколотки в воде, с обожженными руками и волосами, бросал на огонь все, что мог: одеяла, подушки и все выстиранное белье. В конце концов он остановил пожар. Но был момент, когда и у него поколебалась уверенность и он крикнул мне: «Вызывай пожарных!»

Пожарные приехали, когда дело было кончено. С ними — милиция. Составили протокол. Пожарные предлагали: давайте из шланга польем всю квартиру! Миша, прижимая руку к груди, отказывался.

Легли в семь часов утра, а в десять надо было вставать, чтобы идти М.А. в Театр. Завтракать пошли в «Метрополь», что доставило Сергею невыразимое наслаждение — с утра Café glacé.

29 января

М.А.БУЛГАКОВ — Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Коля!

Г-н Юджин Лайонс (Eugene Lyons), корреспондент американской прессы, проживавший в Москве, а теперь направляющийся в Америку, выразил интерес к моей пьесе «Зойкина квартира». Ввиду того что доверенность на эту пьесу у тебя, я направляю г. Лайонса к тебе.

Может быть, ты найдешь возможным вступить с ним в переговоры и договорные отношения относительно «Зойкиной квартиры» для Америки. Я с ним (ввиду того что мой договор с Фишером на «Дни Турбиных» кончился) заключил договор на «Дни Турбиных» для всей заграницы сроком до конца 1934 года (на английском языке для театров и на всяком языке для кино). В начале февраля я меняю свой адрес в Москве, но точно его еще не знаю. Поэтому впредь до сообщения его тебе прошу писать мне заказным по следующему адресу:

Москва, Проезд Художественного Театра, Московский Художественный Театр, Михаилу Афанасьевичу Булгакову.

Твой Михаил.

5 февраля

Опять — пропуск. Пропустила записать о падении стратостата, о гибели троих участников полета. Они поднялись на высоту 22 км. Хоронили их очень торжественно, Сталин нес одну из урн с прахом.

Умер профессор-хирург Мартынов Алексей Васильевич. Всесторонне образованный человек, очень любил и понимал музыку. М.А. относился к нему с чувством большого уважения.

Девять лет назад Мартынов оперировал М.А. (аппендицит).

Третьего дня были на генеральной «Булычева» во МХАТе. Леонидов играет самого себя. Изредка кричит пустым криком. Но, говорят, что репетировал изумительно иногда! Спектакль бесцветный.

В филиале сегодня возобновление «Елизаветы Петровны». Прекрасна Соколова в Елизавете. Вообще многие очень хороши: Хмелев, Яншин, Станицын.

7 февраля

У М.А. — то «Мольер», то «Пиквик».

Театральные сплетни:

1) что первую премию получит киршоновская пьеса («Чудесный сплав»),

2) что Литовского выгоняют из Главреперткома.

— Не радуйся, следующий будет еще хуже. Дело не в Литовском, а в Реперткоме.

9 февраля

Жуховицкий — с договором на «Белую гвардию» — на английском языке за границей.

М.А. подписал.

11 февраля

Вчера в МХАТе была премьера «Булычева».

Оля сегодня утром по телефону:

— На спектакле были члены Правительства, был Сталин. Огромный успех. Велели ставить «Любовь Яровую».

Поздно вечером позвонил Яков Л. — бесконечно тронут подарком М.А. («Турбины»), а главное — надписью.

6 марта

М.А.БУЛГАКОВ — В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Дорогой Викентий Викентьевич!

Адрес-то я Вам не совсем точный дал. Надо так: Москва 19, Нащокинский пер., д. 3, кв. 44.

До 10-го я позвоню Вам, и мы условимся, как быть с билетами. Я искренно опечален тем, что Вы сообщили о Вашем доме. Подтверждается ли это? Я от души желаю Вам, чтобы Ваше новое пристанище в случае, если придется уезжать, было бы хорошо.

А об этом кабинете сохраню самые лучшие воспоминания. Я становился спокойнее в нем, наши беседы облегчали меня.

Свое жилище я надеюсь Вам вскоре показать, лишь только устроюсь поуютнее.

Замечательный дом, клянусь! Писатели живут и сверху, и снизу, и сзади, и спереди, и сбоку.

Молю Бога о том, чтобы дом стоял нерушимо. Я счастлив, что убрался из сырой Пироговской ямы. А какое блаженство не ездить в трамвае! Викентий Викентьевич!

Правда, у нас прохладно, в уборной что-то не ладится и течет на пол из бака и, наверное, будут еще какие-нибудь неполадки, но все же я счастлив. Лишь бы только стоял дом!

Господи! Хоть бы скорее весна. О, какая длинная, утомительная была эта зима. Мечтаю о том, как открою балконную дверь.

Устал, устал я.

Итак, приветствую Марию Гермогеновну, Вас обнимаю, а Елена Сергеевна просит Вас поблагодарить за приглашение и так же, как и я, приветствует Марию Гермогеновну.

Ваш М.Булгаков.

P.S. Елена Сергеевна перенесла грипп в серьезной форме.

7 марта

М.А.БУЛГАКОВ — Н.А.БУЛГАКОВУ

...О «Зойкиной». От Б.Рубинштейна из Парижа (от 22.II.34) я получил письмо, в котором он всячески старается доказать, что он — Рубинштейн (именует себя — «владелец изд-ва Ладыжников», Берлин) имеет права на «Зойкину» на том основании, что он и подписал то самое соглашение, копию которого я тебе послал. *Он пишет, что я должен соглашение второе (то есть доверенность тебе) аннулировать.*

Само собой разумеется, я ему отвечу, что я не с тобой аннулирую соглашение, а с ним. Тебе придется несомненно иметь с ним дело. Так вот, потверже с ним через Société действуй. Пусть установят, на чем основаны притязания г. Рубинштейна. Я полагаю, что никаких прав он не имеет. Копию его письма посылаю тебе в следующем письме. Обуздай ты, пожалуйста, всех, кто тянет руку к гонорару незаконно.

Спешу в Театр, целую тебя, и Ваню. Здоровы ли Вы? <...>

14 марта

М.А.БУЛГАКОВ — П.С.ПОПОВУ

Дорогой Павел,
твое письмо от 6-го получил.

Один из Колиных друзей, говоря обо мне всякие пакости, между прочим сообщил, что во мне «нездоровый урбанизм», что мне, конечно, немедленно и передали.

Так вот, невзирая на этот урбанизм, я оценил и белый лес, и шумящий самовар, и варенье. Вообще, и письмо приятное, и сам ты тоже умный. Отдыхай!

Зима эта воистину нескончаемая. Глядишь в окно, и плюнуть хочется. И лежит, и лежит на крышах серый снег. Надоела зима!

Квартира помаленьку устраивается. Но столяры осточертели не хуже зимы. Приходят, уходят, стучат.

В спальне повис фонарь. Что касается кабинета, то ну его в болото! Ни к чему все эти кабинеты.

Пироговскую я уже забыл. Верный знак, что жилось там неладно. Хотя было и много интересного. <...>

«Мольер»: ну, что ж, ну, репетируем. Но редко, медленно. И, скажу по секрету, смотрю на это мрачно. Люся без раздражения не может говорить о том, что проделывает Театр с этой пьесой. А для меня этот период волнений давно прошел. И если бы не мысль о том, что нужна новая пьеса на сцене, чтобы дальше жить, я бы и перестал о нем думать. Пойдет — хорошо, не пойдет — не надо. Но работаю на этих редких репетициях много и азартно. Ничего не поделаешь со сценической кровью!

Но больше приходится работать над чужим. «Пиквикский клуб» репетируем на сцене. Но когда он пойдет и мне представится возможность дать тебе полюбоваться красной судейской мантией — не знаю. По-видимому, и эта пьеса застрянет. Судаков с «Грозой» ворвался на станцию, переломал все стрелки и пойдет впереди. «Гроза» нужна всем, как коту штаны, но тем не менее Судаков — выдающаяся личность. И если ты напишешь пьесу, мой совет — добивайся, чтобы ставил Судаков. Вслед за Судаковым рвется Мордвинов с Киршоном в руках. Я, кроме всего, занимаюсь с вокалистами мхатовскими к концерту и время от времени мажу, сценка за сценкой, комедию. Кого я этим тешу? Зачем? Никто мне этого не объяснит. Свою тоже буду любить.

Напиши мне, пожалуйста, еще из Ясной. Приятно увидеть твой конверт на столе среди конвертов, которые я вскрываю со скрежетом и бранью. Из-за границы, от красавцев, интересующихся моими пьесами.

Приедешь, послушаем цыганские вальсы. Кстати! Гитару удалось вырвать из когтей этого... забыл... ну, который на спектакле?

Анне Ильиничне поцелуй руку и попроси ее поцеловать меня в лоб. Люся передает вам искренний привет, а я тебя обнимаю.

Твой М.

27 марта

Перерыв в записях объясняется тем, что сначала я долго болела (воспаление легких), потом переезжали на новую квартиру, причем Миша меня перевез с температурой 38° (18 февраля), устраивались и т.д. И еще — М.А. работал над новой комедией.

И.А.Пырьев.
Середина 1930-х годов.

Сегодня днем заходила в МХАТ за М.А. Пока ждала его в конторе у Феди, подошел Ник. Вас. Егоров. Сказал, что несколько дней назад в Театре был Сталин, спрашивал, между прочим, о Булгакове, работает ли в Театре?

— Я вам, Е.С., ручаюсь, что среди членов Правительства считают, что лучшая пьеса это «Дни Турбиных».

Вообще держался так, что можно думать (при его подлости), что было сказано что-то очень хорошее о Булгакове.

Я рассказала о новой комедии, что Сатира ее берет.

— Это что же, плевок Художественному театру?!

— Да вы что, коллекционируете булгаковские пьесы? У вас лежат «Бег», «Мольер», «Война и мир». Если бы Судаков не отложил (или Театр — уже не знаю, кто виноват!) репетиций «Бега» для «Лжи» — «Бег» шел бы уже. «Мольера» репетируете четвертый год. Теперь хотите новую комедию сгноить в портфеле? Что за жадность такая?

В МХАТе было производственное совещание. Сахновский, в присутствии большого числа актеров, произнес речь весьма завирального характера. Там были и «призывы к парадоксам», и «сладкий яд», и «зигель-загель» и прочая гиль. Страсти разгорелись, почему-то получился шум, Сахновскому припомнили какие-то политические грехи и думают, что ему грозит падение. Немирович не сделал ничего, чтобы защитить его. Дело, наверно, не в грехах Сахновского, а в том, что руководить он, действительно, не умеет.

У Топоркова — 25-летний юбилей. М.А. подарил ему сборник, где «Роковые яйца», с надписью, Василий Осипович давно просил у него. На репетиции «Пиквика» — между выходами — Топорков все время читал повесть.

Дома нашли записку: приходил какой-то служащий Интуриста, просит дать экземпляр «Турбиных» для американского посла Буллита.

13 апреля

Вчера М.А. закончил комедию «Блаженство», на которую заключил договор с Сатирой.

Вчера же была у нас читка, не для театра еще, а для своих. Были: Коля Лямин, Патя Попов, который приехал на три дня из Ясной Поляны, Сергей Ермолинский и Барнет. Комедия им понравилась.

На днях приходил кинорежиссер Пырьев с предложением делать сценарии для кино по «Мертвым душам». М.А. согласился — будет делать летом.

Иван Булгаков. Париж, 1930-е годы.

Фишер из Берлина прислал вырезку — «Турбиных» играли где-то под Нью-Йорком, «пьеса для Америки малоинтересна», но какая-то madame Юрка играла великолепно.

Интуристу М.А. экземпляра «Турбиных» не дал — гражданин появлялся еще раз.

Решили подать заявление о заграничных паспортах на август — сентябрь.

14 апреля

Из Управления жилищными предприятиями (?)[1] звонок: дайте сообщение о Вашей новой пьесе.

М.А. отказал.

М.А. правит «Блаженство», диктует мне.

Весь город говорит о челюскинцах.

21 апреля

М.А.БУЛГАКОВ — И.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Ваня!

От Коли прекратились известия. На последние мои письма ответа от него нет. Пожалуйста, напиши мне срочно, голубчик, что с ним. Я тревожусь.

Целую тебя крепко и твоей семье прошу передать привет. <...>

Твой Михаил.

26 апреля

М.А.БУЛГАКОВ — В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Дорогой Викентий Викентьевич!

На машинке потому, что не совсем здоров, лежу и диктую. Телефон, как видите, поставили, но пока прибегаю не к нему, а к почте, так как разговор длиннее телефонного. Никуда я не могу попасть, потому что совсем одолела работа. Все дни, за редкими исключениями, репетирую, а по вечерам и ночам, диктуя, закон-

---

[1] Так в рукописи.

чил, наконец, пьесу, которую задумал давным-давно. Мечтал — допишу, сдам в театр Сатиры, с которым у меня договор, в ту же минуту о ней забуду и начну писать сценарий по «Мертвым душам». Но не вышло так, как я думал.

Прочитал в Сатире пьесу, говорят, что начало и конец хорошие, но середина пьесы совершенно куда-то не туда. Таким образом, вместо того чтобы забыть, лежу с невралгией и думаю о том, какой я, к лешему, драматург! В голове совершеннейший салат оливье: тут уже Чичиков лезет, а тут эта комедия. Бросить это дело нельзя: очень душевно отнеслись ко мне в Сатире. А поправлять все равно, что новую пьесу писать. Таким образом, не видится ни конца ни края. А между тем и конец, и край этот надо найти.

Вот что я хотел Вас спросить, Викентий Викентьевич. В Звенигороде, там, где вы живете, есть ли возможность нанять дачу? Если Вам это не трудно, позвоните или напишите нам об этом: у кого, где, есть ли там купанье? Вопрос идет главным образом о Сережке. Но Елена Сергеевна, конечно, и меня туда приладит. Мне это ни к чему, не люблю подмосковных прелестей, и, следовательно, я там не поправлюсь. Но за компанию и чтобы дать возможность жене с Сергеем подышать свежим воздухом, готов оказаться и на даче. Ежели не Звенигород, то еще где-нибудь близ Москвы да найдем что-нибудь.

Но дальше идет блестящая часть. Решил подать прошение о двухмесячной заграничной поездке: август — сентябрь. Несколько дней лежал, думал, ломал голову, пытался советоваться кое с кем. «На болезнь не ссылайтесь». Хорошо, не буду. Ссылаться можно, должно только на одно: я должен и я имею право видеть — хотя бы кратко — свет. Проверяю себя, спрашиваю жену, имею ли я это право. Отвечает — имеешь. Так что ж, ссылаться, что ли, на это?

Вопрос осложнен безумно тем, что нужно ехать непременно с Еленой Сергеевной. Я чувствую себя плохо. Неврастения, страх одиночества превратили бы поездку в тоскливую пытку. Вот интересно, на что тут можно сослаться? Некоторые из моих советников при словах «с женой» даже руками замахали. А между тем махать здесь нет никаких оснований. Это — правда, и эту правду надо отстоять. Мне не нужны ни доктора, ни дома отдыха, ни санатории, ни прочее в этом роде. Я знаю, что мне надо. На два месяца — иной город, иное солнце, иное море, иной отель, и я верю, что осенью я в состоянии буду репетировать в проезде Художественного театра, а может быть, и писать.

Один человек сказал: обратитесь к Немировичу.

Нет, не обращусь! Ни к Немировичу, ни к Станиславскому. Они не шевельнутся. Пусть обращается к ним Антон Чехов!

Так вот, решение. Обращаюсь к Елене Сергеевне. У нее счастливая рука.

Пора, пора съездить, Викентий Викентьевич! А то уж как-то странно — закат!

Успеха не желайте; согласно нашему театральному суеверию, это нехорошо. <...>

28 апреля

М.А.БУЛГАКОВ — П.С.ПОПОВУ

Дорогой Павел!

Полагаю, что письмо тебя еще застанет в Ясной Поляне.

Можешь еще одну главу прибавить — 97-ю — под заглавием: о том, как из «Блаженства» ни черта не вышло.

25-го читал труппе Сатиры пьесу. Очень понравился всем первый акт и последний. Все единодушно вцепились и влюбились в Ивана Грозного. Очевидно, я что-то совсем не то сочинил. Теперь у меня большая забота. Думал сплавить пьесу с плеч и сейчас же приступить к «Мертвым душам» для кино. А теперь вопрос осложнился. Я чувствую себя отвратительно, в смысле здоровья. Переутомлен окончательно. К 1 августа надо во что бы то ни стало ликвидировать всякую работу и сделать антракт до конца сентября, иначе совершенно ясно, что следующий сезон я уже не в состоянии буду тянуть.

Я подал прошение о разрешении мне заграничной поездки на август — сентябрь. Даже уже мне грезилась средиземная волна, и парижские музеи, и тихий отель, и никаких знакомых, и фонтан Мольера, и кафе, и — словом, возможность видеть все это. Давно уж с Люсей разговаривал о том, какое путешествие можно было бы написать! И вспомнил незабвенный «Фрегат «Палладу» и как Григорович вкатился в Париж лет восемьдесят назад! Ах, если б осуществилось! Тогда уж готовь новую главу — самую интересную.

Видел одного литератора как-то, побывавшего за границей. На голове был берет с коротеньким хвостиком. Ничего, кроме хвостика, не вывез! Впечатление такое, как будто он проспал месяца два, затем берет купил и приехал.

Ни строки, ни фразы, ни мысли! О, незабвенный Гончаров! Где ты?

Очень прошу тебя никому об этом не говорить, решительно никому. Таинственности здесь нет никакой, но просто хочу себя оградить от дикой трескотни московских кумушек и кумовьев. Я не могу больше слышать о том, как треплют мою фамилию и обсуждают мои дела, которые решительно никого не касаются. На днях ворвалась одна особа, так она уж ушла, а мы с Люсей полчаса еще ее ругали. Она уж, может быть, у Мясницких ворот была и икала. Она спрашивала, сколько мы зарабатываем, и рассказывала, сколько другие зарабатывают. Один, по ее словам, пятьсот тысяч в месяц. И что мы пьем и едим. И прочее. Чума! Народное бедствие! Никто мне не причинил столько неприятностей, сколько эти московские красавицы с их чертовым враньем! Просто не хочу, чтобы трепался такой важный вопрос, который для меня вопрос всего будущего, хотя бы и короткого, хотя бы уже и на вечере моей жизни!

Итак, по-серьезному сообщаю пока об этом только тебе. И заметь, что и Коле я не говорил об этом и говорить не буду.

Ах, какие письма, Павел, я тебе буду писать! А приехав осенью, обниму, но коротенький хвостик покупать себе не буду.

М.Горький и А.А.Жданов в президиуме Первого съезда советских писателей. 1934.

А равно также и короткие штаны до колен. А равно также и клетчатые чулки.

Ну вот, пока и все. Жду тебя в Москве. Надеюсь, что Анна Ильинишна поправилась. Передавай от Люси и от меня привет.

Твой Михаил.

1 мая

25 апреля М.А. читал в Сатире «Блаженство». Чтение прошло вяло. Просят переделок. Картины «в будущем» никому не понравились.

Вчера у нас ужинали Горчаков, Никитин Вас. Мих., Калинкин (*директор*), *Поль, Кара-Дмитриев и Милютина. Встретил их М.А.* лежа в постели, у него была дикая головная боль. Но потом он ожил и встал к ужину. Вечер прошел приятно. Все они насели на М.А. с просьбой переделок, согласны на длительный срок, скажем, четыре месяца. (Ведь сейчас М.А. должен работать над «Мертвыми душами» для кино.) Им грезится какая-то смешная пьеса с Иваном Грозным, с усечением будущего. Они считают, что это уже есть, как зерно, в пьесе, в первом появлении Ивана Грозного.

Прошение о двухмесячной поездке за границу отдано Якову Л. для передачи Енукидзе.

Ольга, читавшая заявление, раздраженно критиковала текст, но, по-моему, он правильный.

— С какой стати Маке должны дать паспорт? Дают таким писателям, которые заведомо напишут книгу, нужную для Союза. А разве Мака показал чем-нибудь после звонка Сталина, что он изменил свои взгляды?

Женюшка явился в восемь часов утра по поводу праздника. Смотрели с балкона на летящие самолеты.

Миша разбирает архив.

М.А.БУЛГАКОВ — А.М.ГОРЬКОМУ

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Прилагаемый к этому письму экземпляр моего заявления А.С.Енукидзе объяснит Вам, что я прошу о разрешении мне двухмесячной заграничной поездки.

Хорошо помня очень ценные для меня Ваши одобрительные отзывы о пьесах «Бег» и «Мольер», я позволяю себе беспокоить Вас просьбой поддержать меня в деле, которое имеет для меня действительно жизненный и чисто писательский смысл.

Собственно говоря, для моей поездки нужен был бы несколько больший срок, но я не прошу о нем, так как мне необходимо быть осенью в МХТ, чтобы не срывать моей режиссерской работы в тех пьесах, где я занят (в частности, «Мольер»).

Я в такой мере переутомлен, что боюсь путешествовать один, почему и прошу о разрешении моей жене сопровождать меня.

Я знаю твердо, что это путешествие вернуло бы мне работоспособность и дало бы мне возможность, наряду с моей театральной работой, написать книгу путевых очерков, мысль о которых манит меня.

За границей я никогда не был.

Вы меня крайне обязали бы Вашим ответом.

Уважающий Вас М.Булгаков.

4 мая

Вчера Жуховицкий привез американскую афишу «Турбиных».

Вечером вчера же пришли Калужские, рассказывали театральные дела. В Театре ждут К. С.'а.

Вкусный ужин.

А сегодня М.А. узнал от Якова Л., что Енукидзе наложил резолюцию на заявлении М.А.: «Направить в ЦК».

Оля передала присланные Бертенсоном из Америки две рецензии. Одна — насчет «Турбиных» с Бланш Юрка. Другая, что в Америке идет «Белая гвардия» по переводу некоей Фреды Блох.

5 мая

В «Вечерке» фельетон о каком-то Бройде — писателе. Позвонил мне об этом Федя.

Этот Соломон Бройде — один из заправил нашего дома. У него одна из лучших квартир в доме, собственная машина. Ходит всегда с сигарой во рту, одет с иголочки.

В фельетоне сообщается, что он — мошенник, который нанимал какого-то литератора, чтобы тот писал за него его вещи.

6 мая

Были на «Дороге цветов» Катаева в Вахтанговском. Позвали к себе вахтанговцев.

7 мая

Разборка архива.

10 мая

Сегодня Женичке делали операцию аппендицита.

11 мая

Вчера вечером — Пырьев и Вайсфельд, по поводу «Мертвых душ». М.А. написал экспозицию.

Пырьев:

— Вы бы, М.А., поехали на завод, посмотрели бы...

(Дался им этот завод!)

М.А.:

— Шумно очень на заводе, а я устал, болен. Вы меня отправьте лучше в Ниццу.

Новый театр запрашивает «Блаженство».

На адрес МХАТа письмо из Америки: Иельская университетская драматическая труппа запрашивает оригинал «Турбиных».

Сильнейшая жара.

В газетах сообщение о смерти председателя ОГПУ Менжинского.

12 мая

Вчера вечером — вахтанговцы. Уговорили М.А. прочитать им «Блаженство».

Ночью жара сменилась похолоданием.

В «Литературной газете» объявление о смерти сына Горького, Максима Пешкова. Правительственное письмо Горькому. Есть подпись Сталина. «Вместе с Вами скорбим и переживаем горе, так неожиданно и дико свалившееся на нас всех».

Причина смерти неизвестна. Сказано: после непродолжительной болезни.

Похороны в шесть часов вечера на Девичке.

13 мая

15-го предполагается просмотр нескольких картин «Мольера». Должен был быть Немирович, но потом отказался.

— Почему?

— Не то фокус в сторону Станиславского, не то месть, что я переделок тогда не сделал. А верней всего — из кожи вон лезет, чтобы составить себе хорошую политическую репутацию. Не будет он связываться ни с чем сомнительным! А вообще, и Немиров и «Мольер» — все мне осточертело! Хочу одного, чтоб сезон закрылся.

Актеры после показа «Сплава» ворчали, что пьеса низкопробная, что хвалит ее один Немирович, а никто не хочет играть в ней.

Станиславский все не едет.

— Ты знаешь, это наверно твой друг и благодетель Егоров и Рипсимия распускают слухи о скором приезде, чтобы актеры не распускались.

Леонид Миронович сказал М.А.:

— Искусство должно быть радостным, и результат его — радостный, как результат родов. Но у нас, как правило, ребенок идет задницей. Потом его впихивают обратно, начинают переделывать, поправлять, и ребенок рождается худосочным.

Письмо М.А. Горькому было послано второго. Как М.А. и предсказывал, ответа нет.

А.И.Степанова. Начало 1930-х годов.

16 мая

Были 14-го у Пати Попова. Он уговаривал — безуспешно — М.А., чтобы он послал Горькому соболезнование.

Нельзя же, правда, — ведь на то письмо ответа не было.

Вчера утром провожала М.А. в Театр — он очень плохо себя чувствовал, тяжело волновался.

Около 12 часов дня в нижнем фойе начался просмотр «Мольера». Я постояла у закрытых дверей, услышала музыку, потом первые слова Станицына — Мольера...

Немирович не пришел на просмотр.

Около трех часов М.А. позвонил и сказал, что приведет к обеду Степанову (Арманда) и Станицына.

Пришли радостные, был полный успех, несмотря на то что есть очень слабые исполнители. Смотрели: Леонидов, Сахновский, Телешева, Литовцева, Кедров, Марков, Калужский, Ольга, актеры.

Показывали два акта и картину третьего акта.

Сахновский:

— Почему не идет в других городах?!

После просмотра Сахновский пошел с докладом к Немировичу.

Ольга вечером звонила — поздравляла.

Сегодня М.А. лежит целый день — дурно себя чувствует. Читает Сергею Киплинга.

Из Ленинграда — третий запрос о «Блаженстве». Из Московского театра Ермоловой тоже об этом спрашивают. Надо решать этот вопрос.

18 мая

Вчера я была в Ржевском у Женички, он поправляется после операции. Звонок по телефону — М.А.

— Скорей иди домой.

Не помню, как добежала. Оказывается: звонок. Какой-то приятный баритон:

— Михаил Афанасьевич? Вы подавали заявление о заграничном паспорте? Придите в Иностранный отдел Исполкома, заполните анкеты — Вы и Ваша жена. Обратитесь к тов. Борисполыцу. Не забудьте фотографии.

Денег у нас не было, паспорта ведь стоят по двести с чем-то. Лоли смоталась на такси домой, привезла деньги. На этой же машине мы — на Садовую-Самотечную. Борисполец встал навстречу из-за стола. На столе лежали два красных паспорта. Я хотела уплатить за паспорта, но Борисполец сказал, что паспорта будут бесплатные. «Они выдаются по особому распоряжению, — сказал он с уважением. — Заполните анкеты внизу».

И мы понеслись вниз. Когда мы писали, М.А. меня страшно смешил, выдумывая разные ответы и вопросы. Мы много хихикали, не обращая внимания на то, что из соседних дверей вышли сначала мужчина, а потом дама, которые сели тоже за стол и что-то писали.

Когда мы поднялись наверх, Борисполец сказал, что уже поздно, паспортистка ушла и паспорта сегодня не будут нам выданы. «Приходите завтра».

— «Но завтра 18-е (шестидневка)». — «Ну, значит 19-го».

На обратном пути М.А. сказал:

— Слушай, а это не эти типы подвели?! Может быть, подслушивали? Решили, что мы радуемся, что уедем и не вернемся?.. Да нет, не может быть. Давай лучше мечтать, как мы поедем в Париж!

И все повторял ликующе:

— Значит, я не узник! Значит, увижу свет!

Шли пешком, возбужденные. Жаркий день, яркое солнце. Трубный бульвар. М.А. прижимает к себе мою руку, смеется, выдумывает первую главу книги, которую привезет из путешествия.

— Неужели не арестант?!

Это — вечная ночная тема: Я — арестант... Меня искусственно ослепили...

Дома продиктовал мне первую главу будущей книги.

19 мая

Ответ переложили на завтра.

21 мая

М.А.БУЛГАКОВ — Е.С.БУЛГАКОВОЙ

Мыся, вчера ночью, пока ты спала, я своими руками испек этот кулич тебе.

Гиацинт.

23 мая

Ответ переложили на 25-е.

25 мая

Опять нет паспортов. Решили больше не ходить. М.А. чувствует себя отвратительно.

29 мая

М.А.БУЛГАКОВ — В КОМИССИЮ ПО ПРИЕМУ
В ЧЛЕНЫ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Заявление

Прошу принять меня в члены Союза Советских Писателей, сообщаю о себе следующие сведения:

1. Фамилия, имя, отчество — Булгаков Михаил Афанасьевич.
2. Возраст — 43 года.
3. Социальное положение — служащий.
4. Партийность — беспартийный.
5. Образование — высшее.
6. Литературный стаж — около 15 лет.
7. Какие имеет произведения и где напечатаны: повести: «Дьяволиада» (Альманах «Недра», 1924 г.), «Роковые яйца» («Недра», 1925 г.), (и на фр. яз. в журн. в Париже). «Белая гвардия», роман («Россия», 1925, № 4 и 5, отдельным изданием в Париже и Риге, в Риме (на итальянском языке), пьесы: «Дни Турбиных» (в Берлине на нем. языке), «Зойкина квартира» (Берлин, на немецк. языке), «Мольер» (в Берлине на немецком языке) и другие.
8. Критические статьи и где напечатаны — Большая Советская энциклопедия.
9. Общественная деятельность —
10. Место работы — Московский Художественный Театр СССР им. Горького.
11. Личный адрес — Москва, 19, Нащокинский, 3, кв. 44, тел. 58-67.

М.Булгаков.

1 июня

За эти дни выяснилось, что секретарша Енукидзе — Минервина говорила Оле, что она точно знает, что мы получим паспорта.

Мхатчикам тоже дают многим, Оле в том числе. «Старикам» дают по 600 долларов с собой. Оле — 400.

Получил паспорта и уехал Пильняк с женой.

Звонила к Минервиной, она обещала навести справку.

Все дела из рук валятся из-за этой неопределенности.

Была у нас Ахматова. Приехала хлопотать за Осипа Мандельштама — он в ссылке.

И.М.Москвин — Лука (в пьесе М.Горького «На дне»).

Говорят, что в Ленинграде была какая-то история, при которой Мандельштам ударил по лицу Алексея Толстого.

В Москве волнение среди литераторов — идет прием в новый Союз писателей. Многих не принимают. Например, Леониду Гроссману (автор работы о Сухово-Кобылине и «Записок Д'Аршиака») сначала отказали в приеме, а потом приняли его.
Забежал к нам взволнованный Тренев и настойчиво советовал М.А. — «скорей» подать! 29 мая М.А. подал анкету.
М.А. чувствует себя ужасно — страх смерти, одиночества. Все время, когда можно, лежит.

Не знаем, куда отправить Сергея с Екатериной Ивановной.
Вызвала к Мише Шапиро. Нашел у него сильное переутомление. Сердце в порядке.

На хлеб повысили цену вдвое.

2 июня

В Театре разговоры о Москвине. Лежит давно в кремлевской больнице — почки. Температура грозно поднимается. В почке — гной. Оперировать боятся — есть подозрение, что и вторая почка заражена.

Говорят, что и внешне очень сильно изменился — дряхлый седой старик.

Ждут консилиума.

Вечером были у Поповых. М.А. и Патя выдумали игру: при здоровании или прощании успеть поцеловать другому руку — неожиданно. Сегодня успел Патя. Веселятся при этом, как маленькие.

У М.А. лучше состояние — Шапиро подействовал на него хорошо.

3 июня

Звонила к Минервиной, к Бориспольцу — никакого толку.

На улице — холодно, мокро, ветер.

Мы валяемся.

4 июня

Вчера вечером пошла на Ржевский принимать ванну. В это время к нам пришла Оля с пионами — был день моих имянин.

Егоров оставляет Леонтьева в Москве, а сам едет в Ленинград с Театром. А Леонтьев — единственный человек, который мог бы наладить гастроли.

О своих делах — решили дать доверенность на получение денег с театров Калужскому.

5 июня

Сегодня во время дневной репетиции «Пиквика» Яков Леонтьевич тихонько посадил меня в ярусе, и я посмотрела две последние картины.

Яков Л. сообщил, что поместил нашу фамилию в список мхатовский на получение паспортов.

На обратном пути заказали М.А. новый костюм.

Солнечный день.

10 июня

М.А.БУЛГАКОВ — И.В.СТАЛИНУ

Товарищу Сталину

От драматурга и режиссера
МХАТ СССР имени Горького
Михаила Афанасьевича Булгакова

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Разрешите мне сообщить Вам о том, что со мною произошло:

1.

В конце апреля сего года мною было направлено Председателю Правительственной Комиссии, управляющей Художественным Театром, заявление, в котором я испрашивал разрешение на двухмесячную поездку заграницу в сопровождении моей жены Елены Сергеевны Булгаковой.

В этом заявлении была указана цель моей поездки — я хотел сочинить книгу о путешествии по Западной Европе (с тем чтобы по возвращении предложить ее для напечатания в СССР).

А так как я действительно страдаю истощением нервной системы, связанным с боязнью одиночества, то я и просил о разрешении моей жене сопровождать меня, с тем чтобы она оставила здесь на два месяца находящегося на моем иждивении и воспитании моего семилетнего пасынка.

Отправив заявление, я стал ожидать один из двух ответов, то есть разрешения на поездку или отказа в ней, считая, что третьего ответа не может быть.

Однако произошло то, чего я не предвидел, то есть третье.

17 мая мне позвонили по телефону, причем произошел следующий разговор:

— Вы подавали заявление относительно заграничной поездки?

— Да.

— Отправьтесь в Иностранный Отдел Мосгубисполкома и заполните анкету Вашу и Вашей жены.

— Когда это нужно сделать?

И.В.Сталин.

— Как можно скорее, так как Ваш вопрос будет разбираться 21 или 22 числа.

В припадке радости я даже не справился о том, кто со мною говорит, немедленно явился с женой в ИНО Исполкома и там отрекомендовался. Служащий, выслушав, что меня вызвали в ИНО по телефону, предложил мне подождать, вышел в соседнюю комнату, а вернувшись, попросил меня заполнить анкеты.

По заполнении он принял их, присоединив к ним по две фотографических карточки, денег не принял, сказавши:

— Паспорта будут бесплатные.

Советских паспортов не принял, сказавши:

— Это потом, при обмене на заграничные.

А затем добавил буквально следующее:

— *Паспорта вы получите очень скоро, так как относительно вас есть распоряжение. Вы могли бы их получить сегодня,* но уже поздно. Позвоните ко мне восемнадцатого утром.

Я сказал:

— Но восемнадцатого выходной день.

Тогда он ответил:

— Ну, девятнадцатого.

19 мая утром в ответ на наш звонок было сказано так:

— Паспортов еще нет. Позвоните к концу дня. Если паспорта будут, вам их выдаст паспортистка.

После звонка к концу дня выяснилось, что паспортов нет, и нам было предложено позвонить 23 числа.

23 мая я лично явился с женою в ИНО, причем узнал, что паспортов нет. Тут о них служащий стал наводить справку по телефону, а затем предложил позвонить 25 или 27 мая.

Тогда я несколько насторожился и спросил служащего, точно ли обо мне есть распоряжение и не ослышался ли я 17 мая?

На это мне было отвечено так:

— Вы сами понимаете, я не могу вам сказать, чье это распоряжение, *но распоряжение относительно вас и вашей жены есть,* так же как и относительно писателя Пильняка.

Тут уж у меня отпали какие бы то ни было сомнения, и радость моя сделалась безграничной.

Вскоре последовало еще одно подтверждение о наличии разрешения для меня. Из Театра мне было сообщено, что в секретариате ЦИК было сказано:

— Дело Булгаковых устраивается.

В это время меня поздравляли с тем, что многолетнее писательское мечтание о путешествии, необходимое каждому писателю, исполнилось.

Тем временем в ИНО Исполкома продолжались откладывания ответа по поводу паспортов со дня на день, к чему я уже относился с полным благодушием, считая, что сколько бы ни откладывали, а паспорта будут.

7 июня курьер Художественного Театра поехал в ИНО со списком артистов, которые должны получить заграничные паспорта. Театр любезно ввел и меня с женой в этот список, хотя я подавал свое заявление отдельно от Театра.

Днем курьер вернулся, причем даже по его растерянному и сконфуженному лицу я увидел, что случилось что-то.

Курьер сообщил, что паспорта даны артистам, что они у него в кармане, а относительно меня и моей жены сказал, что нам в паспортах ОТКАЗАНО.

На другой же день, без всякого замедления, в ИНО была получена справка о том, что гражданину Булгакову М.А. в выдаче разрешения на право выезда за границу отказано.

После этого, чтобы не выслушивать выражений сожаления, удивления и прочего, я отправился домой, понимая только одно, что я попал в тягостное, смешное, не по возрасту положение.

2.

Обида, нанесенная мне в ИНО Мособлисполкома, тем серьезнее, что моя четырехлетняя служба в МХАТ для нее никаких оснований не дает, почему я и прошу Вас о заступничестве.

26 июня

М.А.БУЛГАКОВ — П.С.ПОПОВУ

Ленинград. «Астория», № 430.

Дорогой Павел!

Прежде всего, колоссальное спасибо тебе за присылку «Блаженства». За это чем-нибудь тебе отслужу. До сих пор не мог тебе писать. После всего происшедшего не только я, но и хозяйка моя, к великому ужасу, расхворалась. Начались дьявольские мигрени, потом боль поползла дальше, бессонница и прочее. <...> Каждый день нам делают электризацию. И вот мы начинаем становиться на ноги.

Ну-с, здесь совершился пятисотый спектакль — это было двадцатого. Ознаменовался он тем, что Выборгский Дом поднес Театру адрес, а Жене Калужскому серебряный портсигар. Дело происходило при закрытом занавесе перед третьим актом. (Калужский был единственный, кто сыграл все 500 спектаклей без пропуска.)

Я получил два поздравления: одно из Москвы, а другое — от Сахновского, как от заместителя директора. Оба меня очень обрадовали, потому что оба написаны тепло, нарядно.

И Немирович прислал поздравление Театру. Повертев его в руках, я убедился, что там нет ни одной буквы, которая бы относилась к автору. Полагаю, что хороший тон требует того, чтобы автора не упоминать. Раньше этого не знал, но я, очевидно, недостаточно светский человек.

Одно досадно, что, не спрашивая меня, Театр послал ему благодарность, в том числе и от автора. Дорого бы дал, чтобы выдрать оттуда слово — автор. <...>

Я пишу «Мертвые души» для экрана и привезу с собой готовую вещь. Потом начнется возня с «Блаженством». Ох,

много у меня работы! Но в голове бродит моя Маргарита, и кот, и полеты... Но я слаб и разбит еще. Правда, с каждым днем я крепну.

Все, что можно будет собрать в смысле силы за это лето, соберу.

Люся прозвала меня капитаном Копейкиным. Оцени эту остроту, полагаю, что она первоклассна.

Если тебя не затруднит, побывай у меня на квартире, глянь, что там творится. И время от времени звони нашей красавице (58-67).

Целую Анне Ильинишне ручку. Люся вас обоих приветствует. Если напишешь, буду рад.

10 июля

М.А.БУЛГАКОВ — П.С.ПОПОВУ

Дорогой Павел!

И от 8-го твое письмо получено. Прежде всего, прости за то, что я не выразил сожаления по поводу смерти твоего отца. Это оттого, что моя измотанная голова еще не совсем хорошо действует. <...>

Люся утверждает, что сценарий вышел замечательный. Я им показал его в черновом виде, и хорошо сделал, что не перебелил. <...>

Я выслушал все, что мне сказал Вайсфельд и его режиссер, и тотчас сказал, что переделаю, как они желают, так что они даже изумились.

С «Блаженством» здесь произошел случай, выпадающий за грани реального.

Номер «Астории». Я читаю. Директор театра, он же и постановщик, слушает, выражает полное и, по-видимому, неподдельное восхищение, собирается ставить, сулит деньги и говорит, что через 40 минут придет ужинать вместе со мной. Приходит через 40 минут, ужинает, о пьесе не говорит ни одного слова и затем проваливается сквозь землю и более его нет!

Есть предположение, что он ушел в четвертое измерение.

Вот какие чудеса происходят на свете!

Анне Ильинишне наш лучший привет.

Целую тебя.

11 июля

М.А.БУЛГАКОВ — В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Ленинград. Астория, 430.

Дорогой Викентий Викентьевич!

<...> Во время своего недуга я особенно часто вспоминал Вас, но не писал, потому что не о погоде же писать. А чтоб написать обстоятельно, надо поправиться. А теперь вспоминаю вдвойне, потому что купил книжку Н.Телешова «Литературные воспоминания». Он рассказывает о кличках, которые давались в литературных кругах. Прозвища заимствовались исключительно в на-

званиях московских улиц и площадей. «Куприн, за пристрастие к цирку — Конная площадь», «Бунин, за худобу и острословие — Живодерка» и так далее. А «Вересаев, за нерушимость взглядов — Каменный мост». И мне это понравилось. Впрочем, может быть, Вы читали?

Хочу рассказать Вам о необыкновенных моих весенних приключениях.

К началу весны я совершенно расхворался: начались бессонницы, слабость и, наконец, самое паскудное, что я когда-либо испытывал в жизни, страх одиночества, то есть, точнее говоря, боязнь оставаться одному. Такая гадость, что я предпочел бы, чтобы мне отрезали ногу!

Ну, конечно, врачи, бромистый натр и тому подобное. Улиц боюсь, писать не могу, люди утомляют или пугают, газет видеть не могу, хожу с Еленой Сергеевной под ручку или с Сережкой — одному — смерть!

Ну-с, в конце апреля сочинил заявление о том, что прошусь на два месяца во Францию и в Рим с Еленой Сергеевной (об этом я Вам писал). Сережка здесь, стало быть, все в полном порядке. Послал. А вслед за тем послал другое письмо Г. Но на это второе ответ получить не надеялся. Что-то такое там случилось, вследствие чего всякая связь прервалась. Но догадаться нетрудно: кто-то явился и что-то сказал, вследствие чего там возник барьер. И точно, ответа не получил!

Стал ждать ответа на заявление (в Правительственную комиссию, ведающую МХАТ, — А.С.Енукидзе).

— И Вам, конечно, отказали, — скажете Вы, — в этом нет ничего необыкновенного.

Нет, Викентий Викентьевич, мне не отказали.

Первое известие: «Заявление передано в ЦК».

17 мая лежу на диване. Звонок по телефону, неизвестное лицо, полагаю, — служащий: «Вы подавали? Поезжайте в ИНО Исполкома, заполняйте анкету Вашу и Вашей жены».

К 4 часам дня анкеты были заполнены. И тут служащий говорит: «Вы получите паспорта очень скоро, относительно Вас есть распоряжение. Вы могли бы их получить сегодня, если бы пришли пораньше. Получите девятнадцатого».

Цветной бульвар, солнце, мы идем с Еленой Сергеевной и до самого центра города говорим только об одном — послышалось или нет? Нет, не послышалось, слуховых галлюцинаций у меня нет, у нее тоже.

Как один из мотивов указан мной был такой: хочу написать книгу о путешествии по Западной Европе.

Наступило состояние блаженства дома. Вы представляете себе: Париж! Памятник Мольеру... Здравствуйте, господин Мольер, я о Вас и книгу и пьесу сочинил; Рим! — здравствуйте, Николай Васильевич, не сердитесь, я Ваши «Мертвые души» в пьесу превратил. Правда, она мало похожа на ту, которая идет в театре, и даже совсем не похожа, но все-таки это я постарался... Средиземное море! Батюшки мои!..

Вы верите ли, я сел размечать главы книги!

Сколько наших литераторов ездило в Европу — и кукиш с маслом привезли! Ничего! Сережку нашего, если послать, мне кажется, он бы интереснее мог рассказать об Европе. Может быть, и я не сумею? Простите, попробую!

19-го паспортов нет. 23-го — на 25-е, 25-го — на 27-е. Тревога. Переспросили: есть ли распоряжение. — Есть. Из Правительственной комиссии, через Театр узнаем: «дело Булгаковых устроено».

Чего еще нужно? Ничего.

Терпеливо ждать. Ждем терпеливо.

Тут уж стали поступать и поздравления, легкая зависть: «Ах, счастливцы!»

— Погодите, — говорю, — где ж паспорта-то?

— Будьте покойны! (Все в один голос.)

Мы покойны. Мечтания: Рим, балкон, как у Гоголя сказано — пинны, розы... рукопись... диктую Елене Сергеевне... вечером идем, тишина, благоухание... Словом, роман!

В сентябре начинает сосать под сердцем: Камергерский переулок, там, наверно, дождик идет, на сцене полумрак, чего доброго, в мастерских «Мольера» готовят...

И вот, в этот самый дождик я являюсь. В чемодане рукопись, крыть нечем!

Самые трезвые люди на свете — это наши мхатчики. Они ни в какие розы и дождики не веруют. Вообразите, они уверовали в то, что Булгаков едет. Значит же, дело серьезно! Настолько уверовали, что в список мхатчиков, которые должны были получить паспорта (а в этом году как раз их едет очень много), включили и меня с Еленой Сергеевной. Дали список курьеру — катись за паспортами.

Он покатился и прикатился. Физиономия мне его сразу настолько не понравилась, что не успел он еще рта открыть, как я уже взялся за сердце.

Словом, он привез паспорта всем, а мне беленькую бумажку — М.А.Булгакову отказано.

Об Елене Сергеевне даже и бумажки никакой не было. Очевидно, баба, Елизавет Воробей! О ней нечего и разговаривать!

Впечатление? Оно было грандиозно, клянусь русской литературой! Пожалуй, правильней всего все происшедшее сравнить с крушением курьерского поезда. Правильно пущенный, хорошо снаряженный поезд, при открытом семафоре, вышел на перегон — и под откос!

Выбрался я из-под обломков в таком виде, что неприятно было глянуть на меня. Но здесь начинаю поправляться.

Перед отъездом я написал генсекру письмо, в котором изложил все происшедшее, сообщал, что за границей не останусь, а вернусь в срок, и просил пересмотреть дело. Ответа нет. Впрочем, поручиться, что мое письмо дошло по назначению, я не могу.

---

13 июня я все бросил и уехал в Ленинград. Через два дня мы возвращаемся в Москву. Может быть, на короткий срок поеду

под Звенигород в деревню, где проживает Сережка с воспитательницей. Буду там искать покоя, как велит доктор.

Очень обрадуете меня, если напишете мне. <...>

Ваш М.Булгаков.

20 июля

Семнадцатого мы вернулись из Ленинграда, где прожили больше месяца в «Астории».

За это время многое, конечно, произошло, но я не записывала ни там, ни здесь. Что я помню? Седьмого июня мы ждали в МХАТе вместе с другими Ивана Сергеевича, который поехал за паспортами. Он вернулся с целой грудой их, раздал всем, а нам — последним — белые бумажки — отказ. Мы вышли. На улице М.А. вскоре стало плохо, я с трудом его довела до аптеки. Ему дали капель, уложили на кушетку. Я вышла на улицу — нет ли такси? Не было, и только рядом с аптекой стояла машина и около нее Безыменский. Ни за что! Пошла обратно и вызвала машину по телефону.

У М.А. очень плохое состояние — опять страх смерти, одиночества, пространства.

Дня через три (числа 10—11) М.А. написал письмо обо всем этом Сталину, я отнесла в ЦК. Ответа, конечно, не было.

13-го мы поехали в Ленинград, лечились там у доктора Полонского электризацией.

«Турбины» шли с большим успехом. Но из-за денег мучились много, и, по-видимому, эти жулики не заплатят нам полностью.

В Ленинграде было очень душно.

18 июля, несмотря на усталость, поехали в Звенигород к Сергею и Екатерине Ивановне на дачу. Чудное купанье.

19-го вернулись. Заботы. Звонки телефонные. М.А. диктует мне второй вариант «Мертвых» для кино. Первый сделал в Ленинграде, и Пырьев попросил переделать.

1 августа

М.А.БУЛГАКОВ — Н.А.БУЛГАКОВУ

Милый Никол!

Я не здоров, у меня нервное переутомление. Завтра я должен, примерно, на неделю уехать на дачу под Москвой, иначе не в состоянии буду дальше работать. Диктую, стараясь ответить на все важные вопросы, применительно к твоему письму от 24 июня.

1. В виллу Зора я писал о том, что письмо получено.

2. Получен и французский текст «Зойкиной».

3. Рейнгардт я послал первые поправки. <...> Прошу тебя со всей внушительностью и категорически добиться исправления неприятнейших искажений моего текста, которые заключаются в том, что переводчик вставил в первом акте (а, возможно, и еще где-нибудь) имена Ленина и Сталина. Прошу тебя добиться, чтобы они были немедленно вычеркнуты. <...>

Г.Уэллс. 1936.

4. Каганский — наглый и опасный мошенник. Сообщаю, что он никакого отношения к пьесам моим не имеет. Надо сделать все, чтобы он не смел протянуть лапу к деньгам.
5. О «Днях Турбиных». Договор с Лайонсом только для пьесы на английском языке. Поэтому пусть Фишер получает остальное.
6. О Сосьете. Боже, как трудно и хлопотливо получить все те документы, о которых ты пишешь! Просто помыслить не могу о том, что все это удастся здесь перевести, да еще и заверить! Но все старания к этому приложу. <...>
7. О «Зойкиной». Авторские комментарии (Милый Никол, я понимаю, насколько это важно, но мне для них был нужен именно этот французский текст!) уже начаты мною, и первые характеристики действующих лиц я сейчас отправляю Рейнгардт. Сколько хватит сил, я допишу и остальное.

К сожалению, я не могу этого написать по-французски. Я не владею настолько языком. <...>

Пусть переводчики переведут у вас сами, если это им нужно.

8. О белградской постановке. Сукины дети они! Что же они там наделали! Пьеса не дает никаких оснований для того, чтобы устроить на сцене свинство и хамство! И, само собою разумеется, я надеюсь, что в Париже разберутся в том, что такое трагикомедия. <...>

Твой М.

15 августа

Опять пропуск в записях. Начало августа мы прожили на даче в Звенигороде с Сергеем. С 9 августа — в Москве. Сейчас думаем, не съездить ли в Киев. Театр русской драмы хочет ставить «Мольера». Стоит ли давать — выпустит раньше МХАТа?

Из Парижа прислали перевод «Зойкиной». У М.А. волосы стали дыбом. Перевод-то вообще недурной, но в монологи Аметистова переводчики самовольно вставили имена Ленина и Сталина в неподходящем контексте. М.А. послал тут же письмо с требованием вычеркнуть имена.

Все газеты пишут о предстоящем писательском съезде.

Кстати, до сих пор неизвестно, принят М.А. в Союз или нет.

Повестки изредка присылают. Стороной слышали, что сначала его не приняли, равно как и еще кое-кого. Но потом — приняли.

В Москву приезжал Герберт Уэллс. Был принят Сталиным, но в газетах беседа не публиковалась.

Был Уэллс и у Горького, а в Ленинграде у А.Толстого. Но уехал как-то очень тихо, так что московские сплетники шипят, что ему у нас не понравилось.

Е.С. и М.А. Булгаковы в Киеве. 20 августа 1934.

Приехал, наконец, Станиславский.

Глухо слышно, что «Мольера» он будет выпускать.

Немирович еще за границей, должен приехать 19 августа. Но сейчас же, как говорят, отбудет в Ялту.

«Чайка», будто, не пойдет. Бедный Леонтьев болеет, не то камни, не то кишечник не в порядке.

М.А. очень мучился, сдавая «Мертвые», — теперь сдан уже третий вариант.

На горизонте — Пырьев и Вайсфельд. И конечно, маячит Жуховицкий.

Умерла от рака Ольга Лазаревна Подгорная.

Ночью того же дня.

Звонил Вайсфельд с поздравлением: сценарий «Мертвых душ» утвержден.

Кончились четырехмесячные мучения.

Потом еще звонок — «Украинфильм» предлагает делать «Ревизора» для кино.

Слышу ответы М.А. по телефону:

— Да... да... это меня интересует... да, я с удовольствием возьмусь.

Это было так непохоже на обычные ответы М.А. — поразило меня.

Вечером приехали администратор Катинов (по художественной части) и Блюмберг (по финансовой).

Режиссером намечают Дикого. Обычная картина: милы, предупредительны, любезны. Это уж закон: начало работы.

Зовут в Киев, обещают билеты, гостиницу...

Завтра привезут договор.

Часов в десять вечера — Жуховицкий и Вельс — американский режиссер, ставивший в Нью-Хевене в Иельском университетском театре «Дни Турбиных» в марте этого года.

Вельс — молод, мил, жизнерадостен, одет очень скромно. М.А. ему явно понравился. Он очень обрадовался, когда М.А. обещал ему пойти с ним в МХАТ на «Турбиных». Рассказал, что скоро в Москву приедут Бланш Юрка — Елена и актеры, игравшие Алексея и Лариосика.

23 августа

Сегодня вернулись из Киева. Мы были там с 18-го по 22-е. На вокзале нас встретил Загорский — помощник директора кинофабрики и Нелли-Влад — режиссер Театра русской драмы. Поехали в «Континенталь» — ни одного свободного номера. В вестибюле увидели Бориса Эрдмана. Он предложил свой номер в «Гранд-Отеле». Мы поехали туда. Большущая комната, пять кроватей, тип общежития. Пришлось остаться, так как хотелось отдохнуть. Потом пришел Загорский и предложил нам остановиться у него на квартире.

Дела:

1) «Мольер» в Театре русской драмы. Им хочется и колется. Какой-то тамошний Стецкий (по выражению Нелли-Влада) сказал им: конечно, ставьте.

Но театр боится. Дан на рецензию в Наркомпрос. Рецензент не одобрил: тема о кровосмесительстве.

Мы ведь страшно добродетельны!

Ну, и ладно. Пусть пойдет раньше во МХАТе. Может, и лучше.

2) «Ревизор» в кино. Были две встречи с дирекцией. План М.А. понравился. Оба директора начали уговаривать М.А. переехать совсем в Киев, даже квартиру обещали достать.

Для М.А. квартира — магическое слово. Ничему на свете не завидует — квартире хорошей! Это какой-то пунктик у него.

24 августа

Вечером был Женя Калужский, рассказывал про свою летнюю поездку. Приехал во Владикавказ, остановился в гостинице. Дико утомленный, уснул. Ночью пришли в номер четыре человека, устроили обыск, потом повели его в ГПУ. Там часа два расспрашивали обо всем. Интересный вопрос:

— Откуда у вас деньги на путевку?

А путевка стоит 450 руб.!

Потом извинились: Ошибка. Приняли за другого. Дальнейшее путешествие более удачно.

Станиславский, по его словам, усталый, без планов. Середняков ни во что не ставит. «Чайку» не хочет ставить. Хотел бы и «Врагов» снять, «но, — говорит, — это не удастся, надо ставить».

А о Немировиче Женя сказал, что он приехал 19-го из-за границы и в тот же день уехал в Ялту. Со Станиславским не виделся, только по телефону говорили.

Немирович потребовал от Глинского (директора гостиницы «Интурист» в Ялте), чтобы тот ему выслал в Байдары четверку лошадей, так как «сына Мишу» может укачать машина...

25 августа

М.А. все еще боится ходить один. Проводила его до Театра, потом — зашла за ним. Он мне рассказывал, как произошла встреча К.С.'а. Он приехал в Театр в половину третьего. Актеры встретили его длинными аплодисментами. Речь К.С.'а в нижнем фойе. Сначала о том, что за границей плохо, а у нас хорошо. Что там все мертвы и угнетены, а у нас чувствуется живая жизнь. «Встретишь француженку, и неизвестно, где ее шик?..» Потом — педагогическая часть речи. О том, что нужно работать, потому что... Художественный театр высоко расценивается за границей!.. В заключение — заставил всех поднять руки в знак клятвы, что все хорошо будут работать. Когда кончил, пошел к выходу, увидел М.А. — поцеловались. К.С. обнял М.А. за плечо, и так пошли.

— Что вы пишете сейчас?

М.А. говорит, что он еще явственнее стал шепелявить.

— Ничего, Константин Сергеевич, устал.

— Вам нужно писать... Вот тема, например: некогда все исполнить... и быть порядочным человеком.

— Потом вдруг испугался и говорит:

— Впрочем, вы не туда это повернете!

— Вот... все боятся меня...

— Нет, я не боюсь. Я бы сам тоже не туда повернул.

В этот же день разговор с Мамошиным.

— Нужно бы нам поговорить, Михаил Афанасьевич!

— Надеюсь, не о неприятном?

— Нет! О приятном. Чтобы вы не чувствовали, что вы одинокий.

Разговор с Афиногеновым.

— Мих. Аф., почему вы на съезде не бываете?

— Я толпы боюсь.

— А как вообще себя чувствуете?

М.А. рассказал о случае с паспортами.

Афиногенов:

— Как бы вас заполучить ко мне?

— Нет, уж лучше вы ко мне. Я постоянно лежу.

— Какой номер телефона?

Рипси (все в тот же день):

— Мы спрашивали у К.С.'а: Почему вы отказались от «Мольера»? А тот отвечает: — Я и не думал... (Рипси шепотом): Только на большой сцене и с хорошим составом!

У М.А. возник план пьесы о Пушкине. Только он считает необходимым пригласить Вересаева для разработки материала. М.А. испытывает к нему благодарность за то, что тот в тяжелое время

сам приехал к М.А. и предложил в долг денег. М.А. хочет этим как бы отблагодарить его, а я чувствую, что ничего хорошего не получится. Нет ничего хуже, когда двое работают.

Вечером М.А. диктовал мне черновые наброски «Ревизора» для кино.

М.А. купил сегодня Станюковича, полного, и Скаррона — «Комический роман». Очень доволен.

29 августа

В многотиражке «За большевистский фильм» напечатано несколько слов М.А. о работе над сценарием «Мертвых душ» и — портрет М.А. — в монокле! Откуда они взяли эту карточку?! Почему не спросили у нас?

Вчера пришел по делу Загорский (из Киева), внезапно почувствовал себя плохо, остался ночевать.

М.А. пошел с Колей Ляминым к Поповым, а мы с Загорским проговорили до рассвета о М.А.

— Почему М.А. не принял большевизма?.. Сейчас нельзя быть аполитичным, нельзя стоять в стороне, писать инсценировки.

Почему-то говорил что-то вроде:

— Из темного леса... выходит кудесник (писатель — М.А.) и ни за что не хочет большевикам песни петь...

М.А. вернулся с дикой мигренью (очевидно, как всегда, Аннушка зажала еду), лег с грелкой на голове и изредка вставлял свое слово.

Был пятый час утра.

31 августа

Были с М.А. у Вельса. Флигель во дворе (Волхонка, 8). Стеариновые свечи. Почти никакой обстановки. На столе — холодная закуска, водка, шампанское. Гости все уже были в сборе, когда мы пришли.

Американский Лариосик — румяный толстяк в очках, небольшого роста.

Алексей — крупный американец, славянского типа лицо.

Кроме них — худенькая американка-художница и двое из посольства Буллита. Говорила с ними по-немецки. Американцы пили очень много, но не пьянели. Потом оба секретаря (Боолен Чарльз и Тейер) уехали на вокзал — едут в Ленинград. А актеры пели по-английски песенки из «Турбиных» («Чарочку», «Олега»...).

Жуховицкий — он, конечно, присутствовал — истязал М.А., чтобы он написал декларативное заявление, что он принимает большевизм.

Была еще одна дама, которую Жуховицкий отрекомендовал совершенно фантастически по своему обыкновению:

— Родственница... (не помню, кому) из Государственной думы...

Дама:

М.М.Литвинов (справа) и первый посол США в СССР В.Буллит. 1933.

— Я была на премьере «Дней Турбиных» (с ударением на «Тур...») Радек ушел с первого акта...

Ох, дама! Ох, Жуховицкий!

2 сентября

Звонил Яков Леонтьевич с совершенно ошеломляющим заявлением — Станиславский уволил его из Театра.

По приезде он вызвал к себе Якова Л., похвалил его за работу, высказал удовольствие, что будет вместе с ним работать в этом сезоне, расцеловался на прощанье...

А на следующий день Егоров сказал Якову, что ввиду того, что Театр расширяется — Леонтьев не годится и будет другой. И пусть Леонтьев подаст заявление об уходе.

Яков сказал, что он с трудом дошел домой и дома свалился. Теперь болен. У него была путевка, он должен был выехать на Кавказ лечиться, — теперь все пошло прахом.

Как же Егоров должен был оклеветать Якова?!

Программа — американская — «Турбиных». В ней:

«Your production of Mikhail Bulgakov's «Days of the Turbins» will be, I am sure, a landmark in the cultural and artistic approach of our two countries.

A.Trojanovski.

Ambassador of the USSR»[1].

Сейчас идем в МХАТ на «Турбиных».

6 сентября

Итак. Второго мы опоздали и пришли ко второй картине. Федя дал места в шестом ряду, слева у среднего прохода. Американцы были налицо. Во втором ряду — Буллит с дочкой. По-

---

[1] «Ваша постановка «Дней Турбиных» Михаила Булгакова будет, я уверен, вехой в культурном и художественном сближении наших двух стран. А.Трояновский. Посол СССР» *(англ.)*.

том — рядом с Алексеем — Бланш Юрка, немолодая, некрасивая, но заметная, худая, длинная, крашеная блондинка. Чешка. Говорили по-французски. В партере же — Жуховицкий со своей знаменитой родственницей члена Государственной думы.

В первом антракте мы разговаривали с Юрка и Алексеем. Во втором — Вельс подвел Буллита. После чего все, под предводительством Феди Михальского, пошли за кулисы.

Миша рассказывал мне, что за кулисами знакомились с актерами: Хмелевым, Яншиным, другими. Ходили на сцену, на которой была уже выгорожена гимназия. Потом — в зал.

Выяснилось, что в партере сидят еще одни Турбинцы — из Праги. Тоже познакомились с М.А. Сказали, что, по плану фестиваля, они должны были пойти на «Интервенцию», но, узнав о «Турбиных», пришли во МХАТ.

В следующем антракте Буллит опять подошел к нам. Он сказал, что смотрит пьесу в пятый раз, всячески хвалил ее. Он смотрит, имея в руках английский экземпляр пьесы, говорит, что первые спектакли часто смотрел в него, теперь редко.

После спектакля — настойчивое приглашение Жуховицкого ужинать у него.

Пошли американские Турбины (трое) и мы. Круглый стол, свечи, плохой салат, рыба, водка и дама.

Третьего у нас были Леонтьев и Калужский. Бедный Яков совершенно раздавлен.

Енукидзе (они говорили) прислал в Театр распоряжение — оставить Леонтьева в Театре.

Нижний кабинет сначала растерялся, но потом как-то ухитрился даже не ответить.

Четвертого вечером у нас Коля Лямин и Патя Попов. Их распирает любопытство — знакомство с американцами! Они яростно уничтожали рокфор, который Оля днем привезла из Риги и который Миша выдавал им за американский.

Пятого сентября у нас были Оля и Женя Калужский вечером. А днем заезжал Яков Леонтьевич прощаться перед Ессентуками. М.А. с Сережкой были в это время на даче в Болшеве.

Сегодня, шестого, и Екатерина Ивановна и Фрося — выходные. Мы одни, втроем. У М.А. болит живот, чем-то окормили на даче. Сначала он занимался с Сергеем уроками, потом учил его шахматам.

Переложили американский вечер с седьмого на девятое.

По телефону — предлагают М.А. делать для кино «Обломова». М.А. разговаривал вяло.

Вечером заходил сосед — писатель Л. с просьбой напечатать и выправить письмо наверх — не печатают, отовсюду выставили, тяжело живется. Потом записка от А. — тоже из нашего дома — просит денег. Нашлось.

За окном, во дворе, играют на гармонике, поют дикими голосами.

А.Я.Таиров и А.Г.Коонен. 1920-е годы.

7 сентября

Съезд писателей закончился несколько дней назад — банкетом в Колонном зале. Рассказывают, что было очень пьяно. Что какой-то нарезавшийся поэт ударил Таирова, обругав его предварительно «эстетом»...

Сегодня суетливый день.

Массаж. Поликлиника. Домой. С М.А. в Театр на репетиции «Пиквика», потом — в город, поиски мебельной материи. Сережкин восторг от пломбира. Опять Театр.

Вышли из конторы, во дворе К.С. — без пальто, в шляпе. (Сказала о замужестве, вспомнили наш разговор в тридцать первом году.)

Станиславский попросил М.А. позвонить утром завтра к нему — надо говорить о «Мольере». Публика останавливалась у ворот, смотрела на Станиславского.

После обеда и сна диктовал «Ревизора».

Мысль — делать картину из «Следопыта». М.А. очень любит эту вещь.

8 сентября

В «Литературной газете» интервью Бланш Юрка. «Ей очень нравятся «Турбины», сколько в них лирической теплоты, как женственен образ Елены...»

По дороге в Театр встреча с Судаковым.

— Вы знаете, М.А., положение с «Бегом» очень и очень неплохое. Говорят — ставьте. Очень одобряет и Иосиф Виссарионович и Авель Сафронович. Вот только бы Бубнов не стал мешать (?!).

Со слов Оли и Калужского: Калужского снимают с должности заведующего труппой, оставляют только актером. Олю — только секретарем Владимира Ивановича, секретарем же дирекции бу-

дет Рипси. Сахновского снимают с должности зам. директора, оставляют режиссером. Павла Маркова совсем вон.

Сахновскому, Калужскому и Оле сделаны уже лестные предложения из других театров.

Они собираются в упор задать вопрос Станиславскому или Егорову — о своей судьбе, и тогда примут решение.

Позвонила к Хмелеву, пригласила его на завтра к нам.

Сегодня пришло из Киева письмо: «Пришлите копию отзыва Горького о «Мольере».

Из-за границы как-то Фишер прислал фотограмму письма Горького следующего содержания:

«О пьесе М.Булгакова «Мольер» я могу сказать, что — на мой взгляд — это очень хорошая, искусстно[1] сделанная вещь, в которой каждая роль дает исполнителю солидный материал. Автору удалось многое, что еще раз утверждает общее мнение о его талантливости и его способности драматурга. Он отлично написал портрет Мольера на склоне его дней. Мольера уставшего и от неурядиц его личной жизни, и от тяжести славы. Так же хорошо, смело и — я бы сказал — красиво дан Король-Солнце, да и вообще все роли хороши. Я совершенно уверен, что в Художественном театре Москвы пьеса пройдет с успехом, и очень рад, что пьеса эта ставится. Отличная пьеса. Всего доброго. А.Пешков».

Почему, кому давал Горький этот отзыв, так мы и не узнали. Да, правду сказать, и не узнавали.

Так вот, Театр, прознав про этот отзыв, просит выслать его. Если М.А. согласится, перешлю. Но М.А. думает, что не стоит, что вообще лучше, чтобы пьеса пошла раньше во МХАТе.

Тип с «Обломовым» пропал. Все исчезают для нас люди среди бела дня...

10 сентября

У нас вечером девятого: московские Турбины, американские Турбины, Жуховицкий, конечно; Калужские. Ужин при свечах, пироги, икра, севрюга, телятина, сласти, вино, водка, цветы. Сидели уютно часов до четырех. Станицын хорошо показывал Станиславского, Немировича, Тарханова, Ершова, Булгакова. Первыми пришли Жуховицкий и Ольга с Калужским. Потом — Станицын, Яншин, Хмелев. Потом — американцы — Алексей, Лариосик и режиссер Вельс с художницей-американкой в красной шапочке и стоптанных туфлях.

М.А. сказал, что вечер похож на постройку Вавилонской башни — одновременно говорили на русском, английском, французском и немецком языках. Хмелев на чудовищном французском языке доказывал американскому Алексею, что на Западе не существует искусства, что оно есть только у нас. В доказательство приводил пример — Станиславский... Бланш Юрка, к сожалению, не была, она уехала в Лондон.

---

[1] Именно так у Горького: «искусстно». — *Примеч. Е.С.Булгаковой.*

Легли спать поздно, так как Оля с Женей не сразу ушли.

Сегодня целый день бродим, как сонные мухи.

Звонил все же насчет «Обломова» Кауфман — придет двенадцатого.

11 сентября

Были у Поповых. Аннушка пела цыганские вальсы под гитару. — М.А. ищет их для «Бега». Но пойдет ли вообще?

12 сентября

Суматошный день: Сергей без Лоли, монтеры, новая учительница для Сергея, Елисавета Карповна — массаж, какие-то беспрерывные звонки.

Вечером Жуховицкий — просит какие-то сведения о М.А. для Вельса. Вельс хочет писать статью о Булгакове — в Америке.

В то же время — Кауфман.

Я говорила с Жуховицким, а М.А. все время — с Кауфманом.

13 сентября

Сегодня по дороге из Театра домой М.А. рассказывал (со слов Топоркова), как Станиславский показывал Петкеру Плюшкина. Что будто бы Плюшкин так подозрителен, так недоверчив к людям, что даже им в лицо не смотрит, а только на ноги посмотрит — и довольно. И когда Чичиков ему что-то приятное говорит, он и не слушает даже, отвернулся, скучно ему. А когда Плюшкин рассказывает Чичикову про капитана, то делает рукой жест, как будто нож держит (мысль: капитан, хотя и соболезнует, а готов зарезать за копейку) и все в таком роде.

14 сентября

Взяли Сергею новую учительницу — будет готовить его во вторую группу.

Оля по телефону говорила, что в Театре развал, спектакли играются без увлечения: сыграть и с плеч долой! Никто ничего толком не знает, питаются все слухами:

1) Что Москвин напал на Станиславского за все реформы вообще и за Калужского — в частности. Что, может быть, Калужского оставят на его должности. Но Москвин сегодня уезжает за границу.

2) Что Сахновский был, по желанию К.С.'а, два раза у него на день, причем К.С. настаивает, чтобы Сахновский подал письменное прошение освободить его от места заместителя директора — по болезни сердца. Что Сахновский отказался, и Боярский (председатель ЦК Рабиса) одобрил его, сказав, что наверху очень недовольны Станиславским за все его новшества.

3) Что Леонтьева назначают зам. директора Большого театра.

4) Что Станиславский как-то на днях до четырех часов ночи ругал свой нижний кабинет за то, что они его подвели, орал, будто, дико.

15 сентября

Несколько дней назад М.А. прочитал книжку Оммер де Гелль и сказал, что, по его ощущению, это — фальсификация. Сегодня обедал у нас Патя Попов. Заинтересовался этой мыслью. Они вдвоем стали рыться в книгах, пришли к выводу, что эту подделку произвел Вяземский.

От Пырьева получен сценарий «Мертвых душ». Пырьев внес свои изменения, но как-то очень безграмотно выраженные. А на экземпляре — М. Булгаков.

Вечером на собрании жильцов Шкловский говорил М.А., что он написал и сдал сценарий «Ревизора» тому же «Украинфильму». Позвольте!..

16 сентября

Вечером — Лямин. Миша читал ему несколько глав романа. А после его ухода — до семи часов утра разговор — все на одну и ту же тему — положение М.А.

17 сентября

Вечером Горчаков. Сатира просит М.А. из «Блаженства» сделать комедию, в которой бы Иван Грозный действовал в современной Москве. Назвал это обозрением. Когда М.А. сказал, что не хочет писать обозрение, Горчаков сказал, что комедия устраивает их еще больше.

Позднее — Вельс с художницей Милли — пришли прощаться. Завтра они улетают в Берлин, оттуда в Бремен, и на пароходе в Америку. Едут на пароходе в третьем классе. Очень милы. Все время говорят о том, как хорошо будет, когда М.А. приедет в Нью-Йорк.

Угощала их налимьей печенкой, икрой, яичницей и чудесным рижским шоколадом.

Поздно ночью разговаривала с Олей по телефону. «...В театре происходит черт знает что». Ясно, что старик выгоняет Сахновского и Женю и Ольгу. Ясно, что Театр захватит в свои руки Егоров.

Немировича Станиславский устраняет и, по-видимому, устранит. Разговоры К.С.'а поразительны по неискренности. Три часа он говорил бог знает что Жене Калужскому, и когда тот спросил напрямик:

— Вы хотите меня отставить от заведования труппой? — старик ответил:

— Теперь такое время, что заведовать труппой должен нахал.

С Сахновским обошелся еще лучше. Мало того что выгнал, но еще настаивал, чтобы Сахновский сам написал прошение об отставке по болезни сердца...

Илья — настоящий бандит. Все его разговоры о «Беге» — пустые враки. Сейчас в руках у него, оказывается, последняя пьеса Афиногенова «Портрет».

Да, еще — Оля говорила: когда Марков говорил с К.С.'ом о постановке Чехова в Театре и передал слова Немирова, что Чехова нельзя восстанавливать в том виде, как он раньше шел, а надо по-новому, — Станиславский сказал:

— Это что же? С наклеенными носами?

— Нет, так, как должен и может играть МХАТ, но по-новому, в новых формах...

— Подлизывается!.. Молодящийся старик!

18 сентября

Выходной день. У нас обедали: Оля, Патя Попов и Сергеева учительница, Ольга Васильевна. Потом пришел и Женя Калужский.

Вечером мы с М.А. пошли к Леонтьевым. Дома были только дамы (Яков Л. — в Ессентуках. Андрей Андреевич был на ночном дежурстве у Крамера, которому отняли ногу — гангрена).

Кроме нас там были еще Шапошниковы.

М.А. и Борис Валентинович после ужина подсели к роялю и стали петь старинные романсы. А мы, четыре дамы, рассказывали друг другу всякую чушь.

В частности, Евгения Григорьевна передавала рассказ Климова — очень вольный.

Впечатление было забавное. От рояля доносятся мужские голоса: «Не искушай меня...», а в это время с дамского стола раздается бас Евгении Григорьевны: «Котам яйца вырезаю!..» — из анекдота климовского.

20 сентября

Днем долго гуляли с Марианной Толстой. Она мне рассказывала все свои беды, про свою несчастную любовь к Е.А. Просила советов.

Вечером я была на Ржевском — брала ванну. У М.А. — Патя.

21 сентября

Вчера в «Литературной газете» были напечатаны отрывки из сценария Шкловского «Ревизор».

А сегодня Катинов по телефону: «Они только надеются на М.А...» Обложил сценарий Шкловского, сказал, что ему уже давно было говорено в «Украинфильме», что его сценарий не подходит. Но что Шкловский теперь продвигает его по линии оргкомитета. Чтобы М.А. не обращал на это внимания.

Вечером М.А. писал роман.

Сегодня утром М.А. звонил к Станиславскому.

— Вы, кажется, нездоровы, Константин Сергеевич?

— И нездоров, но не для вас.

Потом говорили о декорациях к «Мольеру», и К.С. попросил М.А. позвонить завтра, чтобы условиться о свидании.

30 сентября

Несколько дней пропустила — суматошная у нас жизнь: новая домработница (Фросино прощальное воровство), ремонт, обойщики и так далее.

Вчера у меня была встреча с Веровым — новым заместителем директора в Сатире. Театр усиленно просит М.А. согласиться на переделки «Блаженства».

Дома у нас вчера вечером — взволнованные Оля и Женя Калужский. Дело в том, что 28-го наконец был вывешен тот знаменитый рескрипт, который так давно вынашивался в черном кабинете и у Старика.

Примерное содержание его: «Ввиду того что Сахновский обратился ко мне с просьбой освободить его, по болезни сердца, от работы и т.д. и т.д. — должность зам. директора упразднить и функции его распределить между: Судаковым (план театра, репертуар), Кедровым («диктатор сквозного действия») и Подгорным («хранитель традиций МХАТа»).

Второе: Калужского, освободив его от заведования труппой (на это место назначен Подгорный), назначить заведующим филиалом, с тем, однако, чтобы он работал по Репертуарной конторе».

Формулирован этот пункт был так нежно и туманно, что никак нельзя было понять, остается Калужский заведующим репертуаром или нет. Скорее можно было понять, что нет.

За несколько дней до этого К.С. говорил с Женей и сказал ему, что он остается зав. репертуаром.

Женя взбесился и решил написать старику письмо. А так как ему точно стало известно, что нижний кабинет распространяет про него сплетни, говорит, что он вор, взяточник, — то письмо это было написано в чрезвычайно резких тонах и с таким приблизительно содержанием: Если К.С. не оставит его заведующим репертуаром, он ни на какую административную работу в Театре не соглашается. И второе — он просит К.С. прекратить шельмование его имени и указывает, как на источник сплетен, на Р.К.

...Что старик разъярился, когда читал это письмо. Причем очень смешно было, что начал он его читать вслух при Судакове и принужден был дочитать до конца.

Но когда на следующий день Женя был приглашен на заседание к старику как заведующий репертуаром, К.С. был с ним чрезвычайно любезен и ежеминутно о нем упоминал, как о «зав. репертуаром».

А Сахновский и не думал подавать заявление об уходе!

5 октября

Очень устаю со всеми делами — отсюда пропуск.

Вчера, как всегда, зашла за М.А. в Театр. Он мне рассказал, со слов кого-то, что на Тверской выставлена его фотография. Зашли в первую фотографию, там не было. Пошли в следующую — в витрине, действительно, была карточка М.А.

— Я бы хотела купить фотографию Булгакова.
— Нет, его карточек в продаже нет, только на витрине. Может быть, какого-нибудь другого писателя?..

12 октября

Похороны О.Н.Басова на Ново-Девичьем.

13 октября

У М.А. плохо с нервами. Боязнь пространства, одиночества.
Думает, не обратиться ли к гипнозу.
В Театре усиленные репетиции «Пиквикского клуба», хотят выпустить в конце октября.
В Театр принята пьеса Стырской. Об этом говорят с веселым изумлением. Рекомендацию пьесе дал Горький.

14 октября

Слух о том, что в поезде из Риги умер Собинов.

15 октября

Оказывается — правда. Сегодня в газетах сообщение, что Собинов умер в Риге.
Сегодня рано провожала М.А. в филиал на репетицию «Пиквика» — шумовую.
Нервы у М.А. расстроены, но когда мы идем вместе, он спасается тем, что рассказывает что-нибудь смешное. Ему рассказывали, что М.П.Гальперин перевел и поставил в каком-то московском маленьком театре (не помню в каком) «Тартюфа». Авторская и режиссерская трактовка пьесы замечательная: Оргон — представитель восходящей буржуазии. На сцене показано какое-то производство, для того чтобы отметить, что у Оргона — фабрика, и прочая чепуха.
Все это кончилось скандалом. Будто бы французское посольство в полном составе уехало после первого акта, нет, вру — со второго. На сцене было показано в издевательском плане католическое молебствие.

Сегодня М.А. диктовал мне вечером сценарий «Ревизора» (черновик).

Наконец, провели у нас газ! Сергей взял первый ванну.

16 октября

День начался как обычно — проводила М.А. в Театр. Потом зашла за ним. Он сегодня не гримировался, как другие, потому что не готовы наклейки для него.
На репетиции он узнал, что сегодня, в первый раз после длительного перерыва, репетировали «Мольера», сцену в соборе.
Говорит, что принял это известие равнодушно. Не верит, что пьеса выйдет когда-нибудь.

Несколько дней назад у Станиславского было совещание по поводу «Мольера». У М.А. осталось самое безотрадное впечатление. Смотрели макеты. Старик недоволен ульяновской работой, а Ульянов тяжко болен — лежит. Решили, что будут подправлять под его диктовку кое-что — Гремиславский и его помощница Елена Давыдовна. Актеров из «Мольера» рвут, хотят забрать и последнее, что дали в пьесу. (Когда М.А. огорчался, что дают слабых актеров, К.С. его утешал, говоря, что «вот и хороший купец, когда ягоду продает, сверху положит крупную на лоток, а сам старается подсунуть из-под низа гнилую покупателю...»)

Тем не менее постановили репетиции начинать, как только выпустят «Пиквика».

Самое странное, говорит М.А., что Станиславский хотел на роль кардинала назначить Ершова — из-за его внешности, роста.

Вчера (или позавчера, не помню) было созвано собрание актеров с Судаковым и Станиславским. М.А. не пошел. Ему рассказывали потом, что Илья разразился укоризнами по поводу того, что актеры раньше времени съедают закуску, которую подают в «Мертвых душах»...

— Если бы это был еще восемнадцатый год, тогда!..

Тут попросила слова выжившая из ума Халютина и произнесла следующее:

— Да как же им не есть, когда они голодные!

— Никаких голодных сейчас нет! Но если даже актеры и голодные, то нельзя же реквизит есть!

К вечеру звонок Катинова, приглашает вместе с ним и Загорским М.А. ехать к Дикому на совещание по поводу «Ревизора». М.А. отказался по нездоровью. Тогда звонок Дикого — он тоже нездоров. Поладили на том, что встретятся, когда выздоровеют.

А приедут к нам сегодня Загорский и Катинов. Вот и жду их.

Ночью.

Они были: Загорский, Катинов и третий, неизвестный, отрекомендовавшийся: Абрам Львович... (фамилию не расслышали), — маленький военный с красными петлицами и с револьвером. М.А. читал черновик (первый) «Ревизора». За ужином критиковали. Загорский и Абрам Львович говорили, что действие надо вынести больше за пределы павильона и сократить словесную часть. Катинов произнес речь, наполненную цитатами, но абсолютно беспредметную. Угощала их рябиновой водкой, икрой, яичницей, закусками.

18 октября

Днем были у В.В. Вересаева. М.А. пошел туда с предложением писать вместе с В.В. пьесу о Пушкине, то есть чтобы В.В. подбирал материал, а М.А. писал.

Мария Гермогеновна встретила это сразу восторженно. Старик был очень тронут, несколько раз пробежался по своему уютному кабинету, потом обнял М.А.

В.В. зажегся, начал говорить о Пушкине, о двойственности его, о том, что Наталья Николаевна была вовсе не пустышка, а несчастная женщина.

Сначала В.В. был ошеломлен — что М.А. решил пьесу писать без Пушкина (иначе будет вульгарной) — но, подумав, согласился.

Пришли домой — письмо с фабрики, требуют поправок к «Мертвым душам» — какая мука.

19 октября

М.А. диктует второй вариант сценария («Ревизор»).

М.А.Булгаков в роли судьи («Пиквикский клуб», МХАТ, 1934).

20 октября

Сегодня купили рояль.

В Театре, оказывается, думали ставить (и кажется, уже репетировали) «Привидения». Но потом, как сказала Оля, «им посоветовали воздержаться от постановки». Так что Ольга Леонардовна лишилась роли, это было, конечно, для нее задумано.

24 октября

Обойщики, столяры — делают полки для книг.

Сегодня дописала под диктовку М.А. сценарий «Ревизора».

М.А. созвонился с Андреем Андреевичем по поводу свидания с доктором Бергом. М.А. решил лечиться гипнозом от своих страхов.

27 октября

Сегодня 36-летний юбилей МХАТа. Оля получила «Чайку».

3 ноября

В квартире — хаос, работают маляры.

Сегодня я была на генеральной «Пиквика». Должны были быть оба старика. Но у Станиславского поднялась температура, тогда и Немирович не поехал.

Публика принимала реплики М.А. (он судью играет) смехом. Качалов, Кторов, Попова и другие мне говорили, что он играет, как профессиональный актер.

Костюм — красная мантия, белый завитой длинный парик. В антракте после он мне рассказал, что ужасно переволновался — упала табуретка, которую он смахнул, усаживаясь, своей мантией. Ему пришлось начать сцену, вися на локтях, на кафедре. А потом ему помогли — подняли табуретку.

Б.А.Пильняк. 1932.

8 ноября

Вечером сидели среди нашего безобразия. М.А. диктовал мне роман — сцену в кабаре. Сергей тут же спал на нашей тахте.
Звонок телефонный — Оля. Длинный разговор. В конце:
— Да, кстати, я уже несколько дней собиралась тебе сказать. Ты знаешь, кажется, «Бег» разрешили. На днях звонили к Владимиру Ивановичу из ЦК, спрашивали его мнения об этой пьесе. Ну, он, конечно, страшно расхваливал, сказал, что замечательная вещь. Ему ответили: «Мы учтем ваше мнение». А на рауте, который был по поводу праздника, Судаков подошел к Вл. Ив. и сказал, что он добился разрешения «Бега». Сегодня уж Судаков говорил Жене, что надо распределять роли по «Бегу». Жене очень хочется играть кого-нибудь!

В Театре приняли пьесу украинского драматурга Корнейчука «Платон Кречет». Он читал театру 5 ноября — по-украински.

14 ноября

Репетиция «Пиквика» со Станиславским. Поехали на такси: М.А., Екатерина Ивановна, Женичка, Сережка и я. Федя нас посадил в двенадцатый ряд. В час приблизительно приехал Станиславский. За ним в партер вошла Рипси с пледом для К.С. Зал встал, и все стали аплодировать.

К.С. очень постарел, похудел. Мне показалось, что он утерял свою жизнерадостность, он как-то равнодушно и кисло принимал приветствия. Стал рядом со Станицыным за режиссерским столом в восьмом ряду. Стол покрыт был зеленой скатертью.

М.А. сидел рядом с К.С.

Говорят, спектакль старику понравился.

Публика тоже хорошо приняла, много аплодировала.

16 ноября

Станицын сегодня рассказывал М.А., как старик отнесся к его появлению в Суде.

Станицын называл ему всех актеров. Когда появился судья, Станиславский спросил:

— А это кто?

— Булгаков.

— Ага!.. (Вдруг — внезапный поворот к Станицыну). Какой Булгаков?

— Михаил Афанасьевич. Драматург.

— Автор?!

— Да, автор. Очень просился поработать.

Старик мгновенно сузил глаза, захихикал и стал смотреть на М.А.

Станицын это показывал смешно.

17 ноября

Вечером приехала Ахматова. Ее привез Пильняк из Ленинграда на своей машине.

Рассказывала о горькой участи Мандельштама. Говорили о Пастернаке.

19 ноября

После гипноза — у М.А. начинают исчезать припадки страха, настроение ровное, бодрое и хорошая работоспособность. Теперь — если бы он мог еще ходить один по улице.

21 ноября

День имянин М.А. Мы с Сергеем подарили ему «пополам», как говорит Сергей, ноты — «Тангейзера», «Руслана и Людмилу» и др. Это еще — накануне.

А сегодня я подарила ему бюро — александровское.

Вечером — Берг. Внушал М.А., что завтра он пойдет один к Леонтьевым.

А до этого был звонок Оли — поздравление и сообщение, что «Бег» не разрешили. М.А. принял это с полнейшим спокойствием. Кто запретил — не могла добиться от Оли.

22 ноября

В десять часов вечера М.А. поднялся, оделся и пошел один к Леонтьевым.

Полгода он не ходил один.

26 ноября

Ремонт идет к концу.

У М.А. масса работы.

Кроме того, иногда приходят советоваться. Вчера к нему обратился за помощью капельдинер — написал пьесу.

В Театре идут репетиции «Мольера».

М.А. говорили, что секретарь ВЦИК дал такую резолюцию на пьесе Афиногенова «Портрет»: «Такой автор, как Афиногенов, мог бы приличнее написать, если бы подумал. Ставить не советую».

Словом, пьеса не пойдет.

Сегодня звонили — из Тифлиса, с какой-то кинофабрики, — приглашают М.А. тут же ехать в Тифлис — есть работа в кино.

Потом звонок Жуховицкого: «Что вам пишут из Парижа?» После этого — Коростин, которого прочат в режиссеры «Ревизора».

Я забыла записать, что восемнадцатого были мы у Дикого, и тут выяснилось, что он и не собирался ставить «Ревизора».

Дикий говорил о том, что Гоголя очень трудно разрешить в кино, и никто не знает, как разрешить, в том числе и он. Все это прелестно, но зачем же он в таком случае подписывал договор?

Коростин едет в Киев. М.А. дал ему письмо Загорскому.

Вечером — Ильф и Петров. Пришли к М.А. советоваться насчет пьесы, которую они задумали.

После этого М.А. пошел к Вересаеву — обратно до Смоленской площади его проводил В.В., а потом шел один. Говорил, что страхи притупились.

28 ноября

Вечером — Дмитриев. Пришел из МХАТа и говорит, что там была суета и оживление, вероятно, приехал кто-нибудь из Правительства, — надо полагать, Генеральный секретарь (на «Турбиных»).

Дмитриев говорил, что очень бы хотел делать декорации к «Мольеру».

29 ноября

Действительно, вчера на «Турбиных» были Генеральный секретарь, Киров и Жданов. Это мне в Театре сказали. Яншин говорил, что играли хорошо и что Генеральный секретарь аплодировал много в конце спектакля.

В газетах важнейшее известие — отмена хлебных карточек, хлеб будет продаваться свободно.

30 ноября

Днем М.А. диктовал наброски для варианта «Ивана Васильевича» (измененное «Блаженство»), а вечером — много телефонных звонков.

Оказывается, что «Мольера» намечают на март. Хотя с декорациями осложнение: в ульяновских играть нельзя. Горчаков хочет взять Вильямса. Говорит, что ставить будут роскошно — так настаивает Станиславский.

Ходит слух, что «Гроза» провалилась.

1 декабря

Днем позвонил Ермилов, редактор «Красной нови», и предложил М.А. напечатать в его журнале что-нибудь из произведений М.А. М.А. сказал о пьесе «Мольер»:

— Чудесно!

О фрагменте из биографии Мольера:

— Тоже чудесно!

Просил разрешения поставить имя М.А. в проспекте на 1935-й год. М.А. согласился. Условились, что Ермилов позвонит еще раз, а М.А. подберет материал.

Вечером премьера «Пиквика». Я в такси проводила М.А. Он оставался до конца спектакля. Приехал и сообщил: во время спектакля стало известно, что в Ленинграде убит Киров.

Тут же из Театра уехали очень многие, в том числе Рыков.

2 декабря

Второй спектакль «Пиквика». После спектакля у нас Лямин и Конский, молодой актер, он гримируется в одной уборной с М.А.

3 декабря

В половине четвертого проводила М.А. в Театр. Там — траурный митинг.

М.А. говорил после, что речи произносили Мамошин, Судаков и Хаенко.

Заявление о принятии в сочувствующие подали Яншин, Баташов и Дмоховская.

Объявлен траур — 3-го, 4-го и 6-го сняты спектакли.

В «Известиях» напечатано, что убийца Кирова — Николаев Леонид Васильевич, бывший служащий Ленинградской РКИ. Ему тридцать лет.

Не знаю, был ли Киров в Ленинграде в театре, — возможно, что последняя пьеса, которую он видел в жизни, были «Дни Турбиных».

5 декабря

Вечером — Оля с Калужским. Хвасталась своей заново отделанной квартирой, — им понравилось. Уходя, Оля сказала:

— Не знаю, говорить или нет, — дело в том, что «Портрет» пойдет все-таки... Я переписываю роли... Пойдет, видимо, в филиале.

6 декабря

Морозный день. Похороны Кирова. Мы провели весь день дома. М.А. нездоровится.

9 декабря

Днем — к Вересаеву, отнесли ему, с великим облегчением, последнюю тысячу долга.

На обратном пути встретили в диетическом Русланова. Вопросы. М.А. ответил, что делает пьесу о Пушкине. Но без Пушкина. Русланов попросил разрешения прийти.

Вечером — Горчаков. Обещал устроить в Сатире продление договора на «Ивана Васильевича». Это и его устраивает — он сейчас занят «Мольером».

М.А. прочитал ему наброски «Ивана Васильевича». Мы передали ему сведения о «Портрете». Горчаков взволновался, начал

советовать жаловаться Енукидзе, что оттесняют «Мольера», что с ним тянут четыре года, взять пьесу из Театра... Какой смысл? А что с ней делать?

10 декабря

Были: Загорский, Коростин и Катинов. Загорский, сквозь дремоту (что он все спит?) говорил, что хочет, «чтобы это была сатира...»

Такие разговоры действуют на М.А. угнетающе.

Звонил Горчаков — «Портрета» ставить не будут, а «Мольера» репетировать будут полным ходом.

11 декабря

Позвонил днем Русланов и сейчас же пришел. Очень заинтересован, очень любезен. Тут же устроил Сергея с Екатериной Ивановной на «Турандот».

Разговор начал с того, что Театр и сам давно хотел обратиться к М.А. по поводу Пушкина (близкий юбилей), — только они не надеялись, что М.А. согласится.

Вместе вышли. Спрашивал, не хотим ли строить дачу, — можно было бы записаться в их кооператив дачный.

Вечером у нас Леонтьевы, Арендты, Ермолинские. Угощала их пельменями. После ужина М.А. читал «Тараканьи бега» и сцену в Париже из «Бега».

12 декабря

Днем были у Вересаева. Рассказали о предложении вахтанговцев, решили идти на договор с театром.

14 декабря

Русланов звонил дважды, просит прийти в театр.

Вечером — Танины, Жуховицкий и Дмитриев. Жуховицкий в «Пиквике» не узнал М.А. в судье, а думал, что он играет адвоката (Болдуман играет, но у них с М.А., действительно, есть какое-то сходство, замечаемое всеми актерами).

Перерыв в ужине для делового разговора с Таниным. М.А. категорически отказывается идти в Верховный Суд, чтобы требовать с ленинградских жуликов-директоров деньги за мхатовские гастроли. Оказывается, они говорили Танину: «У Булгакова и так бешеные деньги».

Откуда? С одного МХАТа? Да и потом, не в этом же дело. Они же не доплатили. Но М.А. настаивает, что все это должен делать Всероскомдрам, что он плохо защищает авторские права.

Оказывается, что Анатолий Каменский, который года четыре назад уехал за границу, стал невозвращенцем, шельмовал СССР, — теперь находится в Москве!

— Ну, это уже мистика, товарищи! — сказал М.А.

Все ушли, остался Дмитриев, сидел долго. Очень опечалил нас: не спит, нервное расстройство. Очевидно, явное переутомление, у него бешеная работа. И кроме того — навязчивые мысли...

15 декабря

Русланов не позвонил. Неужели опять начинаются эти таинственные исчезновения людей?

Хотя с Грузией мы ошиблись, они на днях опять звонили, звали в Тифлис. М.А. сказал — весной.

Какой-то негодяй снял с Женички шапку на улице.

16 декабря

М.А. и Вересаев были в Вахтанговском театре. Договорились.

Вечером и ночью звонил Рубинштейн из Камерного театра. Он узнал от Жуховицкого о пушкинской пьесе и предложил договор с театром.

М.А. сказал, что поздно.

Да Камерному и нельзя дать. Штучки.

17 декабря

Вчера мы были у директора Вахтанговского театра Ванеевой — М.А. подписал договор. М.А. говорил вахтанговцам, что ему крайне неприятно подписывать договор после Толстого, с которым они обвенчались раньше. Вахтанговцы клялись, что они не верят, что Толстой напишет хоть что-нибудь подходящее, и идея его — писать пьесу с Пушкиным — для них неприемлема.

После этого М.А. — на репетицию «Мольера». А у меня разговор с Егоровым — как они намерены оплатить игру М.А. в «Пиквике».

— Мы его зачислим в актерский цех.

— Он не пойдет. Когда он к вам просился, его не взяли.

Егоров возмущался, что М.А. отдает пьесу не МХАТу.

18 декабря

У Вересаева. М.А. рассказывал свой план пьесы. Больше всего запомнилось: Наталья, ночью, облитая светом с улицы. Улыбается, вспоминает. И там же — тайный приход Дантеса. Обед у Салтыкова. В конце — приход Данзаса с известием о ранении Пушкина.

19 декабря

Вечером — Дина Радлова. Откуда-то уже знала о пушкинской пьесе, не советовала работать с Вересаевым.

— Вот если бы ты, Мака, объединился с Толстым, вот была бы сила!

Слева направо: Н.П.Хмелев, П.А.Марков, Н.П.Баталов, И.Я.Судаков, Ю.А.Завадский, М.И.Прудкин. Вторая половина 1920-х годов.

— Я не понимаю, какая сила? На чем мы можем объединиться с Толстым? Под руку по Тверской гулять ходить?

— Нет!.. Но ведь ты же лучший драматург, а он, можно сказать, лучший писатель...

Просила рассказать содержание пьесы, М.А. отказался.

22 декабря

Портной мхатовский Шендельман приходил мерить М.А. костюм. Рассказывал, что, по распоряжению Станиславского, все костюмы к «Мольеру» будут из бархата и парчи.

Вечером звонок — какая-то ученица театральной школы просит списать сцену из «Турбиных».

У М.А. — Коростин, работа над «Ревизором». М.А. боится, что не справится: «Ревизор», «Иван Васильевич» и надвигается «Пушкин».

А его тянет к роману.

24 декабря

Елка была. Сначала мы с М.А. убрали елку, разложили под ней всем подарки. Потом потушили электричество, зажгли свечи на елке, М.А. заиграл марш, — и ребята влетели в комнату. Потом — по программе — спектакль. М.А. написал две сценки (по «Мертвым душам»). Одна — у Собакевича. Другая — у Сергея Шиловского. Чичиков — я. Собакевич — М.А. Потом — Женичка — я, Сергей — М.А.

Гримировал меня М.А. пробкой, губной помадой и пудрой.

Занавес — одеяло на двери из кабинета в среднюю комнату. Сцена — в кабинете. М.А., для роли Сергея, надел трусы, сверху Сергеево пальто, которое ему едва до пояса доходило, и матроску на голову. Намазал себе помадой рот.

Зрители: Ольга, Сусанна и мальчики. Успех.

Потом ужин рождественский — пельмени и масса сластей. Калужский пришел со спектакля в двенадцатом часу.

28 декабря

М.А. перегружен мыслями, мучительными.

Вчера он, вместе с некоторыми актерами, играл в Радиоцентре отрывки из «Пиквикского клуба».

Звонила Оля:

— Судаков до того взволновался, что заявил, что расторгнет договор с вахтанговцами! Укорял Пашу (Маркова), но тот клянется, что не знал ничего о пьесе.

В девять часов вечера Вересаевы.

М.А. рассказывал свои мысли о пьесе. Она уже ясно вырисовывается.

Звонил Русланов — вахтанговцы зовут к себе встречать Новый год. Но мы не хотим — будем дома.

Спускают воду из труб. Батареи холодные. Боюсь, что мы будем мерзнуть. Сегодня на улице больше двадцати градусов.

31 декабря

Кончается год.

Господи, только бы и дальше было так!

1935

1 января

Новый год встречали у Леонтьевых. Невероятное изобилие. Они необыкновенно милы и сердечны.

Все было хорошо, но около трех ввалилась компания их соседей Шервинских и их гостей. Мы почти сразу же ушли.

Сегодня у М.А. мигрень. Из-за этого не пошли на премьеру водевилей в Сатиру.

А вечером М.А. полегчало, и он мне диктовал сценарий.

2 января

Сегодня через ВОКС отправила японскому театру запрошенные «Мертвые души».

Работа над сценарием.

Вечером была за кулисами в филиале, в уборной М.А., смотрела, как его гримировали и одевали, как он выходит на сцену.

В его уборной — клуб, собираются все участники спектакля.

4 января

Дикий мороз — тридцать два по Цельсию. Днем была с М.А. в театре, их фотографировали всех в костюмах и декорациях («Пиквик»).

Вчера Оля сказала, что назначено чтение новой пьесы Афиногенова, о которой Немирович сказал: «Очаровательный эскиз». Кроме того, Оля говорила, что надо по-человечески пожалеть Афиногенова: и «Ложь» не вышла, и «Портрет» не вышел, а он с чисто большевистской энергией все пишет и пишет...

Потом еще: «Мольер» не может идти ни на большой сцене, ни в филиале. Если на большой пойдет, состав неподходящий, слабый. Если в филиале, то ни с одной пьесой на большой сцене не расходится.

13 января

Были на генеральной «Китежа». Музыка изумительная, постановка пыльная.

15 января

Днем в вестибюле филиала М.А. окликнул и потом подошел к нему Анатолий Каменский. Болтлив. М.А. слушал молча, изредка односложно отвечая. Из рассказов А.Каменского: был в Париже на спектакле «Белая гвардия». Когда актеры начали петь «Боже, царя храни...», публика встала. «Не встали только Милюков и я».

16 января

«Шляпа» в Вахтанговском. Убого. В антракте пригласили чай пить. Там были Вересаев, Нежданова, вахтанговцы.

24 января

У М.А. грипп, лежит. Горчаков привозил эскизы Вильямса к «Мольеру». Особенно понравились М.А. — лестница у короля, внутренность театра — сцена (в последнем акте) и кладбище.

26 января

М.А. четыре дня назад пробовал лечить Дмитриева тоже гипнозом — от его страхов. Так вот сегодня Дмитриев звонил в диком восторге — помогло! Когда еще можно прийти? Мрачные мысли, говорит, его покинули, он себя не узнает.

5 февраля

Позвонил, наконец, доктор Берг. Объяснил, что был невероятно занят. Предложил для сеансов — сегодня, седьмого и девятого.

Мы пошли к нему. Сеанс был, как говорил после М.А., замечательно хорош.

9 февраля

Сегодня вечером у нас были Берги, Леонтьевы, Арендты и Маруся Т. Сначала — до ужина — М.А. и Берг уединились в кабинете для сеанса. А потом все ужинали. Уходя, Берг сказал, что он счастлив, что ему удалось вылечить именно М.А.

10 февраля

Сегодня М.А. один ходил в Театр на спектакль.

Сегодня М.А. в последний раз играл судью — вводят Курочкина.

Но я почему-то уверена, что М.А. еще будет играть. Не знаю почему.

12 февраля

Днем ходили с М.А. на лыжах, по Москве-реке.

Вечером — к Вересаевым.

М.А. читал четвертую, пятую, шестую, седьмую и восьмую картины. Старику больше всего понравилась четвертая картина — в жандармском отделении.

Вообще они все время говорят, что пьеса будет замечательная, несмотря на то что после читки яростно критиковали некоторые места. Старик не принимает выстрела Дантеса в картину.

А Мария Гермогеновна оспаривает трактовку Натальи. Но она неправа, это признал и В.В.

14 февраля

Днем приходили из «Красной нови» за экземпляром биографии Мольера.

Оттуда звонили еще давно, но М.А. все не давал ответа. Теперь он уверяет, что они провалятся так же, как Канторович.

15 февраля

Вечером был Жуховицкий. Вечный острый разговор на одну и ту же тему — о судьбе М.А.

— Вы должны высказаться... Должны показать свое отношение к современности...

— Сыграем вничью. Высказываться не буду. Пусть меня оставят в покое.

16 февраля

М.А. играл в «Пиквике».

18 февраля

Вечером были у Вересаевых. Там были пушкинисты: Цявловский с женой, Чулков, Неведомский, Верховский, кроме того — Тренев, Русланов.

Я, по желанию Викентия Викентьевича, сделала небольшой доклад по поводу моего толкования некоторых записей Жуковского о последних днях Пушкина.

За ужином Вересаев, шутя, посвятил меня в «пушкинисты» (как в рыцарей посвящали).

Цявловский с диким темпераментом говорил о Пушкине, о книге «Литературное наследие Пушкина». Неведомский болтал, болтал и залил красным вином скатерть.

А.П.Гдешинский. 1911.

2 марта

М.А.БУЛГАКОВ — А.П.ГДЕШИНСКОМУ

Дорогой Саша!

Спасибо тебе за то, что вспомнил меня, за милое приглашение.

Если ты полагаешь, что проживаешь в Киеве — жестоко заблуждаешься! По крайней мере, киевский адресный стол тебя в Киеве не видит.

Я был в прошлом августе, и бабья рука высунула в окошечко бумажку, на которой отчетливо написано, что А.П.Гдешинский в Киеве «не значится».

Теперь вижу, что чертовы куклы в адресном столе, как и полагается, наврали. Ты «значишься», и я рад твоему письму. Я был в Киеве с одной целью — походить по родной земле и показать моей жене места, которые я некогда описывал. Она хотела видеть их. К сожалению, мы могли пробыть в Киеве только пять дней. В «Континентале» мне не дали номера. Хорошо, что приютил один киевлянин...

5 марта

Тяжелая репетиция у Станиславского. «Мольер». М.А. пришел разбитый и взбешенный. К.С., вместо того чтобы разбирать игру актеров, стал при актерах разбирать пьесу. Говорит наивно, представляет себе Мольера по-гимназически. Требует вписываний в пьесу.

6 марта

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПИСЬМА А.П.ГДЕШИНСКОМУ

Не мог в один присест написать письмо, так как оторвали театральные дела. Итак, был я и на выступе в Купеческом, смотрел на огни на реке, вспоминал свою жизнь.

Когда днем я шел в парках, странное чувство поразило меня. Моя земля! Грусть, сладость, тревога!

Мне очень бы хотелось еще раз побывать на этой земле. Раньше лета, в лучшем случае весной, этого сделать нельзя (сезон). Но думаю, что летом исполню намеченное.

Напиши мне о своей жизни. Женат ли ты? Где работаешь? Если не лень — что-нибудь о стиле жизни в Киеве. Вопрос о поездке не так прост. Если я поеду, то обязательно с женою, и тут всплывают все эти беспокойства с «Континенталем» и прочее. Так напиши же мне о себе!

Твой Михаил.

P.S. Жену мою зовут Елена Сергеевна. И живем мы втроем: она, я и 8-летний Сергей, мой пасынок, — личность высоко

интересная. Бандит с оловянным револьвером и учится на рояле.

Порадуй письмом.

10 марта

Опять у Станиславского. Маленький оперный зал в Леонтьевском. Станиславский начал с того, что погладил М.А. по рукаву и сказал: «Вас надо оглаживать». Очевидно, ему уже передали, что М.А. обозлился на его разбор при актерах.

Часа три торговались.

Мысль Станиславского в том, что надо показать во всех картинах, что Мольер — создатель гениального театра. Хочет вписывания таких вещей, которые М.А. считает тривиальными или ненужными.

Яростное столкновение со Станицыным и Ливановым, которые, обрадовавшись поддержке К.С., стали требовать вставок в роли.

Но сегодня М.А. пришел домой в лучшем состоянии, чем в прошлый раз. Как-то успокоился. Говорит, что Станиславский очень хорошо сострил про одного маленького актера, который играет монаха при кардинале — что «это поп от ранней обедни, а не от поздней».

14 марта

М.А.БУЛГАКОВ — П.С.ПОПОВУ

Гравидан, душа Павел, тебе не нужен — память твоя хороша: дом № 3, кв. 44. Не одни киношники. Мною многие командуют.

Теперь накомандовал Станиславский. Прогнали для него Мольера (без последней картины (не готова)), и он вместо того, чтобы разбирать постановку и игру, начал разбирать пьесу.

В присутствии актеров (на пятом году!) он стал мне рассказывать о том, что Мольер гений и как этого гения надо описывать в пьесе.

Актеры хищно обрадовались и стали просить увеличивать им роли.

Мною овладела ярость. Опьянило желание бросить тетрадь, сказать всем: — пишите вы сами про гениев и про негениев, а меня не учите, я все равно не сумею. Я буду лучше играть за вас. Но нельзя, нельзя это сделать! Задавил в себе это, стал защищаться.

Дня через три опять! Поглаживая по руке, говорил, что меня надо оглаживать, и опять пошло то же.

Коротко говоря, надо вписывать что-то о значении Мольера для театра, показать как-то, что он гениальный Мольер, и прочее.

Все это примитивно, беспомощно, не нужно. И теперь сижу над экземпляром, и рука не поднимается. Не вписывать нельзя — пойти на войну — значит сорвать всю работу, вызвать

кутерьму форменную, самой же пьесе повредить, а вписывать зеленые заплаты в черные фрачные штаны!.. Черт знает, что делать!

Что это такое, дорогие граждане? <...> .

Довольно о «Мольере»!

Своим отзывом о чеховской переписке ты меня огорчил. Письма вдовы и письма покойника произвели на меня отвратительное впечатление. Скверная книжка! Но то обстоятельство, что мы по-разному видим один и тот же предмет, не помешает нашей дружбе.

Блинов не ели. Люся хворала. (Теперь поправляется.)

А за окном, увы, весна. То косо полетит снежок, то нет его, и солнце на обеденном столе. Что принесет весна?

Слышу, слышу голос в себе — ничего! <...>

Заботы, заботы. И главная, поднять Люсю на ноги. Сколько у нас работы, сколько у нее хлопот. Устала она.

Анну Ильиничну за приписку поцелуй.

Анна Ильинична! Вашим лыжным подвигом горжусь.

Пиши еще. Представляю себе, как вкусно сидите Вы у огня. Славьте огонь в очаге.

Твой Михаил.

20 марта

Все это время прошло — у Станиславского с разбором «Мольера». М.А. измучен.

Станиславский хочет исключить лучшие места: стихотворение, сцену дуэли и т.д. У актеров не удается, а он говорит — давайте, исключим.

М.А. говорит:

— Я не доказываю, что пьеса хорошая, может быть, она плохая. Но зачем же ее брали? Чтобы потом калечить по-своему?

Вчера у нас были Оля с Калужским. М.А. рассказывал нам, как все это происходит в Леонтьевском.

Семнадцатый век старик называет «средним веком», его же — «восемнадцатым». Пересыпает свои речи длинными анекдотами и отступлениями, что-то рассказывает про Стаховича, про французских актеров, доказывает, что люди со шпагами не могут появиться на сцене, то есть нападает на все то, на чем пьеса держится.

Портя какое-нибудь место, уговаривает М.А. «полюбить эти искажения».

А сегодня вздумал пугать М.А. французским послом:

— А что вы сделаете, если посол возьмет и уедет со второго акта?

Вчера Гр.Конский рассказывал про К.С.

Шла репетиция в его оперном театре — «Царская невеста». Один молодой певец страшно боялся Станиславского и все старался держаться за печкой.

Станиславский:

— Это кто там за печкой прячется? Как ваша фамилия?

— ...

— Вы кого играете?

— ...
— Вы должны так держаться на сцене, как будто вы самую главную роль играете. Вы оперу знаете?
— Знаю, Константин Сергеевич.
— Продирижируйте всю! С самого начала!
Актер — в поту — берет палочку и дирижирует. После увертюры, которую он, ко всеобщему удивлению, хорошо провел, — К.С.:
— Убрать его из спектакля!

Или еще:
Телешова приводит к Станиславскому Конского репетировать «Мертвые души». Станиславский:
— Как ваша фамилия?
— Конский, Константин Сергеевич.
— Этого не может быть! Таких фамилий не бывает!
М.А. говорит:
— Представь себе, что на твоих глазах Сергею начинают щипцами уши завивать и уверяют, что это так и надо, что чеховской дочке тоже завивали и что ты это полюбить должна...

26 марта

Вчера были на концерте вагнеровском в Большом зале консерватории. Дирижировал Сенкар, пел Рейзен — Вотана, прощание и заклинание огня. Оркестр мал для Вагнера, всего человек восемьдесят. Рейзен — страшная дубина.

Сегодня звонил Жуховицкий и рассказывал, что в одном американском журнале Вельс написал статью о советском театре. Там он пишет примерно так, что советский театр, оставив агитацию, перешел на другие рельсы. Во-первых, появилась советская комедия, верней, фарс, во-вторых, ставят классиков, и, в-третьих, есть Михаил Булгаков. Если бы таких драматургов было несколько, можно было бы сказать, что существует советская драма.

М.А. продиктовал мне девятую картину — набережная Мойки. Концовка — из темной подворотни показываются огоньки — свечки в руках у жандармов, хор поет «Святый Боже...»

Наконец, сегодня М.А. написал отзыв о режиссерском сценарии «Мертвых душ». Про многое: «Это надо исключить!» Но исключит ли Пырьев?

М.А.БУЛГАКОВ — И.В.ВАЙСФЕЛЬДУ

Фабрика художественных фильмов № 1
Тов. Вайсфельд

Уважаемый Илья Вениаминович!
В ответ на Ваш запрос сообщаю Вам свое мнение о режиссерском сценарии «Мертвые души»:
1. По-моему, следует исключить в 1-й части, стр. 14 и 15, сцену кобзаря с пением былинного сказа, так как это нарушает ткань сатирической поэмы Гоголя.

2. Невозможен гипсовый Наполеон в гостиной вице-губернатора (часть 1-я, стр. 20).

3. Следует исключить сцену катания крашеных яиц у полицмейстера (часть 1-я, стр. 24 — 26).

4. Неверна концовка маниловской сцены (часть 2-я, стр. 12): предложение Чичикова продать мертвых не может вызвать у Манилова хохот — это предложение может вызвать у Манилова только ужас.

5. В ноздревской сцене непонятны крики Ноздрева: «Дерут... дерут его, дерут...» (часть 4-я, стр. 16).

6. Следует исключить сцену Анны Григорьевны и Чичикова в кустах сирени (часть 5-я, стр. 8 и 9).

7. Невозможны слова губернаторши — «вот вам моя дочь» (часть 5-я, стр. 10).

8. Непонятна фраза Чичикова: «я, кажется, опять увлекся, сюда приехал, позабыл зачем...» (часть 5-я, стр. 24).

9. Надо изменить надпись на бумаге (часть 6-я, стр. 5): вместо «его высокопревосходительству генерал-аншефу (9) Александру...» надо: «его сиятельству графу...» (если действие происходит после 1832 года).

10. Сцену появления дамы в номере Чичикова (часть 5-я, стр. 22—24) следует вернуть в тот вид, какой она имела в моих дополнениях к сценарию от 18.11.34. В том виде, в каком она в режиссерском сценарии, она значительно снижена в качестве.

11. Следует исключить сцену, в которой конвой мнет старика, и последующую — с пением былины, как нарушающие ткань сатирического произведения Гоголя.

12. Следует проверить слова: «Исайя ликуй... дева имя во чреве (?)» (часть 7-я, стр. 3).

13. Нельзя не пожалеть, что исключена баллада о капитане Копейкине.

М.Булгаков.

29 марта

Пронзительный ветер и солнце. Весна чувствуется.

В «Известиях» портрет лорда Идена — хранителя печати английского. Молод и красив.

М.А. безумно смешно показывает, что это такое — хранитель печати, как он ее прячет в карман, как, оглянувшись по сторонам, вынимает, торопливо пришлепывает и тут же прячет.

Проводила М.А. в Театр, посидела напротив в артистическом кафе, пока он получал жалованье, потом проводила его к Станиславскому.

Во время нашего отсутствия принесли конверт из американского посольства. Приглашает нас посол на 23 апреля. Приписка внизу золотообрезного картона: фрак или черный пиджак.

Надо будет заказать М.А. черный костюм, у него нет. Какой уж фрак.

Оля по телефону рассказала, что Мамошин говорил Калужскому: «Ячейка устраивает обсуждение «Мольера». Доложим К.С. мнение парторганизации об этой пьесе, а там уже дело Театра».

— Чтобы в филиале шла?

— В филиале — это своим чередом. Но вообще!..

30 марта

Сегодня с М.А., зайдя сначала к портному Павлу Ивановичу, пошли в Торгсин. Купили английскую хорошую материю по восемь руб. золотом метр. Приказчик уверял — фрачный материал. Но крахмальных сорочек — даже уж нефрачных — не было. Купили черные туфли, черные шелковые носки.

Сергей с Лоли были на концерте.

— Такая дрянь, такая гадость, ни за что больше не пойду.

— А на чем играли?

— На чем попало.

1 апреля

Вчера М.А. пригласили в partком, там было обсуждение «Мольера». Мамошин говорил, что надо разобраться, что это за пьеса и почему она так долго не выходит. А также о том, что «мы должны помочь талантливому драматургу Михаилу Афанасьевичу Булгакову делать шаги».

О пьесе говорил: «Она написана неплохо».

Заседание было длинное, сперва с исполнителями, потом их удалили.

5 апреля

М.А. у Вересаева. Читал две последних картины из «Пушкина» — вчерне.

Кто-то рассказал М.А. (он сам не видел), что в Театре вывешена резолюция парткома, в которой сказано что-то вроде того, что «пьесе грозила опасность превратиться в личную драму Мольера, но ввиду того, что К.С. хочет расширить ее, — ее следует выпустить».

6 апреля

Вечером был Русланов. М.А. рассказал ему содержание «Пушкина». Говорил, что еще не решил для себя, как назвать пьесу. Русланов советовал — «Пушкин».

Русланов записывает нас на дачный участок в их поселке. Мечты о даче.

7 апреля

Ходили днем в Кубу, там переплетная мастерская. Кроме того — ларек с книгами. Купил М.А. переписку Чайковского с Мекк и материалы Достоевского.

Б.Л.Пастернак. 1932.

Обедала у нас Ахматова, приехала хлопотать за какую-то высланную из Ленинграда знакомую. Говорит, что Модзалевский сказал ей, что сразу же ответил на мое письмо.

М.А. приходит с репетиций у К.С. измученный. К.С. занимается с актерами педагогическими этюдами. М.А. взбешен — никакой системы нет и не может быть. Нельзя заставить плохого актера играть хорошо. Потом развлекает себя и меня показом, как играет Коренева Мадлену. Надевает мою ночную рубашку, становится на колени и бьет лбом о пол (сцена в соборе). Сегодня звонила в «Красную новь», наткнулась прямо на Мармуша, который быстро сказал, что десятого или двенадцатого будет решен вопрос о печатании Булгакова в их журнале.
— Запомни: больше никогда в жизни ты его не услышишь и не увидишь.

8 апреля

В «Литературной газете», по словам Ермолинского, напечатано: режиссер Коростин будет ставить «Ревизора» по сценарию Шкловского. (Текст не буквальный.)

Часа через два звонил Коростин, только что приехавший из Киева, радостно объявил о принятии последнего варианта сценария М.А.

Когда я сказала о заметке, захохотал.

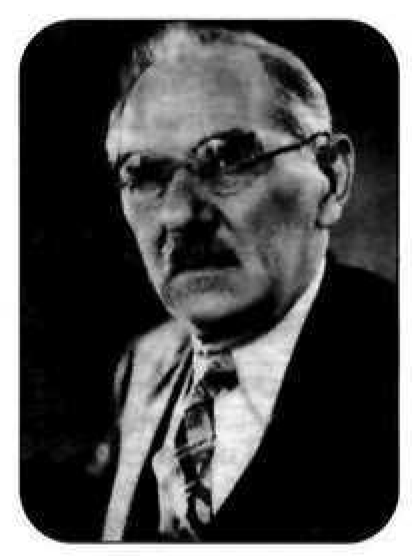
Вечером зашел Вересаев. М.А. говорил с ним о предложении Ермолинского инсценировать для кино будущего «Пушкина». Вересаев сказал:

— Я уже причалил свою ладью к вашему берегу. Делайте, как вы находите лучшим.

По-видимому, старику было приятно. Он только спросил, знает ли сценарист, что пьеса без Пушкина?

Потом он ушел наверх к Треневу, где справлялись имянины жены Тренева. А через пять минут появился Тренев и нас попросил прийти к ним. М.А. побрился, выкупался, и мы пошли. Там была целая тьма малознакомого народа. Длинный, составленный стол с горшком цветов посредине, покрытый холодными закусками и бутылками. Хозяйка рассаживала гостей. Потом приехала цыганка Христофорова, пела. Пела еще какая-то тощая дама с безумными глазами. Две гитары. Какой-то цыган Миша, гитарист. Шумно. Пастернак с особенным каким-то придыханием читал свои переводные стихи, с грузинского. После первого тоста за хозяйку Пастернак объявил: «Я хочу выпить за Булгакова!» Хозяйка: «Нет, нет! Сейчас мы выпьем за Викентия Викентьевича, а потом за Булгакова!» — «Нет, я хочу за Булгакова! Вересаев, конечно, очень большой человек, но он — законное явление. А Булгаков — незаконное!»

9 апреля

К.А.Тренев. 1938.

Дмитриев и Конский. Гриша принес мне Цвейга — биографию Марии-Антуанетты, на французском. Дмитриев, придя, сурово потребовал стакан молока и белый хлеб. У него, кажется, язва. Он выпивает молоко, ложится животом книзу на диван — и ему делается легче. Во всяком случае за ужином с аппетитом ел салат, икру, огурцы. Все у нас было холодное на ужин, так как целый день не горел газ. И обеда не было. М.А. был в ударе, рассказывал о репетициях «Мольера», показывал Станиславского, Подгорного, Кореневу и совершенно классически — Шереметьеву в роли Рене, няньки Мольера. Потом показал Владимира Сергеевича, брата К.С. У Дмитриева катились градом слезы — от смеху, он задыхался. Это, правда, смешно: Влад. Серг. умильно смотрит на собеседника святыми глазами, пожимает ему руку, а сам в это время бросает острый тревожный взгляд на вошедшего нового человека.

Гриша сказал, что он непременно придет отправлять нас на посольский вечер, хочет видеть, как все это будет. Очень заинтересован, почему пригласили.

10 апреля[1]

Сергей порезал большой палец, да так сильно, что М.А. решил, что — калека, музыка кончена. (Он мечтает сделать из Сергея пианиста или дирижера.)

М.А. взбесился, орал на него, на нас с Лоли, что не досмотрели. Сергей стоял, бледнел, синел. М.А. уложил его, перевязал палец. Вызвали Блументаля. Тот успокоил.

Вечером — к Леонтьевым.

11 апреля

Утром позвонил Жуховицкий. Когда мы можем назначить день — Боолену (секретарю посла) очень хочется пригласить нас обедать. М.А. вместо ответа пригласил Боолена, Тейера (тоже секретарь) и Жуховицкого к нам сегодня вечером.

Ужин — икра, лососина, домашний паштет, редиски, свежие огурцы, шампиньоны жареные, водка, белое вино.

Американцы говорят по-русски. Боолен совсем хорошо.

М.А. показал свои фотографии и сказал, что подает прошение о заграничных паспортах. Жуховицкий подавился. А американцы нашли, что это очень хорошо, что ехать надо.

Боолен хочет вместе с Жуховицким переводить на английский «Зойкину квартиру».

На прощанье сговорились — девятнадцатого придем к Боолену обедать.

---

[1] В рукописи ошибочно: марта.

13 апреля

Письмо от Николая из Парижа: «Зойкину квартиру» все-таки хотят ставить в театре «Vieux Colombier». Николай пишет, что группа актеров (б. актеров Художественного театра) ставит в Северной Америке «Дни Турбиных». Кто будет охранять права М.А.?

М.А. днем ходил к Ахматовой, которая остановилась у Мандельштамов.

Ахматовскую книжку хотят печатать, но с большим выбором.

Жена Мандельштама вспоминала, как видела М.А. в Батуме лет четырнадцать назад, как он шел с мешком на плечах. Это из того периода, когда он бедствовал и продавал керосинку на базаре.

Оля рассказывала: Станиславский, услышав, что Булгаков не пришел на репетицию из-за невралгии головы, спросил:

— Это у него, может быть, оттого невралгия, что пьесу надо переделывать?

Из Олиных рассказов:

У К.С. и Немировича созрела мысль исключить филиал из Художественного театра, помещение взять под один из двух их оперных театров, а часть труппы уволить и изгнать в окраинный театр, причем Вл. Ив. сказал:

— У Симонова монастыря воздух даже лучше... Правда, им нужен автомобильный транспорт...

Но старики никак не могут встретиться вместе, чтобы обсудить этот проект.

К.С. позвонил Оле:

— Пусть Владимир Иванович позвонит ко мне.

Оля — Вл. Ив-чу. Тот:

– Я не хочу говорить с ним по телефону, он меня замучает. Я лучше к нему заеду... тринадцатого, хотя бы.

Оля — К. С.'у. К.С.:

— Я не могу принять его тринадцатого, раз что у меня тринадцатое — выходной день. Мне доктор не позволяет даже по телефону говорить.

Вл. Ив. — Оле: — Я могу прийти шестнадцатого.

Оля — К. С.'у.

К.С. — Жена моя, Маруся, больна, она должна разгуливать по комнатам, я не могу ее выгнать.

Вл. Ив. — Оле: — Я приеду только на пятнадцать минут.

К.С. — Оле: — Ну, хорошо, я выгоню Марусю, пусть приезжает.

Вл. Ив. — Оле: — Я к нему не поеду, я его не хочу видеть. Я ему письмо напишу.

Потом через два часа Вл. Ив. звонит:

— Я письма не буду писать, а то он скажет, что я жулик и ни одному слову верить все равно не будет. Просто позвоните к нему и скажите, что я шестнадцатого занят.

Объясняется это последнее тем, что старики (Леонидов, Качалов и Москвин) страшно возмутились и заявили протест против такого отношения к актерам. И Вл. Ив. сдал все свои позиции.

Оля передала, со слов Ник. Влад. Сологуба, что умер Юра Нелов.

14 апреля

М.А.БУЛГАКОВ — Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Никол!

<...> Мы живем благополучно, но я навалил на себя столько работы, что не справляюсь с ней. Хворал переутомлением, сейчас чувствую себя лучше. <...>

На днях я подаю прошение о разрешении мне заграничной поездки, стараясь приноровить ее к началу осени (август — сентябрь, октябрь примерно). Я прошу тебя теперь же обратиться в театральные круги, которые заинтересованы в постановке «Зойкиной квартиры», с тем чтобы они направили через Полпредство Союза в Наркоминдел приглашение [для] меня в Париж в связи с той постановкой.

Я уверен в том, что если кто-нибудь в Париже серьезно взялся бы за это дело, это могло бы помочь в моих хлопотах. Неужели нельзя найти достаточные связи в веских французских кругах, которые могли бы помочь приглашению?

Жди от меня дальнейших писем, а на это прошу тебя ответить незамедлительно. Целую тебя и Ивана, желаю благополучия, очень благодарю тебя.

Твой Михаил.

16 апреля

Утром позвонил и вечером пришел из «Литературного агентства» Уманский насчет «Мертвых душ». Спросил и о «Мольере». Но договор на него с Фишером еще не кончился. А «Мертвые души» проверю, они как будто свободны.

Звонил Катинов, что Шумяцкому понравился сценарий «Ревизора», что он хотел бы говорить с М.А. лично. Завтра Коростин заедет за М.А. и поедут на совещание к Шумяцкому, там и Катинов будет.

17 апреля

Коростин около двенадцати позвонил, что он сидит в ГУФКе и неизвестно еще, когда будет совещание.

Так и не позвонил.

19 апреля

Обедали у Боолена. Были еще какие-то американцы из посольства, Жуховицкий и — неожиданно — Лина Степанова.

На прощанье пригласили американцев к себе. Лина сказала: «Я тоже хочу напроситься к вам в гости».

В.Э.Мейерхольд и З.Н.Райх.

22 апреля

Вчера в театре на «Мертвых душах» мне передали протокол репетиции «Мольера», на которой М.А. не присутствовал. Из него видно, что К.С. всю пьесу собирается ломать и сочинять наново. М.А. тут же продиктовал мне письма Станиславскому и Горчакову с категорическим отказом от переделок и просьбой вернуть пьесу, если она не подходит Театру в этом виде.

М.А.БУЛГАКОВ — К.С.СТАНИСЛАВСКОМУ

Многоуважаемый Константин Сергеевич!

Сегодня я получил выписку из протокола репетиции «Мольера» от 17.04.35, присланную мне из Театра.

Ознакомившись с нею, я вынужден категорически отказаться от переделок моей пьесы «Мольер», так как намеченные в протоколе изменения по сцене Кабалы, а также и ранее намеченные текстовые изменения по другим сценам, окончательно, как я убедился, нарушают мой художественный замысел и ведут к сочинению какой-то новой пьесы, которую я писать не могу, так как в корне с нею не согласен.

Если Художественному Театру «Мольер» не подходит в том виде, как он есть, хотя Театр и принимал его именно в этом виде и репетировал в течение нескольких лет, я прошу Вас «Мольера» снять и вернуть мне.

Уважающий Вас.

23 апреля

Бал у американского посла. М.А. в черном костюме. У меня вечернее платье исчерна-синее с бледно-розовыми цветами. По-

ехали к двенадцати часам. Все во фраках, было только несколько смокингов и пиджаков.

Афиногенов в пиджаке, почему-то с палкой. Берсенев с Гиацинтовой. Мейерхольд и Райх. Вл. Ив. с Котиком. Таиров с Коонен. Буденный, Тухачевский, Бухарин в старомодном сюртуке, под руку с женой, тоже старомодной. Радек в каком-то туристском костюме. Бубнов в защитной форме.

Боолен и Файмонвилл спустились к нам в вестибюль, чтобы помочь. Буллит поручил м-с Уайли нас занимать.

В зале с колоннами танцуют, с хор — прожектора разноцветные. За сеткой — птицы — масса — порхают. Оркестр, выписанный из Стокгольма. М.А. пленился больше всего фраком дирижера — до пят.

Ужин в специально пристроенной для этого бала к посольскому особняку столовой, на отдельных столиках. В углах столовой — выгоны небольшие, на них — козлята, овечки, медвежата. По стенкам — клетки с петухами. Часа в три заиграли гармоники и петухи запели. Стиль рюсс.

Масса тюльпанов, роз — из Голландии.

В верхнем этаже — шашлычная. Красные розы, красное французское вино. Внизу — всюду шампанское, сигареты.

Хотели уехать часа в три, американцы не пустили — и секретари и Файмонвилл (атташе) и Уорд все время были с нами. Около шести мы сели в их посольский кадиллак и поехали домой. Привезла домой громадный букет тюльпанов от Боолена.

25 апреля

М.А. по приглашению Союза советских писателей пошел на встречу с Гордоном Крэгом.

26 апреля

М.А. написал письмо Горчакову с просьбой освободить его по болезни от режиссерской работы по «Мольеру».

Из «Красной нови», без одного слова, возвращена рукопись биографии «Мольера». Двадцатого я послала в редакцию телеграмму о возврате.

28 апреля

М.А. играл за Курочкина в «Пиквике».

29 апреля

У нас вечером — жена советника Уайли, Боолен, Тейер, Дюброу и еще один американец, приятель Боолена, из Риги. Боолен просил разрешения привезти его. И, конечно, Жуховицкий.

Уайли привезла мне красные розы, а Боолен — М.А. — виски и польскую зубровку.

М.А. читал первый акт «Зойкиной квартиры» — по просьбе Боолена. Читал — в окончательной редакции.

В верхнем ряду третий слева — Б.Штейгер, прототип барона Майгеля в романе «Мастер и Маргарита».

Боолен еще раз попросил дать им «Зойкину» для перевода на английский. М.А. дал первый акт пока и взял с Жуховицкого расписку в том, что Жуховицкий берет на себя хлопоты для получения разрешения в соответствующих органах СССР на отправку за границу.

М.А. читал по-русски.

М-с Уайли звала «с собой в Турцию». Она с мужем едет через несколько дней на месяц в Турцию.

Разошлись около трех часов.

Репетиции «Мольера» у Станиславского идут по основному тексту М.А.

30 апреля

Вчера Боолен пригласил нас на просмотр фильма в посольство, в половину пятого.

Из русских были еще только Немирович с женой.

После просмотра очень интересного фильма — шампанское, всякие вкусности.

Буллит подводил к нам многих знакомиться, в том числе французского посла с женой и очень веселого толстяка — турецкого посла. М-с Уайли пригласила нас завтра к себе в 10.30. Боолен сказал, что заедет за нами.

3 мая

Первого мы днем высыпались, а вечером, когда приехал Боолен, поехали кругом через набережную и центр (смотрели иллюминацию).

У Уайли было человек тридцать. Среди них — веселый турецкий посол, какой-то французский писатель, только что прилетевший в Союз, и, конечно, барон Штейгер — непременная принадлежность таких вечеров, «наше домашнее ГПУ», как зовет его, говорят, жена Бубнова.

Были и все наши знакомые секретари Буллита.

Шампанское, виски, коньяк. Потом — ужин a la fourchette: сосиски с бобами, макароны-спагетти и компот. Фрукты. Писатель, оказавшийся, кроме того, и летчиком, рассказывал о своих полетах. А потом показывал и очень ловко — карточные фокусы.

Вчера днем заходил Жуховицкий, принес перевод договора с Фишером насчет Англии и Америки на «Дни Турбиных». Он, конечно, советует Америку исключить. Плохо отзывался о Штейгере.

Сегодня Жуховицкий звонил: Не знаете, где Боолен?! Назначена была встреча для первой работы над переводом — и нет его.

Звонил Шапошников: подписано соглашение с Францией.

7 мая

У нас вечером: Горчаков, Веров, Калинкин (из Сатиры). Просят, умоляют переделать «Блаженство». М.А. прочитал им те отрывки, что сделал. Обещал им сдать к первому декабря.

9 мая

У нас Вересаев, Ангарский, Дмитриев и Треневы. Дмитриев спорил с Ангарским насчет «Пиковой дамы». Заволновался по своему обыкновению, закричал на Ангарского:

— И все это чепуха! И ничего это неверно! И вообще вы «Пиковую даму» сорок лет тому назад смотрели!

Ангарский за ужином удивлялся:

— Не понимаю, почему это теперь писатели пишут все на исторические темы, а современность избегают?

13 мая

В течение недели М.А. диктовал «Зойкину», сильно чистил пьесу.

О «Зойкиной» же получили извещение от Фишера, что она шла в Брюнне в ноябре и декабре тридцать третьего года.

И о ней пишет Коля из Парижа. По-видимому, там серьезно решили ее ставить.

На днях получили письмо из ВОКСа — с копией письма из Стокгольма от уполномоченного представителя ВОКСа в Стокгольме. Шведское общество «Радио-чиенст» обратилось в полпредство СССР, чтобы «выхлопотали для него у Булгакова разрешение передать по радио о шведском переводе «Турбиных». Предлагают гонорар в шведских кронах — двести. М.А. согласился.

Вчера ходили в театр к Егорову говорить о договоре на «Мольера». Егоров завел такую тему: кто виноват, что постановка затянулась?

М.А.:

— Вы хотите знать виновников? Хорошо, я вам назову. Выдам их с головой. Это — Константин Сергеевич, Владимир Иванович Немирович и вся дирекция.

Приехал Вольф, директор Красного ленинградского театра — насчет «Пушкина». М.А. прочитал ему черновик пьесы.

Вольф придет послезавтра.

М.А.БУЛГАКОВ — Н.А.БУЛГАКОВУ

Надеюсь, что ты, дорогой Никол, получил мое письмо от 8.V. <...>

Сообщаю тебе, что, с моего разрешения, переводчик Эммануил Львович Жуховицкий (Москва) совместно с Чарльзом Боолен, Charles Bohlen, секретарем Посольства Соединенных Штатов в Москве, обратившийся ко мне с просьбой перевести «Зойкину» на английский язык, эту пьесу на английский язык перевели.

Они сделали перевод с экземпляра, собственноручно мною откорректированного и сокращенного.

О том, что ты имеешь доверенность на «Зойкину», и Жуховицкий, и Боолен мною предупреждены.

В моем исправлении пьеса приобрела наконец компактный и очищенный вид.

Прошу тебя, если это еще можно, произвести во французском экземпляре сокращения и некоторые изменения, которые я тебе укажу в ближайших письмах.

Первое, что следует сделать, и это важно, — заменить фамилию Аллилуйя фамилией Портупея.

Дальнейшее сообщу.

Ты спрашиваешь о Мольере?

К сожалению, все нескладно. Художественный театр, по собственной вине, затянул репетиции пьесы на четыре года (неслыханная вещь!) и этой весной все-таки не выпустил ее.

Станиславскому пришла фантазия, вместо того чтобы выпускать пьесу, работа над которой непристойно затянулась, делать в ней исправления. Большая чаша моего терпения переполнилась, и я отказался делать изменения. Что будет дальше, еще точно не знаю.

Квартира? Квартира средненькая, как выражается Сергей, она нам мала, конечно, но после Пироговской блаженствуем! Светло, сухо, у нас есть газ. Боже, какая прелесть! Благословляю того, кто придумал газ в квартирах.

Каждое утро воссылаю моленья о том, чтобы этот надстроенный дом простоял бы как можно дольше — качество постройки несколько смущает.

Заявление свое о заграничной моей поездке еще не подавал, но оно будет подано. Впрочем, о заграничной поездке отдельное следующее письмо.

Прошу тебя — передай привет Ивану.

Жду адреса Рейнгардт и подтверждения каждого моего письма тобой.

Вывороченные мои глаза на прилагаемой фотографии покажут тебе, что снимал нас уличный очень симпатичный фотограф.

Мы в зелени. Это зелень моей родины. Это мы в Киеве, на Владимирской горке, в августе 34 года.

Целую тебя крепко.

Михаил.

15 мая

Вольф и Вересаев.

Вольф хочет ставить у себя, просит, чтобы я во Всероскомдраме составила договор.

16 мая

День рожденья М.А.

Мы с утра положили на стол подарки: Джин голландский, Ерофеич, коробки «Казбека», ноты — Вагнера «Зигфрид» и «Гибель богов», книгу Лесажа. Сергей все волновался, что мало, приложил еще «придавку», как он называет пресс-папье, и стал с нетерпением ждать выхода М.А. из спальни. Екатерина Ивановна спекла крендель, зажгли свечки, Оля заиграла на рояле марш, и М.А. торжественно вошел в столовую. Оля подарила ему Брюсовский календарь и «Киев прежде и теперь».

Вечером пришли Ермолинские, Лямины, Калужский.

17 мая

Обедал Конский. Расстроился, что не позвали на рожденье.

Потом мы все — Женичка, Сергей, Екатерина Ивановна, М.А. и я — поехали на метро.

18 мая

В двенадцать часов дня М.А. читал пьесу о Пушкине. Были: Русланов, Рапопорт, Захава, Горюнов и Вересаевы.

После чтения завтракали.

Во время завтрака позвонил Женюшка и сообщил, волнуясь, что разбился самолет «Максим Горький». Будто бы сорок две жертвы.

20 мая

Вересаев прислал М.А. совершенно неожиданное письмо. Смысл в том, что «его не слушают». Нападает на трактовку Дантеса в особенности. Кроме того, еще на некоторые детали («Дубельт не может цитировать Евангелие»...). М.А. тут же засел за ответ.

М.А.БУЛГАКОВ — В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Милый Викентий Викентьевич!

Могу Вас уверить, что мое изумление равносильно Вашей подавленности.

Прежде всего меня поразило то, что вы пишете о сроке 1 октября.

По Вашему желанию я взял на себя скучную, трудную и отнимающую время заботу по ведению переговоров с театрами.

Я истратил сутки на подробные переговоры с Вольфом и разработку договора, принял предложенный театром срок — 1 октября, — сообщил о нем Вам, дал Вам для подписи договор. Вы, не возражая против 1 октября, его подписали, а теперь сообщаете мне, что этот срок Вам не нравится. Что прикажете мне теперь делать, когда договор подписан всеми сторонами?

Я взял на себя хлопотливую обязанность, но я не хочу, стараясь исполнить ее наилучшим образом, с первых же шагов получать укоризны за это. Если Вы находите, что я неправильно составляю договоры, я охотно соглашусь на то, чтобы Вы взяли это на себя.

Тут же сообщаю, что ни в какой связи ленинградский срок 1 октября с московскими сроками чтения не стоит.

Чтение вахтанговской труппе, как совершенно справедливо говорите Вы, дело серьезное. Я к этому добавлю еще, что это крайне серьезное дело, и речи быть не может о том, чтобы авторы выступили с этим чтением, предварительно не согласовав все вопросы в пьесе между собою.

Примерно намечаемое на начало июня чтение ни в каком случае не состоится, если не будет готов согласованный экземпляр. Мы попадем в нелепое положение, если предъявим экземпляр, который вызывает у нас разногласия. А после Вашего неожиданного письма я начинаю опасаться, что это очень может быть. Чтение, конечно, придется отложить.

Вы пишете, что не хотите довольствоваться ролью смиренного поставщика материала. Вы не однажды говорили мне, что берете на себя извлечение материалов для пьесы, а всю драматургическую сторону предоставляете мне. Так мы и сделали.

Но я не только все время следил за тем, чтобы наиболее точно использовать даваемый Вами материал, но всякий раз шел на то, чтобы делать поправки в черновиках при первом же возражении с Вашей стороны, не считаясь с тем, касается ли дело чисто исторической части или драматургической. Я возражал лишь в тех случаях, когда Вы были драматургически неубедительны. <...>

Я хочу сказать, что вы, Викентий Викентьевич, никак не играете роль смиренного поставщика материалов.

Напротив, Вы с большой силой и напряжением и всегда категорически настаиваете на том, чтобы в драматургической ткани всюду и везде, даже до мелочей, был виден Ваш взгляд.

Однако бывают случаи, когда Ваш взгляд направлен неверно, и тут уж я хочу сказать, что я не хотел бы быть смиренным (я повторяю Ваше слово) драматургическим обработчиком, не смеющим судить о верности того мотива, который ему представляют. <...>

Вы называете выстрел Дантеса «безвкусным». Это хорошо, что Вы высказываете свое литературное мнение в прямых и резких словах; тем самым Вы, конечно, и мне даете право делать то же самое. Я воспользуюсь этим правом, когда буду говорить о Дантесе.

Я считаю, что выстрел, навеянный пушкинским выстрелом Сильвио, есть самая тонкая концовка картины и что всякая другая концовка будет хуже. Я готов признать, что у меня нет вкуса, но вряд ли кто-нибудь признает, что у меня нет опыта. И вряд ли кто-нибудь докажет, что выстрел Дантеса хоть в чем-нибудь нарушает историю.

Вообще в Дантесе у нас серьезная неслаженность. Вы пишете: «Образ Дантеса нахожу в корне неверным и, как пушкинист, никак не могу принять на себя ответственность за него».

Отвечаю Вам: я в свою очередь Ваш образ Дантеса считаю сценически невозможным. Он настолько беден, тривиален, выхолощен, что в серьезную пьесу поставлен быть не может. Нельзя трагически погибшему Пушкину в качестве убийцы предоставить опереточного бального офицерика. <...>

Относительно разговора Жуковского с Дубельтом.

Нет, Ваш вариант не лучше, чем мой, и просто потому, что это один и тот же вариант, с той разницей, что у Вас Дубельт говорит не сценическим языком, а у меня — сценическим. Реплики построены по-иному, но разговор идет об одном и том же. Тут даже, по-моему, и предмета для спора нет никакого.

В заключение Вы пишете: «Хочется надеяться, Вы будете помнить, что пьеса как-никак будет именоваться пьесой Булгакова и Вересаева и что к благополучному концу мы сможем прийти, лишь взаимно считаясь друг с другом». Я так и делал, причем мне всегда казалось, что я считаюсь с Вами гораздо больше, чем Вы со мной.

Относительно благополучного конца Вы ошибаетесь. Мы уже пришли к благополучному концу, по крайней мере в театре. Я разговаривал на другой день после чтения с Руслановым. Он говорил о радости, которая овладела им и слушателями. Он говорил, выслушав не отделанное да и не доконченное еще произведение, — о чрезвычайной авторской удаче. Он меня, утомленного человека, поднял. И до получения Вашего письма я находился в очень хорошем расположении духа. Сейчас, признаюсь, у меня чувство тревоги. Я не могу понять, перечитав еще раз Ваше письмо и мой ответ, — чем все это вызвано?

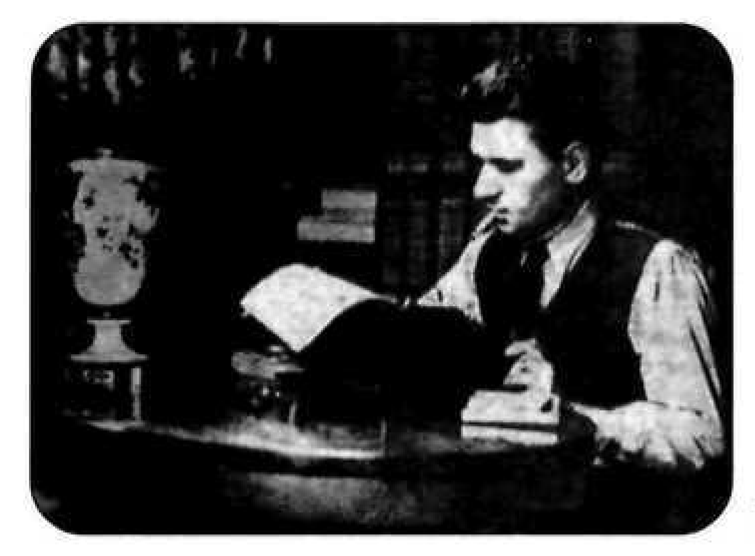
Во всяком случае, если мы сорвем эту удачу, мы сорвем ее собственными руками, и это будет очень печально. Слишком много положено каторжных усилий, чтобы так легко погубить произведение.

Перо не поднимается после Вашего письма, но все же делаю усилие над собою, пишу сцену бала.

Когда вся пьеса будет полностью готова, я направлю экземпляр Вам. Вот тут мы и сойдемся для критики этого экземпляра, для точного улаживания всех разногласий, для выправления всех неточностей, для выпрямления взятых образов.

Я все-таки питаю надежду, что мы договоримся. От души желаю, чтобы эти письма канули в Лету, а осталась бы пьеса, которую мы с Вами создавали с такой страстностью.

Преданный Вам М.Булгаков.

Н.Ф.Погодин. 1930-е годы.

22 мая

Звонил Вересаев — предлагает забыть письмо. Цитатой (для Дубельта) был оглушен — «Давайте поцелуемся хоть по телефону!»

Обедал у нас Радлов Николай. Вечером — Оля. Рассказывала о списке подающих о заграничных паспортах. «Бесспорно едут К.С., Немирович, Подгорный и я».

24 мая

Были на премьере «Аристократов» в Вахтанговском. Пьеса — гимн ГПУ.

В театре были: Каганович (в ложе с левой стороны), Ягода — в ложе с правой стороны, Фирин (нач. Беломорского канала), много военных, ГПУ, Афиногенов, Киршон, Погодин.

После спектакля Симонов пригласил нас к себе, поехали в его машине, по дороге заезжали за вином и закусками.

У него собрались Погодин, Русланов, Захава, Горюнов, Рапопорт, жены их.

Погодин много рассказывал: о Буденном, о том, как он — Погодин — попал в плен и как его чуть не расстреляли.

Симонов отвез нас домой часа в три.

Звонил днем Егоров — МХАТ соглашается на договор на наших условиях — шесть тысяч, срок 1 июня 1936 г.

— Как июня? Мы говорили о декабре тридцать пятого года! Театр должен в двухдневный срок дать мне ответ — соглашается он на мои условия или нет.

Он вопил — что никто никогда не позволял себе так разговаривать с Театром, что К.С. и В.И. нельзя ставить ультиматума.

26 мая

Звонил Егоров. Он передал все дело Вл. Ив. Пусть тот решает.

27 мая

О том же звонила Оля. Сказала, что хотели заседание насчет «Мольера» устроить завтра, двадцать восьмого, но назначена репетиция «Мольера» у К.С., и все там заняты, а главное К.С.

Оля позвала меня идти с ней на «Чио-Чио-Сан» в Музыкальный.

В театре Оля сказала, что Вл. Ив. вполне со мной согласен. Заседание будет 28-го.

28 мая

Приятный день.

По займу выиграли 600 руб.

Звонил Танин — у прокурора республики дело (с ленинградскими народными домами) мы выиграли. Теперь, если они не подадут выше, должны вернуть нам деньги.

Третье — звонок Оли:

— Театр хочет ставить «Мольера». Не может быть и речи о том, чтобы отдать пьесу. Вл. Ив. просит, чтобы я согласилась на срок 15 января тридцать шестого года. — Раньше невозможно приготовить. Будет ставить режиссура, не К.С.

Оля сказала: «У К.С. пьесу отбирают», но я не думаю — наверно, старик обозлился и сам отказался.

М.А. диктует все эти дни «Пушкина». 2 июня — чтение в Вахтанговском театре, а 31 мая он хочет нескольким знакомым дома прочесть. Я позвала Оленьку и Женюшку. Оба обрадовались. Женя (мой) вообще любит такие вечера у нас.

29 мая

Сегодня М.А. закончил первый вариант «Пушкина». Пишу — вариант, так как М.А. сам находит, что не совсем готово.

Пришел Вересаев и взял экземпляр с тем, чтобы завтра вечером прийти обсуждать.

30 мая

Был Вересаев. Начал с того, что говорил о незначительных изменениях в ремарках и репликах (Никита не в ту дверь выходит, прибавить Богомазову слова «на театре»).

Потом пришел Гр. Конский, и мы с ним сидели в кабинете, а М.А. и Вересаев разговаривали в столовой. Со слов М.А. — старик вмешивается в драматургическую область, хочет ломать образ Дантеса, менять концовку с Битковым и т.д. Сначала говорил очень решительно, даже говорил, что им «придется разъехаться» и он снимет свою фамилию (получая 50% гонораров). Но потом опять предложил — давайте мириться.

Решили — 1-го опять встретиться.

1 июня

Вчера было чтение. Оленька, ребята, Дмитриев, Жуховицкий, Ермолинские, Конский, Яншин и мы с Лоли. (И Лоли и Оля плакали в конце.)

Оля, уходя, сказала:

— Пройдут века, а эта пьеса будет жить. Никто никогда так о Пушкине не писал и не напишет.

Яншин потом за ужином сказал, что эта пьеса перекликается с «Мольером» и что М.А. за нее так же будут упрекать, как за «Мольера» — что не выведен великий писатель, а человек, что будут упрекать в поверхностности, что он, как актер, знает, что это не так. Говорил, что ему не понравились Наталья, Дантес и Геккерен.

Дмитриев хотел остаться после всех, чтобы говорить, но М.А. не мог — очень утомлен был. Но через час после ухода, примерно часа в четыре ночи Дмитриев позвонил — чем больше он думает, тем больше понимает, как замечательна пьеса. Она его встревожила, он взволнован, не может уснуть. Она так необычна, так противоречит всему общепринятому.

2 июня

Сегодня М.А. читал вахтанговцам. Успех большой. После чтения говорили сначала артисты, потом М.А. и Вересаев. М.А. аплодировали после его выступления и после чтения.

3 июня

У нас Дмитриев и Оля. Приходил Тренев, звал к себе. Он именинник сегодня (как и я). Я не пошла, М.А. просидел у них часок. Ему очень понравился Малышкин — остроумен и приятен.

4 июня.

Ходили в Иностранный отдел, подали анкеты. Анкеты приняли, но рассматривать не будут, пока не принесем всех документов.

9 июня

Егоров отказался подписать бумажку о том, что Театр не возражает против поездки М.А. за границу.

Оля сказала, что подпишет Вл. Ив.

С договором на «Мольера» волынят.

Танина выставили из Всероскомдрама. Двенадцать лет там работал. Два года назад праздновали его десятилетний юбилей работы там и благодарили. Он подавлен крайне.

12 июня

Ездили смотреть дачу Шапиро — он предложил нам на лето. Сергею после кори будет там хорошо.

13 июня

Только сегодня, наконец, подписали договор. Кроме того — Вл. Ив. подписал бумажку.

Прудкин рассказывал, что Акулов на вопрос Качалова: «А что вам больше всего у нас нравится?» — ответил: — «Дни Турбиных».

15 июня

Ездили в Иностранный отдел, отвезли все документы. Приняли. Также и 440 руб. денег. Сказали, что ответ будет через месяц.

9 июля

М.А.БУЛГАКОВ — Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Коля.

Я своевременно получил твою телеграмму об исправлениях в «Зойкиной», также и письмо. Очень признателен тебе. <...>

Сообщаю тебе, что я подал заявление в Иностранный Отдел Московского Областного Исполкома о выдаче мне разрешения на поездку с женою за границу. Я мечтаю о том, чтобы хотя короткое время провести где-нибудь на курорте у моря, так как безмерно утомлен. Впрочем, об утомлении распространяться не буду, устал уж и жаловаться. Кроме того, конечно, я вижу, что мое присутствие, хотя бы очень короткое, в Париже в связи с «Зойкиной» совершенно очевидно необходимо. Ответ должен быть дней через шесть-семь.

Напиши, где будешь в августе—сентябре?

Целую тебя крепко. До следующего письма.

26 июля

М.А.БУЛГАКОВ — В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Пишу Вам, дорогой Викентий Викентьеич, по московскому адресу, Перхушково мне кажется чем-то очень сложным. Из квартиры Вашей сказали, что Вы тридцатого должны быть в Москве.

Я пребываю то на даче, то в городе. Начал уже работать. Очищаю язык, занят превращением Арендта в Даля.

Если сделается что-нибудь для Мойки, пришлите, пожалуйста, мне заказным. Также и насчет Строганова. Вообще то, о чем мы говорили на последнем свидании.

У меня побывал режиссер Дикий с дирекцией театра ВЦСПС, просили познакомить с пьесой. Прочел им.

Забыл Вам сказать, что мне несколько раз звонили из «Театра и драматургии». Вынь да положь сообщение о пьесе. И руками и ногами отбивался от этого. Во-первых, пьеса еще не отделана, а во-вторых, я совершенно не умею давать эти сообщения и считаю их ни к чему не нужными. Портрет хотели рисовать. И от портрета я отделался. Сказал «до осени, до осени», заявил, что мы с Вами еще не закончили работу.

В заграничной поездке мне отказали (Вы, конечно, всплеснете руками от изумления), и я очутился вместо Сены на Клязьме. Ну что же, это тоже река.

Итак, жду от Вас известия и дружески желаю Вам самого лучшего, самого ценного, что есть на свете — здоровья.

Ваш М.Булгаков.

22 августа

Прервались записи, потому что суматошно шла жизнь.

Не записано: отказ в поездке за границу, история с Вересаевым, которая выразилась в том, что старик наделал массу неприятностей: вмешался в драматургическую часть, предложил свои варианты, пытался вести борьбу за них... Восстановить все это, конечно, нельзя, поэтому просто начинаю записывать день за днем.

Сегодня появился у нас Исай Лежнев, тот самый, который печатал «Белую гвардию» в «России». Он был за границей в изгнании, несколько лет назад прощен и вернулся на родину. Несколько лет не видел М.А. Пришел уговаривать его ехать путешествовать по СССР. Нервен, возбужден, очень умен, странные вспухшие глаза. Начал разговор с того, что литературы у нас нет.

26 августа

Судакову нужен «Пушкин». Сегодня Женя Калужский, Арендт, Леонтьев и Судаков слушали у нас пьесу.

27 августа

М.А.БУЛГАКОВ — В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Дорогой Викентий Викентьевич!

Я получил Ваше письмо... в котором Вы пишете, чтобы я отдавал пьесу в театр в том виде, в каком нахожу нужным, но что Вы оставляете за собой право бороться, насколько это окажется для Вас возможным, за устранение нарушений исторической правды в этой пьесе и за усиление ее общественного фона.

Я полагаю, что Вы, совершенно справедливо писавший мне о том, что в художественном произведении не может быть двух равновластных хозяев, что хозяин должен быть один и что таким хозяином в нашем случае могу быть только я, имеющий на это большее право, Вы, написавший мне такие слова: «Все это вовсе не значит, что я отказываюсь от дальнейшей посильной помощи, поскольку она будет приниматься Вами как простой совет, ни к чему Вас не обязывающий», — не можете даже поднимать вопроса о такой борьбе.

А теперь о деловых вопросах, которые Вы затронули в Вашем письме.

Относительно представления пьесы в театры. Выправив пьесу, я направляю Вам копию окончательного экземпляра, на котором поставлю, как ставили и раньше, две фамилии — М.Булгаков и В.Вересаев. Если Вы, ознакомившись с окончательной редакцией пьесы, пожелаете подписать ее вместе с мною, я направлю ее с двумя подписями в театр. Если же Вы пожелаете снять свою подпись и известите меня об этом, я пошлю пьесу в театры под одной моей фамилией.

Относительно чтения пьесы: Вы имеете право читать пьесу только частным лицам, я имею право читать пьесу частным лицам и всем режиссерам, директорам и представителям любых

театров, которым я найду нужным читать, — в силу того, что по нашей договоренности на меня возложена работа по заключению договоров с театрами и такие чтения являются не только моим правом, но и обязанностью.

Пушкинской же комиссии или иным каким-нибудь комиссиям или учреждениям ни Вы, ни я не имеем права читать пьесу порознь, так как это дело очень серьезной согласованности не только соавторов, но и соавторов с театрами, с которыми есть договоры.

Относительно предложенных Вами вариантов: с моей стороны нет возражений против того, чтобы Вы представили их в театры. Если Вы решите это сделать, Вам надлежит направить эти варианты в Вахтанговский театр в Москве и в Красный Театр в Ленинграде с объяснительным письмом и с уведомлением меня об этой посылке. Я же со своей стороны сообщу театрам о своем категорическом отказе от включения этих вариантов в пьесу, так как они, по моему заключению, смертоносны для пьесы.

Относительно договора между соавторами: конечно, его надо заключить. Ввиду того, что Вы объявлением борьбы создали тяжкое по запутанности положение, я предоставляю Вам выработать формулу договора. Мы обсудим ее и, в случае отсутствия разногласий, подпишем договор.

Одно положение в этом договоре я вижу как бесспорное и незыблемое: соавторы делят гонорар по этой пьесе пополам, то есть один соавтор получает 50% и другой также — 50%.

Ваш М.Булгаков.

29 августа

Марков, Виленкин, Сахновский, Топорков, Федя, Калужский, Мордвинов и Шапошниковы — «Пушкин».

Федя сказал, что это нужно ставить только Станиславскому. Марков сказал, что сцена «на Мойке» не нужна. Без нее пьеса круглей.

Вообще успех. Ужин оживленный.

6 сентября

Сегодня 600-й спектакль «Турбиных». Театр не поздравлял М.А.

7 сентября

Был Женя Калужский, говорил, что К.С. поздравлял актеров, но сухо, коротко.

За кулисами был чай по этому поводу.

10 сентября

Вечером Анна Ильинична, Патя и Сергей Сергеевич.

М.А.БУЛГАКОВ — В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Дорогой Викентий Викентьевич!

Вы спрашиваете, что нужно для моего успокоения? Не только для моего успокоения, но и для обоих соавторов, и для пьесы необходимо, по моему мнению, следующее:

Теперь, когда наступает важный момент продвижения пьесы в театры, нам необходимо повсюду, в том числе и в письмах, воздержаться от резкой критики работы друг друга и каких-либо резких мотивировок. Иначе может создаться вокруг пьесы нездоровая атмосфера, которая может угрожать самой постановке.

Примите во внимание, что я пишу это, имея серьезные основания.

Кроме того, до начала репетиционных работ я очень прошу Вас воздержаться от чтения пьесы, потому что, как выяснилось, слушатели (мои ли, Ваши ли, безразлично) нередко служат источником всяких ненужных слухов, которые могут быть вредны опять-таки для постановки.

При этом письме я посылаю Вам и одновременно — чтобы не терять времени — в театры окончательный экземпляр с двумя фамилиями. Просмотрите его. Если Вы найдете нужным оставить Вашу фамилию, я буду очень рад. Если же нет, то сообщите об этом мне. Я дам знать театрам о снятии Вашей фамилии по Вашему желанию.

Позволю себе дать Вам дружелюбный совет: просматривая экземпляр, имейте в виду, что мною было сделано все возможное, чтобы учесть художественные намерения обоих авторов.

Ваш М.Булгаков.

11 сентября

Звонок. Возбужденный Илья передает, что Акулов сказал, чтобы ему дали пьесу на просмотр.

Запаковала, надписала, послала в МХАТ для передачи Акулову.

12 сентября

Днем заходил Тренев посоветоваться: МХАТ хочет возобновить «Пугачевщину». Стоит ли переделывать?

Вечером Дмитриев. М.А. мистифицировал его, сказал, что он — второго класса игрок по шахматам, предложил Дмитриеву фору.

Дмитриев бледнел при каждом ходе, хотя играет прекрасно. Конечно, обыграл М.А. вдребезги, но выкурил от волнения пачку папирос. Когда М.А. признался ему — дико хохотал.

13 сентября

Днем — деловые письма за границу. Вечером — я в оперетке с Женичкой (моим). К М.А. пришел Людвигов, а потом Дмитриев.

М.А. сказали, что роль еврея в «Турбиных» выкинул К.С. А тогда говорили — «по распоряжению сверху».

М.А.БУЛГАКОВ — Н.К.ШВЕДЕ-РАДЛОВОЙ

Дорогая Дина!

Спасибо тебе за дубовый листок и за память.

Обычно валятся на голову деловые, мучительные и запутанные письма, а тут просто пришло хорошее письмо.

В Тригорском я никогда не был, полагаю, что никогда и не буду, но ты так ясно все описала, что картина у меня перед глазами.

Да, *пьесу я закончил — ту самую, с Вере*саевым. Ох, и труда же на нее было положено! Сложная штука: Пушкин ни разу не появляется на сцене, но все движется вокруг него, по мере моих сил, для него.

Люся теперь азартно стучит на машинке, переписывая. Кладу Люсе руку на плечо, сдерживаю. Она извелась, делила со мною все волнения, вместе со мною рылась в книжных полках и бледнела, когда я читал актерам.

Теперь поглядим, как судьба распорядится этим произведением.

Дружеский шарж С.С.Топленинова на Булгакова.

Мы никуда не уезжали. Сергей жил на даче под Москвою, к нему наезжали, но дождь лил, как черт знает что.

Лелеяли мечту побывать за границей, подавали заявление, нам отказали.

Вот и нет лета — ау! И надвинулся сложный и важный сезон. Сейчас же после Пушкина берусь за отделку комедии.

Мне нестерпимо много приходится работать.

Сергей поступил в школу, а помимо этого я ношусь с мыслью сделать из него пианиста. Он занимается у хорошего преподавателя, а со мною играет в четыре руки.

Посмотрим, что из этого выйдет.

Приедешь в Москву — покажись! И Коле накажи показаться. Люся вас обоих приветствует. Заканчиваю письмо и я дружеским приветом. Посылаем московские поцелуи.

Твой М.Булгаков.

16 сентября

Оля приехала из Риги. Привезла М.А. фрачные сорочки.

Вечером — она с Калужским у нас. Потом — Дина Радлова еще. Разговор о «Пушкине».

Дина осуждала Замятина за то, что не возвращается.

18 сентября

У М.А. шахматы — играли Ермолинский и Топленинов по очереди с М.А.

У меня в это время Оля с Женей Калужским (он пришел после «Хозяйки гостиницы»).

Он, вместе с Егоровым, принимал гостей: Кагановича и Молотова. Те резко отрицательно говорили о спектакле, об игре, о Еланской, — что она играет отвратительно так же, как и в «Грозе», и что наверно ей оттого дают роли, что она жена Судакова.

Оля говорит, что Немирович в письмах ей и Маркову возмущался К.С.'ом и вообще Театром, которые из-за своих темпов работы потеряли лучшего драматурга, Булгакова.

Когда я рассказала это М.А., он сказал, что первым губителем, еще до К.С., был именно сам Немиров.

19 сентября

Сегодня отправила заказным в Ленинград Вольфу «Пушкина» — под двумя фамилиями.

20 сентября

Захава сообщил, что Репертком разрешил «Пушкина».
Ангарский (по телефону) предлагает перевести «Пушкина» и печатать за границей.

Вечером в консерватории на выступлении американского хора «Орфеус».
Видели там Тейера и Файмонвилла. Тейер сказал, что «Боолен вышел замуж...».

21 сентября

Были на «Красном маке» в Большом. Оттуда с Яковом Леонтьевичем — в «Медведь» на Тверской.

23 сентября

Сегодня в газетах постановление ЦИК СССР об установлении военных званий: лейтенанта, майора, полковника в том числе.

В газете фельетон Бр. Тур — что ГОМЭЦ произвел надувательство публики: в афишах были обещаны знаменитые солисты в хоре «Орфеус», а их не было и в помине.
Вечером — прием у Коли, вся Пречистенка, как называет этот круг М.А.

24 сентября

У М.А. — Русланов. Взволнован тем, что МХАТ хочет играть «Пушкина». Особенно же тем, что он должен играть Николая, а во МХАТе это, наверное, будет дано Качалову.

25 сентября

Оля сейчас сказала, что «Пушкин» пошел к Вл. Ив.
Вахтанговцы прислали в МХАТ письмо с протестом против постановки «Пушкина» во МХАТе. А Оля сказала, что Илья плевать хотел на их письмо. Мхатчики говорят, что вахтанговский договор кабальный.
А их договора?

Вечером были с М.А. у Коростина, больного. Выяснили отношения — соавторские.

26 сентября

У М.А. грипп, сильнейший насморк и кашель.
Приехал Коростин. Подписали соглашение.

В.Л.Ершов — Николай I, А.К.Тарасова — Пушкина в спектакле МХАТа «Последние дни». 1943.

Эскиз декорации П.В.Вильямса к спектаклю «Последние дни».

Сегодня в газетах постановление об отмене карточной системы.

27 сентября

Горчаков — по телефону.

Возможно, что комедию начнут репетировать в октябре.

М.А. в постели — диктует мне. Коростин — по телефону. Подходит ли Сухарев для Бобчинского.

Ангарский насчет «Пушкина». Хочет, чтобы М.А. читал у него. М.А. отказался.

Дубровский из харьковского театра о «Пушкине».

Оля с сообщением, что Вл. Ив. сказал о пьесе:

— Она написана большим мастером, тонко, со вкусом. Но образы сделаны так сдержанно, четко, что надо будет (как он сказал) рыть глубины.

Вечером приехал Дубровский, прочитал «Пушкина».

С М.А. говорил по-украински. Увез с собой пьесу.

29 сентября

Звонок из «Литературной газеты» — просят, чтобы М.А. дал информацию о «Пушкине». М.А. отказался — все равно не напечатают. Ведь ничего не написали о «Биографии Мольера», хотя он и давал информацию. И в «Moscow Daily News» и фотографию, которую упорно просили, не напечатали и карточку не вернули.

1 октября

В Вахтанговском — драматические переживания. Илья во МХАТе распределяет роли в «Пушкине».

М.А.БУЛГАКОВ — А.С.ЩЕРБАКОВУ

Ответственному Секретарю Союза Советских Писателей
тов. А.С.Щербакову
от Михаила Афанасьевича Булгакова,
члена Союза Советских Писателей.

Уважаемый товарищ!

Проживая в настоящее время с женою и пасынком 9 лет в надстроенном доме Советского Писателя (Нащокинский пер., № 3), известном на всю Москву дурным качеством своей стройки и, в частности, чудовищной слышимостью из этажа в этаж, в квартире из трех комнат, я не имею возможности работать нормально, так как у меня нет отдельной комнаты.

Ввиду этого, а также потому, что у моей жены порок сердца (а мы живем слишком высоко), я обратился в правление РЖСКТ Советского Писателя с просьбою о том, чтобы мне, вместо моей теперешней квартиры, предоставили *четырехкомнатную* во вновь строящемся доме в Лаврушинском переулке, по возможности, не высоко.

Я прошу Союз поддержать мое заявление.

М.Булгаков.

2 октября

Оля призналась, что мхатчики распечатали пакет с пьесой, посланной Акулову, и списали пьесу.

Радостный вечер. М.А. читал «Ивана Васильевича» с бешеным успехом у нас в квартире. Горчаков, Веров, Калинкин, Поль, Станицын, Дорохин. Хохотали все до того, что даже наши девушки в кухне жалели, что не понимают по-русски. — «Herr hat wazcheinlich etwas sehr schönes geschrieben, dass alle lachen so viel!»[1]

Все радовались, ужинали весело.

3 октября

Вечером у нас — Дмитриев. Привел Сергея Прокофьева. Вопрос об опере на основе пьесы М.А. о Пушкине. М.А. прочитал

---

[1] Хозяин, вероятно, написал нечто очень хорошее, раз все так много смеются *(нем.)*.

С.С.Прокофьев, Э.Петри, Г.Г.Нейгауз, Р.Казадезюс. Москва, 1936.

половину пьесы. А потом С.Прокофьев взял ее с собой. Он только просил М.А. ввести Глинку.

Пригласил нас завтра на концерт в Большом — он будет играть свою музыку к балету «Ромео и Джульетта».

4 октября

Бетховенский зал в Большом. Рояль на маленькой эстраде, большая стоячая лампа под громадным желтым абажуром.

Прокофьев играет виртуозно. Музыка не типично балетная, но есть замечательные места (пробуждение города, келья Лоренцо, гавот, дуэль — да многое еще).

Было много знакомых, Вильямс, Дмитриев, Мордвинов, Мелик, Файер — эти двое сидели за Прокофьевым на эстраде, смотрели в ноты.

Яков Леонтьевич потом, уже за едой в ресторане, сказал стихи, им выдуманные. Будто бы Станиславский говорит:

— Булгаков — человек задорный,
Он много горя причинил.
«Дни Турбиных» писал Подгорный,
«Мольер» — Егоров сочинил.

Василь Григорьевич Сахновский —
Прямой, отважный, честный муж,
Но алкоголик он таковский,
Что пропил задник с «Мертвых душ».

9 октября

Генеральная «Врагов».

После генеральной стоим в партере: Оля, М.А., Немирович, Судаков, Калужский и я. Немирович очень комплиментарно говорил о «Пушкине». Женя Калужский:

— Вот, Мака, кланяйся в ножки Вл. Ив., чтобы он ставил.

Наступило молчание, и М.А. стал прощаться.

16 октября

Одиннадцатого М.А. один ездил в гости на дачу к Тейеру.

М.А. говорил, что очень уютно, камин, собака.

Была Лина Степанова, какой-то неизвестный американец.

Тейер говорил, что ему очень не нравятся Камерный и мейерхольдовский театры.

Сегодня у нас Прокофьев с женой и Дмитриев.

Разговор об опере («Пушкин»), что нужен Глинка.

Прокофьев едет в Африку, в турне. Жена остается здесь.

17 октября

У М.А. репетиция «Мольера».

Звонок из Реперткома в Сатиру (рассказывал Горчаков): Пять человек в Реперткоме читали пьесу, все искали, нет ли в ней чего подозрительного? Ничего не нашли. Замечательная фраза: «А нельзя ли, чтобы Иван Грозный сказал, что теперь лучше, чем тогда?»

Двадцатого придется М.А. ехать туда с Горчаковым.

Вечером неожиданно пошла на «Фауста».

Познакомилась с Меликом. Он дирижировал. Мелик — во фраке, конечно, с красной гвоздикой в петлице.

18 октября

Звонили из американского посольства:

— Мистер Буллит просит миссис и мистера Булгаковых в пять часов, будет кино, буфет, дипломатический корпус.

После картины все пошли в столовую — стол со всевозможными прелестями, к которым мы почти не прикасались. Буллит подошел, и долго разговаривали сначала о «Турбиных», которые ему страшно нравятся, а потом — «Когда пойдет "Мольер"?» Подходили: Афиногенов, Штейгер, конечно, румынский посол (очень уговаривал приехать к нему, он только что отделывает себе дом), тот американец, который служит в посольстве в Риге и был у нас с Бооленом, атташе и др. Познакомились с некоторыми дамами.

Когда выходили, швейцар спрашивает: «Ваша машина?..» М.А. сурово ответил: — У меня нет машины.

И мы ушли пешком, по выражению М.А., как экстравагантные миллионеры, которым машина осточертела уже.

19 октября

У М.А. грипп. Температура 38,2.

20 октября

Телефонная вакханалия и бешеный день.

Уманский из Литературного агентства — упорные предложения насчет «Мертвых душ» в Лондоне, — чтобы забрать пьесу от Фишера и передать «Литературному агентству».

Какой-то Лейтес из Союза писателей с предложением прочесть там «Пушкина» и обсуждать пьесу. (Конечно, М.А. отказался.)

Горчаков, Калинкин.

Оленька, конечно.

В то же время — посетители.

Симпатичнейший П. попросил 50 руб. Журналист С. — в третий раз — за деньгами, взаймы — но без отдачи.

Тамара Томасовна с двумя портнихами ко мне.

А к М.А. — Калинкин и Горчаков. И привезли Млечина.

Последний никак не может решиться — разрешить «Ивана Васильевича». Сперва искал в пьесе вредную идею. Не найдя, расстроился от мысли, что в ней никакой идеи нет. Сказал: «Вот если бы такую комедию написал, скажем, Афиногенов, мы бы подняли на щит... Но Булгаков!..»

И тут же выдал с головой Калинкина, сказав ему: «Вот ведь есть же и у вас опасения какие-то...»

Вечером — Лямин и Попов.

22 октября

Генеральная «Севильского цирюльника».

Олины рассказы о театре. Егоров отменяет распоряжения Немировича, постоянно наносит оскорбления актерам, не пустил на концерт Бандровской в МХАТе Петю Селиванова, баритона, который раньше состоял в труппе МХТ и до сих пор бесплатно поет эпиталаму в «Турбиных»... Фактически правят театром Егоров и Рипси...

Виноват во всем, по словцам Оли, Станиславский.

Будто бы Станиславский сказал: «Я теперь безработный в Театре».

29 октября

Днем звонила Сейфуллина. Спрашивала, когда М.А. может принять одну приезжую из Вены по поводу перевода «Мертвых душ». М.А. сказал, что они уже переведены. «Все равно, примите, пожалуйста». Пришла приезжая. Гладко говорит по-русски. Рассказывала, как Гитлер преследует евреев.

Вечером Ермолинские и Лямин.

Ночью звонок Верова: «Ивана Васильевича» разрешили с небольшими поправками.

30 октября

Приехала Ахматова. Ужасное лицо. У нее — в одну ночь — арестовали сына (Гумилева) и мужа — Н.Н.Пунина. Приехала подавать письмо Иос. Вис.

В явном расстройстве, бормочет что-то про себя.

31 октября

Отвезли с Анной Андреевной и сдали письмо Сталину. Вечером она поехала к Пильняку.

Мы вечером в Сатире. М.А. делал поправки цензурные. Потом поехали в Клуб мастеров. Андроников изображал Ал.Толстого и

А.А.Ахматова с сыном Львом и А.И.Гумилевой. 1927.
Н.Н.Пунин. Фото А.А.Ахматовой.

Качалова. Ужинали с Яковом Л. и Олей с Женей Калужским. Подсел Млечин. М.А. с ним пошел играть на биллиарде. А потом он нас отвез домой.

1 ноября

М.А. читал труппе Сатиры «Ивана Васильевича». Громадный успех.

3 ноября

Утренник в Большом театре — программа самодеятельная. Необыкновенное количество знакомых, масса мхатчиков. После концерта у нас обедали Яншин и Конский.

4 ноября

Ахматова получила телеграмму от Пунина и Гумилева — их освободили.

Вечером мы в мастерской Василия Яковлева. Он показывал свои работы — потом повез к себе пить кофе.

7 ноября

Проводила М.А. утром на демонстрацию.

Потом рассказывал — видел Сталина на трибуне, в серой шинели, в фуражке.

Днем звонил Вересаев. Разговор в мирном тоне. Его очень интересует судьба пьесы.

10 ноября

«Кармен» в Большом театре. После спектакля у нас ужинали Яков Л. и Мелик-Пашаев.

11 ноября

У Яковлевых. Смешанная публика — художники и гепеусты. Дулова играла на арфе, которую специально привезли для этого.

13 ноября

Были у Рябцева. У него маленький комнатный биллиард.
Играли.

18 ноября

Первая репетиция «Ивана Васильевича».

О.Л.Книппер-Чехова, А.И.Степанова, Н.А.Подгорный во время радиозаписи спектакля «Вишневый сад». 1935.

19 ноября

У нас — Яковлевы, Рябцевы, Дулова, Авилов, Топорков, Мелик-Пашаев, Яков Леонт. М.А. читал «Ивана Васильевича».

23 ноября

Слушали в Большом «Садко». М.А. очень любит эту оперу.

29 ноября

М.А. был на приеме у американского атташе — в числе гостей видел Афиногенова, Леонова и Прокофьева.

1 декабря

Чтение «Пушкина» у нас. Книппер-Чехова, Горчаков, Мелик-Пашаев, Кторов, Попова, Станицын, Вильямсы, Калужский с Олей и Ермолинские. Ужинали потом на трех столиках.

21 декабря

М.А. диктует мне перевод «Скупого» для издательства «Academia».

Идут репетиции «Мольера». У Кореневой сжали некоторые сцены. Она стала устраивать скандалы, ссылалась, что будет жаловаться Марье Петровне! (Лилиной), вскрикивала истерически:

— Ах! Ах! Не надо мне никакого света! — когда во время репетиции режиссер сказал: «Дать свет на Лидию Михайловну!»

Для того чтобы избавиться от присутствия Сластениной и Баташова в спектакле, пришлось вычеркнуть две роли: Риваль и шута.

Есть надежда, что «Мольер» пойдет в середине января.

22 декабря

М.А. днем на репетиции «Мольера». Я в Большом на «Леди Макбет». После спектакля, вместе с Леонтьевым и Дмитриевым, заехали за М.А., купили по дороге шампанского. Следом за нами приехал Мелик-Пашаев. Обедали. Мелик играл на рояле, пел и веселился.

1936

1 января

Новый год встречали у Батурина и Дуловой. Толчея, много незнакомых, оттого невесело.

Небольсин предлагал М.А. вместе писать оперу.

3 января

Вчера на втором представлении «Леди Макбет». Яков Л. прислал машину.

Мелик блистательно дирижирует.

Публика иногда смеется — по поводу сюжета. Иногда — аплодисмент. Особенно — в музыкальных антрактах.

После оперы поехали в Клуб мастеров. У нас за столиком — Дорохин и Станицын. Состав «Леди Макбет» ужинал в соседнем зале. Дорохин угощал шампанским, и мы незаметно выпили три бутылки. М.А. играл со Станицыным на биллиарде. Потом подошли Мелик и Шостакович. Дорохин стал играть на рояле фокстроты, а мы с Меликом танцевали. Яков Л., который по нездоровью не был с нами, прислал за нами машину, и мы отвезли Мелика и Дорохина домой.

Днем была Славянова из Смоленского театра по поводу «Пушкина».

4 января

Сегодня репетиция по «Мольеру» с Немировичем.

Звонил Мелик, звал на «Фауста». Потом — уже после спектакля (мы не пошли) — он опять позвонил и сказал, что дирекция Большого театра просит М.А. прочесть им «Пушкина» и на чтение хотели бы привести Шостаковича.

Поздно вечером звонил Волошин и сказал, что весной Камерный театр поедет в Лондон. М.А. сказал, что Таиров — гений.

5 января

«Тихий Дон» — гастроли Ленинградского оперного театра в филиале.

В первом ряду — Литвинов с дочкой, в ложе правительства — Агранов и Бубнов с женой.

Музыка очень слабая, сюжет скучный, не оперный. Поют плохо. Поставлено еще хуже.

6 января

У нас в два часа — Яков Л., Мутных, Шостакович и Мелик-Пашаев. М.А. читал «Пушкина» (у них мысль об опере).

Шостакович очень вежливо благодарил, сказал, что ему очень понравилось, попросил экземпляр.

Потом обедали.

Шостакович играл из «Светлого ручья» — польку и вальс. Мелик — его вальс «Златые горы».

Д.Д.Шостакович. Рисунок Н.П.Акимова.

7 января

«Пиковая дама» в постановке Мейерхольда. Многое очень понравилось (мгновенное появление графини со свечкой, солдат вносит свечу в казарме, появление черного человека в сцене игры Германа, приезд Николая), но много и безвкусного. Поют плохо.

После театра — Вильямсы, Калужские и мы пошли в шашлычную против Телеграфа, просидели до трех. Там были американцы и неизбежный барон Штейгер с ними. Тейер и Дюброу подошли к нам.

17 января

Только вчера закончила переписку «Скряги». М.А. очень устал, диктовал все это время, правя при этом.

26 января

Вчера по случаю купила М.А. прелестную шубу из американского медведя гризли. Тут же обновили ее — пошли на обед к Ольге Ивановне, у нее муж итальянец, постоянно живет в Москве. Знакомство — через В. Яковлева. Устрицы. Спагетти.

28 января

Сегодня в «Правде» статья без подписи «Сумбур вместо музыки». Разнос «Леди Макбет» Шостаковича. Говорится «о нестройном сумбурном потоке звуков»... Что эта опера — «выражение левацкого уродства»...

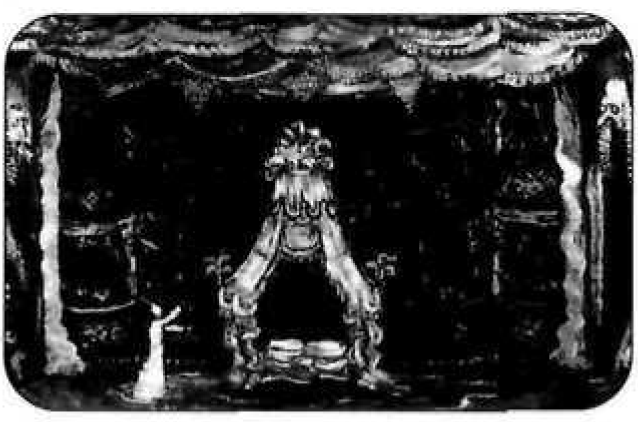
Бедный Шостакович — каково ему теперь будет.

МХАТ, вместо того чтобы платить за просроченного «Мольера», насчитал на М.А. — явно неправильно — 11 800 руб. Придется возиться с этим делом. Это, конечно, выдумка Егорова.

Слух, что будто бы К.С. хотел отделить филиал и выгнать из МХАТа Судакова и что это ему не удалось. Не знаю, правда ли.

В МХАТ назначен красным директором некто Аркадьев.

П.В.Вильямс (автопортрет) и его эскиз декорации к спектаклю МХАТа «Мольер».

6 февраля

Вчера, после многочисленных мучений, была первая генеральная «Мольера», черновая. Без начальства. Я видела только Аркадьева, секретаря ВЦИК Акулова да этого мерзавца Литовского.

Это не тот спектакль, о котором мечталось. Но великолепны Болдуман — Людовик и Бутон — Яншин.

Очень плохи — Коренева (Мадлена — совершенно фальшивые интонации), Подгорный — Одноглазый и Герасимов — «Регистр» (Лагранж).

Вильямс сделал прекрасное оформление, публика аплодировала декорациям. Когда Ларин (Шарлатан) кончил играть на клавесине, прокатился первый аплодисмент по залу. Аплодировали реплике короля: «Посадите, если вам не трудно, на три месяца в тюрьму отца Варфоломея...»

Аплодировали после каждой картины. Шумный успех после конца. М.А. извлекли из вестибюля (он уже уходил) и вытащили на сцену.

Выходил кланяться и Немирович — страшно довольный.

После генеральной обедали с Меликом в шашлычной, а потом поехали в Большой на «Садко» — М.А. очень захотелось музыки.

Поздно вечером Дмитриев.

Закончился день, вернее, поздний вечер, неожиданным приходом Мелика и Якова Л. Мелик играл из «Валькирии». Весело ужинали.

М.А. окончательно решил писать пьесу о Сталине.

Сегодня в «Правде» статья под названием «Балетная фальшь» о «Светлом ручье». Жаль Шостаковича, его вовлекли в халтуру: авторы либретто хотели угодить.

8 февраля

Коля Лямин. После него М.А. говорил, что хочет написать или пьесу или роман «Пречистенка», чтобы вывести эту старую Москву, которая его так раздражает.

Взяли билеты на завтрашнюю генеральную. М.А. пригласил на завтра Тейера, Файмонвилла и Кунихольмов.

9 февраля

Опять успех и большой. Занавес давали раз двадцать. Американцы восхищались и долго благодарили.

11 февраля

Сегодня был первый, закрытый, спектакль «Мольера» — для пролетарского студенчества. Перед спектаклем Немирович произносил какую-то речь — я не слышала, пришла позже. М.А. сказал — «ненужная, нелепая речь».

После конца, кажется, двадцать один занавес. Вызывали автора, М.А. выходил. Ко мне подошел какой-то человек и сказал: «Я узнал случайно, что вы — жена Булгакова. Разрешите мне поцеловать вашу руку и сказать, что мы, студенты, бесконечно счастливы, что опять произведение Булгакова на сцене. Мы его любим и ценим необыкновенно. Просто скажите ему, что это зритель просил передать».

После спектакля нас пригласили пойти в Клуб мастеров — отпраздновать новый спектакль. Пошли: Станицын, мы, Шверубович Дима, Яншин, Вильямс, почему-то Раевский с женой. Было ни весело, ни скучно. Но когда подошли к нашему столу Менделевич и Юрьев — стало хуже. Танцевали.

Сегодня в «Советском искусстве» статья Литовского о «Мольере». Злобой дышит.

Сегодня смотрел «Мольера» секретарь Сталина Поскребышев. Оля, со слов директора, сказала, что ему очень понравился спектакль и что он говорил: «Надо непременно, чтобы И.В. посмотрел».

М.А.БУЛГАКОВ — П.С.ПОПОВУ

Спасибо тебе за вести, дорогой Павел.

«Мольер» вышел. Генеральные были 5-го и 9-го февраля. Говорят об успехе. На обеих пришлось выходить и кланяться, что для меня мучительно.

Сегодня в «Советском искусстве» первая ласточка — рецензия Литовского. О пьесе отзывается неодобрительно, с большой, но по возможности сдерживаемой злобой, об актерах пишет неверно, за одним исключением.

Ивана Васильевича репетируют, но я давно не был в Сатире.

Об Александре Сергеевиче стараюсь не думать, и так велика нагрузка. Кажется, вахтанговцы начинают работу над ним. В МХТ он явно не пойдет.

Мне нездоровится, устал до того, что сейчас ничего делать не могу: сижу, курю и мечтаю о валенках. Но рассиживаться не приходится — вечером еду на спектакль (первый, закрытый).

Обнимаю тебя дружески.

Твой Михаил.

Елена Сергеевна Анне Ильиничне и тебе шлет привет.

14 февраля

Сегодня опять генеральная. Боярский и Керженцев смотрят. М.А. послал билеты Вересаевым.

15 февраля

Генеральная прошла чудесно. Опять столько же занавесов. Значит, публике нравится? А Павел Марков рассказывал, что в антрактах критики Крути, Фельдман и Загорский ругали пьесу.

16 февраля

Итак, премьера «Мольера» прошла. Сколько лет мы ее ждали! Зал был, как говорит Мольер, нашпигован знатными людьми. Тут и Акулов, и Керженцев, Литвинов и Межлаук, Могильный, Рыков, Гай, Боярский... Не могу вспомнить всех. Кроме того, вся масса публики была какая-то отобранная, масса профессоров, докторов, актеров, писателей. Афиногенов слушал очень внимательно, а в конце много аплодировал, подняв руки и оглядываясь на нашу ложу.

В антракте дирекция пригласила пить чай, там были все сливки, исключая, конечно, правительственных.

Успех громадный. Занавес давали, по счету за кулисами, двадцать два раза. Очень вызывали автора.

В нашу ложу мы пригласили Арендта, Ермолинских и Ляминых.

После спектакля мы долго ждали М.А., так как за кулисами его задержали. Туда пришел Акулов, говорил, что спектакль превосходен, но — спросил он М.А. — «поймет ли, подходит ли он для советского зрителя?»

Сегодня в 4.30 были по приглашению из посольства у американского посла. Он только что вернулся из Америки. Гости — дипломатический корпус, немного русских. Был Буденный в новой форме — в длинных брюках.

Буллит, как всегда, очень любезен, расспрашивал о «Мольере», просил его позвать на спектакль. Фильм — «Бенвенуто Челлини».

17 февраля

В подвале «Вечерки» ругательная рецензия некоего Рокотова — в адрес М.А.

Обедали у Ермолинских.

Короткая неодобрительная статья в газете «За индустриализацию».

Вечером — второй спектакль «Мольера» (я не пошла) — восемнадцать занавесов.

18 февраля

М.А. поехал в МХАТ по вызову Аркадьева — для разговора. Я — в Большой на «Фауста». М.А. приехал туда часов в десять, рассказывал: разговор, над чем будет М.А. теперь работать? — М.А. ответил, что единственная тема, которая его сейчас интересует, это о Сталине. Аркадьев обещал достать нужные материалы. М.А. не верит этому.

После «Фауста» поехали с Меликом к нам ужинать.

19 февраля

Опять у Буллита — кино, буфет, дипломатический корпус. Буллит был в пиджаке, не в визитке, как в прошлый раз. Картина очень хорошая. Комедия об американцах, о том, как англичанин-слуга остался в Америке, очарованный американцами и их жизнью.

Американцы очень милы. Кунихольмы пригласили вечером обедать.

Кроме нас из русских — только художник Кончаловский с женой. Была дочка французского посла, m-elle Альфан, очень хорошенькая и привлекательная. Худенькая блондинка в кудряшках, в клетчатом вечернем платье из тафты. Дюброу показывал кино — он сам снимал — путешествие свое в Америку.

21 февраля

Общественный просмотр «Мольера». Был Буллит, но не смог досмотреть четвертого акта, так как был приглашен к Литвинову. За чаем в антракте (Буллит, Хенниссен — муж и жена, Дюброу и я) Буллит необычайно хвалебно говорил о пьесе, о М.А. вообще, называл его мастером.

Успех. Столько же занавесов — около двадцати.

После спектакля Мелик пригласил нас в шашлычную, где угощал с чисто восточным гостеприимством — страшно широко. Хохотали, пили чачу и веселились от души.

22 февраля

Хорошо провели день. Дюброу отвез нас в машине на американскую дачу. Ходили на лыжах, спускались с гор.

Сегодня юбилей Немировичского театра. Оленька-бедняга переживает: Вл. Ив. не дали ордена (гробовым голосом сказала).

Советовала послать ему цветы. Ну, это уж ни к чему. Послала от имени М.А. телеграмму.

24 февраля

Дневной спектакль «Мольера». Мы с М.А. поехали к концу спектакля.

Афиша спектакля «Мольер» («Кабала святош») во МХАТе. 1936.
В.Я.Станицын — Мольер. Б.Н.Ливанов — Муаррон.

В мхатовской газете «Горьковец» отрицательные отзывы о «Мольере» Афиногенова, Всеволода Иванова, Олеши и Грибкова, который пишет, что пьеса «лишняя на советской сцене».

Спектакль имеет оглушительный успех. Сегодня бесчисленное количество занавесов.

Болдуман сказал, что его снимают с роли из-за параллельных «Врагов».

Лучший исполнитель в спектакле!

27 февраля

Ужасное настроение — реакция после «Мольера».

Занималась делами, писала деловые письма. Оказывается, что «Maison moderne» — это перевод «Зойкиной квартиры». Очень много раз и из-за границы и из Союза запрашивали: что это за новая пьеса Булгакова — «Новый дом»? Мы все не понимали.

Фишер прислал для подписи бюллетень. М.А. отказался подписать — неизвестно, какая труппа играет, как переведено?

Много звонков — просят билеты на «Мольера».

Актер Волошин позвонил и попросил две тысячи взаймы. Теперь пойдут такие просьбы. А у нас долгу семнадцать тысяч и ни копейки на текущем счету — жили на авансы.

В Японии — кровавые события, заговорщики-фашисты убили нескольких министров.

Умер Павлов.

2 марта

Сенсация театральной Москвы — гибель театра Ивана Берсенева. Правительственное постановление о ликвидации его театра написано в очень суровых тонах.

Театр назван «посредственным». Сказано, что он неправильно носил название «Второго МХАТа».

Очевидно, Берсенев сделал какую-то крупную ошибку. Кто-то рассказывал М.А., что на последнем их спектакле публика бросала цветы на сцену, некоторые плакали, плакал и сам Берсенев.

В «Правде» одна статья за другой, один за другим летят вверх тормашками. Попало даже Голованову, попало даже Леве Книпперу. В статье о МХАТе-II плохими пьесами названы «Земля и небо» (пьеса братьев Тур), пьеса Микитенко и даже «Чудак» Афиногенова!

А сегодня хлопнули Сергея Шервинского. И поделом. Он написал мерзейшую книжку и притом подхалимскую.

Вчера с М.А. были у вахтанговцев на пьесе «Трус». Дурно, и тоже подхалимство.

К М.А. подошел Л.Славин и выразил свое восхищение «Мольером». Редкий случай с писателями.

Сегодня оттепель, весенний день.

4 марта

Позвонил Яков Л. и сказал, что Мелик упал, повредил ногу.

Вечером у Егорова в кабинете выясняли денежные дела. МХАТ требует возвращения трех тысяч за «Бег» на том основании, что он запрещен. «Покажите запрещение», — говорю.

Потом — к концу спектакля — попали на «Мольера». Театр полон. В правительственной ложе, в полутьме, видели Литовского, который что-то писал.

Занавес давали много раз. М.А. выходил кланяться.

Сегодня в газете объявлен конкурс на учебник по истории СССР. М.А. сказал, что он хочет писать учебник — надо приготовить материалы, учебники, атласы.

5 марта

Оказывается, Мелик сломал ногу около Художественного театра. М.А. в шутку сказал: «Так ему и надо. Свидание у вас было назначено там?»

Послали ему телеграмму, получили ответ.

М.А. начал работу над учебником.

6 марта

Вечером с Яковом Л. навещали Мелика. Он очень обрадовался, угощал апельсинами, сластями.

Когда возвращались — пешком — у Художественного театра видели, как прошли Берсенев и Гиацинтова. Он крикнул нам «здравствуйте!» — мне очень хотелось остановиться, подойти, сказать что-нибудь сочувственное, но М.А. и Яков меня удержали, сказали, что это только хуже растравлять их рану.

Сегодня должно было быть свидание у М.А. с Аркадьевым, но почему-то было отменено.

9 марта

В «Правде» статья «Внешний блеск и фальшивое содержание», без подписи.

Когда прочитали, М.А. сказал: «Конец «Мольеру», конец «Ивану Васильевичу».

Днем пошли во МХАТ — «Мольера» сняли, завтра не пойдет.

Другие лица.

Вечером звонок Феди: «Надо Мише оправдываться письмом». — В чем? М.А. не будет такого письма писать.

Потом пришли Оля, Калужский и — поздно — Горчаков. То же самое — письмо.

И то же — по телефону — Марков.

Все дружно одно и то же — оправдываться.

Не будет М.А. оправдываться. Не в чем ему оправдываться.

10 марта

В «Литературной газете» статья Алперса. Ляганье. Теперь выясняется, что уже с первых чисел марта поползли слухи, что «Мольера» снимут.

Явно снимают и «Ивана Васильевича».

11 марта

Горчаков звал на сегодняшнюю репетицию «Ивана Васильевича». Зачем себя мучить?

Театр мечется, боится ставить. Спектакль был уже объявлен на афише, и, кажется, даже билеты продавались.

В «Советском искусстве» сегодня «Мольер» назван убогой и лживой пьесой.

Как жить? Как дальше работать М.А.?

12 марта

Письмо от Вересаева, очень доброе.

Вечером с Яковом Л. навещали Мелика.

М.А.БУЛГАКОВ — В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Сейчас, дорогой Викентий Викентьевич, получил Ваше письмо и был душевно тронут! Удар очень серьезен. По вчерашним моим сведениям, кроме «Мольера», у меня снимут совсем готовую к выпуску в театре Сатиры комедию «Иван Васильевич».

Дальнейшее мне неясно.

Серьезно благодарю Вас за письмо, дружески обнимаю...

Ваш М.Булгаков.

14 марта

В 4 часа 30 мин. были опять званы к Буллиту. Решили не идти, не хочется выслушивать сочувствий, расспросов.

Вечером в Большом на «Наталке-Полтавке». Киевские гастроли оперные.

Сидели в директорской ложе у самой авансцены, ложа была битком набита. Перед началом второго действия в правительственной ложе — напротив — появились Сталин, Молотов и Орджоникидзе.

После окончания — на сцене собрались все исполнители и устроили овацию Сталину, в которой принял участие затем и весь театр. Сталин махал приветственно рукой актерам, аплодировал.

15 марта

Звонок. М.А. вызывает Керженцев.

— Можете ли, М.А., сейчас приехать?

— Сейчас? Я хотел сейчас пообедать.

Перенесли на завтра на 10.30 утра. Зачем?

16 марта

В новом здании в Охотном ряду, по пропускам, поднялись вверх. После некоторого ожидания М.А. пригласили в кабинет. Говорили они там часа полтора.

Керженцев критиковал «Мольера» и «Пушкина». Тут М.А. понял, что и «Пушкина» снимут с репетиций.

М.А. показал Керженцеву фотограмму отзыва (очень лестного) Горького о «Мольере». Но вообще не спорил о качестве пьесы, ни на что не жаловался, ни о чем не просил.

Тогда Керженцев задал вопрос о будущих планах. М.А. сказал о пьесе о Сталине и о работе над учебником.

Бессмысленная встреча.

18 марта

В «Советском искусстве» от 17 марта скверная по тону заметка о «Пушкине».

М.А. позвонил Вересаеву, предлагал послать письмо в редакцию о том, что пьеса подписана одним Булгаковым, чтобы избавить Вересаева от нападок, но Вик. Вик. сказал, что это не нужно.

19 марта

На сегодня были званы на вечер к французскому послу, но не поехали — все по той же причине — не хочется расспросов.

28 марта

Были в 4.30 у Буллита. Американцы — и он тоже в том числе — были еще милее, чем всегда.

Н.М.Горчаков.

Дочка норвежского посла говорила, что «Турбиных» готовят в Норвегии и что они шли в Лондоне.

Другая — ее сестра — говорила, что смотрела «Турбиных» в Москве двадцать два раза.

Дочка Альфана сказала М.А.:

— Вы у нас не были...

М.А. ответил, что очень сожалеет, что болезнь помешала прийти.

3 апреля

Арестовали Колю Лямина.

5 апреля

М.А. диктует исправления к «Ивану Васильевичу».

Несколько дней назад Театр сатиры пригласил для переговоров. Они хотят выпускать пьесу, но боятся неизвестно чего. Просили о поправках. Горчаков придумал бог знает что: ввести в комедию пионерку, положительную. М.А. наотрез отказался. Идти по этой дешевой линии!

Заключили договор на аванс. Без этого нельзя было бы работать, в доме нет ни копейки. Всероскомдрам, конечно, немедленно отказался от выдачи денег.

А МХАТ замучил требованиями возврата денег по «Бегу».

В МХАТе перемены, в том числе и в литчасти.

12 апреля

Вчера были на концерте у американского посла. Все мужчины во фраках. М.А. — в черном пиджаке.

Пел тенор Радамский, американский подданный. Потом его жена. Оба пели плохо. Прокофьев играл двенадцать детских пьес, прелестных.

Ужинали, a là fourchette, столы были накрыты в трех местах.

Как всегда, американцы удивительно милы к нам. Буллит уговаривал не уезжать, остаться слушать еще Прокофьева, но мы уехали в третьем часу на машине, которую нам предложил Кеннан.

17 апреля

Новый завлит в МХАТе Рафалович позвонил к М.А., просит прийти завтра в Театр, говорить о «Мольере».

18 апреля

М.А. с Рафаловичем и Горчаковым говорил о «Мольере». Хотят возобновить спектакли. Просят небольших поправок — смягчить по линии кровосмесительства. Париж стоит обедни. М.А. думает согласиться на поправки.

Вечером у нас были Кунихольмы, Кеннан и Дмитриев. Разговор больше всего о Чехове, которого Кеннан изучает. М.А. подарил Кеннану конверт, адресованный Чехову, веточку из его сада в Аутке и маленький список книг, написанный характерным бисерным почерком Чехова. Все это М.А. получил в подарок от Марьи Павловны, когда был на даче в Аутке, если не ошибаюсь, в 1929 году.

В Театре уже говорят о возобновлении «Мольера», о том, что поспешили с его снятием. Лица неузнаваемы.

11 мая

Репетиция «Ивана Васильевича» в гримах и костюмах. Без публики. По безвкусию и безобразию это редкостная постановка. Горчаков почему-то испугался, что роль Милославского (блестящий вор — как его задумал М.А.) слишком обаятельна и велел Полю сделать грим какого-то поросенка рыжего, с дефективными ушами. Хорошо играют Курихин и Кара-Дмитриев. Да, слабый, слабый режиссер Горчаков. И к тому же трус.

13 мая

Генеральная без публики «Ивана Васильевича». (И это бывает — конечно, не у всех драматургов!) Впечатление от спектакля такое же безотрадное. Смотрели спектакль (кроме нашей семьи — М.А., Евгений и Сергей, Екатерина Ивановна и я) — Боярский, Ангаров из ЦК партии, и к концу пьесы, даже не снимая пальто, держа в руках фуражку и портфель, вошел в зал Фурер, — кажется, он из МК партии.

Немедленно после спектакля пьеса была запрещена. Горчаков передал, что Фурер тут же сказал:

— Ставить не советую.

19 мая

Приехал Русланов с просьбой — нельзя ли сделать изменения в «Пушкине».

М.А. *категорически* отказался. М.А. дал согласие в МХАТе сделать перевод «Виндзорских проказниц» и вообще шекспириану сделать наподобие мольерианы в «Полоумном Журдене».

Очень грустно, что М.А. должен подписать этот договор. Но нам нужны деньги на поездку в Киев, иначе без отдыха М.А. пропадет при такой жизни.

12 июня

Сегодня приехали из Киева. Утешающее впечатление от города. Мы жили в «Континентале». Портили только дожди. «Турбиных» играют без петлюровской сцены.

Какой-то тип распространил ни с того ни с сего слух, что «Турбиных» снимают, отравив нам этим сутки. В первый раз их сыграли четвертого.

Когда ехали обратно, купили номер журнала «Театр и драматургия» в поезде. В передовой — «Мольер» назван «низкопробной фальшивкой». Потом — еще несколько мерзостей, в том числе очень некрасивая выходка Мейерхольда в адрес М.А. А как Мейерхольд просил у М.А. пьесу — каждую, которую М.А. писал.

14 июня

М.А.БУЛГАКОВ — С.А.ЕРМОЛИНСКОМУ

По возвращении в тощей пачке писем нашел, к большому удовольствию, твое, дорогой Сережа!

Привет Марике и тебе!

Синоп ты описал чудесно, и мне мучительно хочется увидеть море.

Киев настолько ослепителен, что у меня родилось желание покинуть Москву, переселиться, чтобы дожить жизнь над Днепром.

Надо полагать, что это временная вспышка, порожденная сознанием безвыходности положения, сознанием, истерзавшим и Люсю и меня.

Интереснейшая реакция получилась, когда я сказал о своем проекте кое-кому из МХАТа. У всех одинаково: взор диковатый, встревоженный; и полное неодобрение. Как будто я сказал что-то даже неприличное. С большим интересом я наблюдал собеседников!

О гастролях писать не хочется, устал от театра. «Турбиных» привезли и играют без петлюровской картины.

Марков сказал Люсе, что в прессе о «Турбиных» решено не писать.

Одну гастрольную сценку, впрочем, опишу я.

В Управлении по охране авторских прав (Киевском) я условился о получении аванса. Все было согласовано с очаровательною любезностью. Приходите такого-то числа, кроме того, такой-то вас известит. Очень хорошо.

Однако такой-то такого-то числа не известил. Приходим на следующий день. Что за оказия. Не те лица. То есть люди те же, но лица у них перевернутые. А где такой-то?

Заболел.

Жаль, но пожалуйте обещанные деньги. Во взорах — мрак!

Наконец выдавливают из себя фразу:

— Верно ли, что «Турбиных» снимают?

Вздрогнул. Что отвечать? Что? Что это вздор? А «Мольер»?

Говорю, что слышу об этом впервые, но полагаю, что этого быть не может.

Денег, как сам понимаешь, в тот день я не получил.

Просили прийти завтра.

Приходим на другой день. Опять метаморфоза! Все на месте. Ясные лица, приветливые глаза. Пожалуйте в кассу, распишитесь и прочее. Заболевший выздоровел.

Спрашиваю — кто распустил дрянной слух?

Киев. Андреевский спуск.

Жмутся. Говорю, что хотелось бы полюбоваться на автора этой работы.

Улыбки.

— Да вы только что на него полюбовались! Вы с ним разговаривали. Хи-хи!

Вспоминаю. Перед самым получением подходит в коридоре ко мне жуткий симпатяга.

— Позвольте познакомиться с вами, товарищ Булгаков. Я в таком восхищении от «Турбиных», что хотел подойти к вам на спектакле, да момента не мог улучить. Ах, какая чудная пьеса! Ах...

Комплименты, рукопожатия и прочая чушь собачья. Спрашиваю, с кем имею удовольствие. Оказывается, литератор, фамилия неразборчива, написал «Укразию».

Выражаю чувство огорчения, что не знаю этой вещи.

Симпатяга, окатив меня на прощание комплиментами, смывается. Оказывается, что это он явился в УЗАП и соврал, что «Турбиных» снимают. Из-за него шептались, бегали, ездили проверять.

Ушли мы. Люся сказала:

— Так жить больше нельзя.

Когда поезд отошел и я, быть может, в последний раз глянул на Днепр, вошел в купе книгоноша, продал Люсе «Театр и драматургию» № 4.

Вижу, что она бледнеет, читая. На каждом шагу про меня. Но что пишут!

Особенную гнусность отмочил Мейерхольд. Этот человек беспринципен настолько, что чудится, будто на нем нет штанов. Он ходит по белу свету в подштанниках.

Да, она права. Так жить больше нельзя, и так жить я не буду.

Я все думаю и выдумаю что-нибудь, какою бы ценою мне ни пришлось за это заплатить.

Люся целует Марику и тебя, шлет дружеские приветы. Я также.

Когда приедете?

Твой Михаил.

16 июня

Композитор Б.Асафьев — с предложением писать либретто (а он — музыку) оперы «Минин и Пожарский». Это — сватовство Дмитриева.

М.А. говорил с Асафьевым уклончиво — Асафьев вообще понравился ему — он очень умен, остер, зол. Но после ухода Асафьева сказал, что писать не будет, не верит ни во что.

17 июня

Днем — Самосуд, худрук Большого театра, с Асафьевым. Самосуд, картавый, остроумный, напористый, как-то сумел расположить к себе М.А., тут же, не давая опомниться М.А., увез нас на своей машине в дирекцию Большого театра, и тут же подписали договор.

26 июля

Завтра мы уезжаем из Москвы в Синоп под Сухумом.

«Минин» закончен. М.А. написал его ровно в месяц, в дикую жару.

Асафьеву либретто чрезвычайно понравилось. Он обещает немедленно начать писать музыку.

17 августа

М.А.БУЛГАКОВ — Я.Л.ЛЕОНТЬЕВУ

Сухум, гостиница «Синоп».

Дорогой Яков Леонтьевич!

Чувствую, что бедная моя голова отдохнула. Начинаю беседовать с друзьями, о которых вспоминаю с нежностью. <...>

Засим: «Синоп» — прекрасная гостиница. Отдохнуть здесь можно очень хорошо. Парк. Биллиард. Балконы. Море близко. Просторно. Чисто. Есть один минус — еда. Скучно. Однообразно. Согласитесь сами, что нисколько не утешают таинственные слова в карточке — цвыбель клопс, беф Строганов, штуфт, лангет пикан и прочее. Под всеми этими словами кроется одно и то же — чушь собачья. А многие, в том числе и я, принимают иноземцевы капли и кормят их рисовой кашей и киселем из черники.

Все остальное хорошо. Не нравится здесь немногим. Но в числе их сестренка Ольга. Въехала она сюда с таким грохотом, что даже я, при всей моей фантазии, изумился. И теперь с утра до вечера кроет последними словами побережье. И горы, и небо, и воздух, и магнолии, и кипарисы, и Женю за то, что привез ее сюда, и балкон за то, что возле него пальма. Говорит, что всех надо выселить отсюда, а устроить цитрусовые плантации. Словом, ей ничего не нравится, кроме Немировича. Начала она с того, что едва не утонула. И если бы Ершов, как был в одежде, не бросился в воду и не вытащил ее, неувязка была бы крупная. Люся чувствует себя хорошо, чему я очень рад. Наша жизнь трудная, и я счастлив буду, если она наберет здесь сил.

Первое время я ничего не читал, старался ни о чем не думать, все забыть, а теперь взялся за перевод «Виндзорских» для МХАТа. Кстати о МХАТе. Оттуда поразительные вести. Кумовья и благодетели показывают там такой класс, что можно рот разинуть. Но об этом как-нибудь при свидании. Люся мне говорит — ты — пророк!

Ах, дорогой Яков Леонтьевич, что-то будет со мною осенью? К гадалке пойти, что ли?

Что с «Мининым»? Я Асафьеву послал в письме маленькое дополнение к одной из картин. Работает ли он?

Мы собираемся выехать отсюда 27—28.08-го через Тифлис — Владикавказ (Орджоникидзе).

Ежели успеете написать мне сюда, обрадуете. Люся посылает всем вашим самые теплые, дружеские приветы. Не забывайте!

Ваш М.Булгаков.

Черновик либретто оперы «Минин и Пожарский».

1 сентября

Сегодня прилетели в Москву с Кавказа. Разбита после самолета. Вылетели из Владикавказа в пять часов утра, в пять часов вечера обедали дома. М.А. перенес полет великолепно, с аппетитом поглощал пирожки и фрукты.

Конец пребывания в Синопе был испорчен Горчаковым. (В Синопе были: Горчаков, Марков, Вильямсы, Калужский с Олей, Ершов с женой.) Выяснилось, что Горчаков хочет уговорить М.А. написать не то две, не то три новых картины к «Мольеру». М.А. отказался: «Запятой не переставлю».

Затем произошел разговор о «Виндзорских», которых М.А. уже начал там переводить. Горчаков сказал, что М.А. будет делать перевод впустую, если он, Горчаков, не будет давать установки, как переводить.

— Хохмочки надо туда насовать!.. Вы чересчур целомудренны, мэтр... Хи-хи-хи...

На другой же день М.А. сказал Горчакову, что он от перевода и вообще от работы над «Виндзорскими» отказывается. Злоба Горчакова.

Разговор с Марковым. Тот сказал, что Театр может охранить перевод от посягательств Горчакова.

— Все это вранье. Ни от чего Театр меня охранить не может.

М.А. бросил работу. Мы уехали в Тифлис. Ездили на машине по Военно-Грузинской дороге. Были во Владикавказе, где когда-то так мучился М.А.

И вернулись в Москву.

9 сентября

Что предпринять М.А.?

Аркадьев — в Вене.

Из МХАТа М.А. хочет уходить. После гибели «Мольера» М.А. там тяжело.

— Кладбище моих пьес.

Иногда М.А. тоскует, что бросил роль в «Пиквике». Думает, что лучше было бы остаться в актерском цехе, чтобы избавиться от всех измывательств Горчакова и прочих.

Вечером — композитор Потоцкий и режиссер Большого театра Шарашидзе Тициан. Пришли с просьбой — не переделает ли М.А. либретто оперы Потоцкого «Прорыв». М.А., конечно, отказался. Потоцкий впал в уныние. Стали просить о новом либретто.

Потоцкий играл фрагменты из «Прорыва».

Ужинали.

А.Д.Дикий. 1936.

14 сентября

Днем М.А. был у Аркадьева. Тягостный разговор. Аркадьев все время возвращался к «Виндзорским», настаивал, чтобы М.А. продолжал работу.

Вечером М.А. зажег свечи, стал просматривать «Виндзорских», что-то записывать.

Поздно вечером приехали: совсем больной, простуженный Самосуд, Шарашидзе и Потоцкий — «на полчаса». Сидели до трех часов ночи.

Самосуд:

— Ну, когда приедете писать договор — завтра? Послезавтра?

Это его манера так уговаривать. Сказал, что если М.А. не возьмется писать либретто, то он не поставит оперы Потоцкого.

М.А. в разговоре сказал, что, может быть, он расстанется с МХАТом.

Самосуд:

— Мы вас возьмем на любую должность. Хотите — тенором?

В половине третьего звонил Яков Л. — играет где-то на бильярде с Мутныхом. Приветы.

Хороша мысль Самосуда:

— В опере важен не текст, а идея текста. Тенор может петь длинную арию: «Люблю тебя... люблю тебя...» — и так без конца, варьируя два-три слова.

Асафьев, кажется, сделал уже часть работы, потом заболел. Теперь его ждут сюда.

15 сентября

Сегодня утром М.А. написал письмо Аркадьеву, в котором отказывается и от службы в Театре, и от работы над «Виндзорскими». Кроме того — заявление в дирекцию. Поехали в Театр, оста-

вили письмо курьерше. Теперь М.А. волнуется, что она забудет передать его.

Видели Рафаловича. Он был ошеломлен сообщением М.А. об уходе...

М.А. говорил мне, что это письмо в МХАТ он написал «с каким-то даже сладострастием».

Теперь остается решить, что делать с Большим театром. М.А. говорит, что он не может оставаться в безвоздушном пространстве, что ему нужна окружающая среда, лучше всего — театральная. И что в Большом его привлекает музыка. Но что касается сюжета либретто... Такого ясного сюжета, на который можно было бы написать оперу, касающуюся Перекопа, у него нет. А это, по-видимому, единственная тема, которая сейчас интересует Самосуда.

25 сентября

Были у Потоцких. Он играл свои вещи. Слабо. Третий сорт.

1 октября

Договоры относительно работы в Большом и либретто «Черного моря» для Потоцкого подписаны.

Сегодня М.А. повез в театр заключения по поводу одного либретто и пьесы, которые ему дали для прочтения.

2 октября

Звонила Екатерина Георгиевна, Мелика — мать, что Мелик нездоров, что у него Шапорин, не приедет ли М.А. для переговоров? М.А. сказал, что приехать не может, попросил Шапорина приехать завтра к нам.

М.А.БУЛГАКОВ — В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Дорогой Викентий Викентьевич!

Надеюсь, что Вы чувствуете себя хорошо и летом отдохнули?

Мне удалось провести месяц на Черном море. К сожалению, Елена Сергеевна съездила со мною неудачно. Привезла с юга какую-то инфекцию и хворает целый месяц. Теперь ей лучше, и я понемногу начинаю разбираться в хаосе, получившемся после моего драматургического разгрома.

Из Художественного театра я ушел. Мне тяжело работать там, где погубили «Мольера». Договор на перевод «Виндзорских» я выполнять отказался.

Тесно мне стало в проезде Художественного театра, довольно фокусничали со мной.

Теперь я буду заниматься сочинением оперных либретто. Что ж, либретто так либретто!

В этом письме посылаю Вам справку Киевского театра о том, что налог с Вас удержан. Мир праху Пушкина и мир нам. Я не буду тревожить его, пусть и он меня не тревожит.

Переписка Чехова с Книппер нашлась. Принесу ее Вам вместе с другими книгами и моим долгом, как только Елена Сергеевна поправится. Она приведет в порядок финансы, а то

«Виндзорские» повисли на шее — надо вернуть деньги по договору.

Обнимая Вас, желаю плодотворной работы.

Ваш М.Булгаков.

3 октября

Шапорин у нас. Играл свою оперу «Декабристы», рассказывал свои злоключения, связанные с либретто, которое писал Алексей Толстой. Шапорин приехал просить М.А. исправить либретто. М.А. отказался входить в чужую работу, но сказал, что как консультант Большого театра он поможет советом.

5 октября

Звонил Уманский из Литературного агентства: «Мертвые души» куплены на все англоговорящие страны. «Турбины» проданы в Норвегию. Кроме того, «Турбины» пойдут в этом сезоне в Лондоне, — последнее он прочитал в заметке в одной английской газете.

Днем зашли к нему в агентство. Он показал заметку, которую он называет «неприятной». В ней сообщается, что пьеса вначале была запрещена цензурой и как потом она была возобновлена.

Сегодня десять лет со дня премьеры «Турбиных». Они пошли 5 октября 1926 года.

М.А. настроен тяжело. Нечего и говорить, что в Театре даже и не подумали отметить этот день.

Мучительные мысли у М.А. — ему нельзя работать.

М.А.БУЛГАКОВ — П.С.ПОПОВУ

Здорово, Павел!

<...> У меня была страшная кутерьма, мучения, размышления, которые кончились тем, что я подал в отставку в Художественном Театре и разорвал договор на перевод «Виндзорских».

Довольно! Все должно иметь свой предел.

Позвони, Павел! Сговоримся, заходи ко мне. Я по тебе соскучился. Елена Сергеевна долго хворала, но теперь поправляется.

Прикажи вынуть из своего погреба бутылку Клико, выпей за здоровье «Дней Турбиных», сегодня пьеса справляет свой десятилетний юбилей. Снимаю перед старухой свою засаленную писательскую ермолку, жена меня поздравляет, в чем и весь юбилей.

Передай Анне Ильиничне от Елены Сергеевны и от меня привет, позвони, напиши или зайди.

Твой М.Б.

7 октября

Кеннан около одиннадцати вечера заехал за нами на машине. Я не поехала. М.А. потом рассказывал, что был профессор Чикагского университета, сестра Тейера и еще два-три американца. Ужинали при свечах. Расспрашивали М.А., над чем он работает, говорили о Пушкине, о Шекспире.

9 октября

Поехали с М.А. на Поварскую в Союз писателей платить членские взносы. Неожиданно М.А. решил зайти к Ставскому — секретарю ССП. Разговор о положении М.А. Ставский тут же записывал на блокноте: «Турбины»... «Мольер»... «Пушкин»...

Ни черта из этого не выйдет. Ставский — чиновник, неискренний до мозга костей. Да и не возьмет он ничего на себя!

14 октября

Вечером звонок в передней. На пороге Ставский с шляпой М.А. в руках — они случайно в ложе филиала Большого обменялись шляпами...

Охотно снял пальто, вошел. Разговор. Этот разговор печален и ужасен. По подтексту своему, конечно.

М.А. сказал, что в отечестве ему не дают возможности работать, все вещи его запрещаются.

Ставский сказал, что где-то кто-то будет обсуждать произведения М.А.

Вся его речь состоит из уверток, отписок и хитростей.

17 октября

Телеграмма Асафьева — он кончил «Минина». Радость М.А.

2 ноября

Днем генеральная «Богатырей» в Камерном. Стыдный спектакль.

13 ноября

Проводила М.А. на прием в Спасо-Песковский, к Буллиту. М.А. потом рассказывал: к нему подошел какой-то человек с бородкой, заговорил по-французски. М.А. отвечал ему по-французски же, но сказал, что он — русский. Тот удалился в растерянности.

Потом Аросев (председатель ВОКСа), во время кино сидевший рядом с М.А., сказал, что этот с бородкой — Барков, заведующий Протокольным отделом Наркоминдела.

14 ноября

В газете — постановление Комитета по делам искусств: «Богатыри» снимаются. «...За глумление над крещением Руси...», в частности.

— Таиров лежит с капустным листом на голове, уверяю тебя.

15 ноября

Были на «Бахчисарайском фонтане». После спектакля М.А. остался на торжественный вечер. Самосуд предложил ему рассказать Керженцеву содержание «Минина», и до половины третьего ночи в кабинете при ложе дирекции М.А. рассказывал Керженцеву не только «Минина», но и «Черное море».

Асафьев ни сам не едет, ни клавира не шлет, чем весьма портит дело. Не хватало еще этих волнений М.А.

17 ноября

Прием у военного атташе Файмонвилла в доме американского посла. Два фильма. Первый, по Уэллсу, — «Грядущее» («Future») — о будущей войне. Начало очень сильное, конец — надуманный, неубедительный. Вторая картина — Мелодии Бродвея 1936 года — веселая комедия с обворожительной танцовщицей в главной роли.

После этого поехали в филиал на премьеру «Свадьба Фигаро». Дирижер — Штидри — первоклассный.

После спектакля Керженцев подошел к М.А. и сказал, что он сомневается в «Черном море».

В театр из посольства нас вез Афиногенов. Усердно расспрашивал М.А., как он себя чувствует и над чем работает.

18 ноября

В прессе — скандал с Таировым и «Богатырями». Литовский не угадал: до этого он написал подхалимскую рецензию, восхваляющую спектакль. Не обошлось и без Булгакова. Тут же вспомнили «Багровый остров»...

Вечером Потоцкий и Шарашидзе. М.А. читал им «Черное море». Потоцкому понравилось.

19 ноября

Билеты на премьеру «Флорисдорфа» у вахтанговцев. Не пошли (также не ходили по прошлому приглашению — на генеральную «Много шума из ничего»). Не обиделись бы они.

Вечером М.А. играл в шахматы с Топлениновым. Позвонил Яков Леонтьевич и сказал, что Керженцев говорил в правительственной ложе о «Минине» и это было встречено одобрительно.

Между прочим, я вспомнила, что вскоре после снятия «Мольера» Яков Л. рассказывал со слов своего друга Могильного: будто Сталин сказал: «Что это опять у Булгакова пьесу сняли? Жаль — талантливый автор».

Весьма вероятно. Иначе трудно объяснить все эти разговоры и предложения возобновления.

Но где же клавир?

Что делает Асафьев?!

20 ноября

Опять в газетах о М.А., о «Багровом острове».

Вечером премьера «Кармен» в Большом. Дирижировал Клейбер. Очень сух, по-немецки сдержан.

И.Ильф (справа) и Е.Петров. Середина 1930-х годов.

Декорации Дмитриева хороши, особенно первая картина. Сначала-то у Дмитриева было задумано гораздо интереснее — все в черных, серых и красных тонах. Но Керженцеву — и главное его жене (присутствовавшей при разговоре!) не понравилось. Отсюда — компромисс Дмитриева, жизнерадостное решение.

22 ноября

Массируемся ежедневно, это помогает нашим нервам.
Разговариваем о своей страшной жизни, читаем газеты...
Вечером М.А. в Большом, я — у Женюшки, он нездоров.

24 ноября

Вчера вечером Бухов пригласил М.А. играть в шахматы. Я — у Вильямсов. Оттуда пошли компанией (Л.Орлова, Григ. Александров, оба Вильямсы, Шебалин и я) в «Метрополь». За ужином у нас, трех дам, был спор: у кого жизнь труднее.

25 ноября

Открытие съезда Советов. Около половины шестого — гул по радио из нижней квартиры: имя Сталина принималось овацией. Начало его выступления — тоже овация.

Вечером на «Тихом Доне». М.А. передал Самосуду записку о «Руслане».

26 ноября

Вечером у нас: Ильф с женой, Петров с женой и Ермолинские. За ужином уговорили М.А. почитать «Минина», М.А. прочитал два акта. Ильф и Петров — они не только прекрасные писатели. Но и прекрасные люди. Порядочны, доброжелательны, писательски, да, наверно, и жизненно — честны, умны и остроумны.

Во время пельменей позвонил Мелик и сообщил, что он, по-видимому, поедет 28-го в Ленинград к Асафьеву — его командирует дирекция для прослушивания музыки к «Минину». Подговаривал М.А. ехать тоже, советовал поговорить об этом в Театре.

27 ноября

Думали провести тихо вечер — неожиданно позвонил и приехал Мелик, вслед за ним Ермолинский. Сидели до трех часов и даже пили шампанское, привезенное Меликом.

28 ноября

За обедом позвонил Яков Л. Сказал, что дирекция командирует в Ленинград для слушания «Минина» М.А. и Мелика.

М.А. — по желанию Асафьева. Сегодня «Красной стрелой» они и уехали. Первая разлука с М.А. (с тридцать второго года).

29 ноября

Послала М.А. телеграмму. Ночью, в два часа, он позвонил по телефону. Сказал, что музыка хороша, есть места очень сильные. Что поездка неприятная, погода отвратительная, город в этот раз не нравится.

Клавир перешлет Асафьев через несколько дней, он печатается в Ленинграде.

30 ноября

Послала М.А. две шуточных телеграммы.

Без него дома пусто.

Звонили Вильямсы, звали покутить. Нет настроения. Утром поеду на вокзал — встречать М.А.

1 декабря

Приехал. Ленинград произвел на него удручающее впечатление (на Мелика тоже). Публика какая-то обветшалая, провинциальная.

Исключительно не понравились в этот приезд Радловы. Хозяин пришел домой, когда они уже были (по приглашению) — при этом вдребезги пьяный. Вел какие-то провокационные разговоры.

На вокзале Мелик снимал шапку и низко кланялся — большое вам мерси за знакомство! (С Радловыми.) Миша кланялся ему.

Единственный светлый момент — слушание «Минина». Асафьев — прекрасный пианист — играет очень сильно, выразительно. И хотя он был совсем простужен и отчаянно хрипел — все же пел, и все же понравилось М.А.

М.А. привез из Ленинграда в подарок Сергею смешные маски, и теперь сам их надевает.

11 декабря

«Пиковая дама» с Печковским — Германом. Голос звучит надорванно, но общее впечатление от лица, от игры, да и от голоса — очень сильное. Интересный певец.

После этого пошли в шашлычную с Меликом и Шмелькиной. Там — случайная встреча с компанией пушкинистов (Цявловские и др.), которые весьма радостно приветствовали М.А.

12 декабря

Днем с Сергеем на «Коньке-Горбунке». Его будут переделывать, в таком виде он больше не пойдет.

13 декабря

Заболел Сергей. Шапиро говорит — ангина.

15 декабря

Ночью М. А. определил, что не ангина, а скарлатина. Шапиро, приехавший в семь часов утра, подтвердил диагноз М.А.

21 декабря

У Сергея болезнь течет нормально, я никуда не выхожу, состою при нем.

М.А. пошел к Мелику выправлять экземпляр «Минина», вчера привезли клавир из Ленинграда. Надо кое-что изменить в тексте.

22 декабря

Звонили из «Литературной газеты», просят, чтобы М.А. написал несколько слов по поводу потопления «Комсомола».

23 декабря

Из «Литературной газеты» приходил Бройдо, взял заметку М.А.

24 декабря

Были у Мелика. Он играл «Минина». Очень хорошо — вече в Нижнем и польская картина.

27 декабря

Пианист Большого театра Васильев играл «Минина». Слушали: Керженцев, Самосуд, Боярский, Ангаров, Мутных, Городецкий, М.А. и Мелик.

После — высказывания, носившие самый сумбурный характер.

Ангаров: А оперы нет!

Городецкий: Музыка никуда не годится!

Керженцев: Почему герой участвует только в начале и в конце? Почему его нет в середине оперы?

Каждый давал свой собственный рецепт оперы, причем все рецепты резко отличались друг от друга.

М.А. пришел оттуда в три часа ночи в очень благодушном настроении, все время повторял:

— Нет, знаешь, они мне все очень понравились...

— А что же теперь будет?

— По чести говорю, не знаю. По-видимому, не пойдет.

28 декабря

Звонил Мелик, говорит мне:

— Воображаю, что вы бы наговорили, если бы были на этом обсуждении!

29 декабря

В «Советском искусстве» заметка, что «Минин» принят к постановке в этом сезоне.

Позвольте?!

1937

1 января

Новый год встречали дома. Пришел Женичка. Зажгли елку. Были подарки, сюрпризы, большие воздушные шары, игра с масками.

Ребята и М.А. с треском били чашки с надписью «1936-й год», — специально для этого приобретенные и надписанные.

Ребята от этих удовольствий дико утомились, а мы еще больше. Звонили Леонтьевы, Арендты, Мелик, — а потом, в два часа, пришел Ермолинский — поздравить.

Дай Бог, чтобы 1937-й год был счастливей прошедшего!

3 января

М.А.БУЛГАКОВ — Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Коля, ответ на твое письмо от 9 декабря 36 года задержан мною из-за болезни нашего Сергея — он захворал скарлатиной.

Прежде всего, я со всею серьезностью прошу тебя лично проверить французский текст «Зойкиной» и сообщить мне, что в нем нет и не будет допущено постановщиками никаких искажений или отсебятин, носящих антисоветский характер и, следовательно, совершенно неприемлемых и неприятных для меня как для гражданина СССР. Это самое главное.

Теперь второе: раз уж пьеса пойдет в Париже, мне не хотелось бы, чтобы разные личности растащили мой литераторский гонорар.

На днях я отправил Альфреду Блох подписанный мною официальный текст Пувуар, который мне прислал Блох.

Прислать тебе доверенность на французском языке, засвидетельствованную здесь, я не имею никакой возможности. Русскую же постараюсь выправить и прислать тебе. <...>

Дальше: среди моих пьес пьесы под названием «Новый дом» нету. Фишер мне как-то прислал бюллетени с просьбой подписать их и с письмом, из которого как будто смутно видно, что это имеет общее с «Зойкиной квартирой». Я категорически отказался подписать бюллетени, написав, что у меня пьесы «Новый дом» нет. Не можешь ли ты навести справку поточнее, что это за произведение искусства? <...>

Есть предположение, что МХАТ поедет в Париж, но исполнится ли это, я не знаю. С осени этого года я не связан с МХАТ. Я подал в отставку, потому что мне было слишком тяжело работать там после гибели «Мольера». Сейчас я работаю штатным либреттистом в Большом театре (опера).

Скарлатина у Сергея кончается. Надеюсь, не будет осложнений, станет легче. На днях пишу тебе опять.

29 января

М.А.БУЛГАКОВ — П.С.ПОПОВУ

Дорогой Павел!

Сообщи, когда можно навестить тебя. Я соскучился по тебе. Звони мне, сговоримся, когда повидаемся у меня или у тебя.

У нас тихо, грустно и безысходно после смерти «Мольера».

Привет Анне Ильиничне.

Твой Михаил.

7 февраля

Итак, что же вспомнить?

Болезнь Сергея, счастливо закончившаяся, беготня после долгого сиденья дома, нездоровье...

По желанию Комитета, М.А. дописал еще две картины для «Минина», послал Асафьеву и сдал в театр. Теперь от Асафьева зависит возможность начать работу над оперой. Дмитриев сказал, что новые картины Асафьеву понравились.

Но самое важное, это — роман. М.А. начал писать роман из театральной жизни. Еще в 1929 году, когда я была летом в Ессентуках, М.А. написал мне, что меня ждет подарок... Я приехала, и он мне показал тетрадку — начало романа в письмах, и сказал, что это и есть подарок, он будет писать этот театральный роман.

Так вот теперь эта тетрадка извлечена, и М.А. пишет с увлечением эту вещь. Слушали уже отрывки: Ермолинский, Оля, Калужский, Вильямсы, Шебалин, Гриша Конский...

Итак, *третьего февраля.* Ермолинский сказал, что ему очень нужны деньги — мы должны ему давно 2000 руб. Я поехала в дирекцию к Якову Л. с заявлением М.А., и к концу дня уже Яков Л. позвонил, что можно получить аванс под «Черное море».

Четвертого вечером, поздно — уже в час ночи пришел Дмитриев и рассказал, что ему в МХАТе предложили сделать для «Турбиных» новые декорации, так как их везут в Париж на выставку.

Вчера, то есть *шестого,* я звонила к Феде, надо было купить билеты для одних знакомых. Федя очень обрадовался, сказал,

что очень хочет увидеться. Условились, что он придет 11-го. «Jours des Tourbins» везут в Париж! — сообщил он.

Сейчас наступили те самые дни «Пушкинского юбилея», как я ждала их когда-то. А теперь «Пушкин» зарезан, и мы — у разбитого корыта.

9 февраля

Сегодня получили письмо от Коли из Парижа. В Театре «Vieux Colombier» ставят «Зойкину квартиру». Генеральная назначена на восьмое февраля.

И тут же Коля сообщает, что этот негодяй Каганский, уже ограбивший М.А. по «Дням Турбиных», моментально выплыл с воплями, что он — единственный представитель Фишера в Европе и, следовательно, имеет права на гонорар и т.д.

«Дело Каганского». Из личного архива М.А.Булгакова.

Пришлось перерыть весь архив, искать материалы, посылать их в Париж. Но что из всего этого получится — неизвестно.

М.А.БУЛГАКОВ — Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Коля!

<...> Фишер писал, что порвал с Каганским, Ладыжниковское издательство (см. посланное тебе 5 февраля в оригинале письмо 3 октября 1928 г.) собиралось из-за «Зойкиной квартиры» возбуждать против Каганского уголовное преследование, а теперь Каганский выступает в качестве представителя Фишера—Ладыжникова.

Спешу отправить это письмо. Продолжаю поиски в архиве моем и немедленно пошлю тебе следующее.

Мне кажется, что главным является то обстоятельство, что по недосмотру в моем письме к Ладыжникову от 8 октября 1928 г. не указан срок его действия. Мне кажется совершенно ясным, что оно утратило всякую силу (иначе что же — вечная кабала?!). Но если этого не признают в Париже и борьба за полное мое право ни к чему не приведет, нужно добиться того, чтобы хоть та часть моего гонорара, которая будет признана бесспорной, не была бы отправлена в Берлин (Фишер). Заяви в Société, что я не могу иметь дело с фирмой в Германии, потому что она не высылает денег. Значит, мой гонорар пропадет совсем. С Каганским борьба должна быть отчаянной, чудовищно думать, что известный определенный мошенник захватит литераторские деньги. Если, в худшем случае, ему удастся все-таки профигурировать в качестве «представителя», нужно принять все меры, чтобы хоть бесспорная часть гонорара не была бы выдана ему.

Понимаю все трудности, понимаю, как велика путаница! А мне как трудно! Целую тебя.

11 февраля

М.А.БУЛГАКОВ — Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Коля!

У меня нет и не было договора (соглашения) на французском языке между М.П.Рейнгардт и мной. Она прислала французское письмо от 5 июля 1933 года, которое прилагаю тебе при этом моем письме, а я ей отправил в ответ два письма, копии с копий которых при этом прилагаю также. Кроме того, прилагаю при этом письме письмо Фишера ко мне от 20 октября 1933 года, где сказано: «Ferner haben wir zur Kenntnis genommen, dass Ihr Herr Bruder für Ihr Stück «Zoykas Wohnung» Vollmacht besitzt», что означает: «Далее, мы приняли к сведению, что Ваш брат владеет полномочием по Вашей вещи «Зойкина квартира», из чего видно, что Фишер был извещен мной о том, что я тебе дал полномочия по «Зойкиной квартире». А извещал я их в такой форме:

«Извещаю Вас о том, что все права, связанные с постановкой и охраной за пределами СССР пьесы моей «Зойкина квартира», а равно также и получение гонорара по этой пьесе, полностью предоставлены мною доверенностью брату моему Николаю Афанасьевичу Булгакову, проживающему 11 rue Jobbé Duval, Paris, XV-e, M-r docteur M.Boulgakow и вступившему в члены французского Общества драматургов и композиторов. К Н.А.Булгакову и надлежит обращаться по всем вопросам, связанным с постановкой «Зойкиной квартиры» за границей. (Мое письмо от 6 октября 1933 года, пункт 2.)

Считаю долгом добавить, что потом в письме от 21 февраля 1934 года ко мне Фишеровская фирма сообщала, что она, мол, поняла мое извещение так, что тебе предоставлено право получать тантьему с представлений. На это я, помнится, ничего не отвечал.

Вот и все, что я могу послать тебе в этом письме.

Твой М.Булгаков.

12 февраля

Вчера был Федя. М.А. прочитал ему отрывок из нового романа, в том числе контору Фили. Федя очень польщен.

Разговор о поездке.

— Я вам обязательно напишу, как прошел спектакль.

Больное место М.А.: «Я узник... меня никогда не выпустят отсюда... Я никогда не увижу света».

Опять вчера рылись в архиве, опять посылали документы в Париж.

У М.А. отвратительное состояние:

— Дома не играют, а за границей грабят.

13 февраля

М.А.БУЛГАКОВ — Б.В.АСАФЬЕВУ

Дорогой Борис Владимирович!

Ко мне обратился молодой композитор Петунин и сказал, что хочет писать оперу о Петре, для которой просит меня делать либретто.

Я ему ответил, что эта тема у меня давно уже в голове, что я намереваюсь ее делать, но тут же сообщил, что Вы ее уже упомянули в числе тех, среди которых ищете Вы и, что если Вы захотите осуществить Петра, я, конечно, буду писать либретто для Вас.

Итак, желаете делать Петра или хотите остановиться на чем-нибудь другом, насчет чего мы с Вами можем подумать?

Если Петра не хотите, я скажу Петунину, что Петр свободен, а так как я все равно либретто это, полагаю, буду делать (если Большой примет тему), то пусть он сговаривается с Большим, пробует, тем более что он строит свои надежды на этой опере.

Напишите мне срочно, пожалуйста.

Приветствую Вашу супругу и Вас.

М.Булгаков.

С.С.Прокофьев и Б.В.Асафьев. Начало 1930-х годов.

16 февраля

Мутных предложил М.А. ставить «Минина». Разговор — а кто художник? М.А. предлагает Дмитриева. Дирекция попросила М.А., чтобы он дал Дмитриеву телеграмму об эскизах.

17 февраля

Две телеграммы М.А.:
одна — Асафьеву,
другая — Дмитриеву, чтобы дал эскизы.

Через несколько часов телефон из Ленинграда — Дмитриев. Взволнован и раздражен тем, что дирекция сама не предлагает ему приступить к работе. А дирекция колеблется между ним и Федоровским.

Вечером пошли в новооткрытое место — Дом актера, где просидели очень мило, хотя без музыки, — с Дорохиным, Раевским и Ардовым — с женами их.

18 февраля

Днем в филиале в ложе дирекции разговор с Мутныхом и Леонтьевым — как быть с Дмитриевым? М.А. говорит:

— Или вы давайте ему телеграмму о том, чтобы он делал эскизы, или придется аннулировать мою телеграмму.

А они говорят, что телеграмма М.А. послана правильно, и они считают, что Дмитриев должен сделать эскизы до договора и показать театру.

Вечером Вильямсы и Любовь Орлова. Поздно ночью, когда кончали ужинать, позвонил Гр. Александров и сообщил, что Орджоникидзе умер от разрыва сердца. Это всех потрясло.

Еще позднее — телефонный звонок из Ленинграда — Дмитриев. Обижен тем, что дирекция так с ним поступает, не желает делать эскизы.

19 февраля

Днем с Сергеем и М.А. пошли в город, думали попасть в Колонный зал, но это оказалось неисполнимым, очень долго пришлось бы идти в колонне, которая поднималась вверх по Тверской, уходила куда-то очень далеко и возвращалась назад по Дмитровке.

Вечером пришла А.П. с мужем-парикмахером, и мы с М.А. привели себя в порядок — стрижка, прическа, маникюр, педикюр.

20 февраля

Проводила М.А. в Большой. Вышли из метро на площадь Дзержинского, потому что на Театральную не выпускали.

М.А. был на репетиции «Руслана», потом его позвали на совещание о том, как организовать приветствие Блюменталь-Тамариной к ее 50-летнему юбилею. А потом он с группой из Большого театра вне очереди был в Колонном зале. Рассказывал, что народ идет густой плотной колонной (группу их из Большого театра присоединили к этой льющейся колонне внизу у Дмитровки). Говорит, что мало что рассмотрел, потому что колонна проходит быстро. Кенкеты в крепе, в зале колоссальное количество цветов, ярчайший свет, симфонический оркестр на возвышении. Смутно видел лицо покойного.

Вечером телеграмма от Асафьева. Написал вторую картину, пишет шестую.

Вечером дома одни. Должны были быть Раевский, Дорохин, Ардов с женами, М.А. обещал им почитать из «Записок покойника» (название «Театрального романа»), но, конечно, вечер отменился.

У М.А. дурное настроение духа.

22 февраля

Один из бухгалтеров Большого театра сочинил пьесу, плохую, конечно. Днем М.А. пришлось с ним разговаривать, то есть бухгалтер просил дать отзыв.

Из театра провожал М.А. домой случайно встретившийся ему на улице Тимофей Волошин, пригласил М.А. к себе и тоже прочитал ему отрывок из своей пьесы.

А вечером — Смирнов, присланный дирекцией Большого театра для консультации по поводу его либретто.

Убийственная работа — думать за других!

Звонок Горюнова. Сообщил ужасное известие о Русланове — он смертельно болен: не то саркома, не то рак. Мы об этом услышали впервые, а он болен третий месяц.

Горюнов — с предложением: не может ли М.А. написать пьесу к двадцатилетию театра... или не к двадцатилетию, просто так... «да вот бы поговорить!»

М.А. сказал, что после случая с «Мольером» и с «Пушкиным» для драматического театра больше писать не будет.

Горюнов очень возражал, настаивал. Попутно Горюнов сказал, что пьеса Глобы «Пушкин», репетиции которой он видел, кажется, в Ярославле, представляет собой жуткую дрянь.

Ночью с Калужскими пошли в Дом актера поужинать. Там Яншин объяснялся по поводу статьи о «Мольере», говорил, что его слова исказили, что он говорил совсем другое.

24 февраля

Вчера Раевский с женой, Дорохин с Зосей Пилявской, Ардов с Ольшевской и мой Женичка собрались послушать отрывки из «Записок покойника». М.А. пришлось запоздать — возил Сергея к Арендту (сказал ему, войдя: «С этим мальчиком не соскучишься, вот, повредил руку на катке»).

Чтение сопровождалось оглушительным смехом. Очень весело ужинали.

Вчера же телеграмма от Асафьева, кончил Костромскую картину. Обрадовались.

25 февраля

Была с Сергеем в Ржевском, Евгений Александрович показывал свою новую форму.

Оля жадно расспрашивала — какое впечатление произвело чтение — ей страшно нравится этот роман.

У М.А. был Смирнов, очень доволен — М.А. сразу привел ему в порядок его конспект либретто.

Вечером звонок Надежды Афанасьевны. Просьба — прочесть роман какого-то знакомого. Ну, как не понимать, что нельзя этим еще загружать!

1 марта

М.А. был у Русланова. Тот безнадежен. Как жаль! «Говорить было очень трудно, все время надо напрягаться, чтобы не дать ему понять, что с ним».

Русланов напомнил М.А., что он обещал увеличить надпись на «Пушкине». М.А. это сделал.

5 марта

Звонок Городинского из ЦК. Спрашивал М.А., в каком состоянии «Минин» и принято ли при дополнительных картинах во внимание то, что Комитетом было сказано при прослушивании.

М.А. ответил — конечно, принято.

15 марта

Открытка от самодеятельности Автозавода им. Сталина, просят писать монтаж к двадцатилетию Октябрьской революции.

18 марта

После бешеной работы М.А. закончил «Черное море».

19 марта

Вечером вчера Потоцкий — слушал «Черное море». М.А. сдал в Большой экземпляр либретто.

20 марта

Вчера были у Меликов. Танцевали. Было весело.

Сегодня днем — в Свердловском военкомате на Кузнецком. М.А. вызвали на переучет.

25-го посылают на комиссию. Придется ехать в Петровско-Разумовское.

Вечером Дмитриев. Длинные разговоры о «Минине» — дополнительные картины до сих пор не присланы. Асафьев шлет нервные письма — по поводу того, что опера назначается на филиал, что ее не начинают репетировать до получения дополнительных картин.

21 марта

Днем звонок Мутныха. Хочет говорить о «Минине».

Проводила М.А. в дирекцию, сама поехала к Амировой — там мне показали номер газеты «Beaux arts», в котором рецензия о «L'Appartement de Zoika».

— Вы знали, что она идет?.. Стало быть, у вас там будут большие деньги?.. Вот бы Михаилу Афанасьевичу поехать, ведь это единственный случай поехать... с «Турбиными», с МХАТом...

Почему единственный?

М.А. сказал, что слышал, будто Замятин умер в Париже.

Из Парижа ни от Коли, ни из «Société» никаких известий о «Зойкиной квартире» — уже около двух месяцев. Неужели письма пропадают?

Из Берлина письмо от Фишера. Пишет, что на счету у М.А. — 341 марка.

Вечером проводила М.А. ненадолго на «Фауста», откуда он зашел за мной в контору МХАТа. Потом укорял меня, зачем я не вышла к нему навстречу, ему неприятно бывать во МХАТе.

Дмитриев забежал перед поездом в Ленинград. Ну, конечно, разговоры о «Минине». Дирекция, видимо, не хочет, чтобы делал Дмитриев. А Дмитриев говорит: — Я не намерен кланяться перед дирекцией!

Ясно, что придется искать другого художника, наладить их отношения уже трудно.

В полночь М.А. позвонил к Вильямсу. Тот принципиально соглашается делать «Минина».

Записка М.А.Булгакова С.А.Ермолинскому.

22 марта

Сегодня — ценным пакетом — извещение о вызове в суд: Харьковский театр русской драмы подал заявление о взыскании денег по «Пушкину» на том основании, что пьеса не значится в списке разрешенных пьес.

Когда пришел конверт, М.А. повертел его в руках и сказал:

— Не открывай его, не стоит. Кроме неприятностей, ничего в нем нет. Отложи его на неделю.

День убит на писание жалобы Керженцеву, на поездку в Комитет для сдачи этой жалобы.

Вечером Мелик с Минной, Ермолинские. Надевали маски Сережкины, хохотали, веселились, ужинали.

Две картины «Минина» от Асафьева приехали, Мелик принес их и играл. «Кострома» очень хороша.

М.А.БУЛГАКОВ — П.М.КЕРЖЕНЦЕВУ

Председателю Всесоюзного Комитета по делам искусств
при Совнаркоме СССР Платону Михайловичу Керженцеву
Драматурга и консультанта-либреттиста ГАБТ
Михаила Афанасьевича Булгакова

Заявление

Обращаюсь к Вам с жалобой на действия, которые предпринял в отношении меня Харьковский театр русской драмы (директор Я.Театралов).

Мною 18.11.1936 был заключен с указанным театром договор на постановку моей, сочиненной совместно с В.В.Вересаевым, пьесы «Александр Пушкин».

Сегодня я получил от этого театра вызов в Московский Горсуд с целью взыскания с меня и В.В.Вересаева 3038 руб., выданных авторам по договору.

Основанием иска служит, как пишет театр, что «М.А.Булгаков предоставил театру пьесу «Александр Пушкин», не получив предварительно от ГУРК разрешения на постановку этой пьесы и тем ввел Театр русской драмы в заблуждение и в убыток в сумме руб. 3038».

Сообщая, что я никак не принимал на себя предоставление разрешенной пьесы, что совершенно видно из договора, и что я, согласно законоположения, имею право взыскивать деньги с

театра за непоставленную им пьесу, а не театр с меня, — протестую, главным образом, против опорочивающей меня фразы, что я «ввел театр в заблуждение», ибо никаких театров я никогда в заблуждение не вводил.

Вообще, сколько я понимаю, мое положение становится все тяжелее. Я не говорю о том, что я не могу поставить на отечественной сцене ни одной из сочиненных мною в последние годы пьес (я с этим вполне примирился). Но мне приходится теперь, как бы в виде награды за мои драматургические работы, в том числе за пьесу о Пушкине, не только отбиваться от необоснованных попыток взыскивания с меня денег (описанный здесь случай — не первый), но еще и терпеть опорочивание моего литературного имени.

Обращаюсь к Вам с жалобой на это.

М.Булгаков.
22 марта 1937 года.

23 марта

Отнесла днем в Военный комиссариат характеристику (очень лестную), которую дал Большой театр М.А. В Комиссариате мне сказали, чтобы М.А. сам отвез ее на комиссию 25-го.

Вечером мы с Сергеем проводили М.А. на «Кармен».

Звонил днем Вересаев. Конечно, старик огорчен этим судом. Но когда М.А. предложил ему, что он один пойдет в суд, Вересаев сказал, что он тоже пойдет.

Разговоры по телефону с Калужскими. У М.А. создалось впечатление, что они хотели бы переехать на время к нам, — Марианна явно их выживает. «Но, — сказал М.А., — этого нельзя делать, как же работать? Это будет означать, что мы с тобой должны повеситься!»

24 марта

Утром — письма, днем — возня по дому, больна Прасковья Михайловна. А завтра — трудный, неприятный день, М.А. надо ехать на переучет. Потерянный день!

М.А.БУЛГАКОВ — Б.В.АСАФЬЕВУ

Дорогой Борис Владимирович!

Обе картины получены в театре.

Одну из них, именно «Кострому», 22-го Мелик играл у меня. Обнимаю Вас и приветствую, это написано блестяще! Как хорош финал — здравствуйте, граждане костромские, славные!!

Знайте, что... несмотря на утомление и мрак, я неотрывно слежу за «Мининым» и делаю все для проведения оперы на сцену.

О деталях я Вам сейчас не пишу, потому что эти детали прохождения оперы сейчас будут так или иначе меняться, и я буду информировать Вас по мере того, как они будут устанавливаться прочно.

Но повторяю основное: помните, что для оперы делается все, чтобы она пошла на сцену.

Привет супруге.

Ваш М.Булгаков.

М.А.БУЛГАКОВ — Н.А.БУЛГАКОВУ

Дорогой Коля!

Сообщаю тебе, что в первых числах февраля прекратились всякие известия из Парижа как от тебя, так и из Сосьете, и я не знаю, получены ли те документы, которые я послал тебе, в том числе то самое письмо ладыжниковской фирмы от 3 октября 1928 года, которое требовалось.

Я не знаю, в каком положении дело. Еще раз прошу тебя приложить все усилия к тому, чтобы та часть авторского гонорара, которая причитается мне, не ушла бы в лапы Каганского или не была бы послана в Германию, а была бы оставлена в Париже.

Целую тебя, надеюсь на тебя.

М.А.БУЛГАКОВ — П.С.ПОПОВУ

...Не написал тебе до сих пор потому, что все время живем мы, бешено занятые, в труднейших и неприятнейших хлопотах. Многие мне говорили, что 1936-й год потому, мол, плох для меня, что он високосный, — такая есть примета. Уверяю тебя, что эта примета липовая. Теперь вижу, что в отношении меня 37-й не уступает предшественнику.

В числе прочего второго апреля пойду судиться — дельцы из Харьковского театра делают попытку вытянуть из меня деньги, играя на несчастье с «Пушкиным». Я теперь без содрогания не могу слышать слово — Пушкин — и ежечасно кляну себя за то, что мне пришла злосчастная мысль писать пьесу о нем.

Некоторые мои доброжелатели избрали довольно странный способ утешать меня. Я не раз слышал уже подозрительно елейные голоса: «Ничего, после вашей смерти все будет напечатано!» Я им очень благодарен, конечно!

Желаю сделать антракт: Елена Сергеевна и я просим Анну Ильиничну и тебя прийти к нам 28-го в 10 часов вечера попить чаю. Черкни или позвони, можете ли быть?

Приветствую, целую!

Твой М.Булгаков.

25 марта

Целый день ушел на освидетельствование М.А. в комиссии. Мы поехали в такси, заехали бог знает куда, потом поехали на Ленинградское шоссе, нашли — фабрика «Москвошвей», клуб — в дебрях за Воздушной академией. М.А. прошел переучет, выдали об этом пометку. Но какое он назначение получит — неизвестно. Медицинский диплом тяготит М.А.

Восемнадцать лет он уже не имеет никакого отношения к медицине.

26 марта

Работать нет никакой возможности из-за этого суда.

Ездили во Всероскомдрам советоваться с юристом Городецким. Он не столько хочет найти поводы для защиты, сколько приводит резоны для того, чтобы сказать: — Трудное, трудное дело...

Вообще этот Всероскомдрам!

27 марта

Вечером были Вильямсы. Опять играли с масками — новое увлечение М.А.

28 марта

М.А. был у Захавы. Выяснились замечательные вещи: оказалось, что разрешение официальное «Пушкина» было и что давал его Литовский. А в список разрешенных пьес «Пушкина» не поместили!

М.А. пытался увидеть экземпляр с разрешением. — Невозможно, заведующая архивом выходная.

Оттуда поехали к Городецкому во Всероскомдрам. Полная перемена декораций. Городецкий: — Надо защищаться! — И даже привел какие-то статьи, говорящие в пользу М.А.

А вечером мы с Женичкой (моим) на «Чио-Чио-Сан».

У нас были Попов и Лямины. М.А. читал им куски из «Записок покойника».

Поздно ночью М.А.:

— Мы совершенно одиноки. Положение наше страшно.

29 марта

Захава сконфуженно бормотал мне по телефону, что экземпляра с разрешением не нашли!! Но свидетелем быть не отказывается, — что разрешение было.

М.А. — на генеральной закрытой «Руслана».

Вечером — разбор архива М.А.

30 марта

М.А. разбирает архив.

Вечером пришли Оля с Калужским. Говорили о их бедствиях из-за квартирного вопроса.

Жиденькие рассказы о МХАТе — пустяки, мелочи.

— Аркадьев уезжает на днях в Париж. По-видимому, МХАТ едет.

Рассказывали, что Мейерхольд на собрании актива работников искусств каялся в своих грехах. Причем это было так неожиданно, так позорно и в такой форме, что сначала подумали, что он издевается.

Падает снег и тут же тает. Грязь.

31 марта

Днем приезжаем в Репертком. Конечно, секретарша сразу же — «занят Литовский». Тем не менее он принял быстро.

Да, разрешение он давал. Велел искать пьесу. Пока сидели у него, — светский разговор — об опере и прочее.

Пьесы все нет и нет. Сотрудник, кажется, по фамилии Мерингоф, все ходил куда-то, возвращался и спрашивал: — Вы *наверно* знаете, что пьеса называется «Александр Пушкин»?

Обещали завтра дать справку.

А утром звонил заместитель Боярского Гольдман. Видимо, жалоба М.А.Керженцеву возымела действие. Гольдман говорил, что этот иск — безобразие.

Резиденция посла США в Москве. Большой зал.

1 апреля

Возмутительный день. В Реперткоме — ни Литовского, ни его заместителя. Пьесы найти не могут. Справки — нет.

— Если пьесы нет под буквой *А* — ищите ее под *П.*

Нашлась. Стали искать справку. Я стала рядом с секретаршей и увидела, что она перелистывает страницу со справкой. Но тогда она сказала, что справки дать не может. Дело в том, что там было сказано, вернее, написано рукой Литовского — разрешение Вахтанговскому театру приступить к работе над «Пушкиным» и включить пьесу в репертуар. Секретарша позвонила Литовскому (он был в Комитете). Тот сказал — сегодня справки не давать, он даст завтра.

М.А. угрожал жаловаться. Тут же позвонил Ангарову, но того не было на месте.

Ушли около четырех.

А днем до этого пришло приглашение на бал-маскарад в американском посольстве, устраивает дочь посла.

До чего же это не вяжется с нашим настроением!

Вечером М.А. позвонил жене Кеннена, а потом я с ней говорила. Она страшно уговаривала прийти: — Какой-нибудь оригинальный костюм!

— А мужчины будут во фраках?

Она отвечает (с сильным акцентом):

— Нет, я думаю, можно смокинг тоже. Но костюм лучше! Маски даются там.

А где, какой смокинг? Где туфли лакированные? Рубахи, воротнички?..

М.А. сам себя и меня развлекал.

— А в камилавке[1] можно?

— ...в камилавке? Да... можно.

---

[1] Головной убор православных священников.

«Пойми, что это все равно, что Мелик бы спросил у тебя: а мне в носках прийти?!»

2 апреля

Утром справка была готова. Написано, что пьеса была разрешена к постановке Вахтанговскому театру, но что Комитет приостановил работу над ней.

Потом — суд. Председатель — женщина, производит очень серьезное впечатление. Первым говорил М.А., показал справку Реперткома, вырезки газетные, из которых видно, что пьесу готовились ставить. Сказал:

— Нам с В.В.Вересаевым не по возрасту вводить в заблуждение театры.

Вторым говорил Городецкий. Дело выиграли.

Большое моральное удовлетворение, что эти негодяи из Харькова хоть тут не смогли сыграть на положении М.А.

Вечером пришел мой Женичка. Рассказывал, что в Ржевском происходят неприятности из-за Олиной комнаты, которую Марианна хочет использовать для себя.

3 апреля

На Художественный театр М.А. прислано анонимное письмо. Человек пишет, что не знаком с М.А., что является читателем «L'Humanité» и прилагает вырезку.

Там — рецензия о «Зойкиной квартире» и вырезанный из той же газеты снимок одной из сцен.

В рецензии и даже под снимком подчеркивается, что пьеса написана давно и что теперь таких людей и таких событий нет в СССР.

4 апреля

В газетах сообщение об отрешении от должности Ягоды и о предании его следствию за совершенные им преступления уголовного характера.

Отрадно думать, что есть Немезида и для таких людей.

(Вспомнила при этом слове разговор как-то М.А. с Сергеем-Малым — скоро после нашего соединения с М.А.

М.А. — Понимаешь ли ты, Сергей, что ты Немезида.

Сергей (оскорбленно). Мы еще посмотрим, кто тут Мезида, а кто Немезида.)

Киршона забаллотировали на общемосковском собрании писателей при выборах президиума.

И хотя ясно, что это в связи с падением Ягоды, все же приятно, что есть Немезида и т.д.

6 апреля

Вечером с Анусей была в Еврейском театре на «Короле Лире». Не досидели до конца. Пьеса измельчена, перенесена в другой план. Михоэлс патологичен. Великолепен Зускин — шут.

Потом — к нам. Пришел и Петя Вильямс.

Б.В.Щукин и С.М.Михоэлс. 1935.

7 апреля

Звонок из ЦК. Ангаров просит М.А. приехать. Поехал.

Разговор был, по словам М.А., тяжкий по полной безрезультатности. М.А. рассказывал о том, что проделали с «Пушкиным», а Ангаров отвечал в таком плане, что он хочет указать М.А. правильную стезю.

Говоря о «Минине», сказал: — Почему вы не любите русский народ? — и добавил, что поляки очень красивые в либретто.

Самого главного не было сказано в разговоре — что М.А. смотрит на свое положение безнадежно, что его задавили, что его хотят заставить писать так, как он не будет писать.

Обо всем этом, вероятно, придется писать в ЦК. Что-то надо предпринять, выхода нет.

10 апреля

В «Вечерней Москве» сообщение о том, что МХАТ заключил договор с Парижем. Везут: «Любовь Яровую», «Анну Каренину», «Бориса Годунова» (?) и «Горячее сердце».

О «Турбиных» — ни слова.

М.А. — никогда не увижу Европы.

11 апреля

М.А. кто-то рассказывал, будто бы Вишневский сказал в своем выступлении, что «мы зря потеряли такого драматурга, как Булгаков». Вишневский?

И что Киршон тоже будто бы сказал (видимо, на том же собрании), что «время показало, что «Турбины» — хорошая пьеса».

Свежо предание...

Ведь это одни из главных зачинщиков травли М.А.

Ужинали в Доме актера с Вильямсами. Подсаживался Дзержинский. Малокультурен.

Говорили, к примеру, об «Аиде». Дзержинский сказал, что никогда в жизни не слышал этой оперы и не пойдет — «убежден, что дрянь».

12 апреля

Днем у М.А. начинающий писатель — узнавал мнение по поводу рассказа его о Марлинском.

Фамилия Дмитриев. Произвел на М.А. приятное впечатление. Но, вообще, эти консультации вызывают у М.А. головную боль.

Утром было письмо из Комитета. Пишут в Харьков по поводу безобразного иска. Начало хорошее, а конец удивительный: предлагают Харьковскому театру изменить характер иска.

13 апреля

Генеральная «Руслана». Мы с Сергеем в первой ложе, рядом с директорской. Спектакль утомительный. Оформление Ходасевич вульгарно.

Музыка похоронена.

В публике, как всегда на генеральных, много знакомых. Подходил Качалов, как всегда обаятельный. После спектакля Оля и Калужский пошли к нам обедать. Лейтмотив разговоров:

— «Анна Каренина» — событие в Театре!

Когда они уже ушли, звонил Немирович, разыскивал Олю, хотел узнать о «Руслане».

14 апреля

Тяжелое известие — умер Ильф. У него был сильнейший туберкулез.

15 апреля

Позвонили из Союза писателей, позвали М.А. — в караул почетный ко гробу.

Оттуда пошли в Камерный — генеральная — «Дети солнца». Просидели один акт и ушли — немыслимо. М.А. говорил, что у него «все тело чешется от скуки».

Ужасны горьковские пьесы. Хотя романы еще хуже.

Паша Марков просится слушать театральный роман.

19 апреля

Это уже просто невезение. После «Детей солнца» — попала сегодня тоже на удовольствие — «Большой день» Киршона в Вахтанговском.

Вильямс сделал для этой скверной пьесы очень приличные декорации.

В мое отсутствие к М.А. заходила жена поэта Мандельштама. Он выслан, она в очень тяжелом положении, без работы.

Обедал Дмитриев. Сияет. Говорят, он великолепно сделал «Анну Каренину».

Успех «Карениной» оглушительный. Публика рвется на спектакли.

20 апреля

Вот это штука — арестован Мутных. В Большом театре волнение.

Звонок из Союзфото иностранного отдела, просят М.А. сняться для Парижской выставки. Я ответила неопределенно.

Слух о том, что приехал в СССР Куприн.

21 апреля

Слухи о том, что с Киршоном и Афиногеновым что-то неладно. Говорят, что арестован Авербах. Неужели пришла судьба и для них?

Опять звонок из Союзфото. Я сказала (по желанию М.А.), что М.А. не будет сниматься. Удивление и раздражение.

22 апреля

Вечером — Качалов, Литовцева, Дима Качалов, Марков, Виленкин, Сахновский с женой, Ермолинский, Вильямсы, Шебалин, Мелик с Минной — слушали у нас отрывки из «Записок покойника». И смеялись. Но Качалов загрустил. И вообще, все они были как-то ошарашены тем, что вывели Театр — я говорю о мхатчиках.

За ужином (á la fourchette) скучновато — Качалову не дают пить, Сахновскому тоже. Это стесняло других.

Марков пришел поздно и вошел в комнату как раз тогда, когда М.А. читал, что Комаров смеется странным смешком... Все засмеялись, увидев Маркова, и он тоже начал смеяться своим кудахтающим смехом. Получилось забавно.

Марков рассказывал, что в ложе (по-видимому, на «Анне Карениной») был разговор о поездке в Париж, что, будто бы, Сталин был за то, чтобы везти «Турбиных» в Париж, а Молотов возражал.

23 апреля

Да, пришло возмездие. В газетах очень дурно о Киршоне и об Афиногенове. «Большой день» уже — плохая пьеса.

25 апреля

Были в Большом театре. Когда шли домой, в Охотном ряду встретили Валентина Катаева. Конечно, разговор о Киршоне. Сказал, что будто арестован Крючков — секретарь Горького.

А.Л.Авербах, А.Н.Афиногенов, В.М.Киршон на заседании Оргкомитета Союза писателей. Москва, 1933.

В «Вечерке» Крючков называется грязным дельцом. Значит, действительно правда, что арестован.

26 апреля

Вечером Калужские. Рассказывают, что Станиславский взбешен успехом «Анны Карениной», злобствует на Немировича. Сказал, что Театр надо закрыть на два года, чтобы актеров выучить системе.

М.А. в шутку сказал:

— Эх, не знаете вы, что вам дальше надо делать. Я бы мог указать такую инсценировочку, что вы будете засыпаны наградами!

Оля загорелась — какую?!

М.А. потом уверял меня, что она, наверно, скажет об этом Вл. Ив. всерьез. А ему страшно хотелось поддразнить их.

27 апреля

Шли по Газетному. Догоняет Олеша. Уговаривает М.А. пойти на собрание московских драматургов, которое открывается сегодня и на котором будут расправляться с Киршоном. Уговаривал выступить и сказать, что Киршон был главным организатором травли М.А.

Это-то правда. Но М.А. и не подумает выступать с таким заявлением и вообще не пойдет.

Ведь раздирать на части Киршона будут главным образом те, что еще несколько дней назад подхалимствовали перед ним.

Вечером на «Онегине». Хорошо поет Татьяну Кругликова.

28 апреля

На «Спящей красавице». Головкина танцевала в первый раз. После спектакля на Тверской столкнулись с Меликом, потом с Марковым.

Марков говорил, что Вл. Ив. похвалил два последних акта «Большого дня», когда Киршон представлял эту пьесу в МХАТ. А Маркову понравились первые два акта, а про третий и четвертый он сказал, что — слабые.

МХАТ тоже виноват в том, что в литературе и главным образом в драматургии хозяйничал Киршон.

У М.А. тяжелое настроение духа.

Впрочем, что же — будущее наше, действительно, беспросветно.

Оля сказала Немировичу, что «у Булгакова есть проект какой-то инсценировки», и тот очень хочет узнать этот проект.

Ровно ничего он не узнает, так как и проекта никакого нет.

29 апреля

М.А., Сережа и я — на концерте Эгона Петри в Большом зале консерватории. Блестящий пианист. Больше всего понравилось М.А. «У ручья» Листа.

Хмелева, Добронравова и Тарасову наградили званием народных артистов СССР, а Театр — орденом Ленина (последнее — вчера).

М.А. говорит:

— Ох, склока будет в Театре! Шевченко! Коренева! Ливанов!..

30 апреля

Заезжали навестить вдову Ильфа — не застали.

Зашли тут же к Петрову, но была дома только жена его.

Хорошая солнечная погода, проехались на речном трамвае по Москве-реке. Успокаивает.

Возвращаясь домой, встретили Тренева. Он рассказывал, что на собрании драматургов вытащили к ответу Литовского — зачем протаскивал пьесы Киршона и Афиногенова?!

Он будто бы кричал:

— Не я один!!

Тренев сказал, что МХАТу дано множество персональных орденов.

Вечером у нас Мелик с Минной. М.А. развеселился, рассказывал смешные вещи.

1 мая

Обедали Ермолинский и Шапошников. Ермолинский рассказал, что на собрании вытащили Млечина. Тот начал свою речь так:

— Вы здесь говорили, что я травил Булгакова. Хотите, я вам расскажу содержание его пьесы?..

Но ему не дали продолжать. Экий подлец!

Предсказания М.А. оправдались: Книппер, говорят, заявила, что она уходит из Театра. А Ливанов сказал, что он вообще не будет играть, пока ему не дадут народного.

2 мая

Днем М.А. разбирал старые газеты в своей библиотеке.

Вечером были у Троицких, там был муж Нины, видимо, журналист, Добраницкий, кажется, так его зовут. Рассказывал о собраниях драматургов в связи с делом Киршона.

М.А. твердо решил писать письмо о своей писательской судьбе. Дальше так жить нельзя. Он занимается пожиранием самого себя.

3 мая

М.А. весь день пролежал в постели, чувствует себя плохо, ночь не спал. Такие вечера действуют на него плохо: один пристает, почему М.А. не ходит на собрания писателей, другой — почему М.А. пишет не то, что нужно, третья — откуда М.А. достал экземпляр «Белой гвардии», вышедшей в Париже...

4 мая

Звонок Оли:

— Владимир Иванович ломает голову над юбилейной постановкой (к юбилею МХАТа в 1938 году). Ведь Мака делал инсценировку «Войны и мира»? Владимир Иванович ее не читал, хочет прочесть... Я сказала Владимиру Ивановичу — как же быть, ведь Булгаков не придет в МХАТ со своей пьесой, а Вы не пойдете к нему... А он ответил: нет, отчего же, я пойду... Так вот, официально от имени Владимира Ивановича спрашиваю — согласен ли Мака работать?

Я сказала, что М.А. болен, потом позвонит.

Когда мы с М.А. шли домой из Большого, куда он заходил, он мне — с малейшими деталями — рассказал, как бы это было, если бы он согласился делать эту работу: как заключался бы договор, как разговаривал бы Немирович по прочтении инсценировки, что было бы на репетициях, как вели бы себя актеры и т.д.

После обеда я позвонила Оле и сказала:

Миша просит передать, что после разгрома «Бега», «Мольера», «Пушкина» он больше для драматического театра писать не будет.

Оля сказала, чтобы я дала экземпляр инсценировки ей, так как в Музее нет его. Я ответила, что не дам — не стоит, инсценировка неудачная, тогда М.А. просили делать для одного вечера, а «Войну и мир» нельзя делать для одного вечера, всегда получится только какая-нибудь одна линия — Наташи или Пьера... Словом, не надо ее читать.

Главное, хотелось скорей закончить этот разговор, так как он волновал М.А.

Сегодня в газетах опубликованы награждения артистов МХАТа: пять орденов Ленина, масса орденов Трудового Знамени, Знаков Почета.

Назначение Книппер-Чеховой и Тарханова — народными артистами Союза, а Шевченко — народной артисткой РСФСР. Выплакали. Или вернее — выскандалили.

5 мая

Вечером — у Вильямсов. Был и Шебалин. Очень приятно просидели при свечах до трех часов, а потом пошли пешком домой по пустынному ночному городу. Уже светало. Весенний рассвет и пустые улицы — хорошо.

6 мая

Ездили днем в Большой — М.А. отвез свой отзыв о либретто «Арсен» — неудачное. А там оказалось, что уже подписан договор на либретто. Так зачем давать на отзыв?

Эти дни М.А. работает над письмом Правительству.

7 мая

Сегодня в «Правде» статья Павла Маркова о МХАТ. О «Турбиных» ни слова. В списке драматургов МХАТа есть Олеша, Катаев, Леонов (авторы сошедших со сцены МХАТа пьес), но Булгакова нет.

Вечером были у Калужских на новоселье — то есть они временно переехали к одному знакомому.

М.А. спросил:

— Читали сегодняшнюю статью Маркова?

— Нет.

— Читал. Бледная статья.

Днем, когда шли на Москва-реку — кататься на речном трамвае — встретили Тренева, крайне расстроенного. Говорит, что «Большой день», судя по газетам, не снят. Что же это значит? Ругали, ругали Киршона, а между тем ничего!..

8 мая

М.А. пошел на «Дубровского» в филиал. Звонок по телефону в половину двенадцатого вечера. От Керженцева. Разыскивает М.А. Потом — два раза Яков Леонтьевич с тем же — из кабинета Керженцева. Сказал, что если Керженцева уже не будет в кабинете, когда вернется М.А., то пусть М.А. позвонит завтра утром Платону Михайловичу. Что Яков Леонтьевич сказал Керженцеву о крайне тяжелом настроении М.А. Прибавил: — Разговор будет хороший.

9 мая

Ну, что ж, разговор хороший, а толку никакого. Весь разговор свелся к тому, что Керженцев самым задушевным образом расспрашивал: — Как вы живете? Как здоровье, над чем работаете? — и все в таком роде.

М.А. говорил, что после всего разрушения, произведенного над его пьесами, вообще работать сейчас не может, чувствует себя подавленно и скверно. Мучительно думает над вопросом о своем будущем. Хочет выяснить свое положение.

На все это Керженцев еще более ласково уверял, что все это ничего, что вот те пьесы не подошли, а вот теперь надо написать новую пьесу, и все будет хорошо.

Про «Минина» сказал, что он его не читал еще, что пусть Большой театр даст ему. А «Минин» написан чуть ли не год назад, и уже музыка давно написана!

Словом — чепуха.

Вечером у нас Вильямсы и Шебалин. М.А. читал первые главы своего романа о Христе и дьяволе. Понравилось им бесконечно, они просят, чтобы 11-го прийти к ним и читать дальше.

Петя сказал, что М.А. предложат писать либретто на музыку Глинки («Жизнь за царя»). Это — после того, как М.А. написал «Минина»!!

10 мая

Утром звонили из Большого — Самосуд просит М.А. прийти поговорить относительно либретто «Арсен». Условились — вечером в девять.

Потом М.А. продиктовал мне письмо Асафьеву, очень настойчиво советует ему приехать в Москву — только таким образом можно будет разрешить вопрос с «Мининым».

М.А. пошел на почту сдать письмо, а я — в Лаврушинский, выяснять дело с нашим счетом по квартире.

Оказалось, что мы в числе очень немногих (Зенкевич, Файко, мы), имеем преимущественное право на получение квартиры в Лаврушинском, так как с нас брали взносы в паенакопление как за площадь в 80 кв. м, а дали нам квартиру, теперешнюю нашу, в 50 кв. м. У нас было взято лишних около пяти тысяч, и лежали деньги там около пяти лет.

А М.А. вычеркнули из списка по Лаврушинскому переулку (у нас уж и номер квартиры был) — квартиры там розданы людям, не имеющим на это права. Лавочка.

После Лаврушинского — во МХАТ купить билеты на «Каренину» для Марка Леопольдовича — отблагодарить его за визит. Видела массу знакомых — Качалова, Москвина, Кореневу, Степанову, еще без конца — все повышенно милы.

Федя обещал билеты. Подтвердил то, что сказал Марков: Сталин горячо говорил в пользу того, что «Турбиных» надо везти в Париж, а Молотов возражал. И, — прибавил Федя еще, — что против «Турбиных» Немирович. Он хочет везти только свои постановки и поэтому настаивает на «Врагах» — вместо «Турбиных».

Вечером М.А. пошел на встречу с Самосудом (которого так и не удалось, конечно, поймать — вечно мечется), а я посмотрела последний акт «Спящей» с Лепешинской.

М.А. поговорил с Яковом Л.

М.А.БУЛГАКОВ — Б.В.АСАФЬЕВУ

Дорогой Борис Владимирович,
диктую, потому что так мне легче работать. Вот уж месяц, как я страдаю полным нервным переутомлением. Только этим объясняется задержка ответа на Ваше последнее письмо. Со дня на день я откладывал это письмо и другие. Не было сил подойти к столу. А телеграмму давать бессмысленно, в ней нечего телегра-

фировать. Вы хорошо понимаете, что такое замученность и, конечно, перестанете сердиться на меня.

На горизонте возник новый фактор, это — «Иван Сусанин», о котором упорно заговаривают в театре. Если его двинут, — надо смотреть правде в глаза, — тогда «Минин» не пойдет. «Минин» сейчас в Реперткоме. Керженцев вчера говорил со мной по телефону, и выяснилось, что он не читал окончательного варианта либретто.

Вчера ему послали из Большого экземпляр. <...>

О.В.Лепешинская.

Дорогой Борис Владимирович! Вам необходимо приехать в Москву. Настойчиво еще и еще раз повторяю это. Вам нужно говорить с Керженцевым и Самосудом, тогда только разрешатся эти загадки-головоломки с «Мининым», тогда будет понятнее, что делать с г. Горьким.

Приезжайте для разговора с Керженцевым и Самосудом (о том, что Мутных уже не директор Большого театра... Вы, конечно, уже знаете).

Приезжайте. Дружески приветствую Вас!

Ваш М.Булгаков.

11 мая

М.А. днем в Большой, я в Литфонд — о летних путевках.

А вечером — к Вильямсам. Петя говорит — не могу работать, хочу знать, как дальше в романе. М.А. почитал несколько глав. Отзывы — вещь громадной силы, интересна своей философией, помимо того что увлекательна сюжетно и блестяща с литературной точки зрения. За ужином узнали, что день рождения Ануси. Сидели до половины четвертого, пошли пешком домой, а легли — с разговорами — в шесть часов утра.

12 мая

Днем пошла отправить Анусе корзину цветов, а потом в МХАТ. Там неожиданно выясняли отношения с Оленькой, я ей сказала, что она ради Немировича готова продать кого угодно. Оленька плакала, мне было ужасно больно, но лучше сказать то, что на душе, чем таить.

Вечером — одни. М.А. сидит над письмом к Сталину.

13 мая

Утром телефонный звонок — Добраницкий. Я сказала, что М.А. нет дома.

— Тогда разрешите с Вами поговорить?.. У меня есть поручение от одного очень ответственного товарища переговорить с М.А. по поводу его работы, его настроения... Мы очень виноваты

перед ним... Теперь точно выяснилось, что вся эта сволочь в лице Киршона, Афиногенова и других специально дискредитировала М.А., чтобы его уничтожить, иначе не могли бы существовать как драматурги они... Булгаков очень ценен для Республики, он — лучший драматург...

Вообще весь разговор в этом духе.

— Можно ли сегодня приехать днем повидаться с Михаилом Афанасьевичем?

Я сказала, что сегодня не удастся, попросила позвонить в три часа, чтобы условиться на завтра.

Ровно в три звонок, условились на завтра — приедет в 10 часов вечера.

После обеда ходила с Анусей смотреть «Под крышами Парижа».

Вечером — одни. М.А. сидит и правит роман — с самого начала («О Христе и дьяволе»).

14 мая

Вечером — Добраницкий. М.А-чу нездоровилось, разговаривал, лежа в постели. Тема Добраницкого — мы очень виноваты перед вами, но это произошло оттого, что на культурном фронте у нас работали вот такие, как Киршон, Афиногенов, Литовский... Но теперь мы их выкорчевываем. Надо исправить дело, вернувши вас на драматургический фронт. Ведь у нас с вами (то есть у партии и у драматурга Булгакова) оказались общие враги и, кроме того, есть и общая тема — «Родина» — и далее все так же.

М.А. говорит, что он умен, сметлив, а разговор его, по мнению М.А., — более толковая, чем раньше, попытка добиться того, чтобы он написал если не агитационную, то хоть оборонную пьесу.

Лицо, которое стоит за ним, он не назвал, а М.А. и не добивался узнать.

Добраницкий сказал, что идет речь и о возвращении к работе Николая Эрдмана.

15 мая

Утром — телефонный звонок Добраницкого. Предлагает М.А., если ему нужны какие-нибудь книги для работы, — их достать.

Днем был Дмитриев.

— Пишите агитационную пьесу!

М.А. говорит:

— Скажите, кто вас подослал?

Дмитриев захохотал.

Потом стал говорить серьезно.

— Довольно! Вы ведь государство в государстве! Сколько это может продолжаться? Надо сдаваться, все сдались. Один Вы остались. Это глупо!

Вечером — Ануся, Петя, Дмитриев. М.А. читал дальше роман. Дмитриев дремал на диване, а мы трое жадно слушали.

16 мая

Сегодня удружил Самосуд. Прислал композитора Соловьева-Седого с началом оперы. Талантлив он бесспорно, но либретто никакого нету. Какие-то обрывки. Из колхозной жизни, пограничной.

План Самосуда — чтобы М.А. написал это либретто, а у Соловьева есть уже либреттист в Ленинграде — Воинов. Соловьев просит — пишите, М.А.!

А М.А. говорит:

— Что писать? Откуда я знаю, что дальше произошло? И куда девать Воинова, с которым вы обвенчаны?

Соловьев расстроен.

— Вы пишите с Воиновым, как вы начали. А когда у вас будет сценарий, я вам помогу, посоветую, не входя в вашу работу в качестве соавтора.

С.А.Самосуд.

В газетах сообщение о привлечении Киршона, Лернера, Санникова, Городецкого к уголовной ответственности по их деятельности в Управлении авторских прав.

По телефону Добраницкий просит дать ему почитать «Ивана Васильевича».

Вечером перед «Красной стрелой» заходил Дмитриев. Гудел за ужином, что нужно обращаться наверх, но предварительно выправить начало учебника истории.

М.А. в ужасном настроении. Опять стал бояться ходить один по улицам.

17 мая

С кем ни встретишься — все об одном: теперь, в связи со всеми событиями в литературной среде, положение М.А. должно измениться к лучшему.

Вечером М.А. работал над романом о Воланде.

18 мая

Вечером М.А. опять над романом.

Телефон молчит целый день.

19 мая

Проводила М.А. в Большой, зашла к Якову Л. Он сказал, что при встрече с Керженцевым у него был разговор с ним о М.А. и, между прочим, о «Турбиных». О том, что их можно бы теперь разрешить по Союзу.

У Якова Л. создалось впечатление, что Керженцев может это разрешить. Что только нужно М.А. пойти к нему и поговорить с

ним о всех своих литературных делах, запрещениях пьес и т.д., спросить — почему «Турбины» могут идти только во МХАТе?

Когда я за обедом рассказала все М.А., он, как я и ожидала, отказался наотрез от всего:

— Никуда не пойду. Ни о чем просить не буду.

И добавил, что никакие разговоры не помогут разрешить то невыносимо тягостное положение, в котором он находится.

20 мая

Звонок из секции драматургов — чтобы М.А. непременно пришел завтра на собрание драматургов. Опять о Киршоне, о Ясенском и прочем.

Сказала, что М.А. нездоров.

Потом — Федя о том, что какой-то Хорош добивается свидания с М.А. по литературному делу. Федичка уже как-то говорил об этом Хороше. И почему-то, беспричинно, и М.А. и мне так этот Хорош не понравился, что наотрез отказала.

И наконец вечером звонил Адриан Пиотровский, приехавший из Ленинграда. Он что-то делает в кино в Ленинграде или заведует чем-то, не знаю. Хотел заказать М.А. сценарий. М.А. отказался. Но из любопытства спросил — «на какую тему?» — Антирелигиозную!

21 мая

Звонил Дмитриев — завтра придет.

22 мая

Обедал Дмитриев.

Хороши они вместе с М.А. Оба острые, ядовитые, остроумные.

Я позвонила Добраницкому, как условлено было, — что нашла «Ивана Васильевича». Просил разрешения прийти завтра.

23 мая

Днем, предварительно позвонив, пришел Добраницкий. М.А. сказал, что если уж он решил что-то читать, то лучше «Пушкина» пусть прочтет, хотя вообще и это не стоит делать. Добраницкий попросил тогда и «Пушкина» и «Ивана Васильевича».

М.А. ушел потренироваться ходить одному — как он сказал. А Добраницкий принялся за «Пушкина». Через час я ему сказала, что у нас, в нашей странной жизни, бывали уже такие случаи, что откуда ни возьмись появляется какой-то человек, начинает очень интересоваться литературными делами М.А., входит в нашу жизнь, мы даже как-то привыкаем к нему, и потом — он так же внезапно исчезает, как будто его и не бывало.

— Так вот, если и Вы...

— ...из таких, то лучше исчезайте сейчас и больше не приходите — так вы хотели сказать?

— Да.

Тогда он стал рассказывать мне о себе, о своей жизни и в конце концов сказал:

— Вы увидите, я не исчезну. Я считаю долгом своей партийной совести сделать все возможное для того, чтобы исправить ошибку, которую сделали в отношении Булгакова.

Когда он прочитал «Пушкина», вернулся М.А., и Добраницкий предложил всем нам прокатиться на машине за город, захватив и Сергея (пристяжной конек — зовет его Миша), — ну, скажем, в Химки, посмотреть новый речной вокзал и канал.

Добраницкий ушел и приехал на машине через полчаса, с цветами для меня и шоколадом для Сергея.

Канал вырыт таким образом, что похож на реку, извилистые берега, неожиданные повороты.

Вечером Сергей был с Екатериной Ивановной на «Любови Яровой», принес мне от Оли книгу Немировича, только что вышедшую.

24 мая

Днем М.А. поехал с Сергеем на реку и в парк. Он говорит, что на воде ему легче.

Вечером звонил Добраницкий. Он сказал — без всякого дела, только чтобы узнать о нашем самочувствии.

25 мая

Сегодня в «Вечерней Москве» в сообщении об активе МХАТ есть следующие строчки: «При помощи Гейтца, бывшего одно время директором Театра, авербаховцы пытались сделать Художественный театр «театральным органом» РАППа...»

Если не ошибаюсь, Гейтц, до директорства в МХАТе, был директором Торгсина.

26 мая

Сегодня в газете — об исключении из партии Афиногенова.

Оля сегодня мне звонила днем:

— Думаю, что вам будет интересно услышать: сейчас на активе МХАТ Рафалович в своем выступлении говорил о том, что «вот какая вредная организация была РАПП, какие типы в ней орудовали... вот что они сделали, например: затравили, задушили Булгакова, так что он вместо того, чтобы быть сейчас во МХАТе, писать пьесы, — находится в Большом театре и пишет оперные либретто... Булгаков и Смидович написали хорошую пьесу о Пушкине, а эта компания потопила пьесу и позволила себе в прессе называть Булгакова и Смидовича драмоделами». Так что, думаю, что сейчас будет сильный поворот в пользу Маки. Советую ему — пусть скорей пишет пьесу о Фрунзе!

Эта шутка в конце обозначала — чтобы М.А. переделал в пьесу свое либретто «Черное море».

27 мая

Утром отправляли вещи на дачу — Сергей с Екатериной Ивановной будут жить в Лианозове у Сережиной учительницы музыки.

Потом пошли в город. Я заходила к Феде за билетами. Видела в конторе Рафаловича, который сказал примерно то же, что говорил на активе. Возмущался, что Калужский и Бокшанская только на словах проявляют энергию, а на деле — ни черта.

Телефон молчит, молчит.

28 мая

Сегодня днем была необыкновенно сильная, короткая гроза. Дождь лил с такой стремительностью, что казалось — за окнами туман.

Когда просветлело, мы с М.А. пошли в Лаврушинский подавать заявление о квартире. Председатель правления Бобунов, который раньше бегал от нас, встретил, как родных. Тут же показал список, в котором была фамилия Булгакова, говорил, что, конечно, мы имеем право на квартиру в Лаврушинском. Вообще, говорил очень много, но из-за невероятной дикции — непонятно. Принял заявление.

Может быть и выйдет что-нибудь. Но откуда мы возьмем деньги, если дадут квартиру?

Вечером в арбатской аптеке — случайная встреча с журналистом Перельманом, расстроившая М.А. Первый вопрос — сколько вы получаете *от Турбиных и Мертвых душ?..*

Затем разговор о том, что положение М.А. сейчас очень хорошее, потому что он не продал себя и не участвовал во всей этой кутерьме.

Сергей был с Екатериной Ивановной сегодня на «Вишневом саду» в МХАТе. Придя, сказал — «это такая дрянь, такая скука! С трудом досидел до конца!»

29 мая

Была на «Русалке» в филиале с Арендтами и Дарьей Григорьевной. Мельник — Пирогов.

М.А. играл дома в шахматы с Топлениновым.

30 мая

Вечером позвонил и затем пришел Добраницкий с женой.

Разговор о пьесах М.А., и больше всего о «Беге».

31 мая

В «Правде» сообщение, что Куприн возвращается на родину.

Вечером у нас Калужские.

1 июня

В газетах сообщение о самоубийстве Гамарника.

Куприн вчера приехал. Его фотография в «Известиях» — старенький, дряхлый, с женой.

Отправили наконец наших на дачу.

Мелик звонил, звал завтра прийти к ним.

От романа о дьяволе — к «Мастеру и Маргарите».

2 июня

Приехал Дмитриев, обедал. Говорит, что Пиотровский послал М.А. письмо.

— Никакого письма он не посылал, так как оно не получено.

Вечером мы у Мелика. Мы уже были там, а Мелик опоздал, он случайно дирижировал «Игорем». Пришел взволнованный и кинулся звонить Якову Л. Театру даны награждения: Мелику дали Трудовое Знамя и заслуженного деятеля искусств. Бурная радость Мелика. Якову дали Знак Почета.

3 июня

День моих имянин. Обедали: мой Женичка и Дмитриев. Дмитриев прислал корзину цветов. Женичка — тоже, утром. А к обеду он принес бутылку шампанского.

Вечером Дмитриев, Вильямсы, Оля с Калужским и Федя. М.А. прочитал сцену репетиции из «Записок покойника». Очень понравилась.

Ужинали весело, надевали маски.

4 июня

Получила чудесную корзину цветов от Вильямсов.

Вечером — Дмитриев и Анна Ахматова. Она прочла несколько лирических своих стихотворений.

5 июня

В «Советском искусстве» сообщение, что Литовский уволен с поста председателя Главреперткома.

Гнусная гадина. Сколько зла он натворил на этом месте.

В «Правде» — странное письмо Аркадьева. Пишет, что «дал ошибочную информацию» вчера в «Правде» о репертуаре парижской поездки, упомянув «Бориса Годунова».

Вечером у нас опять Добраницкий.

А позднее — Дмитриев, досидел, конечно, до трех часов.

У М.А. новый способ дразнить Дмитриева: будто бы он видел на столе у Аркадьева лист бумаги, разграфленный, графы: «Ленин», «Трудовое Знамя», «Знак Почета» и фамилии под ними. Будто бы под первой графой — Вильямс, Ливанов, еще кто-то... Будто бы М.А. просмотрел, но на листе фамилии Дмитриева не было... Что бы это могло обозначать? Наконец, наводит Дмитриева на мысль, что это — ордена.

Отчаяние Дмитриева, что его нет в списке. Потом — дикий дмитриевский хохот — дды!.. дды!.. — когда понимает, что розыгрыш.

6 июня

Утром взяла газеты, посмотрела «Правду» и бросилась будить М.А. Потрясающая новость — Аркадьев уволен из МХАТа! Как сказано — «за повторную ложную информацию о гастролях в Париже и репертуаре» и даже «за прямое нарушение решений правительства».

Вот тебе и «Борис Годунов».

М.А. говорит:

— Сто рублей бы дал за то, чтобы видеть сейчас лица мхатчиков!

Днем гуляли по солнцу.

Вечером Дмитриев. Мы встретили его поздравлением с новой квартирой. Вчера он рассказывал о своем разговоре с Аркадьевым, что тот сманивает его на постоянную службу в МХАТе и обещает дать квартиру в Москве.

Дмитриев дико хохотал. Потом рассказал, как Книппер разбудила его (он остановился у них) и сунула ему, не в силах говорить, газету с сообщением об Аркадьеве.

— Воображаю!.. Тетка, в белом пеньюаре... (М.А., говоря с Дмитриевым, всегда называет Книппер его теткой)... заламывала руки!

— Дды!..

7 июня

Обедал Дмитриев.

Вечером — он же и Куза, с вопросом, не возьмется ли М.А. делать инсценировку «Нана» или «Милого друга» или что-нибудь из Бальзака?

Разве что из-за денег, чтобы иметь возможность уехать куда-нибудь отдохнуть летом.

Позднее — Соловьев-Седой с конспектом либретто — замучил М.А. Он же обязан только консультировать, а не сочинять либретто!

8 июня

Какая-то чудовищная история с профессором Плетневым. В «Правде» статья без подписи: «Профессор — насильник-садист». Будто бы в 1934-м году принял пациентку, укусил ее за грудь, развилась какая-то неизлечимая болезнь. Пациентка его преследует.

Бред.

На пароходе — с М.А. и с Женюшкой в Кунцево.

Женька и М.А. купались, вода холодная, грязная.

На пароходе встретили Аннушку Толстую с Патей.

9 июня

Днем Соловьев — М.А. составил ему драматургический костяк его либретто.

Проводила М.А. в Большой — на минутку. Тут же Мордвинов подхватил его: в «Поднятой целине» нет финала, помогите!

Условились, что М.А. придет вечером. И поехал вечером. А потом я заехала за ним, чтобы навестить Калужских.

Оленька жаловалась, что Евгений сильно пьет. Жаль ее ужасно.

Рассказывала, что Немировичу дали 2000 долларов — без уплаты за них советскими деньгами 10 000 руб. Он уж уехал за границу.

Говорила, что Вирта написал пьесу о будущей войне — очень плохую.

10 июня

Был Добраницкий, принес М.А. книги по гражданской войне. Расспрашивает М.А. о его убеждениях, явно агитирует. Для нас загадка — кто он?

11 июня

Утром сообщение в «Правде» прокуратуры Союза о предании суду Тухачевского, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Путны и Якира по делу об измене Родине.

М.А. в Большом театре на репетиции «Поднятой целины». Разговор с Самосудом по поводу соловьевской оперы.

Митинг после репетиции. В резолюции — требовали высшей меры наказания для изменников.

Вечером — Аннушка с Патей Поповым. Случайно пришел Мелик. Аннушка, по своей глупости, решила не ударить лицом в грязь перед Меликом и говорила о «высшем свете» (в связи с «Анной Карениной»)... Ругала Немировича за книжку, ругала кого-то, кто описал ее отца, Илью Толстого, кричала «мой отец женился девственником и двадцать лет не изменял жене!»...

На Мелика они произвели удручающее впечатление.

12 июня

Сообщение в «Правде» о том, что Тухачевский и все остальные приговорены к расстрелу.

М.А. днем предложил взять машину и поехать к Сергею на дачу. Заехали за продуктами к Елисееву и покатили. Дача, как все подмосковные, — убога и в смысле природы и в смысле устройства. Пробыли там недолго, выпили кофе, М.А. выкупался, и поехали домой к обеду.

Перечитала по просьбе М.А. «Нана» и «Bel'ami». А М.А. перечитывает «Евгению Гранде». Видимо, вахтанговцы ошалели от отсутствия пьес, не знают, на что кинуться. Не подходит это!

13 июня

Были вечером у Калужских. Они рассказывали, что из списка актеров, едущих в Париж, вычеркнули нескольких, в частности, Кторова, Подгорного, Кореневу, Шуру Комиссарова, Настасью Зуеву.

Можно представить, какие скандалы будет закатывать Коренева!

Заведующим по художественной части, с большими полномочиями, назначен Сахновский, причем ему было сказано: с требованиями К.С. вы можете соглашаться только в тех случаях, когда сами найдете это необходимым. Егоров назначен по финансовой части, с полным ограничением прав по художественной части. Всеми делами по поездке заведует Орловский, причем Егоров подчиняется распоряжениям Орловского, а Орлов-

ский — распоряжениям Сахновского. Интересно, выпустит еще когти Егоров или нет.

14 июня

Вечером был Дмитриев. Опять упорно уговаривал М.А. писать пьесу к 20-летию. Сидел до четырех часов ночи.

М.А. сказал ему для передачи вахтанговцам, что ни один из трех романов инсценировать не будет, так как это все материал, не подходящий для советской сцены («Нана» и «Милый друг»), а Бальзак скучен.

15 июня

М.А. работает сейчас над материалом для либретто «Петр Великий».

— Как бы уберечь мне эту тему? Чтобы не вышло, как с «Пугачевым».

Несколько месяцев назад М.А. предложил Самосуду тему — Пугачев — для либретто. Тот отвел. А потом оказалось — ее будет писать Дзержинский — очевидно, со своим братом-либреттистом.

16 июня

Днем М.А. поехал на Москву-реку купаться. Жара.

Вечером у нас Оля с Калужским. Сказали, что из списка вычеркнули еще Шевченко и Сластенину.

17 июня

Вечером у нас Вильямсы. М.А. читал главы из романа («Консультант с копытом»).

18 июня

Вечером пошли в кафе «Журналист», посидели до двух часов ночи.

Не знаю, почему такие места наводят на меня страшную печаль.

М.А.БУЛГАКОВ — С.А.ЕРМОЛИНСКОМУ

Дорогой Сережа!

<...> Ну-с, дела у нас обстоят так: Сергей в Лионозове с Екатериной Ивановной на даче у учительницы музыки. Ногу он уже пропорол гвоздем, глаз расшиб во время фехтования и руку разрезал перочинным ножом. К великому счастью моему, нож после этого потерял, а на пруд, надеюсь, ему больше одному улизнуть не дадут.

Мы сидим в Москве прочно, безнадежно и окончательно, как мухи в варенье. Надежд на поездку куда-нибудь нет никаких, разве что произойдет какое-нибудь чудо. Но его не будет, как понятно каждому взрослому человеку.

Я пользуюсь поэтому каждым случаем, чтобы выбраться на Москву-реку, грести и выкупаться... Без этого все кончится скверно — нельзя жить без отдыха.

На столе у меня материалы по Петру Великому — начинаю либретто. Твердо знаю, что, какое бы оно ни было, оно не пойдет, погибнет, как погибли и «Минин» и «Черное море», но не писать не могу. Во всяком случае, у меня будет сознание, что обязательства свои по отношению к Большому театру я выполнил, как умел, наилучшим для меня образом, а там уж пусть разбираются, хотя бы и тогда, когда меня перестанут интересовать не только либретто, но и всякие другие вещи.

Что же еще? Ну, натурально, всякие житейские заботы, скучные и глупые.

Был Куза с нелепым предложением переделывать «Нана» или «Bel'ami» в пьесу.

Я было поколебался, но, перечтя романы, пришел в себя. В самом деле, за возможность на две недели отправиться куда-нибудь к морю, навалить на себя груз тяжелой, портняжной работы, которая к тому же тоже не пойдет! Нет, это слишком дорогая цена!

Сидим с Люсей до рассвета, говорим на одну и ту же тему — о гибели моей литературной жизни. Перебрали все выходы, средства спасения нет.

Ничего предпринять нельзя, все непоправимо.

Ну вот и написал довольно бодрое письмо!

Желаю тебе успеха в работе, Марике желаю прочно поправиться.

Приезжай, не забывай, что тебя в Нащокинском любят. Обнимаю тебя дружески и дважды — за себя и за Люсю. Марике передай два поцелуя, а если успеешь, то и напиши.

Твой Михаил.

19 июня

Днем ездили с М.А. в Серебряный Бор купаться.

Вечером пришли к нам Мелик с Минной. Очень славно посидели. М.А. показывал оркестрантов из Большого театра, как они играют в шахматы (на медных оркестранты) и в нужный момент появляются в оркестре и ударяют в инструменты. Потом спокойно — немедленно — уходят доигрывать.

20 июня

М.А. поехал днем в Фили купаться. Вечером работал над либретто («Петр Великий»). Телефон молчит. Мы держали пари с М.А. третьего дня. Он говорит, что Добраницкого мы больше не увидим — не позвонит, не придет.

21 июня

Вечером внезапно собрались и пошли к Леонтьевым.

Рядом с их домом было французское посольство. Смотрим — двери раскрыты, сор выметают. Оказалось, посольство переехало.

22 июня

Вечером — Федя. На днях уезжает в Париж. Поездку считает трудной, ответственной. Ну, конечно, разговор перебросился на дела М.А. Все тот же лейтмотив: М.А. не должен унывать, должен

Николай и Борис Эрдманы. 1919.

писать. М.А. сказал, что чувствует себя, как утонувший человек — лежит на берегу, волны перекатываются через него...

Федя яростно протестовал. Между прочим, он — шутя-шутя, а выучился говорить по-французски.

23 июня

Днем М.А. ездил на Москву-реку купаться.

Вечером явился Добраницкий. Я выиграла пари.

Нина, которая тоже пришла с ним, сказала мне («по секрету»), что осенью во МХАТе начнутся репетиции «Пушкина». Откуда она может знать?

24 июня

Письмо от Кузы. Предлагает М.А. делать «Дон-Кихота», но тут же пишет, что «Нана» они будут ставить.

Взбесились они, что ли?

Пишет, что они готовы немедленно заключить договор на «Дон-Кихота», что он просит позвонить Ванеевой, которая уже знает об этом.

Вечером позвали Вильямсов. М.А. прочитал кусочек романа.

Разговор за ужином о писателях. Петя любит Гоголя и ненавидит Достоевского, и уверял М.А., что он похож на Гоголя.

Ануся до нас была у Николая Эрдмана. М.А., узнав, сейчас же позвонил к Эрдману и стал звать его к нам — М.А. очень хорошо к нему относится.

Но Николай Эрдман не мог уйти из дому.

Вильямс советует М.А. согласиться на «Дон-Кихота», подписать договор и ехать вместе с ними на август в Синоп.

Оля звала к ним, у них Сахновские, но мы из-за Вильямсов не пошли.

25 июня

М.А. звонил Ванеевой, сказал, что согласен делать «Дон-Кихота». Та ответила, что будет говорить об этом в Комитете искусств.

Размышляли, куда поехать, если заключат договор. Одесса, Крым?..

Вышли в город и тут же в Гагаринском встретили Эммануила Жуховицкого. Обрадовался, говорил, что обижен очень нами, что мы его изъяли, спрашивал, когда может опять прийти? Условились на сегодняшний вечер, в десять часов.

В городе М.А. купил украинский словарь.

Жуховицкий явился почему-то в одиннадцать часов и почему-то злой и расстроенный (М.А. объяснил потом мне — ну, ясно, потрепали его здорово в учреждении).

Начал он с речей, явно внушенных ему, — с угрозы, что снимут «Турбиных», если М.А. не напишет агитационной пьесы.

М.А.:

— Ну, я люстру продам.

Потом о «Пушкине»: почему, как и кем была снята пьеса?

Потом о «Зойкиной» в Париже: что и как?

Сказали, что уже давно не имеем известий.

Словом, полный ассортимент: расспросы, вранье, провокация.

М.А. часто уходил к себе в комнату, наблюдал луну в бинокль — для романа. Сейчас — полнолуние.

26 июня

Неожиданно с дачи приехали Сережа с Екатериной Ивановной (ссыльные — М.А. дразнит их). Мы втроем — М.А., Сергей и я поехали в Фили купаться.

Вечером пошли ужинать в кафе «Журналист». Боже, что за публика.

27 июня

Жара все стоит нестерпимая. У нас в квартире духота — квартира вся на солнце. М.А. ездил с Сергеем Топлениновым в Парк культуры купаться. Говорит, что станция оборудована прекрасно, но вода такая грязная, что им пришлось отмываться потом под душем.

Вечером М.А. играл в шахматы с Сергеем Топлениновым.

Сегодня в «Комсомольской правде» статья под заглавием «Доколе же можно увиливать?» — о двух письмах Безыменского, — по-видимому, редакционная, без подписи.

Часов в двенадцать ночи появился неожиданно Мелик. После ужина мы сели играть вчетвером в карты, в придуманную М.А. игру, играли до трех часов.

В «Вечерней Москве» интервью с Асафьевым, причем вся заметка дается ««Минин и Пожарский» — новая опера Асафьева».

Непонятно: ведь опера не пойдет?

28 июня

Стоит дикая жара.

Вечером к нам пришли Калужские, и мы отправились с ними в ресторанчик Клуба мастеров искусств. Туда же должны были прийти и Вильямсы. За каждым почти столиком

знакомые лица. Тут и Блюменталь-Тамарина, и Млечин, и Соснин, Вольский, Барнет, Пессимист, Бухов, Комиссаров, Гедике... всех не упомнишь. К нам подсел, кроме Вильямсов, Яншин.

Злорадно хихикал, рассказывал, как он — на банкете в «Метрополе» по поводу награждения орденами — задал Немировичу вопрос:

— А как же вы, Владимир Иванович, «Чудесный сплав» ставили? Почему?

Оля смотрела на него ненавидящими глазами.

Пошли пешком до Страстного, а там сели на ночной автобус.

29 июня

Вечером пошли в кино с Вильямсами на «Маленькую маму». Чудесная картина, мы уж видели ее зимой на ночном просмотре. Потом пошли поужинать в это же мерзкое кафе «Журналист». Оно гаже вчерашнего и кормят хуже.

М.А. рассказал, что утром звонила Ванеева и выложила следующее: она говорила в Комитете с Боярским по поводу «Дон-Кихота». В Комитете поражены темой. Она не может самостоятельно, без коллектива, подписать договор, просит М.А. подождать до осени. М.А. не должен думать, что это против него в Комитете. Что ее страшно крыли на активе. Словом, собачья чепуха, из которой видно ясно одно, — что она трясется за себя и не смеет сделать ни одного шага решительного.

За ужином Петя рассказывал, что «Сусанин» пойдет непременно на Большой сцене к 20-летию. Что Городецкий уже сделал либретто, а Мордвинов, взяв всевозможные исторические материалы, поехал в Кисловодск, где, кстати, и Самосуд.

Кроме того, пойдут: «Кавказский пленник», «Этери», «Мать», «Броненосец Потемкин»... еще что-то.

«Минину» — крышка. Это ясно.

30 июня

Жара.

Вечером поехали с М.А. на пароходике.

1 июля

Ужинали у нас Вильямсы и Гриша Конский, после долгого перерыва появившийся опять. Гриша едет на лето к Степуну. У того под Житомиром маленькая усадебка. Там можно получить полный пансион, есть купанье. Гриша уговорил тут же позвонить Степуну. Степун сказал мне, что это его очень бы обрадовало, что он постарается все наладить так, чтобы М.А. мог хорошо отдохнуть и работать.

Быть может, мы поедем. Обещали через несколько дней дать Степуну окончательный ответ. М.А. смущает только работа над «Петром» (либретто). Невозможно везти все материалы.

2 июля

М.А. работает над «Петром». Приехал Дмитриев, пришел обедать. Сказал, что приехал в Москву только для того, чтобы повидаться с нами. Едет в Боржом. Говорил, что не представляет себе, как будет жить два месяца, не видя нас, что будет очень скучать.

После обеда пошли на балкон и стали втроем забавляться игрой — пускали по ветру бумажки папиросные и загадывали судьбу — высоко ли и далеко ли полетит бумажка.

Потом началась сильная гроза, которую мы ждали уж давно, умирали от жары.

Вечером Дмитриев опять пришел, сидел до трех часов ночи.

Он сказал, что они с Асафьевым много говорили о М.А. и решили, что М.А. необычайно высоко стоит в моральном отношении, что, — как забавно сказал Дмитриев, — другого такого порядочного человека они не знают.

М.А. сделал свою гримасу — поджал губы, поднял брови, голова набок. Дмитриев — дды!..

3 июля

Обедал Дмитриев. Говорят в городе, что может быть мхатчики не поедут в Париж.

Вечером Вильямсы предложили пойти в Эрмитаж, на эстраде элегантный номер «Риголетто». Двое мужчин и две женщины работают, улыбаясь ангельской улыбкой.

Собственно, работает один только человек, остальные — декорация. Отвлекают внимание публики. Один этот засунул в рот красную нитку и пачку иголок, пожевал, а потом вытащил изо рта красную нитку, продетую во все иголки.

Потом мы ужинали в «Метрополе», а эти Риголетто сидели за соседним столиком — абсолютно выдохшиеся. Какая там улыбка.

Поужинали, потом посидели в баре.

4 июля

Дмитриев вчера должен был уехать, но оказалось — ошибка с билетами, остался еще на день. Пришел к нам обедать.

М.А. ездил с Сергеем Топлениновым на реку — катались на байдарках. М.А. понравилось очень.

5 июля

Письмо от Асафьева. Благодарит за предложение писать совместно оперу «Петр», тронут тем, что М.А., несмотря на неудачу с «Мининым» (что не пойдет) — обратился опять к нему.

Вечером играл М.А. в шахматы с Топлениновым.

6 июля

Неожиданный приезд Сергея с Екатериной Ивановной — дождь выгнал их с дачи.

Вечером все поехали на речном трамвае в Парк культуры, там смотрели номер — езда на мотоциклетках по отвесным стенам. Страшно.

Вечером М.А. пошел с Вильямсами в «Метрополь», мне нездоровится, осталась дома.

7 июля

Вчера пришло письмо из Лондона, из Европейской компании публикаций, спрашивают у М.А. сведения из его автобиографии, для помещения в энциклопедию: что написал? где жил?

Точно такой же запрос был в 1933 году, но М.А. тогда не ответил сразу, а потом уж как-то неловко было, много времени прошло.

Они прислали наклеенное отпечатанное сообщение, что Булгаков написал «Белую гвардию», «Зойкину квартиру», «Багровый остров» и т.д. и что в 1921—23 гг. Булгаков был в Берлине, то есть повторили ту же ошибку, что была помещена у нас в Большой энциклопедии.

М.А. написал, что никогда в Берлине и вообще за границей не был.

Приехала из мхатовского дома отдыха в Пестове Оля, очень хвалила, советовала и нам поехать туда — на август будут путевки продаваться.

Вечером М.А. над «Петром».

8 июля

Холодный день. М.А. все же поехал с Сережкой на реку, ездили на байдарке. Оба в восторге. Но потом пришлось принимать душ. Хотя станция ЦДКА очень здорово организована, но вода в Москве-реке грязная до ужаса.

Звонила Оля — опять едет в Пестово. Говорит, что 25-го едут в Париж.

Федя еще не уехал.

Вечером М.А. — над «Петром». Досадно, что Дмитриев забыл в Ленинграде на столе у себя обещанный им дневник Берхгольца — самый интересный материал для «Петра», говорит М.А. Теперь ищи по всей Москве.

9 июля

Неожиданно приехал Женичка (мой) из Ленинграда. Обедал у нас.

Звонок Добраницкого, хотел прийти. Я сказала, что мы заняты. Попросил разрешения прийти завтра.

Вечером пошли, как условились, к Леонтьевым, почитать кусочки из «Записок покойникам». Были, кроме нас, еще Топлениновы. Куски имели громадный успех, особенно радовался Яков Л. Он до того смеялся, что дамы кричали ему с ужасом:

— Яша, перестань смеяться, ты совсем синий!

10 июля

Решили ехать в Богунью на месяц — к Степуну. Так как денег не хватает, хочу спросить у Екатерины Ивановны — не даст ли в долг.

Поехали на дачу в Лианозово, Лоли с радостью ответила — да, да. Возьмем 1200 руб. — как раз за двоих Степунам внести.

Вернулись в Москву, пришел Женичка к нам, пообедали. Легли отдохнуть, как всегда.

Вечером пришел Добраницкий, за ним и Нина. По просьбе Добраницкого М.А. прочитал «Бег». Впечатление громадное.

Да и правда — не только эта вещь замечательная, еще надо послушать, как М.А. ее читает.

Дали в Богунью телеграмму — есть ли комната? Хоть бы была!

11 июля

Из Богуньи от Гриши письмо, очень обстоятельное, — там очень хорошо и нас все ждут.

Второе — от жены Степуна, очень любезное и радушное — непременно приезжайте.

Дала Ивану Сергеевичу на билеты денег, попросила взять на 15-е.

Сегодня видела многих из МХАТа и Большого театра и почувствовала, что, в сущности, есть масса людей, удивительно относящихся к М.А. Или день такой был?

Вечером были у Вильямсов. Петя показывал свои работы — и этих лет и давнишние. Есть удачные портреты. Например, Барнет Борис сидит, громадный, похожий на боксера, а в колоссальном кулаке зажата розовая гвоздика. Про штаны М.А. сказал — скульптурные штаны. Или: Григорий Александров. Снег. Фон — Абрамцево, а на переднем плане Александров в распахнутой короткой куртке, без шапки, с гитарой в руках. Лицо падшего ангела. М.А. сказал:

— Такой он был бы на том свете.

Очень понравилась Петина «Нана».

12 июля

День физкультурного парада. Поехали к женщине — зубному врачу, которую я случайно нашла и которая нас нагло обсчитала, узнав фамилию.

Остановились на Арбатской площади, смотрели на проходивших физкультурников. Издали очень красивое зрелище — коричневые тела, яркие трусы. Вблизи — красивых лиц почти нет, и фигур тоже.

Вечером пошли к Вильямсам. М.А. обещал им принести и прочитать «Собачье сердце» — хотя М.А. про нее говорит, что это — грубая вещь.

У Вильямсов была Тяпкина, актриса театра Завадского в Ростове — раньше была у Мейерхольда. Смешливая, аппетитная — так и хочется сказать — баба.

13 июля

Заходила днем в МХАТ по поводу билетов, искала Ивана Сергеевича. Оленька сказала, что Аркадьев арестован. Невольно вспомнилась подхалимская статья в «Горьковце» и надпись на

газете в тот день — «Исторический день в жизни МХАТ» — это о приходе Аркадьева в Театр. Вот и «исторический». На верно, в «Горьковце» теперь локти себе кусает редактор.

17 июля

М.А.БУЛГАКОВ — Я.Л.ЛЕОНТЬЕВУ

Житомир, Богунья. Дача Тарасевича.

Дорогие друзья,
здесь прелестно! И вот, радуясь солнцу, речке, акациям, липам, сладостному воздуху и надежде излечиться от утомления, и Люся и я нежно Вас целуем, а подробности тоже напишем.

Ваш М.Булгаков.

14 августа

Сегодня вернулись из Житомира. Прасковья оглушила сообщением, что у Сережки аппендицит. Была страшная суматоха, возили врача на дачу. Спасибо Якову Леонтьевичу — дал машину, достал доктора. Исключительные люди Леонтьевы!

На столе — счета. И как всегда — какая-нибудь ерунда при приезде. Лежит безграмотная открытка о том, что будто бы не уплачены взносы по соцстраху — угроза прокурором. М. А-чу — письмо из Бюро драмсекции с вопросом, как подвигается его работа над пьесой к 20-летию. Вопроса — пишет ли он вообще эту пьесу — даже не поставлено.

Разбиты вдребезги — не спали две ночи в поезде.

Прасковья сообщила, что писатель Клычков, который живет в нашем доме, арестован. Не знаю Клычкова.

Позвонил Сергей Ермолинский, очень обрадовался приезду нашему.

Какой чудесный Киев — яркий, радостный. По дороге к Степунам мы были там несколько часов, поднимались на Владимирскую горку, мою любимую. А на обратном пути прожили больше недели.

Вечером пошли к Леонтьевым на часок — поблагодарить за их участие к Сережке.

Жизнь в Богунье поначалу была прелестна. Места там очень красивые, купались. Поначалу — кормили. Хотя Гриша Конский, который сидел около меня за столом, всегда говорил громко: вкусно́, но мало́ (окая), или «мало, но вкусно».

Но потом, так как приехала масса родственников — бесплатных, а платных было очень мало людей — перешли на голодный паек. М.А. не вытерпел, и пища при этом пресная, а он привык к острой (да и вообще про наш стол М.А. всегда говорит, что у нас лучший трактир во всей Москве) — мы начали с ним через день ходить пешком в Житомир за закусками, приносили сыр, колбасы, икру, ветчину, ну, конечно, масло — хлеб, водку тоже. И таким образом — М.А. по большей части не ходил ужинать, есть эти все лапшевники, а питался дома. Но потом надоело нам, и мы через три недели уехали.

15 августа

В Лианозове — у Сергея — М.А., я, Женичка мой и Оля. Бедняга Сережка лежит на кровати в саду, боли.

Оленьку в последний день не пустили в Париж. Почему — непонятно.

М.А. потом меня уверял, что это для того, чтобы Немирович не расцвел в Париже пышным цветом и не наговорил и не наделал бы там массы чепухи. Его надо было устранить от всяких выступлений, а Оля бы старалась всячески его поместить на первое место и т.д.

В городе слухи о писательских арестах. Какой-то Зарудин, Зарубин, потом Бруно Ясенский, Иван Катаев, еще кто-то.

16 августа

М.А. продиктовал ответ драмсекции — что не работает ни над какой пьесой, так как пьесы его все сняли.

А в ответ на вопрос — не нужна ли вам какая-нибудь помощь? — написал, что помощь, действительно, нужна, что пусть они похлопочут о квартире для него в Лаврушинском и об авансе во Всероскомдраме (у нас действительно нет ни копейки).

Такое же письмо Треневу как председателю драмсекции.

Пошли во Всероскомдрам, подали заявление М.А. об авансе. Встретили там Ардова, он сказал, что арестован Бухов.

Он на меня всегда производил мерзкое впечатление.

Вечером Ермолинский.

М.А.БУЛГАКОВ — В БЮРО СЕКЦИИ ДРАМАТУРГОВ ССП

Дорогие товарищи!

По возвращении моем в Москву я нашел у себя письмо Бюро Драмсекции от 29.7.37, в котором Бюро запрашивает меня о работе моей над пьесой к 20-летию Октября.

С большим сожалением я должен уведомить Бюро, что уже больше года я не занимаюсь сочинением пьес для драматических театров.

Причиной этого явилось следующее обстоятельство. В начале 1936 года Театры внезапно сняли со сцен всю мою драматическую продукцию последних лет. Московский Художественный снял, после нескольких представлений, мою пьесу «Мольер», Московский Театр Сатиры, после первой генеральной, — мою комедию «Иван Васильевич», Вахтанговский — прекратил начинающуюся работу над пьесой моей «Александр Пушкин».

Означенное снятие моих пьес разного жанра сопровождалось появлением в прессе статей такого характера, который показал мне с неоспоримой ясностью, что дальнейшее сочинение мною пьес и представление их в драматические театры является совершенно бесполезным.

Я вынужден был переключиться на другой вид работы и стать оперным либреттистом. В настоящее время я заканчиваю либретто оперы «Петр Великий».

В ответ на запрос Бюро о том, не нуждаюсь ли я в каком-либо виде помощи от Бюро, я сообщаю, что нуждаюсь. Бюро помогло бы мне в моей литературной работе, если бы:

1) (немедленно) поддержало бы безуспешные и повторные заявления о том, чтобы мне вместо моей квартиры в доме № 3 по улице Фурманова предоставили бы квартиру большего размера в Лаврушинском переулке, ибо в теперешней моей заниматься литературным трудом нет никакой возможности вследствие тесноты, и

2) срочно поддержало бы мое заявление в Управление по охране авторских прав о выдаче мне аванса в размере трех тысяч рублей в счет авторского гонорара, ибо описанное выше снятие пьес чрезвычайно осложнило мое материальное положение, что мешает мне работать.

С товарищеским приветом М.Булгаков.

17 августа

Звонок Тренева утром. Письмо, видимо, произвело впечатление. Квартиры, конечно, не будет.

Тут же поехали на дачу к Сергею.

Под вечер пришел Яков Л.

— Я за вами на машине, поедем на речной вокзал в Химки.

Поехали.

Понравилось на вокзале, и пароходик легкого типа — элегантный, тоже понравился. Яков сказал, что директором МХАТ назначен Боярский, и Егоров уже начал делать ему первые пакости.

18 августа

Утром звонок Олега Леонидова. О письме М.А. Видимо, произвело все-таки впечатление. Но толку, конечно, не будет. Одни разговоры.

Дмитриев прилетел с Кавказа на аэроплане. Обедали. Сидел до отъезда в Ленинград. М.А. слышал, что в Ленинграде посажен Адриан Пиотровский.

19 августа

Ездила в Лианозово с доктором на машине. Примерно через месяц Сергея будут оперировать.

20 августа

Холодный обложной осенний дождь.

После звонка телефонного — Добраницкий. Сказал, что арестован Ангаров. М.А. ему заметил, что Ангаров в его литературных делах (М.А.), в деле с «Иваном Васильевичем», с «Мининым» сыграл очень вредную роль.

Добраницкий очень упорно предсказывает, что судьба М.А. изменится сейчас к лучшему, а М.А. так же упорно в это не верит. Добраницкий:

— А вы жалеете, что в вашем разговоре 1930-го года со Сталиным вы не сказали, что хотите уехать?

— Это я вас могу спросить, жалеть ли мне или нет. Если вы говорите, что писатели немеют на чужбине, то мне не все ли равно, где быть немым — на родине или на чужбине?

21 августа

Дома одни. М.А. сидит над «Петром».

22 августа

Зашла в дирекцию ГАБТ за М.А., слышала конец его разговора с Самосудом — что-то не вышло с «Поднятой целиной». Трудно будет М.А. У Самосуда престранная манера работы, он делает все на ходу. Ничем не интересуется, кроме своих дел. Он обаятелен, но, конечно, предатель. Он явно не хочет пустить Асафьева на «Петра». М.А. волнуется, считает, что так поступить с Асафьевым нельзя — он переписывался с ним о «Петре».

Оля рассказывала по телефону об успехе МХАТа в Париже, но голос у нее был такой, что я засомневалась.

23 августа

Шли с Олей — встретили Добраницкого. Оля аттестовала его дурно. Его одно время хотели назначить во МХАТ директором. Тогда Оля встретила его в штыки.

Вечером мы у Ермолинского. Шахматы.

24 августа

Днем М.А. над «Петром».

Вечером утомился. Я пошла за Ермолинским, привела его к нам. Шахматы. Ужин.

26 августа

Днем я на даче.

К обеду пришли Вильямсы — приехали из Пестова. Поездка их в Синоп сорвалась — из Комитета ему сообщили, что он едет в Париж. Но после этого — молчание. Так они в Пестове и просидели.

Вечером явился Гриша Конский, приехал из Богуньи. Вспоминали всякие смешные эпизоды из летней жизни.

27 августа

К обеду Дмитриев.

Вечером Дмитриев и Яков. Яков сообщил, что Ермолинский подавился костью, сейчас в лечебнице, положение его неясно.

28 августа

Были в Старо-Екатерининской больнице. Канторович надеется на благоприятный исход — кость извлекли.

29 августа

Я с Марикой утром в больнице — вторая операция, извлекли еще две кости, положение его плохое. М.А. приехал после операции.

Вечером Мордвинов вызвал М.А. на совещание по поводу «Поднятой целины».

Поразительно — совещание назначено на одиннадцать часов вечера в гостинице «Москва». Самосуда вызвали из номера. А братья Дзержинские появились: Иван в половине первого ночи, а брат его либреттист еще позже. Этот самый либреттист очень испугался, увидев М.А. Зачем? Самосуд шепотом ему объяснил, что Булгаков — консультант ГАБТ. Услышав фамилию — Булгаков — поэт Чуркин, который тоже был при этом, подошел к М.А. и спросил:

— Скажите, вот был когда-то писатель Булгаков, так Вы его...

— А что он писал? Вы про которого Булгакова говорите? — спросил М.А.

— Да я его книжку читал... его пресса очень ругала.

— А пьес у него не было?

— Да, была пьеса, «Дни Турбиных».

— Это я, — говорит М.А.

Чуркин выпучил глаза.

— Позвольте!! Вы даже не были в попутчиках! Вы были еще хуже!..

— Ну что может быть хуже попутчиков, — ответил М.А.

30 августа

Звонил Виктор Федорович Смирнов, который когда-то приходил по поводу своего либретто. Сказал, что назначен и. о. председателя ВОКСа. Из слов его, что «Аросев тяжело заболел и больше не вернется», понятно, что бывший председатель ВОКСа Аросев арестован.

Мхатчики приехали из Парижа. Вечером пришел Топленинов — играли в шахматы с М.А.

31 августа

Звонок Файмонвилла — приглашение прийти третьего в шесть часов на коктейль.

Приехали дачные бедняги, Сергей обрадовался «Потапу».

Вечером Гриша Конский. Просил М.А., чтобы он почитал ему из романа о Воланде.

Звонил Мелик — был нездоров.

1 сентября

М.А. водил Сергея к Арендту. Тот сам болен.

2 сентября

Чудесный летний день. Водили Сергея в госпиталь — операция будет восьмого.

Вечером навестили Мелика по его просьбе. Он нездоров.

В газетах сообщение о самоубийстве председателя Совнаркома Украины Любченко.

Приходили Оля с Калужским. Он показался мне излишне развязным.

3 сентября

Настойчивые звонки секретарши Файмонвилла (русской), уговаривает прийти, спрашивает о здоровье Сергея, хочет что-то ему подарить...

Мы не пошли.

Вечером Оленька. Сначала не хотела признаться, что МХАТ не прошел в Париже. Но потом сказала:

— Ну да, «Анна Каренина» не имела того успеха, на который МХАТ рассчитывал...

И тут же рассказала, что про Аллу Тарасову французы написали, что она похожа на дебелую марсельянку, — что в белогвардейских газетах писали, что у Еланской такая дикция, что ничего не поймешь, что вместо слова — мерзавец — она произносит «нарзанец», что, конечно, понятен испуг Анны Карениной, когда она увидела в кровати вместо своего маленького сына — пожилую еврейку (Морес) и т.д.

Льет дождь. Поздно. Идем ужинать.

4 сентября

М.А. пошел к Попову — играть в винт.

5 сентября

Говорил кто-то М.А., что арестован Абрам Эфрос. Может и нет, очень много врут.

М.А. играет в шахматы у Топленинова.

6 сентября

М.А. возится с «Петром». Вечером Смирнов принес свое либретто. Производит очень несерьезное впечатление. Говорил, что арестован Литовский. Ну, уж это было бы слишком хорошо.

7 сентября

Отвезли Сергея в лечебницу. Операция будет завтра утром.

15 сентября

Все прошло благополучно. Сергей уже дома.

16 сентября

Отчаявшись добиться у Самосуда прослушивания «Петра», М.А. решил сдать его и отвез Якову Леонтьевичу в театр.

Звонил Иосиф Раевский — просил разрешения прийти. Условились на завтра.

17 сентября

Утром я отвезла экземпляр либретто в Комитет, сдала секретарю Керженцева. Комитет только что переехал в новое помещение на Ильинке. Комнаты неуютные, необжитые. Перед секретарем ни одной бумажки на столе. Делать ему, видно, нечего.

Вечером пришла Оленька, потом часов в десять — Раевский, а еще позже, после «Карениной», — Калужский.

Раевского рассказы о Париже: некоторые все время проторчали на барахолке, покупая всякую дрянь, жадничали, не тратили денег на то, чтобы повидать Париж, и ничего в Париже не увидели, кроме галстуков.

Отвратительно повел себя на обратном пути Израилевский, фу, ты, Ливанов. Он учинил Израилевскому мерзкий скандал. Может поплатиться за это, так как Израилевский подал на него жалобу.

Анекдотическую штуку учинила старуха Халютина. На фестивальной репетиции в фойе стала демонстративно бормотать свою роль в присутствии фестивальных иностранцев. Судаков спросил:

— Вы переменили рисунок роли?

— Ничего я не меняла, а просто наплевали мне в душу, не взяли в Париж, вот я и буду теперь играть формально.

Собрались гнать ее из Театра, но ограничились тем, что сняли с роли.

В нашем парижском посольстве сначала очень косо посмотрели на пиджак Ливанова (когда собралась труппа) — грязный, сальные пятна какие-то, неглаженый. А потом сказали: ну что ж, пусть и такой будет...

Наши актрисы некоторые по полнейшей наивности купили длинные нарядные ночные рубашки и надели их, считая, что это — вечерние платья. Ну, им быстро дали понять...

Хмелев старался говорить все время по-французски, это его конек, но ни один француз его не понял, хотя он все время говорил «n'est-ce pas?..»[1]

Потом у него раз безумно разболелись зубы, он просто неистовствовал. Иверов принес ему бутылку коньяку, чтобы он выпил и уснул — на него уж ничего не действовало. К нему в номер пришел Калужский и стал уговаривать выпить, и сам напился до полусмерти.

Кто-то спрашивал в кафе — дайте мне ша-нуар — chat noir[2] вместо кафе-нуар... Словом, довольно бесславные рассказы.

18 сентября

Сегодня М.А. потерял со Смирновым три часа времени — правил ему либретто. Как это печально.

Совершенно летняя жара, хожу в летнем костюме и белой шляпе.

19 сентября

Опять приехал Дмитриев (он приезжал восьмого), обедал. Говорил, что в Ленинграде видел Литовского. Значит, Смирнов наврал.

21 сентября

Добраницкий позвонил, просит его навестить — у него перелом ноги.

---

[1] Не так ли? *(фр.)*

[2] Черная кошка *(фр.)*.

Поехали.

Показывал М.А. книги по гражданской войне, которых нет у М.А.

22 сентября

Биндлер позвонил из Большого, сказал, что есть письмо Керженцева о «Петре».

Поехали за письмом. Это записка с заголовком «О Петре», состоящая из 10 пунктов. Смысл этих пунктов тот, что либретто надо писать наново.

Вечером был Арендт — играл с М.А. в шахматы.

23 сентября

Мучительные поиски выхода: письмо ли наверх? Бросить ли театр? Откорректировать роман и представить?

Ничего нельзя сделать. Безвыходное положение.

Поехали днем на речном трамвае — успокаивает нервы. Погода прекрасная.

Вечером М.А. на репетиции «Поднятой целины». До часу ночи помогал выправлять текст. Из театра привезли его на машине. С головной болью.

24 сентября

Напросился Тимофей Волошин, не люблю его. Читал очень плохие свои стихи. Развязен. Судится с Таировым. Тот сделал попытку выгнать его из театра за выступление против него, Таирова, на собрании после «Богатырей».

Днем ездили с М.А. на речном трамвае. Но уже было туманно, моросило.

25 сентября

Два последних акта «Руслана» слушала, приехав за М.А. в театр. Златогорова очень хороша в Ратмире. Самосуд дирижировал во фраке.

Оттуда поехали к Калужским на новую квартиру — на улице Кирова. Квартира приличная, только крутая лестница. Был Гриша Конский. Оленька подарила М.А. книгу, составленную Марковым и переведенную на французский для Парижа. Прекрасно издана, на дорогой бумаге. Ни одного слова о «Турбиных».

Слух, что арестован Киршон. М.А. этому не верит.

26 сентября

Приехал Дмитриев, привез М.А. испанский экземпляр «Дон-Кихота».

По телефону — с Олей и с Виленкиным: из Комитета искусств, из театрального отдела запрашивают экземпляр «Бега». Надо переписывать. Хотя и не верим ни во что.

27 сентября

Удивительный звонок Смирнова: нужен экземпляр «Бега». Для кого, кто спрашивает? — Говорит, что по телефону сказать не может.

Решили переписывать «Бег».

Днем М.А. ходил на репетицию «Травиаты».

Обедал у нас Дмитриев.

После обеда, как всегда, легли отдохнуть, после чего М.А. стал мне диктовать «Бег».

Позвонил Мелик, попросил разрешения прийти. Читал «Петра» (либретто). Сказал, что недостаточно хора, в некоторых местах слишком драматургично.

Потом, попозднее, пришла Минночка и Вильямсы.

М.А. показывал, как дирижирует дирижер в Большом театре (пародия на Мелика).

28 сентября

М.А. диктует «Бег», сильно сокращает.

Звонил Олеша, спрашивал у М.А. совета по поводу своих болезненных ощущений. Он расстроен нервно, к тому же у него несчастье. Не он говорил, а знаю из газеты и рассказов: его пасынок выбросился из окна, разбился насмерть.

Вечером, на короткое время, перед поездом — Дмитриев с женой.

Потом «Бег» до ночи.

29 сентября

«Бег» с утра.

М.А. искал фамилию, хотел заменить ту, которая не нравится. Искали: Каравай... Караваев... Пришел Сережка и сказал — «Каравун». М.А. вписал.

Вообще иногда М.А. объявляет мальчикам, что дает рубль за каждую хорошую фамилию. И они начинают судорожно предлагать всякие фамилии (вроде «Ленинграп»...).

А весной была такая игра: мух было мало в квартире и М.А. уверял, что точно живет в квартире только одна старая муха Мария Ивановна. Он предложил мальчикам по рублю за каждую муху. И те стали приносить, причем М.А. иногда, внимательно всмотревшись, говорил — эта уже была. С теплом цена на мух упала сначала до 20 копеек, а потом и до пятачка.

30 сентября

Целый день «Бег».

Ни звонков, ни писем.

1 октября

Кончили «Бег».

Позвонила к Виленкину. Старалась расспросить. Но он говорит, что звонила некая Омедор, кажется, из Комитета искусств. Дело, конечно, не в Омедор, это-то ясно. Но в ком?

Вечером М.А. играл в шахматы с Топлениновым. Тот рассказал, что умер Азарий Азарин. Очень жаль, талантлив, порядочен. Не стар.

2 октября

Приходили от Виленкина из МХАТа за экземпляром. Выдала.

Позвонила Смирнову, что есть экземпляр. Пыталась узнать, с кем он говорил. Безрезультатно.

Ануся уезжает в Крым сниматься в «Айболите». Позвала их вечером к нам. Они пришли с Шебалиным. М.А. говорит за ужином:

— Подошел к полке снять первую попавшуюся книжку. Вышло — «Пессимизм»...

Просили Шебалина поиграть, подошел к роялю, взял несколько аккордов — ничего не помнит наизусть. Обещал следующий раз принести ноты. Петя укушен собакой, ему делают прививки — не пьет водки — нельзя.

М.А.БУЛГАКОВ — Б.В.АСАФЬЕВУ

Дорогой Борис Владимирович, извините, что на машинке. Простудился, валяюсь, диктую.

Не писал Вам до сих пор по той причине, что до самого последнего времени не знал, что, собственно, будет с моим «Петром». А тут еще внезапно навалилась проходная срочная работа, которая съела у меня последние дни.

Начну с конца: «Петра» моего уже нету, то есть либретто-то лежит передо мною переписанное, но толку от этого, как говорится, чуть.

А теперь по порядку: закончив работу, я один экземпляр сдал в Большой, а другой послал Керженцеву для ускорения дела. Керженцев прислал мне критический разбор работы в десяти пунктах. О них можно сказать, главным образом, что они чрезвычайно трудны для выполнения и, во всяком случае, означают, что всю работу надо делать с самого начала заново, вновь с головою погружаясь в исторический материал.

Керженцев прямо пишет, что нужна еще очень большая работа и что сделанное мною — это только «самое первое приближение к теме».

Теперь нахожусь на распутье. Переделывать ли, не переделывать ли, браться ли за что-нибудь другое или бросить все? Вероятно, необходимость заставит переделывать, но добьюсь ли я удачи, никак не ручаюсь.

Со многим, что говорил Пашаев, прочитавший либретто, я согласен. Есть недостатки чисто оперного порядка. Но, полагаю, выправимые. А вот все дело в керженцевских пунктах.

Теперь относительно композитора. Театр мне сказал, что я должен сдать либретто, а вопрос о выборе композитора — дело Комитета и театра. Со всею убедительностью, какая мне доступна, я сказал о том, насколько было бы желательно, чтобы оперу делали Вы. Это все, что я мог сделать. Но, конечно, этот вопрос будет решать Комитет.

Мне кажется, что если бы либретто было бы сделано и принято, Вам следовало бы самому сделать шаги в Комитете. И конечно, если бы они дали хороший результат, я был бы искренне рад!

Сейчас сижу и ищу выхода, и никакого выхода у меня, по-видимому, нет. Тут надо решать вопрос не об одном «Петре». За семь последних лет я сделал 16 вещей разного жанра и все они погибли. Такое положение невозможно, и в доме у нас полная бесперспективность и мрак.

Буду очень рад, если Вы мне напишете и независимо от «Петра». Ирине Степановне Елена Сергеевна и я шлем привет.

Ваш М.Булгаков.

3 октября

Днем приехал Смирнов за «Бегом». Вошел, не снимая пальто, явно боясь расспросов. Расспрашивать не стали. Он успокоился, присел, сняв пальто, и тут пошел разговор. В разговоре М.А. сказал:

— Я работаю на холостом ходу... Я похож на завод, который делает зажигалки...

Смирнов попросил, чтобы мы ему показали рецензии Горького на «Бег», а также Пикеля (который зарезал пьесу). Я показала ему — они вклеены в толстую тетрадь вырезок о М.А. Он оживился и попросил перепечатать отзывы Горького и рецензию Пикеля. И увез это вместе с экземпляром. Загадка.

Вечером М.А. пошел с Сергеем в баню. Потом рассказывал мне, как они волновались в поисках потерянной трешки.

4 октября

Днем в кабинете у Якова Леонтьевича. Опять всплывает «Минин».

Делать или не делать «1812 год» по Льву Толстому? — для оперы.

М.А. сказал, что приехал Немирович: «приехал, приехал, и денег не платит»...

Леонидов Леонид Миронович говорит про Немировича:

— Сидит за границей, ни черта не делает, пишет оттуда глупости! И театр ничего не делает поэтому!

Вечером — среди пенатов — как сказал М.А. Разбирали книги.

Оленька — с какими-то пустяками по телефону. М.А. говорит:

— Это означает, что «Бег» умер.

5 октября

Письмо от Вересаева, сообщает, что его материальное положение ухудшилось, просит вернуть тысячу рублей, которую мы взяли у него.

М.А. тут же написал ему письмо — сегодня или завтра вернем, просим прощения за задержку.

Я проводила М.А. в Большой, сама пошла в Управление за деньгами. Потом — за М.А.

Самосуд убеждает писать «1812 год». Композитор Багриновский уже играл свою оперу на эту тему, но она Самосуда не удовлетворяет. Возле этого дела суетится Шарашидзе.

Вечером М.А. на «Руслане». Продолжение дневного разговора с Самосудом. Убеждает, что надо писать по картинам, чтобы «зря

И.С.Козловский и С.Я.Лемешев.

не пропала бы работа». То есть показывать по картинам. Контроль.

Возникли опять разговоры о «Минине». М.А. говорит:

— Ну, ясно, мне придется отвечать за то, что не так сделал либретто, не такие поляки, как надо...

М.А. не хочет поправлять «Минина», говорит, что предпочитает портновскую работу над «1812 годом».

Надо писать письмо наверх. Но это страшно.

Екатерина Ивановна отвезла тысячу Вересаеву. Денег у нас до ужаса нет.

М.А.БУЛГАКОВ — В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Дорогой Викентий Викентьевич,
сейчас получил Ваше письмо и завтра принесу Вам мой долг (а может быть, удастся и сегодня).

Очень прошу извинить меня за то, что задерживался до сих пор: все время ничего не выходит.

Меня крайне огорчило то, что Вы пишете насчет пушкинской биографии и о другом. По себе знаю, чего стоят такие удары.

Недавно подсчитал: за 7 последних лет я сделал 16 вещей, и все они погибли, кроме одной, а та была инсценировка Гоголя! Наивно было бы думать, что пойдет 17-я или 19-я.

Работаю много, но без всякого смысла и толка. От этого нахожусь в апатии.

Ваш М.Булгаков.

7 октября

М.А. начал работать над «1812 годом».

Вечером была с Женичкой моим на премьере «Травиаты» в филиале. Мелик чудесно дирижировал. Оформление Бориса Эрдмана понравилось. Поставлено по-старинке, впечатление, что без режиссера — такие давно знакомые мизансцены. Пели хорошо — Лемешев, Норцов, Барсова. Успех у публики громадный.

После спектакля около леонтьевской машины, где садились леонтьевские дамы и я, — собралась толпа, так как почему-то Евгения Григорьевна сказала: здесь поедет Козловский.

В это время к машине подошел М.А., задержавшийся в театре. Его обступили в темноте переулка: — Лемешев?! Козловский?!

М.А. сказал — нет, не Лемешев, — и сел в машину.

На машину навалилось столько народу, что стало страшно.

9 октября

Обедал Дмитриев. Говорил, что нужно написать новую картину в «Беге» — тогда пойдет пьеса. Вздор какой!

До поздней ночи М.А., Дмитриев и подошедший Мелик играли на детском биллиарде.

11 октября

Горюнов позвонил и пришел. Предлагал М.А. делать или инсценировку «Дон-Кихота», или пьесу о Суворове. Засиделся до поздней ночи. Разговор о МХАТе — больное место вахтанговцев. М.А. прочитал ему отрывки из «Записок покойника».

13 октября

В газетах о снятии Бубнова с должности.

15 октября

М.А. днем на репетиции «Поднятой целины» (вчера тоже).

Обедал композитор Седой, играл из первой картины своей будущей оперы. Кажется, талантлив.

16 октября

Композитор Кабалевский играл в Большом театре свою оперу «Кола Брюньон». М.А. давал свои заключения о либретто.

Потом — долгий разговор с Керженцевым о «Петре», о «Минине». Смысл всего разговора, что все это надо переделывать.

Ночью, с Керженцевым, Самосудом — репетиция — проба поставить кино в «Поднятой целине».

17 октября

М.А. на генеральной «Поднятой целины».

18 октября

Днем М.А. с Женичкой и Сергеем — играли в карты. А вечером были у Калужских. Очень мило посидели.

20 октября

М.А. с Седым работали над либретто дома.

21 октября

День моего рожденья. Получила цветы от М.А. и Сергея «пополам» и, конечно, от моего Женички.

Обедали Дмитриев и Женя.

22 октября

Днем М.А. опять работал дома с Седым.

23 октября

Сережкин день рожденья, подарили ему духовое ружье. Пришел Женичка, и мы чудесно провели начало дня вчетвером.

М.А. прозвал Женюшку уже давно прокурором («Ба! И прокурор тут!..»), а кроме того, произвел в чин библиотекаря.

Женичка очень польщен был.

Потом пришел Седой — опять работа над либретто.

У М.А. из-за всех этих дел по чужим и своим либретто начинает зреть мысль — уйти из Большого театра, выправить роман («Мастер и Маргарита»), представить его наверх.

Вечером зашли на «Поднятую целину» — была премьера. Мне не понравилось.

25 октября

Утром Седой. М.А. сказал ему о своем намерении уйти из Большого и о том, что он не хочет делать либретто для соловьевской оперы в качестве соавтора.

Тот расстроился ужасно. М.А. поехал с ним к Якову Леонт. — говорить об этом. Яков Л. предложил: в договор с Соловьевым-Седым не входить, а об уходе еще подумать. Таким образом, хотя бы сваливается работа над чужим и трудным, мучительным материалом.

27 октября.

Уборка книг.

М.А. правит роман.

Вечером Вильямсы и Шебалин.

29 октября

Необыкновенный невиданный доселе туман. Трамвайное движение затруднено. Днем была на Каменном мосту (шла из Управления) — вверху, внизу, кругом — ничто.

Вечером у Калужских в гостях. Были: Кторовы, Сахновские, Степанова Лина, Гриша Конский. Сперва разговоры о новом законе, по которому уничтожаются жилищные товарищества. Потом очень хороший ужин. Возвращались около шести часов утра в полном тумане пешком.

Оля дала книгу, которую М.А. случайно обнаружил на полке. Американская книга о МХАТе 1925 г. В ней упоминается о каком-то Булганове — Bulganow. Оказалось по тексту — о М.А.

30 октября

Заезжал Яков Леонт. Обедали, играли на биллиарде.

31 октября

М.А. играл в шахматы у Арендта.

Вечером были у нас Ермолинские. Взяли фотографии М.А. — очень удачные.

1 ноября

Утром позвонил композитор Потоцкий, горячо говорил о своей симпатии к нам, о том, что он очень соскучился, и позвал вечером слушать его новую сюиту. М.А. сказал:

— Это какое-то дело у него есть.

Поехали туда с Яковом Л. Уже от него днем узнали, что дело не в сюите, а что Потоцкий написал либретто на тему о Разине. Приехали. Потоцкий действительно прочитал либретто (в нем — персидская княжна...). Очень дурно. По окончании чтения, после критических высказываний, — Потоцкий подошел к М.А., низко поклонился и, передавая рукопись, сказал — «в руце твои предаю...», то есть, другими словами, хотел, чтобы М.А. взялся править его либретто. М.А. отказался.

Неприятный вечер.

2 ноября

Прислали билеты из МХАТа на генеральную репетицию «Земли» Вирты.

Женя Арендт попросила достать для проф. Бурденко билеты на «Каренину». Я позвонила Феде, хотя была в недоумении — он не позвонил по приезде из Парижа.

Билеты Федя устроил. И тут же спросил:

— Получили билеты на «Землю»? Приедете?

— Получили.

3 ноября

На «Землю» не пошли.

5 ноября

Арестован Пильняк.

Вечером у нас были Мелик с Минночкой и Ермолинские, от которых и узнали о Пильняке.

6 ноября

Позвонил Петя Вильямс, хочет прийти. М.А. позвал и Бориса Робертовича Эрдмана. Почитал им из «Записок покойника».

Борис Эрдман — тонкий собеседник, острый.

7 ноября

Женичка пришел с демонстрации и обедал у нас.

8 ноября

Дмитриевы появились из Ленинграда опять. Хотели прийти, но я устала, нет ни Екатерины Ивановны, ни Пани.

Позвонил Яков Л., заехал, и они с М.А. и с Сергеем съездили на машине Якова к Елисееву, привезли кой-чего. Яков обедал у нас.

9 ноября[1]

Вечером у нас шахматы.

10 ноября

Ездили для выяснения вопроса о паевых взносах в Лаврушинский в контору. Конечно, не было бухгалтера.

Зашли к Евгению Петрову, приятно провели время около часа, потом их шофер отвез нас домой. Очень мрачный, поэтому на чай не решились дать.

Ужинали у нас Дмитриевы.

11 ноября

Заходила к Троицким, узнала, что Добраницкий арестован.

Вечером М.А. прибирал книги. Я вытирала с них пыль.

12 ноября

Днем заходили в Большой к Якову Л. Он получил также, как и М.А., письмо от Соловьева-Седого и просил М.А. зайти поговорить.

М.А. сказал, что он не будет подписывать договора на «Дружбу», не может взять на себя такого обязательства, т.к. чувствует себя плохо.

После этого пошли к доктору Цейтлину за одной книгой по психиатрии, которую он обещал дать М.А. У них состоялся очень интересный разговор. А когда М.А. вышел из комнаты, доктор мне сказал:

— Я поражаюсь интуиции М.А. Он так изумительно разбирается в психологии больных, как ни один доктор-психиатр не мог бы разобраться.

Вечером М.А. работал над романом о Мастере и Маргарите.

13 ноября

Ездила опять в Лаврушинский. Вечные мучительные заботы — квартира, деньги...

Вечером М.А. пошел к Ермолинскому играть в шахматы, я проводила его туда.

14 ноября

Вечером пошла с Екатериной Ивановной на премьеру «Человек с ружьем». Погодин и умен и видит окружающее и людей — но чувства сцены у него нет. Картины можно свободно переста-

---

[1] В рукописи ошибочно: октября.

В.П.Соловьев-Седой.

вить — первую вместо пятой, последнюю — вместо второй и т.д. Реплики тоже можно перекладывать из одной роли в другую. А главное — скучно. Щукин играет внешними приемами, думает все время о том, как стать, какой жест сделать, каким голосом — скороговоркой — сказать... Стремится к портретному сходству. Это очень отвлекает.

Хотя кто-то, не помню кто, сказал, что после виртовской «Земли» это откровение.

15 ноября

Позвонил Конский — соскучился, — можно прийти?

Пришел, но вел себя странно. Когда М.А. пошел к телефону, Гриша, войдя в кабинет, подошел к бюро, вынул альбом оттуда, стал рассматривать, подробно осмотрел бюро, даже пытался заглянуть в конверт с карточками, лежащий на бюро. Форменный Битков.

Говорил, что с Калужскими жизнь в общей квартире у них не налаживается.

Сегодня днем проходили по Камергерскому переулку и видели, как ломали, вернее, доламывали Малую сцену МХАТа, — место рождения М.А. как драматурга. Там шли первые репетиции «Дней Турбиных», или, как тогда называлось, «Белой гвардии».

16 ноября

М.А.БУЛГАКОВ — В.П.СОЛОВЬЕВУ-СЕДОМУ

Дорогой Василий Павлович,
извините, что до сих пор не прислал Вам ответа на Ваше письмо. Причина все та же — я болен. Откладывал ответ со дня на день, чтобы предварительно ознакомиться с тем материалом, который Вы мне прислали. Ознакомиться с ним я могу только дня через два-три, когда меня отпустят мои головные боли, как я надеюсь.

Договор я в данное время подписать не могу, так как чувствую себя плохо и не решаюсь брать на себя какие-либо обяза-

С.М.Городецкий. 1923.

тельства. Пусть Воинов подписывает договор и работает с Вами, а я Вам всемерно помогу, как делал это и раньше.

Следующее письмо Вам пошлю, как только просмотрю присланный Вами материал.

Приветствую Вас! Елена Сергеевна Вам шлет привет.

М.Булгаков.

17 ноября

Первая метель. Все-таки вышли прогуляться. Дошли до Ермолинского.

А вечером проводила М.А. в Большой театр. Зашла за ним к половине двенадцатого, но оказалось — неожиданное совещание по поводу «Сусанина». Сейчас час, его еще нет. Либретто делает Городецкий Сергей, а М.А. привлекли к консультированию.

18 ноября

Вчера М.А. вернулся из Большого театра в два часа ночи. А сегодня в четыре часа дня опять пошел туда же по тому же поводу — «Сусанин». Сидят все: Самосуд, Мордвинов, М.А., Городецкий, еще кто-то. Пианист играет «Жизнь за царя», а они проверяют текст, подгоняя его к музыке. Пришел М.А. домой часов в семь, а вечером опять было назначено собраться, он пошел к 11-ти, а вернулся в два часа ночи.

19 ноября

Днем опять заседание по «Сусанину». М.А. пришел домой около шести часов.

Вечером для отвлечения позвал к себе Ермолинского и Топленинова играть в шахматы.

А Городецкий звонил — все насчет того же.

20 ноября

Была сегодня на собрании в нашем доме по вопросу о новом жилищном законе от 17 октября. Судя по докладу, нас не будут уплотнять, платить будем за квартиру меньше, чем теперь, а паевые взносы вернут в течение года. Очень приятно.

23 ноября

У Сергея температура, болит ухо. Звонки к докторам.

24 ноября

Доктора. Потоцкий со своим либретто. М.А., отрываясь для разговоров с врачами, правит либретто. Потоцкий настойчиво просит М.А. войти в работу — соавтором. М.А. твердо отказал. Потоцкий расстроился.

Вечером Марк Леопольдович. Уверил, что прокола делать не надо.

Проводила М.А. (в такси) к Мелику, вернулась, дома сидел Ермолинский.

Позвонил Яков Л. и сообщил, что на «Поднятой целине» был Генеральный секретарь и, разговаривая с Керженцевым о репертуаре Большого, сказал:

— А вот же Булгаков написал «Минина и Пожарского»...

Яков Л. обрадовался этому и тут же позвонил.

1 декабря

Я лежу с гриппом, Сергей — с желтухой...

Звонок Якова — нужен для Комитета искусств экземпляр «Минина». Хотела встать для переписки, М.А. удержал. Вечером Яков Леонтьевич позвонил — экземпляр нашелся в театре.

Звонил Куза о «Дон-Кихоте». Браться?.. Не браться?.. Денег нет, видно — браться.

2 декабря

Звонок Кузы — предлагает заключить договор на «Дон-Кихота».

Второй звонок — из Вахтанговского театра, из дирекции: Ванеева просит М.А. приехать завтра.

3 декабря

М.А. был у Ванеевой — торговалась плаксиво. Деньги будут давать по частям — седьмого, десятого.

Звонил Потоцкий: все сделал по замечаниям М.А. и теперь хочет «с трепетом» прочитать это у нас. Болван.

5 декабря

Вечером часов в восемь на часок приехал Яков, засиделся допоздна. Привез книгу Фейхтвангера «Москва—1937». Много рассказывал о Керженцеве. Якову приходится трудно.

6 декабря

Книга произвела на М.А. неприятное впечатление.

7 декабря

Утром М.А. проснулся, как он сказал, в холодном поту. Обнаружил (ночью!) ошибку существенную в либретто «Сусанина» в картине в лесу, зимой. Стал звонить Самосуду, Городецкому, сообщил им все свои соображения.

Днем пошли за деньгами в Вахтанговский театр. По дороге нагнал Федя и пригласил 13-го к себе.

Получили деньги, вздохнули легче. А то просто не знала, как жить дальше. Расходы огромные, поступления небольшие. Долги.

Сегодня день рожденья Женюши, — он называется еще у нас «номер первый». Это М.А. выдумал игру: они трое (М.А., Женичка и Сергей) спрашивают меня в отдельности, кого я больше всех люблю, кто первый номер.

9 декабря[1]

Позвонил Федя, напомнил о 13-м.

Потом звонок Оленьки. Рассказывала, что Алексей Толстой прислал Немировичу письмо возмущенное: «...мне прислали из театра требование вернуть 1000 руб. Какую тысячу?! Что такое?! Я, кажется, жив еще, пишу пьесы и такие, которые могут пойти во МХАТе...» и т.д.

Это он по поводу того, что у него был договор со МХАТом и он его не выполнил.

По словам Оли, сначала она схватилась за голову, потом схватился Виленкин, потом еще кто-то... Она позвонила Немировичу в Ленинград. И теперь М.А. уверяет, что Театру это будет стоить еще 20 тысяч — новый договор на пьесу с Толстым, которую он опять же не даст МХАТу.

12 декабря

Выборы. Наши делегаты — Булганин и Москвин.

Вечером пришел к нам без звонка Мелик.

13 декабря

Приехал из Ленинграда Соловьев-Седой, пришел днем. М.А. просидел с ним часа три, не меньше, выправляя его либретто.

Играл нам новую картину своей оперы. Талантливо... но жидко.

У Феди на обеде: Кедров, Раевский с женой, Дорохин, Пилявская, Морес, Комиссаров, Ларин, Якубовская, Шверубович Дима, какой-то Ваничка, у которого оказался прелестный тенор. В конце вечера, уже в первом часу, появился какой-то неизвестный в черных очках, лет пятидесяти, отрекомендовавшийся — «Федин товарищ по гимназии»... Абсолютно как Туллер...

Было шумно, весело. Пели под гармонику — Дорохин играл. Федя привез из Парижа пластинку «Жили двенадцать разбойников», вспоминали «Бег».

14 декабря

Керженцев пригласил М.А. Сообщил, что докладывал «высокоответственному лицу» о «Минине». Просил М.А. сделать поправки. Сказал, что поляки правильные. (А в прошлый раз говорил, что неправильные.) «Надо увеличить роль Минина, дать ему арию вроде «О, поле, поле...» и т.д.

О «Дон-Кихоте» сказал, что надо сделать так, чтобы чувствовалась современная Испания. О, ччерт!..

М.А. приехал домой в его машине, усталый, измученный — в семь часов вечера.

Днем до этого он был вызван Самосудом в театр, где сначала был на прослушивании картины Соловьева-Седого и вел по этому поводу разговоры с Самосудом, а потом работал по «Сусанину», выправляя каждое слово текста.

---

[1] В рукописи ошибочно: ноября.

Вечером у нас Дмитриев. Рассказывал, какая безвкусная постановка «Прекрасной Елены» у Немировича. А потом — что на «Землю» публика уже не ходит, боятся в Театре, что спектакль до весны не доживет.

15 декабря

Проводила М.А. в Большой на репетицию «Броненосца "Потемкина"».

Обедал у нас Дмитриев. Говорит, что МХАТ собирается ставить кроме «Горя от ума» — еще инсценировки «Идиота», «Обрыва», «Войны и мира», причем все инсценировки будут делаться внутри Театра собственными силами — как-то, Марковым, Горчаковым, Сахновским...

Давай им Бог.

16 декабря

Пришло письмо от Асафьева — сплошная истерика. «Что с „Мининым»?! Из Комитета не разрешают делать монтаж оперы для радио!.. Вам не советуют общаться со мной!..» и так далее. Чувствуется, что издерган до последней степени.

Вечером пришел Яков Л.

17 декабря

Днем М.А. был в Большом на репетиции «Потемкина», а потом там же работал с автором Чишко, выправлял текст либретто.

Вечером послал телеграмму Асафьеву — успокоительную.

В «Правде» статья Керженцева «Чужой театр» о Мейерхольде. Резкая критика всего театрального пути Мейерхольда. Театр несомненно закроют.

18 декабря

М.А. послал Асафьеву письмо очень спокойное, логическое.

М.А.БУЛГАКОВ — Б.В.АСАФЬЕВУ

Дорогой Борис Владимирович!

Я получил Ваше письмо от 15-го; оно меня очень удивило. Ваша догадка о том, что мне рекомендовали не общаться с Вами, совершенно неосновательна. Решительно никто мне этого не рекомендовал, а если бы кто и вздумал рекомендовать, то ведь я таков человек, что могу, чего доброго, и не послушаться! А я-то был уверен, что Вы уже достаточно знаете меня, знаете, что я не похож на других. Посылаю Вам упрек!

Теперь сообщаю Вам важное известие о «Минине». 14 декабря я был приглашен к Керженцеву, который сообщил мне, что докладывал о работе над «Мининым» и тут же попросил меня в срочном порядке приступить к переделкам в либретто, на которых он настаивает. <...>

Что же предпринимаю я? Я немедленно приступаю к этим переделкам и одновременно добиваюсь прослушивания Керженцевым клавира в последнем варианте...

Не знаю, что ждет «Минина» в дальнейшем, но на сегодняшний день у меня ясное впечатление, что он снят с мертвой точки. В свете происшедшего понятен, как я полагаю, и ответ Всесоюзного комитета о монтаже. Я-то знаю, что Вы писали «Минина» не во сне, и я сам написал либретто не во сне, но Комитет-то считает, что работа над «Мининым» еще идет. Опера ставится под важный знак, а так как, по мнению Комитета, она может идти не в том виде, как она написана, а непременно с переделками, которые я отметил Вам выше, то, естественно, что они не дают разрешения на монтаж и отвечают, что она «не утверждена», «пишется» и прочее.

Вот самое главное сообщил, а сейчас спешу отправить письмо (оттого и диктую — для скорости, извините). Получили ли Вы мою телеграмму, посланную вчера?

О дальнейшем я Вас буду, конечно, уведомлять, а Вас прошу, если у Вас по этому письму возникли какие-нибудь вопросы, немедленно мне написать. Привет супруге.

Ваш М.Булгаков.

19 декабря

Вечером у нас Ермолинский, Вильямсы, Шебалин.

За ужином М.А. выдумал такую игру: М.А. прочитал несколько страничек из черновика инсценировки («Дон-Кихота»), Шебалин должен был тут же, по ходу действия, сочинить музыку и сыграть ее, а Петя Вильямс — нарисовать декорацию. Петин рисунок остался у нас, как память об этой шутке.

20 декабря

Звонила Оленька, пригласила нас завтра к себе.

21 декабря

М.А. послал письмо Асафьеву, предупредил, что тот должен приехать в Москву, если интересуется судьбой «Минина».

Вечером мы у Калужских. Хмелев, Прудкин, их жены, Герасимов. Рассказы о Париже. Хмелев очень смешно и талантливо рассказывал, как Женя Калужский лечил его коньяком в Париже от воспаления надкостницы и сам напился вдребезги.

22 декабря

М.А. ходил в Сандуновские бани с Мордвиновым и Борисом Петровичем Ивановым из Большого.

Там же Борис Петрович передал ему письмо от Асафьева.

23 декабря

Проводила М.А. в Большой.

Вечером — к Вильямсам пошли. Петя показывал начатый портрет Ануси.

24 декабря

Днем у М.А. Потоцкий со своим «Разиным».

М.А. кто-то говорил, что Асафьева хотят отодвинуть от «Минина», его музыка не нравится многим.

М.А. тут же дал Асафьеву телеграмму, чтобы приехал.

25 декабря

М.А. написал Асафьеву в суровом тоне, чтобы он ехал наконец в Москву. Ведь для него же это надо! И телеграмму дал о том же.

Приехал Дмитриев. М.А. заставил и его дать телеграмму Асафьеву. Потом Дмитриев попросил разрешения позвонить от нас в Ленинград. Вызвал какого-то Василия Ивановича. М.А. говорит ему:

— Бог с вами, Владимир Владимирович! Разве мыслимо!.. Василий Иванович!.. Да ведь за версту ясно, что конспирация. Бросьте. Я не разрешаю по моему номеру такие штучки...

26 декабря

Звонок из Ленинграда, но говорит не Асафьев, а жена его. Повторяет только одно:

— Ваши письма расстроили Бориса Владимировича!

М.А. сердился, говорил потом — конечно, ни одно доброе дело не остается без наказания. Поделом мне.

Вечером у нас Дмитриев, Вильямсы, Борис и Николай Эрдманы. М.А. читал им главы из романа: «Никогда не разговаривайте с неизвестным», «Золотое копье» и «Цирк».

Николай Эрдман остался ночевать.

28 декабря

У М.А. грипп.

30 декабря

Сережку устроили в дом отдыха.

31 декабря

Кончается 1937-й год. Горький вкус у меня от него.

У М.А. температура упала. Едем к Оле встречать Новый год.

1938

1 января

У Оли: Кторовы (он пел, аккомпанируя себе на гитаре), Елина, Белокуров, Виленкин, мой Женюша.

Сегодня вечером были у Вильямсов. Был и Коля Эрдман. Просили М.А. принести роман — почитать. М.А. читал «Дело было в Грибоедове».

7 января

Все дни М.А. проболел. Вчера у нас был доктор Брандер с женой.

Стреляли из Сережкиного ружья, надевали маски, развеселились чего-то.

8 января

Сегодня — постановление Комитета о ликвидации театра Мейерхольда.

Вчера засиделись с Ермолинским в разговорах до пяти часов утра. Безобразие.

9 января

Вчера были Калужские и Мелики. Разговоры о «Минине». Мелик сыграл первую картину.

12 января

Шумяцкого сняли — из кино.

13 января

Ходили во Всероскомдрам. Как всегда, отвратительное впечатление.

14 января

М.А. с Ермолинским ходили на лыжах.

16 января

Вчера наконец появился Асафьев. Пришел. Длинный разговор. Он — человек дерганый. Трудный. Но умен, остер и зол.

Сыграл сцену из «Минина» — Кострому.

Играет настолько хорошо, что даже и музыка понравилась.

17 января

Вчера днем — ССП, надо было внести взносы.

Потом — Литфонд — получали бумажку на дополнительную площадь. Словом — всякая житейская чепуха.

Потом были в Агентстве литературном у Уманского — из Польши запрашивают «Мольера» для постановки.

Ясно, что разрешения на это не дадут. Как М.А. сказал — даже по спине Уманского видно, что не дадут.

Получили там же извещение о поступлении денег по «Мертвым душам».

Вечером М.А. был в Большом. Разговор с Меликом, Самосудом и Асафьевым о «Минине», о том, какие переделки делать и как.

После этого Мелик, Минна и М.А. — в шашлычную и позвонили ко мне. Я захватила Дмитриева, который сидел у нас, и поехала туда же.

Когда возвращались домой, по Брюсовскому, видим — идет Мейерхольд с Райх. Дмитриев отделился, побежал к ним.

Что же теперь будет с Мейерхольдом?

18 января

Вчера М.А. с Мордвиновым и Вильямсом смотрели в мастерской ГАБТ макеты «Сусанина».

А вечером мы — у Вильямсов. Там же Николай Эрдман. Петя подарил М.А. картину — пейзаж.

Г.С.Уланова. 1930-е годы.

19 января

Вчера гробовая новость о Керженцеве. На сессии, в речи Жданова, Керженцев назван коммивояжером. Закончилась карьера. А сколько вреда, путаницы он внес.

Вечером — братья Эрдманы, Вильямсы, Шебалин.

М.А. читал из театрального романа куски.

Николай остался ночевать.

Сегодня днем М.А. работает с Соловьевым.

Сейчас будем все обедать — Седой, Коля, мы.

Звонок Уманского — речи быть не может об отправке «Мольера» в Польшу! Стало быть — ни дома, ни за границей!..

А как ответить польскому театру?!

20 января

Сегодня — назначение нового председателя Комитета — Назарова. Абсолютно неизвестная фигура.

Днем опять с Седым работа у М.А. Работа не нравится М.А., он злится, нервничает. Положение безвыходное.

Из-за моего нездоровья отменили приход Меликов и Ермолинских. Ночью, часов в двенадцать, забрел Дмитриев. Рассказывал, что был у Мейерхольда. У того на горизонте появился Алексей Толстой — с разговором о постановке «Декабристов» Шапорина в Ленинграде. Дмитриев думает, что Мейерхольду дадут ставить оперы.

21 января

М.А-чу приходится наново сочинять либретто для Седого.

23 января

О Назарове говорят, что он был сотрудником «Правды» по отделу искусства или заведующим этим отделом.

Вторично звонил некий Годинский (или Годицкий), написавший пьесу о 1812 годе. Тут же предложил М.А-чу участвовать в редакции этой пьесы, сотрудничество. М.А. отказался. Но утешил его, пообещав сказать о ней свое мнение, когда Годинский привезет ее в перепечатанном виде, чтобы можно было ее прочесть.

25 января

Вчера вечером М.А. отправился для всяких дел в Большой. Там шло «Лебединое озеро» с Улановой.

Совещание у Самосуда (Мордвинов, Седой и М.А.) все о той же опере.

Потом — собрание по поводу Ленинского дня.

Домой приехал с Вильямсами. За ужином Петя уверял, что публика изнывала от любопытства — кто такой? — глядя на М.А., сидевшего одиноко в бывшей царской ложе. Его посадила туда Серафима Яковлевна, так как театр был переполнен и ложа Б тоже набита до отказа.

Говорят, что Шумяцкий арестован — вместе с женой.

27 января

Вчера был Николай Эрдман.

28 января

Вчера были на блинах у Оли. Сахновские, Белокуров, Мелик, Виленкин.

Вкусно, отлично сервировано.

Рассказывали, будто помощник Керженцева Равичев (или Рабичев) застрелился.

29 января

Вчера у М.А. был Годинский со своей пьесой.

Сегодня звонила днем Вера Дулова, приглашала нас первого на обед. Просила, чтобы М.А. привез и прочитал «Ивана Васильевича». Он отказался. Говорила, что на обеде будут Шостакович и Яковлевы.

Идем вечером слушать Пятую симфонию Шостаковича, которая сделала столько шума.

30 января

Что было вчера в консерватории! У входа толчея. У вешалок — хвосты. По лестнице с трудом, сквозь толпу пробирался бледный Шостакович. В азарте его даже не узнавали. Бесчисленные знакомые. В первом отделении Гайдн, «Аделаида» Бетховена — пела Держинская.

Под конец — Шостакович. После его симфонии публика аплодировала стоя, вызывали автора. Он выходил — взволнованный, смертельно бледный.

Не хотелось домой, решили поехать компанией в «Метрополь» — мы, Вильямсы, Ермолинские и Борис Эрдман.

Сели в дальнем зале — все было заполнено. Подошел к нашему столу дядя Бориса Эрдмана — очаровательный веселый доктор. Подарил нам — дамам — куклы.

Пошли в бар, вернулись домой бог знает когда.

Сегодня днем М.А. работает с Годинским над его пьесой о 1812 г. Пьеса слабая. Как ее поправишь.

31 января

М.А. составляет письмо И.В.Сталину о смягчении участи Николая Эрдмана.

Вечером заходил Борис Эрдман.

2 февраля

На обед вчера не пошли к Дуловой — М.А. не был в настроении.

Днем была в филиале МХАТа на просмотре фильма «Катарина» с Франческой Гааль.

Вечером поехали к Вильямсам. Туда пришли еще Марков и Станицын, который говорил только о Париже. М.А. говорит, что мхатчики теперь навеки ушиблены Парижем. Но довольно скучно слушать все одни и те же дешевые рассказы.

М.А. правит письмо об Эрдмане.

Кроме того, написал письмо Асафьеву с дополнениями к «Минину».

4 февраля

М.А.БУЛГАКОВ — И.В.СТАЛИНУ

От драматурга Михаила Афанасьевича Булгакова

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Разрешите мне обратиться к Вам с просьбою, касающейся драматурга Николая Робертовича Эрдмана, отбывшего полностью трехлетний срок своей ссылки в городах Енисейске и Томске и в настоящее время проживающего в г. Калинине.

Уверенный в том, что литературные дарования чрезвычайно ценны в нашем отечестве, и, зная в то же время, что литератор Н.Эрдман теперь лишен возможности применить свои способности вследствие создавшегося к нему отрицательного отношения, получившего резкое выражение в прессе, я позволяю себе просить Вас обратить внимание на его судьбу.

Находясь в надежде, что участь литератора Н.Эрдмана будет смягчена, если Вы найдете нужным рассмотреть эту просьбу, я горячо прошу о том, чтоб Н.Эрдману была дана возможность вернуться в Москву, беспрепятственно трудиться в литературе, выйдя из состояния одиночества и душевного угнетения.

М.Булгаков.

5 февраля

Сегодня отвезла и сдала в ЦК партии письмо М.А. на имя Сталина.

6 февраля

Утром звонок Дмитриева, просится прийти немедленно. Пришел подавленный. Оказывается, жену его, Елизавету Исаевну, арестовали. Советовался, как хлопотать.

7 февраля

Говорил Ермолинский, что Ставский больше не будет секретарем Союза писателей.

8 февраля

В газетах сообщение о страшной катастрофе, погиб дирижабль на севере, в пробном полете: он должен был лететь на выручку к папанинцам, которые в трудном положении на льдине.

Телеграмма от Седого, кричит, что у него простой.

Вот навалилась на голову М.А. эта ненужная забота.

Отправлено Асафьеву второе дополнение к «Минину».

Днем М.А. на репетиции «Трех толстяков». Сняли польку и марш, которые ему нравились — легкомысленные, но веселые.

Вечером пришли к нам Оля с Калужским. Ужинали. М.А. спрашивает:

— Ну, скажи, Оля, по совести, только мне, перекрещусь, что никому не скажу, — «Земля» — плохая пьеса?

Оля дрогнула, но потом очень искренне сказала:

— Да. Плохая.

Потом прибавила:

— Главным образом ее Театр испортил.

9 февраля

М.А. урывками, между «Мининым» и надвигающимся Седым, правит роман о Воланде.

Вечером пошел к Ермолинскому.

10 февраля

Днем заходил Дмитриев. Все соображает, как начать хлопоты о Вете.

Отправила телеграмму Седому, чтобы приехал.

М.А. объявил ребятам:

— Кто лучше и скорее выучится говорить по-немецки — получает приз — велосипед.

Это оказало действие, Сергей сегодня целый день говорит по-немецки.

М.А. готовит шприц — будет делать мне укол мышьяку.

М.А. уверяет, что Екатерина Ивановна (немка Сережина) выучится великолепно говорить по-русски, научится ругаться, и, когда ей будет дурно на пароходе, во время их воображаемой поездки на пароходе, — а Сережка будет вертеться перед ней, она оттолкнет его ногой и скажет — уйди ты, сволочь...

11 февраля

Была вчера на «Толстяках».

Вчера была телеграмма от Асафьева: что присланные тексты прекрасны и он постарается написать отвечающую словам музыку.

Класс композиции Московской консерватории. Сидят слева направо: Ю.Яцевич, В.Я.Шебалин, Н.Я.Мясковский, Н.С.Жиляев, Т.И.Литинский, А.Хачатурян. Стоят: Б.Мокроусов, А.Спадавеккиа, Ю.Бирюков, А.Александров, Г.Кирикор, Т.Хренников, С.Урбах, С.Сендерей. 1942.

12 февраля

Вчера пришли братья Эрдманы и Вильямсы. М.А. прочитал, по их просьбе, первые главы биографии «Мольера». Петя сказал:

— Теперь я знаю, что буду просить у М.А. (это — за картину).

Дмитриев заходил ненадолго — перед отъездом в Ленинград.

13 февраля

Вчера позвонил Седой, что приехал. А сегодня с часу дня пришел работать.

Возвратилась с премьеры «Прекрасной Елены» у Немировича. Распирает желание ругать спектакль. Такая безвкусица, пошлость. Актеры безголосые. Текст плохой. В зале не то что смеха — улыбки не было. Это в оперетке.

Все это понимают, но, как всегда на премьерах, — масса знакомых, родных (участниковских родных) — поэтому говорят с опаской, оглядываясь, туманно.

15 февраля

Вчера днем опять Соловьев. Работал М.А. с ним до обеда.

Вечером пришел Николай Эрдман с женой, Диной, — М.А. прочитал «Ивана Васильевича». Николай сказал:

— Мне страшно нравится, когда автор смеется. Почему автор не имеет права на улыбку?

Легли очень поздно.

Сегодня в час дня опять Соловьев. У М.А. появилась идея какой-то музыкальной картины, он объяснял ее Соловьеву и просил играть разные нужные ему мелодии.

Телеграмма от Асафьева, что он уже написал музыку. Просит прислать следующие дополнения. Это темпы!

Сейчас М.А. в Большом, работает с Самосудом, Мордвиновым и Соловьевым. Только что звонил, сказал, что опять разрушается все построенное им здание сюжета. Это немыслимо.

На днях из Лондона получили письмо из какого-то отеля «Mount Royal Marble Arch». Начинается словами: «Dear Sir, should you be visiting London this year...»[1] — то указывают тариф, включая «breakfast»[2].

Вчера в «Известиях» заметка о том, что «Прекрасная Елена» имела огромный успех, сегодня в «Вечерке» рецензия, в которой написано: «Прекрасная Елена» — большая победа, но... оркестр звучал тускло, грубо, что текст такой, что с ним надо бороться актерам, что рисунок многих ролей неправильный...

16 февраля

У М.А. опять мучения днем с Соловьевым.

Вечерами он — урывками — над романом.

Сегодня была в Большом днем у Якова Л. — и он, и Мордвинов отчаянно ругали «Прекрасную Елену».

18 февраля

Вчера вечером были у нас Мелик с Минночкой, Калужские, мой Женичка. Чего-то веселились, надевали маски. М.А. показывал, по просьбе Мелика, как он, Мелик, дирижирует. Калужский изображал Немировича.

Сегодня днем М.А. работал с Соловьевым. Прервалось это мученье звонком Мордвинова, который вызвал Соловьева в театр.

19 февраля

Вчера поздно вечером — Дмитриев.

Сегодня днем Мордвинов сообщил М.А., что он его освобождает от соловьевского либретто, нашел Соловьеву автора — Прута. От счастья М.А. пригласил Соловьева обедать.

21 февраля

Вчера позвонил Федя. М.А. позвал его ужинать. Сидели уютно в кухне (нет домработницы). Разговор был скачущий: тут и «арестована буфетчица филиала, жена Саврасова», и «Прекрасная Елена»... Но главное — о М.А., о том, как он себя чувствует, его планы и т.д.

Сегодня иду с Женичкой на «Дни Турбиных», они случайно — на Большой сцене. Хмелев болен. Федя вчера уговаривал и М.А. прийти, но он, конечно, отказался.

Асафьеву послали телеграмму, что М.А. нездоров, позже пришлет дополнения к «Минину». Соловьевское либретто довело до головных болей — упорных.

---

[1] «Дорогой сэр, если Вы посетите Лондон в этом году...» *(англ.)*

[2] Завтрак *(англ.)*.

22 февраля

«Дни Турбиных» живут, принимается каждая реплика, раскаты смеха в смешных местах, полнейшая тишина, напряженность внимания — в гимназии, в приносе Николки. Слышала, как Боярский в антракте спрашивал у Феди: «Что это — всегда так принимают спектакль или только сегодня?» После конца — восемь занавесов. Для рядового спектакля — это много.

Сегодня в газете — Асафьев — по Ленинградской консерватории — награжден Красным Знаменем и получил звание народного. Телеграмма ему: «Поздравляю Приветствую Булгаков».

М.А. ходил на Арбат в книжный магазин и сниматься для паспорта — говорил, что видел в гастрономическом магазине Анатолия Каменского. Тот сказал, что написал об эмиграции и добавил: в своем роде — продолжение «Турбиных» (!).

23 февраля

Вчера вечером были с Вильямсами в «Метрополе». Петя получил золотую медаль в Париже за панно. Хочет писать для нас картину «Похищение Европы».

В «Метрополе» видели Раевского.

Вечером поздно М.А. читал мне черновую главу из романа.

В Большом какая-то непонятная вещь: арестована Кудрявцева, Иван Смольцов, еще кто-то. М.А. говорили, что арестован доктор Блументаль (!). Что все это значит?!

Дома. Одни. Сейчас поужинаем и — спать.

25 февраля

От Гаррель — у подъезда МХАТа — узнала, что сегодня умерла жена Немировича — Екатерина Николаевна.

М.А. сегодня встретился в Большом с приехавшим Асафьевым, на скорую руку перекинулись двумя словами о «Минине».

М.А. радуется, что не пойдет на «Ромео и Джульетту», не придется ему править либретто.

В книжной лавке возле МХАТа купили Марлинского и путевые письма Греча.

Там же встреча с Кнорре и с Чичеровым. Последний настойчиво допрашивал, почему М.А. не пишет пьес, говорил, что он будет работать в Комитете, он будет звонить к М.А. ...

От всего этого М.А. впал в дурное расположение сразу же.

Этот Чичеров — тип! Он в 1926 году, чуть ли не через два дня после премьеры «Турбиных», подписал вместе с другими заявление в газете с требованием снятия «Турбиных».

26 февраля

Екатерину Николаевну на ночь привезли в Театр. Сегодня в «Советском искусстве» в числе прочего в некрологе напечатано, что Екатерина Николаевна «с острым вниманием следила за общественной и художественной жизнью социалистической родины». Ничего она не следила, жила какой-то выдуманной жизнью и играла в куклы до последнего дня, прожила фантастически беззаботно свою жизнь. К чему эта ложь?

27 февраля

Заходила в Большой, видела Якова Л., который только что приехал с кремации Ек. Ник. Говорил, что Владимир Иванович держался исключительно спокойно, говорил какой-то женщине — какая вы хорошенькая. Но, конечно, это все — защитная маска. Конечно, старику очень трудно.

М.А. с Сергеем в это время ходили на каток.

28 февраля

Сегодня в газетах сообщение о том, что 2 марта в открытом суде (в Военной коллегии Верховного суда) будет слушаться дело Бухарина, Рыкова, Ягоды и других (в том числе профессора Плетнева).

В частности, Плетнев, Левин, Казаков и Виноградов (доктора) обвиняются в злодейском умерщвлении Горького, Менжинского и Куйбышева.

Вечером у нас Вильямсы. М.А. читал первый акт своей пьесы «Адам и Ева», написанной в 1931-м году по заказу ленинградского Вольфа. В ней наш треугольник — М.А., Е.А., я.

1 марта

М.А. днем у Ангарского. Сговорились, что М.А. почитает роман.

У М.А. установилось название для романа — «Мастер и Маргарита». Надежды на напечатание его — нет. И все же М.А. правит его, гонит вперед, в марте хочет кончить. Работает по ночам.

3 марта

Сегодня сообщено в газетах, что вчера начался процесс.

Только сейчас ушли Асафьев с женой и Мелик.

Мелик играл куски из «Минина».

4 марта

Сегодня должны были прийти Вересаев и Ангарский — слушать роман. Но Ангарский заболел, чтение отложено.

5 марта

Вечером был Дмитриев. Подавлен по-прежнему арестом жены. Не знает, что предпринять, чтобы узнать о ее судьбе.

6 марта

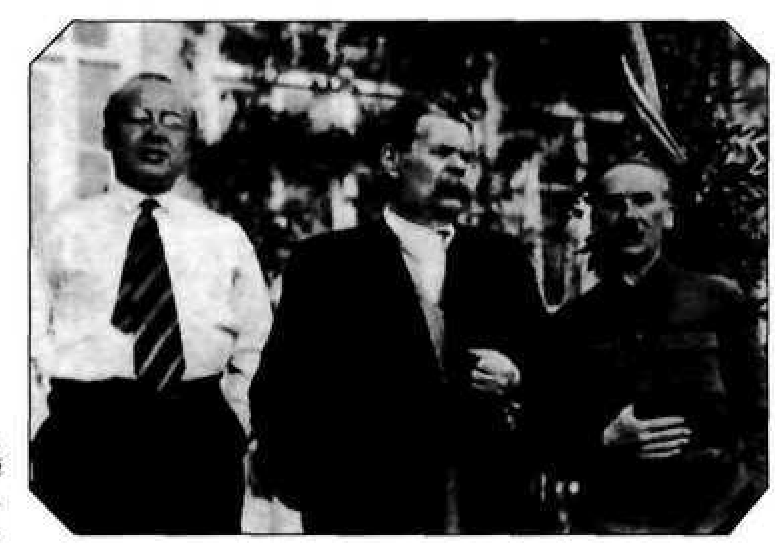
М.А. все свободное время — над романом.

7 марта

Был Гриша Конский. Рассказал, что в МХАТе арестован Рафалович.

8 марта

Роман.

П.П.Крючков, М.Горький и Г.Г.Ягода. 1933.

9 марта

Роман.

М.А. читал мне сцену — буфетчик у Воланда.

10 марта

Ну что за чудовище — Ягода. Но одно трудно понять — как мог Горький, такой психолог, не чувствовать — кем он окружен. Ягода, Крючков! Я помню, как М.А. раз приехал из горьковского дома (кажется, это было в 1933-м году, Горький жил тогда, если не ошибаюсь, в Горках) и на мои вопросы: ну как там? что там? — отвечал: там за каждой дверью вот такое ухо! — и показывал ухо с поларшина.

Прут отказался от соловьевского либретто.

Была с Женичкой в консерватории на концерте Мелика «Буря» и «Четвертая симфония» (Чайковский). Какое наслаждение — особенно Четвертая. У М.А. сидел Дмитриев.

11 марта

Роман.

12 марта

Днем М.А. с Сергеем на «Коньке-Горбунке». Танцевала Минночка. Сережка аплодировал, наваливался животом на барьер и кричал «Ба'во, Минна Соломоновна!»

Звонки Л.Книппера. Рвется к М.А. разговаривать по поводу либретто «Мария», состряпанного по роману Павленко.

Вечером Дмитриев, советовался о письме, которое он хочет послать Сталину (о жене, Вете). Я переписала его письмо на машинке, так как М.А. сказал, что в ГПУ никто не поверит, что это писал художник Дмитриев — почерк как у домработницы. «А впрочем, может быть, это как раз и понравится», — добавил М.А. задумчиво.

После двенадцати появился Книппер. Либретто представляет собой совершенную бессмыслицу. Он пытался отстаивать его.

Встреча «папанинцев» в Москве. 1938.

13 марта

Приговор: все присуждены к расстрелу, кроме Раковского, Бессонова и Плетнева.

Вечером М.А. в Большом — с Самосудом и Мордвиновым разбирали либретто «Мать» по Горькому. Потом все они поехали к Вильямсу смотреть его эскизы к «Ивану Сусанину». Эскизы всем очень понравились.

15 марта

Вчера звонили из Театрального института, приглашали М.А. для переговоров о лекциях о Мольере. М.А. отказался — безмерно утомлен.

Вечером у Меликов — мы и Калужские.

Немирович разослал отпечатанное в типографии письмо-благодарность за сочувствие. В нем такая фраза, например: «Как бы ни был мудр потерпевший такую утрату...» А подписано письмо: «Народный артист СССР Вл. Ив. Немирович-Данченко с сыном».

Оля говорила, что В.И. хотел, чтобы это напечатали газеты, но там отказались — «за отсутствием места», — и тогда он дал отпечатать в типографии.

Конечно, и окружающие виноваты, что все время кричат ему о его «мудрости», но и самому не грех бы подумать.

16 марта

Звонил Яншин, звал на «Цыган».

М.А. был у Федоровых, играл в винт — это вчера. А сегодня лежит с чудовищным насморком. Видимо, начинается грипп.

17 марта

У М.А. грипп.

Сегодня в четыре часа прибыли в Москву папанинцы. Слушали по радио речи, потом утомились — однообразно, шумно, — и выключили. Наши газетчики не обладают чувством меры — последние дни газеты полны однообразными статьями, снимками.

Вечером к нам пришли Вильямсы. М.А. прочитал им главы «Слава петуху» и «Буфетчик у Воланда» — в новой редакции.

18 марта

М.А. больной, сидит — в халате, в серой своей шапочке — над романом.

Рвался прийти Гриша — нельзя, М.А. болен.

Оленька звала обедать — то же самое.

19 марта

Грипп. Роман. Вечером Дмитриев. Утомил М.А.

20 марта

Грипп. Роман.

Звонок Горюнова из Вахтанговского. Хотят встретиться с М.А., поговорить о «Дон-Кихоте», спрашивал — как идет работа. Просил дать для своего ученика Алексеева-Месхиева «Турбиных», тот хочет на показе читать Шервинского.

Вечером приехал Марк Леопольдович, осмотрел, выслушал М.А., успокоил — ничего серьезного.

Поздно звонок Ануси — приехал Николай Эрдман, хочет повидаться когда можно? Позвали и его и Вильямсов на завтра.

21 марта

М.А. вызвали в Большой, работать над либретто «Мать» — приехал Желобинский. Я отзвонила Анусе — попросила прийти 23-го.

Звонил Яншин — опять приглашал в Цыганский театр. Отказалась из-за болезни М.А. Звонили Дмитриев и Р.Симонов — звали обедать в «Националь». Отказалась — все потому же.

Вечером — М.А. пошел опять в Большой — для той же работы. А я, воспользовавшись свободным временем (М.А. ненавидит всякую суету в квартире), позвала полотера, уборщицу — навела блеск в квартире.

22 марта

Приглашение от американского посла на бал 26-го.

Было бы интересно пойти. Но не в чем, у М.А. брюки лоснятся в черном костюме. У меня нет вечернего платья. Повеселили сами себя разговорами, и все.

24 марта

Вчера Эрдман и Вильямсы. М.А. читал куски из романа. А сегодня — у М.А. опять работа в Большом. Пришел в час ночи, измученный, с мигренью.

25 марта

М.А. рассказал про встречу, которая ему была приятна, в Большом. Подошел и познакомился с ним старый бас Сперанский. М.А. был приятен и разговор его и отношение.

Гриша попросился прийти вечером и неожиданно привел с собой Курочкина. Кроме них — Дмитриев. Попросили М.А. почитать из Театрального романа.

26 марта

Яков Л. привез М.А. из театра поздно вечером, остался посидеть. Жаловался очень на зверскую занятость, директора еще не назначили.

27 марта

Звонок либреттиста оперы Кабалевского — «Мастер из Кламси» — Брагина. Нудный разговор, кончившийся предложением делать вместе «Оливера Твиста» — оперу для детей. Ясно — отказ.

28 марта

Вчера вечером у нас Федоровы и Николай Михайлович, отец Андровской, и еще один их винтер знакомый. Играли в винт.

У М.А. ларингит, мучается, кашель мешает спать. Приехал Сергей Ермолинский из Гагр, обедал у нас. Закончил сценарий «Романтики».

29 марта

Вчера вечером доктор Канторович делал М.А. вливание ментола. Но за это М.А. должен был выслушать написанные доктором два рассказа.

Кроме того — Дмитриев.

31 марта

Вчера днем М.А. был у Цейтлина (невропатолога), сговаривался о чтении романа. М.А. нравится Цейтлин и как человек, и как блестящий психиатр.

А вечером вчера читал Ермолинскому «Лысую гору». Сегодня они обедали в «Национале». М.А. говорит, что кухня хорошая там.

3 апреля

Обедали в «Метрополе» с Вильямсами. Сначала пошли в «Националь», но там оказался какой-то банкет, вся прислуга бегала,

как ошалелая, было понятно, что все равно ничего не получим толком, потому ушли в «Метрополь». Там были Борис Эрдман с женой, они тоже подсели к нам.

4 апреля

Роман.

5 апреля

Роман.

6 апреля

Роман.

7 апреля

Сегодня вечером — чтение. М.А. давно обещал Цейтлину и Арендту, что почитает им некоторые главы (относящиеся к Иванушке и его заболеванию). Сегодня придут Цейтлины, Арендты, Леонтьевы и Ермолинские.

8 апреля

Неожиданно вчера вечером позвонил Николай Эрдман и сказал, что приехал, хочет очень повидаться. Позвали его с женой, также и Петю с Анусей.

Роман произвел сильное впечатление на всех. Было очень много ценных мыслей высказано Цейтлиным. Он как-то очень понял *весь* роман по этим главам. Особенно хвалили древние главы, поражались, как М.А. уводит властно в ту эпоху.

Коля Эрдман остался ночевать. Замечательные разговоры о литературе ведут они с М.А. Убила бы себя, что не знаю стенографии, все это надо было бы записывать. Легли уж под утро.

Вечером был звонок Радловых — Николая и Дины. Оказалось, они переехали из Ленинграда совсем в Москву. Хотят встречи.

9 апреля

Николай провел у нас целый день, только что проводили его на вокзал.

М.А. сидит над дополнениями к «Минину».

10 апреля

М.А. отнес переделки в Большой — Асафьеву.

У нас Дмитриев.

11 апреля

Были вечером у Федоровых. М.А. играл в винт. А мы — Ванда, Федя и я — предавались воспоминаниям. Другие, не играющие в винт гости почтительно прислушивались к театральным разговорам.

12 апреля

Была с Женичкой на «Аиде». Вспомнилось, что первый раз после знакомства мы были с М.А. на «Аиде», и М.А. говорил: Вы — Амнерис.

Мелик со своего дирижерского места длительно приветствовал нас, к большому удовольствию Женюши и к любопытству публики.

14 апреля

Вчера вечером М.А. пошел к Сергею Ермолинскому, а я к Вильямсам. Туда неожиданно приехали Самосуд и Захаров смотреть эскизы Пети к «Сусанину». За ужином затеялся интересный разговор, и Самосуд забыл, что его ждет машина. Вспомнил в три часа ночи. Самосуд остроумен, наблюдателен, циничен.

Там же говорили о смерти Шаляпина в Париже. Сегодня в «Правде» есть сообщение об этом. А в «Известиях» — подписанная певцом Рейзеном заметка о том, что Шаляпин ничего после себя не оставил, вообще он уже ничего не давал и не мог дать, и подобная дрянь.

Самосуд отвез меня домой. По дороге говорил о том, что М.А. чересчур чист для нашей жизни.

16 апреля

Была днем в дирекции Большого, сидела у Серафимы Яковлевны. Она сказала, что Рейзен получает много ругательных писем после своей заметки. Но что он говорит, что ничего подобного он не говорил, это дело рук газетчика.

Сегодня днем звонок Смирнова после длительного перерыва. Просил сказать точный номер газеты и название, откуда взята была горьковская фраза: «Бегу» предстоит анафемский успех». Сказал: до сих пор, — вы понимаете, — было не до этого, а теперь в ЦК занялись этим делом, и цитаты (Горького и Пикеля) ошарашили их.

Я сообщила и название и номер газеты. И попросила тут же вернуть мне экземпляр «Бега». На это он прямо вскинулся: «Как же?! Сейчас же этот вопрос решается! На днях буду звонить Вам, надеюсь — с известиями».

17 апреля

Вчера вечером у нас Мелики и Калужские. Мелик играл две картины из своей оперы «Печорин».

Сегодня днем была на генеральной «Кавказского пленника». Хорошие декорации Вильямса, слабая, нетанцевальная музыка Асафьева, неинтересная работа Захарова, прекрасное дирижирование Файера. А все вместе довольно-таки конъюнктурный спектакль, лишенный цельности, да еще с безвкусными волковскими вставками в пушкинскую канву.

Масса знакомых, никому не нравится, говорят уклончиво, как всегда на генеральных.

18 апреля

Вечером у нас Дмитриев. Ругал вчерашний спектакль.

19 апреля

Пошли с Ермолинскими и Вильямсами ужинать в «Метрополь». Публика скверная. Про двух девиц, грязно одетых и танцевавших вдвоем неприлично, М.А. сказал — минимум на пять лет каждая.

Потом в баре появился мужчина маленькою роста, нацмен, видимо, в ночной сорочке, заправленной в брюки, в помочах. Обратился к барменше. Та отвечала с каменным лицом. Он потоптался немного в баре, потом ушел. М.А. не выдержал, спросил у нее: кто? Оказалось, делегат Верховного Совета, приехавший в Москву. Пришел в бар за хлебом.

Тут же в баре сидели жулики — строители нашего нащокинского дома.

20 апреля

М.А. пошел на премьеру «Кавказского пленника» — главным образом для встречи с Асафьевым, чтобы передать ему последние изменения.

21 апреля

Вчера М.А. пошел с компанией после спектакля в «Националь», позвонил оттуда, чтобы я пришла. Но мне не хотелось. Он пришел домой во втором часу злой, голодный, говорил, что сначала решили идти небольшой знакомой компанией — Р.Симонов с женой, Мелик с Минночкой и мы. А потом оказалось, что стали подходить — кто-то из азербайджанской труппы, потом их знакомые. Ели не то, что надо, пили тоже все не то, то сидр, то шампанское. Потом отказывались взять с Мелика, Симонова и М.А. деньги. М.А. расстроился всем этим и ушел. Довез его домой Рубен.

Сегодня звонил Дмитриев:

— Можно прийти?

М.А.:

— Ну, конечно, я уже смирился с этим бедствием.

22 апреля

Сегодня был у нас Николай Радлов и угощал М.А. такими сентенциями:

— Ты — конченый писатель... бывший писатель... все у тебя в прошлом...

Это — лейтмотив. Потом предложение:

— Почему бы тебе не писать рассказики для «Крокодила», там обновленная редакция. Хочешь, я поговорю с Кольцовым?

Это что-то новое. Какая-то новая манера воздействия на М.А.

Сегодня в «Известиях» опровержение — от редакции ничего из того, что было напечатано по поводу Шаляпина, Рейзен не говорил сотруднику «Известий» по телефону, а говорил даже

«наоборот»... Поэтому редакция «Известий» приносит свои извинения Рейзену, сотрудник же Ефроимзон уволен с работы.

Звонил Свен, просит М.А. принять его — написал пьесу.

23 апреля

Дома, одни.

Роман.

Слава Богу!

24 апреля

Днем у М.А. — Свен и Козырев. Я, больная, лежала у Сергея в комнате, ни пьесы, ни разговора не слыхала, а М.А. потом сказал, что если бы я слышала, то взбесилась бы.

Вечером М.А. пошел к Федоровым играть в винт.

Написала письмо в Лебедянь старушкам, хочу отправить туда летом Лоли с Сережкой.

Уже две недели у меня Настюша, я отдыхаю после всех цирковых номеров (как говорит М.А.), проделанных прежними домработницами.

25 апреля

Днем звонил и заходил Асафьев, взял клавир «Минина», будет на отдыхе работать над ним.

Потом звонок Смирнова: он не нашел номера «Правды», где была заметка о «Беге», поэтому проще всего: он заедет к нам и на один день, если мы разрешим, — возьмет альбом с вырезками и покажет заметку кому надо.

М.А. сказал, что альбом он не даст из дому, а что, если нужно, он сам найдет этот номер газеты, если ему только дадут «Правду» за октябрь 1928 г.

Теперь понятно, что нужен был именно альбом вырезок Смирнову, а вовсе не экземпляр «Бега», или, вернее, все было нужно, но не для того, чтобы устроить постановку пьесы.

27 апреля

Роман — днем.

Вечером я с Женюшей на «Евгении Онегине». Почему-то жутко надоела опера вообще. Хочется в драму. А идти не на что.

28 апреля

Днем роман.

М.А. вечером — у Ермолинского. Шахматы.

29 апреля

Из Лебедяни ответ — квартира есть. Вечером пришла Оленька с Калужским. Ужинали. Уже собрались они уходить, как вдруг — часа в два ночи — разгорелся бурный разговор о непринципиальности Немировича и вообще МХАТа. Кричали до четырех часов. Хорошо то, что Оля понимает гораздо больше того, чем говорит, и многое ей самой приходит в голову. Но Калужский упрямо отстаивает мхатовские сданные позиции.

Сережа Шиловский и Е.С.Булгакова у дома в Лебедяни.

30 апреля

У нас Федоровы — винтят. Они принесли шампанское. Сидели до пяти часов утра. М.А. отдыхает за игрой.

1 мая

М.А. пошел вечером к Арендту — посоветоваться, что делать — одолели головные боли.

2 мая

Звонил Ангарский, просится прийти сегодня же слушать роман.

3 мая

Ангарский пришел вчера и с места заявил:

— Не согласитесь ли написать авантюрный советский роман? Массовый тираж. Переведу на все языки. Денег — тьма, валюта. Хотите, сейчас чек дам — аванс? — М.А. отказался, сказал — это не могу.

После уговоров Ангарский попросил М.А. читать роман (Мастер и Маргарита).

М.А. прочитал три первые главы. Ангарский сразу:

— А это напечатать нельзя.

— Почему?

— Нельзя.

ПИСЬМА М.А.БУЛГАКОВА Е.С.БУЛГАКОВОЙ В ЛЕБЕДЯНЬ

27 мая

Дорогая Люсенька, целую тебя крепко!

Одно беспокоит, как-то ты высадилась со своею свитой? Жива ли, здорова ли после этого поезда? Думал, что сегодня будет телеграмма, но Настя говорит: «Какая телеграмма? Они по базару ходят».

Провожал твой поезд джаз в рупоре над вокзалом. Награжденный Евгений задумчиво считал деньги у нас на диване, обедал у меня, писал Насте письма.

Вечером — в Большом сцена Сусанина в лесу, потом у Якова Леонтьевича. Ночью — Пилат. Ах, какой трудный, путаный материал! Это — вчера. А сегодняшний день, опасаюсь, определяет стиль моего лета.

В 11 час. утра Соловьев с либреттистом (режиссер Иванов). Два часа утомительнейшей беседы со всякими головоломками. Затем пошел телефон: Мордвинов о Потоцком, композитор Юровский о своем «Опанасе». Ольга о переписке романа, Евгений, приглашающий себя ко мне на завтра на обед, Городецкий все о том же «Опанасе».

Между всем этим Сережа Ермолинский. Прошлись с ним, потом он обедал у меня. Взял старые журналы, приглашал к себе на дачу, говорили о тебе.

Вечером Пилат. Малоплодотворно. Соловьев вышиб из седла. Есть один провал в материале. Хорошо, что не во второй главе. Надеюсь, успею заполнить его между перепиской.

Интересное письмо (конечно, на Пироговскую, 35а, кв. 6!) из архива Горького.

«По имеющимся у нас сведениям (?!), у Вас должны быть автографы Алексея Максимовича...», так вот, мол, передайте их в архив. Завтра напишу, что сведения эти неосновательны и автографов Горького у меня нет.

Ну, вот и ночь. Устал. В ванне шумит вода. Пора спать.

Целую тебя, мой друг. Умоляю, отдыхай. Не думай ни о театрах, ни о Немировиче, ни о драматургах, ничего не читай кроме засаленных и растрепанных переводных романов (а может, в Лебедяни их нет?).

Пусть лебедянское солнце над тобой будет как подсолнух, а подсолнух (если есть в Лебедяни!) как солнце.

Твой М.

Поцелуй Сергея, скажи, что я ему поручаю тебя беречь!

30 мая

Утро.

Дорогая Люсенька! Получены открытка Сергея с изображением ножика и двух целующихся и твоя, где пишешь о развитии энергии по устройству жизни. Не утомляешься ли ты этим?

Роман уже переписывается. Ольга работает хорошо. Сейчас жду ее. Иду к концу 2-й главы.

Настя очень старательна, заботится обо мне. Целую тебя крепко, мой друг. Спешу отдать открытку Насте.

31 мая

Дорогая Люсенька! Только что получил твое письмо от 29-го. Очень хорошее и интересное! Пишу 6-ую главу, Ольга работает быстро. Возможно, что 4-го июня я дня на 4 уеду с Дмитриевым

и Вильямсом. Хочу прокатиться до Ялты и обратно. Бешено устал. Дома все благополучно. Целую нежно!

1 июня

Моя дорогая Лю! Вчера я отправил тебе открытку, где писал, что, может быть, проедусь до Ялты и обратно. Так вот — это отменяется! Взвесив все, бросил эту мыслишку. Утомительно, и не хочется бросать ни на день роман. Сегодня начинаю 8-ю главу. Подробно буду писать сегодня в большом письме. Сейчас наскоро вывожу эти каракули на уголке бюро — всюду и все завалено романом. Крепко целую и вспоминаю. И дважды перечитывал твое письмо, чтобы доставить себе удовольствие.

В ночь на 2 июня.

Сегодня, дорогая Лю, пришло твое большое письмо от 31-го. Хотел сейчас же после окончания диктовки приняться за большое свое письмо, но нет никаких сил. Даже Ольга, при ее невиданной машинистской выносливости, сегодня слетела с катушек. Письмо — завтра, а сейчас в ванну, в ванну! Напечатано 132 машинных страницы. Грубо говоря, около $^1/_3$ романа (учитываю сокращения, длинноты)...

Постараюсь увидеть во сне солнце (лебедянское) и подсолнухи. Целую крепко.

2 июня

Дорогая моя Лю!

Прежде всего ты видишь в углу наклеенное изображение дамы, или точнее кусочек этой дамы, спасенной мною от уничтожения. Я думаю постоянно об этой даме, а чтобы мне удобнее было думать, держу такие кусочки перед собою.

———

Буду разделять такими черточками письмо, а то иначе не справлюсь — так много накопилось всего.

———

Начнем о романе. Почти $^1/_3$, как я писал в открытке, перепечатана. Нужно отдать справедливость Ольге, она работает хорошо. Мы пишем помногу часов подряд, и в голове тихий стон утомления, но это утомление правильное, не мучительное.

Итак, все, казалось бы, хорошо и вдруг из кулисы на сцену выходит один из злых гениев... Со свойственной тебе проницательностью ты немедленно восклицаешь:

— Немирович!

И ты совершенно права. Это, именно, он.

Дело в том, что, как я говорил и знал, все рассказы сестренки о том, как ему худо, как врачи скрывают... и прочем таком же — чушь собачья и самые пошлые враки карлсбадско-мариенбадского порядка. Он здоров, как гоголевский каретник, и в Барвихе изнывает от праздности, теребя Ольгу всякой ерундой.

Записка М.А.Булгакова Сереже Шиловскому.

Окончательно расстроившись в Барвихе, где нет ни Астории, ни актрис и актеров и прочего, начал угрожать своим явлением в Москву 7-го. И сестренка уже заявила победоносно, что теперь начнутся сбои в работе.

Этого мало: к этому добавила, пылая от счастья, что, может быть, он «увлечет ее 15-го в Ленинград»!

Хорошо бы было, если б Воланд залетел в Барвиху! Увы, это бывает только в романе!

Остановка переписки — гроб! Я потеряю связи, нить правки, всю слаженность. Переписку нужно закончить во что бы то ни стало.

У меня уже лихорадочно работает голова над вопросом, где взять переписчицу. И взять ее, конечно, и негде и невозможно.

Сегодня он уже вытащил сестренку в Барвиху, и день я теряю.

Думаю, что сегодня буду знать, понесет ли его в Ленинград или нет.

———

Роман нужно окончить! Теперь! Теперь!

———

Со всею настойчивостью прошу тебя *ни одного слова* не писать Ольге о переписке и о сбое. Иначе она окончательно отравит мне жизнь грубостями, «червем-яблоком», вопросами о том, не думаю ли я, что «я — один», воплями «Владимир Иванович!!», «Пых... пых» и другими штуками из ее арсенала, которые тебе хорошо известны.

А я уже за эти дни насытился. Итак, если ты не хочешь, чтобы она села верхом на мою душу, *ни одного слова о переписке.* Сейчас мне нужна эта душа полностью для романа.

———

В особенно восторженном настроении находясь, называет Немировича «этот старый циник!», заливаясь счастливым смешком.

———

Вот стиль, от которого тошно! Эх, я писал тебе, чтобы ты не думала о театре и Немировиче, а сам о нем. Но можно ли было думать, что и роману он сумеет приносить вред! Но ничего, ничего, не расстраивайся — я окончу роман.

Спешу отдать Насте письмо. Продолжение последует немедленно.

Твой М.

3 июня

Здравствуй Лю! Доброе утро!

Помоги в одном скучном деле: не припомнишь ли, не записан ли где-нибудь у тебя адрес Горшкова (телефон у меня есть, но пользы пока мало — молчание). Колонка распаялась внезапно к чертовой матери. Я безутешен! Но, если сразу не вспомнишь, не ломай головы. Целую тебя! И еще раз целую!

Твой М.

Днем.

Да, роман... Руки у меня невыносимо чешутся описать атмосферу, в которой он переходит на машинные листы, но, к сожалению, приходится от этого отказаться! А то бы я тебя немного поразвлек!

Одно могу сказать, что, мною самим выдуманные, лакированные ботфорты, кладовика с ветчиной и faux pas[1] в этой кладовке, теперь для меня утвердившаяся реальность. Иначе просто грустно было бы!

Ты спрашиваешь печально: «Неужели, действительно, за один день столько ненужных и отвлекающих звонков?» Как же, Дундик, недействительно? Раз я пишу, значит, действительно.

Могу к этому добавить в другой день еще Мокроусова (композитор? Ты не знаешь?) о каком-то либретто у Станиславского, и разное другое.

Привык я делиться с тобою своим грузом, вот и пишу! А много накопилось, пишу, как подвернется, в разбивку. Но уж ты разберешься.

Шикарная фраза: «Тебе бы следовало показать роман Владимиру Ивановичу». (Это в минуту особенно охватившей растерянности и задумчивости.)

Как же, как же! Я прямо горю нетерпением роман филистеру показывать.

Куква! Одно место в твоем письме от 31-го потрясло меня. Об автографах. Перекрестись, Клюник! Ты меня так смутила, что я, твердо зная, что у меня нет не то что строчки горьковской, а даже буквы, собирался производить бесполезную работу — рыться в замятинских и вересаевских письмах, ища среди них Горького, которого в помине не было!

У меня нет автографов Горького, повторяю! А если бы они были, зачем бы я стал отвечать, что их нет? Я бы охотно сдал их в музей! Я же не коллекционер автографов. Тебе, Кукочка, изменила память, а выходит неудобно: я тебе пишу, что их нет, а ты мне, что они есть!

Это Коровьев или кот подшутили над тобой. Это регентовская работа!

Не будем к этой теме возвращаться! И так много о чем писать!

Прости! Вот она — Ольга из Барвихи. Целую руки!

Твой М.

4 июня

В ночь.

Дорогая Люси!

Перепечатано 11 глав.

Я надеюсь, что ты чувствуешь себя хорошо?

Целую крепко.

Твой М.

---

[1] Спотыканиями *(фр.)*.

В ночь с 8 на 9 июня

Дорогая Купа,
в сегодняшней своей телеграмме я ошибся: было переписано пятнадцать глав, а сейчас уже 16. Пишу эту открытку, чтобы она скорее достигла Лебедяни, а подробнее все опишу в письме завтра.

Устал, нахожусь в апатии, отвращении ко всему, кроме...[1]

Целую крепко.

Твой М.

10 июня

Дорогая Лю! Все в полном порядке — перестань беспокоиться! Сейчас получил твое закрытое от 8-го. К сожалению, опять посылаю открытку, потому что сочинение большого письма тебе, это — целое священнодействие. Со всех сторон наваливаются важные мысли, которые все нужно передать тебе, а для этого требуется несколько часов полного уединения. Вот сегодня я и намереваюсь составлять большое в надежде, что меня не будут отрывать. Обдумываю вопрос о нашем свидании. Что комнату ты наняла — это хорошо. Но вот куда ты думаешь пристроить Николая Робертовича? Но, впрочем, все эти вопросы до большого письма.

Вот с романом — вопросов!! Как сложно все! Но и это до большого. Диктую 18-ю главу. Жди известий.

Твой М.

Целую тебя крепко! Кланяйся Жемчужникову!

11 июня

Дорогая Лю!

Хорошо, что ты наняла комнату на всякий случай. Но удастся ли мне вырваться — вопрос!

В числе прочего есть одно! Это июльский приезд sister-in-law[2]. То есть не то что на 40 шагов, я не согласен приблизиться на пушечный выстрел! И вообще полагаю, что в начале июля половина Лебедяни покинет город и кинется бежать, куда попало. Тебя считаю мученицей или, вернее, самоистязательницей. Я уже насмотрелся!

По окончании переписки романа я буду способен только на одно: сидеть в полутемной комнате и видеть и читать только двух людей. *Тебя!* И Жемчужникова. *И больше никого.* Я не могу ни обедать в компании, ни гулять.

Но это не все вопросы этого потрясающего лета.

Ольга приехала работать. Попробую написать тебе ночью. Итак, я не знаю, как же быть. Заставлять тебя держать комнату?

Как ты думаешь устроить Николая Робертовича? Да, кстати, холодею при мысли о сенсанции, которая поразит все пречистенки, а с ними, увы, и еще кое-какие места. То-то разразится буря радости! Не даром подавилась та дама!

---

[1] Далее несколько строк тщательно зачеркнуто Е.С.Булгаковой.
[2] Свояченица *(англ.)*. Имеется в виду О.С.Бокшанская.

Не могу больше писать, Ольга над душой.
До следующего письма.

Твой М.

13 июня

Дорогая Лю! Чем кончилась история с Сергеевым ухом? Желаю, чтобы все было благополучно!.. Ты, оказывается, ни строчки не написала Якову?! Напиши! (Померанцев, 8). Яков ходит с палкой, вскоре поедет в Барвиху, потом в Ессентуки.

Был у меня Эрдман. Решает вопрос — ехать ли ему или нет в Лебедянь. Он тебе напишет или уже написал.

Диктуется 21-я глава. Я погребен под этим романом. Все уже передумал, все мне ясно. Замкнулся совсем. Открыть замок я мог бы только для одного человека, но его нету! Он выращивает подсолнухи! Целую обоих: и человека, и подсолнух.

Твой М.

14 июня

Вечером.

Дорогая Люси!

Сегодня от тебя письмо (12-го), открытка (13-го) и сегодняшняя телеграмма. Целую тебя крепко! Лю! Три раза тебе купаться нельзя! Сиди в тени и не изнуряй себя базаром. Яйца купят и без тебя!.. Любуйся круглым пейзажем, вспоминай меня. Много не расхаживай. Значит, здоровье твое в порядке? Ответь!

Вот что интересно: почему Сергей не ответил на мое письмо с пометкой — «Секретное, одному Сергею», где я поручил ему сообщить его мнение о твоем здоровье? Неужели он его не получил?

Желая тебя развлечь, посылаю тебе бытовые сценки:

1.
Бабка. Звать Настасью на... экскурсию.

2.
Старуха Прасковья, которая у нас служила. Требовала какие-то ее сковородки, которые она «вложила в наше хозяйство, чтобы они промаслились». Разговаривала с Настасьей, так как я в это время был занят телефоном.

3.
А.П. (отделывая ноготь). Елена Сергеевна еще не соскучилась по дому?

Я (куря, задумчиво). Да ведь она несколько дней всего как уехала. Пусть отдыхает.

А.П. (глядя исподлобья). Нет... как же... (Пауза.) Л.К. кланялась, велела сказать, что на днях придет к вам ночевать.

Я. Это очень любезно. (Помолчав и представив себе картину: я разговариваю с Дмитриевым, Настасья спит у Сергея, а на

рояле спит старуха.) Кланяйтесь ей! (Про себя.) Это надо пресечь!..

4.

Отчаянные крики Л.К. в телефон: «Поздравляю! Поздравляю! Поздравляю! Телеграмму послали?!»

Берусь за сердце. Чудо? «Бег»? «Что такое, Л.К.?»

Крики усиливаются: «Константина! Константина! Константина и Елены! Телеграмму!»

«Ах, вы говорите про имянины? Да ведь они уже были недавно. Я поздравлял!»

Вопли: «Нет! Телеграмму! Нет! Не было! Константина! Не было! Константина! Телеграмму! От меня тоже! Константина!»

«Л.К.! А.П. передавала, что вы хотели прийти ночевать? Зачем вам беспокоиться?» Внезапное, гробовое молчание в трубке. Потом крайне смущенный и раздраженный голос: «Это А.П. все врет. Ходит по квартирам и врет на меня... Если вы меня вызовете, это другое дело!»

5.

Sist. (радостно, торжественно). Я написала Владимиру Ивановичу о том, что ты страшно был польщен тем, что Владимир Иванович тебе передал поклон.

Далее скандал, устроенный мною. Требование не сметь писать от моего имени того, чего я не говорил. Сообщение о том, что я не польщен. Напоминание о включении меня без предупреждения в турбинское поздравление, посланное из Ленинграда Немировичу.

Дикое ошеломление S. от того, что не она, а ей впервые в жизни устроили скандал. Бормотание о том, что я «не понял!» и что она может «показать копию».

6.

Sist. (деловым голосом). Я уже послала Жене письмо о том, что я пока еще не вижу главной линии в твоем романе.

Я (глухо). Это зачем?

Sist. (не замечая тяжкого взгляда). Ну да! То есть я не говорю, что ее не будет. Ведь я еще не дошла до конца. Но пока я ее не вижу.

Я (про себя) ....!

15 июня

...Я слышал, что ты держалась обыкновения сжигать письма. Если ты теперь отступила от этого обычая, то, во всяком случае, я надеюсь, что мои послания не лежат на буфете рядом с яйцами? Мое желание — беседовать с тобою одной. Кстати: непонятное молчание Сергея наводит меня на мысль о том, все ли мои письма получены. Например, письмо с маленькой выпиской из словаря о Хелиантусе? Ответь.

Передо мною 327 машинных страниц (около 22 глав). Если буду здоров, скоро переписка закончится. Останется самое важное — корректура (авторская), большая, сложная, внимательная, возможно с перепиской некоторых страниц.

«Что будет?» Ты спрашиваешь? Не знаю. Вероятно, ты уложишь его в бюро или в шкаф, где лежат убитые мои пьесы и иногда будешь вспоминать о нем. Впрочем, мы не знаем нашего будущего.

Свой суд над этой вещью я уже совершил и, если мне удастся еще немного приподнять конец, я буду считать, что вещь заслуживает корректуры и того, чтобы быть уложенной в тьму ящика.

Теперь меня интересует твой суд, а буду ли я знать суд читателей, никому не известно.

Моя уважаемая переписчица очень помогла мне в том, чтобы мое суждение о вещи было самым строгим. На протяжении 327 страниц улыбнулась один раз на странице 245-й («Славное море»...). Почему это именно ее насмешило, не знаю. Не уверен в том, что ей удастся разыскать какую-то главную линию в романе, но зато уверен в том, что полное неодобрение этой вещи с ее стороны обеспечено. Что и получило выражение в загадочной фразе: «Этот роман — твое частное дело» (?!). Вероятно, этим она хотела сказать, что она не виновата!

Воображаю, что она будет нести в Лебедяни и не могу вообразить, что уже несет в письмах!

Ку! Нежно целую тебя за приглашение и заботы. Единственное радостное мечтание у меня — это повидать тебя и для этого я все постараюсь сделать. Но удастся ли это сделать, не ручаюсь. Дело в том, Ку, что я стал плохо себя чувствовать и, если будет так, как, например, сегодня и вчера, то вряд ли состоится мой выезд. Я не хотел тебе об этом писать, но нельзя не писать. Но я надеюсь, что все-таки мне станет лучше, тогда попробую.

О том, чтобы Женя меня сопровождал, даже не толкуй. Это меня только утомит еще больше, а ты, очевидно, не представляешь себе, что тебе принесет ослепительное сочетание — Сережка, Сашка и Женька, который, несомненно, застрянет в Лебедяни. Нет, уж ты себе отдых не срывай!

Остальное придумано мудро: обедать вместе с компанией — нет! нет! А с S. — даже речи быть не может. Пусть Азазелло с S. обедает!

Ах, чертова колонка! Но, конечно, и разговор не пойдет о том, чтобы я вызывал Горшкова или вообще возился бы с какими-нибудь житейскими делами. Не могу ни с кем разговаривать.

Эх, Кука, тебе издалека не видно, что с твоим мужем сделал после страшной литературной жизни последний закатный роман. Целую крепко!

Твой М.

На рассвете.

Дорогая Лю! Эта открытка, которую я пишу под гудение Дмитриева, обгонит заказное. Вчера, то есть 14-го, был перерыв в переписке. Ольга какие-то ванны берет. Завтра, то есть, тьфу, сегодня возобновляю работу. Буду кончать главу «При свечах» и перейду к балу. Да, я очень устал и чувствую себя, правду сказать, неважно. Трудно в полном одиночестве. Но ничего! Не унывай, Куква! Целую тебя! Не могу сосредоточиться, потому что Дмитриев гудит как шмель. Хочется спать! Целую тебя! Целую!

Твой М.

P.S. Догадался попросить поклониться тебе (Дмитриев).

Под вечер.

Дорогая Лю! Тронут твоей заботой и лаской. Целую крепко тебя! Не знаю, удастся ли приехать, но надеюсь на это.

Ни в каком случае *не затевай устроить мне в спутники* Женю. Это совершенно не нужно! Он мне только мешал бы.

Чувствую себя усталым безмерно. Диктую 23-ю главу. Зачем же Писареву быть в загоне! Кланяйся ему!

Твой М.

19 июня

Дорогая Лю, сообщи, в полном ли порядке твое уважаемое здоровье? Думаю о тебе нежно.

Верно ли Саня пишет, что река ему по колено? Купаться-то можно? Сообщи.

Прилагаю всякие усилия к тому, чтобы в 20-х числах июня побывать в Лебедяни. Если это не затруднительно (а если далеко и трудно — не надо), узнай — есть ли теперь поезд с мягким вагоном? Должен быть. Ну, если нет — это неважно. Ехать можно и в жестком.

По числу на открытке твоей установил, что ты наблюдала грозу как раз в то время, как я диктовал о золотых статуях. Пишется 26 глава (Низа, убийство в саду). Перестань ты бегать по базару за огурцами и яйцами!! Сиди в тени!..[1]

В ночь на 22 июня

Дорогая Люси!

Сегодня получил соблазняющую меня телеграмму о лодке и подсолнухах. Целую тебя крепко.

Чувствую себя неважно, но работаю. Диктуется 28 глава.

Твой М.

---

[1] Последние строчки зачеркнуты Е.С.Булгаковой.

22 июня

Утром.

Дорогая Люси, она же очаровательная прекрасная Елена, твои письма и открытки получены. Конечно, если мне удастся навестить тебя, к чему я сейчас делаю первые шаги, я привезу деньги. Сегодня пойду в Театр, узнавать, когда дают жалование и когда кончается сезон.

Если сегодня Ольга приедет пораньше, постараюсь продиктовать большой кусок и тогда конец переписки станет совсем близок. Одно плохо во всем — это что мне нездоровится. Но ничего! Целую тебя крепко. Привет вашей библиотеке в лебедянском раю! В частности Радищеву!

Твой М.

Доролю! Только что отправил открытку тебе с пятикопеечной маркой! Из-за романа в голове путаница. Теперь марка вторая лежит передо мной и удивляется, почему ее не наклеили. Если удастся навестить рекламируемый тобою рай, рад буду хотя бы раз Радищева перечитать!

К приезду моему первые шаги уже сделаны. Сегодня надеюсь пододвинуться к самому концу романа, хоть и чувствую себя плоховато.

Все твои письма и открытки получены. Деньги захвачу. Целую.

Твой М.

Дорогая Люси!

Твои письма и открытки получены.

Купик дорогой! Первым долгом плюнь ты на эту колонку! Мне Настасья ничуть не поможет, если на мою голову приведет Горшкова! Привести я его и сам могу, а разговаривать с ним не могу (колонку надо ставить новую, по-видимому).

Вообще, не думай, друг мой, что письмами издалека можно что-нибудь наладить. Ничего из этого не выйдет, поэтому не ломай головы над пустяками, занимайся Жемчужниковым!

О нездоровье своем я написал лишь потому, чтобы объяснить тебе, что я, может быть, не в состоянии буду выехать в Лебедянь. Но ради всего святого, не придумывай ты мне провожатых! Пощади! То был Евгений! Теперь — Лоли! Ничего они мне не помогут, а только помешают этой поездке!

Сегодня вечером меня будет смотреть Марк Леопольдович. Тогда все станет пояснее.

Стенограмма:

S. (тревожно). Ну! Ну! Ну! Ты что нудишься?

Я. Ничего... болит...

S. (грозно). Ну! Ну! Ну! Ты не вздумай Люсе об этом написать!
Я. Да почему!.. Не вздумай?
S. Ну да! Ты напишешь, Люся моментально прилетит в Москву, а мы что тогда будем делать в Лебедяни! Нет, уж ты, пожалуйста, потерпи!

У меня сделалась какая-то постоянная боль в груди внизу. Может быть, это несерьезное что-нибудь.

Ты недоумеваешь — когда S. говорит правду? Могу тебе помочь в этом вопросе: она никогда не говорит правды.

В частном данном случае вранье заключается в письмах. Причем это вранье вроде рассказа Бегемота о съеденном тигре, то есть *вранье от первого до последнего слова.*

Причина: зная твое отношение к роману, она отнюдь не намерена испортить себе вдрызг отдых под яблоней в саду. Я же ей безопасен, поэтому горькая истина сама собою встает в Москве.

Но зато уж и истина!! К сожалению, лишен возможности привести такие перлы, из которых каждый стоит денег (и, боюсь, очень больших денег!).

Но, довольно об этом! Один лишь дам тебе дружеский совет: если тебя интересует произведение, о котором идет речь (я уж на него смотрю с тихой грустью), сведи разговоры о нем к нулю. Бог с ними! Пусть эти разговоры S. заменит семейно-фальшивым хохотом, восторгами по поводу природы и всякой театральной чушью собачьей. *Серьезно советую.*

Вообще я тут насмотрелся и наслушался.

Ку! Какая там авторская корректура в Лебедяни! Да и «Дон-Кихот» навряд ли. О машинке я и подумать не могу!

Если мне удастся приехать, то на короткий срок. Причем не только писать что-нибудь, но даже читать я ничего не способен. Мне нужен абсолютный покой (твое выражение, и оно мне понравилось). Да, вот именно абсолютный! Никакого Дон-Кихота я видеть сейчас не могу...

Целую прекрасную, очаровательную Елену!

Твой М.

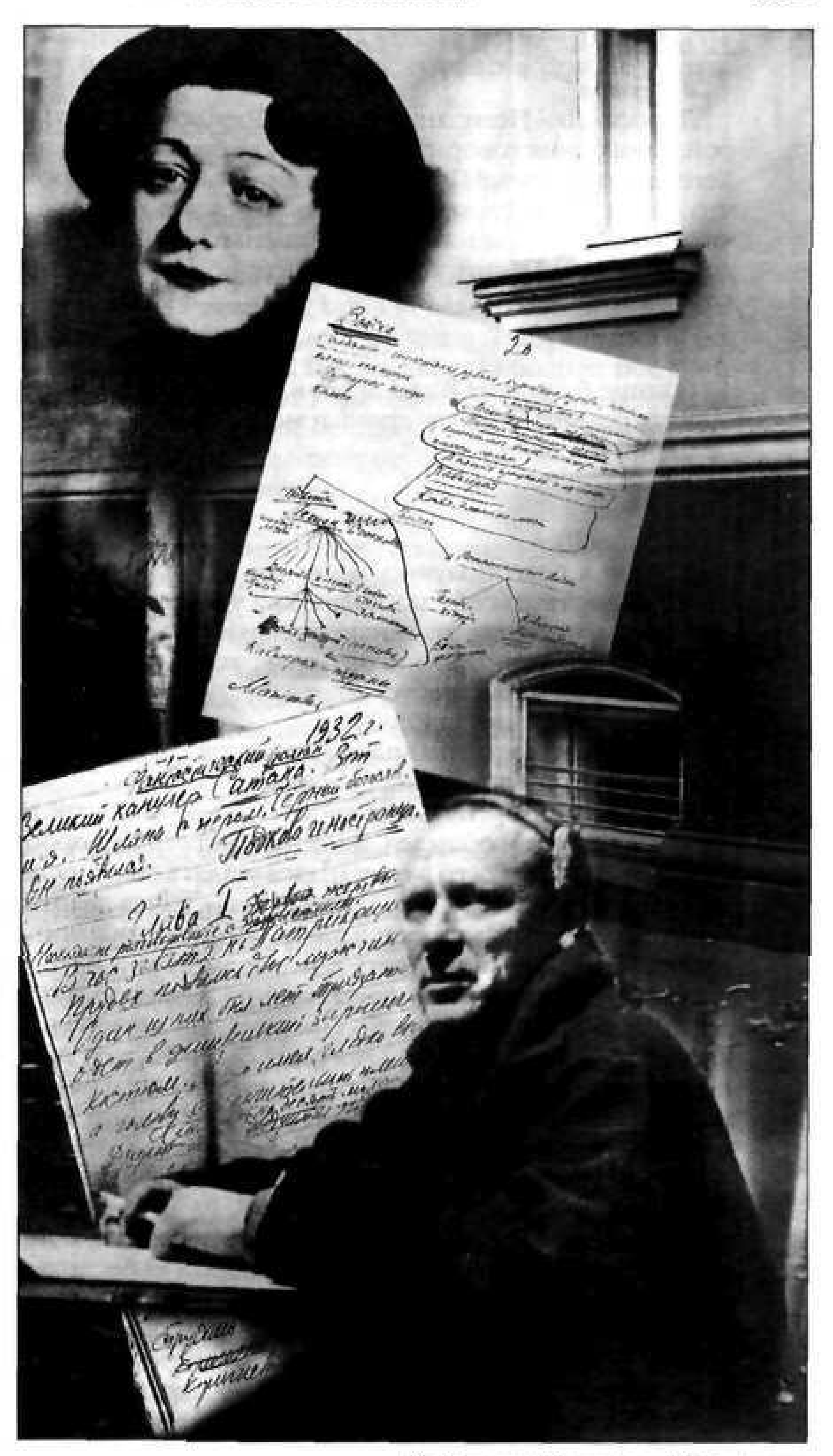
P.S. Вот роман! Сейчас стал рвать ненужную бумагу и, глядь, разорвал твое письмо!! Нежно склею. Целую.

27 июля

9 $^1/_4$ вечера.

Сменили паровоз, полетели как ветер. Целую ручки за ужин! Наслаждались цыплятами! Ах, какие цыплята! Целую! Бешено трясет!

М.

Подвальчик Мастера и Маргариты.

22 июля

4 $^{1}/_{4}$ утра.

Дорогая Лю! Невиданный поезд! Треплемся где-то под Каширой. Проводник говорит, что в Москве будем — «в 8, не раньше!» Легендарный поезд! Причем большинство пассажиров радуется, что опоздаем в Москву! Всю ночь (если это можно назвать ночью) таращил глаза на вагонные сценки. «Пирвалнуисси, покуда доедешь», — говорит бабка, едущая во Владивосток. Евгений спит. Целую!

М.

Солнце багровое! Жара будет в Москве, надо думать, адская. Еду хромой. Какая-то дрянь и меня и бабку тяпнула в ногу. 5 ч. 40 м. стоим в лесу!!

Вечером.

Дорогая Лю!

Доехал я благополучно, но очень устал. Евгений тоже сонный, но чувствует себя, по-видимому, удовлетворительно.

Прости, что сразу начинаю с дела. На столе нашел документ, из которого видно, что хотят возвратить деньги за квартиру. Это — важная вещь. Требуется:

а) Членская книжка РЖСКТ.

б) Акт выверки суммы паевых взносов.

в) Квитанции внесенных паевых взносов.

Пришлось вторгнуться в твою Психею (прости! Но что делать?). Я вторгся и обомлел, увидев в конфетных коробках сотни бумажек. Прежде всего я постарался угадать систему, по которой они сложены, но не угадал. Пачка «Нила», пачка квартплаты, старая торгсиновская книжка, пачка электричества, пригласительный билет в Большой Театр, дом творчества в Ялте, расчетная книжка домработницы, квитанция на заказное письмо... Боги мои! Что же это меня ждет?! Посочувствуй мне, Лю! Членскую книжку я, кажется, нашел. Она одна была? На ней написано «по перерегистрации № 57». Обнаруживается еще пачка разноцветных, разнотипных квитанций. По-видимому, это и есть паевые взносы.

Но «акт выверки» (а чувствую, что это главное!). Он есть там? Был? Должен быть? Кажется, был?

Вынужден был дать тебе сейчас телеграмму с вопросом о том, где искать эти все документы. Извини за беспокойство.

На письменном столе, на бюро, на диване передо мною груды, горы, стопки бумаги. А дальше, письма!! Ведь не могу же я рыться в твоих письмах?! Постараюсь их обойти. А как их обойти, если этот проклятый «акт выверки» вдруг там?! Ведь если после счетов за электричество идет счет мебельного магазина и удостоверение о том, что Сергей перенес аппендицит!.. то все может быть!

Тут же, например, бумажка, наводящая на какой-то след: «...на прилагаемом при сем бланке, сальдо...» Да бланка-то

нету! А металлическая закрепка на уголке есть — стало быть, был он этот бланк! Был, и отнесен куда-то в другое место. А куда?

Кабы я понимал систему! Помоги!

1) Существует ли этот «акт выверки»?

2) Какую, хотя бы приблизительно, сумму должны выдать?

Словом, скучать не придется. Завтра пойду по этим мукам.

Ну-с, въехали мы сегодня в Москву в 8 часов утра. Душно. Таксомотор. Евгения — в Ржевский, меня — домой. Хотел напиться чаю и сейчас же в Сандуновские, а оттуда в Лаврушинский, но после чаю повалился и заснул. После сна стал бодрее, поехал в Сандуновские. Наслаждение от горячей воды, парикмахера. Но горе эти укусы! И лебедянский не проходит ничуть, и в вагоне какой-то летучий гад укусил в ногу у ступни так, что я хромаю и нога распухла. Что за чертовщина?

Сейчас сообразил, что пишу какую-то ерунду! Действительно интересно читать про ступню! Извини.

С интересом глядел на Москву. Все, кто полагается. Чувствуется, что многие уехали. Костюмы показывают, что жара изнуряла. Без галстуков, всюду белые брюки, лица лоснятся.

Мои телефонные звонки показали, что многих, кого хотелось бы повидать, нету. Вильямсы где-то у Эльбруса. Яков Леонтьевич в Барвихе. Горюю, хотел бы с ним поговорить.

В Лаврушинский сегодня не попал, Евгений обедал у меня.

Настя встретила его очень нежно. Звонила ему, чтобы он был поосторожнее с газом, на что Евгений обиделся!

Чудно накормила, рассказывала о том, что кто-то у нас в доме умер, а напротив женщина газом отравилась.

Ну, вот так.

Целую тебя нежно! Вспоминаю луну возле церкви и погружаюсь в московские заботы. Не сердись за то, что юмористически описывал твой архив. Умоляю — смотри за Сергеем на реке! Запрети кувыркаться в воде категорически. По словам Настасьи, бедный Юра утонул на мелком месте. Упоминаю об этом печальном только затем, чтобы ты не спускала глаз с Сергея! Поцелуй его и не давай ему трепаться словесно.

Евгений тебя целует.

Твой М.

Телеграмму с дождем получил!

Так бессвязно письмо от утомления. Сейчас поужинаю и лягу спать.

Всем, конечно, приветы!

23 июля

Утром.

Дорогая Лю!

Второй день разбираюсь в хаосе бумаг в Психее, пытаюсь найти документы, нужные для получения денег, внесенных за квартиру. В частности, необходим — *акт выверки суммы паевых взносов.* Есть такой? Где он? Сейчас поеду в Лаврушинский добиваться денег, а затем в выплатной пункт (Б.Полянка, 28).

Душно. Роюсь, перебрасывая сотни бумажек, и мало надеюсь найти то, что требуется.

Целую крепко.

М.

День.

Дорогая Лю!

Сижу безутешен. Нет «акта выверки суммы паевых взносов». Подозреваю, что его и не было. Ругаю себя. Ведь я-то должен был предвидеть, что лишь только уедем, как эта бумага с выплатного пункта придет. Все надежды разбиты. Представляю себе, что мне теперь предстоит, и заранее скрежещу зубами. Вот тебе и «Дон-Кихот», вот тебе правка романа. А так мне и надо! Вооружаюсь сейчас теми филькиными грамотами, что нашел, и иду на адские мучения. Если, гуляя в вековом парке или охотясь с соколом, встретишь своего секретаря, которому ты поручила квартирное дело и свою Психею, пожури его мягко. Скажи ему, что он не секретарь, а мечтатель!

Целую.

Твой М.

В обеденную пору.

Дорогая Лю!

Ура! Документы нашлись. Больше по этому поводу не беспокой себя. Жадно гляжу на испанский экземпляр «Дон-Кихота». Теперь займусь им. Душно. Но Настя достала льду и Березовской воды.

Целую крепко.

Твой М.

24 июля

Дорогая Ку! Спасибо тебе за ласковые ночные открытки. Конечно, мне было хорошо! Вспоминаю тебя и целую! Сплавив нудное дело с квартирными бумажонками, почувствовал себя великолепно и работаю над Кихотом легко. Все очень удобно. Наверху не громыхают пока что, телефон молчит, разложены словари. Пью чай с чудесным вареньем, правлю Санчо, чтобы блестел. Потом пойду по самому Дон-Кихоту, а затем по всем, чтоб играли, как те стрекозы на берегу — помнишь? Но какой воздух! Здесь не жара, а духота, липкая, вязкая, тяжелая. Когда будешь погружаться в воду, вспомни меня. Нога заживает? Целую. Умоляю — набирай сил!

Твой М.

Моя дорогая Ку!

Пишу тебе по-испански для того, во-первых, чтобы ты убедилась, насколько усердно я занимаюсь изучением царя испанских писателей, и, во-вторых, для проверки — не слишком ли ты позабыла в Лебедяни чудесный язык, на котором писал и говорил Михаил Сервантес. Помнишь случай с Людовиком XIV-м и придворным? Вот и я тебя спрашиваю: Sabe, Ud, el castellano?[1]

Воображаю, как хохотал бы Сервантес, если бы прочел мое испанское послание к тебе! Ну, что же поделаешь. Признаюсь, что по-испански писать трудновато.

Ах, как душно, Ку, в Москве! Насте не всегда удается достать лед. Но условия для работы исключительно удобны. Полная тишина. Телефон почти не дает о себе знать, и даже двор почему-то не звучит как обычно. Жара что ли сморила наших жителей.

Вот только радио снаружи иногда отравляет жизнь, да еще какой-то болван по временам заводит патефон. Ах, если бы он его скорей сломал!

Сегодня утром побывала у меня Анна П. Рассказала о том, что одна дама «с морды смазливая», другая пилочку сперла, а у третьей «забабоха» (кажется, так) на ноге. Вообще развлекала меня, как могла. Одним глазом глядя в Дон-Кихота, а другим на А.П., выслушал рассказ о том, как S. буйно рыдала в день отъезда.

— Мне так жаль ее было, так жаль, так жаль!.. — и совершенно неожиданно добавила:

— Она такая злая была!

Ку, я тебя убедительно прошу *ничего* об А.П. толстушке не говорить. Есть? Сама понимаешь почему.

Пишу тебе об этих пустяках, чтобы поболтать с тобой, alma mia[2]

Вскорости после ухода А.П. раздался звонок Марьи Исаковны (ставлю в непосредственную связь). Вопрос о том, как ты поправилась и прочее. Я сказал, что ты выглядишь чудесно и шоколадна.

Ты на меня не сердись, Лю, за то, что я тебя беспокоил квартирными бумажками. Счастлив, что с этим разделался и могу на эту тему до твоего возвращения не разговаривать.

Да, может быть, тебя позабавит случай:

Обливаясь потом, ходил я по этому квартделу. Один неизвестный служащий взглянул в мою бумажку и вдруг спрашивает испуганно:

— Позвольте!.. Это не вы написали «Дни Турбиных»?

Я говорю:

— Я...

[1] Знаете ли вы испанский? *(исп.)*

[2] Душа моя *(ит.)*.

Он вытаращил глаза, уронил бумажку и воскликнул:

— Нет?! Ей-богу?!

Я так растерялся, что ответил:

— Честное слово!

Тут он бросил бумажки и говорит:

— Я «Зойкину квартиру» видел и «Багровый остров». Ах, как мне понравился «Багровый остров»!

Я говорю:

— Да они в Камерном черт знает что поставили вместо пьесы.

— Нет, нет, нет! Очень хорошо!

И финал:

— А... скажите... сколько вы получаете со спектакля «Турбиных»?

И тут я увидел, что бывают случаи, когда такие вопросы задаются не со злостной целью, а просто это невытравимо обывательское. Тут не мерзкая зависть, с которой мы хорошо с тобою знакомы, а любопытство.

Вчера ужинал с Борисом Робертовичем и его женой. Сегодня хотел съездить на дачу к Сергею Петровичу, но не попал.

Hasta la vista![1]

Целую тебя крепко!

Твой М.

26 июля

Днем.

Сегодня, дорогая Ку и Лю, две открытки от тебя (от 23 и 24). Ага! Видишь, и плотину закрыли, и дождь! Уж я знаю, когда куда ездить. Но было бы хорошо, если бы устроилось наоборот: сюда — дождь, а вам московскую погоду. Там в садах ее переносить вам было легче. Висит духота, небо затянуто и грязновато местами[2], но капли нет дождя. Нету воздуху, хоть плачь! Воротничок нельзя надеть — он через минуту превращается в раскисший жгут. Томительно хочется пить. Нарзану нет. Пил Березовскую воду, пил Миргородскую, но их тоже трудно достать. А работается неплохо. Мысль остра сравнительно. Впрочем, об этом будем толковать с тобою в больших письмах. Радуюсь тому, что Сергей с тобой! Ах, как это хорошо. Но, умоляю, не перекармливай его. Ему вредно это. Ку, подумай насчет этого! Целую!

Твой М.

Вечером.

Сейчас, дорогая Ку, получил телеграмму и открытку, где сообщение о случае с Сергеем. Потрясающий малый! Надеюсь, что это быстро заживет. Ты не надорвалась, когда тащили его? Ведь он же тяжелый, как комод! Кстати, Ку, как состояние твоего здоровья? Напиши!

Пьесу никому не читал и не буду читать, пока мы ее с тобой не перепишем на машине. Пиши мне поподробнее. За книгу большое спасибо!

---

[1] До свидания! *(исп.)*

[2] Только что написал — затянуто, как опять голубизна и жжет, жжет! *(Примеч. М.А.Булгакова)*

И вечер не приносит спасения от духоты. Сейчас половина одиннадцатого, все окна открыты, но воздух почти не входит в комнаты. Впрочем, и воздух-то такой, что хоть бы и не входил. Настя спит теперь на балконе.

До завтра, Ку! Целую тебя, а Сергею скажи, что я просил его погладить по голове от меня.

М.

27 июля

Час дня. Савеловский вокзал.

Дорогая Лю! Забыл дома открытку, написанную тебе и пишу эту, проклиная вокзальные чернила и перо. Сейчас поеду к Федоровым на дачу, вернусь вечером. Напиши, каково состояние твоего здоровья?

Кихота никому не читал и не буду читать до переписки. Работа пока идет интересно. Духота неописуемая. Целую!

Твой М.

28 июля

Ку, дорогая! Я не понял твоего ответа насчет здоровья и поэтому дал вторую телеграмму. Твое здоровье в порядке, надеюсь? Ответь — в порядке или нет!

Сознайся, что ты поручила составление телеграммы Коту Бегемоту! Он и устроил головоломку — «здорова»! Нате вам! Что это значит?

Сегодня буду писать тебе большое письмо. Целую тебя крепко!

Твой М.

29 июля

Дорогая Лю! Телеграмму, где обещаешь телеграфировать о здоровье, получил. Жара давит, трудно работать. Ку! Две деловых вещи: не ходи по солнцу много! Серьезно говорю. Поплатишься за это, я боюсь. Сиди в тени! А второе: не давай Сергею объедаться! Ведь ему на глазах это приносит вред. Довольно!

Сейчас буду писать тебе большое письмо. Целую тебя крепко.

Твой М.

Милый друг!

Все твои письма получаю и читаю их с нежностью. Не ломай головы над этими испанскими посланиями, мой дорогой Шампольон Младший!

Отдыхай! И тени, тени больше. Совсем не ходи по солнцу, послушайся меня, друг мой!

Меня ты можешь пожалеть. Здесь кромешный ад. Не только не видно конца жаре, но с каждым днем становится все хуже.

Вечером в открытые окна влетают ночные бабочки, тонут в варенье. За ними какие-то зеленые мушки, которые дохнут на

книгах. Настасья с мокрой тряпкой на голове, хнычет. Рассказывает, что в очереди за льдом упал мужчина и еще кто-то. Работать стало трудно. Если бы можно было надеяться, что, приехав куда-нибудь, найдешь номер в гостинице, я хоть на три-четыре дня уехал из Москвы. Ну, хоть, скажем, глянуть на море. Но об этом и разговору быть не может.

Дмитриев очень зовет меня навестить его в Ленинграде. И сгоряча я было стал склоняться к этому. Судя по телефонному разговору, у него все вышло худо. А сам он в Москву приехать не может. Но сейчас вижу, что сочетание звезд совсем не для этой поездки. Прежде всего я чувствую себя отвратительно и подвиг этот выполнить не могу просто физически. И притом целый узел дел может связаться для меня как раз в эти дни. Так что буду бить отбой и продолжать штурмовать Кихота.

В Москве плохо (вчера пошел в Эрмитаж, ушел через десять минут). Интересно: не встретил ни одного знакомого лица! Потом пошел в ресторан Жургаза, в чем тоже раскаиваюсь. Там, правда, знакомые лица на каждом шагу. Могу их подарить кому-нибудь. А под Москвой, по-моему, еще хуже. Ездил к Федоровым на дачу. Очаровательно, как всегда, встретили меня, но эта подмосковная природа! Задымленные, забросанные бумагой, запыленные дачные места, и это на десятки километров. А купанье! Вспомнил я Дон, песчаное дно!

А эти курятники-дачки! Возвращался, когда солнце уже село, смотрел в окно и грустил, грустил. И особенно остро тебя вспоминал. Вот бы сейчас поговорить с тобой!

Больше писать не в силах, изнемогаю. О S., театре, романе и прочем в следующем письме. Будь бодра, здорова (отчего нет обещанной телеграммы, недоумеваю?), целую крепко! Сергея погладь по голове.

Твой М.

Нездоровится — из-за жары, что ли?

31 июля

Утром.

Дорогая Ку! Ты — молодец! Тебе надо иероглифы читать! Во многом ты ошиблась, но смысл письма и его основа разобраны верно. Я не помню точно текст, а то бы я прислал тебе перевод для сличения. При свидании сличишь.

Беспокоит меня то, что нет телеграммы. Что же это значит? Ну, надеюсь, что все благополучно.

Мучает жара. Целую крепко.

Твой М.

Дорогая Лю!

Я вижу, что испанским языком тебя не удивишь, поэтому перехожу на итальянский.

Беспокоюсь, что от тебя нет телеграммы. Как ты чувствуешь себя? Надеюсь, что у вас все благополучно?

Сейчас пришла открытка от 30-го (12 ч. дня). А телеграммы нет! Фотографии не получал.

Целую тебя!

Твой М.

P.S. Вечером сегодня, когда упадет жара, примусь за театральное письмо. Там будет обо всем, в том числе и о S.

В ночь на 1 августа.

Вечером сегодня получил, дорогая Лю, снимок. Большое, большое, громадное спасибо тебе!

Как фамилия фотографа? Есть ли у тебя нераскрашенный экземпляр? С интересом жду снимок домика.

Твой М.

Захвати с собою негатив!

2 августа

Дорогая Ку! Озабочен тем, что от тебя нет телеграммы о здоровье. Ку! Сообщи мне, пожалуйста, не откладывая, адреса Боярского и Сахновского (это нужно Дмитриеву). Жара совершенно убивает. Тем не менее я работаю. План такой: как только сделаю все поправки (а это уже близко), перепишу всю пьесу начисто и развяжусь и с Кихотом и с Санчо! Сергеево послание получил. Скажи, что я думаю о нем тепло и хорошо и верю в то, что он вырастет умным, способным, радующим тебя. Скажи, что тебя поручаю ему.

Твой М.

4 августа

Дорогая Лю!

Получил только что закрытое твое письмо от 2-го. Какая тут Лебедянь! Сижу в тревоге из-за твоего здоровья как на иголках и жду не дождусь, когда кончится твое лебедянское сидение. У меня нет никакой возможности приехать в Лебедянь! Я чрезвычайно опечален тем, что тебя сейчас нет со мной, и только одним утешаю себя, что ты отдыхаешь. Но здоровье! Что это еще за оказия? Настроение духа у меня плохое, я озабочен, подавлен массой вопросов. Грущу, что тебя нет.

Целую крепко!

М.

5 августа

Поздно вечером.

Дорогая Люсенька! Спасибо тебе за ласковые письма и радостную телеграмму, которая пришла сегодня утром.

Отчего до сих пор не послал тебе длинного письма, ты узнаешь из длинного письма. Составлять его буду завтра. Целую тебя крепко и хочу, чтобы ты была здоровой, бодрой и веселой. Поцелуй Сергея и спроси, как он находит роль Санчо — хороша ли! Он смыслит в этих делах.

Жара упала!!

Твой М.

7.VIII.38. Поздно вечером
Мой друг, сегодня, когда писал те-
бе днем письмо, узнал, что Стани-
славский умер. Всё время как-то нахо-
дился в уверенности, что Калужско-
го известит театр, а сейчас меня
взяло сомнение — вдруг не известили?
Иду на телеграф, дам ему телеграмму
сейчас. Целую! Твой М.

Открытка М.А.Булгакова, адресованная Елене Сергеевне.

7 августа

Поздно вечером.

Мой друг, сегодня, когда писал тебе днем письмо, узнал, что Станиславский умер. Все время как-то находился в уверенности, что Калужского известит театр, а сейчас меня взяло сомнение — вдруг не известили? Иду на телеграф, дам ему телеграмму сейчас.

Целую!

Твой М.

Дорогой друг Люси!

Одной из причин, почему я до сих пор не мог взяться за длинное письмо, являлся Дмитриев. Он обрушился на меня из Ленинграда с сообщением, что его посылают на жительство в Таджикистан. Сейчас он хлопочет через Москвина как депутата и МХТ о пересмотре этого решения, и есть надежда, что, так как за ним ничего не числится, а жительство ему назначено как мужу сосланной его жены, а также потому, что значение его как большого театрального художника несомненно, участь его будет изменена.

Теперь приступаю к театральной беседе, о чем уж давно мечтаю, мой друг. «Questa cantante cantava falso» означает: «Эта певица пела фальшиво». Mostro d'inferno — исчадие ада. (Monstrum латинск., monstre франц., monster англ., monstrum нем., monstruo исп. и mostro итальянск. — чудовище.) Да, то она, как ты справедливо догадалась, и, как видишь, на каком языке ни возьми, она — монстр. Она же и пела фальшиво.

Причем, в данном случае, это вральное пение подается в форме дуэта, в котором второй собеседник подпевает глухим тенором, сделав мутные глаза.

Итак, стало быть, это он, бывший злокозненный директор, повинен в несчастье с «Мольером»? Он снял пьесу?

Интересно, что бы тебе ответили собеседники, если б ты сказала:

— Ах, как горько в таком случае, что на его месте не было вас! Вы, конечно, сумели бы своими ручонками удержать пьесу в репертуаре после статьи «Внешний блеск и фальшивое содержание»?

Статья сняла пьесу! Эта статья. А роль МХТ выражалась в том, что *они все,* а не кто-то один, дружно и быстро отнесли поверженного «Мольера» в сарай. Причем впереди всех, шепча «Скорее!», бежали... твои собеседники. Они ноги поддерживали.

Рыдало немного народу при этой процедуре. Рыдала незабвенная Лидия Михайловна, которая теперь вынуждена посвятить свои досуги изображению графини-внучки.

Известно ли все это собеседникам? Наилучшим образом известно. Зачем же ложь? А вот зачем: вся их задача в отношении моей драматургии, на которую они смотрят трусливо и враждебно, заключается в том, чтобы *похоронить ее* как можно скорее и без шумных разговоров.

Поэтому, когда женщина, потрясенная гибелью всех сценических планов того, с кем она связана, поднимает шум у театрального склепа, ей шепчут на ухо:

— Это он снял... Он! Вон он... Вы за ним, madame, бегите... Вон он!

Выбирается первое попавшееся, но непременно одиозное имя и по следам его и посылают человека. Пойди-ка, проверь! Поверит, кинется в сторону, и шум прекратится и прекратятся пренеприятнейшие разговоры...[1] Немировича в деле того же «Мольера» и многих других делах, о работе Горчакова, а главное, о своей собственной работе!

Звезды мне понравились. Недурно было бы при свете их сказать *собеседнику* так:

— Ах, как хороши звезды! И как много тем! Например, на тему о «Беге», который вы так сильно хотели поставить. Не припомните ли вы, как звали то лицо, которое, стоя в бухгалтерии у загородки во время первой травли «Бега», говорило *лично автору,* что пьеса эта *нехороша и не нужна?*

Тут бы собеседование под звездами и кончилось!

Но, нет, нет, мой друг! Не нужно больше разговаривать. Не мучай себя и не утомляй их. Скоро сезон, им так много придется врать каждый день, что надо им дать теперь отдохнуть. Все это мелко. Я и сам поддался этому вдруг. Сказалась старая боль! *Обещаешь не разговаривать?*

Но вот что я считаю для себя обязательным упомянуть при свете тех же звезд — это что действительно хотел ставить «Бег» писатель Максим Горький. А не Театр!

Я случайно напал на статью о фантастике Гофмана. Я берегу ее для тебя, зная, что она поразит тебя так же, как и меня. Я прав в «Мастере и Маргарите»! Ты понимаешь, чего стоит это сознание — я прав!

---

[1] Зачеркнуты слова: «...о роли Станиславского в деле «Мольера» и «Бега».

Обрываю письмо и вычеркиваю слова о Станиславском. Сейчас о нем не время говорить — он умер.

Твой М.

8 августа

Дорогая Люсенька!

<...> Появление Дмитриева внесло форменный ужас в мою жизнь. Кихот остановился, важные размышления остановились, для писем не могу собрать мыслей, в голове трезвон телефона, по двадцать раз одни и те же вопросы и одни и те же ответы. Его жаль, он совершенно раздавлен, но меня он довел до того, что даже физически стало нездоровиться!

Сегодня вечером он уезжает в Ленинград, добившись здесь, благодаря МХТ, приостановления своего дела, что, надеюсь, приведет к отмене его переселения. Уехать он должен был вчера, но его вызвали для оформления траурного зала в МХТ.

Я сделал все, что мог, чтобы помочь ему советами и участием и теперь, признаюсь тебе, мечтаю об одном — зажечь лампу и погрузиться в тишину и ждать твоего приезда.

Кошмар был, честное слово!

Спешу кончить письмо, чтобы отдать его Настасье.

Итак, ты выезжаешь 14-го? Очень хорошо. Нечего там больше сидеть. Ку, если не трудно, закажи порошки от головной боли, привези. Волнуюсь при мысли, что вам трудно будет с поездом. Сдай, что можно, в багаж!

В голове каша! Целую тебя крепко! Жду!

Твой М.

9 августа

Дорогая Люси!

У меня первое утро без Дмитриева. Что это за счастье, ты не поймешь, так как не была в кошмаре, о котором подробно расскажу при свидании. Достаточно того, что у меня началась полная бессонница. Уехал он, сказав, что на днях появится вновь, и я серьезно озабочен вопросом о том, как оградить свою работу и покой. Всему есть мера!

Впервые за это время хорошо заснув, был сегодня разбужен *cunad*'ю[1], появившейся с двумя ящиками рано утром. Она унеслась быстро, оставив мне эти ящики и головную боль. После этого мне пришлось позвонить к ней, чтобы узнать число, когда ты выезжаешь. Поговорив с Калужским, я уж хотел положить трубку, как получил к телефону *cunad*'у, которая стала мне быстро и неразборчиво рассказывать что-то о варенье и о каком-то русском масле и что-то приказывать с ним сделать, чего я, конечно, не сделаю, так как, чуть-чуть отодвинув трубку, перестал слушать эту белиберду.

Итак, ты выезжаешь 14-го и деньги у тебя есть? (Ольга сказала, что есть). Счастлив, что скоро увижу тебя. Я с глубокой нежностью вспоминаю, как ты охраняла мой покой в Лебедяни.

[1] Свояченицею *(исп.)*.

Е.С.Булгакова с сыном Женей у родителей в Режице (Латвия). 1920-е годы.

Сейчас дело идет к полудню, а Настасья куда-то провалилась, чего с ней никогда не бывало. Уж не случилось ли с нею чего-нибудь? Ну, ничего, сегодня будет еще больной день, а завтра, верю, удастся вернуться к Кихоту. Начну его переписывать.

Вот пришла Настя! Все в порядке.

Как ты понимаешь, я нахожусь под впечатлением смерти Константина и все раздумываю, раздумываю. А так как мысли мои тяжелые, навязчивые, о литературной судьбе, о том, что сделал со мною МХТ, то, чтобы перевести их на другие рельсы, приведу тебе несколько картин, сопровождающих *смерть*.

Человеку, случайно позвонившему в Театр по своему делу, днем 7-го, мхатовская дама (кажется, сестра Рипси. Есть такая?), заикаясь, сказала так:

— Да... вот... у нас тут... происшествие...

— Какое происшествие?

— Происшествие... Константин Сергеевич... умер... Только умоляю... *никому, никому ни слова!..*

Я. Настя, вы знаете, кто такой Станиславский?

Настасья. Станиславский? Нет, нет! И не знаю я! Никакого такого не знаю!

Я. А... Ну, ладно.

Через несколько часов.

Настасья (сконфуженно). Вы спрашивали, знаю ли я Станиславского? Я-то своими мыслями была занята... Ну, как же мне его не знать!.. Мне Поля позвонила сейчас... Ведь я так люблю сцену!.. И мамочка его так любила... Мы, бывало, сидим с мамочкой и каждый вечер о нем разговариваем... Мамочка говорит: Ах, Настя, Настя! Вот бы от кого букеты да духи получать! И я говорю — хорошо бы было, мамочка!

Теперь-то Оле директором Николая Васильевича посадят! (Записано дословно.)

Ну, вот две сцены. Больше пока писать не буду, приехал Сережа Ермолинский. При этом письме от него листок.

Целую крепко.

Твой М.

P.S. Появился Евгений из Архангельского и придет обедать.

15 августа

Вот сколько времени я не записывала. Сейчас трудно все восстановить. Что помню? Бешеную усталость весной. Отъезд мой с Сергеем, Лоли и Санькой (сыном Калужского) в Лебедянь. Приезд туда М.А. (и Женички — тоже) — когда все было подготовлено — комната, без мух, свечи, старые журналы, лодка... Изумительная жизнь в тишине. На третий день М.А. стал при свечах писать «Дон-Кихота» и вчерне — за месяц — закончил пьесу. Потом — вместе с Женичкой — уехал в Москву. 7 августа известие о смерти в Москве Станиславского. Срочный отъезд Калужских. Через несколько дней выехали и мы. И вот сегодня около шести утра М.А. встретил нас на вокзале. Две машины всякого барахла. Квартира, после лебедянской скромной обстановки, показалась мне удивительно красивой. Корзина цветов от М.А. Радость встречи. Жалобы М.А. на Дмитриева, жившего у него неделю и сорвавшего работу над «Дон-Кихотом». Но Дмитриева, действительно, надо пожалеть, когда его хотели отправить из Москвы чуть ли не в Таджикистан, как мужа сосланной!

М.А. очень смешно показывал, как Женюшка, который часто приходил к нему и ходил по его поручениям, — задумчиво, молча считал деньги, сидя на диване. М.А. сразу догадывался, что он не додал чего-то.

17 августа

Вчера заехал Леонтьев и уговорил поехать с ним в Зеленый театр смотреть там «Кавказского пленника».

Пыльно, дышать нечем, на сцене — топочущие лошади, бараны. Балаган.

Марков вцепился в М.А. — надо поговорить! Непременно! Надо дать что-нибудь для МХАТа — это ось разговора. М.А. говорил только об одном, о зле, которое ему причинил МХАТ.

23 августа

Сегодня, во время мучительных разъездов и беготни по делу о возвращении квартирных денег, встретили в Лаврушинском Валентина Катаева. Пили газированную воду. Потом пошли пешком. И немедленно Катаев начал разговор. М.А. должен написать небольшой рассказ, представить. Вообще, вернуться «в писательское лоно» с новой вещью. «Ссора затянулась». И так далее. Все — уже давно слышанное. Все — известное. Все чрезвычайно понятное. Все скучное. Отвез меня к М.И., а сам поехал с М.А. к нам и все говорил об

одном и том же. Сказал, что Ставского уже нет в Союзе, во главе ССП стоит пятерка (или шестерка?), в которую входит и Катаев. Сказал, что Куприн очень дряхл, не узнает окружающих, путается.

26 августа

Сегодня в газетах объявление ССП о смерти Куприна. Грустно. Писатель был замечательный.

30 августа

В Москве стоит небывалая жара — неестественная, непонятная.

Звонил Виленкин — они с Павлом Марковым просятся прийти.

4 сентября

Ночью, первого сентября, после ужина у Вильямсов, ездили на закрытой машине на Воробьевы горы. Впечатление такое, что сейчас задохнешься — мгла, пропитанная запахом какой-то эссенции, очевидно, с какого-то завода. Красноватые тусклые огоньки внизу в Москве. Страшно.

Второго — прислали из ВОКСа копию письма о том, что в Лондоне в театре «Феникс» готовят «Дни Турбиных», просят прислать фотографии мхатовской постановки. Об этом еще раньше звонил Смирнов. Копию эту ВОКС, конечно, прислал с большим опозданием. Всегда такие письма волнуют М.А., создают неразрешимые вопросы.

В этот же вечер у нас чтение «Дон-Кихота» — Вильямсы, Николай Эрдман, Дмитриев с Мариной (новая его жена).

М.А. выверил на чтении пьесу, будет делать сокращения, есть длинноты.

Третьего сентября был Николай Эрдман, советовался с М.А. о письме, которое он хочет написать — просьбу о снятии с него судимости.

Сегодня первая ласточка из Вахтанговского театра, Горюнов, который прослышал о читке «Дон-Кихота». Сегодня же вечером, черт знает как поздно, просятся прийти слушать несколько вахтанговцев.

5 сентября

Вчера в полночь явились: Горюнов, Куза, Симонов, Ремизова. Видимо, понравилось. В некоторых местах валились от хохоту (янгуэсы, бальзам). Но тут же и страхи: как пройдет? Под каким соусом подать? Да как начальство посмотрит?..

Сегодня 800-й спектакль «Турбиных». Он должен был быть завтра, но сегодня случайно замена (вернее, отмена «У врат царства»).

По телефону поздравили: Оленька, Федя и Конский.

М.А. вечером в Комитете с Самосудом, слушали новую оперу Дзержинского «Волочаевские дни».

М.А.Булгаков на отдыхе. Батум, 1927.

7 сентября

Днем Дмитриев. Потом М.А. с ним пошел в книжный магазин.

8 сентября

М.А. днем на репетиции «Фауста». В это время дома — телефонный грохот из Вахтанговского театра. Тут и Козловский, и Куза, и от Ванеевой. Загорелось! Под вечер М.А. говорил с Кузой и категорически отказался читать труппе или совещанию, говорил, что не желает себя подвергать травле. Пусть рассматривают экземпляр и дают ответ.

Тогда просьба, чтобы прочел нескольким ведущим актерам у нас. На это М.А. согласился.

9 сентября

Переписка «Дон-Кихота» закончилась, экземпляр выдан курьеру из Вахтанговского театра. После этого Козловский по телефону:

— Если разрешите, придем 11-го.

А кто — неизвестно.

Днем звонил Марков — когда М.А. может принять его и Виленкина, очень нужно переговорить. М.А. не было дома, я предложила прийти сегодня вечером, предварительно позвонив.

За обедом — звонок. М.А. согласился на сегодняшний вечер.

10 сентября

Пришли в одиннадцатом часу вечера и просидели до пяти утра. Вначале — было убийственно трудно им. Они пришли просить М.А. написать пьесу для МХАТа.

— Я никогда не пойду на это, мне это невыгодно делать, это опасно для меня. Я знаю все вперед, что произойдет. Меня травят, я даже знаю кто. Драматурги, журналисты.

Потом М.А. сказал им все, что он думает о МХАТе, все вины его в отношении М.А., все хамства. Прибавил:

— Но теперь уже все это — прошлое. Я забыл и простил. (Как М.А. умеет — из серьеза в шутку перейти.) Простил. Но писать не буду.

Все это продолжалось не меньше двух часов, и когда мы около часу сели ужинать, Марков был черен и мрачен.

Но за ужином разговор перешел на общемхатовские темы, и тут настроение у них поднялось. Дружно все ругали Егорова.

Первоначальные наброски к пьесе «Батум».

Потом — опять о пьесе. Марков:

— МХАТ гибнет. Пьес нет. Театр живет старым репертуаром. Он умирает. Единственно, что может его спасти и возродить, это — современная замечательная пьеса. (Марков сказал — «Бег» на современную тему, т.е. в смысле значительности этой вещи — «самой любимой в Театре».) И конечно, такую пьесу может дать только Булгаков.

Говорил долго, волнуясь. По-видимому, искренно.

— Ты ведь хотел писать пьесу на тему о Сталине?

М.А. ответил, что очень трудно с материалами, — нужны, а где достать?

Они сразу стали уверять, что это не трудно, стали предлагать — Вл. Ив. напишет письмо Иосифу Виссарионовичу с просьбой о материалах.

М.А. сказал:

— Это, конечно, очень трудно... хотя многое мне уже мерещится из этой пьесы.

От письма Вл. Ив. отказался наотрез.

— Пока нет пьесы на столе, говорить и просить не о чем.

Они с трудом ушли в пять часов утра, так было интересно, — сказал Виленкин Оленьке на следующий день.

11 сентября

Жара упала.

12 сентября

Вчера было чтение вахтанговцам, у нас. Были: Захава, Глазунов, Рапопорт, Орочко, Козловский и Горюнов, который пришел ко второй половине пьесы.

Неожиданно появились братья Эрдманы.

Очень хорошо слушали Орочко, Рапопорт, Захава. Пьеса, видимо, очень понравилась.

— Но кто же может поставить? — говорит Орочко, — здесь нужен громадный режиссер. Надо Мейерхольда просить.

— Вещь замечательная, — сказал Рапопорт, — но при чем тут Мейерхольд? (Он даже насупился.)

Борис Эрдман сказал, что для художника — мечта сделать эту пьесу.

Вообще расшевелились все. За ужином вахтанговцы стали просить М.А. прочесть из «Записок покойника» — они уже слышали об этом романе.

Успех был громадный, хохотали, как безумные. Еще бы — МХАТ выведен!

Глазунов, больной и усталый, а потом осовевший после ужина, засыпавший, — начисто проснулся, вытаращив глаза, слушал и хохотал чуть ли не больше всех. Долго аплодировали после.

Глазунов сказал:

— Вот, приглашай вас в театр, — а потом, на поди, что получается!

М.А. сказал:

— Я ведь актеров не трогаю.

М.А. слышал, что вернули в Большой театр арестованных несколько месяцев назад Смольцова и Кудрявцеву — привезли их на линкольне... — что получат жалованье за восемь месяцев и путевки в дом отдыха.

А во МХАТе, говорят, арестован Степун.

Сегодня мы ездили на Истру, туда, где вахтанговцы нам дали, или вернее продали, дачный участок. Нам предлагает доктор Аникин (рекомендация Русланова) купить у него половину дачи. Но при этом с теперешним этим совладельцем — у Аникина суд. Непонятно. М.А., конечно, сразу оценил положение и сказал, что уж если строиться, то только самостоятельно. Местность очень хорошая, тишина, благодать. А как бы хорошо, действительно, иметь возможность приезжать на дачу из Москвы, жить в этой тишине. Но... не верится даже, что осилим. Подумать только, у М.А. написано двенадцать пьес, — и ни копейки на текущем счету. Идут только две пьесы — в одном театре. Откуда — отложить?

13 сентября

Днем М.А. в консерватории с балетной группой по «Светлане» (чей-то новый балет). Самосуд его не хочет пропускать, а балетная группа уже сделала много. Головоломка.

14 сентября

После долгого перерыва звонила Лида Ронжина, сказала, что и брат и дочь у нее арестованы, что на руках у нее остался маленький внук. Просила меня зайти.

Вчера «Светлана», а сегодня вечером М.А. у Мордвинова на заседании — по поводу поправок в либретто «Волочаевские дни».

15 сентября

Опять работа в Большом над либретто (гусевским).

16 сентября

Около половины первого ночи, когда у меня сидел Дмитриев, вернулся М.А. из балетного техникума — опять возня с исправлениями «Светланы» (оказывается, музыка Клебанова, либретто — Жиго).

Сильнейший ливень весь вечер и часть ночи. М.А-ча привез Габович в своей машине, он же за ним и заезжал.

М.А. приехал с мигренью.

Н.П. Акимов.

18 сентября

Вчера М.А. вернулся поздно от Лепешинской, где балетная группа, вместе с ней и М.А., опять ломали голову все над той же «Светланой» — рассыпается в руках либретто.

Усталость М.А., безнадежность собственной работы.

Сегодня обедал у нас Яков Леонтьевич. Я накрыла красиво стол, Яков привез пломбир. Были ребята — Сергей и Женичка. Смотрели в рот — Мише и Якову — все время ожидая смешных вещей, — как чеховский дьякон.

19 сентября

Утром звонок по телефону из Вахтанговского театра, приехал кто-то из дирекции Свердловского театра, хочет поговорить с М.А. относительно пьесы.

— Которой? — спросила я.

— «Дон-Кихота», — после паузы удивленно ответил этот приезжий — Георгиевский.

Условились, что напишет из Свердловска.

А вечером Акимов Ник. Пав. звонил — о том же. Приедет завтра утром.

Как все повторяется. М.А. напишет пьесу — начинается шевеленье, звонки, разговоры, письма. Потом пьеса снимается — иногда с грохотом, как «Мольер», иногда тихо, как «Иван Васильевич», — и наступает полная тишина.

Сегодня вечером М.А. сел за правку июньского экземпляра «Мастера и Маргариты».

20 сентября

Сегодня утром пришел Акимов, сказал, что вахтанговцы совершенно очарованы «Дон-Кихотом». Он хочет прочесть. Расхвалил свой театр (комедии?).

Прочитал пьесу тут же, сказал, что сейчас ничего не будет говорить, а вечером — надо, чтобы все осело. Позвонил вечером, по словам М.А., разговор был утомительный и нудный. С одной стороны — он чего-то не понял, а чего — неизвестно. Но с другой стороны — хочет ставить, просит прислать экземпляр пье-

сы в Ленинград в дирекцию и не заключать договора ни с одним ленинградским театром — не предупредив их.

21 сентября

Утренние газеты. Гитлер хочет обрушиться на Чехословакию. Неужели возможна война?

М.А. ушел в филиал. Потом встретились с ним в дирекции у Якова Л. Яков убеждал, что мы идеализируем Дмитриева, что на самом деле он — плохой человек, грубый, эгоистичный и чрезвычайно практический.

Больно слышать — Яков все подкреплял фактами.

Одно только, что Дмитриев, как очень талантливый, очень сложный, очень запутанный человек, — действительно может как-нибудь неожиданно обнаружить и дурные черты. Или вернее, бывают периоды в его жизни, когда живущая в нем трусость вдруг подымается и заливает его. И тогда он оборачивается своими дурными свойствами. Яков Л. никогда его не любил и, как сам говорил, — ревновал к нашему исключительному отношению к Дмитриеву.

М.А. познакомился с Давыдовой и Мчедели. Разговор на ходу об опере, о пианисте.

Мучения М.А. со «Светланой». Самосуд ни за что не хочет пропустить этот балет. Хочет, чтобы М.А. разгромил либретто.

А что там громить? Не лучше, не хуже других. Балет как балет. (М.А. рассказал мне содержание.) Сделано уже много, и макеты уже готовы.

А вечером тоже удовольствие: чтение либретто Городецкого «Дума об Опанасе». Боже! М.А. сидел с красным карандашом, подчеркивая те места, которые необходимо изменить.

Но между всеми этими делами — постоянный возврат к одной и той же теме — к загубленной жизни М.А.

М.А. обвиняет во всем самого себя. А мне тяжело слушать это. Ведь я знаю точно, что его погубили. Погубили писатели, критики, журналисты. Из зависти. А кроме того, потому, что он держится далеко от них, не любит этого круга, не любит богемы, амикошонства.

Ему это не прощается. Это как-то под пьяную лавочку высказал все Олеша.

22 сентября

Вчера в таких же разговорах досидели до четырех утра. Сегодня утром звонили из Вахтанговского — на какое число хотим билеты на «Шел солдат с фронта» — сказала — на 25-е.

Потом — из Большого — Яков Л.

— Где М.А.?

— Ушел в филиал.

— У меня к нему дело есть, интересное. Хороший разговор.

Потом оказалось, что Большой театр предлагает М.А. делать либретто по «M-elle Фифи» с Дунаевским — композитором.

Самосуд подчеркивал:

— Главное — интересная фабула!

Часть материалов раздобыли тут же — на обратном пути домой.

А сейчас, ночью, М.А. рассказал мне содержание всех пяти картин.

23 сентября

С утра М.А. диктовал мне заключение по поводу этого проклятого Опанаса.

Потом — в филиал. Потом — дирекция. М.А. попросил достать из библиотеки Мопассана в подлиннике. Яков предложил свою машину, и мы поехали домой. Вечером тихо дома. М.А. читает Мопассана.

24 сентября

Дикое утомление от выходного дня.

М.А. днем работал над «Фифи», а вечером поехал к Вильямсам и с ними вместе — к Понсовым.

25 сентября

М.А. — за «Фифи».

Вечером пошла с Оленькой в Вахтанговский («Шел солдат...»). Катаев — автор, Петров, Алексей Толстой, Фадеев.

Автора не вызывали ни разу. Разговаривала с Вильямсами, конечно — с Дмитриевым, художником спектакля. Он был до слез взволнован, что на сцене разорвалась туча и дождь не пошел.

Видела Русинову, она мне говорила, что в том виде, как написан «Поход 14 держав», театр ставить не будет, а Алексей Толстой не хочет переделывать. Что будет — неизвестно.

26 сентября

Сегодня днем М.А. проведал Арендта, тот болен. От него — к зубному врачу.

Вечером — «Фифи». Читал мне первую картину.

27 сентября

В «Вечерке» ругают Катаева за фальшь и поверхностность. Звонил мой Женичка и сказал, что в «Красной звезде» и в «Комсомольской правде» тоже ругают.

В «Литературке» — статья Горюнова о репертуаре, плаксивая. Перечисляет все обиды, нанесенные театру. Как Комитет им сказал, что юбилейную пьесу дадут им после конкурса, что конкурс провалился, что они сами должны были искать пьесу, что пьесу дорабатывал автор уже в театре с помощью всего коллектива («Человек с ружьем» Погодина). О том, как начальник Театрального управления Гранберг (или Гринберг — не помню) директивно предложил им ставить пьесу Прута. И еще много всяких разностей. В конце статьи, при перечислении пьес, которые они собираются ставить, — «Дон-Кихот», который сделал М.Булгаков.

Звонил Марков — когда можно прийти? Условились на сегодня вечером.

28 сентября

Вчера, конечно, засиделись очень поздно. Пришли Марков и Виленкин. Старались доказать, что сейчас все по-иному: плохие пьесы никого не удовлетворяют, у всех желание настоящей вещи. Надо, чтобы М.А. сейчас именно написал пьесу. М.А. отвечал, что раз Литовский опять выплыл, опять получил место и чин, — все будет по-старому. Литовский — это символ.

После ужина они уговорили М.А. почитать. Он прочел три первые главы «Мастера». Сказали, что все так ясно видно, так ощутимо. Условились, что первого придут слушать продолжение.

Марков, уходя, говорил, что «в воздухе — грозный призрак войны».

Сегодня утром М.А. читал присланное ему на отзыв либретто «Ледовое побоище». Авторы приводят мотивы, почему надо ставить эту оперу, доказывают на трех страницах, что театру выгодна эта постановка, так как налицо полная аналогия с немецкими фашистами. А кроме того — можно показать на сцене такие эффектные вещи, как северное сияние, перевертывающуюся льдину, кровавый лед и тому подобное.

Либретто (текста) нет, есть экспозиция. Неизвестно, что они сделают, сюжетная линия путаная, громоздкая.

М.А. пошел с Сережкой в Сандуновские бани.

Включила радио: войска идут через Берлин в полной готовности. Гитлер объявил Чехии ультиматум.

Значит, действительно, война! Боже.

Вчера говорили об Олином зрении, боюсь, что оно у нее очень ухудшается. Сегодня позвонила к Жене Калужскому, просила его запретить Оле так много печатать (она берет работу на стороне, чтобы покупать всякую фарфоровую ерунду — ее увлечение). Уговаривала показать ее врачам лучшим, предлагала устроить прием у Бурденко. Но Калужский как-то равнодушно, вяло отнесся. Буду говорить с Оленькой опять.

29 сентября

Звонил Марков. По моей просьбе он говорил с Владимиром Ивановичем об Олиных глазах, и тот обещал, что будет говорить с Оленькой и просто запретит ей брать халтуру, а то она стучит часов по 5–6 по вечерам.

Потом Паша Марков стал восхищенно говорить о романе. А под конец — о «Дон-Кихоте», очень хочется познакомиться с пьесой.

— Как вы думаете, может так быть, что вахтанговцы, испугавшись, что у них нет нужных актеров, — отказались бы от пьесы?

И сам добавил:

— Конечно, ни за что не откажутся, не дураки.

Я обещала на этих днях — если М.А. согласится — позвать Маркова, Виленкина и Калужских, которые давно просят, — и устроить чтение.

Звонил Ермолинский, приехавший из Вешенской от Шолохова, у которого он прожил около месяца, — работал над сценарием «Поднятая целина».

Охотился там с Шолоховым, рыбарил.

Потом М.А., по вызову Мордвинова, пошел в филиал, я проводила его, и мы условились встретиться в дирекции у Якова Л.

М.А. пришел туда измученный напористым разговором с автором (или обоими — не поняла) «Ледового побоища». Сказал, что он будет к нам звонить, придется еще встретиться.

Яков отвез нас домой, а вечером М.А. опять пошел в дирекцию, где назначено совещание по поводу поздравления МХАТа с юбилеем.

30 сентября

М.А. пришел вчера часов в одиннадцать. Рассказывал, что он предложил сыграть какую-нибудь сцену из «Вишневого сада», чтобы певцы играли. Но никто не принял этого.

Сейчас двенадцать часов ночи. М.А. ушел в дом писателей, в клуб посидеть, поужинать с Евгением Петровым.

Видимо, Чехословакию поделят без вмешательства военной силы.

1 октября

С раннего утра звонки Таранова, автора этого самого «Побоища»: как бы встретиться с М.А.?

М.А. назначил — в час дня в дирекции. Куда я его и проводила.

Погода изумительная, тепло, солнце.

М.А. вернулся усталый в пять часов. Кроме встречи с Тарановым, было еще совещание по поводу юбилея МХАТа.

А сейчас только что за ним заехал Мордвинов (начало девятого) и повез его к Гусеву — работа над гусевским либретто «Волочаевские дни».

Утром М.А. рассказывал мне, что Катаев в отчаянии от истории с пьесой. Он не привык к ругани, а тут — во всех газетах! Обвиняет театр — что испортил пьесу из подхалимства.

Часов в десять позвонил Куза и сказал, что «Дон-Кихота» читали в надлежащих местах (где?!) и он очень понравился. Теперь же читают роман (для проверки, что ли?).

Я говорю — ну, тогда ответ будет через год.

Нет, нет. Этот человек, которому поручили, уже прочитал первый том. Я надеюсь дать в конце этой шестидневки Михаилу Афанасьевичу благоприятный ответ.

Да, Чехия вынуждена была сдаться без борьбы. Германцы занимают ее области. Войны не будет.

2 октября

М.А. днем пошел в «Националь» навестить Асафьева, хотел объяснить ему свое молчание. Асафьева не застал, говорил с его

женой — Ириной Степановной. Вечером Асафьев позвонил. А позднее М.А. пошел с Дмитриевым в Клуб писателей — ужинать. Дмитриев позвонил, сказал, что хочет посоветоваться. Разговор этот вылился в объяснение. М.А. говорил ему, что его эгоизм нетерпим, что он почему-то позволяет себе говорить грубо с людьми, да еще ссорит людей между собой, передавая им сплетни, что из-за этого М.А. стал относиться к нему неприязненно, что Дмитриев должен изменить свое поведение.

Думаю, что Дмитриев был очень огорчен. Все это правда, что ему говорил М.А., но в корне он (Дмитриев) страшно любит М.А.

М.А-чу нравится Клуб писателей, говорит, кухня хорошая и пусто. Я-то не люблю этих заведений — тоска нападает.

3 октября

Днем М.А. рассказывал Самосуду в театре содержание «Рашели» («Фифи»). Тому понравилось, но он сейчас же, по своему обыкновению, стал делать предложения каких-то изменений.

М.А. грустен, но ничего поделать нельзя. Приходится работать и подчиняться указаниям, делать исправления. Выхода никакого нет.

Днем звонил Федя:

— Дирекция МХАТ спрашивает, на какие юбилейные спектакли М.А. хотел бы пойти с Вами?

— Спрошу у М.А.

Он — М.А. — тут же впал в ярость.

— Никогда моя нога там не будет!

Стал вспоминать все надругательства, которые над ним произвели во МХАТе...

Еле успокоила. Решили прогуляться по Арбату, в букинистический, в диетический — за икрой.

В диетическом толчея безумная, купили икры — 69 руб. кило.

Книг интересных М.А. не нашел.

Поражает погода — стоят совершенно ясные дни, очень тепло.

Кроме германских, вступили в Чехию и польские войска. Чехия кончила свое существование — без боя.

4 октября

Утром позвонил Федя — о том же.

— Поблагодарите, пожалуйста, от Мишиного имени дирекцию, но пойти он не может. Он никогда не пойдет во МХАТ.

Федя:

— Я все понимаю, Люсенька, но я думаю, что время заставляет забывать...

— Ну, есть вещи, которые не только не забываются, но еще острее становятся с течением времени.

Настроение у нас убийственное. Это, конечно, естественно, нельзя жить, не видя результатов своей работы.

Поехали за деньгами в сберкассу, оттуда в дирекцию. Яков Л., как всегда обаятельный, попросил М.А. помочь ему — написать адрес МХАТу.

М.А. сказал:

— Яков Леонтьевич! Хотите, я напишу адрес вашей несгораемой кассе? Но МХАТу — зарежьте меня — не могу! Я не найду слов.

Яков нас повез домой, по дороге заезжали за пивом к Никитским воротам. Условились, что вечером Яков придет к нам.

И.О.Дунаевский.

6 октября

Вчера вечером — Оленька с Калужским. Старались уговорить Олю обратить серьезное внимание на зрение. Может быть, йодистое лечение нужно? Нужно пойти к опытному невропатологу?

Оля рассказывала о том, как Леонидов обрушился на Немировича на репетиции «Достигаева» — за его замечания после репетиции, назвал Немировича, в числе прочего, душителем, кричал:

— Вы опять ходите грязными сапогами по бриллиантам! и прочее.

Немиров не нашел ничего лучшего, как велел Оле преподнести Леонидову его (Немировича) книгу. Леонидов от этого впал в совершенное бешенство.

7 октября

Вчера приехали: Яков Л., Дунаевский Исаак, еще какой-то приятель его (опять — Туллер?).

Либретто «Рашели» им чрезвычайно понравилось. Дунаевский, вообще экспансивная натура, зажегся, играл, импровизировал польку, взяв за основу несколько тактов, которые М.А. выдумал в шутку, сочиняя слова польки. Дунаевский возбужденно говорил:

— Тут надо будет брать у Бизе, у Пуччини! Что-нибудь такое страстное, эмоциональное! Вот послушайте, это ария Рашели!

Тут же начинал делать парафразы из упомянутых композиторов, блестел глазами, вертелся, как вьюн, подпрыгивал на табуретке.

Рассказал — очень умело — несколько остроумных анекдотов. Объяснялся М.А. в любви. Словом, стояло полное веселье. Как вдруг Яков сказал мне отдельно, что Самосуд заявил:

— Булгаков поднял вещь до трагедии, ему нужен другой композитор!

Ну и предатель этот Самосуд. Продаст человека ни за грош. Это ему нипочем.

8 октября

Дунаевский прислал громадную корзину цветов мне.

Сережка отколол такой номер. Был в Ржевском, там говорили о пьесе Толстого. Сергей сказал с видом знатока:

— Такая дрянь!..

Усовещивали его долго дома с М.А.

Вечером — Николай Робертович, Вильямсы, Марика.

Сейчас проходит конкурс дирижеров. Мелик нервничает. По общему мнению всех слышавших его выступление — его забили. Говорят: да, как оперный дирижер он хорош. Но для концертов...

Самосуд твердо решил отстранить Дунаевского от оперы, а взять для «Рашели» Кабалевского. М.А. говорит ему:

— Интересно знать, как же дирекция будет смотреть в глаза Дунаевскому?

Тому — хоть бы что. Посмотрел на М.А., как на наивного ребенка.

Третий день подряд обедали в Клубе писателей — тихо, кормят хорошо.

Вчера М.А., чтобы показать мне игру знаменитого маркера Березина (Бейлиса), играл с ним в американку. Тому, видимо, нравится М.А., и поэтому он играл, затягивая игру, хотя мог бы ее закончить в две минуты. Что он и сделал после просьбы М.А. — он просто не дал ему положить ни одного шара. Тихий, вежливый человек, с очень грустными глазами.

Вечером — одни дома.

9 октября

Сегодня утром условилась с Анусей встретиться в дирекции Большого. Пока ее ждала, подсел Самосуд, разговор был о «Рашели». Он стоит на своем: только Кабалевский может сделать эту музыку.

Потом пришла Ануся, вышли, встретили на Лубянской площади Николая Эрдмана, купили вина, сыр, шоколад и пошли к Вильямсам. Пришел домой Петя. Николай прочитал начало своей комедии. Он читает очень своеобразно, очень хорошо. Потом он проводил меня домой.

Сейчас к нам придут Файки и Волькенштейн играть в винт с М.А.

10 октября

Они пришли и играли часов до трех. А потом начались разговоры:

— Зачем вы повесили на стены все эти статьи: «Ударим по булгаковщине» или «Положить конец «Дням Турбиных»..?

Разговор, естественно, пошел по линии литературной жизни М.А.

Ушли они в половине пятого, мы еще просидели вдвоем до половины шестого.

У М.А. мрачное состояние.

13 октября

Вчера попросился прийти Дмитриев с Мариной. Кроме того, были Ермолинский и мой Женичка. М.А. по их просьбе читал роман — три первые главы.

Сегодня М.А. диктовал мне либретто шуточного заседания — это он выдумал для приветствия МХАТу от Большого. Это будет в конце месяца.

Днем М.А. заходил в кафе, видел там Афиногенова, который взывал — «родной мой!» и тащил его к себе на дачу. Но М.А. отказался — занят.

14 октября

Только что вернулись от Леонтьевых. Милый вечер, если бы не вопрос о Дунаевском.

М.А. рассказывал содержание «Рашели». Мелику понравилось очень. Хотя тут же возник вопрос — как же показывать в опере кюре! Но если заменять его кем-нибудь другим — все пропадет. Будет нехудожественно, а сейчас так хорошо.

Дунаевский играл свои вальсы и песенки. Весело ужинали.

15 октября

Возобновление «Фауста». Маргарита — Жуковская, Фауст — Лемешев, Мефистофель — Пирогов. Декорации — такие, как помню в детстве были в Рижском оперном немецком театре, очень наивные. Но мне это нравится.

Возвращались — под проливным дождем — в машине Якова Л. — вместе с ним.

16 октября

Начинается метель, но тут же превращается снег в слякотную грязь.

М.А. поехал играть в винт к Федоровым.

17 октября

Неожиданно вчера вечером ко мне приехали сначала Ануся, потом и Петя. Во время ужина позвонил Женичка мой и сообщил, что умерла Блюменталь-Тамарина.

Сегодня днем звонил режиссер областного ТЮЗа Половцев с вопросом, не может ли М.А. дать детский вариант «Дон-Кихота» для их театра.

18 октября

Вчера вечером пришли: Мелики, Ермолинские и Федоровы — послушать «Дон-Кихота».

Поздравляли Мелика, он получил вторую премию, так же как и Рахлин. Первую получил Мравинский. Мелик принес шампанское.

Сегодня дурнейшее настроение, возня с Сережкой, который томится по выходным дням, и дурная погода.

Около четырех часов слышала, как Боярский по радио говорил приблизительно такое: «...пьеса Михаила Булгакова «Дни Турбиных» вызвала, при своей постановке, волнения из-за того, что многие думали, что в ней содержится апология белого движения. Но партия разъяснила, что это не так, что в ней показан крах и развал белого движения...»

М.А. написал Ванеевой — почему задерживается ответ о «Дон-Кихоте». В это же время звонил Горюнов; по его словам, пьеса уже была в Реперткоме и теперь находится в ЦК ВКП.

20 октября

Вчера позвонил Федя Михальский, сказал, что у него свободный вечер, я позвала его к нам. Рассказывал, что М.А. внесен в список приглашаемых на юбилей МХАТа, очень просил нас непременно прийти. М.А. сказал — нет.

Потом Федя начал убеждать М.А. написать для МХАТа пьесу. Грустный, тяжелый разговор о «Беге». М.А. говорил, что ему закрыт кругозор, что он искусственно ослеплен, что никогда не увидит мира... Федя расстроился и растерянно говорил — нет, нет, вы, конечно, поедете, — сам не веря в это.

21 октября

Вчера с Мариной и Дмитриевым ужинали в Клубе писателей. Дмитриев мучается, что ему не возвращают паспорта.

Рядом в зале Погодин читал свою «Падь серебряную».

Сегодня мой день рождения, получила три корзины цветов.

22 октября

Опять звонок Половцева. М.А. сначала думал принять его, потом передумал — не стоит.

Куза по телефону: они возятся с «Дон-Кихотом». Письмо М.А. их взволновало, и они стараются показать, что они яростно хлопочут о проведении этой пьесы.

Ванеева — о том же и о том, что в Реперткоме она произвела благоприятное впечатление.

М.А.:

— Мне не нужны одобрительные отзывы о моей пьесе, мне нужна бумага — разрешена эта пьеса или нет.

Опять Куза:

— 28-го надо ехать в Репертком вместе, разговаривать.

М.А. мне:

— Ох, будет мука мученическая с двух сторон. Репертком будет стараться не дать разрешительной бумаги, а Куза будет стараться испортить пьесу нелепыми вставками.

23 октября

День рожденья Сергея (фотоаппарат и двухметровый биллиард). Приход Женички, восторг при виде биллиарда. Игра.

В «Правде» статья Маркова о МХАТе, перечислены советские авторы, их пьесы, Булгакова и «Турбиных» нет.

Оля по телефону уверяла, что это в редакции вычеркнули. Весьма вероятно.

Оля звала меня на генеральную «Горе от ума». Я не пошла.

24 октября

Из Большого приглашение на «Поднятую целину». Сегодня открытие театра после ремонта. М.А. поехал.

25 октября

Принесли из МХАТа билеты на премьеру «Горе от ума» (30-го), на премьеру «Достигаева» (31-го) и приглашение на торжественное заседание 27-го.

26 октября

Ужинали Ермолинские. Позвонил Яков Л. — о награждениях во МХАТе. В половину второго ночи позвонила Оленька — счастливая, радостная. Калужский получил Знак Почета, она получит ценный подарок.

Немирович получил все сполна; кроме того — улицу (Глинищевский пер.) переименовали в улицу его имени — и дали дачу, вполне оборудованную.

В конце разговора Оля спросила:

— Значит, до завтра? Ведь вы придете?

— Нет.

— Как?! И ты не придешь?

— Нет, не приду.

— Но почему?!

— Я сказала — почему.

Ведь подумать только. В число юбилейных спектаклей не включили «Турбиных», идущих 13-й год, уже больше 800 раз! Ведь это — единственный случай с пьесой советского автора. Кроме того, ни в одной статье не упоминается ни фамилия Булгакова, ни название пьесы.

27 октября

Сегодня в газетах опубликованы награждения по МХАТу. Их очень много, есть награждения званием, много новых народных (Еланская, Коренева, Ершов, Станицын и др.), награждения орденами, награждения денежные (Немирович получил 25 тысяч, другие старики по 20 тысяч и так далее).

В «Известиях» помещена статья некоего Хентли Картера, по телеграфу из Лондона, называется «Театр мирового значения». Он пишет, между прочим, что МХАТ оказывает влияние на репертуар европейских театров, в одном только Лондоне шли: «Вишневый сад», «Три сестры», «Синяя птица», «На дне» и советская пьеса «Дни Турбиных» под названием «Белая гвардия».

Вечером к нам пришли Вильямсы. М.А. прочитал им первую картину «Рашели».

28 октября

Утром Куза по телефону: Репертком был в Ленинграде эти дни. Я узнаю, вернулись ли, позвоню. Подождите моего звонка.

Неожиданное появление в квартире страхового агента, уговоры застраховать жизнь. М.А. категорически отказался. Тогда тот — совершенно на американский манер, стал говорить очень горячо:

— Но позвольте!.. Сейчас вы здоровы, а завтра вы достаете книги с этой вот верхней полки, падаете, разбиваете себе голову,

и вот ваша супруга получает 20 тысяч! Или завтра вы идете по улице, попадаете под трамвай, — и вдова ваша получает 20 тысяч!

На каком-то, кажется, четвертом примере М.А. сдался и, чтобы сделать ему удовольствие, — застраховался на 20 тысяч на один год.

Тогда агент принялся за меня. Убедил он меня тем, что сказал: если я и вас застрахую, я получу премию за 100%-ное выполнение своей задачи.

Позвонил Куза — реперткомовцы не приехали, свидание откладывается.

Вечером работа М.А. над второй картиной «Рашели».

29 октября

Куза — опять с комплиментами по поводу «Дон-Кихота»: страшно нравится всем... профессор Дживелегов в восторге...

Репертком приезжает 31-го, встреча будет либо 31-го, либо 1-го.

М.А. пошел к Федоровым винтить.

Леонтьевские дамы привезли билеты на завтрашний концерт в Большом. Рассказывали, что были на генеральной «Горя от ума», что играют плохо, Качалов им не понравился. Понравился Тарханов и Андровская. Дмитриева разругали.

Конечно, они вроде меня, пристрастны к МХАТу, но, может быть, есть и правда.

30 октября

Была на концерте с Женичкой и Сергеем. Сидели в середине первого ряда, так что и Мелик, дирижировавший «Сечей» и «Риенцо», и Файер (балетными номерами), улыбались и даже общались с нами.

Сергей изредка наклонялся ко мне и шептал: мелодическая вещь... Вспотел, бедняга! (про Мелика)... жиденький аплодисмент... терпеть этого не могу! (про певицу). Женичка возмущался его поведением. Он был элегантен, как всегда.

31 октября

Днем М.А. в Большом — работа по юбилейному шуточному заседанию в честь МХАТа.

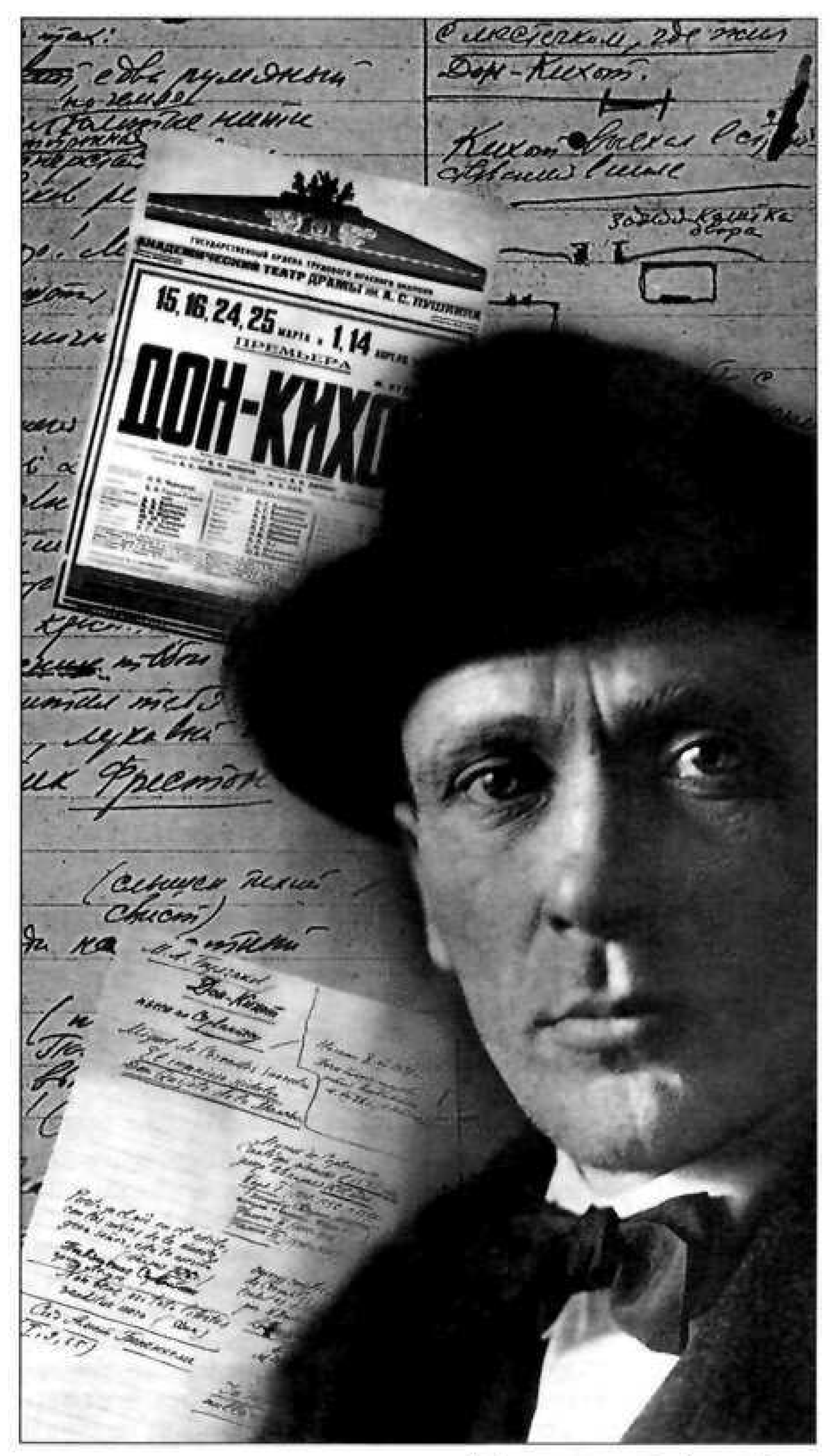
Звонил Куза: свидание с Реперткомом назначено на 4 ноября. До чего надоело это.

1 ноября

Прямо удивительно — ноябрь, а на дворе тепло, хожу в летнем пальто нараспашку, правда, в вязаном костюме.

Зашла, проводив М.А. в Большой, к зам. директора Литфонда, сказала, что в магазине Литфонда отказались дать писчую бумагу Булгакову — «он уже и так получил больше нормы», а норма, оказывается, четыре килограмма бумаги в год.

На чем же теперь писать?

Черновые автографы и афиша пьесы «Дон-Кихот».

Зам. объяснил, что поручили Фадееву наладить это дело, но когда это будет — неизвестно, и надежд на получение в скором будущем бумаги нет.

Пришла домой — корзина цветов, от кого неизвестно.

Позвонила Марика, попросила М.А. прийти поставить банки Сергею Ермолинскому — болен. М.А. пошел.

Звонок Бориса Эрдмана — только что вышел из лечебницы, болел скарлатиной!

А сейчас (11 часов) звонок из филиала МХАТа — администратор плачущим голосом умоляет нас идти на банкет МХАТа в «Метрополе», объясняет, что приглашение посылали сегодня два раза, первый раз посланный не нашел улицы, второй раз — никто не открыл (мы спали). Послали третий раз. И действительно, тут же звонок на лестнице. Я говорю — М.А. нет дома.

— А вы?!

— Не могу, не с кем сына оставить.

У Дмитриева ангина, 40°. Звонила Марина.

2 ноября

М.А. в Большом — на репетиции шуточного поздравления МХАТа. Вечером пришел Борис Эрдман, принес свои эскизы к «Уриэль Акосте».

Почему-то разговор о происхождении слов и выражений ходячих. М.А. достал все свои любимые словари: Даля, Таккеля, Вандриеса, Михельсона — стали рыться, находить.

3 ноября

Сегодня из Большого принесли на заключение М.А. четыре либретто.

М.А. на репетиции — днем. А вечером, прорепетировав в последний раз свою роль передо мной, М.А., в черном костюме, пошел в Дом актера, тут же вернулся за зонтиком — сильнейший дождь.

Позвонил Борис Эрдман, уговаривал меня пойти с ним смотреть М.А., но я объяснила — не с кем оставить Сергея, оттого и сижу дома.

Позвонили Вильямсы, звали к себе — тоже пришлось отказаться.

4 ноября

Вчера М.А. вернулся в начале третьего с хризантемой в руке и с довольным выражением лица. Протомив меня до ужина, стал по порядку все рассказывать. Когда он вышел на эстраду, начался аплодисмент, продолжавшийся несколько минут и все усиливавшийся. Потом он произнес свой conferance, публика прерывала его смехом, весь юмор был понят и принят. Затем начался номер (выдумка М.А.) — солисты Большого театра на мотивы из разных опер пели тексты из мхатовских пьес («Вишневый сад», «Царь Федор», «Горячее сердце»). Все это было составлено в виде заседания по поводу мхатовского юбилея. Начиная с первых слов Рейзена: «Для важных дел, египтяне...» и кончая казачьей

На юбилее МХАТа. 1938.

песней из «Целины» со специальным текстом для МХАТа — все имело шумный успех.

Когда это кончилось, весь зал встал и стоя аплодировал, вызывая всех без конца. Тут Немирович, Москвин, Книппер пошли на сцену благодарить за поздравление, целовать и обнимать исполнителей, в частности М.А-ча целовали Москвин и Немирович, а Книппер подставляла руку и восклицала: «Мхатчик! Мхатчик!»

Публика кричала «автора». М.А-ча заставили выходить вперед. Он вывел Сахарова и Зимина (молодых дирижеров Большого, сделавших музыкальный монтаж по тексту М.А.), они показывали на М.А., он — на них. Кто-то из публики бросил М.А. хризантему.

После чего М.А. вернулся домой, хотя его очень уговаривали все остаться. Габтовцы, особенно молодежь, были очень довольны успехом номера, кто-то с восторгом сказал про М.А. — «вот ловко трепался!» (про речь!).

Сегодня с утра бенефис продолжается. Звонили с поздравлениями Гриша Конский, Оленька.

Оля (в диком восторге):

— Неужели Миша теперь не чувствует, какие волны нежности и любви неслись к нему вчера из зала от мхатовцев?.. Это было так неожиданно, что Миша вышел на эстраду... такой блистательный conferance... у меня мелькала почему-то мысль о Мольере, вот так тот говорил, наверно...

Звонил Мордвинов с тем, чтобы вечером встретиться с М.А. в дирекции — для работы над гусевскими «Волочаевскими днями», — но и он сказал: Вчерашнее выступление М.А. ведь первым номером прошло.

Без конца звонил Куза, но тот по другому поводу — он заедет за М.А., не может ли он подождать до трех часов?

М.А. днем навещал Дмитриева, который болеет у Книпперов (он всегда там останавливается). Видел Ольгу Леонардовну, та говорит:

— Самый лучший номер! Блестяще! Вы оживили Большой театр!

М.А. взял на время у Дмитриева книжку «К 40-летию МХАТа». Там, в числе спектаклей, кроме «Турбиных» и «Мертвых душ», и загубленный «Мольер». Написано 296 репетиций. Спектакль прошел семь раз.

Сегодня в «Советском искусстве» подвал «В кабинете депутата» — о Дунаевском. Приведены его слова, что больше всего его сейчас интересует и заполняет работа над оперой, либретто к которой написал уже М. Булгаков, из времен франко-прусской войны, по рассказу Мопассана.

Подождали Кузу до половины четвертого и решили пойти пообедать в Клуб писателей. В это время звонок:

— Где М.А.? Нет дома? В театре? Какой номер телефона? Как разыскать?

— А кто это? По какому делу?

— Чичеров, из драмсекции. У нас идет заседание по важному вопросу, и мы не можем решить его без М.А. (?)

(Потом — на необычайной ласковости):

— Что же он нас совсем забыл? Отчего никогда не позвонит, не придет?

(Просил непременно позвонить, дал номер своего телефона, потом понял, что М.А. не позвонит):

— Я сам ему буду звонить.

Тут же звонок Кузы:

— Где М.А.?

— Ушел. Ждал, а теперь ушел.

— Куда? Дайте адрес, я поеду его разыскивать.

— Не пытайтесь, это невозможно, я не знаю, куда он пошел.

А вообще это нехорошо получилось, это неуважение к драматургу, к театру. Почему реперткомовцы это позволяют себе?

Куза сам на них зол, понимает, что это безобразие, волнуется.

— Вы, пожалуйста, Василий Васильевич, выясните точно день и час, М.А. очень занятой человек.

И тут мы пошли в Клуб писателей, где несколько человек говорили М.А-чу: а вас Чичеров разыскивает. Комедия.

Поднялись в столовую, там всего три человека. Один из них, Лев Никулин, стал кружить около нашего столика, наконец попросил М.А. представить его. Подсел. Тоже сказал — а вас Чичеров разыскивал.

Подошел маркер Березин и стал звать М.А. на состязание в Политехнический. М.А. сказал, что очень занят. Тогда Николай Иванович (этот Березин-Бейлис) предложил сыграть сегодня.

После обеда мы пошли в биллиардную. Они стали играть, Березин играет сверхъестественно: в одну лузу, например, положил восемь шаров подряд — в течение нескольких минут.

Дома узнали, что Куза звонил еще два раза. Кроме того, Серафима Яковлевна из Большого — что сегодня встреча с Мордвиновым отменяется. Кроме того, Раевский с поздравлением.

Тут же звонок Мелика:

— Елена Сергеевна! Почему такая демонстрация против МХАТа? Почему Вы не пришли ни вчера, ни на юбилейные спектакли, ни на банкет?

— Вы же умный человек, Александр Шамильевич, вы же должны понимать...

— Ну, да, я понимаю, — свинства было достаточно проделано МХАТом.

Позвонил Борис с докладом и поздравлением.

Легли спать, встали в десять часов вечера. Мелик с вопросом — почему не идем? М.А. пошел один, я осталась из-за Сергея дома.

Звонил Яков Л., сначала о вчерашнем, потом о Дунаевском. Тот очень интересуется оперой, волнуется, как Самосуд? Яков сказал мне, что Оля просила его, «как умного человека и как человека, близкого нам, воздействовать на нас, чтобы мы прекратили свое игнорирование МХАТа и начали опять там бывать».

После всех разговоров, звонков, поздравлений видно, что М.А. была устроена овация — именно это выражение употребляли все. Что номер был блестящий. Все подчеркивают, что в этой встрече обнаружилось настоящее отношение к М.А. — восторженное и уважительное.

5 ноября

М.А. днем в Большом. Звонок Кузы: «Дон-Кихот» разрешен Главреперткомом и Комитетом по делам искусств. Теперь начало работы над пьесой задерживается только чтением М.А. пьесы театру.

— Дайте официальную бумагу из театра о разрешении. До этого, не думаю, чтобы М.А. согласился читать. История с «Пушкиным» слишком памятна.

Позвонил через короткое время. Я подозвала М.А. к телефону. Условились, что бумагу пришлют девятого, а десятого в два часа дня — чтение пьесы труппе.

Вечером звонки Мордвинова и Гусева — М.А. объяснил, что он нездоров, пусть они приедут сюда. Встречу отложили.

Звонок Оленьки. М.А. попросил ее достать книгу к 40-летию МХАТа.

Потом позвонил Федя — с поздравлением по поводу выступления М.А. Когда я спросила о книге —

— Книга лежит для вас!

Ужинали вдвоем.

Насколько интересна «Моя жизнь в искусстве» — настолько скучна «Работа актера».

М.А. говорит:

— Система Станиславского, это — шаманство. Вот Ершов, например. Милейший человек, но актер уж хуже не выдумаешь. А все — по системе. Или Коренева? Записывает большими буквами за Станиславским все, а начнет на сцене кричать своим гусиным голосом — с ума сойти можно! А Тарханов без всякой системы Станиславского — а самый блестящий актер! Когда начали репетировать на квартире у К.С.'а «Мертвые», и К.С. начал свои этюды, — Тарханов сразу все сообразил и схватился за бок, скорчивши страшную гримасу.

К.С.:

— Михаил Михайлович, что с вами?

— Печень...

И ушел, и не приходил во время всех бесчисленных репетиций, и сыграл Собакевича первым номером. Вот тебе и система!

(А Оленька мне рассказывала, как Коренева один раз сказала К.С.'у восторженно:

— К.С.! У меня несколько тетрадей записей — всего, всего, что вы говорили на репетициях (кажется, лет десять назад). Что мне делать с этими записями?

— Их надо немедленно сжечь!)

За эти 2–3 дня я прочитала, по просьбе М.А., четыре либретто, присланные ему. Одно — вполне пристойное. Но три — невозможны. Впечатление такое, после чтения всех присланных либретто, — что хорошие либретто пишут разные люди и каждый по-своему. А дурные все — пишет один и тот же человек. Пишет неграмотно, бездарно, но пишет без конца.

6 ноября

Утром пришла по почте от Л.Никулина его пьеса «Порт-Артур» с надписью: «Мастеру драматургии Михаилу Аф. Булгакову».

М.А. поблагодарил его по телефону, тот пригласил М.А. зайти к нему сегодня днем.

Потом звонок Виленкина:

— Василий Григорьевич спрашивает, когда М.А. может его принять?

Условились, что придут — и Сахновский и Виленкин — 10-го вечером.

7 ноября

День прошел, как все праздничные дни, то есть с утра пришел Женичка, и ребята то дружат, то ссорятся.

Сейчас первый час ночи, М.А. пошел — только что — к Вильямсам, я из-за Сергея осталась дома.

Днем звонил Ангарский. Сообщил, что в Лондоне идут «Дни Турбиных» под названием «Белогвардейцы». Говорит, что М.А. должен протестовать.

— Против чего? Ведь я же не видел этого спектакля. Вот к чему приводит такое ненормальное положение! Ведь обычно, если пьеса какого-нибудь нашего автора идет за границей, он едет туда и как-то руководит постановкой. Если у нас ставится пьеса иностранного автора, он обычно приезжает сюда. Но что я могу сделать, если меня упорно не пускают за границу? Как можно протестовать против того, чего не видел?!

8 ноября

Днем М.А. с Дмитриевыми обедал в «Национале». Там присоединился к ним Вайнонен с женой.

Сейчас идем к Файко.

9 ноября

Сегодня М.А. винтит у Федоровых.

М.А. сказали, что его выступление записано на пленку.

Получили из Вахтанговского театра бумагу — «Дон-Кихот» Реперткомом разрешен.

10 ноября

Днем — в два часа было назначено чтение в Вахтанговском театре. Встретили М.А. долгими аплодисментами. Слушало около ста человек. Слушали хорошо. Вся роль Санчо, эпизод с бальзамом, погонщики — имели дикий успех. Хохотали до слез, так что приходилось иногда М.А. прерывать чтение.

После конца — еще более долгие аплодисменты. Потом Куза встал и торжественно объявил: «Все!», то есть, что никаких обсуждений. Этот сюрприз был ими явно приготовлен для М.А.

Сейчас ложимся спать, надо отдохнуть, т.к. в половине двенадцатого придут Виленкин и Сахновский.

11 ноября

Пришли. Начало речи Сахновского:

— Я прислан к Вам Немировичем и Боярским сказать Вам от имени МХАТа: придите опять к нам, работать для нас. Мне приказано стелиться, как дым, перед Вами... (штучка Сахновского со свойственным ему юмором)... Мы протягиваем к Вам руки, Вы можете ударить по ним... Я понимаю, что не счесть всего свинства и хамства, которое Вам сделал МХАТ, но ведь это не Вам одному, они многим, они всем это делают!

Примерно в таком духе и дальше.

12 ноября

Дмитриев говорил, что Сахновский сказал ему: — ох, боюсь, что Михаил Афанасьевич не согласится работать для МХАТа!

13 ноября

Вчера вечером Борис и Николай с женой. Ну, и Дмитриев, конечно. Николай прочитал первый акт своей будущей пьесы. М.А. сказал — Сухово-Кобылинская школа.

Дмитриев опять о МХАТе, о том, что им до зарезу нужно, чтобы М.А. написал пьесу, что они готовы на все!

— Что это такое — «на все»! Мне, например, квартира до зарезу нужна — как им пьеса! Не могу я здесь больше жить! Пусть дадут квартиру!

— Дадут. Они дадут.

Для М.А. есть одно магическое слово — квартира. «Ничему на свете не завидую — только хорошей квартире».

У нас, действительно, стройка отвратительная — все слышно сверху, снизу, сбоку. А когда наверху танцуют — это бедствие. Работать М.А. очень трудно.

У М.А. днем в Большом встреча по либретто балета «Василек».

Вечером иду в балет — приехали ленинградцы, — а оттуда к Мелику. Туда же придет и М.А. после работы над «Волочаевскими днями».

В кабинете М.А.Булгакова на Большой Пироговской.

14 ноября

Замечательный танцовщик Чабукиани, пластичен, выразителен, легок, темперамент и техника — одинаково поразительны. Громадное впечатление от Улановой, громадное. Вообще, ленинградцы сильнее московских балетных.

Портил дело конферансье Гаркави, страшный пошляк. При мне администратор филиала — милейший Чацкий (вечер был в филиале МХАТа) говорил ленинградскому администратору:

— Если бы я знал, что у вас Гаркави будет выступать, я бы вам не дал зала. Вы должны помнить, что это МХАТ!

У Меликов было весело. Он страшно гостеприимный хозяин. Шумит, кричит, веселится, как дитя.

Вернулись очень поздно.

М.А. сегодня днем опять с теми же балетными работал. Позвонил и сказал, что вечером они придут к нам, так ему удобнее.

За обедом М.А. рассказал, что во время работы в кабинет вошла очень закутанная в платки женщина, с платочком на голове, подошла к М.А. и сказала:

— Я хотела Вас поздравить с Вашим выступлением... (еще что-то любезное по поводу самого выступления) — и ушла. Оказалось — Марина Семенова. А днем также поздравила Златогорова.

15 ноября

Вчера вечером пришли Холфин и Чуфаров. М.А. перерабатывает их либретто и в смысле сюжетной линии, и в смысле изложения. Тут же мне диктовал это на машинку. Продолжалось это до двух часов ночи.

Легли мы около пяти — с разговорами обычными, а в половине одиннадцатого уже встали, т. к. эти же милые молодые люди должны были прийти в одиннадцать часов. Опять работа — до половины третьего. Тут началась кутерьма. Приехал Куза за М.А., чтобы ехать в Репертком. Ко мне приехал доктор. Балетные не уходят. Стеши (домработницы) нет. Екатерина Ивановна мечется. Кошмар.

После мне М.А. говорил:

— Ты мне можешь объяснить, зачем я был нужен Реперткому? Посмотреть, что ли, на меня хотелось?

После комплиментов в адрес пьесы Мерингоф вытащил какую-то бумажку: — вот у нас есть пожелания — если, конечно, вы согласитесь, — вписать... (какие-то изречения, пословицы)...

— Я на этих днях сократил пьесу на 15 страниц, — ответил М.А., и Мерингоф остался с раскрытым ртом.

Вечером М.А. поехал для встречи с Юровским — композитором и Прутом — либреттистом (либретто «Опанас»). Встреча не состоялась, он пошел проветриться — сказал он.

А тут звонки: Ануся — встретимся завтра. Доктор. Яков Л. — звал пойти завтра на «Горе от ума» в Малый. Рассказывал, что у него только что сидел долго Самосуд, восхищался безмерно

14 ноября

Замечательный танцовщик Чабукиани, пластичен, выразителен, легок, темперамент и техника — одинаково поразительны. Громадное впечатление от Улановой, громадное. Вообще, ленинградцы сильнее московских балетных.

Портил дело конферансье Гаркави, страшный пошляк. При мне администратор филиала — милейший Чацкий (вечер был в филиале МХАТа) говорил ленинградскому администратору:

— Если бы я знал, что у вас Гаркави будет выступать, я бы вам не дал зала. Вы должны помнить, что это МХАТ!

У Меликов было весело. Он страшно гостеприимный хозяин. Шумит, кричит, веселится, как дитя.

Вернулись очень поздно.

М.А. сегодня днем опять с теми же балетными работал. Позвонил и сказал, что вечером они придут к нам, так ему удобнее.

За обедом М.А. рассказал, что во время работы в кабинет вошла очень закутанная в платки женщина, с платочком на голове, подошла к М.А. и сказала:

— Я хотела Вас поздравить с Вашим выступлением... (еще что-то любезное по поводу самого выступления) — и ушла. Оказалось — Марина Семенова. А днем также поздравила Златогорова.

15 ноября

Вчера вечером пришли Холфин и Чуфаров. М.А. перерабатывает их либретто и в смысле сюжетной линии, и в смысле изложения. Тут же мне диктовал это на машинку. Продолжалось это до двух часов ночи.

Легли мы около пяти — с разговорами обычными, а в половине одиннадцатого уже встали, т. к. эти же милые молодые люди должны были прийти в одиннадцать часов. Опять работа — до половины третьего. Тут началась кутерьма. Приехал Куза за М.А., чтобы ехать в Репертком. Ко мне приехал доктор. Балетные не уходят. Стеши (домработницы) нет. Екатерина Ивановна мечется. Кошмар.

После мне М.А. говорил:

— Ты мне можешь объяснить, зачем я был нужен Реперткому? Посмотреть, что ли, на меня хотелось?

После комплиментов в адрес пьесы Мерингоф вытащил какую-то бумажку: — вот у нас есть пожелания — если, конечно, вы согласитесь, — вписать... (какие-то изречения, пословицы)...

— Я на этих днях сократил пьесу на 15 страниц, — ответил М.А., и Мерингоф остался с раскрытым ртом.

Вечером М.А. поехал для встречи с Юровским — композитором и Прутом — либреттистом (либретто «Опанас»). Встреча не состоялась, он пошел проветриться — сказал он.

А тут звонки: Ануся — встретимся завтра. Доктор. Яков Л. — звал пойти завтра на «Горе от ума» в Малый. Рассказывал, что у него только что сидел долго Самосуд, восхищался безмерно

Булгаковым, сказал, что он — самый лучший, едва ли не единственный настоящий художник, чувствует эпоху, как никто. Самый советский из всех писателей!

Потом — Оленька, тоже звала на «Горе от ума», но я должна была отказаться — буду работать на машинке.

16 ноября

Вчера уже поздно, уж я собиралась залезть в свою вечернюю ванну, — раздался телефонный звонок: Женичка мой еле слышным голосом просит приехать на станцию метро (Коминтерн), ему там стало дурно. Не помня себя оделась, оставила М.А. записку и выбежала. У нашего метро на счастье стоял ЗИС. В дежурной Коминтерна нашла Женичку — его приводили в чувство, он несколько раз терял сознание — у него летом, в Лебедяни тоже это случалось. Как это страшно, лежит без кровинки в лице. Когда ему стало лучше, отвезла его в Ржевский. — Оттуда позвонила М.А., он вышел ко мне навстречу, и мы в четвертом часу утра только пришли домой.

Легли в шестом часу. А около одиннадцати уже пришли Холфин и Чуфаров. М.А. додиктовал мне либретто и поехал в Большой на читку, отвезя меня в дирекцию, где у меня была встреча с Анусей.

Приехал М.А. домой обедать в шестом часу, измочаленный. Рассказывал, что либретто разнесли в пух и прах.

Сейчас только встали (10 часов вечера), еще бродим, разбитые. Ляжем рано, только ванны возьмем.

17 ноября

Решить-то решили рано лечь, а легли — с разговорами — в четвертом часу.

Сегодня М.А. пошел винтить к Федоровым. А ко мне пришел мой Женюшка, и мы с ним просидели весь вечер вдвоем.

18 ноября

Обедал Николай Эрдман. После обеда — биллиард до десяти часов вечера. Потом он рассказывал свою будущую кинокомедию. Хорошо выдумал и сюжет и трюки разные. В двенадцатом часу поехал на вокзал (во Владимир уехал). А мы — в ванны, потом будем ужинать, разговаривать и спать.

21 ноября

Вчера по телефону сговорились, что Вильямсы и Николай Робертович придут к нам ужинать. Как всегда, было хорошо. Потом Николай Робертович остался ночевать. С разговорами легли около шести часов. Встали поздно. После завтрака М.А. с Николаем Робертовичем играли на биллиарде, увлечены, как дети. Затем мы с М.А. пошли обедать в Клуб писателей, так как у нас дома бедствие — больна Стеша, болен Сергей, я ставлю банки (научил М.А.) то одному, то другому. Екатерина Ивановна тоже плохо себя чувствует.

В Клубе к нашему столику сразу же подошел Чичеров с тем же разговором: почему, М.А., вы нас забыли, отошли от нас? И в ответ на слова М.А. о 1936-м годе, когда все было снято, сказал:

— Вот, вот, обо всем этом нам надо поговорить, надо вчетвером — Вы, Фадеев, Катаев и я, все обсудим, надо, чтобы Вы вернулись к драматургии, а не окапывались в Большом театре.

Потом подошел Катаев и сказал, что Гнат Юра непременно хочет ставить у себя «Дон-Кихота», просит экземпляр пьесы. Что он, Катаев, едет завтра в Киев и может отвезти пьесу. М.А. сказал: надо еще раньше переписать экземпляр, у меня один — испещренный поправками.

Потом — Березин предложил М.А. играть на биллиарде, и они играли, — под напряженными взглядами присутствовавших писателей.

Сейчас одиннадцать часов вечера. Ванна М.А., ванна моя, ужин и спать, спать, спать!

22 ноября

Обедали опять в Клубе. Подсел к нам знакомый М.А. по Батуму поэт Чачиков. Спрашивал у М.А. сведений по поводу встречи Пушкина с Шевченко — для своей поэмы.

Потом М.А. поехал в Большой для встречи с Самосудом и молодыми либреттистами по поводу разгромленного либретто.

23 ноября

Утром звонок Кузы: Комитет поручил ему просить М.А. приехать на заседание по вопросу о репертуарном плане Вахтанговского театра.

Я заехала за М.А. в три часа в Большой и на той же машине отвезла его в Комитет.

М.А. потом рассказывал: «Дон-Кихот», конечно, поставлен в последнюю очередь.

Главное свелось к сражению Толстого с вахтанговцами по поводу его пьесы.

По словам Кузы и других вахтанговцев, пьеса плохая, вахтанговцы стараются заставить его переделать, а он уже переделывал, но ничего не получилось. Он злится, они тоже.

Был на совещании Горчаков, говорил М.А.:

Позвали бы, когда будете читать «Дон-Кихота»! Говорят — очень хорошо!

Пришел М.А. утомленный и в состоянии какой-то спокойной безнадежности.

Вечером в Большом — опять встреча с молодыми либреттистами («Василек»).

24 ноября

Дмитриев, по случаю того, что ему наконец вернули паспорт, — пригласил обедать в ССП. Ели раков. Подавали медленно, — только два официанта там, — поэтому засиделись долго. Ну и типы там в столовой попадаются. Это — не 19-й век, не — честные бородатые лица с ясными глазами.

И откуда они только берутся. Действительно, может быть, верно говорит С.Е., что начинают заниматься литературой потому, что нет уже черной биржи. Считают литературное дело самым выгодным.

Вечером М.А. был на «Кавказском пленнике», говорит, что в правительственной ложе видел (так ему показалось) Сталина и Молотова. М.А. пробыл там недолго и пошел в филиал на «Псковитянку».

Звонили Вильямсы — Петя звал приехать, покажет эскиз для выставки. Звонила Оленька, у них мхатовцы. Ни туда, ни сюда не могла пойти — нездоровится.

25 ноября

Опять обедали в Клубе, опять М.А. играл с Бейлисом на билиарде и один раз выиграл. Но это, конечно, тот поддался, не иначе. Ему, видно, очень нравится М.А.

Дома, во время ужина, около часу позвонил Брагин. Его конспект оперы «Чрезвычайный комиссар» лежит у М.А. для отзыва. Ровно час М.А. говорил с ним по телефону, дал ему детальный разбор, советы, как вести дальнейшую работу, что оставить, что вычеркнуть, что углубить.

Сегодня, после долгого перерыва, М.А. сел за работу над «Рашелью».

Сегодня звонил опять Половцев, руководитель областного ТЮЗа, просит «Дон-Кихота».

27 ноября

Вчера вечером был Борис Эрдман. Играли на биллиарде. Легли поздно.

Сегодня утром, среди других звонков, такой — это Сергей рассказал.

— Ваш телефон завтра будет выключен, так как за вами числится задолженность в 18 руб.

Пришлось идти на телеграф, там выяснять эту чепуху. Видимо, сотрудница забыла вписать оплаченную квитанцию. Обещали все выяснить и завтра позвонить.

Звонил писатель Миндлин с просьбой, чтобы М.А. пришел сегодня в Дом писателя на читку его пьесы «Сервантес».

Звонил Эскин, зам. директора Дома актера:

— Мы очень просим М.А. помочь нам в устройстве одного вечера...

М.А. сказал мне:

— А ты бы ему ответила: «Как же, как же, Михаил Афанасьевич как раз разрабатывает новое коленце...»

Эскин звонил четыре раза, пока я ему не сказала напрямик, что это никак невозможно, что М.А. очень занят.

Насчет этого же звонил Конский. Узнав, что М.А. отказался, он сначала огорчился, а потом сказал: — ну, тогда и я не буду участвовать.

Звонил Куза, но мы спали. Да, а вчера днем два раза звонил Павел Марков: — Миша, нам надо непременно повидаться. Ты,

Боярский, Сахновский и я. Предлагаем встречу назначить во МХАТе.

М.А. очень кисло согласился на 30-е в 12 часов дня.

28 ноября

Утром звонок Кузы; просит экземпляр сокращенный, тот, который М.А. читал в театре, — «а то у нас работа задерживается». Я говорю — «а разве Вы начинаете работать? По газетам можно понять, что вам не утвердили репертуарный план».

— Это ничего не значит. На нас почему-то ведется атака со стороны прессы. Но это не имеет никакого значения. Мы работу продолжаем. А в частности, «Дон-Кихот» с декабря начинает репетироваться.

Позвонила сотрудница из телеграфа: — «Простите, это ошибка, никакой задолженности за вами нет». Какова работа.

Дикая мигрень. А все от того, что ложимся спать каждый день под утро. Вот вчера тоже вернулись от Вильямсов, где слушали радиолу, в четыре часа, а легли в пять. Из-за мигрени пришлось не идти смотреть Уланову в «Лебедином озере».

Сейчас вечер, одиннадцать часов, мы дома. Благословенная тишина.

29 ноября

М.А. пошел в Большой — сдать либретто — целых четыре, — что лежали для отзыва у него.

Куза прислал извещение, что «Дон-Кихот» включен в план 1939 года, а также экземпляр «Дон-Кихота» с просьбой выправить его. М.А. сидит и правит.

Второй тихий вечер. Как это хорошо.

В газетах отклики зарубежной печати на сообщение ТАСС (27-го) об укреплении отношений между СССР и Польшей. Вчера в «Правде» статья по этому вопросу.

Интересно, отразится ли это на постановке в Большом «Сусанина». Кто о чем, а мы все — о театре.

Над нами — очередной бал, люстра качается, лампочки тухнут, работать невозможно, М.А. впадает в ярость.

— Если мы отсюда не уберемся, я ничего не буду больше делать! Это издевательство — писательский дом называется! Войлок! Перекрытия!

А правда, когда строился дом, строители говорили, что над кабинетами писателей будут особые перекрытия, войлок, — так что обещали полную тишину. А на самом деле...

— Я не то что МХАТу, я дьяволу готов продаться за квартиру!..

30 ноября

Ну, состоялся этот знаменитый разговор. Все блеф, конечно.

Изумительна первая же фраза Боярского:

— Ну что же, будем говорить относительно того, как бы вы нам дали пьесу. (М.А. говорит, что он запомнил ее точно.)

М.А. говорит:

— Я сразу обозлился и выложил ему все, все хамства МХАТа, все о разгроме 36-го года, о том, что «Мольер» мне принес, за мою работу, иск театра денежный и выключение из квартирного списка в Лаврушинском... Все выложил о травле, о разгроме моральном, материальном... даже легче стало.

На все это Боярский применил такой прием:

— Вам *практически выгодно* написать для нас пьесу... у нас бывает правительство... Наши старики могут обратиться...

М.А. сказал:

— Нет, у меня сейчас нет сил писать.

А дома говорит мне:

— А я рад, что все сказал этим подлецам. Ей-богу, легче стало.

1 декабря

Вчера вечером Николай и М.А. ломали головы, как лучше составить заявление в ССП и подать (через Толстого) — об изменении участи Николая Робертовича, о снятии судимости и принятии в Союз.

Потом пришел и Борис и Вильямсы. Биллиард. Ужин, стерляди. Опять биллиард.

Вчера звонил Федя:

— Как настроение Миши? Как впечатление от встречи? Будет ли работать для нас?

Звонил, ломился прийти Гриша, но я сказала, М.А. занят очень.

Оленька — сконфужена за Боярского:

— Ну, конечно, разве он может? Это надо было иначе делать, надо было бы, чтобы с Мишей Москвин говорил.

Рипси звонит: я хотела бы, Люсенька, с тобой посоветоваться по литературному делу, спросить совет...(?)

М.А. сидит над клавиром «Иоланты». Какая-то дама сделала новый текст, очень безвкусный. Оказывается, было задание — избежать божественных слов, которые были в таком изобилии у Модеста. Какая чепуха.

2 декабря

Рипси приехала посоветоваться, правильно ли составлен договор с Литературным агентством у Лилиной по книге К.С. «Работа актера». Почему — с нами?!

Вечером — Яков. Возмущался мхатовцами.

5 декабря

Вчера днем М.А. заходил к Сергею Ермолинскому. М.А. ходит к нему поиграть в шахматы, а кроме того — Сергей Ермолинский, благодаря тому, что вертится в киношном мире, — много слышит и знает из всяких разговоров, слухов, сплетен, новостей. Он — как посредник между М.А. и внешним миром.

Вечером пришел к нам Николай Эрдман, потом Оля привела Сергея из кино (они смотрели «Александра Невского»), позвонили Калужскому, тот тоже пришел. Ужинали. М.А. и Николай играли на биллиарде. Легли страшно поздно. А в двенадцать часов

дня сегодня М.А. должен был быть в Большом для работы над либретто Прейса «Мать» по Горькому. Он ушел, пришел Евгений-прокурор, и вот до сих пор (сейчас четыре часа дня) они с Николаем играют на биллиарде. Женичка очень хорошо рассказывал о вчерашнем вечере в Ржевском: был Федя Михальский, родственники Евгения Александровича и дед с женой. (Это М.А. прозвал Алексея Толстого: дед, или дед-комбинат.) Дед со всеми разговаривал на «ты», почти всех обозвал свиньями и наседал на Федю:

— Вот я написал две пьесы, и обе они прошли мимо вашего театра!.. А сейчас у меня такой замысел! Такой!.. А я вот возьму и отдам пьесу в Малый!..

Потом стукнул кулаком по столу, кричит:

— Ты не слушаешь меня!!

А Федя бросал пробками в дам и не обращал на него внимания.

Потом дед кричал страшным голосом:

— Я творец! Вы должны меня воплощать!..

Вчера пришло письмо от Саши Гдешинского. Он пишет М.А., что был тяжело болен, ему грозит остаться калекой на всю жизнь. Просит достать лекарство, которого нет в Киеве — ятрен-казеин, — есть, говорят, только в Кремлевской аптеке. Оленька предложила достать через Иверова. Дали обнадеживающую телеграмму Саше Гдешинскому.

Сегодня пришло очень милое письмо от Дунаевского — в ответ на письмо М.А.

7 декабря

Вчера Оленька прислала лекарство. Днем, когда М.А. обедал в «Национале» с Дмитриевыми, звонил Виленкин:

— Марков к вам не дозвонился. Просил меня позвонить: он очень просит дать ему на несколько дней «Бег», он хочет серьезно проводить вопрос о постановке во МХАТе.

Я сказала, что передам М.А. Вечером во время винта (были Файко и Волькенштейн) Виленкин позвонил опять. М.А. сказал ему, что дать не может, надо еще прокорректировать.

А мне сказал потом, что ему органически не хочется давать, что МХАТ задумал какой-то фокус.

Вчера Оля прислала, по поручению Сахновского, М.А. книгу Сахновского «Работа режиссера» с очень хорошей надписью.

М.А. сегодня днем опять просидел в Большом больше трех часов над тем же либретто «Мать». Сидит их человек пять, ломают над этим либретто головы: Прейс представил совершенно безграмотную работу.

Вечером М.А. диктовал мне письма: Саше — о том, что завтра высылаем лекарство, Сахновскому — благодарность за книгу и Елизавете Карповне.

Сегодня достала случайно для М.А. три рубашки. Обещали достать две пары теплых носков.

Сегодня день рождения Женюшки.

М.А.БУЛГАКОВ — А.П.ГДЕШИНСКОМУ

Дорогой Саша!

Извини, что на машинке. Когда нужно что-нибудь спешно отправить — диктую. Сообщение твое о болезни меня глубоко огорчило. Ведь этакая напасть! Будь бодр, не падай духом.

Лекарство, нужное тебе, у меня уже на столе, и завтра я тебе отправляю его почтовой посылкой. <...> Теперь ломаем голову, как его упаковать, чтобы в посылке не раздавили. <...>

Как только пришло твое письмо, я отправил тебе телеграмму. Получил ли ты ее?

Пока больше ничего не пишу, сейчас займемся упаковкой.

От всей души желаю тебе выздоровления, Елена Сергеевна также. Ларисе Николаевне передай наш поклон.

О себе я напишу в следующем письме, и ты пиши мне.

Твой Михаил.

9 декабря

М.А. все дни бьется, правит «Мать». Все в том же составе: дирижер Небольсин, режиссер Шарашидзе, еще кто-то. Приходит домой усталый.

Вчера вечером у нас были Мелик с Минной, Ермолинские. Конечно, играли на биллиарде.

10 декабря

Днем М.А. в Большом («Мать»). Я переписываю «Дон-Кихота» для представления в Репертком.

Вечером М.А. с Сережкой пошли в Сандуновские бани, но вернулись вскоре домой — колоссальная очередь.

Вечером — о «Беге» — М.А. не хочет давать МХАТу.

На улице туман. Удивительная зима — туманно, грязно, не холодно.

12 декабря

Сегодня в «Советском искусстве» статья некоего А.Кут — о пьесе Миндлина «Сервантес», рекламного характера, уговаривает театр ставить ее.

В начале статьи — строки о «драмоделах, стряпающих сотые переделки "Дон-Кихота"».

13 декабря

Сегодня Миша позвонил к Чичерову и спросил его, кто такой Кут. Тот ответил, что не знает. Просил Мишу прийти на совещание по поводу пьес и репертуара. Миша ответил, что не придет и не будет ходить никуда, покуда его не перестанут так или иначе травить в газетах.

14 декабря

Сегодня к ночи было 20° мороза! А утром было –1°, и вчера еще было сыро и грязно.

15 декабря

Вчера у нас был Борис Эрдман, попросил дать ему почитать «Бег». Прочитал у нас, понравилась ему пьеса необычайно! Весь вечер говорил о ней. А за ужином Миша прочитал три картины из «Пушкина». Борис сказал, что придет следующий раз для того, чтобы прочесть всего «Пушкина».

Сегодня звонил Чичеров, нас не было дома, он говорил с Сергеем, просил передать, что Кут — это Кутузов, что секция драматургов очень заинтересована «Дон-Кихотом» Михаила Аф., просит дать ей возможность ознакомиться.

Миша пошел сейчас (девять часов вечера) в Большой — работа колхозом над «Волочаевскими днями» Гусева. Все эти дни он работает то днем, то вечером (а иногда и днем и вечером) над чужими либретто.

Я вспомнила сейчас, как он, придя 13-го из Большого в половине второго ночи, рассказывал мне, в какой суматошной обстановке проходит работа: кабинет Мордвинова, он с Вильямсом разговаривает по поводу «Сусанина», срочно разыскивают Гусева для того, чтобы начать работу по либретто — оказывается, Гусев не мог попасть никак в театр — не пускали ни через один подъезд, так как у него нет пропуска. Тогда его жена купила у перекупщика два билета на «Поднятую целину» по 25 руб., и они вошли в театр.

В кабинет входят в это время человек 30 молодых писателей нацменьшинств — они должны встретиться с участниками «Целины» после спектакля. Все они гуськом проходят через кабинет, Миша сидит за письменным столом, все они вежливо ему кланяются, принимая его за какое-нибудь ответственное лицо в театре, всем им 30 раз отвечает, каждый раз приподнимаясь. После чего в соседнем помещении начинается заседание. Борис Аркадьевич бегает из одной комнаты в другую, то говорит там речь, в качестве председателя, то разговаривает по делу в своем кабинете. Самосуда найти не могут.

Сегодня целый день сильнейший мороз — утром было 26°, как сказала мне Лоли.

Я ездила по своим делам — замерзла страшно.

Сейчас только — в час ночи — когда я уже собиралась взять ванну и лечь спать — позвонил Женя и сказал, что по радио сообщили о гибели Чкалова при испытании им нового самолета.

16 декабря

Продолжается мороз — без снега.

Днем Миша был в Большом на открытом заседании парткома, пришел домой в шесть часов.

Вечером пошел играть в винт к Файко.

Газеты полны Чкаловым. Сергей хотел пойти с товарищем в Колонный зал, я поехала с ними, но на Дмитровку с Театральной попасть нельзя было. Милиционеры сказали, что надо идти че-

рез Петровку и Столешников на Дмитровку, где собираются колонны.

Я побоялась, что мальчишки очень зазябнут и отправила их домой.

17 декабря

Миша днем в Большом.

Смешной рассказ Миши о том, как сонные поляки просыпаются в лесу в «Сусанине».

Сережа Ермолинский звал к себе, но предупредил, что будет вся «Пречистенка». Я не пошла, а Миша пошел.

18 декабря

Миша нездоров, кашляет. Сидим дома, морозно.

В начале четвертого слышала глухие раскаты, значит, хоронят Чкалова — пушечные залпы.

Ждем вечером Дмитриева.

19 декабря, вечером

Из вчерашних разговоров Дмитриева: «...во МХАТе два человека относятся по-настоящему к Вам (к М.А.) — Ольга Сергеевна и я. Ну, Сахновский, конечно, хорошо относится, Виленкин тоже, но действительно хорошо — только О.С. и я...»

Я спросила, может быть, вы приведете пример какой-нибудь такого отношения?

Долго молчал, ничего не надумал.

Потом на мой вопрос — знает ли Ольга о разговорах по поводу «Бега» — сказал, знает. И потом добавил: «Тут недавно, при разговоре о “Беге”, она сказала, что для нее теперь Хлудов и Корзухин не звучат».

20 декабря.
Ночь на 21-е — 2 часа ночи

Сейчас посмотрела на градусник —26° мороза, а когда открывала форточку — проветрить спальню — показалось, что адовая холодина, пожалуй, и больше. Это с 14-го числа держится.

Улицы, как вымерли.

Миша — в гриппе, сильнейший насморк у него. Конечно, лежать в кровати не хочет, бродит по квартире, прибирает книги, приводит в порядок архив.

За ужином — вдвоем — говорили о важном. При работе в театре (безразлично, в каком, говорит Миша, а по-моему, особенно в Большом) — невозможно работать дома — писать свои вещи. Он приходит такой вымотанный из театра — этой работой над чужими либретто, что, конечно, совершенно не в состоянии работать над своей вещью. Миша задает вопрос — что же делать? От чего отказаться? Быть может, переключиться на другую работу?

Что я могу сказать? Для меня, когда он не работает, не пишет свое, жизнь теряет всякий смысл.

21 декабря

Сегодня днем была в городе — скоросшиватели, ботинки Мишины, лекарство от головной боли, спички и картофель.

Мороз падает!

Вечером разбор Мишиного архива. От этого у Миши тоска. Да, так работать нельзя! А что делать — не знаем.

Звонок Дунаевского ночью — завтра, уговорились, придет.

22 декабря

Миша прочитал Дунаевскому первую картину и часть второй. Дунаевский потом — после обеда — импровизировал — и очень в духе вещи.

Вообще (боюсь ужасно ошибиться!) Дунаевский производит на меня впечатление человека художественной складки, темпераментного, загорающегося и принципиального — а это много значит!

Он хотел, чтобы Миша просто отдал бы ему «Рашель», не связываясь с Большим. Но Миша не может, он должен, по своему контракту с Большим, сдать либретто в театр.

Решили, что Дунаевский будет говорить с Самосудом и твердо заявит, что делать «Рашель» будет он.

Вечером позвонил и пришел Борис Эрдман. Биллиард.

В Москве уже несколько дней ходят слухи о том, что арестован Михаил Кольцов.

Сейчас звонил (двенадцать часов ночи) Виленкин и рассказывал мне, что Сахновский говорил с Немировичем о том, насколько серьезна возможность постановки «Бега» — стоит ли беспокоить Мих. Аф. разговорами об этом.

Немирович сказал, что сейчас об этом речи быть не может — и в интересах МХАТа и автора.

Я сказала Виленкину — Мих. Аф. был прав, когда говорил — не дам я «Бега», это дело нереальное.

24 декабря

Вчера вечером позвонила Ануся, сказала, что им очень хочется прийти к нам.

Пришли, сначала был и Дмитриев, но он вскоре ушел, а мы вчетвером ужинали — приятно, как всегда, с ними. Почему-то за ужином вспомнили Керженцева — добродушно вспомнили.

Сейчас — вечером — занимаемся разборкой архива. Миша сказал — знаешь, у меня от всего этого (показав на архив) пропадает желание жить.

Мороз упорный — вот уже 10 дней. Сейчас смотрела –24°.

25 декабря

Миша пошел наверх к Михалковым, с которыми у нас на почве шума из их квартиры (вследствие чудовищной нашей стройки) началось знакомство. Они оказались очень приятными людьми. Он — остроумен, наблюдателен, по-видимому, талантлив, прекрасный рассказчик, чему, как это ни странно, помогает то, что он заикается. Она — очень живой горячий человек, хороший человек.

26 декабря

Миша пишет и диктует мне письмо В.М.Молотову — с просьбой помочь в квартирном вопросе. Кроме всех неприятных сторон нашей квартиры — прибавилось еще известие о том, что скоро наш дом будет сломан — в связи с постройкой Дворца Советов.

Не знаю, что получится из этого письма, но это — единственный выход.

Во время диктовки получили известие по телефону, что Сережке подшибли ногу в школе и прийти он не может. Екатерина Ивановна поехала за ним на такси, а Миша на руках принес его домой — по лестнице. Вызвала хирурга.

27 декабря

Вчера пришел хирург, пока еще не может определить, есть трещина или это растяжение связок. Покой, компрессы.

Вчера к нам пришли Михалковы. Засиделись поздно.

А сегодня я отнесла письмо в Кремлевскую башню.

Потом зашла в Репертком — отнесла «Дон-Кихота». Мерингофа не было, я оставила экземпляры. На обратном пути — в МХАТ — отдала Оле деньги для мамы. Видела много мхатовцев, были милы необычайно.

28 декабря

У нас разговоры о Новом годе. Хотели мы его встретить тихо — с Вильямсами и Эрдманами. Но — понятно, как узнали наши знакомые, что мы будем дома — все угрожают приходом. Выяснилось, что может собраться таким образом человек 15–16. Что никак невозможно. У меня нет даже столько рюмок, вилок. Да, вообще, это всегда бывает неудачно — когда большая компания.

Переговорила с Вильямсами, они предложили устроить встречу у Лены Понсовой.

Днем Миша в редакции «Советского артиста» (газета Большого театра) по их просьбе писал фельетон для новогоднего номера. Я зашла к Серафиме Яковлевне — условились там встретиться. Видела Якова Л., Самосуда. Потом Яков Л. отвез нас домой.

1939

1 января

Вчера елку зажгли. Сергей ликовал. Борис Робертович принес французское шампанское, на звонки не отвечали, сидели тесно и мило — братья Эрдманы, жена Николая Робертовича, Вильямсы и мы — втроем — с Сергеем.

Сегодня — Михалков, пришел поздравить и уж поздравил! Авторские в кино отменяются! А если, вслед за этим, и по театру? Да, это будет интересно!

Есть ответ из Секретариата Совнаркома — Мишино письмо переслано в Моссовет.

Женя болен корью, заболел 30-го, по-видимому, на ногах перенес начало болезни. Форма тяжелая.

5 января

Утром в Реперткоме. Мы ходили за визой на «Дон-Кихота». Миша — Пушкиной, секретарю Мерингофа, на ее фразу — «пьеса у тов. Мерингофа», сказал, побелев: «буду жаловаться в ЦК, это умышленно задерживают разрешение». Это меня ужасно огорчило, а Миша твердит — я прав. И я теперь не знаю.

6 января

Около одиннадцати вечера позвонил Федя и сказал — «у нас дорогие гости на вашем спектакле». Это, конечно, означает только одно, что Правительство смотрит «Дни Турбиных» (идет на Большой сцене, заменяя «Мертвые души»).

Федя говорил доброжелательно, ласково, что меня и Мишу тронуло.

Потом Ольга, которая сговаривалась со мной, чтобы мы пришли к ним, позвонила и сказала — «да, я хочу тебе сообщить, что сегодня Правительство смотрело вашу пьесу». Я ответила — «Я знаю». — «Тебе уже сказали?! Кто?? Федя?» — «Да».

К Ольге не пошли, сидим вдвоем с Мишей, ужинаем. Ощущение праздничное от уюта, уединения.

Мороз упал, а он нас замучил.

Разговор о Чулкове, который умер на днях. Миша говорит — «он был хороший человек, настоящий писатель, небольшого ранга, но писатель».

А я его не знала.

Сегодня на рассвете, в шесть часов утра, когда мы ложились спать, засидевшись в длительной, как всегда, беседе с Николаем Робертовичем, Миша сказал мне очень хорошие вещи, и я очень счастлива, в честь чего ставлю знак.

Вчера, когда Николай Робертович стал советовать Мише, очень дружелюбно, писать новую пьесу, не унывать и прочее,

Миша сказал, что он проповедует, как «местный протоиерей».

Вообще их разговоры по своему уму и остроте доставляют мне бесконечное удовольствие.

8 января

Вечером Мелики. Миша читал первую картину «Рашели», которая чрезвычайно понравилась. Потом играли на биллиарде. Миша очень развеселился, чему я очень рада, так как у него эти дни тягостное пессимистическое настроение духа.

Сегодня Миша отослал Дунаевскому первую отредактированную картину «Рашели».

9 января

Дмитриев был, нездоров, говорил, что его вызвали повесткой в Ленинград, в НКВД. Ломал голову зачем?

А у него еще здесь в Москве монтировка «Половчанских», на днях собирается ехать в Ленинград.

10 января

Письмо Смирнова из ВОКСа с приложением перевода письма из Лондона. Это приложение представляет собой совершенную чепуху — нельзя понять, искажена пьеса или не искажена.

Ездили с Мишей поговорить с Уманским в Литературное агентство. Как все это нелепо! Судьба — пьес своих не видеть, гонорары за них не получать, а тут еще из ВОКСа присылают письма, которые только раздражают.

14 января

Вчера провели вечер у Меликов. Миша и Александр Шамильевич играли на биллиарде.

Сегодня днем заходила в Репертком. Мерингоф, узнав, что «Дон-Кихот» сокращен на 15 страниц, страшно огорчился и вздыхал.

— Как бы пьеса не потеряла своей гармонии?

Я говорю — «Вы не волнуйтесь. Вряд ли Михаил Афанасьевич станет сам свои пьесы без надобности портить».

Условились, что он прочтет ее и даст визу 16-го в три часа дня.

Потом пошла в Моссовет, к секретарю Ефремова. Тот сказал, что бумага, наверно, попала к инспектору квартирному, туда и надо обратиться.

Из роскошного особняка (подъезд № 2 Моссовета) с громадными комнатами, коврами, тяжелыми дубовыми дверями — попала в подъезд № 3 — грязное, неуютное помещение, в комнате № 102 застала очередь, повернулась и ушла. Нет, так квартиру не получишь!

Сейчас еду в Большой за Мишей и оттуда к Ольге.

16 января

Вчера пришли вечером Борис и Николай Робертович, играли на биллиарде.

Сегодня утром звонили из Реперткома четыре раза. Тов. Мерингоф просит М.А. зайти к нему. Пошли. Сначала — комплименты, потом сожаление, почему выброшена такая хорошая и нужная сцена, как разговор Дон-Кихота с Санчо о золотом веке. — «Такой юмор замечательный!.. и так важно для пьесы...»

Миша согласился вставить.

Потом Мерингоф стал говорить — надо дать пьесу размножить, чтобы шла по Союзу, надо дать заметки в газете и все в таком роде.

Причем, должна признаться, несмотря на все мое отвращение к этому месту — Реперткому, — Мерингоф вел себя очень пристойно, серьезно и доброжелательно. Сговорились, что я сегодня сделаю вставки, завтра в два часа приду в Репертком и он мне даст визу.

Обедали — Миша, Николай Робертович, Женичка и я. А после отдыха, вечером, Миша взялся, после долгого перерыва, за пьесу о Сталине. Только что прочла первую (по пьесе — вторую) картину. Понравилась ужасно. Все персонажи живые.

18 января

И вчера и сегодня вечерами Миша пишет пьесу, выдумывает при этом и для будущих картин положения, образы, изучает материал. Бог даст, удача будет!

Второй день оттепель.

19 января

Сегодня звонили днем из Драмсекции — придет ли Мих. Аф. на заседание — выборы Бюро драмсекции?

Я сказала, что М.А. на службе, в Большом театре и на заседании не будет.

Вечером звонок — Судакова. «Я не могу успокоиться с “Бегом”, хочу непременно добиться постановки, говорил уже в Комитете по делам искусств...»

Кроме того, интересуется «Дон-Кихотом» и «вообще всей продукцией Мих. Аф.». Наговорил тысячу комплиментов по адресу Миши и попросился прийти 21-го вечером.

20 января

Сегодня днем опять звонили из Драмсекции — с тем же вопросом. Мой ответ — тот же. Потом вечером в восьмом часу те-

леграмма от Чичерова — «своим отсутствием срываете выборы, просим прийти сегодня» — что-то в этом роде.

Проводила Мишу в десятом часу туда (в Клуб писателей), а сама пошла на хоры и оттуда смотрела на собрание. Ужасно не понравилось — галдели, склока идет все время, вообще литературой и не пахнет.

23 января

Вчера были у Ольги — Кторов, Попова, Дорохин, Пилявская, Раевский с женой, Федя, Гриша, мой Женюшка. Дорохин показывал замечательно фокусы. Раевский показывал пародии на декламаторов — очень талантливо, ужинали, смеялись, — а все вместе почему-то оставило впечатление гнетущее. Объяснить почему — трудно.

Третьего дня заезжала к Евгению Петрову, отвезла ему рукопись «Дон-Кихота» и спросила, не напечатает ли «Литературная газета» отрывок из пьесы. Он сказал, что он, к сожалению, в этой редакции состоит на роли Ревунова-Караулова, сам решить не может, но отвезет рукопись редактору Войтинской и сообщит нам результат.

Потом зашла в отдел распространения при Всероскомдраме и условилась, что дам им экземпляр «Дон-Кихота» для распространения по Союзу.

24 января

И сегодня, и вообще последние дни Миша диктует «Рашель». От Дунаевского пришло на днях письмо — очень милое — с восторженными отзывами по поводу первой картины и с просьбой присылки дальнейших. Вот Миша и взялся.

Вчера днем без Миши, и сегодня днем в его присутствии приходил некий Юдкевич из Ленинградского театра им. Пушкина (бывш. Александринки) с просьбой, чтобы Миша дал им что-нибудь — на любую тему — современную, историческую, русскую, нерусскую. Миша сказал, что сейчас ни о чем речи не может быть, он завален работой. Если они хотят, пусть напишут в марте, — если к тому времени будет готова пьеса, над которой он сейчас работает, — тогда можно будет говорить.

Сегодня (и на днях, но нас не было дома) звонил Рубен Симонов. Он сказал, что начинают работать «Дон-Кихота», что новому директору (Ванееву выперли) пьеса страшно понравилась, что ставить будет он, Симонов, что Горюнов вряд ли будет играть Санчо, так как роль очень мягкая (а тот напорист, конечно) и все в таком роде. Потом сказал: «А вот «Турбины» — какая хорошая пьеса! Очень ее Анастас Иванович хвалил! Настоящая пьеса!»

26 января

Вчера вечером к нам пришли Петя и Анюся. Миша прочитал им вторую и третью картины новой пьесы. Петя сказал, что

Письмо М.А.Булгакова брату Николаю.

вещь взята правильно, несмотря на громадные трудности этой работы. Очень живой — герой, он такой именно, каким его представляешь себе по рассказам. Уговаривали писать дальше непременно, уверены, что выйдет замечательная пьеса. Ждут с нетерпением продолжения.

Сегодня утром Миша диктовал мне третью картину «Рашели» и тут же — перед обедом — мы пошли на почту и отправили Дунаевскому ее, а также и телеграмму — получил ли он вторую картину.

Вечером звонил Куза — о том же, что и Симонов. Добавил, что в Комитете пьеса очень нравится. Я сижу — перепечатываю «Дон-Кихота». Миша купается.

М.А.БУЛГАКОВ — И.О.ДУНАЕВСКОМУ

Дорогой Исаак Осипович!

При этом письме третья картина «Рашели». На днях во время бессонницы было мне видение. А именно: появился Петр I и многозначительно сказал:

— Время подобно железу горящему, которое ежели остынет...

А вслед за ним пожаловал и современник Шекспира Вебстер и то же самое подтвердил:

— Strike while the iron is hot!

Да! Это ясно, ковать, ковать железо, пока горячо.

Пишите! Пишите! От Елены Сергеевны и от меня привет!

Ваш М.Булгаков.

27 января

Звонил Евгений Петров, сказал, что пьеса Войтинской очень понравилась и что она будет звонить. Она и позвонила, условились, что Миша приедет в редакцию завтра в десять часов вечера, чтобы поговорить, какой фрагмент печатать.

Вечером позвонил и пришел Николай Робертович, а потом и Борис Робертович.

28 января

Вот так история! Поехали ровно к десяти часам, в редакции сидит в передней швейцар, почему-то босой, вышла какая-то барышня с растерянным лицом и сказала, что «Войтинской уже нет в редакции... она не будет сегодня больше... Она вчера заболела... а лучше всего обратитесь к ответственному секретарю...»

Обратились, тот сказал, что он готов от имени Войтинской принести свои извинения, что причины ее отсутствия таковы,

что приходится ее извинить, — и мы так и не поняли, что с ней, собственно, случилось.

29 января

Мое посещение Художественного театра. Сказала, что дом наш, наверно, будут сносить. На Федю это произвело большое впечатление, и даже на Ольгу.

Федя пошел меня провожать и по дороге расспрашивал, не пишет ли Миша пьесу современную. Я сказала, что есть замысел о Сталине, но не хватает материала. Он тут же стал подавать советы, как достать материал.

Петров Евгений Петрович по телефону сказал: у Войтинской, видите ли, «force majeure»[1] — какой это форс-мажор?!

Ничего не понимаю, но отрывок, кажется, они будут печатать.

Вечером Миша в Большом — разговор с Самосудом и Захаровым о «Сусанине».

1 февраля

Вчера вечером был Яков Л.

Сегодня в газетах — награждение писателей орденами. Награждены, за малым исключением, все сколько-нибудь известные. Больше двадцати человек получили орден Ленина, сорок с чем-то — орден Красного Знамени и больше ста — Знак Почета.

Это награждение, по-видимому, произвело большое впечатление на читающую публику, во всяком случае — даже шофер, который вез нас сегодня к Евгению Петрову, говорил (узнав, что надо ехать в дом писательский в Лаврушинском) — «там ведь праздник сегодня».

Мы с Евгением Петровым сговорились накануне, что приедем к ним завтра, а сегодня днем Миша спросил его по телефону — может быть, в связи с награждением Вам надо идти куда-нибудь — он сказал, что нет и что они ждут нас.

Заводил радиолу — американскую, у него есть очень хорошие пластинки. Слушали Шестую симфонию Чайковского, Дебюсси и очень оригинальную вещь — голубая симфония, кажется, так называется.

2 февраля

Сегодня в газетах — награждение киноработников по картинам — «Александр Невский», «Выборгская сторона», «Великое зарево», «Человек с ружьем», «Волга-Волга» и еще многим другим.

В ночь с 17 на 18 февраля

Девятый день лежу в постели с тяжелым гриппом и осложнениями. Сердце, как ком, болели бешено ноги, теперь отпускают,

---

[1] Непредвиденные обстоятельства *(фр.)*.

настроение духа ужасное, злюсь, нервничаю. Миша утешает меня, вспрыскивает мне камфору по рецепту Марка Леопольдовича.

Вспоминать, что было в эти дни, не буду. Но сегодня: звонок из Комитета по делам искусств, просят Мишу прийти в Комитет к тов. Немченко по поводу постановки в Англии «Дней Турбиных».

Что такое? Что за оказия?

С этим — продолжение тяжелых разговоров о нестерпимом Мишином положении, о том, что делать?

Миша пришел после полуночи из театра, говорит, что генеральная «Сусанина» назначена на 19-е днем, что это будет обыкновенная генеральная, а Правительство будет смотреть спектакль. Когда первый спектакль — неизвестно еще.

Лежу и пережевываю окрошку этих дней. В частности (вчера на «Лебедином» с Улановой) — в ложе дирекции дамы низким басом Мише — «Вы — первый!» Что за чертовщина? Оказалось — они хотели утешить Мишу по поводу того, что ему не дали ордена. Господи!

Потом этот Лондон. О, боже!

На дворе оттепель. Вот уж несколько дней. Дома — запущенность, как всегда бывает, когда я лежу.

Сережка ездил с новой домработницей покупать ей кровать. Себе постелил на полу ковер, содрав его со своей кушетки, — в пылком стремлении украсить свою комнату.

Купил четыре банана, бананов этих сколько угодно, но их мало кто покупает.

Миша все дни разбитый, вчера мучили его с либретто Чуфарова и Холфина. Лакированная поддельная вещь!

Ну, надо спать! Все равно ничего не придумаешь.

Вчера на «Лебедином» в ложе Б Мишу познакомили с каким-то человеком, похожим, по словам Миши, на французского короля. Семидесятилетний старик. Комплименты по поводу «Турбиных» (хотя страшно, что он говорил... «читал»!)... Разговоры о Киеве, о Врубелевской живописи... Общительный старик. Какой-то архитектор.

А знакомил Юзовский. Не знаю, в какой мере этот Юзовский приложил свою руку к травле Турбиных. А может быть, и не прикладывал?

В ночь с 19 на 20 февраля

Марика явилась в десять часов утра (вчера я просила Мишу, чтобы он ее устроил на генеральную). Я была не в силах ехать, осталась дома. Тихая, как гроб, пустая квартира. Звонки к Тине. Сидела на своей кровати закутанная, читала Щедрина — пестрые письма.

Миша появился в пятом часу. Генеральная: Сусанин — Рейзен, Антонида — Барсова, Собинин — Большаков, Ваня — Антонова.

Успех странный и средний. Самосуда не вызывали, Вильямса — тоже, хотя декорациям аплодировали во многих местах.

Партер: Книппер-Чехова, Лева Книппер, Ольга, мой Женюшка, леонтьевские дамы, Пречистенка, Леонидов, мхатчики.

Почему не было бешеного успеха «Славься»? — Публика не знала, как отнестись.

Вечер. Слабость. Горчичники. Миша чудесно за мной ходит, веселит меня.

Тина (домработница) входит и спрашивает, сколько Михеевых в танковом дивизионе.

Сережка орет из своей комнаты, заводя радио — «Тамаркина!!»

Председатель Комитета по делам искусств — приехал ко второй части оперы. Женя, который сидел через два кресла от него, говорит, что Назаров сказал — колоколов не надо.

21 февраля

Днем Миша, наконец сговорившись, у Немченко в Комитете. Всю эту историю затеял и поднял Смирнов из ВОКСа. Немченко показала, по ходу разговора, Мише письмо от Смирнова к Солодовникову. Смирнов выражает беспокойство по поводу того, что пьеса в Лондоне идет в извращенном виде, и пишет, что «ввиду того, что фотографий в Лондон не послали, теперь уж (примерно так) нельзя отделываться сообщениями, что «Дни Турбиных» не самая лучшая советская пьеса».

Длинные, бесполезные разговоры (в том числе с участием Мерингофа) по телефону о том, как реагировать на эту постановку. Слова Миши о том, что он вовсе не уверен в том, что там есть извращения, а что, может быть, там просто играют первый вариант, украденный Каганским.

Мишины слова о том, что он, прежде всего, будет протестовать против того, чтобы отыгрываться, опорочивая его пьесу за границей. — «Дайте мне списать фразу Смирнова».

Немченко прижала документы к груди и не дала списать.

Мерингоф посоветовал Немченко по телефону, чтобы запросить Наркоминдел, какой текст играется.

Далее — Миша: не фотографии надо посылать, а автора, когда его пьесы играются за границей.

Немченко: «валюты...»

Миша: «Товарищ Немченко!!.»

Немченко — буро-красная.

Далее. Комплиментарные речи Месхетели, сидящего в этой же комнате, о «Дон-Кихоте».

Ночь. Миша пришел со спектакля (или генеральной, не разберешь!) «Сусанина». Ждали Правительство в полном составе. Но приехали только Калинин и Ворошилов в ложу, Литвинов — в первом ряду партера.

Партер полон знакомыми и известными в Москве лицами: Москвин с Аллой, Дзержинский, Юровский, из Наркоминдела —

Барков, из Дипкорпуса и так далее. Серафима взволнованная — в длинном платье, Лебедев-Кумач, Толстой, Мясковский, комитетские, Судаков с Клавой, композитор Прокофьев — не пересчитать.

Самосуд нервничал. Успех средний. Пел Пирогов, Антониду — Жуковская, Ваня — Златогорова, тенор Большаков. Миша говорит, что верхние ноты берет легко.

25 февраля

Вчера. Днем Миша пошел к Марике. Играл в шахматы с Сережей Топлениновым и Дмитриевым. У Миши — сильные головные боли. Сережа прогревал ему синей лампой голову.

Вечером Эрдманы, разговоры о том, как Миша сочинял конспект-программу «Сусанина».

Потом — звонок и приезд Дунаевского. Неудачный вечер, Миша был хмур, печален, потом говорил, что не может работать над «Рашелью», если Дунаевский не отвечает на телеграмму и если он ведет разговоры по поводу оперы в таком роде, что «Франция ведет себя плохо» — значит, не пойдет!

Дунаевский играл до четырех часов на рояле, кой-какие наметки «Рашели». А потом мы с Николаем Робертовичем пилили Мишу, что он своей мрачностью и сухостью отпугнул Дунаевского.

Сегодня днем больна вдребезги из-за вчерашней бессонной ночи. К вечеру поправилась, читаю по Пушкину.

Миша был в Большом на совершенно бессмысленном совещании Самосуда с неким Груздевым — горьковедом, по поводу оперы «Мать».

Ложусь спать.

Миша очарователен. Обожаю его!

Миша видел, что я пишу дневник и говорит: напиши, что я очарователен и что ты меня любишь. Я и написала.

26 февраля

Только что уехал Дунаевский. Наконец-то плодотворно и организованно поработал он с Мишей над тремя картинами «Рашели». Играл наметку канкана. Но пока еще ничего не писал. Миша охотно принимает те поправки, которые предлагает Дунаевский, чтобы не стеснять музыкальную сторону. Но одну вещь Дунаевский предлагал совершенно неверно — лобовую сатирическую песенку по адресу пирующих пруссаков вместо песенки по Беранже.

Ужинали втроем, угощала замороженной клубникой. Миша говорит, что это дрянь ужасная.

27 февраля

Иду вечером на «Ивана Сусанина».

Умерла Крупская.

28 февраля

Мне крайне не понравился и утомил безмерно «Сусанин». По-моему, всегда эта опера была лобовой, патриотической и такой и осталась, и всякие введения Минина и Пожарского ни к чему не приводят.

Уйма знакомых, здоровалась раз пятьдесят, видела Евгения Петрова, Берсенева, Дунаевского, Хенкина и множество, множество других.

Миша был дома. К нему звонил Бертенсон из Малого, просит «Бег», Миша отвечал, что он не верит в это дело. Тот настойчиво просит дать для чтения.

Тело Крупской в Колонном зале. Миша, бывший в центре, говорит, что центр перерезан милицейскими оцеплениями, так что из него трудно было уехать.

Миша сидит вечером над романом («Мастер и Маргарита»), раздумывает.

У меня сегодня днем во Всероскомдраме встреча. Совсем неизвестный человек подошел и расспрашивал о Мише. Над чем работает, как живет: восхищался, объявил себя пламенным его почитателем, горевал над страшной судьбой, над тем, что не дают хода пьесам его. Потом сказал: моя жена — Дуся Виноградова, надо дать ей ту пьесу, которую Михаил Афанасьевич считает сильнейшей и которую не ставят, и она будет говорить в Кремле об этом(!).

Когда я рассказала дома Мише об этом разговоре, он сказал:

— Что это за путь!

Я так и сказала ему.

1 марта

Днем звонил Дмитриев, спрашивал, когда же можно прийти.

Потом Миша пошел к Сергею Топленинову, куда пошел и Дмитриев, и они играли там в шахматы.

А мы с Женичкой ходили в город, к Елисееву. Купили пиво, бананы.

На улицах — колоссальные очереди — стоят люди для того, чтобы попасть в Колонный зал, где лежит тело Крупской.

Мы ехали на такси, доехали до Никитских ворот, дальше не пропускают. Пошли пешком по Леонтьевскому. Купила мимозы.

Вечером Миша — над романом. А я начиталась страхов у Жуковского («Нечто о привидениях») и стала ходить за Мишей по пятам, чтобы не оставаться одной.

2 марта

Днем Миша в Большом.

Я — в Всероскомдраме, отнесла «Дон-Кихота» в отдел распространения.

Вечером — Миша — роман.

4 марта

Хамский звонок из «Вечерней Москвы»:

— Михаила Афанасьевича.

— Он болен. Говорит его жена.

— Мне жена не нужна, а нужен Михаил Афанасьевич...

— Он болен.

— Мне он нужен здоровый, больной не нужен... Дело отпадает...

Ну, я ответила.

Миша разозлился, позвонил заведующему отделом искусства в «Вечерке», сказал — «от вас был звонок». Тот: «это Гринвальд и Бернштейн». — «Так нельзя звонить...» и т.д.

Потом звонил Яков Л. и сказал, что к нему звонил Бернштейн и сказал: «вот дала мне отповедь жена Булгакова...»

Я сказала — «не я отповедь дала, а они по-хамски звонили».

5 марта

Звонок. — «Я писательница, встречалась раньше с Михаилом Андреевичем и хорошо его знаю...»

— С Михаилом Афанасьевичем?

Поперхнулась. Фамилия неразборчивая. Словом, написала либретто. Хочет, чтобы М.А. прочитал.

Вечером Вильямсы и Лена Понсова. Разговор о детях, о домработницах. Скучно. Петя сказал, что вахтанговцы с ним подписывают договор на «Дон-Кихота» и играть эту пьесу будут.

В ночь с 6 на 7 марта

Опять эта писательница! Опять приставание, чтобы Миша по старому знакомству прочитал либретто и сказал свое мнение.

Днем Сергей с товарищем на «Коньке-Горбунке». Миша показывал, как они сидели в первом ряду с важным видом и аплодировали. На деньги, которые я дала им, пили воду в буфете. Сергей сказал — «до'огой буфет!»

Вечером «Сусанин», пошел Миша. На спектакль приехал И.В.Сталин. В правительственной ложе аплодировали после второго акта.

Бедняга Антонова сбилась в сцене монастыря, неправильно взяла слова, сбила хор и оркестр. Самосуд был безумно расстроен.

Миша приехал домой до окончания спектакля и дослушал со мной «Славься» по радио.

7 марта

Днем правила экземпляры «Дон-Кихота» в отделе распространения. Писала неграмотная машинистка. Пришла домой с головной болью.

На улице около Управления догнал Тренев, спросил, что делает Миша своего? — Ничего. И нет никакой веры в то, что его пьеса может пойти.

— Напрасно, напрасно. Сейчас такое время... Хотят проявить смелость... У меня был разговор о нем и в ЦК и в Комитете... Надо нам непременно повидаться... Приходите к нам на этих днях...

Миша сказал: «Я же еще пойду кланяться?! Ни за что».

Вечером у нас Дмитриев с Мариной.

Разговор Миши с Дмитриевым о МХАТе, о пьесе для него. Миша сказал — «капельдинером в Большом буду, на улице с дощечкой буду стоять, а пьесу в МХАТ не дам, пока они не привезут мне ключ от квартиры!»

8 марта

Сегодня звонили из школы Сталинского района, то есть почему-то она сказала «из филармонии», но филармония оказалась не при чем, а просят М.А. сделать доклад на тему о творчестве Мольера для старших классов школы. Приедут, отвезут, привезут. Говорила очень приятно. Я сказала, что М.А. вряд ли сможет это сделать, так как ему надо было бы готовиться к докладу, а он занят чрезвычайно.

Звонила опять писательница — оказалось Сергей Мятежный. Я ей объяснила, что М.А. очень сейчас занят, попросила, чтобы она отложила присылку либретто на неделю.

10 марта

Вчера я провела целый день у Ольги, а Миша с перерывом на обед — в Большом. Встретились дома уже часов в десять вечера. Тут же приехал и Гриша Конский (после телефонного звонка). Просьба почитать роман. Миша говорит — я Вам лучше картину из «Дон-Кихота» прочту. Прочитал, тот слушал, хвалил. Но ясно было, что не «Дон-Кихот» его интересовал. И, уходя, опять начал выпрашивать роман хоть на одну ночь. Миша не дал.

Сегодня днем были в дирекции, сидели у Якова Л. Он рассказывал, что Сергей Городецкий невероятно нахамил по телефону. Его не пустили на закрытый спектакль «Сусанина». — «Я морду буду бить тому, кто скажет, что я не имею отношения к этому спектаклю», — сказал Городецкий.

11 марта

Дома — марочный психоз. Сережка стал собирать альбом марок. Поминутно мальчишки, мены, покупки. Женька с марками. Вырезывание из конвертов и так далее.

Звонок телефонный — девица из Клуба писателей, «по поручению президиума» просит Мишу что-нибудь прочесть 23 марта в большой клубный день.

Тут мы с Мишей разошлись. Я обрадовалась, думала, что выступление пойдет Мише на пользу.

А Миша сказал, что из этого ничего, кроме гадостей, не выйдет и уперся, сказал, что читать не будет. Вспоминал все издевательства, которые над ним проделывались после чтения среди писателей.

Миша отправил сегодня письмо Вересаеву, в нем текст соглашения между ними обоими по поводу пьесы «Пушкин».

Да, повинен Викентий Викентьевич в гибели пьесы — своими широкими разговорами с пушкинистами об ошибках (исторических), о неправильном Дантесе и т.д., своими склоками с Мишей. А М.А. приходится теперь ломать голову над формулами оглашения.

М.А.БУЛГАКОВ — В.В.ВЕРЕСАЕВУ

Дорогой Викентий Викентьевич!

Давно уж собирался написать Вам, да все работа мешает. К тому же хотел составить наше соглашение по «Пушкину».

Посылаю его в этом письме в двух экземплярах. Если у Вас нет возражений, прошу Вас подписать оба и вернуть мне один.

У меня нередко возникает желание поговорить с Вами, но я как-то стесняюсь это делать, потому что у меня, как у всякого разгромленного и затравленного литератора, мысль все время устремляется к одной мрачной теме о моем положении, а это утомительно для окружающих.

Убедившись за последние годы в том, что ни одна моя строчка не пойдет ни в печать, ни на сцену, я стараюсь выработать в себе равнодушное отношение к этому. И пожалуй, я добился значительных результатов.

Одним из последних моих опытов явился «Дон-Кихот» по Сервантесу, написанный по заказу вахтанговцев. Сейчас он и лежит у них и будет лежать, пока не сгниет, несмотря на то что встречен ими шумно и снабжен разрешающею печатью Реперткома.

В своем плане они его поставили в столь дальний угол, что совершенно ясно — он у них не пойдет. Он, конечно, и нигде не пойдет. Меня это нисколько не печалит, так как я уже привык смотреть на всякую свою работу с одной стороны — как велики будут неприятности, которые она мне доставит? И если не предвидится крупных, и за то уже благодарен от души.

Теперь я занят совершенно бессмысленной с житейской точки зрения работой — произвожу последнюю правку своего романа.

Все-таки, как ни стараешься удавить самого себя, трудно перестать хвататься за перо. Мучает смутное желание подвести мой литературный итог.

Над чем Вы работаете? Кончили ли Ваш перевод?

Хотелось бы повидаться с Вами. Бываете ли Вы свободны вечерами? Я позвоню Вам и зайду.

Будьте здоровы, желаю Вам плодотворно работать.

Ваш М.Булгаков.

13 марта

Вчера вечером были у Мелика — день рождения Минны. Родственники по этому случаю. И в них вкраплены для оживления — Мчедели из Большого, балерина Никитина и мы. Потом случайно пришли тенор Червяков и Булдаков (кажется, секре-

тарь парткома Большого театра). После ужина Червяков и Мчедели пели.

Сегодня днем гуляла с Анусей. Она мне подарила массу фиалок и мимоз. Мы пошли к нам обедать.

А вечером Оля позвонила и попросила прийти — и, главное, чтобы Миша прочитал «Дон-Кихота».

Рассказывают, что Самосуд и Леонтьев вместе с Назаровым (первый был снят с «Поднятой» из-за пульта) были вызваны к Сталину, и он им дал указания по «Сусанину». Будет переделываться финал оперы. Вчера уже спектакль шел без предпоследней картины — реквием не исполнялся.

В.И.Качалов.

14 марта

Кроме нас были еще Вильямсы, Виленкин, и потом — уже поздно — Гриша Конский. Пьеса мхатчикам понравилась, по-видимому. Во время ужина они возвращались к разговору о том, что сыграть Дон-Кихота может только Качалов. (А он большею частью живет в Барвихе по болезни или лежит в Кремлевской больнице!) Распределяли роли между актерами МХАТа, просили дать почитать Василию Ивановичу. Но Миша сказал, что ни в коем случае пьесу в МХАТ не даст и читать тоже не может дать.

Миша пришел домой совершенно разбитый нравственно, говорит, что больше не может слушать эти разговоры о том, что Качалов выглядит моложе Массальского, что он идеальный Чацкий, про Немировича, про Париж и так далее — все эти вечные однообразные мхатовские разговоры.

Сегодня заходила днем в филиал МХАТа к Чацкому — записала билеты на Турбиных. Очень приятно было отношение Чацкого и всех билетеров знакомых.

15 марта

Миша вечером у Федоровых — винт.

Я была у модистки, благо рядом, зашла на часок к Ольге. Женя Калужский сидит с рукописью Вирты — «Заговор» (кажется) — и, ежесекундно чертыхаясь, читает.

16 марта

Вечер у Николая Радлова и Дины — Книппер-Чехова, художник Осьмеркин с женой, архитектор Кожин и мы. Мне было весело, рада была услышать какие-то другие разговоры, вместо приевшихся мхатовских тем за эти дни. Но Миша был в полном отчаянии, говорит, что больше никуда не хочет ходить, вечера — потерянные, разговоры пустые и, главное, — фальшивые.

18 марта

Вчера были вечером у Леонтьевых. Кроме нас — Вильямсы, Мелик с Минной. Мелик играл. Миша с Арендтом до ужина играли в шахматы. У меня был сердечный разговор с Д.Г. Когда она говорила о том, как они переживали ордена писателям, — разволновалась до слез.

В чем дело? Неужели могли думать, что Мише дадут орден?! Да и зачем ему?

Миша днем почти всегда в Большом — там идут репетиции — к концу уже — и «Матери» и «Щелкунчика». О первой он говорит с ужасом, о втором — с удовольствием.

Дома работает над фельетоном, который у него просят для их газеты в театре.

Оля перепечатала «Пушкина» для меня. Говорит, что пьеса — совершенна во всех отношениях, что она буквально рыдала, дописывая ее, что у нее такое чувство, что она потеряла самое близкое и дорогое. Словом, тысяча приятностей.

Потом — «знаешь, Виталий романтик!.. Говорит, поговорите вы с Владимиром Ивановичем о «Пушкине»!.. Ты же ведь знаешь... Да притом у Жени ведь портфель ломится от пьес... Мы уверены, что пройдет время, и все театры будут играть эту пьесу!»

Я стояла у телефона и молчала. Но если бы чувства могли убивать, наверно, Владимира Ивановича нашли бы сейчас мертвым в постели!

22 марта

Вчера позвонил Борис Робертович и предложил пойти в Клуб писателей. Заехал за нами.

Только сели за столик — услышали в зале вопли, которые все трое дружно определили как «мхатовские». Действительно, оказалось, что Топорков — в роли Чичикова — у Коробочки. (Вчера в Клубе был вечер Гоголя.)

Прелестно ужинали — икра, свежие огурцы, рябчики, — а главное, очень весело. Потом Миша и Борис Робертович играли на биллиарде с Березиным и одну партию друг с другом, причем Миша выиграл. Потом встретили Михалковых и с ними и с Эль-Регистаном пили кофе. Эль-Регистан рассказывал интересные случаи из своих журналистских впечатлений, а Михалков говорил, как всегда, очень смешные и остроумные вещи. Миша смеялся, как Сережка, до слез.

В общем, чудесный вечер.

А сегодня днем тоже получила удовольствие. Мы с Мишей зашли днем в Дом актера и там устроили нам прослушивание ленты, записанной в день празднования МХАТовского юбилея, когда от Большого театра программу выдумал и вел М.А.

Теперь я убедилась, что успех был большой. А голоса Мишиного я не узнала.

23 марта

Миша диктовал «Рашель».

25 марта

Вчера пошли вечером в Клуб актера на Тверской. Смотрели старые картины — очень смешную американскую комедию и неудачную, по-моему, «Парижанку» — постановка Чарли Чаплина. Потом ужинали.

Все было хорошо, за исключением финала. Пьяный Катаев сел, никем не прошенный, к столу, Пете сказал, что он написал барахло, а не декорации, Грише Конскому — что он плохой актер, хотя никогда его не видел на сцене и, может быть, даже в жизни. Наконец все так обозлились на него, что у всех явилось желание ударить его, но вдруг Миша тихо и серьезно ему сказал: вы бездарный драматург, от этого всем завидуете и злитесь. — «Валя, вы жопа».

Катаев ушел мрачный, не прощаясь.

Сейчас пришла с премьеры «Матери» в филиале Большого. Невыразимо плохо! Скучная сама по себе повесть переделана бездарным либреттистом, текст безграмотный, музыка беспомощная, маленькая, вернее, никакая. С трудом высидела представление. Насколько удалось выжать из знакомых (всегда осторожно высказывающих впечатления на премьерах) — у всех «Мать» вызывает одинаковые чувства. Только жена Самосуда почему-то сказала, что она проплакала целый акт — до того трогательно. Si non e vero[1].

После «Матери» застала у нас Сергея Ермолинского, который уезжал месяца на полтора в Одессу.

Да, говорят, какой-то критик сказал об этой опере: уж полночь близится, а музыки все нет!

26 марта

Дописывала под диктовку Миши «Рашель». Уф! Кончено!

27 марта

Сегодня Миша сдал в театр «Рашель». Слава Богу!

В «Советском искусстве» в хронике сообщение, что у вахтанговцев в ближайшие дни начнется работа над «Дон-Кихотом», сделанным Булгаковым.

Кто-то мне сказал сегодня, что и по радио было такое сообщение.

Вечером — одни.

28 марта

Сегодня пришло письмо от директора ВТО Эскина, очень милое письмо с приглашением на заграничные фильмы, которые он специально поставил к представлению 30-го, чтобы заманить М.А. Машину предлагает. Все для того, чтобы уговорить М.А. принять участие в устройстве программы вечера.

Вечером у нас Борис Эрдман, а потом Яков Л.

---

[1] Если это и неверно *(ит.)*.

29 марта

Вечером у нас Калужские. Позвонила Эскину, сказала, что М.А. не может прийти 30-го, болен, невралгия. Был ужасно огорчен. И с этим же потом позвонил Гриша К.

30 марта

Была на спектакле «Созвездие Гончих Псов» в Детском театре. Пошла посмотреть на работу Эрдмана. Очень хорош последний акт — дворик с галерейкой и теплое синее небо.

Нездоровится.

31 марта

Только что вернулась с «Пиковой дамы». Бывают такие дни — все было плохо. И чувствовала раньше, что лучше бы не идти! Пошла все-таки. Во-первых, встретила жену В.Я-ва, которая настойчиво приглашала и сказала, что так не отстанет, пока не придем. А во-вторых, все не понравилось — не могу видеть Ханаева — Германом. Плохо пела Леонтьева — Лизу, прегадко — Батурин — Томского, музыка почему-то не звучала так, как обычно. А главное, очень неприятно поразил Дмитриев. До сих пор я всегда смотрела «Пиковую» из ложи Б — оттуда трудно понять, что делается на сцене. А вот из первого ряда, где мы сидели с Женей, очень ясно видны все недочеты. Все декорации (кроме Канавки, которая блестяще сделана), все костюмы — безвкусны, разнокалиберны, бессмысленны.

1 апреля

Сидели над составлением и переводом письма к Кельверлей — по поводу постановки «Турбиных» в Лондоне.

2 апреля

Письмо отправили.

3 апреля

Вчера вечером пришел Борис Эрдман, а потом Сергей Ермолинский. Миша был в Большом, где в первый раз ставили «Сусанина» с новым эпилогом.

Пришел после спектакля и рассказал нам, что перед эпилогом Правительство перешло из обычной правительственной ложи в среднюю большую (бывшую царскую) и оттуда уже досматривало оперу. Публика, как только увидела, начала аплодировать, и аплодисмент продолжался во все время музыкального антракта перед эпилогом. Потом с поднятием занавеса, а главное, к концу, к моменту появления Минина, Пожарского — верхами. Это все усиливалось и, наконец, превратилось в грандиозные овации, причем Правительство аплодировало сцене, сцена — по адресу Правительства, а публика — и туда, и сюда.

Сегодня я была днем в дирекции Большого, а потом в одной из мастерских, и мне рассказывали, что было что-то необыкно-

венное в смысле подъема, что какая-то старушка, увидев Сталина, стала креститься и приговаривать: вот увидела все-таки! что люди вставали ногами на кресла!

Говорят, что после спектакля Леонтьев и Самосуд были вызваны в ложу, и Сталин просил передать всему коллективу театра, работавшему над спектаклем, его благодарность, сказал, что этот спектакль войдет в историю театра.

Сегодня в Большом был митинг по этому поводу.

Сегодня — тихий день. Написала и перевела письмо секретарше Лондонского ВОКСа — об адресах театра, режиссера и переводчика.

Телефон испорчен, все время звонки, а говорить нельзя.

4 апреля

Миша вечером у Мелика. Я зашла на минутку к Оле в Театр. Как у меня много с ним связано.

Отправили письмо Тоду по «Турбиным».

5 апреля

Днем вдруг охватил прилив энергии — надо что-то делать, куда-то идти... Миша (как он сказал — чтобы разрядить это напряжение) согласился пойти вместе со мной в Репертком — с «Пушкиным». Мерингоф по телефону — когда узнал, что М.А. придет — испуганно: А что с ним случилось?! — Ничего, просто пьесу Вам принесет! — Аа! Очень приятно!

Но эта радость у него мгновенно исчезла, когда он увидел «Пушкина»:

— Что это Вам вздумалось? (замечательный вопрос).

— Да это не мне, это жене моей вздумалось.

Тут Мерингоф устроил такой фортель — оказывается, просто от автора он пьесу принять не может. Нужно или через театр, или через отдел распространения.

Ну, что же, получит через отдел распространения!

Кроме того, для того же «разряда» позвонила к Месхетели и условилась, чтобы он принял М.А. 8-го.

Вечером Миша в Большом, откуда пришел совершенно измученный, в первом часу ночи.

Сегодня М.А. написал письмо Марилу по поводу «Турбиных».

6 апреля

Ушла от меня Тина, вернее, пришлось уволить из-за необычайно широкого образа жизни — беспрестанные звонки по телефону, беспрестанные гости и красноармейцы в большом количестве.

Миша вечером пошел играть в винт.

7 апреля

День начался звонком Долгополова. Первое — просит М.А. сообщить ему содержание «Рашели», так как он дает статью о Дунаевском, и Дунаевский, говоря о «Рашели», посоветовал обратиться к Мише.

Второе — сообщение о заседании Художественного совета при Всесоюзном комитете по делам искусств. Оказывается, Немирович выступал и много говорил о Булгакове: самый талантливый, мастер драматургии и т.п. Сказал — вот почему вы все про него забыли, почему не используете такого талантливого драматурга, какой у нас есть — Булгакова?

Голос из собравшихся (не знаю кто, но постараюсь непременно узнать):

— Он не наш!

Немирович: Откуда вы знаете? Что вы читали из его произведений? Знаете ли вы «Мольера», «Пушкина»? Он написал замечательные пьесы, а они не идут. Над «Мольером» я работал, эта пьеса шла бы и сейчас. Если в ней что-нибудь надо было по мнению критики изменить, это одно. Но почему снять?

———

В общем, он очень долго говорил и, как сказал Долгополов, все ему в рот смотрели, и он боится, что стенографистка, тоже смотревшая в рот, пропустила что-нибудь из его речи.

Обещал достать стенограмму.

———

Потом позвонила Ольга — с тем же самым.

———

Потом звонил Яншин с напоминанием о том, что мы обещали прийти в Цыганский театр.

———

Вечером разговор с Мишей о Немировиче и об этом — «он не наш»; я считаю полезной речь Немировича, а Миша говорит, что лучше бы он не произносил этой речи и что возглас этот дороже обойдется, чем сама речь, которую Немирович произнес через три года после разгрома.

«Да и кому он ее говорит и зачем? Если он считает хорошей пьесу «Пушкин», то почему же он не репетирует ее, выхлопотав, конечно, для этого разрешения наверху».

———

Сегодня в Большом Самосуд держал речь перед М.А., Мордвиновым, Меликом о том, что предпринимает меры, чтобы Толстой с Шостаковичем написали оперу об Иване Грозном.

Сейчас в МХАТе встреча московских работников искусств с ленинградскими орденоносцами. Нам прислали билеты; мы не пошли.

8 апреля

Миша написал письмо Кузе — о «Дон-Кихоте» — будут ли ставить.

10 апреля

Позвонил и пришел Николай Эрдман. Я позвала Вильямсов.

11 апреля

Звонил Рапопорт — он будет ставить «Дон-Кихота», Симонов болел, теперь очень перегружен, кроме того, хочет играть в «Дон-Кихоте».

Рапопорт просил встретиться — переговорить с М.А. о распределении ролей.

М.А. говорит — все это липа, это в ответ на мое письмо.

12 апреля

Пришло письмо от Кузы — уверения, что пьеса принята театром с энтузиазмом — и пойдет в правильный срок.

Днем М.А. был у Рапопорта. Впечатление от разговора — кислое, «маломощное», как сказал Миша.

Вечером иду на «Сусанина». А к нам придет Борис Эрдман.

13 апреля

Смотрела новый финал. Лучше прежнего, уж очень был скучен статический финал. Но и сейчас народу — жидко дано. А декорации, костюмы очень хороши. Видела в театре Хмелева, условились, что придет к нам 19-го.

Была сегодня в Реперткоме. Они вызывали М.А., но он, конечно, не пошел. Говорила с политредактором Евстратовым — по поводу «Мертвых душ». Он считает, что М.А. надо пересмотреть пьесу в связи с изменением отношения к Гоголю — с 30-го года и вставить туда что-то. Я сказала, что ни пересматривать, ни вписывать М.А. не будет. Что это его не интересует. Что я просто оттого подняла вопрос с этой пьесой и буду поднимать о других, чтобы выяснить положение М.А., которого явственно не пускают на периферию и вообще запрещают.

14 апреля

Зашла к Оле в Театр по делу и посмотрела случайно первый акт «Врагов» — Качалов играл Якова Бардина, заменял Орлова, который внезапно заболел. Сыграл Качалов неплохо. Он был бы вообще блестящим комическим актером. Комические реплики доходили прекрасно.

П.Марков черен, Виленкин сконфужен. Оля напряжена.

15 апреля

Днем, проходя по Пречистенке, зашла к Ермолинским, сидели тихо втроем, как вдруг за стеной раздался шум голосов, лай собак.

Выяснилось, что там собралась почти вся «Пречистенка». Когда я взглянула в ту комнату — зашаталась! Сидят почему-то в шубах семь женщин... Не люблю я этого круга, да и меня там не любят.

16 апреля

Днем была в дирекции Большого театра, а Миша в Большом. Видела Якова Л. — у него был сердечный припадок накануне. Разве так можно работать?

Потом поехали в машине Мчедели — Мелик, Мчедели и мы — в Химки (вокзал). Там пообедали, погуляли и вернулись в город.

Вечером были на «Раймонде». Я, к сожалению, попала только ко второму действию. Говорили, что в первом Семенова танцевала удивительно! Но и то, что я видела, было прелестно. Мы с Мишей долго хлопали ей из ложи Б, и она нам кланялась. В зале стояли после конца балета около получаса, непрерывно вызывая ее.

Потом там же в Большом был показан фильм «Ленин в 1918 году». Звук не был налажен, и потому текст пропал совершенно, я не поняла ни слова, смотрела, как немой фильм. Художественно это, конечно, невероятно слабо.

Получили ответ от Кельверлей. Оказывается, это не ее постановка, а некоего Branson Albery, к которому она и советует обратиться.

17 апреля

Миша в Большом, слушает «Руслана». Сережка с Лоли на «Пади серебряной». Я одна дома. По радио — концерт Лемешева. Очень приятно поет — и музыкально и толково.

18 апреля

Ну, утро!.. Миша меня разбудил словами: вставай, два письма из Лондона! Ты прочти, что пишет Кельверлей!

А Кельверлей прилагает ответ Куртис Брауна, который она получила на свой запрос ему. Оказывается, что К.Брауну была представлена Каганским доверенность, подписанная Булгаковым, по которой 50% авторских надлежит платить З.Каганскому (его парижский адрес) и 50% Николаю Булгакову в его парижский адрес, что они и делали, деля деньги таким путем!!!

Мы с Мишей как сломались!.. Не знаем, что и думать!

19 апреля

Отправили телеграмму в Лондон — Куртис Брауну — задержите платежи.

Кроме того — благодарственное письмо Кельверлей.

Но что это?!

Вечером у нас — Борис Эрдман, Хмелев и Гриша. Пришел еще один приезжий из Киева — знакомый Мишин профессор, но, просидев недолго, ушел, взяв, конечно, письмо Феде Михальскому, чтобы устроить ему билеты в МХАТ.

Хмелев рассказывал с чьих-то слов, что было заседание Художественного совета при Комитете искусств, с которого Таиров ушел с гордо поднятой головой, так как там говорилось, что театры должны сохранять свое лицо, что нельзя все театры «под МХАТ» причесывать, что Камерный театр был хорошим театром, Жирофле-Жирофля и так далее.

Потом Хмелев говорил, что он с кем-то из комитетских говорил о «Беге».

Поужинали хорошо, весело. Сидели долго. Но Гриша! Битков форменный!

20 апреля

Отправили в Лондон Куртис Брауну телеграмму — письмо с заявлением, что никогда такой доверенности М.А. не подписывал, вопрос — какой же документ предъявил Каганский, просьба сохранить авторскую часть поступлений, не высылать никому. Что получится из всего этого?

Письмо от Дунаевского, полное уверений в том, что скоро мы услышим первые картины «Рашели».

Миша вечером у Ермолинских.

22 апреля

Вчера позвонил и пришел Николай Эрдман. Засиделись, как обычно, до пяти утра.

Миша пришел из театра измученный душевно. Самосуд хочет свалить на него ответственность за балет «Светлана». Миша предупреждал, что в настоящем виде балет нельзя пустить. Балетная группа постановщиков «Светланы» стала бегать от него. А Самосуд не хочет сам запретить, а хочет, чтобы все это легло на Мишу.

Утром звонок руководителя Детского театра — просьба дать «Дон-Кихота». Не дали, конечно. До Вахтанговского никуда Миша не будет давать. Да вряд ли и после. Тем более что для Детского пришлось бы перерабатывать.

23 апреля

Сегодня Миша перед спектаклем («Князь Игорь») в Большом и перед вторым действием «Онегина» в филиале говорил несколько слов о Шекспире. Говорил минут по 8–10. В филиале и встретили и проводили аплодисментом, слушали внимательно. В Большом — холоднее. Оркестрантам и тут и там очень нравилось, улыбались в смешных местах.

24 апреля

Днем — Николай Эрдман, вечером Борис. Мише нездоровилось, он полеживал.

25 апреля

Миша отвез в Союз писателей, по их заявке, автобиографию и фотокарточку. Автобиография — сплошное кладбище пьес.

Вечером М.А. у Федоровых — винт. Я воспользовалась и устроила дома чистку, полотера. Сейчас все блестит.

Звонила Ануся — позвала к ним 30-го.

Сегодня у М.А. был в Большом разговор по поводу «Светланы». Яков Л. — на стороне Миши. «Нельзя же из меня делать какую-то карету скорой помощи», — сказал Миша.

Мордвинов выражал восхищение по поводу шекспировского доклада. Черняков просит, чтобы Миша сделал доклад для актеров. Для этого доклада в 8 минут Миша неделю просидел над материалами.

А.М.Файко и Н.А.Зархи. 1934.

27 апреля

Вчера у нас Файко — оба, Марков и Виленкин. Миша читал «Мастера и Маргариту» — с начала. Впечатление громадное. Тут же настойчиво попросили назначить день продолжения. Миша спросил после чтения — а кто такой Воланд? Виленкин сказал, что догадался, но ни за что не скажет. Я предложила ему написать, я тоже напишу, и мы обменяемся записками. Сделали. Он написал: сатана, я — дьявол. После этого Файко захотел также сыграть. И написал на своей записке: я не знаю. Но я попалась на удочку и написала ему — сатана.

Утром звонила Лидия Александровна — взволнованная, говорит: мы не спали почти, все время говорим только о романе. Я ночью догадалась и сказала Алеше. Не можем дождаться продолжения!

29 апреля

Вчера была премьера «Щелкунчика», я была с Женей в партере, а Миша — в ложе Б.

Знакомых, мхатовцев было тьма! Был, между прочим, Виленкин, который сказал, что ночь после романа не спал.

После балета Вильямсы, Марика, Женюшка и мы поехали в Клуб писателей, где весело поужинали, немного потанцевали — одни в большой комнате с камином.

«Щелкунчик» — чистенький балетный спектакль, лишенный хоть какого-нибудь яркого захватывающего момента — конечно, полное несоответствие с Гофманом и с Чайковским.

Когда мы приехали в Клуб, к Мише подошли три ужинавших там художника: Иогансон, Восьмеркин и еще один и произнесли что-то очень приятное в смысле их необычайного уважения к творчеству М.А., к его честности. Потом перед уходом они опять подошли, и я слышала, как Иогансон опять говорил о своем бесконечном восхищении и уважении и попросил поцеловать М.А.

30 апреля

У Вильямсов перенесено на 2-е. Сегодня они придут вечером к нам.

2 мая

Вчера у нас было назначенное продолжение чтения: к той компании присоединились еще Вильямсы, которые, услышав про чтение, заявили, что они придут.

Было опять очень хорошо. Аудитория замечательная, М.А. читал очень хорошо. Интерес колоссальный к роману.

Миша за ужином говорил: вот скоро сдам, пойдет в печать. Все стыдливо хихикали.

3 мая

Вчера было чтение у Вильямсов «Записок покойника». Давно уже Самосуд просил об этом, и вот наконец вчера это состоялось. Были, кроме нас и Вильямсов, Самосуды, Мордвиновы, Захаровы, Лена Понсова, еще одна подруга Ануси.

Миша прочитал несколько отрывков, причем глава «Репетиция с Иваном Васильевичем» имела совершенно бешеный успех. Самосуд тут же выдумал, что Миша должен прочитать эту главу для всего Большого театра, а объявить можно, что это описана репетиция в периферийном театре.

Ему так понравилась мысль, что он может всенародно опорочить систему Станиславского, что он все готов отдать, чтобы это чтение состоялось. Но Миша, конечно, сказал, что читать не будет.

4 мая

Вчера был день рождения Миши. Подарила ему словарь Александрова — русско-английский и, кроме того, по рассеянности купила Павловского — русско-немецкий, который у нас уже есть. Отнесла обратно, поменяю на что-нибудь другое.

Сегодня капустник в ВТО — балета Большого театра.

Вызвала парикмахера на дом и портниху — немного поправить платье надо и пришить живые цветы хочу. Женьку отправила за розовыми и лиловыми тюльпанами.

В «Правде» на первой странице о назначении на пост наркоминдела тов. Молотова, а на последней в хронике — об уходе, по его просьбе, Литвинова с поста наркоминдела.

5 мая

Капустник прошел оживленно, программа понравилась. Хотя, собственно, непонятно, почему они так кроют «Щелкунчика» — он ничем не хуже других балетов. Говорят, что программу балетные приготовили в то время, когда «Щелкунчик» был снят с генеральной и сдан в поправку.

Сегодня днем обменяла Мише словарь на словарь Дьяченко — церковно-славянский. Миша был очень доволен.

Вечером — продолжение чтения. Оля напросилась, что она непременно хочет слушать. Вильямсы прийти не могут, Ануся нездорова. Петя рассказывал, что про роман Самосуд все время кричит: гениально!!

6 мая

Чтение было, как всегда, очень приятное по атмосфере внимания.

Вчера перед чтением Оля мне сказала, что арестована Венкстерн.

7 мая

Миша продиктовал письмо Куртис Брауну по поводу лондонской постановки, потом его переводила.

8 мая

Письмо Куртис Брауну отправила.

Вечером позвонил и пришел Гриша, принес два ананаса почему-то. Ведь вот обида — человек умный, остроумный, понимающий — а битковщина все портит!

Умолял Мишу прочитать хоть немного из романа, обижался, что его не звали на чтение. Миша прочитал «Казнь».

Тогда стал просить, чтобы разрешили прийти к нам — на несколько часов — прочитать весь роман. Миша ответил — когда перепечатаю.

Просится, чтобы взяли его вместе жить летом.

Разговоры: что у вас в жизни сейчас нового? Как относитесь к Фадееву? Что будете делать с романом?

9 мая

Миша утром продиктовал два письма — Каганскому и брату Николаю в Париж — «что это значит?» Отправила их.

Вечером он пошел в Большой по «Волочаевским дням».

Во время обеда сегодня позвонил Раниенсон — из миманса Большого театра (очень талантливый артист, первоклассно показывал на последнем капустнике Мордвинова, а на предыдущем — Небольсина) — сказал, что хочет только поблагодарить Мих. Аф. за его отношение к себе. «Никогда в жизни не думал, что такой большой человек может быть так прост. Никогда в жизни не забуду его отношения!» А Миша мне вчера рассказывал, что на следующий день после капустника Раниенсон подошел к нему и сказал: «Если Вам когда-нибудь понадобится друг, располагайте мной».

Миша пришел вечером из театра рассерженный — Самосуд не явился на совещание совершенно! Был сначала у Дзержинского Ивана, а потом в редакции «Правды». И даже сам знать не дал! Немыслимо с ним работать.

10 мая

Днем звонок — Вольф! Я закричала — какой Вольф?! Вениамин Евгеньевич?!

Пришел через час, похудел, поседел, стал заикаться. Оказывается, просидел полгода, был врагом народа объявлен, потом через шесть месяцев был выпущен без всякого обвинения, восстановлен в партии и опять назначен на свой прежний пост — директора Ленинградского Красного театра (теперь — имени Ленинского комсомола).

Просит М.А. приехать в Ленинград прочитать труппе «Дон-Кихота», если подойдет, театр хотел бы ставить. Мише ехать не хочется, думает просто послать пьесу.

Вечером Миша в Большом на «Щелкунчике», я на «Норе». Приятно было посмотреть пьесу с простыми человеческими словами и чувствами.

Миша рассказывал: в кабинете в театре сидит Яков Л. — один — и читает журналы. Ждет Самосуда. А тот, ясно, неизвестно где.

12 мая

Вчера была с Женей на «Половчанских садах» — второй спектакль, называется на пригласительном билете — «первое представление».

Немирович на днях заявил, что после «Горя от ума» театр больше генеральных устраивать не будет, так как публика приходит невозможно злая, ничего не нравится, по городу распускаются слухи о неудаче театра. Значит, сразу — премьера. Не знаю, что было вчера на первом представлении, но сегодня публика была точно такая же злая, как, вероятно, бывала на генеральных «Горя от ума» и была бы на генеральной «Половчанских». Все ругались. Правда, пьеса не просто слаба, но и очень претенциозна и скучна. А театр делает многозначительное лицо — обратите внимание, какие мысли! Какая философия!

А философия копеечная, «военные болеть не могут», отец называется Макковей, дочь — Воробей, один сын — безногий и в продолжение всей пьесы перед зрителем — клиника. Семья изображена — образцовая будто бы, а все персонажи — отталкивающие.

Сегодня сообщение, что вчера разбились летчики Серов и Осипенко. Но как произошла катастрофа — неизвестно.

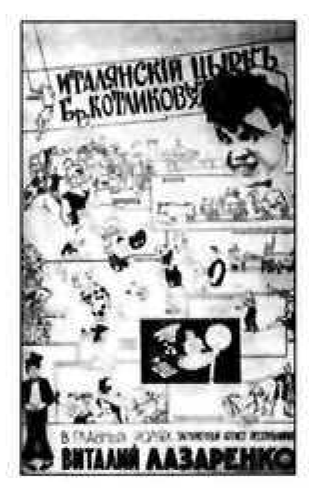
15 мая

Вчера у нас было чтение — окончание романа. Файко — оба, Марков, Виленкин, Ольга, Ануся, мой Женя. К ужину подошли Петя и Женя.

Последние главы слушали почему-то закоченев. Все их испугало. Паша в коридоре меня испуганно уверял, что ни в коем случае подавать нельзя — ужасные последствия могут быть.

Сегодня пришла от Вольфа телеграмма — внезапно заболел, встречу откладывает. По-видимому, вся телеграмма — вранье. Но почему тогда начал разговор? Зачем?

Звонил и заходил Файко — говорит, что роман пленителен и тревожащ. Что хочет много спрашивать, говорить о нем.

Афиша Виталия Лазаренко.

16 мая

Вчера были у Лены Понсовой. Кроме нас — Вильямсы и Цецилия Мансурова и родственники Понсовой. Мансурова — интересно рассказывала о халтурных выступлениях, нравах их.
В этот вечер в Театре Вахтангова шли «Без вины виноватые» — и часов в десять или одиннадцать вечера по радио — передававшему спектакль, послышались какие-то невнятные слова, звуки разные. Оказалось, все три диктора вдребезги напились и черт знает что говорили.

17 мая

Вчера у нас были Мелик с Минной и Ермолинские.
Сегодня днем без звонка зашел приехавший из Киева Загорский. Видимо, сидел. Теперь — завлит в Театре Красной Армии.

Сидел, обедал, рассказывал без конца, какие пьесы будет ставить их театр, какие хорошие пьесы у Афиногенова и Вирты.

Я не выдержала и сказала, что пьесы эти плохие и что из театра все уходят пустые и злые поэтому.

18 мая

Вчера вечером позвонил и пришел Николай Эрдман.

Звонила Ольга — умер в Горьком бывший администратор филиала Б.М.Чацкий. Как грустно!

Такой очаровательный, культурный человек был.

Из-за каких-то больных артистов перемена в репертуаре в Горьком — прибавляются «Турбины».

Миша задумал пьесу («Ричард Первый»). Рассказал — удивительно интересно, чисто «булгаковская пьеса» задумана.

19 мая

Вчера вечером Борис Эрдман. Сказал, что к нему звонили и сказали, что умер Виталий Лазаренко.

А вчера же утром в газетах было о том, что он получал орден и читал при этом Калинину свои стихи.

Потом выяснилось (так говорят), что Лазаренко вручали орден в больнице и стихи он читал там.

20 мая

Вчера вечером был Николай Эрдман.

Сегодня утром заходил Дмитриев с известием о Вете. По-видимому, ее уже нет в живых.

В городе слух, что арестован Бабель.

21 мая

Мои имянины. Миша принес чудесный ананас.

Братья Эрдманы прислали колоссальную корзину роз. Вильямсы — тоже — очень красивую корзину роз.

Женька принес сирень.

За обедом ребята так наелись пломбиром и ананасом, что еле дышали.

Часов около восьми вечера стало темнеть, а в восемь — первые удары грома, молния, началась гроза. Была очень короткой. А потом было необыкновенно освещенное красное небо.

Миша сидит сейчас (десять часов вечера) над пьесой о Сталине.

22 мая

Вчера поздно вечером пришли Вильямсы, Борис и Николай Эрдман с женой. А позже, когда мы уже ели пирог, — позвонил и пришел Дмитриев.

Миша пишет пьесу о Сталине.

Сегодня днем дозвонилась (звонила два дня), наконец, до валютного отдела НКФ и узнала от юрисконсульта, что им была дана положительная резолюция на Мишином заявлении (о выписывании из Америки пишущей машинки на деньги от «Мертвых душ» через Литературное агентство), но что потом это было изменено и решено отказать. Но кто это сделал, он не знает, что он советует приехать лично и говорить об этом.

Это не жизнь! Это мука! Что ни начнем, все не выходит! Будь то пьеса, квартира, машинка, все равно.

23 мая

Ездила за деньгами во Всероскомдрам. Город в красных флагах. Обратно шла пешком. Устала. Сообщение с центром прервано — встреча Коккинаки и Гордиенко.

Сегодня прочла вечером одну картину из новой пьесы. Очень сильно сделано.

Сегодня пошло Мишино заявление об уходе из дачного кооператива. Конечно, разве мы можем строиться?!

24 мая

Утром или, вернее, днем (мы поздно встали) пришел Дмитриев, а потом Сергей Ермолинский. Последний — прощаться, уезжает в Одессу, а потом в Синоп.

Потом мы поехали с Мишей до Новодевичьего, там немного погуляли по старым местам.

Сегодня письмо из Лондона от Куртис Брауна с двумя копиями писем Николая Булгакова. Совершенно ясно, что он, представив Мишину доверенность на «Зойкину» или какие-нибудь письма (по-видимому, так), — получал там деньги по «Турбиным». Представить себе это трудно, но приходится так думать.

25 мая

Звонил Горюнов, просил дать молодому актеру куски роли Лариосика — будет показывать на экзамене. Пришел этот актер — по-моему, очень хорошо подходит к роли.

26 мая

Утром письмо от Николая из Парижа — он пишет, что он очень рад, что пришло, наконец, от Миши письмо, что он несколько раз писал Мише, но письма не доходили. Сообщает о том, что почел за лучшее с Каганским покончить дело по «Зойкиной» полюбовно, заключил с ним договор, по которому все платежи — пополам получают. Просит доверенность, та уже кончилась. Пишет, что у него для Миши 1600 с чем-то франков от «Зойкиной» и 42 фунта с чем-то от «Дней Турбиных».

Вечером позвонил и пришел Гриша К. — проститься перед Киевом.

Пришла, сговорившись по телефону, из Тифлиса приехавшая некая Гурула — хочет перевести «Дон-Кихота» на грузинский и устроить пьесу в Тифлисе. Произвела удивительно приятное впечатление. И спутник ее тоже. Какие-то солнечные люди! Улыбаются, приветливы, радушны! Дали ей экземпляр. Она взяла адрес, обещала извещать о ходе работы.

27 мая

Ездили с Мишей утром в Наркомфин в валютный отдел. Миша говорил сначала с юрисконсультом — тот сообщил об отрицательном ответе. Миша сказал, что обжалует его. Потом юрисконсульт ушел, поговорил с начальником отдела и, придя, пригласил туда нас. Миша сказал — я ведь не бриллианты из-за границы выписываю. Для меня машинка — необходимость, орудие производства.

Начальник отдела обещал еще раз поговорить с замнаркома, думает, что ответ дадут положительный.

Оттуда пошли во Внешторгбанк, Миша хотел справиться насчет открытия счета — для перевода денег от Коли сюда. Оказывается, счет будет — закрытый, то есть для выписывания чего-нибудь опять надо брать разрешение, и получить его очень трудно.

По дороге купила Сергею две пары обуви, а то он в таких обдерганных ходит, ужас!

Сговорилась с Евгением Александровичем, что он устроит Сергея на лето в пионерский лагерь, верст 80 от Москвы.

Я довольна, Анапа меня пугала, он бы, конечно, не слушался Екатерину Ивановну.

28 мая

Сегодня днем раздобыла нужные бумаги для Сергея. Потом — на телеграф — отправила телеграмму-письмо Куртис Брауну, чтобы продолжали платить, как раньше.

Мише пришла в голову мысль сделать балетное либретто «Калоши счастья» по Андерсену.

Из театра пришел поздно, обедал в кафе. Вечером пошел играть в винт к Федоровым.

29 мая

Утром звонил Дмитриев — какой-то ленинградский композитор, кажется Щербаков, предлагает Мише сделать для него Ивана Грозного, другого либреттиста никак не хочет, прислал Дмитриеву письмо с просьбой узнать Мишин ответ.

Письмо от К.Марила с предложением заняться этим проклятым делом (из Лондона).

5 июня

За эти дни: появление по телефону Судакова с желаниями навестить Мишу по поводу того, будет ли он работать для Малого театра. Условились. Вдруг он звонит опять, что приехать не может, просит разрешить приехать завтра. Миша обозлился, передал, что ни завтра не может, ни послезавтра, а потом уезжает в Ленинград.

Потом всякие звонки вроде поэта Д'Актиля, который, конечно, хлопочет о своем либретто в Большом театре. Миша сказал, сдайте его секретарю художественной части и так далее.

Всякая хозяйственная кутерьма, хлопоты, связанные с отправлением Сергея в лагерь (15-го будет), надоедание мелочей, желание скорей сплавить наших куда-нибудь, чтобы была возможность работать, отсылка письма Николаю Булгакову в Париж с копией письма-телеграммы Куртису.

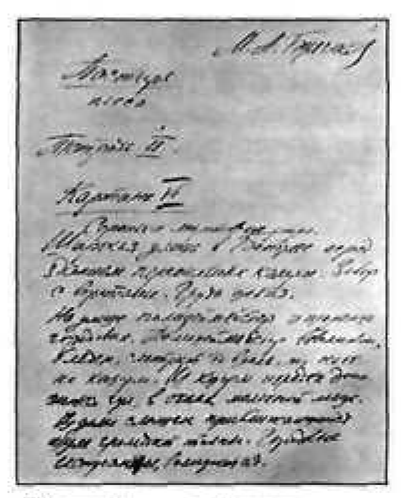
Позавчера, 3-го, пришла Ольга — знаменитый разговор о Мишином положении и о пьесе о Сталине. Театр, ясно, встревожен этим вопросом и жадно заинтересован пьесой о Сталине, которую Миша уже набрасывает. В разговоре, конечно, едва не дошло до столкновения (Миша сказал о том, что Театр, в особенности Станиславский, совершил преступление), но как-то рассосалось.

Вчера (4-го) звонок Виленкина, и вечером он сам у Миши, а я в это время была на «Пути к победе» — вахтанговцы прислали приглашение.

О пьесе говорить не хочу, настолько это нехудожественно и лживо. В коллекцию входит после леоновских пьес, поразивших Москву и вызвавших, по-видимому, единодушное отвращение. Прибавляется еще одна.

За ужином — конец разговора Виленкина с Мишей. Виленкин сказал, что Калишьян говорит, что М.А. совершенно прав, требуя условий для работы, и говорит, что примет меры к тому, чтобы наше жилье можно было обменять на другое; настойчиво предлагают писать договор. Миша рассказал и частично прочитал написанные картины. Никогда не забуду, как Виленкин, закоченев, слушал, стараясь разобраться в этом.

Сегодня днем звонил и приезжал режиссер Тифлисского театра им. Грибоедова — Абрам Исаакович Рубин, взял экземпляр «Дон-Кихота» для ознакомления.

«Пастырь» — вариант пьесы о Сталине. Фрагмент рукописи.

7 июня

Вчера был приятный вечер, были Файко, Петя и Ануся, Миша прочел им черновик пролога из пьесы о Сталине (исключение из семинарии). Им чрезвычайно понравилось, это было искренно. Понравилось за то, что оригинально, за то, что непохоже на все пьесы, которые пишутся на эти темы, за то, что замечательная роль героя.

Сегодня поздно к вечеру звонок от Якова — объявился след старого знакомца, Тимофея Бережного! Просит (через Якова, а не непосредственно!!), чтобы Миша ехал в Ленинград срочно читать «Дон-Кихота».

В сегодняшней «Вечерке» — интервью с Дунаевским. Там — его слова о том, что он с увлечением продолжает работу над «Рашелью».

Убеждена, что ни одной ноты не написал, так как пишет оперетту и музыку к киносценарию.

Днем звонил Виленкин — Калишьян просит М.А. назначить день, когда он может прийти во МХАТ для переговоров о пьесе. Миша сказал — 9-го в два часа дня.

8 июня

Миша днем пошел к Якову и оттуда послал телеграмму в Ленинград, что выехать не может («в ближайшие дни» — по настоянию Якова), а экземпляр высылает.

Я ходила днем в Литфонд, узнала, что ни одного места на июль никуда нет. А на август надо заявление подать сейчас же.

При мне вошел в этот же отдел весьма невзрачного вида человек (судя по тому, что его я видела раз в Реперткоме у Мерингофа, к которому он подольщался неимоверно, — это член ССП). Он хлопотал, чтобы ему поскорей выдали путевки. И в это же время другая служащая вошла и сказала ему, что его просьба о 20-тысячной ссуде удовлетворена, и она только не знает, что нынешняя его просьба о трех тысячах входит в эту ссуду или это сверх того.

Он был подавлен, что все это она сообщила в присутствии публики, пробормотал сначала — входит. Она не расслышала, переспросила. Тогда он сказал — нет, не входит.

Звонил Дмитриев, что приехал композитор Щербаков, просит Мишу повидаться с ним.

Бандероль «Дон-Кихота» сделала, завтра отправлю.

9 июня

Утром звонок по телефону — секретарша Немченко (Репертуарный отдел при Комитете искусств). Просит М.А. прислать им «экземпляры «Дон-Кихота» и той пьесы, которую М.А. только что закончил».

— Никакой пьесы М.А. не закончил. — Пауза.

— Разве?.. — Пауза. — Ну, тогда, значит, ошибка... А «Дон-Кихота» можете нам прислать?

Направила ее в отдел распространения.

Думаю, что она туда и не звонила, так как «Дон-Кихот» ей вряд ли нужен.

Потом Дмитриев звонит. Оказывается, по его словам, Щербаков (или Щербачев) приехал только для свиданья с Мишей. Непременно просит, чтобы М.А. его принял. Перевела на завтра.

К двум часам пошли в МХАТ.

В кабинете Калишьяна — он, Виленкин, М.А. и я. Накрыт чай, черешня.

Сначала разговор о квартире. Речь Калишьяна сводилась к тому, что он очень рад, что М.А. согласился опять работать для МХАТа, но, конечно, эта работа должна протекать в совершенно других условиях, условиях исключительного благоприятствия, что Театр не окажет никакой услуги, заменив нашу квартиру другой, что он слышал и понял, что теперешняя квартира не дает возможности работать М.А. и так далее. Потом сказал, что постарается к ноябрю — декабрю устроить квартиру и по возможности — четыре комнаты.

Потом Миша сказал: а теперь о пьесе. И начал рассказывать. Говорил он хорошо, увлекательно (как сказал мне сейчас по телефону Виленкин, позвонивший, чтобы узнать наше впечатление).

Оба — и Калишьян и Виленкин — по окончании рассказа говорили, что очень большая вещь получится, обсуждали главную роль — что это действительно герой пьесы, роль настоящая, а не то, что в других, — ругали мимоходом современную драматургию — вообще, по-моему, были очень захвачены. Калишьян спрашивал Мишу, какого актера он видит для Сталина и вообще для других ролей.

Когда мы только что пришли в МХАТ — началась гроза, а уходили — накрапывал дождь. Мы в машине Калишьяна поехали в Клуб писателей обедать.

Утром была духота, как в бане, а вечер — холодный.

Миша сидит, пишет пьесу. Я еще одну сцену прочла — новую для меня. Выйдет!

11 июня

Вчера проходила часов в семь вечера около филиала. Зашла и прослушала первый акт «Чио-Чио-Сан» — с отвращением, надоела опера вообще.

Пришла домой. Борис Эрдман сидит с Мишей, а потом подошел и Николай Робертович. Миша прочитал им три картины и

рассказал всю пьесу. Они считают, что — удача грандиозная. Нравится форма вещи, нравится роль героя.

Николай Робертович подписал, наконец, договор на свой киносценарий. Борис очень доволен своей работой (найденным при этой работе новым) — над 1812 г.

Мы сидели на балконе и мечтали, что сейчас приблизилась полоса везения нашей маленькой компании.

13 июня

Звонок Ольги — была, оказывается, неделю у Немировича на даче. Дача — в парке, с проведенной горячей водой, изумительной обстановкой. Обслуживающий персонал — пять человек.

— Вл. Ив. не может, ему не по средствам, он сегодня подает заявление, отказывается от дачи (пожалованной к 40-летию).

Она же о переговорах с МХАТом:

— Мне Виталий все рассказал... у вас тут события такие... Я его спросила — часто ли ты взмахивала ресницами?..

Потом звонок Виленкина: высылаю человека с договором. Калишьян уж подписал его, надеемся, что М.А. тоже подпишет.

Звонок некоего Рафаилова, Иосифа Артемьевича, — я директор студии Станиславского, последние его ученики... Просим, чтобы М.А. дал свою последнюю пьесу нам. Мы слышали, что он не очень хочет заключать договор с МХАТом.

Виленкин прислал договор. Подписать нельзя из-за одного пункта: автор обязуется сделать все изменения, дополнения, которые МХАТ найдет нужным, — что-то вроде этого, то есть смысл такой.

Вечером у нас Борис. Пришел с конференции режиссеров, рассказывал, что Мейерхольда встретили овацией.

Миша немного почитал из пьесы. Весь вечер — о ней. Миша рассказывал, как будет делать сцену расстрела демонстрации.

Настроение у Миши убийственное.

Наступила жара.

Миша сказал Симонову о пьесе. Задыхнулся, как говорила Настасья.

14 июня

Днем Миша в Большом — на прослушивании певцов.

Разговоры с Виленкиным. Калишьян согласился вычеркнуть пункт.

Миша над пьесой. Написал начало сцены у губернатора в кабинете. Какая роль!

Вечером пошли в кафе у Арбатской площади — Дом журналиста. Кормили отвратительно.

Душно. Хотя днем лил дождь — никакого облегчения не принес.

15 июня

Днем Миша в Большом, оттуда в МХАТ — куда пришла и я. Подписал договор.

Вечером — Оля у нас, попросила Мишу почитать. М.А. прочитал первую картину. — Уважил ты меня! — много раз повторяла.

Жара удушающая. Собралась было гроза, но прошла мимо. Погрохотало, немного пролилось влаги и все.

16 июня

Обедали в Клубе писателей.

Звонок Ольги, говорит про Немировича, что он не спал ночь, думал, почему сняли «Мольера»?!!

Когда Ольга произнесла массу хвалебных вещей про Мишину новую пьесу и пожалела, что вот вы, Вл. Ив., ее узнаете только в сентябре, хотя она будет готова в июле, вероятно, — тот закричал: как в сентябре? Вы мне ее немедленно перешлите за границу, как она будет готова. Я буду над ней работать, приеду с готовым планом.

17 июня

Почти не спала ночь. Сергей разбудил в половине шестого утра, пошла его провожать в лагерь. Волновался, бедняга — неизвестно ведь как будет — не дома!

Потом за Мишей в Большой, где он правил либретто-афишку для «Абессалома». Видела конец последнего акта. Скучно, по-моему, и совсем непонятен сюжет. А музыка примитивна. Сужу по концу, конечно.

Потом обед в Клубе. На Чичерова произвело оглушительное впечатление, когда в ответ на его вопрос Миша ответил, что работает над пьесой о молодом Сталине.

18 июня

Письмо от Гриши из Киева. Известие о пьесе и о договоре произвело там что-то вроде фейерверка. Пишет, что рабочие сцены окружили Снеткова и спрашивали, о чем пьеса, и он нес им какую-то околесину.

Сейчас вернулись с «Сусанина». Миша не слушал — большая работа (в театре же) над двумя либретто, а я сидела в ложе Б.

Дикая жара. Впечатление, что весь партер и оркестр — белый, так как все непрерывно машут платками, афишками и веерами.

19 июня

Яков позвонил, приглашая на премьеру «Абессалома».

Попали к третьему акту, пошли было в партер, но так жарко, что нестерпимо — перешли в ложу Б.

На спектакле — Правительство. Я видела И.В.Сталина в белом кителе. Он аплодировал, но мало.

После спектакля к нам пришли Дмитриев и Марина. И я и Миша разговаривали с ним резко и начистоту. Да, он окончательно расшифровался. Как наивно мы обманывались с Мишей много лет! Человек, который думает только о себе, а на всех людей смотрит только с точки зрения, какую из них можно извлечь пользу.

Застали дома телеграмму Маркова из Сочи. Ликует по поводу пьесы!

Всему теперь цену знаем.

21 июня

Вчера была Ольга вечером. Миша читал ей некоторые картины.

Сегодня — звонок Рапопорта из Вахтанговского, предлагает Мише встречу по поводу «Дон-Кихота». Зачем эта встреча теперь, когда все разъезжаются, совершенно непонятно!

До этого ездили с Мишей в Серебряный Бор. Миша выкупался. Жарко. Туда ехали в открытом линкольне — хорошо, обратно пришлось в автобусе.

Вечером Борис Эрдман.

22 июня

Были Виленкин и Оля. Миша читал им фрагменты. Вижу, что им нравится.

23 июня

Миша уехал в Серебряный Бор купаться. Я — хлопотать о покупке заграничной машинки.

Будто бы арестован Мейерхольд.

24 июня

Упала жара! Миша радуется.

Вечером — «Раймонда» с Семеновой. Танцевала блестяще, раскланивалась обаятельно. Стучала ногой в будку электротехника, чтобы тот дал рампу — вызывали очень долго и тот уже потушил рампу. Кто-то пустил слух, что в публике Мэри Пикфорд, причем ее видели в двух местах.

25 июня

Не очень жарко. Миша в Большой, опять возня с разными либретто. Я — по поводу машинки в Технопромимпорт. Потом вместе ездили в диетический, но там сегодня пустовато. Я заходила за Мишей в Большой театр, увидала последние картины «Сусанина». У Михайлова — колоссальный успех у публики, да и у оркестрантов, которые тоже долго аплодировали ему.

26 июня

В газете Большого театра выпад против Миши по поводу опоздания программы «Абессалома», причем он назван заведующим литературной частью. Миша сказал в дирекции — такой у нас должности нет, и никакого отношения к этому опозданию я не имею.

27 июня

Вчера вечером у Ольги — Качалов, Виленкин, мой Женя и мы. Ольга очень хотела, чтобы Миша читал, но Миша не захватил с собой никакой рукописи. Но Качалов так мило рассказывал всякие смешные рассказы, что Миша попросил Женю съездить за рукописью, и Миша прочитал первые три главы из «Мастера».

Мне понравился Качалов и то, как он слушал — и живо и значительно.

Когда отправились к Ольге — попали под грозу и до нитки промокли. Пришлось из метро возвратиться домой и переодеться.

Сегодня от Мишиного брата из Парижа письмо, сообщает, что уезжает из Парижа в отпуск.

28 июня

Вчера «Сусаниным» закрылся сезон в Большом. После этого в отдельном кабинете, в «Метрополе» был товарищеский ужин. Самосуд, дирижеры, вообще ведущий состав в театре. Человек около двадцати. Самосуд все время говорил речи, провозглашая тосты за каждого из присутствующих.

Сегодня должны были быть у Качалова — он просил Мишу почитать из пьесы о Сталине. Но все это развалилось, потому что сейчас же тут началась ерунда. Ольга и Виленкин заволновались, что Калишьян обидится. А Калишьяна позвать нельзя, потому что Боярский обидится, вообще чепуха началась!

Сезон кончился, но Мише сегодня пришлось в дирекции читать и совещаться по поводу шапоринских «Декабристов». Шапорину нужны еще две картины, Толстой этих картин не пишет. Они между собой грызутся.

Миша пришел измочаленный.

Толстого не было, конечно. Совещались Самосуд, Мордвинов, Мелик, Шапорин и Миша о том, что надо ускорить получение от Толстого недостающего материала.

Вечером вторая ерунда. Виленкин позвонил к Мише, советуя познакомить Калишьяна с фрагментами пьесы. Миша тогда позвал Калишьяна к себе на завтра. А потом Виленкин в тревоге сам же забил отбой, опять началось — «Боярский обидится» и прочее. Миша разозлился, и разговаривала с Виленкиным я. Он взял на себя отменить это свидание.

29 июня

Я простужена. По телефону устроила через Якова себе машину ехать завтра к Сергею в лагерь.

Миша был на Москве-реке.

В газетах известие о том, что не прекращаются нападения японцев на монгольской территории и воздушные бои между советско-монгольской авиацией и авиацией японской.

1 июля

Вчера поехала с Олей на машине в лагерь. Кончилось дело тем, что привезла его обратно в Москву. Он так просил об этом, при этом с волнением, со слезами, что я, конечно, не могла его оставить. Насколько видела, мне там не понравилось — 14 ребят в одной комнате, грязно, неуютно. По немногим словам Сергея, он неохотно говорит такие вещи, поняла, что ребята его дразнили очень, издевались, что он толстый и картавит.

Теперь думаем, куда их отправить. Вызвала Лоли, попросила ее поехать с ним куда-нибудь, скажем, в Анапу.

Миша сегодня днем — на реке. Вечером пришел к нему Дмитриев, и они пошли посидеть в кафе журналистов.

А ко мне пришла Марина.

3 июля

Вчера утром телефонный звонок Хмелева — просит послушать пьесу. Тон повышенный, радостный, наконец опять пьеса М.А. в Театре! и так далее.

Вечером у нас Хмелев, Калишьян, Ольга. Миша читал несколько картин.

Потом ужин с долгим сидением после. Разговоры о пьесе, о МХАТе, о системе. Разошлись, когда уж совсем солнце вставало. Рассказ Хмелева. Сталин раз сказал ему: хорошо играете Алексея. Мне даже снятся ваши черные усики (турбинские). Забыть не могу.

Утром звонок Ольги — необыкновенные отзывы о пьесе Калишьяна и Хмелева.

Днем поехали в Серебряный Бор — купаться. Жара. Поехали на ЗИСе, уж очень только дорого — 60 руб. А удобно. Купаться было необычайно приятно.

4 июля

Днем позвонила в Литературное агентство к Уманскому. Он посоветовал достать в МХАТе бумагу для поддержки в Наркомфине — чтобы не платить 4000 руб. за пишущую машинку. Обычно все писатели получали эту скидку.

Калишьян очень любезно — бумагу дал.

Пока сидели у Ольги — гроза.

6 июля

Вчера вечером у нас Гриша и Ольга. Гриша упросил М.А. почитать пьесу. Не пойму его. Видимо, оценил очень, но в то же

время серьезно хмур. Может быть, оттого, что на роль в ней не надеется.

Вечером идем к Леонтьевым.

Сегодня в газетах о японской провокации.

7 июля

Говорят, арестован Боярский. Должна сказать, что человек этот мне был очень неприятен всегда.

Вечером придет к нам Борис Эрдман.

9 июля

Вчера днем Миша должен был идти в ССП на учет. Потом мы обедали там уже в Клубе.

Вечером провожали Вильямсов на вокзал, а оттуда к Калужским.

Ю.К.Олеша. Середина 1930-х годов.

Сегодня урожай звонков: три раза Калишьян. Просит Мишу прочитать пьесу в Комитете 11-го.

Потом Оля, Федя — с выражениями громадной радости и волнения по поводу Мишиного возвращения в МХАТ.

Хмелев — о том, что пьеса замечательная, что он ее помнит чуть ли не наизусть, что если ему не дадут роли Сталина — для него трагедия.

Некая Шашкова — директор Театра им. Ленинского комсомола — с просьбой дать пьесу им.

11 июля

Вчера с Борисом Эрдманом пошли поужинать в Жургаз.

Там оказались все: и Олеша, и Шкваркин, и Менделевич, и мхатчики, и вообще знакомые физиономии. Все сидят и едят раков.

К нашему столику все время кто-то подсаживался: несколько раз Олеша, несколько раз Шкваркин, Дорохин, подходили Станицын, Комиссаров, еще какой-то — не помню фамилии. Мхатчики и писатели — конечно — все о пьесе. Уж ей придумывают всякие названия, разговоров масса.

Кончилось все это удивительно неприятно. Пьяный Олеша подозвал вдребезги пьяного некоего писателя Сергея Алымова знакомиться с Булгаковым. Тот, произнеся невозможную ахинею, набросился на Мишу с поцелуями. Миша его отталкивал. Потом мы сразу поднялись и ушли, не прощаясь. Олеша догнал, просил прощения. Мы уехали на ЗИСе домой. Что за люди! Дома Миша долго мыл одеколоном губы, все время выворачивал губы, смотрел в зеркало и говорил — теперь будет сифилис!

12 июля

Вчера Миша спросил Калишьяна, могу ли и я пойти на чтение. Потом Калишьян приехал за нами и повез в Комитет. Там — Храпченко, Солодовников, Месхетели, Сахновский, Москвин и еще человек пять. Слушали с напряженным вниманием. Пьеса очень понравилась.

Потом обсуждали. Но так мало, что сразу стало ясно, что ее обсуждать-то собственно нечего. Калишьян, уходя, просил Мишу сдать пьесу к 1 августа.

По возвращении сейчас же звонки Хмелева и Долгополова. У последнего — истерическое любопытство.

У нас Борис. Принес две бутылки шампанского.

Вчера было письмо от Виленкина — дружественное и теплое.

Кроме того, сегодня звонок Сахновского, звонок Конского. Вот так пьеса!

Во время читки пьесы — сильнейшая гроза.

13 июля

Отказ из Наркомфина (по телефону) — просила снять платеж в советских знаках, кроме валюты.

Сергею разрезали фурункул на животе.

14 июля

Калишьян пригласил Мишу в Театр. Разговор о поправках. Просил пьесу сдать к 25 июля.

В «Советском искусстве» — заметка о Ленинградском, бывшем Александрийском. Даже по нескольким словам о принятом «Дон-Кихоте» видна злобная травля.

М.А.БУЛГАКОВ — В.Я.ВИЛЕНКИНУ

Дорогой Виталий Яковлевич!

Спасибо Вам за милое письмо. Оно пришло 11-го, когда я проверял тетради перед тем, как ехать в Комитет искусств для чтения пьесы. Слушали — Елена Сергеевна, Калишьян, Москвин, Сахновский, Храпченко, Солодовников, Месхетели и еще несколько человек.

Результаты этого чтения в Комитете могу признать, не рискуя ошибиться, благоприятными (вполне). После чтения Григорий Михайлович просил меня ускорить работу по правке и переписке настолько, чтобы сдать пьесу МХАТу непременно к 1-му августа. А сегодня (у нас было свидание) он просил перенести срок сдачи на 25 июля.

У меня остается 10 дней очень усиленной работы. Надеюсь, что при полном напряжении сил 25-го вручу ему пьесу.

В Комитете я читал всю пьесу, за исключением предпоследней картины (у Николая во дворце), которая не была отделана. Сейчас ее отделываю. Остались две-три поправки, заглавие и машинка.

Таковы дела.

Сергею вчера сделали операцию (огромный фурункул на животе). Дня через два он должен отбыть с воспитательницей в Анапу.

В квартире станет тише, и я буду превращать исписанные и вдоль и поперек тетрадки в стройный машинописный экземпляр.

Я устал. Изредка езжу в Серебряный Бор, купаюсь и сейчас же возвращаюсь. А как будет с настоящим отдыхом — ничего не знаем еще.

Елена Сергеевна шлет Вам сердечный привет! Сколько времени Вы пробудете в блаженных петергофских краях? Напишите нам еще. Ваше письмо уютное.

Крепко жму руку!

Ваш М.Булгаков.

Евгения нет в Москве — он на даче у приятеля.

Устав, отодвигаю тетрадь, думаю — какова будет участь пьесы. Погадайте. На нее положено много труда.

15 июля

Калишьян бьется с названием пьесы, стремясь придать ей сугубо политический характер. Поэтому — перезваниванье по телефону.

В «Литературной газете» — отрывок из пьесы Миндлина «Сервантес». Странные обороты («Ложат на скамью») и т.д. Ах, Петров, Петров... и «Литературка» печатает.

Долгополовский звонок — жаждет получить сведения о пьесе.

16 июля

Часов в восемь вечера Сахновский. Все понятно: он хочет ставить пьесу, а Немирович тоже. Будет кутерьма и безобразие, которое устроит Немирович.

17 июля

Сегодня звонок Калишьяна — справка о книгах о тифлисской семинарии.

Спешная переписка пьесы.

Сережку отправила в Анапу. Оба — и Екатерина Ивановна и он — радовались, как дети. Сережка проявил такую энергию в деле получения машины, что я ахнула — достал частную. Иначе опоздали бы на поезд.

Вечером Миша поехал на винт, но вскоре вернулся. У нас Калужский.

Основное — безумное желание прочесть пьесу.

Слух о том, что зверски зарезана Зинаида Райх.

18 июля

Ужасно плохо себя чувствую, по-видимому, чем-то отравилась. Температура 37,7. Работать не могу. Волнуемся, успею ли переписать к сроку пьесу. В крайнем случае, надо будет выписать Ольгу из Пестова.

Звонил Калишьян — все о пьесе. Вечером придет к нам Борис Эрдман.

Поиски названия.

19 июля

Чувствую себя лучше, температура нормальная. Могу писать. Миша утром диктовал. Теперь поехал с Калишьяном в Пестово. Вернется вечером.

20 июля

Мише понравилось в Пестове, купался. Рассказывал, как встретили его живущие там мхатчики — в связи с пьесой.

Диктовка продолжается беспрерывно. Пьеса чистится, сжимается, украшается.

21 июля

Миша диктует.

Вечером придет Борис Эрдман.

22 июля

Сегодня Миша продиктовал девятую картину — у Николая II — начерно.

Миша решил назвать пьесу «Батум».

23 июля

Перебелил девятую картину. Очень удачна. Потом поехали с Калишьяном в Пестово.

Мне там не понравилось — очень унылый пейзаж, напоминает ленинградские острова в худшем издании. Комары. Вечером — очень холодно из-за массы воды. Мхатчики приклеились к Мише, ходили за ним, как тени.

Калишьян хочет 27-го устроить читку пьесы на партийном собрании.

24 июля

Пьеса закончена! Проделана была совершенно невероятная работа — за 10 дней он написал девятую картину и вычистил, отредактировал всю пьесу — со значительными изменениями.

Вечером приехал Калишьян, и Миша передал ему три готовых экземпляра.

26 июля

Звонил Калишьян, сказал, что он прочитал пьесу в ее теперешнем виде и она очень ему понравилась. Напомнил о читке 27-го.

27 июля

Утром позвонил некий Борщаговский из Киевского украинского театра — о пьесе, конечно. Ему говорили о ней в Комитете.

В четыре часа гроза.

Калишьян прислал машину за нами.

В Театре в новом репетиционном помещении — райком, театральные партийцы и несколько актеров: Станицын, Соснин,

Зуева, Калужский, молодые актеры, Свободин, Ольга, еще кое-кто.

Слушали замечательно, после чтения очень долго, стоя, аплодировали. Потом высказыванья. Все очень хорошо. Калишьян в последней речи сказал, что Театр должен ее поставить к 21 декабря.

28 июля

Вечером у нас Леонтьевы (без Якова, который в Барвихе), а потом позвонили и пришли оба Эрдмана.

29 июля

Ездили купаться в Серебряный Бор. На обратном пути — гроза.

1 августа

Звонил Калишьян, что пьеса Комитету в окончательной редакции очень понравилась и что они послали ее наверх.

Вечером придет к нам Виленкин.

3 августа

Звонил инспектор по репертуару некий Лобачев — нельзя ли прочитать пьесу о Сталине, периферийные театры хотят ее ставить к 21 декабря.

5 августа

Разговор по телефону с Калишьяном: Миша неожиданно обнаружил в договоре пункт, по которому автор не имеет права передавать пьесы ни в один театр до постановки в МХАТе. А когда она будет?! Это же кабала! Калишьян, конечно, защищал право МХАТа на этот пункт. Придется говорить об этом в Комитете.

Сегодня приезжает Немирович. Калишьян намекал в разговоре на то, чтобы М.А. поехал встречать, но, конечно, М.А. не поедет.

Вечером. Днем звонил Яков Л., звал нас приехать к нему в Барвиху завтра. Мише ехать не хочется. Вряд ли поедем.

Позвонил и пришел Николай, а с ним Борис Эрдман. У Николая — удручающее известие — отказано в возможности жить в Москве.

Звонил Виленкин — очень мил.

6 августа

Целый день у нас провели Николай Эрдман с женой и Оля. Разговоры пустые. Оля явно пришла говорить о пьесе и очень была обозлена присутствием чужих людей.

В «Известиях» статья Сахновского «Год без Станиславского» — сплошная брехня.

7 августа

Утром поехала во Всероскомдрам получать деньги на поездку.

Потом приехал из Архангельского Женичка. Уговорились, что он будет наезжать сюда для ревизии — нет ли чего делового в письмах, телеграммах.

Звонок Судакова — страшный вой. Как получить пьесу, чтобы дублировать ее. МХАТ не смеет только себе забирать! Вся страна должна играть! И все в таком роде. А под всем этим — готов себе локоть укусить, что упустил пьесу тогда весной.

Я посоветовала обратиться в Комитет.

Вечером явилась после своего выходного дня Аграфена Тимофеевна — в слезах. У нее умерла внучка. Отпустила ее на похороны до 9-го вечера.

Позвонили к Калишьяну — насчет поездки — железнодорожных билетов, гостиницы. Условились, что завтра пойдем к нему в Театр.

Рассказывал, что Немировичу пьеса понравилась, что он звонил в Секретариат, по-видимому, Сталина, узнать о пьесе, ему ответили, что пьеса еще не возвращалась.

Вечером Миша пошел за Сергеем Топлениновым, привел его — сидят играют в шахматы.

Звонил Борис — режиссер киевский Вильнер просит дать ему возможность познакомиться с пьесой.

8 августа

Утром, проснувшись, Миша сказал, что, пораздумав во время бессонной ночи, пришел к выводу — ехать сейчас в Батум не надо. С этим я позвонила к Калишьяну. Условились, что он, по приезде из Комитета, позвонит и пришлет за нами машину.

В это время позвонила Ольга от Немировича. 1) Вл. Ив. хочет повидаться с М.А. по поводу пьесы. 2) Театр посылает в Тифлис — Батум бригаду для работы подготовительной к этой пьесе. Думал ее возглавить сам Немирович, но его отговорили Сахновский и Ольга. Тогда Сахновский выставил свою кандидатуру, но так как он должен сейчас же сесть за работу над пьесой (он — режиссер, у него бригада — два помрежа и Лесли и Раевский, а художественное руководство — Немировича), то его тоже отставили, и Немирович сказал — самое идеальное, если поедет Мих. Аф.

Калишьян прислал машину, и мы поехали к нему. Сначала он один. Потом там же — Сахновский и Ольга. Договорились, что М.А. едет во главе бригады, выяснили, что ему надо будет в Тифлисе и Батуме (едут художники Дмитриев и Гремиславский, Виленкин и Лесли).

Потом разговор с Калишьяном о договоре. Он убеждал, что до постановки пьесы в МХАТе она нигде идти не может и не должна. Отсюда — и пункт. Меня он убедил. В договоре вписал — срок постановки в МХАТе не позднее 15 марта 1940 г.

Ольга мне сказала мнение Немировича о пьесе: обаятельная, умная пьеса. Виртуозное знание сцены. С предельным обаянием сделан герой. Потрясающий драматург.

Не знаю, сколько здесь правды, сколько вранья.

9 августа

Утром письмо от Гриши — конечно, больше всего о пьесе.

В двенадцать часов проводила Мишу к Немировичу, сама вернулась домой.

К обеду Миша вернулся, рассказал подробно свидание. Прекрасная квартира, цветы на балконах, Немирович в цветной жакетке-пижаме, в веселеньких брюках, помолодевший. Сахновский, Ольга.

— У вас все очень хорошо. Только вот первая картина не так сделана. Надо будет ее на четырех поворотах сделать.

После Мишиных слов и показа его, как говорит ректор: а впрочем, может быть, и на одном повороте.

— Самая сильная картина — демонстрация. Только вот рота... (тут следует длинный разговор, что делать с ротой).

Миша:

— А рота совсем не должна быть на сцене.

Мимическая сцена.

А после сказал Ольге:

— Лучше всего эту пьесу мог бы поставить Булгаков.

Ольга мне по телефону потом: по-моему, была чудесная встреча! Тебе Миша рассказывал?!

Вообще же после рассказа у меня осталось впечатление, что ничего они не поняли в пьесе, что ставить, конечно, может по-настоящему только М.А., но что — самое главное — они вообще не режиссеры.

Вечером письмо от Загорского из Киева — просит пьесу Театр Красной Армии. А утром сегодня звонил какой-то киевлянин, просил дать ему пьесу, чтобы он перевел ее на украинский язык для Киева.

10 августа

Днем разговор по телефону с Калишьяном. Поездка откладывается, по-видимому, до 14-го. Предложил ехать на Сочи, оттуда пароходом в Батум. Отказался Миша и сказал, что просит взять билеты прямо на Тифлис, через Баку.

Телеграмма от Дмитриева — не приехать ли ему в Тифлис встречать нас и оттуда уже вместе в Батум. Миша, по совету Калишьяна, ответил, чтобы ехал прямо в Батум.

11 августа

Приехал Виленкин, звонил.

Вечером звонок — завлит Воронежского театра просит пьесу — «ее безумно расхваливал Афиногенов».

Сегодня встретила одного знакомого, то же самое — «слышал, что М.А. написал изумительную пьесу». Слышал не в Москве, а где-то на юге.

Забавный случай: Бюро заказов Елисеева. То же сообщение — Фанни Ник. — А кто вам сказал? — Яков Данилыч. Говорил, что потрясающая пьеса.

Яков Данилыч — главный заведующий рестораном в Жургазе. Слышал он, конечно, от посетителей. Но уж очень забавно: заведующий рестораном заказывает в гастрономе продукты — и тут же разговоры о пьесе, да так, как будто сам он лично слышал ее.

13 августа

Условились с Калишьяном, что он в три часа пришлет машину и Миша поедет в Театр получать документы, билеты и деньги. Поехали. Получили.

Вечером позвонил и приехал — с громадным букетом цветов — Яков. Потом Марика, которая только что приехала в Москву — Сергея еще нет.

Укладывались. Звонки по телефону: из Казанского театра некий Варшавский — о новой пьесе. «Советское искусство» просит М.А. дать информацию о своей новой пьесе: «наша газета так следит за всеми новинками... Комитет так хвалил пьесу...»

Я сказала, что М.А. никакой информации дать не может, пьеса еще не разрешена.

— Знаете что, пусть он напишет и даст мне. Будет лежать у меня этот листок. Если разрешение будет, я напечатаю. Если нет — возвращу Вам.

Я говорю — это что-то похожее, как писать некролог на тяжко заболевшего человека, но живого.

— Что Вы?! Совсем наоборот...

Неужели едем завтра!!

Не верю счастью.

М.А.БУЛГАКОВ — С.А.ЕРМОЛИНСКОМУ

Дорогой Сережа!

Завтра я во главе бригады МХТ уезжаю на поиски материалов для оформления новой моей пьесы «Батум» в Тбилиси–Батуми.

Люся едет со мной.

Вернемся, я полагаю, в первых числах сентября. Жалею, что ты не возвратился в Москву до моего отъезда. Ну что ж, до сентября!

Твоя машинка будет на моем письменном столе. Взять ее ты можешь при помощи Жени, который будет у нас в квартире 17-го, 20-го, 23-го и 27-го днем (примерно от 2-х до 4-х).

Пишу кратко, передо мною зияющая пасть чемодана, набитого заботами. Дальнейшее, то есть отдел «Быт и вещи», поручено Люсе, а Марику и тебя крепко целую.

Твой М.Б.

14 августа

Восемь часов утра. Последняя укладка. В одиннадцать часов машина.

И тогда — вагон!

МОЛНИЯ МОСКВЫ 9301 21 14 13 30

=МОЛНИЯ ТУЛА СТАНЦИЯ ПОЕЗД НР 29 ВЫШЕДШИЯ 14/8 ВАГОН МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕСТО 17 БУЛГАКОВУ ЛЕСЛИ ВИЛЕНКИНУ

=НАДОБНОСТЬ ПОЕЗДКИ ОТПАЛА ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ МОСКВУ=
=КАЛИШЬЯН++

15 августа

Вчера на вокзале: мой Женюшка, Борис Эрдман, Разумовский и, конечно, Виленкин и Лесли.

Через два часа — в Серпухове, когда мы завтракали вчетвером в нашем купе (мы, Виленкин и Лесли), вошла в купе почтальонша и спросила «Где здесь бухгалтер?» и протянула телеграмму-молнию.

Миша прочитал (читал долго) и сказал — дальше ехать не надо.

Это была телеграмма от Калишьяна — «Надобность поездки отпала возвращайтесь Москву».

Через пять минут Виленкин и Лесли стояли, нагруженные вещами, на платформе. Поезд пошел.

Сначала мы думали ехать, несмотря на известие, в Тифлис и Батум. Но потом поняли, что никакого смысла нет, все равно это не будет отдыхом, и решили вернуться. Сложились и в Туле сошли. Причем тут же опять получили молнию — точно такого же содержания.

Вокзал, масса людей, закрытое окно кассы, неизвестность, когда поезд. И в это время, как спасение, — появился шофер ЗИСа, который сообщил, что у подъезда стоит машина, билет за каждого человека 40 руб., через три часа будем в Москве. Узнали, скольких человек он берет, — семерых, сговорились, что платим ему 280 руб. и едем одни. Миша одной рукой закрывал глаза от солнца, а другой держался за меня и говорил: навстречу чему мы мчимся? может быть — смерти?

Через три часа бешеной езды, то есть в восемь часов вечера, были на квартире. Миша не позволил зажечь свет: горели свечи. Он ходил по квартире, потирал руки и говорил — покойником пахнет. Может быть, это покойная пьеса?

Позвонила к Калишьяну — нет дома. Говорила с Виленкиным и Лесли, которые, страшно трудно и мучительно, приехали в Москву поездом перед нами незадолго.

Потом позвонила к Разумовскому, который мне сказал, что знает от Калишьяна, что пьеса не пойдет.

Позвонили к Борису, он вечером пришел.

Поздно звонок Лесли, потом Виленкина о том, что Калишьян ему назначил прийти завтра (то есть сегодня) в одиннадцать часов утра. Потом Мишин звонок Калишьяну — то же приглашение утром от одиннадцати до двенадцати часов в Театр.

Состояние Миши ужасно.

Утром рано он мне сказал, что никуда идти не может. День он провел в затемненной квартире, свет его раздражает. За день: звонок Виленкина часа в три. Сказал одну опять-таки фразу — не пойдет. Вопросы, что с Мишей, как здоровье, не надо ли доктора достать.

Потом мой разговор с Калишьяном. Я сказала, что М.А. прийти не может. — Понимаю, понимаю. Может быть. Вы придете в Театр? Разве вам не хочется узнать?

Потом сговорились, что или я пойду завтра в Театр, или он придет к нам. Вечером часов в восемь — Борис позвонил и пришел. Потом звонок Сахновского. Необыкновенно бодрым голосом спросил, может ли завтра прийти. Утром поедет в Барвиху к Влад. Ив., а оттуда к нам. Потом — Яков Л. Он болен, поэтому сегодня не придет. Придет завтра — «больной или здоровый, но приду».

17 августа

Вчера в третьем часу дня — Сахновский и Виленкин. Речь Сахновского сводилась к тому, в первой своей части, что М.А. должен знать, что Театр ни в коем случае не меняет ни своего отношения к М.А., ни своего мнения о пьесе, что Театр выполнит все свои обещания, то есть — о квартире, и выплатит все по договору.

Потом стал сообщать: пьеса получила наверху (в ЦК наверно) резко отрицательный отзыв. Нельзя такое лицо, как И.В.Сталин, делать романтическим героем, нельзя ставить его в выдуманные положения и вкладывать в его уста выдуманные слова. Пьесу нельзя ни ставить, ни публиковать.

Второе — что наверху посмотрели на представление этой пьесы Булгаковым как на желание перебросить мост и наладить отношение к себе.

Это такое же бездоказательное обвинение, как бездоказательно оправдание. Как можно доказать, что никакого моста М.А. не думал перебрасывать, а просто хотел, как драматург, написать пьесу — интересную для него по материалу, с героем, — и чтобы пьеса эта не лежала в письменном столе, а шла на сцене?!

Виленкин остался у нас обедать.

Вечером пришел Яков. Разговор с Мишей. Миша думает о письме наверх.

Поздно — Борис. В городе уже знают о запрещении.

Условилась с Калишьяном по телефону, что приедет завтра днем.

Это все вчера. А сегодня — тишина мертвая. За весь день позвонил только Виленкин, сообщил, что уезжает на два дня. Калишьян не позвонил.

18 августа

Вечером вчера неожиданно без звонка Марика, Катя Топленинова. Очень трогательно, с подарками с Сельскохозяйственной выставки — Мише.

За ужином — звонок Бориса, а потом звонок Ольги из Пестова. «Только накануне узнала от Калишьяна, с тех пор думаю только об этом. Позвонила, чтобы услышать твой голос».

Спрашивала, как Миша, рассказывала, что все актеры, которые в Пестове, убиты.

Сегодня днем Сергей Ермолинский, почти что с поезда, только что приехал из Одессы и узнал.

Попросил Мишу прочитать пьесу. После окончания — крепко поцеловал Мишу. Считает пьесу замечательной. Говорит, что образ героя сделан так, что, если он уходит со сцены, ждешь не дождешься, чтобы он скорей появился опять.

Вообще говорил много и восхищался, как профессионал, понимающий все трудности задачи и виртуозность их выполнения.

Пришла Марика, пообедали. Миша лег отдохнуть. За весь день — ни одного звонка.

Потом около десяти — Борис Эрдман. Посидел немного, очень занят. Вышли все вместе, Миша пошел к Сереже, а я, проводив его немного, домой.

Миша все время мучительно раздумывает над письмом наверх.

19 августа

Утром звонки: Бориса, потом Калишьяна с извинениями, что до сих пор не позвонил и не пришел. Хотел прийти сегодня в 5 часов 30 минут, но я попросила раньше или позже — в это время Миша спит. Потом — Виленкин, после звонка пришел. Миша говорил с ним, что у него есть точные документы, что задумал он эту пьесу в начале 1936 года, когда вот-вот должны были появиться на сцене и «Мольер», и «Пушкин», и «Иван Васильевич».

1 час ночи. Калишьян не пришел. Телефон молчит. Не звонит никто, не приходит никто. Миша сидит над итальянским языком.

Я — по хозяйству. Но завтра должна прийти новая — приходящая, интеллигентный человек — по газетному объявлению.

20 августа

Почти подряд три звонка:

1) Петров — замолчал у трубки, когда я сказала, что М.А. болен и прошу его мне сообщить, какое дело.

2) Некая Чиркова из Большого театра хочет лично вручить М.А. пакет.

3) Некая Горская хочет непременно, чтобы М.А. уделил ей несколько минут, она хочет с ним посоветоваться. Она же позвонила еще через полчаса, но М.А. не подошел к телефону.

Потом Сергей Ермолинский с предложением ехать на дачу к Сесиль. Миша отказался — нет купанья.

Звонок из газеты «Московский большевик» — о «Батуме». Сказала, что пьеса не пойдет нигде. Пауза. — Простите... простите, что побеспокоил...

Вечером пришел Борис.

21 августа

Звонил Виленкин, узнать, как у нас. Советует увезти М.А. куда-нибудь, но обязательно уехать из Москвы. Сказал, что Григорий Михайлович объяснил ему, что чувствует себя безмерно виноватым перед М.А., что до сих пор не пришел. Занят ужасно ремонтом, даже жену не мог встретить. Придет обязательно.

Рассказывал, что Федя очень удручен был, когда узнал.

22 августа

Рано (для нас), в одиннадцать часов приехал без звонка Калишьян. Убеждал, что фраза о «мосте» не была сказана.

Уговаривал писать пьесу о советских людях. Спрашивал: а к первому января она будет готова? (!)

Попросил дать «Бег», хотя тут же предупредил, что надежд на ее постановку сейчас никаких нет.

У Миши после этого разговора настроение испортилось.

О деньгах и квартире — ни слова.

Сегодня в газетах сообщение о переговорах с Германией и приезде Риббентропа.

Вечером Виленкин, а потом Миша пошел к Сереже Ермолинскому.

Звонил Долгополов необыкновенно бодро: ну, что хорошенького? Когда сказала — запрещена пьеса, — не мог поверить: что Вы?! Ведь я о ней слышал совершенно необыкновенные отзывы и от Храпченко, и от Москвина, и от целого ряда еще лиц... Ради Бога, простите что я так бестактно позвонил.

23 августа

Звонила Нина Николаевна Литовцева — удивительно сердечно. Мне было приятно, к ней у меня всегда чувство симпатии, она всегда была ровна, несмотря ни на что.

Потом я позвонила Виленкину, что 25-го приду в Театр возвратить командировочные деньги и за мой билет. Из-за всех неприятностей стала рассеянна.

Чищу изо всех сил квартиру, мне легче, когда я занимаюсь физической работой. Читать могу только что-нибудь очень утешительное и беспечное.

Миша упорно заставляет себя сидеть над языками — очевидно, с той же целью, как я над уборкой.

От Леонтьевых — дам — дружеские, ласковые письма.

24 августа

Сегодня в газетах — пакт о ненападении с Германией подписан.

Днем мы зашли к Федоровым.

Вечером — убирала квартиру.

25 августа

Полотер, уборщица, мальчик на подмогу, приходящая домработница — словом, ад. Миша сбежал на целый день.

Днем я заехала в МХАТ, отвезла обратно тысячу — командировочных, бумаги и 250 руб. за мой билет в Тбилиси. День 14-го обошелся нам больше 600 руб. В Театре все глядят на меня с сочувствием, как на вдову.

Звонила Ануся, приехала из Гагр, звала прийти.

26 августа

Сегодня — сбор труппы в Большом и первое заседание по декаде. Миша был. Слова Самосуда (о «Батуме»): а нельзя ли из этого оперу сделать? Ведь опера должна быть романтической.

Вечером — звонок Феди: «Знайте, что всеми мыслями, всеми чувствами я с Вами».

Вечером позвонил и пришел Гриша К. Хочет уходить из МХАТа, мы отсоветовали ему.

27 августа

Сегодня без конца телефонные звонки. Из Союздетфильма — чтобы Миша сделал сценарий из пьесы «Батуми» и, несмотря на мое сообщение — запрещена, — все-таки непременное желание увидеться. Оля — два раза, необыкновенно нежно, со слезами, о Мише, о нас обоих. Калишьян — с сообщением, что запрещение не отражается на материальной стороне и что деньги я могу прийти получить когда угодно. Второе — что Храпченко приглашает Мих. Аф. для разговора. И что он, Григорий Михайлович, считает целесообразным пойти. Я спросила: а это не будет такой же бестолковый и бессмысленный разговор, как вел Керженцев после «Мольера»? Тогда Мих. Аф. еще хуже будет себя чувствовать? — Нет, нет, ни в коем случае.

Из Днепропетровска — режиссер Театра русской драмы Стриловский с вопросом о «Батуме» — что эта пьеса «пока» запрещена или совсем? (!) И с просьбой прислать «Дон-Кихота», хотят ставить, слышал очень хорошие отзывы о пьесе.

Яков — с заботливыми вопросами, что у нас нового и как чувствует себя Миша. Я спросила об отпуске для Миши — о чем говорить!! Конечно, ему нужно ехать.

Виленкин — с сообщением о деньгах (по договору — то же, что Калишьян). Кроме того, сказал, что весь сегодняшний день (сбор труппы в МХАТе) прошел под знаком «Батума» и Мих. Аф.

В общем скажу, за это время видела столько участия, нежности, любви и уважения к Мише, что никак не думала получить. Это очень ценно. Сейчас вечером позвонила Феде, что не могу его позвать, и от него услышала опять настоящие слова.

У Миши состояние раздавленное. Он говорит — выбит из строя окончательно.

Так никогда не было.

28 августа

Днем Мишу проводила в Большой, а сама — к М.И.

Звонила Ануся, Дмитриев, хотят видеть. Наверно, позову завтра.

Вечером, сейчас, Миша пошел пройтись, дойдет до Сергея Ермолинского, я — в ванну.

С Храпченко сегодня встреча не вышла, днем он был на сессии, а в три часа поехал к Немировичу.

29 августа

Днем проводила Мишу в Большой, зашла в цветочный магазин на Петровке и послала домой прелестную корзину цветов — с витрины. Потом зашла за Мишей, и мы вместе пошли к Вильямсам, как уговорились раньше по телефону. По дороге Миша рассказал разговор с Самосудом. Сначала о здоровье, об отдыхе, потом о пьесе. Какой сюжет? Почему запрещена? И конечно: — Надо оперу делать. Шостакович, а? — Миша: Самуил Абрамович, я Вас предупреждаю, пьеса запрещена ЦК. — А музыка? Ведь музыка. Пьеса это другое дело. Женская партия есть?

У Вильямсов — как всегда — очень хорошее отношение. Петины слова: Вы сейчас же должны писать новую пьесу.

Вечером — милый звонок Бориса. Придет завтра.

Миша пошел пройтись — до Сергея дойдет, посидит немного.

31 августа

Вчера днем Дмитриев. Миша с ним — на Ленинских горах на байдарке.

Вечером у нас Оля и Женя Калужский. Со слов Оли — Немирович не может успокоиться с этой пьесой и хочет непременно просить встречи с Иосифом Виссарионовичем и говорить по этому поводу.

Сегодня мы с Мишей и Марикой на пароходике на Ленинские горы. Там Миша ездил опять на байдарке, а мы сидели на станции.

Вечером у нас Федя. Миша прочитал ему половину пьесы. Федя говорил — гениальная пьеса и все в таком роде. Высказывал предположения, что могло сыграть роль при запрещении: цыганка, родинка, слова, перемежающиеся с песней.

1 сентября

Сегодня открытие в Большом. Миша пошел туда на часок. К нам пришел Борис.

2 сентября

Вчера и сегодня газеты полны военных сообщений, о всеобщей мобилизации в ряде стран, эвакуации детей и так далее. А сегодня — известие о начале военных действий между Польшей и Германией.

Вечером у нас Файко и Ермолинский. В 11 часов 30 минут, уже сидя за столом, включили радио и слушали последние известия. И так мне это напомнило начало картины Уэллса «Будущее».

3 сентября

Военные действия развиваются. Отрезан коридор, бомбардировки целого ряда городов, в том числе Варшавы, Кракова, Лодзи, Люблина. Франция и Англия еще не выступили. Ох, до чего им не хочется!

8 сентября

Конечно, все разговоры о войне. Сегодня ночью, когда вернулись из Большого, услышали по радио, что взята Варшава.

Ходили мы в театр для разговора с Яковом. Он не советует ехать в Батум (у нас уж были заказаны билеты на 10 сентября). Доводы его убедительны. И пункт неподходящий и время. Уговорил поехать в Ленинград. Обещал достать билеты и номер в «Астории».

В Большом мобилизовано за два дня 72 человека.

Город полон слухов: что закрыта для пассажирского движения Белорусская железная дорога, что закрыто авиасообщение; что мобилизована половина такси, все грузовики и большая часть учрежденческих машин, что закрыты 18 школ (под призывные пункты взяты, или под госпитали, как говорят другие), что эшелоны идут на западную границу и на Дальний Восток. И так далее.

Вчера были у нас Калишьян с женой и Хмелев. Калишьян очень уговаривал не ехать в Батум — дожди там начались. Говорил с Мишей о новой пьесе очень настойчиво, предлагал заключить договор. Потом заговорил об инсценировке «Вешних вод». На прощанье очень просил прийти 9-го в Театр — перед отъездом.

Миша не пойдет.

9 сентября

Калишьян не позвонил, следовательно, и я не пошла в Театр. Готовлюсь к отъезду в Ленинград. Звонки Бориса, Ермолинского, Конского, Оли.

Ужасно мы огорчены, что сорвалась поездка на юг. Так хотелось покупаться, увидеть все эти красивые места!

26 сентября

М.А.БУЛГАКОВ — А.П.ГДЕШИНСКОМУ

Дорогой Саша!

Твое письмо из Пятигорска я своевременно получил. Решил отвечать тебе на досуге, сбросив с плеч летние заботы и работу, но судьба решила иначе. Вот настал и мой черед. В середине этого месяца я тяжело заболел, у меня болезнь почек, осложнившаяся расстройством зрения.

Я лежу, лишенный возможности читать и писать, и глядеть на свет.

Прошу тебя, напиши мне о себе. Надеюсь, что твое состояние улучшилось после этого лета. Каждая весть от тебя будет приятна, в особенности теперь, когда связывает меня с нынешним миром только освещенное окошечко радиоаппарата, через которое ко мне приходит музыка. Для того чтобы письмо к тебе было повеселей, посылаю тебе мою карточку.

Твой М.Б.

29 сентября

Нет охоты возвращаться к тому, что пропущено. Поэтому прямо — к Мишиной тяжелой болезни: головные боли — главный бич.

Сегодня звонил Виленкин. Были Файко, вели себя сердечно и тепло.

К вечеру Мише легче с головой.

Кругом кипят события, но до нас они доходят глухо, потому что мы поражены своей бедой.

Мы заключили договор с Германией о дружбе.

Интересно отметить, что Мелик ни разу не навестил Мишу, и ни единого раза не справились о Мишином здоровье ни Самосуд, ни Мордвинов.

Характерно для Пречистенки. Тата Лямина позвонила, но сказала, что Коле не будет сообщать в Калугу о болезни Миши до тех пор, пока Миша не выздоровеет, а то Коля расстроится.

7 октября

Гриша звонил: умер Щукин.

9 октября

Вчера большое кровопускание — 780 граммов, сильная головная боль. Сегодня днем несколько легче, но приходится принимать порошки.

18 октября

Сегодня два звонка интересных. Первый — от Фадеева, о том, что он завтра придет Мишу навестить (да, я не записываю аккуратно в эти дни болезни — не хватает сил — не записала, что (кажется, это было десятого) было в МХАТе Правительство, причем Генеральный секретарь, разговаривая с Немировичем, ска-

зал, что пьесу «Батум» он считает очень хорошей, но что ее нельзя ставить.

Это вызвало град звонков от мхатчиков и, кроме того, ликующий звонок от М.А., который до того трубки в руку не брал.

Может быть, завтрашний приход в связи с этим разговором?).

А второй, который меня бесконечно тронул, это звонок некоего Гоши Раниенсона, сотрудника миманса из Большого. Он сказал, что я должна знать, что есть человек, который для М.А. сделает все, что только ему нужно. Дал свой телефон и настоятельно требовал, чтобы я дала ему какое-нибудь поручение.

Сегодня у Миши днем: Патя, Арендт, Сережа Ермолинский, доктор Захаров.

Звонки: Забугин, Шапиро, Оля, Калишьян (необычайно любезный) и так далее.

Меня необыкновенно трогает отношение к Мише профессора Страхова. Он все восхищался Мишиным юмором, какой он сохранил и в болезни.

Мише сегодня разрешили в первый раз чашку бульона. Как он наслаждался ею!

Вчера привезла домой пишущую машинку (из Америки получена). Прекрасная машина, но увы! — писать не могу на ней. Какой-то непонятный замок, что ли, на ней? Надо позвать мастера.

23 октября

М.А.БУЛГАКОВ — П.С.ПОПОВУ

Ну, разодолжил ты меня и утешил, дорогой Павел, своим письмом об Апухтине! Как раз незадолго до своей болезни я перечитывал его прозу и впервые прочитал прекрасно сделанную вещь: «Архив графини Д.». Присоединяюсь к мнению Александра III — это великолепная сатира на великосветское общество. Вообще Апухтин — тонкий, мягкий, иронический прозаик, и, если ты занялся им, желаю тебе полного успеха в твоей работе. С большим оживлением я слушал Елену Сергеевну, читавшую мне твое письмо. А «Павлик Дольский»!! Какой культурный писатель! И точно так же, как и ты, я нисколько не пленен его поэзией.

Если будет время, пиши еще.

Посылаю поцелуй Анне Ильиничне и тебе. Елена Сергеевна тоже.

Твой М.Б.

1 декабря

М.А.БУЛГАКОВ — П.С.ПОПОВУ

Барвиха.

Дорогой Патя, диктую скупо, потому что лежу в гриппе, который, к великому счастью, кажется, кончается.

В основной моей болезни замечено здесь улучшение (в глазах). Благодаря этому у меня возникла надежда, что я вернусь к

М.А.Булгаков в Барвихе. 1939.

жизни. Рад тому, что зажила твоя нога. Желаю Анне Ильиничне и тебе самого полного здоровья!

Когда будешь сидеть в твоем кабинете и читать книжку — вспомни меня. Я лишен этого счастья уже два с половиной месяца.

Если напишешь, чему буду очень рад, пиши прямо к нам на городскую квартиру.

Твой Михаил.

М.А.БУЛГАКОВ — А.М.ФАЙКО

Барвиха.

Дорогие друзья! Спасибо Вам за дружеское внимание, за тюбетейки и ласковое отношение к Сергею.

Мои дела обстоят так: мне здесь стало лучше, так что у меня даже проснулась надежда.

Обнаружено значительное улучшение в левом глазу. Правый, более пораженный, тащится за ним медленнее. Я уже был на воздухе в лесу. Но вот меня поразил грипп. Надеемся, что он проходит бесследно.

Читать мне пока запрещено. Писать — вот видите, диктую Ел. С. — также. Пока желаю Вам всего самого хорошего, ну, конечно, здоровья в первейшую очередь.

Когда ко мне врачи станут допускать, сейчас же дадим знать об этом. Если захотите написать, передавайте прямо в квартиру нам, оттуда нам пересылают. Это удобнее всего.

Ваш М.Булгаков.

2 декабря

М.А.БУЛГАКОВ — А.П.ГДЕШИНСКОМУ

Санаторий «Барвиха».

Спасибо тебе, дорогой друг, за поздравление, которое пришло ко мне вчера. Вот в уголке письма тебе ответ на один из твоих вопросов. В этой самой санатории, лучшей в Союзе, я и лечусь. Ну про что тебе сказать? Появилась у меня некоторая надежда, что вернется ко мне возможность читать и писать, т.е. то счастье, которого я лишен вот уже третий месяц. Левый глаз дал значительные признаки улучшения. Сейчас, правда, на моей дороге появился грипп, но авось он уйдет, ничего не напортив. До него я ходил уже в черных очках, — и с наслаждением дышал воздухом, надеюсь к этому вернуться. Вообще отличились мы с тобой! Очень, очень, от всей души желаю, чтобы тебя наконец починили и поставили на ноги! Послушай, друг мой: но тебе все-таки дают хоть какой-нибудь отдых или срок от твоего лечения? Ведь нельзя же до бесчувствия! Ты пожаловался, что очень утомлен, я потому и спрашиваю. Я, правда, ничего в этом не понимаю.

Во всяком случае, будем, как написано в «Монте-Кристо» ждать и надеяться.

Да, я тоже все время приковываюсь к воспоминаниям и был бы очень благодарен тебе, если бы ты помог мне в них кое в чем разобраться. <...>

Еще раз желаю тебе полного исцеления. Ответ посылай на мою московскую квартиру непременно заказным.

Позволяю себе роскошь написать много слов.

Твой Михаил.

3 декабря

М.А.БУЛГАКОВ — Е.А.СВЕТЛАЕВОЙ

Барвиха.

Дорогая Леля!

Вот тебе новости обо мне. В левом глазу обнаружено значительное улучшение. Правый глаз от него отстает, но тоже как будто пытается сделать что-то хорошее. По словам докторов выходит, что раз в глазах улучшение, значит, есть улучшение и в процессе почек.

А раз так, то у меня надежда зарождается, что на сей раз я уйду от старушки с косой и кончу кое-что, что хотел бы закончить.

Сейчас меня немножко подзадержал в постели грипп, а то ведь я уже начал выходить и был в лесу на прогулках. И значительно окреп.

Ну, что такое Барвиха? Это великолепно оборудованный клинический санаторий, комфортабельный. Больше всего меня тянет домой, конечно! В гостях хорошо, но дома, как известно, лучше.

Лечат меня тщательно и преимущественно специально подбираемой и комбинированной диетой. Преимущественно овощи во всех видах и фрукты. Собачья скука от того и другого, но говорят, что иначе нельзя, что не восстановят иначе меня, как следует. Ну, а мне настолько важно читать и писать, что я готов жевать такую дрянь, как морковь.

Сколько времени нам придется пробыть здесь — неизвестно. Если захочешь написать мне, чему я буду очень рад, то пиши на нашу городскую квартиру. Привет Варе и Наде. Люся целует тебя и шлет привет тебе и им.

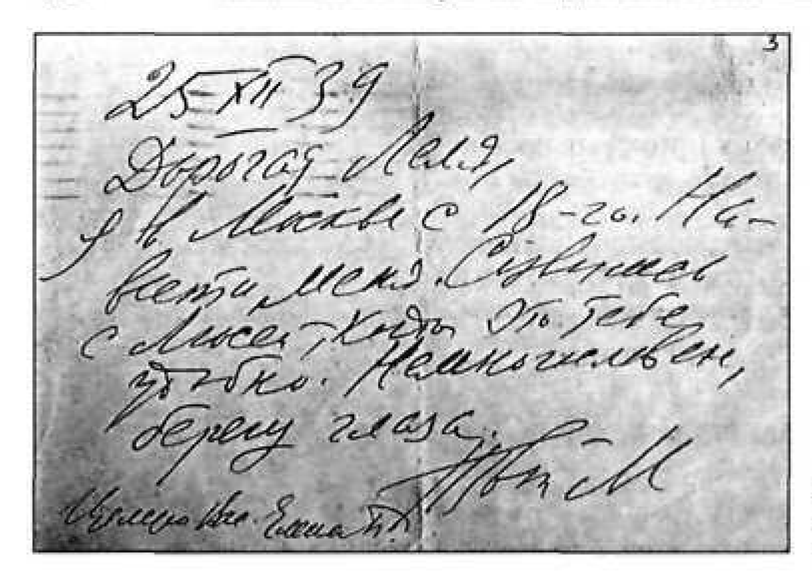
Твой Михаил.

6 декабря

М.А.БУЛГАКОВ — П.С.ПОПОВУ

Барвиха.

Да, дорогой Павел, никогда не следует заранее что-либо загадывать. Обоих нас скосил грипп, и все пошло прахом — в смысле воздуха и дальнейшего движения вперед. Чувствую я себя плохо, все время лежу и мечтаю только о возвращении в Москву и об отдыхе от очень трудного режима и всяких процедур, которые за три месяца истомили меня вконец.

25-XII-39

Дорогая Леля,
я в Москве с 18-го. Навести меня. Увидишься с Люсей. Когда это тебе удобно. Немногословен, берегу глаза.

Твой М.

Записка М.А.Булгакова сестре Елене.

Довольно лечений!

Писать и читать мне по-прежнему строго запрещено и, как сказано здесь, будет еще запрещено «надолго».

Вот словцо, полное неопределенности! Не можешь ли ты мне перевести, что значит «надолго»?

К двадцатому декабря, во что бы то ни стало, постараюсь быть уже в Москве.

Анне Ильиничне привет!

Твой М.

28 декабря

М.А.БУЛГАКОВ — А.П.ГДЕШИНСКОМУ

Москва.

До сих пор не мог ответить тебе, милый друг, и поблагодарить за милые сведения. Ну, вот, я и вернулся из санатория. Что же со мною? Если откровенно и по секрету тебе сказать, сосет меня мысль, что вернулся я умирать.

Это меня не устраивает по одной причине: мучительно, канительно и пошло. Как известно, есть один приличный вид смерти — от огнестрельного оружия, но такового у меня, к сожалению, не имеется.

Поточнее говоря о болезни: во мне происходит, ясно мной ощущаемая, борьба признаков жизни и смерти. В частности, на стороне жизни — улучшение зрения.

Но, довольно о болезни!

Могу лишь добавить одно: к концу жизни пришлось пережить еще одно разочарование — во врачах-терапевтах.

Не назову их убийцами, это было бы слишком жестоко, но гастролерами, халтурщиками и бездарностями охотно назову.

Есть исключения, конечно, но как они редки!

Да и что могут помочь эти исключения, если, скажем, от таких недугов, как мой, у аллопатов не только нет никаких средств, но и самого недуга они порою не могут распознать.

Пройдет время, и над нашими терапевтами будут смеяться, как над мольеровскими врачами. Сказанное к хирургам, окулистам, дантистам не относится. К лучшему из врачей Елене Сергеевне также. Но одна она справиться не может, поэтому принял новую веру и перешел к гомеопату. А больше всего да поможет нам всем больным Бог!

Пиши мне, очень прошу! Л.Н. поклон!

От всего сердца желаю тебе здоровья — видеть солнце, слышать море, слушать музыку.

Твой М.

Елена Булгакова (в замужестве Светлаева). 1916.

31 декабря

М.А.БУЛГАКОВ — Е.А.СВЕТЛАЕВОЙ

Милая Леля,
получил твое письмо. Желаю и тебе и твоей семье скорее поправиться. А так как наступает Новый год, шлю тебе и другим радостные и лучшие пожелания.

Себе ничего не желаю, потому что заметил, что никогда ничего не выходило так, как я желал. Окончательно убедившись в том, что аллопаты-терапевты бессильны в моем случае, перешел к гомеопату. Подозреваю, что загородний грипп будет стоить мне хлопот. Впрочем, не только лечившие меня, но даже я сам ничего не могу сказать наверное. Будь, что будет.

Испытываю радость от того, что вернулся домой.

Вере и Наде с семьями передай новогодний привет.

Жду твоего звонка и прихода. И Люся и я тебя целуем.

Михаил.

1940

1 января

Ушел самый тяжелый в моей жизни год 1939-й, и дай Бог, чтобы 1940-й не был таким!

Вчера после обеда зашел к нам Борис Эрдман, посидел у нас до вечера. Потом — Файко — перед своей встречей у Шкваркина. Часов в одиннадцать пришел Ермолинский, и мы вчетвером — Миша, Сережа, Сергей Ермолинский и я — тихо, при свечах, встретили Новый год: Ермолинский — с рюмкой водки в руках, мы с Сережей — белым вином, а Миша — с мензуркой микстуры. Сделали чучело Мишиной болезни — с лисьей головой (от моей чернобурки), и Сережа, по жребию, расстрелял его.

Было много разговоров по телефону, от мхатчиков (Оля, Виленкин, Федя, Гжельский, Книппер), из Большого театра — Мордвинов, Иванов Борис Петрович, Петя Вильямс, Топленинов. Звонил Шапиро М.Л., звонил Файко с приветом от Шкваркина, еще кто-то.

Сегодня поздравления и пожелания продолжаются: Маршак, Рапопорт (из Вахтанговского), Радлов Николай, Хмелев, Николай Эрдман, Раевский, Дорохин, Шапошников, Гоша, Захаров.

10 января

Плохой день. В анализах — много белка — 1,5. Звонок мой Владимиру Петровичу — опять придется Мише есть черт знает что и мучиться.

Дикий мороз. Свыше 30° Цельсия. Рассказы Марфуши про очереди, в магазинах ничего нет.

Миша лежит.

Мечты о тепле.

13 января

Лютый мороз, попали на Поварскую в Союз. Миша хотел повидать Фадеева, того не было. Добрались до ресторана писательского, поели: Миша — икру и какой-то суп-крем, а я котлеты — жареные из дичи, чудовищная гадость, после которой тошнило. Бедствие столовки этой, что кто-нибудь подсядет непременно. В данном случае это был Вл. Немирович-Данченко. Назойливые расспросы о болезни, Барвихе и т.д.

Миша был в черных очках и в своей шапочке, отчего публика (мы сидели у буфетной стойки) из столовой смотрела во все глаза на него — взгляды эти непередаваемы.

Возвращение в морозном тумане. У диетического магазина — очередь.

14 января

Асеев. Страшно восторженно отзывается о нас обоих, желает во чтобы то ни стало закрепить это знакомство. Прочитал свой отрывок из «Маяковского».

Миша лежит, мороз действует на него дурно.

15 января

Миша, сколько хватает сил, правит роман, я переписываю.

Письмо вахтанговцам о нарушенном ими договоре на «Дон-Кихота». Пусть платят за 20 спектаклей. Безобразие, что делается.

Звонок Асеева — достал для Миши какое-то кашне, хочет подарить.

Радлов Николай по телефону сказал, что ожидается мороз в 42°!

Сережа Шиловский, М.А.Булгаков, Е.С.Булгакова, М.А.Чимишкиан, П.С.Попов. 27 февраля 1940.

16 января

42°! (Утром не то 38, не то 40, потом 42).

Сережа не пошел в школу, конечно. Окна обледенели, даже внутренние стекла.

Работа над романом. Возня по телефону с Виленкиным о договоре на «Пушкина» (вопрос о Вересаеве).

Звонок Гоши Раниенсона — трогательное отношение к Мише.

Сестра Миши — Елена пришла, читала роман запоем (Мастер и Маргарита).

Пришел Ермолинский в валенках, читал вслух кусочек романа — воробушек. Мишин показ воробушка. Сережка наш — в военной форме — томится от бездействия. Звонок Маршака — хочет прийти 19-го.

Оля прислала, по моей просьбе, из театрального буфета — икру, сыр, конфеты, яблоки.

Вечером — правка романа.

Пошли к Файко. Незначащий, какой-то, драматургический разговор.

Домой — ужин на письменном столе Мишином. Я верю, что он поправляется.

17 января

42°. За окном какая-то белая пелена, густой дым. Намазала Марфуше лицо кремом — отправила ее за заказом к Елисееву. Звонок Виталия — мой «проект» договора на «Пушкина» принят театром.

Сегодня днем в открытую в кухне форточку влетела синичка. Мы поймали ее, посадили в елисеевскую корзину. Она пьет, ест пшено. Я ее зову Моней, она прислушивается. Говорят, птица приносит счастье в дом.

Газеты теперь приходят поздно. Сегодня принесли часов в шесть. Из «Известий» узнала, что в Вахтанговском театре опять смерть — умер артист Козловский — внезапно, как там написано.

С Сережей Шиловским и С.А.Ермолинским. 27 февраля 1940.

18 января

Радлов Николай.

19 января

Оля.

24 января

Плохой день. У Миши непрекращающаяся головная боль. Принял четыре усиленных порошка — не помогло. Приступы, тошноты.

Вызвала на завтра утром дядю Мишу — Покровского.

А сейчас — одиннадцать часов вечера — позвонила к Захарову. Узнав о состоянии Миши, вышел к нам — придет через 20 минут.

Живем последние дни плохо, мало кто приходит, звонит. Миша правил роман. Я писала.

Потом о квартире. Разговор, взволновавший Мишу.

Жалуется на сердце. Часов в восемь вышли на улицу, но сразу вернулись — не мог, устал.

М.А.БУЛГАКОВ — П.С.ПОПОВУ

Жив ли ты, дорогой Павел? Меня морозы совершенно искалечили, и я чувствую себя плохо.

Позвони!

Твой М.

8 февраля

М.А.БУЛГАКОВ — СВОИМ ПЛЕМЯННИЦАМ

Спасибо Вам, дорогие Оля и Лена, за письмо. Желаю Вам счастья в жизни.

М.Булгаков.

15 февраля

Пишу после длительного перерыва. С 25-го января, по-видимому, начался второй — сильнейший приступ болезни, выразившийся и в усилившихся, не поддающихся тройчатке головных болях, и в новых болях в области живота, и в рвоте, и в икоте. Одним словом, припадок сильнее первого. Записывала только историю болезни, а в дневнике ни слова.

Вчера позвонил Фадеев с просьбой повидать Мишу, а сегодня пришел. Разговор вел на две темы: о романе и о поездке Миши на юг Италии, для выздоровления.

Сказал, что наведет все справки и через несколько дней позвонит.

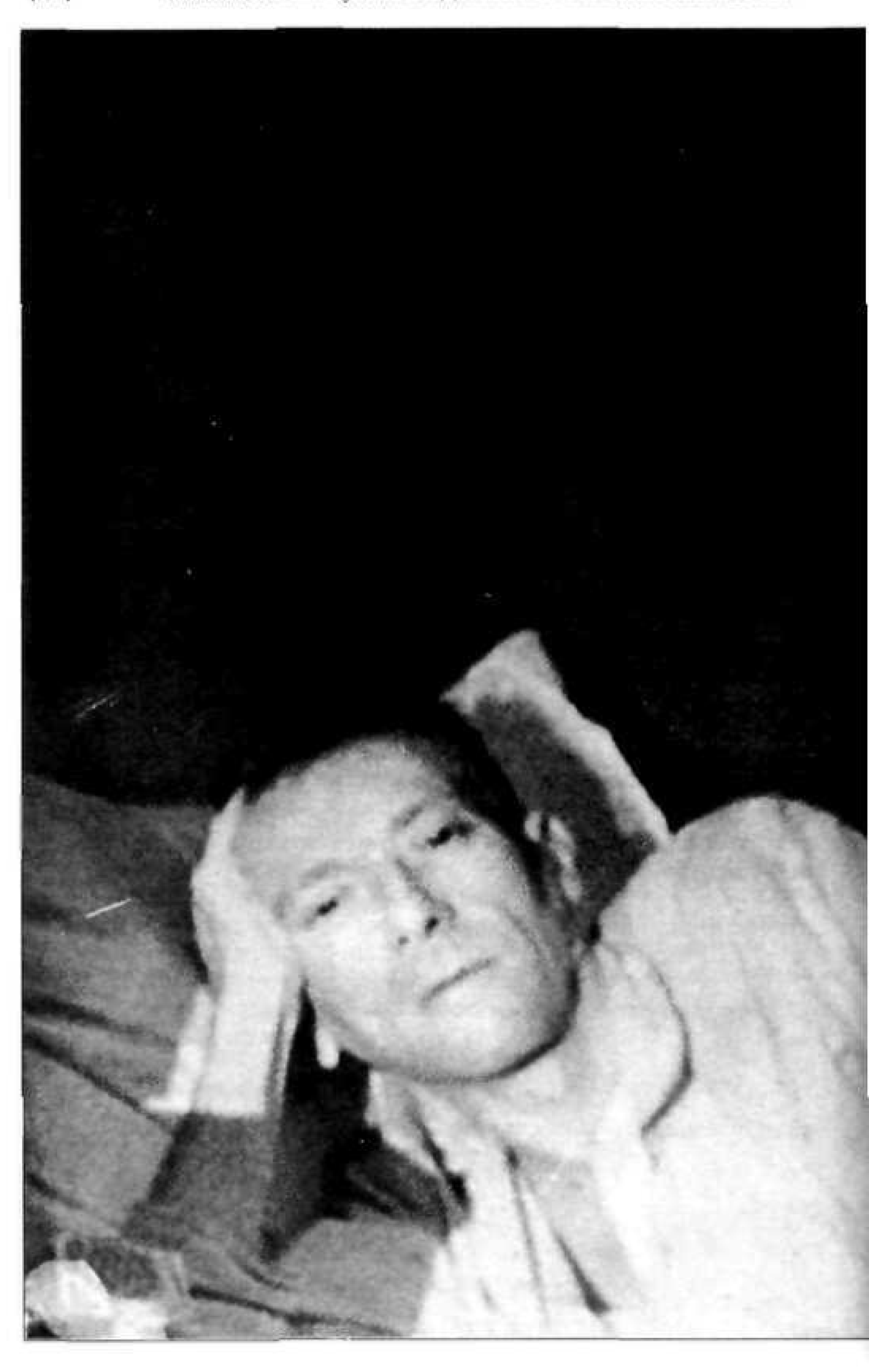
19 февраля

У Миши очень тяжелое состояние — третий день уже.

Углублен в свои мысли, смотрит на окружающих отчужденными глазами. К физическим страданиям прибавилось или, вернее, они привели к такому болезненному душевному состоянию. Ему сейчас неприятен внешний...

10 марта

16. 39. Миша умер.

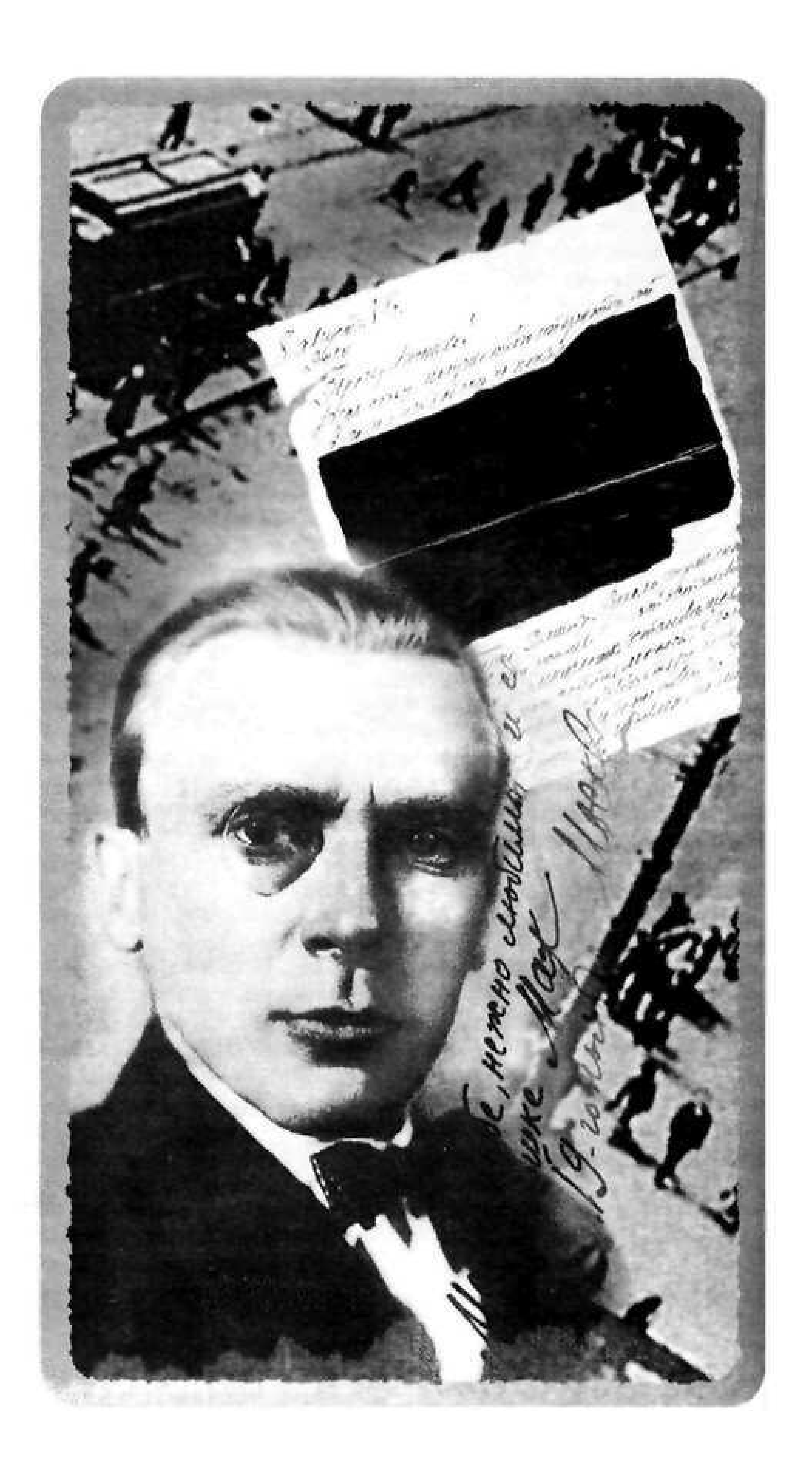

27 февраля 1940 года.

литературные мемуары

КОММЕНТАРИИ

Дневник и письма М.А.Булгакова

С. 17. *Варвара Михайловна Воскресенская* (1869—1922) — мать М.А.Булгакова — вышла замуж во второй раз за Ивана Павловича Воскресенского, врача, друга семьи Булгаковых.

Место я имею. — Имеется в виду ЛИТО.

...мы с Таськой... — Первая жена М.А.Булгакова Татьяна Николаевна Лаппа (1892—1982).

С. 18. *...к поступлению в льняной трест.* — Попытки Булгакова поступить на работу в Льнотрест не увенчались успехом.

Комната Андрея... — Имеется в виду комната Андрея Михайловича Земского (1892—1946), мужа сестры Булгакова Надежды Афанасьевны, где жили Булгаковы.

С приездом Нади... — Сестра М.А.Булгакова Надежда Афанасьевна Земская (1893—1971).

С. 20. *...статья Бориса...* — Имеется в виду Борис Михайлович Земский (1891—1941), брат А.М.Земского.

С. 21. *Забросил я дневник.* — Эта запись указывает на то, что Булгаков вел дневник и в 1921 году, а может быть, и в более ранние годы. Во всяком случае, такие его сочинения, как «Записки на манжетах», «Богема», «Необыкновенные приключения доктора», явно носят характер дневниковых записей.

К дяде Коле силой... вселили парочку... — Речь идет о Николае Михайловиче Покровском, брате матери писателя.

Нежности. — Действительно, в «Правде», «Известиях» и в других газетах печаталось множество статей, заметок, связанных с жизнью и творчеством В.Г.Короленко. Часто в этих материалах писателю давались такие характеристики, как, например, «Совесть русского общества», «Гуманист нашего времени» и т.п. Между тем по рукам уже ходили письма Короленко к А.В.Луначарскому, в которых совершенно определенно выражалось резко отрицательное отношение писателя к «красному террору». Булгаков о позиции Короленко прекрасно был осведомлен, чувствовал всю фальшь в официальных «нежностях» по отношению к Короленко и понимал, что это вынужденное лицемерие проявляется в связи с огромным авторитетом русского писателя во всем мире.

Пил сегодня у Н.Г. водку. — Речь идет о Николае Леонидовиче Гладыревском (1896—1973), друге семьи Булгаковых.

С. 22. *У Бориса миллион.* — Булгаков имеет в виду Б.М.Земского.

...суд над «Записками врача». — Речь идет о книге В.В.Вересаева.

Очень мила жена. — Смидович Мария Гермогеновна (1875—1963).

С. 23. *Булгакова Вера Афанасьевна* (1892—1973) — сестра писателя.

С. 24. *Леля...* — Елена Афанасьевна (1902—1954), сестра писателя.

...думаю о Коле и Ване... — Булгаков имеет в виду своих братьев — Николая Афанасьевича (1898—1966) и Ивана Афанасьевича (1900—1968) Булгаковых. Оба эмигрировали.

...и Варварой... — Варвара Афанасьевна (1895—1956), сестра писателя.

С. 25. *На Кавказ, как собирался, не попал.* — Видимо, писатель предполагал посетить памятные для него места, где совсем недавно ему пришлось участвовать в боях и начинать литературную деятельность, и попытаться эмигрировать... Места эти известны: Владикавказ, Тифлис, Батум. Стремление Булгакова побывать там, возможно, объяснялось и тем, что в то время он еще не расстался с идеей написать трилогию о Гражданской войне.

А не попал на Кавказ Булгаков, видимо, потому, что ситуация там сильно осложнилась. В феврале бушевало восстание на Тереке, а в Грузии активизировались меньшевики.

...Вацлава Вацловича Воровского убил Конради в Лозанне. — В.В.Воровский (1871—1923) был назначен полпредом в Италии в 1921 г.

...в Москве была грандиозно инсценированная демонстрация. — Московский губернский совет профсоюзов призвал всех трудящихся выйти на улицу и протестовать против «попытки английской буржуазии навязать советскому правительству свою волю».

В фельетоне «Бенефис лорда Керзона» (Накануне. 1923. 19 мая) Булгаков прекрасно показал способности большевиков к организации массовых политических «шоу».

Убийство... совпало с ультиматумом Керзона России... — Керзон Джорж Натаниел (1859—1925) — министр иностранных дел Великобритании в 1919—1924 гг.

...взять обратно дерзкие ноты Вайнштейна... — Вайнштейн Арон Исаакович (1877—1938) — бундовец, примкнул к большевикам. С 1923 г. — член коллегии Наркомфина СССР, начальник Главного управления финансового госконтроля.

...Фош сделал в Польшу визит... — Фош Фердинанд (1851—1929) — маршал, видный французский военачальник. С апреля 1918 г. — главнокомандующий союзными войсками Антанты, один из организаторов интервенции в Советскую Россию.

...требует от Красина... — Красин Леонид Борисович (1870—1926) — государственный и партийный деятель. С 1920 г. — нарком внешней торговли, одновременно полпред и торгпред в Англии, с конца 1924 г. — во Франции.

С. 26. *...патриарх Тихон вдруг написал заявление...* — В результате инспирированного ГПУ церковного переворота, совершенного группой священников во главе с А.И.Введенским, патриарх Тихон

(в миру Василий Иванович Белавин, 1865—1925) 12 мая 1922 г. был отстранен от управления церковью и заключен в Донской монастырь. Заговорщики, неканонически захватившие власть, внесли глубокий раскол в Русскую православную церковь. Обновленческое движение («живая церковь») признавало большевистскую власть, боролось с контрреволюционной «тихоновщиной», намеревалось провести церковные реформы, в результате которых фактически произошло бы уничтожение православия. Сторонники Тихона изгонялись и преследовались, храмы насильственно захватывались «живой церковью» при поддержке ГПУ.

В мае 1923 года патриарх Тихон был переведен из Донского монастыря во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

Во имя спасения Церкви патриарх Тихон был вынужден пойти на уступки. «Пусть погибнет имя мое в истории, только бы Церкви была польза». 16 июня 1923 г. он подписал заявление, в котором сознавался, «что действительно был настроен к советской власти враждебно», раскаивался в своих «проступках против государственного строя» и заявлял, что он «отныне советской власти не враг». В воззвании к верующим патриарх объявил, что Русская православная церковь не желает быть ни «белой», ни «красной». После этого патриарх был освобожден из-под стражи и получил возможность сосредоточить все силы на обличении и разрушении лжецеркви.

Сотрудники «Гудка»... — В «Гудке» Булгаков работал с 1923 по 1926 г., опубликовал там десятки фельетонов.

...расстоянием отрезая от «Накануне»... — Московское отделение «Накануне» помещалось в «доме Нирнзее» (Б.Гнездниковский пер., д. 10).

...пробиваюсь фельетонами в «Накануне». — В «Автобиографии» (1924) Булгаков рассказывал: «В берлинской газете «Накануне» в течение двух лет писал большие сатирические и юмористические фельетоны... Сочинил книгу «Записки на манжетах». Эту книгу у меня купило берлинское издательство «Накануне», обещав выпустить в мае 1923 года. И не выпустило вовсе».

Роман... почти не подвигается. — Речь идет о романе «Белая гвардия».

С. 27. *...вернулся с лекции сменовеховцев: проф. Ключникова, Ал.Толстого, Бобрищева-Пушкина и Василевского-Не-Буква.* — Ключников Юрий Вениаминович (1886—1938) — юрист-международник, сотрудник газеты «Русское слово», министр иностранных дел в правительстве Колчака. Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович (1875—1937) — писатель, публицист. Василевский (Не-Буква) Илья Маркович (1882—1938) — писатель, публицист, издатель, бывший муж Л.Е.Белозерской.

...приехали к нам Софочка с матерью, мужем и ребенком. — Речь идет о родственниках первой жены Булгакова — Давидовичах, которые жили в Саратове.

...манера его... жены... — Жена Алексея Толстого — Крандиевская Наталья Васильевна (1889—1963).

С. 28. *...вечные прижимки Калменса...* — Калменс Семен Николаевич — финдиректор Московского отделения газеты «Накануне».

Писатель Эм.Миндлин в своих воспоминаниях рассказывает забавный случай, связанный с написанием Булгаковым блестящего очерка о сельскохозяйственной выставке, когда тот в день выплаты гонораров представил необычный счет: «Но что это был за счет! Расходы по ознакомлению с национальными блюдами и напитками различных республик!.. Всего ошеломительнее было то, что весь этот гомерический счет на шашлыки, шурпу, люля-кебаб, на фрукты и вина был на двоих. — Почему же счет на двух лиц? — спросил скаредный... Калменс. Булгаков невозмутимо ответил: — Во-первых, без дамы я в ресторан не хожу. Во-вторых, у меня в фельетоне отмечено, какие блюда даме пришлись по вкусу. Как вам угодно-с, а произведенные мною производственные расходы покорнейше прошу возместить» (Миндлин Эм. Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 162).

С. 29. *Получил на днях известие о Коле (его письмо); он болен...* — Упоминаемое письмо, к сожалению, не сохранилось. Но из других (более поздних) писем Николая Афанасьевича видно, что старший брат оказывал ему и младшему брату Ивану материальную помощь.

Сегодня у меня был А.Эрлих... Коморский и Дэви. — Эрлих Арон Исаевич (1896—1963) — журналист, автор воспоминаний о Булгакове (см.: Эрлих А.И. Нас учила жизнь: Литературные воспоминания. М., 1960). Коморский Владимир Евгеньевич — адвокат, в начале двадцатых годов друживший с Булгаковым. На квартире Коморских часто собирались литераторы и поклонники литературы. Дэви — Кисельгоф Давид Александрович — юрист, часто встречался с Булгаковым в 1922—1923 гг. Впоследствии женился на Татьяне Николаевне Лаппа.

С. 31. *Сегодня Константин приехал...* — Булгаков Константин Петрович, двоюродный брат писателя, вместе с которым он был на Северном Кавказе в конце 1919 — начале 1920 г.

С. 32. *Поздно вечером заходил к дядькам.* — Речь идет о Николае Михайловиче и Михаиле Михайловиче Покровских.

Сегодня в «Известиях» помещена речь Троцкого... — 21 октября на первой странице «Известий» была напечатана речь Троцкого, озаглавленная «Тов. Троцкий о международном положении. (Доклад на губернском съезде металлистов)». Выписки из речи Троцкого свидетельствуют об исключительном внимании писателя к политической ситуации в Германии.

С. 34. *Ничего подобного нашему в Германии никогда не будет.* — Эту мысль Булгаков подчеркивал неоднократно. И в основе ее лежало не только желание писателя видеть ход развития событий в Германии в ином направлении, чем это предрекали большевистские лидеры в России, но способность трезво оценивать сложившуюся обстановку. Булгакова, разумеется, горячо волновал ход развития событий в Европе, ибо более всего он опасался расширения географии социальных революций и закрепления на многие годы в России нового революционного порядка.

Лидин, приехавший из Берлина, по словам Соколова-Микитова... — Лидин Владимир Германович (1894—1979) и Соколов-Микитов Иван Сергеевич (1892—1975) — писатели.

...брехня насчет Германии. — Булгаков, видимо, имел в виду пространные опусы Г.Зиновьева («Проблемы германской революции»), К.Радека и других большевиков, тесно связанных с III Интернационалом.

С. 35. *...что Ал. Дроздов — мерзавец.* — Дроздов Александр Михайлович (1885—1963) — писатель, сотрудничал в белогвардейских газетах, в 1923 г. вернулся в СССР.

...что он Марков 2-й... — Марков Николай Евгеньевич (1866—1945) — один из лидеров «Союза русского народа». В эмиграции был одним из руководителей Высшего монархического совета.

Компания исключительной сволочи группируется вокруг «Накануне». — К сменовеховцам негативно относилось почти все русское зарубежье, полагая, что их деятельность финансируется Москвой. Между тем сами смеховеховцы объясняли свое «преображение» исключительно благородными целями: стремлением объединить лучшие силы России для построения нового общества. Один из лидеров сменовеховцев Н.Устрялов так конкретизировал позицию нового политического течения: «Мы уже вплотную подошли к той фазе революции, когда свирепая и прямолинейная диктатура недавнего прошлого теряет основу своего господства... Необходимо, чтобы с каждым месяцем все более и более широкие круги русской интеллигенции втягивались не за страх, а за совесть в работу по воссозданию страны...» Но это не означает, подчеркивал Устрялов, что произойдет «большевизация» русской интеллигенции. Можно лишь говорить о деловом сотрудничестве с правительством, об отказе «от всяких попыток его свержения». Но прошел год, и все чаще сменовеховцев стали называть «безвеховцами». Произошел раскол в руководстве политического течения, и если Устрялов занимал прежнюю, довольно строгую позицию, то берлинская группа, как писали газеты, «пала до служебных ролей». Именно «служебная роль» газеты «Накануне» более всего тяготила Булгакова.

...знаменитая Аннушка... — Соседка Булгаковых по «проклятой» квартире № 50, ставшая прообразом многих персонажей в булгаковских сочинениях и особенно запомнившаяся по роману «Мастер и Маргарита».

С. 36. *У меня в связи с болезнью...* — Доктора находили у Булгакова ревматизм.

...взял взаймы у Мозалевского... — Мозалевский Виктор Иванович (1889—1970) — писатель.

...были... Стонов и Гайдовский... — Стонов Дмитрий Миронович (1892—1963) и Гайдовский Георгий Николаевич (1902—1962) — писатели.

Потом Андрей. — Земский Андрей Михайлович.

...прочел... бездарную книгу Мих. Чехова... — Видимо, речь идет о книге М.П.Чехова «Антон Чехов и его сюжеты» (М., 1923).

...был у Лежнева... — Лежнев Исай Григорьевич (1891—1955) — редактор, журналист, публицист.

С. 37. *Сегодня вечер у Бориса.* — Имеется в виду Б.М.Земский.

...Ленин скончался. — Любопытно, что нет каких-либо материалов, содержащих отрицательные высказывания Булгакова по отно-

шению к Ленину. Но личность вождя интересовала писателя, и в его архиве сохранились газетные вырезки и другие материалы об этом политическом деятеле. Репортаж о похоронах Ленина под названием «Часы жизни и смерти» Булгаков опубликовал в «Гудке» 27 января.

...получил от Петра Никаноровича... — Речь идет о П.Н.Зайцеве (1889—1970), секретаре издательства и альманаха «Недра».

С. 37—38. *В... телеграмме Пуанкаре... по делу Киевского областного «Центра действия»...* — В «Центр действия» входили видные ученые и общественные деятели, в частности Николай и Константин Василенко.

Премьер-министр Франции Раймонд Пуанкаре направил министру иностранных дел Г.В.Чичерину телеграмму, в которой отражалось «общественное мнение Франции» по поводу киевского процесса и выражалось «опасение, что смертный приговор может быть вынесен профессорам, потеря которых болезненно ощущалась бы как сокращение мирового интеллектуального достояния».

Советская пресса тут же взорвалась протестующими материалами, а Г.В.Чичерин направил Пуанкаре грозный ответ: «Советское правительство, стоящее на страже безопасности рабоче-крестьянской республики, отклоняет попытку французского правительства вмешаться в деятельность суда республики...»

И все же приговор оказался милостивым к некоторым видным ученым, в частности, к братьям Василенко, хотя значительная часть «заговорщиков» была приговорена к смертной казни.

С. 38. *...по Москве ходит манифест Николая Николаевича.* — Великий князь Николай Николаевич (1856—1929) — внук Николая I, двоюродный дядя Николая II. После гибели императора — один из главных претендентов на престол. Пользовался большим уважением в монархических кругах.

Танцевали Мордкин и балерина Кригер. — Мордкин Михаил Михайлович (1881—1944) — артист балета Большого театра, балетмейстер. Кригер Викторина Владимировна (1896—1978) — артистка балета Большого театра с 1910 г.

Пел... Викторов... — Викторов В.Я. — артист Большого театра.

...пел некий Головин... — Головин Дмитрий Данилович (1894—1966) — артист Большого театра с 1924 г.

С. 39. *...ругал Макдональда...* — Макдональд Джеймс Рамсей (1866—1937) — возглавлял лейбористское правительство в Великобритании в 1924 г. и 1929—1931 гг. Правительство Макдональда установило в феврале 1924 г. дипломатические отношения с СССР, вызвав взрыв негодования в русских зарубежных политических кругах.

...был у Любови Евгеньевны и Деиньки. — Любовь Евгеньевна Белозерская (1895—1987) — вторая жена Булгакова; Деинька — родственник Белозерской Евгений Никитович Тарновский.

С. 40. *...экипаж Калинина...* — Калинин любил разъезжать в конных экипажах. Газета «Новое время» (1923, 25 января) поместила даже злую заметку на эту тему. «В «придворной» конюшне всероссийского старосты Калинина перед праздниками пропала сбруя, только что доставленная из бывшей императорской конюшни. По-

дозреваемые в хищении коронационной упряжи... расстреляны... «Староста»... большой любитель прокатиться на тройке, и часто его «караковая» часами стоит перед ярко освещенными окнами «Яра». Умеют «жить» и грабить награбленное...»

...некоему Верхотурскому... — Верхотурский Адольф Григорьевич (1870—1933) — издательский работник. Между прочим, он принял в последующие годы участие в травле Булгакова, выступая против постановки во МХАТе пьесы «Бег».

...Свен отстаивал... — Свен (Кремлев) Илья Львович (1897—1971) — писатель.

С. 41. *...видел Еремеева...* — Еремеев Константин Степанович (1874—1931) — партийный и государственный деятель. Один из руководителей штурма Зимнего дворца. Редактор «Рабочей газеты» и ее приложения — журнала «Крокодил».

С. 42. *Понсонби — пособи.* — Понсонби Артур — секретарь британского Министерства иностранных дел. Обыгрывается просьба советского правительства о займе (пособии).

...Блюмкин... убийца... Мирбаха. — Блюмкин Яков Григорьевич (1898—1929) — левый эсер, сотрудник ВЧК.

Олеша показал мне рецензии в «Звезде»... — Имеется в виду рецензия на булгаковскую «Дьяволиаду», помещенная в журнале «Звезда» (1924. № 3. С. 111).

Был на приеме у проф. Мартынова... — Мартынов Алексей Васильевич (1868—1934) — крупный русский хирург, создатель собственной научной школы.

С. 43. *Ничего нельзя понять в истории с Савинковым. Правительственное сообщение сегодня изумительно.* — 29 августа «Известия» сообщали, что «в 20-х числах августа сего года на территории Советской России ОГПУ был задержан гражданин Савинков Борис Викторович, один из самых непримиримых и активных врагов рабоче-крестьянской России». Ниже следовала заметка «Суд над Б.В.Савинковым», в которой говорилось, что он «решительно отрекся от своей борьбы с советской властью». Суд приговорил Б.Савинкова к высшей мере наказания. Однако 29 августа ЦИК заменил высшую меру наказания лишением свободы на десять лет.

Следует отметить, что крайне необычная история с Б.Савинковым совершенно потрясла русские эмигрантские круги. Высказывались самые фантастические предположения. Появилось сообщение о том, что Б.Савинков был с марта 1924 г. завербован советской разведкой и работал на нее. В результате были провалены наиболее ценные агенты в России. Официальное сообщение о гибели Б.Савинкова (якобы он написал 7 мая 1925 г. письмо Дзержинскому и потребовал немедленного освобождения; после отказа — выбросился из окна тюрьмы) было также встречено разноречивыми откликами.

С. 44. *...дружное нападение на него всех главарей партии во главе с Зиновьевым...* — В центральной прессе появилось множество материалов, занимавших зачастую одну-две газетные полосы, с критикой Троцкого и троцкизма. Как всегда, более осведомленные зарубежные газеты сообщали подробности высылки Троцкого из столи-

цы. Так, рижская газета «Сегодня вечером» в статье «Как был устранен Троцкий» (11 декабря) писала, что «грузин Сталин» предлагал действовать совершенно открыто и официально снять Троцкого со всех постов. Однако более внушительная группа партийцев во главе с Л.Б.Каменевым предложила действовать по-иному: учитывая большое влияние Троцкого, не следует порывать с ним формально, надо дать ему возможность по истечении определенного времени исправить свои грехи и снова оказать услуги партии. Эта точка зрения одержала верх, и решено было объявить Троцкого больным.

С. 45. *...полоумная баба... приходила к посольству Красина — стрелять.* — Эта история несколько месяцев была в центре внимания европейской прессы. 14 декабря «Известия» сообщили, что на Красина была предпринята попытка покушения. Инспектор полиции задержал подозрительную женщину, прогуливавшуюся возле советского посольства. У нее был изъят револьвер. При допросе она назвалась «вдовой Диксон, урожденной Егорьевой», а также заявила: «Оскорбительно видеть Красина в Париже. Я приехала, чтобы его убить, так как он совершит революцию во Франции так же, как совершил ее в России».

Выпустил ее за границу... Луначарский... — А.В.Луначарский выступил в «Известиях» с объяснениями. Вкратце они сводились к следующему: Луначарский знал мадам Диксон с 1919 г. как писательницу. Она часто приставала к нему с навязчивыми идеями и удивительными историями. Так, она рассказала, что П.Н.Милюков заманил ее сына на пароход и совершил убийство на сексуальной почве, причем выцедил из него всю кровь и, вообще, проделал как раз то преступление, в котором так облыжно обвиняли Бейлиса. «Для меня стало ясно, что я имею перед собой рехнувшегося человека», — писал Луначарский 19 декабря 1924 г. «Известия» перепечатали следующее сообщение «Последних новостей» о Диксон: «Диксон была хорошо известна в литературном мире Москвы как автор театральных пьес, журналистка и переводчица. Она явилась в Париж из Крыма, через Италию, и так как очень нуждалась, то пользовалась поддержкой русско-парижской колонии и Союза русских писателей в Париже. Однако ее сторонились ввиду несомненной душевной болезни. Еще в Москве Диксон страдала манией преследования, которая развилась у нее после смерти ее сына. Диксон говорила, что сын ее убит Азефом, от которого она у всех просила защиты».

28 декабря «Известия» поместили сообщение о приговоре по делу Диксон: Мария Диксон-Евгеньева (псевдонимы), урожденная Горячковская, приговорена к трехнедельному тюремному заключению и высылке из Франции.

И наконец, 6 января 1925 г. «Известия» попытались дать оценку, в том числе политическую, всему делу Евгеньевой-Диксон:

«Действительно, ее фамилию установить трудно, но имеются данные, указывающие, что Евгеньева была женой Азефа, что имела от него ребенка, которого убила. Еще в начале прошлого года она была в России, состояла будто бы членом Союза писателей и даже одно время — судебным следователем. Уехала она легально, имея советский заграничный паспорт... Врачи признали ее нормальной.

Действительно ли она здорова, сказать трудно. Во всяком случае, она претворяется сумасшедшей, уверяя на суде, что известный германский ученый Эйнштейн — не кто иной как Азеф и т.п. Вероятнее всего, болезнью Евгеньевой воспользовались белогвардейцы и уговорили ее совершить покушение.

Суд и прокурор затушевали дело преднамеренно».

..Шмидта выгнали из Госиздата... — Шмидт Отто Юльевич (1891—1956) с 1921 по 1924 г. возглавлял Госиздат.

С. 46. *...я уже живу в Обуховом переулке...* — Л.Е.Белозерская вспоминала: «Мы живем в покосившемся флигельке во дворе дома № 9 по Обухову, ныне Чистому переулку... Дом свой мы зовем голубятней. Это наш первый совместный очаг. Голубятне повезло: здесь написана пьеса «Дни Турбиных», фантастические повести «Роковые яйца» и «Собачье сердце».

С. 48. *...напомнил старика Арсеньева.* — Некоторые исследователи (К.Н.Кириленко, Г.С.Файман) полагают, что имеется в виду Арсеньев Константин Константинович (1837—1919) — академик, главный редактор «Энциклопедического словаря» и «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона.

...ошибка всех Павлов Николаевичей и Пасмаников... — Имеются в виду П.Н.Милюков и Д.С.Пасманик как наиболее яркие представители русской эмиграции, часто выступавшие в прессе с рецептами разрешения «русского вопроса».

...«Странник играет под сурдинку». — Имеется в виду роман К.Гамсуна «Странник играет под сурдинку».

С. 49. *Записи под диктовку есть... акт доверия.* — Булгаков часто диктовал тексты своих сочинений близким ему людям. Чаще всего это были жены — Любовь Евгеньевна и Елена Сергеевна. Сохранились многие рукописи писателя («Мастер и Маргарита», «Жизнь господина де Мольера», «Адам и Ева» и другие), в которых значительная часть текста написана под диктовку Л.Е.Белозерской и Е.С.Булгаковой.

С. 50. *Был... Никандров, Кириллов... Ляшко и Львов-Рогачевский.* — Никандров (Шевцов) Николай Никандрович (1878—1964) — писатель; Кириллов Владимир Тимофеевич (1889—1943) — поэт; Ляшко (Лященко) Николай Николаевич (1884—1953) — писатель; Львов-Рогачевский Василий Львович (1873—1930) — критик.

...письмо Бернарда Шоу... — Газета «Известия» напечатала письмо Б.Шоу, адресованное в редакцию, где были, в частности, такие строки: «Советское правительство хорошо сделало бы, если бы как можно скорее отмежевалось от III Интернационала и ясно сказало бы м-ру Зиновьеву, что он должен окончательно сделать выбор между серьезной государственной деятельностью и детскими бессмыслицами для кино, раз советское правительство должно отвечать перед Европой за его поступки. <...> Пока Москва не научится смеяться над III Интернационалом и не станет на ту точку зрения, что везде, где социализм является живой силой, а не мертвой теорией, он оставил Карла Маркса так же далеко позади, как современная наука оставила Моисея, до тех пор не будет ничего, кроме недоразумений...»

Карл Радек в этом же номере газеты поместил глумливый ответ под названием «Мистер Пиквик о коммунизме. Великолепная сатира Бернарда Шоу на английский «социализм»». В нем есть и такие строки: «Шоу... говорит по адресу Советского Союза и Коминтерна: «Господа русские коммунисты, бросьте вы Коминтерн, ведь это вздор из кинематографа. Какая вообще возможна мировая революция? Вы сделали революцию в громаднейшей стране, но этот факт весит меньше того неудовольствия, которое ваша революция возбуждает в английских лордах! Как же вы хотите жить, если ваши лорды не соблаговолят на это согласиться. В интервенции сплоховали, не задушили вас, но не убили пулей — так убьем фунтом. Бросьте рыпаться, смиритесь, подчинитесь...»

С. 51. *Вечером у Никитиной...* — Никитина Евдокия Федоровна (1893—1973) — историк литературы, организатор издательства «Никитинские субботники» и одноименных чтений, на которых выступали многие литераторы; собирательница автобиографий и биографий писателей. Ее богатейший архив содержит интереснейшие сведения о русской литературе двадцатых—тридцатых годов. Имеются в нем упоминания и о Булгакове.

С. 52. *...был у Лидии Васильевны.* — Кирьякова Лидия Васильевна — журналистка, основавшая в 1922 г. литературный кружок «Зеленая лампа», в который входил и Булгаков.

С. 53. *Один вид Ю.Потехина...* — Потехин Юрий Николаевич — писатель, один из видных сменовеховцев.

...садыкерско-сменовеховской. — Имеется в виду Садыкер Павел Абрамович — директор-распорядитель акционерного общества «Накануне».

...Ауслендер сказал... — Ауслендер Сергей Абрамович (1886—1943) — писатель.

С. 54. *Видел милых Ляминых...* — Лямин Николай Николаевич (1892—1941) — филолог, специалист по романским литературам, сотрудник ГАНХ, близкий друг Булгакова; его жена — Ушакова Наталья Абрамовна (1899—1993), художница.

С. 55. *...проглядел... номера «Безбожника», был потрясен.* — «Безбожник» — ежемесячный журнал, выходивший в Москве с 1923 по 1941 г. Напечатал множество откровенно глумливых статей, очерков, заметок, фельетонов и карикатур антихристианского содержания. Первый номер «Безбожника» (ответственный редактор М.Костеловская), на обложке которого было начертано: «С земными царями разделались, принимаемся за небесных», — открывался статьей Н.И.Бухарина «На борьбу с международными богами». Цинизм, пошлость и наглость пронизывают статью от первого до последнего слова.

С. 56. *Была С.З.Федорченко...* — Федорченко Софья Захаровна (1888—1959) — писательница.

Н.С.Ангарский передал мне Ваше приглашение в Коктебель. — Ангарский (Клестов) Николай Семенович (1873—1941) — общественный деятель, литературный критик, в 1924—1932 гг. — руководитель издательства «Недра».

В августе 1924 г. П.Н.Зайцев приехал в Коктебель к Ангарскому, чтобы уговорить его дать согласие на печатание романа «Белая

гвардия» в «Недрах». Очевидно, в это время Волошин познакомился с рукописью романа и тоже принял участие в «уговаривании» Ангарского. Через некоторое время Волошин прочитал опубликованную в журнале «Россия» первую часть романа и повесть «Роковые яйца», которую ему прислал Ангарский. 25 марта 1925 г. Волошин написал Ангарскому письмо, в котором, в частности, говорилось:

«Спасибо за VI книгу «Недр»... Рассказ М.Булгакова очень талантлив и запоминается во всех деталях сразу. Но я очень пожалел, что Вы все-таки не решились напечатать «Белую гвардию», особенно после того, как прочел отрывок из нее в «России». В печати видишь вещь яснее, чем в рукописи... Но во вторичном чтении эта вещь представилась мне очень крупной и оригинальной; как дебют начинающего писателя ее можно сравнить только с дебютами Достоевского и Толстого. И по литературному значению удельный вес, разумеется, превосходит «Роковые яйца».

Очень досадно, что она не пойдет в «Недрах» целиком, тем более что Лежнев ограничится, кажется, лишь фрагментом... Мне бы очень хотелось познакомиться лично с М.Булгаковым, так как вы его, наверно, знаете, — то передайте ему мой глубокий восторг перед его талантом и попросите его от моего имени приехать ко мне на лето в Коктебель».

12 июня Булгаков с женой, Л.Е.Белозерской, приехали в Коктебель, где они находились почти месяц.

С. 57. *Лужский* Василий Васильевич (1869—1931) — артист и режиссер МХАТа, принимал активное участие в решении вопросов, связанных с постановкой пьесы М.Булгакова «Белая гвардия» («Дни Турбиных»).

...с созданием новой пьесы. — В апреле 1925 г. Московский Художественный театр предложил Булгакову инсценировать роман «Белая гвардия». Последовало немедленное согласие автора, имевшего уже к тому времени черновой набросок пьесы. 15 августа того же года пьеса была представлена театру, а в сентябре состоялась первая читка. Однако уже в октябре ситуация с пьесой осложнилась в связи с отрицательным отзывом А.В.Луначарского. В письме к В.В.Лужскому от 12 октября он замечает: «Я внимательно перечитал пьесу «Белая гвардия». Не нахожу в ней ничего недопустимого с точки зрения политической, но не могу не высказать Вам моего личного мнения. Я считаю Булгакова очень талантливым человеком, но эта его пьеса исключительно бездарна... Если некоторые театры говорят, что не могут ставить тех или иных революционных пьес по их драматургическому несовершенству, то я с уверенностью говорю, что ни один средний театр не принял бы этой пьесы именно ввиду ее тусклости, происходящей, вероятно, от полной драматической немощи или крайней неопытности автора». Естественно, после такого отзыва наркома было проведено экстренное совещание (14 октября) репертуарно-художественной коллегии МХАТа, принявшей следующее постановление: «Признать, что для постановки на Большой сцене пьеса должна быть коренным образом переделана. На Малой сцене пьеса может идти после сравнительно небольших переделок. Установить, что в случае постановки пьесы

на Малой сцене она должна идти обязательно в текущем сезоне; постановка же на Большой сцене может быть отложена и до будущего сезона. Переговорить об изложенных постановлениях с Булгаковым». Казалось, что ультимативный ответ Булгакова на постановление коллегиального органа театра (фактически на письмо А.В.Луначарского) приведет к немедленной развязке. Однако этого не случилось — пьеса чрезвычайно понравилась прежде всего артистам, и они настояли на дальнейшей работе с ней.

С. 58. *...чтобы... поздравить Вас.* — 15 декабря 1925 г. отмечалось сорокалетие литературной деятельности Вересаева.

При обыске... — Рядовое вроде бы событие того времени (обыски и аресты «подозрительных» лиц проводились в Москве в огромных масштабах, и они уже мало кого удивляли) на самом деле было результатом многих составляющих, среди которых господствовали, конечно, политические. После появления в печати таких сочинений писателя, как «Белая гвардия», «Дьяволиада», «Роковые яйца» и других, после его участия в творческих публичных дискуссиях и на «сходках» в различных литературных кружках к нему с большим вниманием стали присматриваться не только литературные критики, но и службы политического сыска. Особенно обострилось это внимание после нескольких чтений в тех же литературных кружках новой повести «Собачье сердце». Когда же эта повесть и роман «Белая гвардия» привлекли внимание Художественного театра (договор с МХАТом об инсценировке «Собачьего сердца» Булгаков подписал 2 марта 1926 г.), интерес к личности Булгакова еще более возрос и приобрел «общественный» характер (сообщения о готовящейся постановке «Белой гвардии» появились как в отечественной, так и в зарубежной прессе). Булгаков, с его откровенно критическими взглядами на происходящие в России события, становился опаснейшим противником для власти.

...у меня были взяты... — Сохранился протокол обыска квартиры Булгакова, который мы печатаем с сокращениями.

«На основании ордера Объединенного Государственного политического управления за № 2287 от 7 мая мес. 1926 г. произведен обыск у гр. Булгакова в д. № 9, кв. № 4 по ул. Кропоткина, пер. Чистый, сотр. Врачевым.

При обыске присутствовали: обыскиваемый Булгаков М.А. и арендатор дома Градов В.В.

Согласно данным указаниям задержаны: гражд......................

Взято для доставления в Объединенное Госполитуправление следующее (подробная опись всего конфискуемого или реквизируемого)..........

1) Два экземпляра, перепечатанных на машинке «Собачье сердце».

2) Три дневника: за 1921—23 и 25 годы.

3) Один экзем. отпечат. на пишущ. маш. «Чтение мыслей».

4) «Послание Евангелисту Демьяну Бедному».

5) Стихотворение В.Инбер (пародия Есенина).

Обыск производил: Уполн. 5-го отд. СООГПУ Врачев.

...Указанное в протоколе и прочтение его вместе с примечаниями лицами, у которых обыск производился, удостоверяем:

Аренд. Дома В.Градов.

Кроме того, подписали: М.Булгаков.

7 мая 1926 г. Проводивший обыск Уполн. СООГПУ Врачев».

Протокол этот требует хотя бы минимальных комментариев. Л.Е.Белозерская свидетельствует:

«В один прекрасный вечер <...> на голубятню постучали (звонка у нас не было) и на мой вопрос «кто там?» бодрый голос арендатора ответил: «Это я, гостей к вам привел!»

На пороге стояли двое штатских: человек в пенсне и просто невысокого роста человек — следователи Славкин и его помощник с обыском. Арендатор пришел в качестве понятого. Булгакова не было дома, и я забеспокоилась: как-то примет он приход «гостей», и попросила не приступать к обыску без хозяина, который вот-вот должен прийти. Все прошли в комнату и сели <...> и вдруг знакомый стук. Я бросилась открывать и сказала шепотом М.А.:

— Ты не волнуйся, Мака, у нас обыск.

Но он держался молодцом (дергаться он начал значительно позже). Славкин занялся книжными полками. «Пенсне» стало переворачивать кресла и колоть их длинной спицей. <...> Под утро зевающий арендатор спросил:

— А почему бы вам, товарищи, не перенести ваши операции на дневные часы?

Ему никто не ответил. Найдя на полке «Собачье сердце» и дневниковые записи, «гости» тотчас же уехали.

По настоянию Горького, приблизительно через два года «Собачье сердце» было возвращено автору...» (О мед воспоминаний. С. 27—29).

К сожалению, Л.Е.Белозерская не конкретизирует — что же было изъято у Булгакова из рукописей (да и путает фамилии следователей). А это очень важно. Если исходить из протокольных записей, то изъято было три дневника за 1921—1923 и 1925 г. (что касается «Собачьего сердца», то запись абсолютно точная — в архиве писателя хранятся два машинописных экземпляра повести с пометами на них, которые сделаны в ОГПУ), что не соответствует действительности хотя бы уже потому, что обнаруженная ныне в архиве ОГПУ фотокопия дневника писателя фиксирует иные даты — 1923—1925. Но сохранившиеся в архиве писателя кусочки подлинного дневника датируются 1922 годом. Из текста этих кусочков также видно, что Булгаков вел дневник и в 1921 году! Так что не будет слишком большой сенсацией, если в архиве ОГПУ найдутся фотокопии дневника писателя за 1921—1922 г.

С. 59. *...прошу о возвращении...* — Сохранилась расписка «дежурного стола приема почты Админоргупр» ОГПУ от 18 мая 1926 г. о приеме от Булгакова «одного заявления в ОГПУ».

Ответа на заявление не последовало. Но, как выяснилось позже, некоторые члены Политбюро, включая Сталина и Молотова, с интересом читали дневники писателя.

...прошу пьесу «Белая гвардия» снять... — Культиматуму Булгакова во МХАТе отнеслись с пониманием. В архиве сохранился ответ

В.В.Лужского, временно разряжающий довольно сложную ситуацию: «Что Вы, милый наш мхатый, Михаил Афанасьевич? Кто Вас так взвинтил?» Очевидно, Булгаков не рассказывал во МХАТе об обыске и прочих «прелестях». Успокоив автора, мхатовцы занялись «успокоением» Главреперткома, заявив, что театр готов переделать постановку по директивам ГРК. Среди них была и такая: «...сцена в гимназии должна быть подана не в порядке показа белогвардейской героики, а в порядке дискредитации всего белогвардейского движения». Между тем друг писателя Н.Н.Лямин именно в эти дни обратился к Булгакову с мольбой ничего больше не переделывать в пьесе: «Самое сильное и лучшее в пьесе — сцена в гимназии. Ни за какие блага мира не соглашайся пожертвовать ею... Образ Алеши нельзя видоизменять ни в чем, прикасаться к нему кощунственно... Театр уже достаточно коверкал пьесу...»

С. 60. *Попов* Алексей Дмитриевич (1892—1961) — выдающийся режиссер, народный артист СССР (1948), профессор ГИТИСа. Сценическую деятельность начал в 1912 г. под руководством К.С.Станиславского.

...я продал Студии... — Студия им. Евг. Вахтангова, преобразованная вскоре (1926 г.) в Театр им. Евг. Вахтангова.

С. 61. *...сюрпризы, не связанные с театром...* — Булгаков, видимо, имеет в виду майский обыск, осуществленный сотрудниками ОГПУ.

...анкеты в КУБУ. — Точнее ЦеКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых, созданная в 1919 г. при Совнаркоме.

С. 64. *Работаете ли над Пушкиным?* — В 1927 г. Вересаев завершил и опубликовал работу «Пушкин в жизни», в которой были собраны письма, дневниковые записи и мемуары современников поэта.

Из протокола допроса в ОГПУ. — Разумеется, день допроса — 22 сентября — выбран не случайно, так как на 23 сентября была назначена генеральная репетиция пьесы «Дни Турбиных» во МХАТе. Враги Булгакова предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать спектакль. Но писатель был начеку. Генеральная репетиция «Дней Турбиных» прошла успешно. Хотя автору пришлось все-таки расстаться с частью «петлюровской» сцены — избиение и гибель еврея. Несмотря на яростные протесты Булгакова, сцену изъяли.

В ОГПУ к допросу Булгакова тщательно готовились, за ним была установлена слежка. Один из осведомителей сообщал в июле 1926 г.:

«По поводу готовящейся к постановке пьесы «Белая гвардия» Булгакова, репетиции которой уже идут в Художественном театре, в литературных кругах высказывается большое удивление, что пьеса эта пропущена Реперткомом, так как она имеет определенный и недвусмысленный белогвардейский дух.

По отзывам людей, слышавших эту пьесу, можно считать, что пьеса, как художественное произведение, довольно сильна и своими сильными и выпукло сделанными сценами имеет определенную цель вызвать сочувствие по адресу боровшихся за свое дело белых.

Все признают, что пьеса эта имеет определенную окраску. Литераторы, стоящие на советской платформе, высказываются о пьесе с возмущением, особенно возмущаясь тем обстоятельством, что пьеса будет вызывать известное сочувствие к белым.

Что касается антисоветских группировок, то там большое торжество по поводу того, что пьесу удалось протащить через ряд «рогаток». Об этом говорится открыто».

С. 64—65. *Мои симпатии были... на стороне белых.* — Булгаков выбрал наиболее верную линию поведения на допросе — быть предельно искренним в ответах. Тем более что его ответы очень легко могли быть проверены в ОГПУ. Так, в отобранном дневнике содержались сведения об участии Булгакова в белогвардейском движении.

С. 66. *...приостановила работу... над романом...* — Исключительно важное авторское свидетельство о том, что работа над романом «Мастер и Маргарита» началась в 1926 г. или даже раньше.

...прошу о возвращении «Дневника». — А.В.Луначарский отправил заявление Булгакова в ОГПУ со следующей резолюцией:

«ОГПУ т. Ягоде

Мною получено заявление гражданина Булгакова, которое и препровождаю.

Нарком по Просвещению А.Луначарский».

В ОГПУ на заявлении Булгакова появилась уже «внутренняя» резолюция:

«Т.Гендину

Просмотрите его дневники, и заметки, имеющие личный характер, можно возвратить. (Используйте его вызов и пришлите ко мне.)

Рутковский. 13.XI.26 года».

...посылаю Вам два билета... — Премьера «Дней Турбиных» состоялась 5 октября 1926 г. В октябре пьеса прошла 13 раз, в ноябре — 14 раз. Успех был колоссальный, но и злобу спектакль вызвал невероятную.

Первыми поздравили Булгакова с триумфом актеры и друзья. К сожалению, дневниковых записей о премьере «Дней Турбиных» сохранилось очень мало, но они в какой-то степени компенсированы воспоминаниями очевидцев. П.А.Марков: «Дни Турбиных» стали своего рода новой «Чайкой» Художественного театра. <...> Спектакль <...> вызвал необыкновенно шумный отклик. Многочисленные жаркие дискуссии, выступления в печати, сопровождавшие «Дни Турбиных», доказывали взрывчатую силу пьесы. <...> Для мхатовцев отрицательные отклики со стороны прессы были совершенно неожиданны...» Ф.Н.Михальский: «Пришел день первого представления. Пришла слава и громадный успех. Турбины, как и Москвин после первого спектакля «Царя Федора», проснулись на другой день «известными актерами» — так заговорили о них в Москве. Но вместе с успехом у зрителей пришли и газетные рецензии. Сколько огорчений, волнений и тревог принесли они и автору, и театру».

Через несколько дней после премьеры в прессе произошел взрыв. Сигналом к погрому послужила статья А.Орлинского «Гражданская война на сцене МХАТ» («Правда», 9 октября), в которой один из руководителей Главреперткома призывал «дать отпор булгаковщине». Лучше всех точку зрения «победителей» выразил А.Безыменский в своем «Открытом письме»: «...этих людей (Турбиных. — *В.Л.*) благородных и негодяев, мы... расстреливали. Мы расстрелива-

ли их и на фронтах и здесь, могучей рукой, именуемой ВЧК и руководимой нашим замечательным Феликсом...»

Булгаков внимательно прочитывал все эти материалы, аккуратно вырезал их из газет и журналов, некоторые фразы подчеркивал в них, а затем подклеивал в альбомы — тематические и общие. И составлял списки своих врагов («чтоб знали!»). Первый из списков так и назывался: «Список врагов М.Булгакова по Турбиным». На втором, более полном, есть приписка рукою Е.С.Булгаковой: «Авторы ругательных статей о Мише (см. толстую книгу вырезок, составленную Мишей)». Имеется и третий список — без заголовка.

Следует отметить, что постановка «Дней Турбиных» всколыхнула не только прессу, но и усилила поток «информационных бумаг» в учреждения политического сыска. Некоторые фрагменты из этих «сводок» приводим ниже.

«Безусловной злобой дня в нашем газетно-журнальном мире является постановка «Дней Турбиных» Михаила Булгакова.

Прежде чем говорить о самой пьесе, я остановлюсь на личности Михаила Булгакова. Что представляет он из себя? Да типичнейшего российского интеллигента, рыхлого, мечтательного и, конечно, в глубине души «оппозиционного». Булгаков появился на московском горизонте летом 1922 года и начал работать в ряде журналов, а также московском отделении берлинской газеты «Накануне». Ряд удачных бытовых фельетонов сделал ему имя («Самогонное озеро», «Записки на манжетах» и др.).

Позже Булгаков поступает правщиком материала и фельетонистом в «Гудок». Параллельно с этим он пишет ряд рассказов и «Белую гвардию». Он близок с Лежневым и Ал.Толстым. Успех «Белой гвардии» дает мысль Булгакову переделать рассказ в пьесу. Последняя удалась Булгакову с чисто технической, формальной стороны очень хорошо. Алексей Толстой говорит пишущему эти строки, что «Дни Турбиных» можно поставить на одну доску с чеховским «Вишневым садом» (каковы информаторы были в ОГПУ! — *В.Л.*). При обусловленных художественных достоинствах (в прессе об этом не было сказано ни слова. — *В.Л.*), пьеса Булгакова никчемна с чисто идеологической стороны. «Дни Турбиных» смело можно назвать апологией белогвардейцев. <...> Как можно отнестись к тому, что на сцене гостеатров каждый день публично восхваляются бывшие контрреволюционеры? Добрармия — это достояние истории, а не театральных подмостков».

«Пьеса сама по себе ничем бы не выделялась из ряда современных пьес и при нормальном к ней отношении прошла бы как обычная премьера. Но кому-то понадобилось, чтобы о ней заговорили на заводах, по окраинам, в самой гуще, и вот результат: билета на эту пьесу не достать. Неспроста молчали несколько дней после премьеры, а потом начали такую бомбардировку, что заинтересовали всю Москву. Мало того, начали дискуссию в Доме печати, а ответ напечатали по всем газетам. Одним словом, все проведено так организованно, что не подточишь и булавки, а все это — вода на мельницу автора и 1 МХАТа».

«В нескольких местах пришлось слышать, будто Булгаков несколько раз вызывался (и даже привозился) в ГПУ, где по 4 и 6 часов

допрашивался. Многие гадают, что с ним теперь сделают: посадят ли в Бутырки, вышлют ли в Нарым или за границу».

Нетрудно заметить, что в ОГПУ стекалась довольно объективная информация, отражающая мнение не только прессы, но и «обывательских масс». Фигура же Булгакова приобрела уже политическое звучание.

С. 67. *Прилагаемое... письмо...* — Булгаков вынужден был обратиться в ВОКС в связи с появлением потока сообщений из-за границы о том, что его произведения переводятся, ставятся в театрах, экранизируются, печатаются. И все это делалось без ведома автора и, разумеется, без получения соответствующих гонораров. Более всего расстраивало писателя то обстоятельство, что на этом беззаконии грели руки всякого рода дельцы, превращая сочинения беззащитного автора в политические агитки. Беззащитного потому, что самого его за границу не выпускали, а государство его интересы защищать не могло, поскольку оно еще не присоединилось к международной конвенции.

Кое-что ВОКС для Булгакова сделал: из Берлина пришли пожелания и советы, как писателю найти себе собственных защитников, из Парижа поступила книга «Дни Турбиных» («Белая гвардия»), обращение писателя было напечатано в ряде газет. И главное — Булгаков привлек внимание общественности к проблемам, которые были актуальны не только для него самого, но для многих других советских писателей.

С. 68. *Цель поездки за границу.* — Примерно в середине февраля 1928 г. Булгаков подает заявление о двухмесячной поездке за границу. Но, видимо, потребовалась дополнительная информация к заявлению, которая и была предоставлена писателем в АОМС.

С. 69. *...план постановки пьесы «Бег»...* — Над пьесой Булгаков работал более двух лет (1926—1928), многократно переделывая текст. К осени 1927 г. пьеса «Рыцарь Серафимы» («Изгои») была закончена и получила новое название — «Бег». В январе 1928 г. состоялась читка пьесы во МХАТе в присутствии К.С.Станиславского. Великий режиссер с восторгом приветствовал новую пьесу, но заняться ее постановкой не мог в силу своей чрезвычайной занятости, и «Бег» перешел к В.И.Немировичу-Данченко, который в течение продолжительного времени отсутствовал в Москве и не был знаком даже с историей постановки «Дней Турбиных». Но Булгаков в это время еще не терял надежд на благополучное разрешение ситуации со своей любимой пьесой.

Отказ в разрешении на поездку... — Прекрасно понимая, что ему скорее всего откажут в просьбе о выезде за рубеж, Булгаков подстраховался, запросив через своего уполномоченного В.Л.Бинштока у Общества писателей в Париже визу на въезд во Францию. Уполномоченный тотчас же ответил, что сделает все возможное. Хлопоты Бинштока увенчались успехом. В архиве писателя сохранился документ, свидетельствующий об этом. Вот его текст:

«Посольство Французской республики. Французское посольство уведомляет Вас о том, что им получено разрешение визировать паспорта Михаила Афанасьевича Булгакова с супругой. Пришлите в Посольство:

1) Паспорт, 2) 5 р. 50 коп. и марки на обратное отправление.
Москва. 31 мая 1928 г.»

Но еще раньше Булгаков получил бумагу иного содержания: «...Настоящим Административный отдел Моссовета объявляет, что в выдаче разрешения на право выезда за границу Вам отказано».

С. 70. *Г-на З.Каганского я привлекаю к ответственности.* — З.Л.Каганский — издательский работник, директор издательства «Россия». Уехав на Запад, руководил серией мелких издательств.

Вскоре Булгаков понял, что одержать верх над профессиональными дельцами в газетной дуэли он не сможет. Тем более что и сообщения из ВОКСа, Драмсоюза, юридических консультаций не были утешительными. Вот что писал Булгакову 3 марта 1928 г. обслуживавший его опытный юрист И.Я.Рабинович: «Поскольку между Россией и европейскими странами нет конвенции, издание пьесы, равно как и исполнение ее на сцене, никем никому возбраняемо быть не может. Всякий конфликт, который возникает на этой почве, будет на руку лишь тому, кто пожелает воспользоваться отсутствием защиты у автора... В частности, с Каганским дело обстоит так. То, что он до сих пор сделал, самовольно, и его ссылки на старый договор я считаю лишенными всякого правового основания. Но дело не в этом, а в том, что этот энергичный и чрезвычайно ловкий человек сумел перевести пьесу на немецкий язык, издать ее (им закреплено авторское право в Европе) и зарегистрировать пьесу в Америке, что опять-таки создает для нее правовую охрану. Думаю, что и в смысле постановок Каганский, с которым я, как постоянный юрисконсульт Толстого, Щеголева, Замятина, Федина и Лавренева, заключил ряд договоров, многого добьется и лучше кого бы то ни было устроит пьесу в Европе и Америке. Всякий конфликт лишь разрушит все сделанное... Поэтому мой совет сводится к тому, чтобы, не порывая с Каганским..., поставить его под серьезный и основательный контроль... В смысле контроля я связался с очень крепкой и солидной театрально-издательской фирмой Берлина...» Примерно то же самое сообщили Булгакову и юристы из ВОКСа.

По сути, круг замкнулся. Оказалось, что З.Каганский, овладев незаконно рукописями Булгакова и издав их за рубежом, «защитил» тем самым права автора. А единственной возможностью хоть как-то воздействовать на процесс «использования» рукописей за границей могла быть договоренность с одним или с несколькими зарубежными издательствами о защите его авторских прав на невыгодных для автора условиях. И предложения автору тут же поступили. Солидное берлинское издательство С.Фишера направило Булгакову письмо с предложением о сотрудничестве (видимо, по рекомендации И.Я.Рабиновича). Чтобы как-то смягчить настрой Булгакова в отношении Каганского, немецкое издательство изложило в своем письме содержание «покаянного» заявления самого Каганского:

«Относительно Вашего письма Каганский высказался следующим образом: он никогда не имел намерений нарушить интересы автора и продавать произведение, не уплачивая гонорара. Ваше произведение он получил от одного господина, который выдавал себя за Вашего уполномоченного, и, как видно из письма-векселя

между Каганским и этим господином, он произвел платеж в двести долларов, которые, очевидно, этот господин Вам не прислал. Равным образом, он обязался выпустить это произведение за границей и Вам, как автору, уплачивать часть поступающих денег. К сожалению, кажется, судя по Вашему письму, этот уполномоченный не прислал Вам ни платежей, ни сообщения о своем соглашении с г. Каганским. Г-н Каганский действовал в уверенности, что он, на основании этой уплаты и этого соглашения, распоряжается правами перевода и может поэтому перевести это произведение на свой счет, дать его печать и передать нам права для сцены. Он действовал, как нам кажется, всецело в Ваших интересах, но если Вы держитесь того мнения, что в будущем Вам лучше иметь дело с нами, а не с г. Каганским, то мы делаем Вам следующее предложение:

Вы передаете непосредственно нам право представления Вашей пьесы за границей с тем, что мы Вам будем уплачивать 50% со всех получений за представления, в то время как мы берем на себя полностью все расходы. Думаем, что при такой оплате и при том, что от первоначальных шагов г. Каганского Вам не только нет никакого убытка, но, напротив, даже польза в смысле охраны Ваших авторских прав, — такой выход покажется Вам приемлемым».

В сложившейся ситуации Булгакову ничего не оставалось как принять предложение берлинского издательства.

Людмила Николаевна — Л.Н.Замятина (1887—1965) — жена Е.И.Замятина.

Тем не менее Канторовича я постараюсь найти. — Видимо, речь идет о писателе и журналисте Владимире Яковлевиче Канторовиче (1901—1977), который весной 1928 г. вернулся из Парижа.

С. 70—71. *...у Николая Эрнестовича на вешалке...* — Николай Эрнестович Радлов (1889—1942) — художник, с которым Булгаков дружил.

С. 71. *Совершенно больной еду в Тифлис.* — Булгаков решил проехать по тем местам, которые надолго врезались в его память: Владикавказ — Тифлис — Батум. Возможно, желание посетить эти злополучные и в то же время столь важные для него места возникло у писателя после получения отказа на выезд за границу. Именно в Батуме в 1921 г. он решал важнейший жизненный вопрос: ехать или не ехать в Константинополь? Примечательно, что в Тифлисе Булгаков встретил в театре мать И.В.Сталина.

...я обратился к... Горькому... — М.Горький возвратился в Россию 28 мая 1928 г. Булгаков обратился к нему с просьбой, видимо, чуть позже. Во всяком случае, в архиве писателя сохранились два документа, представляющих исключительный интерес. Первый из них — доверенность писателя на получение его дневника в ОГПУ, выданная Е.П.Пешковой:

«Доверенность

Рукописи мои — три тетради под заглавием «Мой дневник», писанные от руки, и экземпляр моей повести «Собачье сердце», писанный на машинке, — которые находятся в ОГПУ и которые, по сообщению от А.М.Горького, мне обещали вернуть, доверяю получить *Екатерине Павловне Пешковой.*

Михаил Булгаков.

Москва, Б.Пироговская 35а, кв. 6.

Тел. 2-03-27.

Подпись члена Драмсоюза М.А.Булгакова удостоверяю.

Член Правления Драмсоюза: (подпись)

6/VII—28».

Второй документ — записка Е.П.Пешковой Булгакову:

«14/VIII—28

Михаил Афанасьевич!

Совсем не «совестно» беспокоить меня. О рукописях Ваших я не забыла и 2 раза в неделю беспокою запросами о них кого следует.

Но лица, давшего распоряжение, нет в Москве. Видимо, потому вопрос так затянулся.

Как только получу их, извещу Вас.

Жму руку.

Ек. Пешкова».

Булгакову возвратили его рукописи из ОГПУ только где-то в промежутке между декабрем 1929 и мартом 1930 г. после обращения писателя с письмом к А.И.Рыкову.

С. 72. *Тиш, тиш, тиш!* — Л.Е.Белозерская, комментируя записки Булгакова, объясняла, что «тиш, тиш, тиш» — «это когда кто-нибудь из нас бушевал, другой так его успокаивал».

Я в Одессе... — Булгаков прибыл в Одессу с совершенно конкретной целью: заключить договор с Киевским государственным русским театром в Одессе на постановку новой пьесы «Бег». Прочитал он свою пьесу на художественном совете театра с блеском и получил одобрение совета на ее постановку. 24 августа он заключил договор с театром, что имело очень большое значение, так как Реперт-ком уже несколько раз высказывался за запрещение пьесы.

К.Марилу. — Доктор Конрад Марил, директор издательства С.Фишера.

...«Бег»... еще не разрешен к постановке... — Принятая театром пьеса была решительно отвергнута Главреперткомом по мотивам чисто политическим. Но приехавший в Россию М.Горький стал поддерживать гонимых писателей, в том числе Замятина и Булгакова. В конце августа Горький сообщил Н.Д.Телешову, что вероятность разрешения «Бега» довольно высока. Эта информация мгновенно стала достоянием МХАТа и, конечно, автора пьесы.

...мое произведение... через границу переправлено... — Весть о том, что Булгаков написал новую пьесу «Бег», разнеслась не только по стране, но и по русскому зарубежью. Последовали лестные предложения. Так, директор театра Русской драмы в Риге А.И.Гришин писал Булгакову 29 февраля 1928 г: «Очень интересуюсь Вашей новой пьесой «Бег»... С аналогичным предложением обратились к Булгакову К.Марил и другие издатели.

Тот же А.И.Гришин сообщал Булгакову в письме от 12 августа 1928 г.: «В Берлине в половине июля я виделся с Вл. Ив. Немировичем, который и сообщил мне, что Вы... переделали Ваш «Бег» и вновь представляете его в Главрепертком. Вы писали мне еще в начале июня, что вышлете мне пьесу, и с тех пор я от Вас не имел известий. Вчера в Риге мне сообщили, что экземпляр этой пьесы имеется за

границей, и в частности в Риге, и предлагают мне приобрести его. Мне не хотелось бы повторения прошлогодней истории с Турбиными, так как у меня самое искреннее желание платить Вам гонорар, а не тем господам, которые обкрадывают автора». Сигналы о том, что текст пьесы «Бег» уже находится за границей, поступали автору и из других мест.

...прошу... взять на себя охрану моих прав... — К.Марил в ответном письме просил Булгакова выслать ему экземпляр пьесы, чтобы препятствовать незаконной ее постановке.

Письмо Булгакова к К.Марилу было очень кстати, поскольку в русском зарубежье уже появилась тревога относительно судьбы писателя. Газета «Возрождение» в номере от 16 сентября 1928 г. тревожилась:

«Пропал популярный писатель М.Булгаков, автор нашумевшей пьесы «Дни Турбиных».

«Много тревог, — пишет «Руль», — вызывает в московских литературных кругах исчезновение известного писателя М.Булгакова, автора романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных». Как хорошо памятно, «Дни Турбиных» имели настолько большой и длительный успех на сцене МХТ, что даже советская власть, запретившая постановку этой пьесы в других городах, ввиду ее «контрреволюционности», не решилась снять ее с подмостков Художественного театра. В настоящее время необъяснимое исчезновение Булгакова вызывает среди его друзей различные тревожные догадки.

Не могут ли органы советской власти сообщить, где находится М.Булгаков?»

Когда в социалистическом «отечестве» пропадает человек, взоры всех невольно обращаются в сторону ГПУ и на устах общества замирает вопрос:

— Что вы можете сказать в свое оправдание, господа убийцы?

Сейчас, конечно, еще преждевременно гадать о судьбе талантливого писателя Булгакова: может быть, он еще отыщется. Но то обстоятельство, что он писал «почти в контрреволюционном духе» и что роман и пьеса его были признаны «нежелательными», заставляет поневоле сжиматься сердце...»

К тем семи страницам «Премьеры»... — В письме к М.А.Булгакову от 15 сентября 1928 г. Е.И.Замятин напоминал Михаилу Афанасьевичу об обещании дать для альманаха Драмсоюза статью под названием «Премьера».

С. 73. *Старичок гостил у нас.* — Речь идет о Марике Чимишкиан — тифлисской знакомой Булгаковых. Однажды она стала участницей очередного розыгрыша Михаила Афанасьевича. Приехав из Тифлиса к Булгаковым, она пошла принимать ванну. В это время к Булгакову зашел П.А.Марков, заведующий литературной частью МХАТа. Михаил Афанасьевич предупредил его, что к ним приехал интересный старичок, который хорошо рассказывает анекдоты. Павел Александрович стал с нетерпением ожидать появления старичка из ванной, но каково же было его удивление, когда он увидел редкой красоты девушку! Эта забавная история стала известна многим знакомым Булгакова, в том числе и Е.И.Замятину.

...разрешаю... перевод... моей пьесы... — История, происшедшая с пьесой «Дни Турбиных», повторялась теперь и с пьесой «Зойкина квартира».

Издательство Ладыжникова в Берлине неоднократно обращалось к Булгакову с посредническими предложениями. Еще в декабре 1926 г. оно изъявило желание ознакомиться с текстом «Дней Турбиных» для «выяснения возможности ее постановки в театрах Германии». Не получив удовлетворительного ответа от автора, издательство продолжало настойчиво искать пути к заключению договора не без помощи, как выяснилось впоследствии, того же Каганского.

3 октября 1928 г. издательство направило Булгакову письмо, в котором, в частности, говорилось: «В воскресном номере местной газеты «Volkische Zeitung» была напечатана одна сцена из «Зойкиной квартиры», о чем мы считаем нужным довести до Вашего сведения. Перевод был сделан неким г. Лившицем, который, по имеющимся у нас сведениям, работает для г. Каганского, почему мы и пришли к убеждению, что перевод этот сделан без Вашего согласия... Мы охотно готовы взять на себя представительство Ваших интересов <...> таким образом, напечатав эту пьесу в Берлине, приобретаются права литературной Бернской конвенции. <...> Мы готовы возбудить уголовное преследование против упомянутого переводчика и того лица, которое <...> передало г-ну Лившицу Вашу пьесу для перевода. Мы думаем, что это лицо, вероятно, г. Каганский... Мы позволяем себе обратить Ваше внимание на то, что нас интересует не только «Зойкина квартира», но и другие Ваши пьесы...»

Получив известие о том, что Каганский располагает текстом «Зойкиной квартиры» и публикует его в переводе на немецкий язык, и одновременно получив приглашение издательства организовать уголовное преследование нарушителя, Булгаков тотчас же принял все условия издательства, закрепив свое согласие письмом. Решение Булгакова, стремившегося пресечь пиратские действия Каганского и каким-то образом защитить свои авторские права, дорого ему стоило. Вскоре выяснилось, что выступавший от имени издательства Ладыжникова В.Рубинштейн действовал в тесном единении с Каганским. В результате они заполучили столь желанное письменное согласие Булгакова на «защиту» его авторских прав. Более того, И.Я.Рабинович в эти же дни оповестил Булгакова о том, что издательство С.Фишера вступило в соглашение с Каганским.

И тут произошло еще одно чудесное событие: Захарий Каганский буквально через несколько дней после получения письменного согласия Булгакова на уголовное преследование... Каганского, обратился лично к писателю с мольбой — защитить его в схватке с некой мадам Тубенталь, которая, по словам Каганского, попирая его «законные» права на творческое наследие Булгакова, решила самочинно поставить пьесу «Дни Турбиных». Все предпринятые против мадам Тубенталь «законные» меры со стороны Каганского и издательства С.Фишера оказались малоэффективными, и спасти их мог только Булгаков. Для этого ему необходимо было срочно получить «справку из Главлита или другого учреждения, ведающего регистрацией пьес и книг, что пьеса «Дни Турбиных» и роман того же назва-

ния в печати не появились». Затем эту справку Булгакову необходимо было засвидетельствовать в немецком посольстве и немедленно отправить «воздушной почтой».

Доподлинно известно, что обуздать мадам Тубенталь не удалось. Она все-таки поставила спектакль в Берлине 27 октября. Как писала газета «Руль», «публика горячо приветствовала исполнителей и устроительницу» В.О.Тубенталь. Правда, П.Скоропадский увидел в спектакле попытку «смешать с грязью гетманство...»

Каганский и издательство Фишера довольствовались тем, что в Бреслау с большим успехом 20 октября прошла премьера спектакля «Дни семьи Турбиных». 21 октября они направили Булгакову поздравительную телеграмму следующего содержания: «Сильный успех у публики большое впечатление поздравляем интендант Барнай издательство Фишер Марил Каганский».

Уместно будет сказать и о том, что Булгаков еще в сентябре получил от В.Л.Бинштока весточку из Парижа следующего содержания: «Вчера поехал... в эту саму «Конкордию», которая издала 1-й том Ваших «Дней Турбиных», и там я узнал, что «Concorde» — это фирма немецкая, и владельцем ее является... наш знаменитый Каганский».

С. 74. *За Харьковом.* — Булгаков направлялся в Тифлис после радостного события — пьеса «Бег» была разрешена к постановке.

Руководство МХАТа решило организовать новую читку «Бега» 9 октября 1928 г. Во время чтения пьесы (читал автор) часто раздавался одобрительный смех. Затем состоялось обсуждение. Резолюция Главреперткома от 9 мая 1928 г. подверглась резкой критике. «Бег» — великолепная вещь, которая будет иметь анафемский успех, уверяю вас», — сказал М.Горький. Его поддержал начальник Главискусства А.Свидерский. В.И.Немирович-Данченко, который вел совещание, в своем заключительном слове согласился с Горьким и Свидерским. Он подробно остановился на возможных поправках к пьесе. Создалось впечатление, что одержана победа. Уже 10 октября начались репетиции пьесы, а 11 октября в «Правде» было опубликовано официальное сообщение: «МХАТ принял к постановке «Бег» Булгакова».

Однако Главрепертком не сложил оружия. Его поддержала пресса. К тому же в это время (13 октября) Горький, по решению врачей, срочно выехал в Италию, и МХАТ потерял самого авторитетного своего защитника. Этим моментально воспользовались противники «Бега», придав вопросу сугубо политическое направление. 15 октября председатель Главреперткома Ф.Раскольников направил в ЦК ВКП(б) донос на Свидерского, в котором говорилось: «На заседании коллегии... в присутствии беспартийной части аппарата Главискусства, представителей МХАТ-1 и газетных корреспондентов тов. Свидерский заявил, что Главреперком «душит творчество авторов» и «своими бюрократическими методами регулирования обостряет репертуарный кризис».

22 октября Главрепертком подтвердил свое майское решение о запрещении пьесы. Мнение Свидерского не было принято во внимание, хотя он заявил, что «Бег» окажется лучшим спектаклем в сезоне. Не повлияло на решение и сообщение И.Судакова о том, что

он читал пьесу «в очень высокой аудитории, где пьеса нашла другую оценку». По его словам, атмосфера на заседании Реперткома была «совершенно кровожадной». Лидеры РАППа — Л.Авербах, В.Киршон, П.Новицкий, А.Орлинский и др. — задавали тон обсуждению и определили ход заседания. Отрицательное решение Главреперткома послужило прессе сигналом к массированной атаке на пьесу ее автора и на МХАТ, который отмечал в эти дни свое тридцатилетие.

Не дремали и осведомители. В агентурной сводке от 25 октября значилось: «В литературных и артистических кругах Ленинграда усиленно обсуждался вопрос о постановке (предполагаемой в ближайшем будущем в Москве) новой пьесы Булгакова «Бег». Это известие произвело сильное впечатление как на сов. общественность, так и на круги, враждебные совласти. У Булгакова репутация вполне определенная. Советские (конечно, не «внешне» советские, а внутренне советские) люди смотрят на него как на враждебную совласти единицу, использующую максимум легальных возможностей для борьбы с советской идеологией. Критически и враждебно относящиеся к совласти буквально «молятся» на Булгакова, как на человека, который, будучи явно антисоветским литератором, умудряется тонко и ловко пропагандировать свои идеи. <...>

Вообще, газетная заметка о том, что пьеса «Бег» была зачитана в Художественном театре и произвела положительное впечатление и на Горького, и на Свидерского, вызвала в Ленинграде своего рода сенсацию.

В лит. и театр. кругах только и разговоров, что об этой пьесе. Резюмируя отдельные взгляды на разговоры, можно с несомненностью утверждать, что независимо от процента антисоветской дозы пьесы «Бег» ее постановку можно рассматривать как торжество и своеобразную победу антисоветски настроенных кругов».

Не хочу, чтобы выкинули вагон! — Л.Е.Белозерская так комментировала это булгаковское выражение: «Мой племянник, когда был маленький, необыкновенно капризничал, особенно за едой. «Не хочу», — только и было слышно. Тогда ему сказали: ну что ты капризничаешь? Ты уже все съел! — Тогда он заорал: «Не хочу, чтобы съел!»»

...твой переезд в Париж... — После окончания университета в г. Загребе Н.А.Булгаков некоторое время работал на кафедре бактериологии. В Париж он был приглашен известным французским ученым Д'Эреллем.

Насчет лазанья под биллиард... — Булгаков отвечает на письмо Е.И.Замятина от 15 июля 1929 г., в котором тот писал: «Дорогой товарищ инструктор, я хорошо понимаю, что всякое напоминание о городе, где Вам пришлось 10 (десять) раз пролезать под бильярдом, — Вам не очень приятно. Поверьте, что причинить Вам эту неприятность меня вынуждает только крайняя необходимость».

С. 79. *...прошу... разрешить мне выехать... за границу...* — Ознакомившись с этим письмом, А.И.Свидерский, который, кстати, подвергся в прессе также жесточайшей критике, написал 30 июля секретарю ЦК ВКП(б) А.П.Смирнову записку следующего содержания: «Я имел продолжительную беседу с Булгаковым. Он производит

впечатление человека затравленного и обреченного. Я даже не уверен, что он нервно здоров. Положение его действительно безысходное. Он, судя по общему впечатлению, хочет работать с нами, но ему не дают и не помогают в этом. При таких условиях удовлетворение его просьбы является справедливым».

В свою очередь, А.П.Смирнов направил 3 августа письмо писателя и записку А.И.Свидерского в Политбюро на имя В.М.Молотова, изложив в сопроводительной записке свою точку зрения:

«Посылаю вам копии заявления литератора Булгакова и письма Свидерского — прошу разослать их всем членам и кандидатам Политбюро.

Со своей стороны, считаю, что в отношении Булгакова наша пресса заняла неправильную позицию. Вместо линии на привлечение его и исправление — практиковалась только травля, а перетянуть его на нашу сторону, судя по письму т. Свидерского, можно.

Что же касается просьбы Булгакова о разрешении ему выезда за границу, то я думаю, что ее надо отклонить. Выпускать его за границу с такими настроениями — значит увеличить число врагов. Лучше будет оставить его здесь, дав АППО ЦК (Агитпроп. — *В.Л.*) указания о необходимости поработать над привлечением его на нашу сторону, а литератор он талантливый и стоит того, чтобы с ним повозиться...»

...по печатанию «Белой гвардии» в Париже. — В рецензии известного писателя М.Осоргина говорилось:

«Булгаков предельно правдив, хотя никто не докажет его равнодушия. Идея романа лежит вне партий и программ, а в плоскости человеческой правды и совести. Для наших дней это удивительно.

Было бы очень обидно, если бы к роману Булгакова отнеслись, как к «запрещенной в России» книге и в этом увидали его главный интерес. Во-первых, это было бы неверно фактически, так как вторая часть романа ничем не «контрреволюционнее» первой. Во-вторых, именно то и интересно, что Булгакову удалось доказать силу настоящей художественной правдивости: его роман, хотя бы только первый том, и переделанная из романа пьеса, все же терпятся в стране социального литературного заказа и обязательной марксистской тенденциозности; об него обломились копья официальной критики. Автора старались выставить идеологом белого движения; но роман его каждой строчкой доказал, что автор лишь идеолог человеческой чести; стрелы критики ударились в художественную броню, и ложь не пристала.

Роман, конечно, останется в литературе. Вероятно, он займет в ней скромное место — искусной и правдивой хроники. Сейчас, в момент исключительный и в условиях необычных, он кажется выше подлинного своего значения и представляется почти подвигом художника» (Последние новости. 1929. 25 апреля. № 2954).

С. 81. *Прошу меня... исключить.* — Булгаков был человеком поступка. Выходом из Союза писателей он выражал не только протест против той травли, которая развернулась вокруг его имени, но и солидаризировался с Е.Замятиным и Б.Пильняком, подвергшимися в 1929 г. жесточайшему преследованию в связи с выходом их книг

(романы «Мы» Е.Замятина и «Красное дерево» Б.Пильняка) за границей. О выходе из Союза писателей заявили также А.Ахматова, К.Федин и др. Близок был к разрыву с Союзом писателей Андрей Белый.

С. 82. *...современность... я никак не затронул.* — Пьеса «Кабала святош» (Булгаков начал ее писать осенью 1929 г. и завершил 6 декабря того же года) была самой современной из всех пьес, им написанных. Развивая те же идеи, что и в романе о дьяволе, писатель еще более высветил зловещую роль Кабалы (в романе — синедрион), но он не пощадил на сей раз и короля. Булгаков использовал историю взаимоотношений Мольера, Людовика XIV и Кабалы святош для описания тех событий, которые происходили в Москве в конце двадцатых годов.

С. 83. *...убежден, что ты станешь ученым.* — Предсказания Михаила Афанасьевича сбылись — Н.А.Булгаков стал впоследствии крупным ученым-бактериологом.

...по поводу моей пьесы о Мольере. — 19 января 1930 г. на заседании литературно-репертуарного комитета МХАТа драматург рассказал о пьесе, ее замысле. Как отмечено в протоколе совещания, автор «хотел написать пьесу о светлом, ярком гении Мольера, задавленном черной кабалой святош при полном попустительстве абсолютной, удушающей силы короля». Совещание дало общую положительную оценку пьесе, вопрос о принятии ее должен был решить пленум худполитсовета МХАТ. Разумеется, это событие не прошло мимо осведомителей: «Булгаков... говорил о новой пьесе из жизни Мольера: пьеса принята (кажется, МХАТ-1), но пока лежит в Главреперткоме, и ее судьба «темна и загадочна». Когда он читал пьесу в театре, то актеров не было (назначили читку нарочно тогда, когда все заняты), но зато худполитсовет (рабочий) был в полном составе. Члены совета проявили глубокое невежество, один назвал Мольера Миллером, другой, услышав слово «maitre» (учитель, обычное старофранцузское обращение), принял его за «метр» и упрекнул Булгакова в незнании того, что во времена Мольера «метрической системы не было». Булгаков рассказывает, что сам он «погубил пьесу»: кто-то счел пьесу антирелигиозной (в ней отрицательно выведен парижский архиепископ), но Булгаков на соответствующий вопрос сказал, что пьеса не является антирелигиозной».

В другой агентурной сводке от 18 февраля 1930 г. сообщалось: «Обычно оживленные вторники в Драмсоюзе ни разу не проходили в столь напряженном и приподнятом настроении большого дня, обещающего интереснейшую дискуссию, как в отчетный вторник, центром которого была не только новая пьеса Булгакова, но и, главным образом, он сам — опальный автор, как бы возглавляющий (по праву давности) всю опальную плеяду Пильняка, Замятина, Клычкова и К°. Собрались драматурги с женами и, видимо, кое-кто из посторонней публики, привлеченной лучами будущей запрещенной пьесы (в том, что она будет обязательно запрещена — почему-то никто не сомневался даже после прочтения пьесы), в цензурном смысле внешне невинной. Останавливаться на содержании пьесы не стоит. Это, в общем, довольно известная история «придворного» творчества Мольера, гибнущего в результате интриг клерикального

окружения Людовика 14-го. Формально (в литерат. и драматург. отношении) пьеса всеми ораторами признается блестящей, первоклассной и проч. Страстный характер принимала полемика вокруг идеологической стороны. Ясно, что по теме пьеса оторвана от современности и незначительный антирелигиозный элемент ее не искупает ее никчемности в нашу эпоху грандиозных проблем соц. строительства...»

Еще в одной сводке говорилось о том, что Булгаков бедствует, что «он продает часы, и остается еще цепочка». Сообщалось также о попытке «снова писать фельетоны и о том, что в какой-то медиц. газете или журнале его фельетон отклонили, потребовав политического и «стопроцентного». Булгаков же считает, что теперь он не может себе позволить писать «стопроцентно»: неприлично». Но самой важной в этой сводке была информация о том, что Булгаков обратился с письмом к Рыкову, прося о заграничном паспорте: ответа не последовало, но — «воротили дневники». Эта информация позволяет довольно точно определить время возвращения писателю его дневников из ОГПУ, а также предположить, что дневники эти были уничтожены Булгаковым вместе с другими рукописями в конце марта 1930 г.

18 марта 1930 г. Булгаков получил извещение Главреперткома о том, что пьеса «Кабала святош» к постановке запрещена. После этого и произошли трагические события: писатель уничтожил значительную часть рукописей и был близок к самоубийству.

С. 84. *Прошу... направить на рассмотрение Правительства... мое письмо...* — Булгаков выбрал рискованнейший вариант для своего спасения. Но он был уверен, что в ОГПУ не отнесутся к его письму с равнодушием. И не ошибся. Генрих Ягода испещрил его письмо, адресованное Правительству СССР, жирным карандашом, подчеркивая наиболее важные, с его точки зрения, места. Через несколько дней на письмо его рукой была наложена резолюция: «Надо дать возможность работать, где он хочет. Г.Я. 12 апреля».

С. 85. *...отражение моей писательской жизни.* — Особенность положения Булгакова состояла в том, что он не имел ни малейшей возможности ответить своим многочисленным хулителям: пресса была монополизирована. Ни одного выпада против себя писатель не оставлял без внимания. Уже говорилось о его знаменитом альбоме, куда он подклеивал вырезки из газет с «критикой» в свой адрес. Булгаков составлял также списки своих врагов, сохранившиеся в его архиве.

Характерно, что некоторые из хулителей Булгакова, оставшиеся в живых (подавляющее большинство из них было репрессировано в тридцатые годы), приносили извинения его вдове — Е.С.Булгаковой. Так поступил В.Б.Шкловский.

Обо мне писали... — Л.Е.Белозерская, уже в шестидесятые годы, выражала сомнение по поводу подлинности письма Булгакова Правительству СССР от 28 марта 1930 г. Она полагала, что Булгаков не мог, обращаясь в правительство, приводить цитаты из прессы вульгарного содержания. Были у нее и другие доводы. Например, такие:

«Передо мной лежит письмо... Михаила Афанасьевича к правительству. Это литературное «эссе» на шесть страниц, не имеющее ничего общего с тем, что писал М.А. ...

Во-первых, это обращение было коротким. Я никак не могу сообразить, кому выгодно пустить по рукам этот «опус»?

Во-вторых — за границу он не просился. Это предложил ему сам Сталин.

В-третьих, в письме не было никаких выспренних фраз, никаких философских обобщений, оно было обращено не к Санта-Клаусу, каким сейчас иногда пытаются представить Сталина, а к тому, изображенному поэтом:

«Как грозный дух он был над нами —

Иных не знали мы имен».

Основная мысль письма (передаю вольно): дайте возможность писателю писать; объявив ему гражданскую смерть, вы толкаете его на самую крайнюю меру.

Не забудем, что в 1925 г. кончил самоубийством Андрей Соболь. В апреле 1930 г. — застрелился Маяковский.

Не хорошо получилось бы, если бы в том же году пустил себе пулю в лоб Михаил Булгаков.

Вообще, чтобы прекратить появление подобных «эссе», неплохо было бы обратиться к архиву Сталина, который — я уверена — существует в невредимом виде».

Очевидно, Л.Е.Белозерская не знала, что в архиве писателя сохранилась машинописная копия письма правительству с точной его датой. Не исключено, что она читала искаженный текст письма, который широко распространялся в списках. Не вызывает сомнений и тот факт, что было несколько вариантов письма и Л.Е.Белозерская читала один из них.

С. 89. *...нищета, улица и гибель.* — Вскоре Сталин позвонил Булгакову по телефону. Учитывая принципиальное значение этого разговора, мы считаем целесообразным привести здесь соответствующие отрывки из воспоминаний Л.Е.Белозерской и Е.С.Булгаковой.

Вот как описывает это событие Л.Е.Белозерская: «Сначала о разговоре по телефону со Сталиным. На звонок подошла я. Из Центрального Комитета партии звонил секретарь Сталина Товстуха. Я позвала Михаила Афанасьевича, а сама занялась домашними делами. Михаил Афанасьевич взял трубку и вскоре так громко и нервно крикнул: «Любаша!», что я опрометью бросилась к телефону (у нас были отводные от телефона наушники). Я пока одна-единственная, кто слушал эту беседу. На проводе был Сталин. Он говорил глуховатым голосом, с явно грузинским акцентом и называл себя в третьем лице. Он предложил Булгакову — может быть, Вы хотите уехать за границу?»

Более подробно изложен этот разговор в воспоминаниях Е.С.Булгаковой: «Когда я с ними (с Булгаковыми. — *В.Л.*) познакомилась... у них было трудное материальное положение. Не говорю уже об ужасном душевном состоянии Михаила Афанасьевича)... Тогда он написал письмо правительству... 3 апреля, когда я как раз была у

М.А. на Пироговской, туда пришли Ф.Кнорре и П.Соколов (первый, кажется, завлит ТРАМа, а второй — директор) с уговорами, чтобы М.А. поступил режиссером в ТРАМ... А 18 апреля часов в 6—7 вечера он прибежал, взволнованный, в нашу квартиру (с Шиловским) на Бол. Ржевском и рассказал следующее. Он лег после обеда, как всегда, спать, но тут же раздался телефонный звонок, и Люба (Белозерская. — *В.Л.*) его подозвала, сказав, что из ЦК спрашивают.

М.А. не поверил, решил, что это розыгрыш (тогда это проделывалось) и взъерошенный, раздраженный взялся за трубку и услышал:

— Михаил Афанасьевич Булгаков?

— Да, да.

— Сейчас с вами товарищ Сталин будет говорить.

— Что? Сталин? Сталин?

И тут же услышал голос с явно грузинским акцентом:

— Да, с вами Сталин говорит. Здравствуйте, товарищ Булгаков (или — Михаил Афанасьевич — не помню точно).

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

— Мы ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь... А может быть, правда — вы проситесь за границу? Что мы вам — очень надоели?

М.А. сказал, что он настолько не ожидал подобного вопроса (да он и звонка вообще не ожидал) — что растерялся и не сразу ответил:

— Я очень много думал в последнее время — может ли русский писатель жить вне Родины. И мне кажется, что не может.

— Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?

— Да, я хотел бы. Но я говорил об этом, и мне отказали.

— А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с Вами.

— Да, да! Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с вами поговорить.

— Да, нужно найти время и встретиться, обязательно. А теперь желаю вам всего хорошего».

Разговор по телефону со Сталиным, безусловно, сыграл положительную роль в судьбе писателя. Во всяком случае, та удушающая атмосфера вокруг писателя, которая неизбежно привела бы его к гибели, была немного ослаблена.

С. 90. *Возвращайтесь в Москву...* — 4 сентября 1930 г. К.С.Станиславский писал Булгакову:

«Дорогой и милый Михаил Афанасьевич! Вы не представляете себе, до какой степени я рад Вашему вступлению в наш театр!

Мне пришлось поработать с Вами лишь на нескольких репетициях «Турбиных», и я тогда почувствовал в Вас — режиссера (а может быть, и артиста?!). Мольер и многие другие совмещали эти профессии с литературой!

От всей души приветствую Вас, искренне верю в успех и очень бы хотел поскорее поработать с Вами».

С. 91. *...мне хочется просить Вас...* — Казалось бы, ситуация для Булгакова складывалась благоприятно: он работал в любимом теат-

ре, участвовал в репетициях, получил заказ на инсценировку «Мертвых душ», рецензировал сценарий в ТРАМе. Улучшились материальные условия. И тем не менее душевного покоя он не обрел. Сказывалось нездоровье, крайнее переутомление, неопределенность положения как драматурга и писателя. Но более всего его занимала мысль о Сталине, о возможном разговоре с ним. Желание встретиться с правителем государства у него было велико. Надежда на такую встречу сохранялась многие годы. По свидетельству Е.С.Булгаковой, беседы с мужем о И.В.Сталине носили постоянный характер.

Я обращаюсь к Вам с просьбой включить меня... в актеры... — На записке К.С.Станиславский написал: «Одобряю, согласен. Говорил по этому поводу с Андреем Сергеевичем Бубновым. Он ничего не имеет против...»

Гейтц Михаил Сергеевич — директор МХАТа с 1929 по 1931 г.

Рипсимэ Карповна Таманцова (1889—1958) работала зав. репертуарной конторой, потом — секретарем К.С.Станиславского. Была весьма колоритной фигурой во МХАТе. Чаще всего упоминается в дневниках Е.С.Булгаковой как «Рипси».

С. 92. *Я горячо прошу Вас...* — Булгаков решил обратиться с письмом лично к Сталину, чтобы прояснить чрезвычайно важные для него вопросы, и прежде всего главный: остается ли он по-прежнему узником в своей стране? Письмо замечательно во многих отношениях, но наиболее ярко в нем проявляется гражданская позиция писателя. Булгаков развивает свою мысль, высказанную в телефонном разговоре со Сталиным, о том, что русский писатель не может жить вне Родины. Булгаков находит у Гоголя — любимого своего писателя — прекрасные строки о готовности принести себя в жертву во имя Отчизны, о необходимости познать «цену России только вне России» и «добыть любовь к ней вдали от нее». Очевидно, были у Булгакова какие-то сокровенные мысли, которые он хотел высказать Сталину в личной беседе. Однако встреча не состоялась ни в 1931 г., ни в последующие годы.

Ответ Сталина на письмо писателя был своеобразным. Разрешение на выезд Булгаков не получил, но зато были разрешены к постановке пьесы «Мертвые души» и «Мольер», и, к огромной радости писателя, было принято решение о возобновлении «Дней Турбиных».

А по ночам стал писать. — В 1931 г. Булгаков сделал несколько попыток продолжить «Роман о дьяволе». Сохранились черновые тетради, в которых эти попытки отражены. Дважды переписана глава «Было дело в Грибоедове», а по некоторым другим были сделаны наброски. На одной из страниц, в правом углу, Булгаков написал: «Помоги, Господи, кончить роман. 1931 г.». В отрывке под названием «Свист» уже действовали почти все будущие герои «Мастера и Маргариты».

Можно предположить, что основная фабула романа уже была продумана Булгаковым. И лишь сильнейшее моральное и физическое переутомление мешали ему продолжить работу.

С. 93. *...написал... один из критиков...* — Речь идет о статье Р.Пикеля — персонального гонителя Булгакова — в газете «Известия»

(1929. № 213. 15 сентября) под названием «Перед поднятием занавеса (перспективы теасезона)».

С. 94. *Преимущественно «Мертвые души».* — Очевидно речь идет о работе над инсценировкой «Мертвых душ», которая была начата в мае 1930 г., вскоре после зачисления Булгакова в штат МХАТа, и продолжалась длительное время — до ноября 1932 г.

...маленькая постановка в маленьком театре. — В апреле 1931 г. М.А.Булгаков заключает договор с передвижным театром Института санитарной культуры на постановку пьесы Н.А.Венкстерн «Одиночка».

...один театр мне пьесу заказал. — Речь идет о пьесе «Адам и Ева». 5 июля 1931 г. Ленинградский Красный театр заключил с Булгаковым договор «на пьесу о будущей войне». 8 июля аналогичный договор был заключен с Вахтанговским театром.

С. 95. *В тот темный год...* — Имеется в виду период жесточайшей травли писателя в 1928 — начале 1930 г.

Умнейшая писательская нежность! — В.В.Вересаев на протяжении почти двадцати лет внимательно наблюдал за творческим развитием Булгакова, за его жизненными коллизиями, коих было немало, и в критические моменты всегда приходил на помощь писателю. Причем помощь эта носила не только моральный характер. Вересаев прекрасно понимал и чувствовал, что для стеснительного в таких вопросах Булгакова иногда материальная помощь может оказаться просто спасительной. Приведем лишь один пример. В 1929 г., когда, по словам Булгакова, ему «по картам выходило одно — поставить точку», в квартире его появляется Вересаев: «Я знаю, Михаил Афанасьевич, что вам сейчас трудно, — сказал Вересаев своим глухим голосом, вынимая из портфеля завернутый в газету сверток. — Вот, возьмите. Здесь пять тысяч... Отдадите, когда разбогатеете». И ушел, даже не выслушав слов благодарности.

С. 98. *...написать... пьесу по роману Л.Толстого «Война и мир».* — В конце августа 1931 г. Булгаков заключил договор с Ленинградским Большим драматическим театром на инсценировку романа Толстого «Война и мир». В начале сентября аналогичный договор был заключен со МХАТом, а в следующем году — с Бакинским рабочим театром. Булгаков приступил к работе 24 сентября 1931 г.

С. 99. *...предложено заменить название...* — Осенью 1931 г. вновь возник вопрос о «Кабале святош». 30 августа О.С.Бокшанская писала В.И.Немировичу-Данченко: «Горький <...> спрашивал о Мольере и, узнав о его судьбе, просил прислать ему экземпляр». Через две недели стало известно мнение Горького о пьесе. П.А.Марков, через которого МХАТ вел переговоры с Горьким, сообщил: «Он прочел «Кабалу святош», считает, что эту пьесу надо ставить, несмотря на некоторые ее автобиографические черты, и будет также добиваться этого».

30 сентября Булгаков направляет Горькому экземпляр пьесы. 3 октября было получено разрешение Главреперткома на постановку пьесы. О степени влияния Горького в литературном мире и в сфере управления культурой говорит тот факт, что пьеса получила положительное заключение Главреперткома фактически без изменений в тексте (замена названия пьесы на «Мольер» оговаривалась за-

С. 101. *...чем закусывать, спрашиваете Вы?* — Булгаков отвечает на следующую реплику П.С.Попова (письмо от 28 декабря 1931 г.): «Извините, но Вы делаете явную ошибку: Вы не подумали о том, чем закусывать. Лучше крепкого соленого душистого огурца ничего быть не может. Вы скажете — гриб лучше. Ошибаетесь. Огурцы были привезены из Москвы. Но уже в них появляется дряблость. Вы, я надеюсь, понимаете, что с дряблостью далеко не уедешь. <...> Вы скажете — ветчина. Да — ветчина. Это верно — окорок скоро будет коптиться...»

...«Дни Турбиных» срочно возобновляются. — В дневнике писателя Ю.А.Слезкина, бывшего в курсе литературных и театральных дел, это событие нашло отражение: *«21 февраля 1932 г.* От нападок критики театры страхуют себя, ставя «Страх» (пьеса А.Н.Афиногенова. — *В.Л.*). МХТ-1 тоже «застраховал» себя... На просмотре «Страха» присутствовал хозяин (И.В.Сталин. — *В.Л.*). «Страх» ему будто бы не понравился, и в разговоре с представителями театра он заметил: «Вот у вас хорошая пьеса «Дни Турбиных» — почему она не идет?» Ему смущенно ответили, что она запрещена. «Вздор, — возразил он, — хорошая пьеса, ее нужно ставить, ставьте». И в десятидневный срок было дано распоряжение восстановить постановку...»

С. 104. *...на пьесе литера «Б» Главреперткома.* — Этот гриф означал, что постановка пьесы разрешалась во всех театрах страны.

С. 105. *Лицо это по профессии драматург.* — Речь идет о Всеволоде Витальевиче Вишневском (1900—1951).

...след этого дела. — Имеется в виду заметка Вс. Вишневского «Кто же вы?» (Красная газета. 1931. 11 ноября. Вечерний выпуск).

Когда... командора нашего русского ордена писателей пристрелили... — Булгаков имеет в виду гибель Пушкина.

...дело не в капитальном строительстве. — Попов в письме от 20 марта 1932 г. выражал сомнения относительно участия Вс. Вишневского в срыве пьесы «Мольер» в Ленинградском Большом драматическом театре. В частности, он сообщал: «М.б., я сейчас скажу глупость, не пеняйте, обдумаю — поправлюсь. Мне кажется, все дело в «Капитальном строительстве». Дело в том, что в Александринке все внезапно, срочно закрывается, сезон кончается 31 марта, так что я вчера впопыхах взял на «Страх» 30-го. Затем неопределенно продолжительное время будет полная перестройка всего здания... Поэтому все и вся растекается и ликвидируется. Но это срочный и не научный ответ. Подход же к делу должен быть научным. Словом, в курсе дел я стану с 1 апреля, когда ежедневно буду получать на дом «Красную газету».

С. 106. *...я совершил пять роковых ошибок.* — О «пяти ошибках» Булгакова можно говорить лишь предположительно, поскольку ясно он на этот счет не высказывался. Отметим лишь, что мысли эти бередили душу Булгакова в период глубокого душевного потрясения, вызванного разрывом (казавшимся писателю окончательным) отношений с Еленой Сергеевной Шиловской. Этим и объясняются его слова о том, что он ничего не может делать (прежде всего, конечно, писать), пока не развяжет «душевный узел». Перед этим он

ранее). С Булгаковым тут же заключили договоры на постановку пьесы МХАТ и Ленинградский Большой драматический театр.

Когда едете за границу? — Осенью 1931 г. Е.И.Замятин при содействии А.М.Горького получает разрешение на временный выезд из СССР с сохранением советского гражданства.

Попов Павел Сергеевич (1892—1956) — первый биограф М.А.Булгакова. Был дружен с Михаилом Афанасьевичем до последних дней жизни писателя. По воспоминаниям Е.С.Булгаковой, которая очень хорошо помнила и часто фиксировала рассказы Михаила Афанасьевича о тех или иных событиях, знакомство их состоялось в 1926 г. при необычных обстоятельствах.

П.С.Попов, будучи уже в то время действительным членом Государственной Академии художественных наук (с 1923 г.), при первой же встрече с Булгаковым предложил ему стать его биографом. Булгаков принял предложение, и с этого момента их отношения с каждым годом становились все более тесными и доверительными. Переписка их носила откровенный характер даже в весьма сложные тридцатые годы. Сохраненные П.С.Поповым письма Булгакова по сути представляют собой существенную часть автобиографии писателя. После смерти Булгакова П.С.Попов был включен в состав комиссии по литературному наследию М.А.Булгакова, которую возглавил А.А.Фадеев. По поручению комиссии П.С.Попов подготовил первый «Очерк биографии» писателя, который был опубликован лишь в 1989 г.

...а не «экземпляр... ах». — В письме к Булгакову от 24 октября 1931 г. П.С.Попов писал: «Меня не удовлетворила прилагаемая краткая информация о московском чтении, а только «раззадорила». Как бы прочитать эту инсценировку? Ведь она, вероятно, отремингтонирована в десятках «экземпляров»? Анна Ильинична, подсматривающая через плечо, заявила, что она в последней фразе написала бы экземплярах. Ох, трудно сговориться с писателями и их родственниками и родственницами».

С. 100. *...гениального деда Анны Ильиничны.* — Толстая Анна Ильинична — жена П.С.Попова и внучка Л.Н.Толстого. Булгаков здесь имеет в виду инсценировку «Войны и мира».

Дорогой Агасфер! — Агасфер — «вечный жид», герой средневековых сказаний, осужденный Богом на вечную жизнь и скитания за то, что не дал Христу отдохнуть у порога своего дома по пути на Голгофу.

В письме к Булгакову от 28 октября 1931 г. Е.И.Замятин грустно острил: «...Стало быть, Вы поступаете в драматурги, а я в Агасферы». Это было, по сути, прощание товарищей по перу, поскольку Замятину суждено было через две недели покинуть Россию и, как они догадывались, навсегда.

Из трех эм'ов в Москве остались... — Это ответная реплика Булгакова на поздравления Замятина («Итак, — восклицал он в том же письме, — ура трем Эм — Михаилу, Максиму и Мольеру!»). Булгаков сожалел, что Максим Горький, активно помогавший и ему, и Замятину в решении жизненных проблем, уже находился к тому времени в Сорренто.

дал обещание мужу Елены Сергеевны Е.А.Шиловскому прекратить окончательно с ней все отношения.

С. 108. *...Ка-Эс звонил...* — Имеется в виду К.С.Станиславский.

...очень признателен за выписку. — П.С.Попов прислал Булгакову почти полный текст заметки Вс. Вишневского «Кто же вы?» В заметке, в частности, говорилось:

«Государственный большой драматический театр выпустил ко дню новой премьеры («Дело чести») специальную газету. В ней декларируются — правда осторожно — симпатии ГБДТ к театру Мейерхольда... В брошюре... подчеркивается, что театр стремится к закреплению ведущей роли пролетдраматургии и к борьбе за высокое качество спектаклей.

Тем с большей силой, удивлением и недоумением хочется спросить ГБДТ сегодня, узнав о некоторых новых фактах: — кто же вы идейно-творчески?

Театр, многажды заверявший общественность о своем желании выдвигать пролетдраматургов, принял к постановке пьесы «Мольер» Булгакова и «Завтра» Равича. Идейно-творческая позиция Булгакова известна по «Дням Турбиных», «Дьяволиаде». Может быть, в «Мольере» Булгаков сделал шаг в сторону перестройки? Нет <...> зачем тратить силы, время на драму о Мольере, когда к вашим услугам подлинный Мольер...»

Вс. Вишневский многократно и последовательно выступал против постановки на сцене советских театров пьес Булгакова, считая их явлением чисто буржуазным. В своих высказываниях он был прямолинейным, бескомпромиссным и резким, но, безусловно, искренним.

С. 109. *...вспоминают рамзинское дело...* — Цитата из статьи Вс. Вишневского «Театр и война». Вишневский писал: «...И казалось, будто на сцене, глядя на Турбиных, собрались, став в стороне со скрещенными руками, большевики — герои пролетарских пьес. <...> И сквозь весомый и победительный пласт пролетарской драматургии начали пробиваться какие-то голоса из прошлого. Махонькие, из офицерских собраний, с запахом «выпивона и закусона» страстишки, любишки, делишки. Мелодраматические узоры, немножко российских чувств, немножко музычки. Я слышу: «Какого черта! Ну, был Турбин, немножко строговатый, посамобичевался и получил осколок в череп. Ну и что?» <...> Чего достиг? Того, что все смотрят пьесу, покачивая головами, и вспоминают рамзинское дело... Знаем, мол, этих милых людей...» (Советское искусство. 1932. 21 февраля).

Рамзин Леонид Константинович (1887—1948) — советский теплотехник. В 1921 г. — член Госплана. Участник разработки плана ГОЭЛРО. Один из организаторов и первый директор Всесоюзного теплотехнического института (1921—1930). В 1930 г. осужден по известному делу промпартии. Создал конструкции промышленного прямоточного котла (котла Рамзина), лауреат Государственной премии СССР 1943 г.

С. 110. *Сахновский* Василий Григорьевич (1886—1945) — режиссер МХАТ, педагог, автор ряда книг по театральному искусству.

Телешева Елизавета Сергеевна (1892—1943) — актриса, режиссер, педагог.

С. 112. *Я состою в РАБИСе...* — РАБИС — Всесоюзный профессиональный союз работников искусств.

...как только... Мольер... отпустит душу... — В июле 1932 г. Булгаков заключает договор на книгу «Жизнь господина де Мольера» для серии «Жизнь замечательных людей» с обязательством сдать ее до 1 февраля 1933 г.

...Grimarest... — Автор первой известной биографии Мольера: Grimarest. Vie de Molière. P. 1705.

...Despois... — Despois E. Le Théâtre français sous Louis XIV. P. 1882 (Депуа Е. Французский театр при Людовике XIV).

С. 113. *Шиловский* Евгений Александрович (1889—1952) — муж Е.С.Шиловской (1892—1970; девичья фамилия Нюренберг, по первому мужу — Неелова) — помощник начальника Академии Генерального штаба, начальник штаба Московского военного округа, доктор военных наук, профессор, преподавал стратегию в Академии Генерального штаба и в других высших военных учебных заведениях.

В дневнике Е.С.Булгаковой сохранилась интереснейшая запись от 4 января 1956 г.:

«Потом еще рассказывала, как я Горького в первый раз увидела. Это было в 1921 году в июне (или июле). Мы с Евгением Александровичем пришли к патриарху, чтобы просить разрешения на брак. Дело в том, что я с Юрием Мамонтовичем Нееловым (сыном Мамонта Дальского), моим первым мужем, была повенчана, но не разведена. Мы только в ЗАГСе оформили развод. Ну, и надо было поэтому достать разрешение на второй церковный брак у патриарха.

Мы сидели в приемной патриаршего дома. Громадная, длинная комната, пол натерт до зеркального блеска, у всех окон — зелень, на полу — дорожки. Тишина. Пустота. Вдруг дверь на дальней стене открылась и вышел патриарх в чем-то темном, черном или синем, с белым клобуком на голове, седой, красивый, большой.

Правой рукой он обнимал Горького за талию, и они шли через комнату.

На Горьком был серый летний, очень свободный костюм. Казалось, что Горький очень похудел, и потому костюм висит на нем. Голова была голая, как колено, и на голове была тюбетейка. Было слышно, как патриарх говорил что-то вроде: Ну, счастливой дороги...

Потом он, проводив Горького до двери, подошел к нам и пригласил к себе. Сказал:

— Вот пришел проститься, уезжает.

Потом, когда Евгений Александрович высказал свою просьбу, — улыбнулся и рассказал какой-то остроумный анекдот не то о двоеженстве, не то о двоемужестве, — не помню, к сожалению.

И дал, конечно, разрешение».

Мы любим друг друга... — В 1932 г., наконец, счастливо разрешились семейные дела Булгакова, закончившиеся женитьбой на Елене Сергеевне Шиловской. Об этом можно судить по письму Е.А.Шиловского родителям Елены Сергеевны от 3 сентября 1932 г.: «Дорогие Александра Александровна и Сергей Маркович! Когда вы получите это письмо, мы с Еленой Сергеевной уже не будем мужем и женой.

Мне хочется, чтобы Вы правильно поняли то, что произошло. Я ни в чем не обвиняю Елену Сергеевну и считаю, что она поступила правильно и честно. Наш брак, столь счастливый в прошлом, пришел к своему естественному концу. Мы исчерпали друг друга, каждый давая другому то, на что он был способен, и в дальнейшем (даже если бы не разыгралась вся эта история) была бы монотонная совместная жизнь больше по привычке, чем по действительному взаимному влечению к ее продолжению. Раз у Люси родилось серьезное и глубокое чувство к другому человеку, — она поступила правильно, что не пожертвовала им.

Мы хорошо прожили целый ряд лет и были очень счастливы. Я бесконечно благодарен Люси за то огромное счастье и радость жизни, которые она мне дала в свое время. Я сохраняю самые лучшие и светлые чувства к ней и к нашему общему прошлому. Мы расстаемся друзьями.

Вам же я хочу сказать на прощанье, что я искренне и горячо любил Вас, как родителей Люси, которая перестала быть моей женой, но осталась близким и дорогим мне человеком.

Любящий Вас Женя Большой (Женей Малым в семье Шиловских звали сына Евгения. — *В.Л.*).

В 3 $^{3}/_{4}$ дня я венчаюсь... — К этой записке Е.С.Булгакова сделала следующее пояснение: «Эту записку передал на заседании в МХАТе В.Г.Сахновскому Михаил Афанасьевич. Сахновский сохранил ее, а потом передал мне».

Мне нужно... описание... памятника... — Н.А.Булгаков с присущей ему аккуратностью и тщательностью выполнил просьбу Михаила Афанасьевича. Он выслал фотографию памятника Мольеру, подробный план улиц и зданий вокруг памятника, скопировал надпись на памятнике. Е.С.Булгакова, работая над текстом романа при подготовке его к изданию, сообщала Николаю Афанасьевичу 14 сентября 1961 г.: «Мишина книга кончается и начинается с памятника Мольеру, и поэтому мне непременно хочется поместить фото памятника. Я должна сказать, что, действительно, это стоило больших трудов — добиться согласия на издание. Ведь я бьюсь над этим двадцать один год. Бывало, что совсем-совсем, казалось, добились. И опять все летело вниз, как Сизифов камень. В этом — моя жизнь. Мне выпало на долю — невероятное, непонятное счастье — встретить Мишу. Гениального, потрясающего писателя, изумительного человека. Не думайте, что это я пишу, потому что я — жена его, человек, обожающий его. Нет — все (и очень большие, и очень разнообразные люди), все, кто смог познакомиться полностью с его творчеством (я не всем даю эту возможность), — все употребляют именно это выражение — гениальный. Мне попала в руки совершенно случайно рецензия в Союзе писателей (!) о Мише, и там под его именем стояли: год рождения, год смерти, и слова, начинающие текст: Великий драматург. И ведь они не знают (только слышат) — какая у него проза. Я знаю, я твердо знаю, что скоро весь мир будет знать это имя...»

С. 114. *Нюренберг Сергей Маркович* (1864—1933) — отец Е.С.Булгаковой, учитель, журналист. В 1933 г. он уже тяжело болел.

С. 115. *Нюренберг* (Горская) *Александра Александровна* (1864—1956) — мать Е.С.Булгаковой.

С. 118. *Тихонов* (Серебров) *Александр Николаевич* (1880—1950) — писатель, редактор, издатель, один из основателей серии «ЖЗЛ».

...Ваш разбор моей книги... — 9 апреля 1933 г. А.Н.Тихонов написал Булгакову большое письмо-отзыв. В нем, в частности, говорилось:

«Я прочитал Вашего «Мольера». Как и следовало ожидать, книга в литературном отношении оказалась блестящей и читается с большим интересом.

Но вместе с тем по содержанию своему она вызывает у меня ряд серьезных сомнений.

Первое и главное — это то, что Вы между Мольером и читателем поставили некоего воображаемого рассказчика, от лица которого и ведется повествование. Прием этот сам по себе мог бы быть очень плодотворным, но беда в том, что тип рассказчика выбран Вами не вполне удачно.

Этот странный человек не только не знает о существовании довольно известного у нас в Союзе так называемого марксистского метода исследований исторических явлений, но ему даже чужд вообще какой-либо «социологизм», даже в буржуазном понятии этого термина.

Поэтому — нарисованная им фигура Мольера стоит вполне обособленно от тех социальных и исторических условий, среди которых он жил и работал. <...> В книге совершенно недостаточно выяснено значение мольеровского театра — его социальные корни, его буржуазная идеология, его предшественники и продолжатели, его борьба с ложноклассическими традициями аристократического канона.

Литературная генеалогия пьес Мольера — также неубедительна и ограничивается уголовными ссылками на заимствования и плагиаты. <...> Помимо этого и других крупных недостатков Ваш рассказчик страдает любовью к афоризмам и остроумию <...> Он постоянно вмешивается в повествование со своими замечаниями и оценками, почти всегда мало уместными и двусмысленными. <...> За некоторыми из этих замечаний довольно прозрачно проступают намеки на нашу советскую действительность, особенно в тех случаях, когда это связано с Вашей биографией. <...> Зато вполне недвусмысленны его высказывания, касающиеся короля Людовика XIV, свидетельствующие о том, что рассказчик явно склонен к роялизму <...> И вообще у этого человека большая любовь ко всякого рода сомнительным, альковным, закулисным историям и пересудам. Вспомните только, с каким азартом и как подробно он излагает «пикантную» сплетню о сожительстве Мольера с дочерью.

Ко всему прочему, он обладает, по-видимому, большими оккультными способностями — иначе откуда бы он мог знать, что чувствовал, видел и слышал Мольер в момент своей смерти <...> Если бы Вы вместо этого развязного молодого человека в старинном кафтане, то и дело зажигающего и тушащего свечи, дали серьезного советс-

кого историка, он бы мог много порассказать интересного о Мольере и его времени. Во-первых, он рассказал бы о социальном и политическом окружении Мольера, о его роли литературного и театрального реформатора. Об истории театра до и после Мольера. О театре — аристократическом, буржуазном и народном <...> Все это Вам как специалисту по театру и знатоку Мольера известно, конечно, лучше меня. Тогда почему же произошло такое досадное недоразумение с Вашей работой? <...> Так или иначе, но из всего сказанного выше нетрудно сделать неизбежный вывод — книга в теперешнем виде не может быть предложена советскому читателю. Ее появление вызовет ряд справедливых нареканий и на издательство, и на автора. Книгу необходимо серьезно переработать <...> Вы меня простите, Михаил Афанасьевич, что написал это все, может быть, резко и неуклюже — но я иначе не умею.

Если Вы согласитесь взять на себя дальнейшую работу над рукописью, я, разумеется, готов более подробно в личной беседе изложить свою точку зрения.

Как Вы просили, я послал Вашу рукопись Алексею Максимовичу. Подождем, что он скажет».

Через некоторое время пришло письмо от М.Горького. Оно оказалось для Булгакова неутешительным. В нем говорилось:

«Дорогой Александр Николаевич, с Вашей — вполне обоснованно отрицательной — оценкой работы М.А.Булгакова я совершенно согласен.

Нужно не только дополнить ее историческим материалом и придать ей социальную значимость, нужно заменить ее «игривый» стиль.

В данном виде это — несерьезная работа, и — вы правильно указываете — она будет резко осуждена...»

С. 119. *...желаю похоронить Жана-Батиста Мольера.* — Книгу о Мольере Булгаков положил в печально знаменитый шкаф, куда он складывал свои «похороненные» произведения. И лишь иногда, вечерами, в беседах с друзьями, он брал рукопись с полки и читал своим удивительным по выразительности голосом отрывки из печальной истории великого комедианта.

Впервые книга о Мольере вышла лишь в 1962 г. в той же серии «ЖЗЛ», но в сокращенном виде. Е.С.Булгакова, много лет положившая на подготовку романа к печати, часто сокрушалась по поводу вносимых изменений и сокращений. «Я... стараюсь представить себе, — писала Елена Сергеевна в январе 1956 г., — что разрешил бы вычеркнуть Михаил Афанасьевич? Для собственного успокоения скажу, что он всегда говорил: вычеркнуть я согласен, но вписывать! — ни за что!» Но, увы, не обошлось и без редакционных «вписываний». «Ну, значит, так. Судьба. Пусть пойдет даже в таком виде...» — решила Елена Сергеевна. Но разве можно в чем-либо ее упрекнуть?!

Полный текст романа был опубликован нами в 1988 г. в издательстве «Днипро».

...возле кожной клиники... — Недалеко от дома, где жили Булгаковы, находились клиники Медицинского института.

...буду... писать комедию... — В мае 1933 г. Булгаков заключил договор с Ленинградским мюзик-холлом на «эксцентрическую трехактную пьесу». Впоследствии она получила название «Блаженство».

С. 120. *Бокшанская* Ольга Сергеевна (1891—1946) — сестра Е.С.Булгаковой, секретарь В.И.Немировича-Данченко. В эти дни находилась в Ленинграде, где МХАТ гастролировал с пьесой «Дни Турбиных».

Позвольте побеспокоить Вас... — Это проект письма Сталину, который составил Булгаков по просьбе К.С.Станиславского и от его имени. В.И.Немирович-Данченко, находившийся в Италии и заключавший там ряд договоров на театральные постановки, был срочно вызван в Москву. Но в этом случае Немирович должен был выплатить неустойку.

Конечно, в проекте письма присутствует известная доля булгаковского сарказма: Булгаков недолюбливал Немировича-Данченко, значительную часть своего времени проводившего за рубежом. Сталину был отправлен другой вариант письма — более слезливый. Известно, что Немирович-Данченко благополучно возвратился в СССР и благодарил К.С.Станиславского за содействие.

Слава Булгакова как специалиста по составлению писем на имя Сталина еще более окрепла. В последующие годы к нему не раз обращались с аналогичной просьбой некоторые литераторы.

С. 121. *...чтобы наконец закончили дом в Нащокинском?.. Когда?!* — Переезд на новую квартиру состоялся в феврале 1934 г.

С. 122. *Что Вы делаете после «Сестер»?* — В 1933 г. вышел в свет роман Вересаева «Сестры».

...просидел две ночи над Вашим Гоголем. — Книга Вересаева «Гоголь в жизни» была издана в том же, 1933 г.

...уничтоженный три года назад роман. — Речь идет о романе «Черный маг» («Мастер и Маргарита»).

С. 123. *Ванино письмо...* — Иван Афанасьевич Булгаков, младший брат писателя, живший в Париже, тяжело переносил условия чужбины. В упомянутом письме он сообщал: «...К сожалению, кусочек хлеба (да еще с маслом! для семьи) приходится сейчас вырывать зубами. И я, и Ната (жена И.А.Булгакова. — *В.Л.*) сейчас работаем как волы... В Париже сейчас ад. Интересно, как ты его представляешь! Город для изучения богатый, но очень и очень злой для обиженных судьбою».

Стихи И.А.Булгакова, часто присылаемые им Михаилу Афанасьевичу, проникнуты тоской по Родине, безнадежностью. Михаил Афанасьевич внимательнейшим образом прочитывал стихи младшего брата, многие строки подчеркивал. Вообще Булгаков остро переживал вынужденную разлуку с братьями, стремился повидаться с ними. Но в то же время предчувствовал, что этому не суждено сбыться.

С. 125. *...Люся и я стараемся...* — Люся — домашнее имя Е.С.Булгаковой.

Дневник Е.С.Булкаковой и письма М.А.Булгакова

С. 129. *Вечером у нас Яков Л. Леонтьев...* — Леонтьев Яков Леонтьевич (1890—1948) — театральный деятель. В 1933—1934 гг. — помощник директора МХАТа, затем — заместитель директора Большого театра СССР, близкий друг семьи Булгаковых.

...фразы для Н.В.Егорова. — Егоров Николай Васильевич (1873—1955) — заместитель директора МХАТа по административно-финансовой части. Булгаков любил изображать его в своих сочинениях (например, Гавриил Степанович — в «Театральном романе»); Егоров был непременным героем устных рассказов и пародий писателя (рассказ о Сталине и др.).

С. 130. *...простить Владимиру Ивановичу...* — В.И.Немировичу-Данченко.

...Литвинов, Альфан... — Литвинов (наст. имя: Валлах Макс) Максим Максимович (1876—1951) — государственный деятель, в 1930—1939 гг. — нарком иностранных дел; Альфан Ш.Э. — французский посол в СССР.

С. 131. *...встреча с... Крючковым.* — Крючков Петр Петрович (1889—1938) — секретарь А.М.Горького.

Афиногенов Александр Николаевич (1904—1941) — известный драматург, автор пьес «Чудак», «Страх», «Машенька» и др.

С. 132. *...у Пати Попова.* — Попов Павел Сергеевич; Патя — так звали его друзья.

...с Аннушкой (Толстой) был профессор Гудзий... — Аннушка — жена П.С.Попова. Гудзий Николай Калинникович (1877—1965) — крупнейший ученый-литературовед, академик. Знакомство с Надеждой Афанасьевной Булгаковой состоялось в Киеве и затем продолжалось в Москве. В архиве Гудзия (Отдел рукописей РГБ) сохранились и материалы Н.А.Булгаковой (Земской).

С. 133. *...вопрос о «Мольере»... затягивается...* — Причины задержки с постановкой «Мольера» были, действительно, «чисто внутренне театральными». С самого начала постановочная работа не ладилась, поскольку все усилия руководства МХАТа были направлены на выпуск «Мертвых душ». В этом спектакле были заняты ведущие актеры театра, в том числе и Москвин, назначенный на роль Мольера. С Москвиным были связаны надежды на успех. Но тут произошло непредвиденное: Москвин отказался от роли. Через несколько де-

сятков лет Е.С.Булгакова так опишет это событие: «Играть Мольера должен был Москвин. Но в это самое время он расходился со своей старой женой и у него был пылкий роман с А.Тарасовой, он пришел к нам и сказал: не могу репетировать, мне кажется, что я про себя все рассказываю. У меня с Любовью Васильевной дома такие же разговоры, все повторяется, мне трудно. Вся Москва будет слушать как будто про меня... Это погубило спектакль: Станицын, которому передали роль, очень хороший эпизодический артист, но нести на себе весь спектакль не может, и в пьесе все перекосилось...» По разным причинам отказались от ролей в пьесе и некоторые другие ведущие актеры, в том числе и Хмелев, сменился художник и т.д. Станиславский никак не мог приступить к непосредственному руководству постановкой «Мольера», а весной 1933 г. он тяжело заболел и уехал лечиться за границу.

...«Бег»...может быть, пойдет к весне... — После доработки Булгаковым текста «Бега» летом 1933 г. (по предложению театра) вновь начались репетиции пьесы. Весть о возможной постановке «Бега» быстро распространилась, об этом узнали и за рубежом. Посыпались различные предложения. Об одном из таких предложений говориться в письме Е.С.Булгаковой (которая вела деловую переписку мужа) от 28 августа 1933 г. к руководителю Театра русской драмы в Риге А.И.Гришину: «Относительно пьесы БЕГ: по окончании переписки экземпляров, я буду просить разрешения в Наркомпросе на отправку БЕГА за границу».

Несмотря на то что 9 июля в «Красной газете» появилось сообщение о предстоящей в январе 1934 г. постановке пьесы во МХАТе, а сам театр принял решение (5 сентября) «добиться окончательного видоизменения пьесы», чтобы она была «отмечена наивысшей премией на предстоящем конкурсе драматургических произведений», Булгаков был весьма сдержан в прогнозах.

С. 134. *...на «Нашей молодости»...* — Пьеса С.Карташева (инсценировка романа В.Кина «По ту сторону»).

С. 135. *На собрании М.Залка и Шкловский сводили счеты.* — Залка Мате (Бела Франкль; 1896—1937) — венгерский писатель; Шкловский Виктор Борисович (1893—1984) — советский писатель, литературовед.

Вечером у нас... Любаша... — Речь идет о Любови Евгеньевне Белозерской, с которой Булгаковы поддерживали теплые отношения. В письме к сестре Надежде (от 1 октября 1933 г.) Булгаков писал: «Я и Люся сейчас с головой влезли в квартирный вопрос, черт его возьми. Наша еще не готова и раздирает меня во всех смыслах, а Любе я уже отстроил помещение в этом же доме, где и я живу сейчас».

С. 137. *...называл... Ромашова...* — Ромашов Борис Сергеевич (1895—1959) — известный драматург. Яростно выступал против «Дней Турбиных».

Бачелиса не должно быть в театре. — Бачелис Илья Израилевич — один из самых злобных критиков Булгакова. Фигурирует в списках «врагов Булгакова», составленных самим писателем и Е.С.Булгаковой.

Ольга Леонардовна... — О.Л.Книппер-Чехова (1868—1959) — народная артистка СССР (1937), жена А.П.Чехова.

Какой актер Тарханов! — Тарханов (Москвин) Михаил Михайлович (1877—1948) — великий русский актер, брат И.М.Москвина. В пьесе М.Горького «В людях» блестяще исполнял роль Семенова.

...молодому Пешкову. — Пешков Максим Алексеевич (1897—1934) — сын М.Горького.

Вечером у нас: Ахматова... — Булгаков познакомился с Анной Андреевной Ахматовой (1889—1966) в 1926 г. в Ленинграде, где они вместе выступали на литературно-художественном вечере в Большом зале филармонии (10 мая). Затем знакомство их укрепилось во время поездок Булгакова в Ленинград в конце двадцатых — начале тридцатых годов.

М.А. продиктовал мне страничку о Салтыкове-Щедрине — второй вариант. — Редакция «Литературного наследства» распространила среди писателей анкету с вопросами о значении творчества Салтыкова-Щедрина. Ответы писателей редакция предполагала опубликовать (впервые эти материалы были напечатаны в журнале «Новый мир» лишь в 1976 г., № 1). Булгаков обычно к подобного рода официальным опросам относился отрицательно. Но тут речь шла о писателе, которого он считал своим учителем. Существуют два варианта ответа (две анкеты): один — с подписью, от 19 сентября 1933 г., другой — без подписи, от 11 октября того же года. Елена Сергеевна в данном случае упоминает о втором варианте. В нем говорилось:

«Я начал знакомиться с его произведениями будучи примерно в тринадцатилетнем возрасте. Причем, как хорошо помню, они мне чрезвычайно понравились... В дальнейшем я постоянно возвращался к перечитыванию салтыковских вещей. Влияние на меня Салтыков оказал чрезвычайное, и, будучи в юном возрасте, я решил, что относиться к окружающему надлежит с иронией. Сочиняя для собственного развлечения обличительные фельетоны, я подражал приемам Салтыкова, причем немедленно добился результатов: мне не однажды приходилось ссориться с окружающими и выслушивать горькие укоризны. Когда я стал взрослым, мне открылась ужасная истина. Атаманы-молодцы, беспутные Клемантинки, рукосуи и лапотники, майор Прыщ и бывший прохвост Угрюм-Бурчеев пережили Салтыкова-Щедрина. Тогда мой взгляд на окружающее стал траурным.

Каков Щедрин как художник? — Я полагаю, доказывать, что он перворазрядный художник, излишне.

Вы пишете об оценке Щедрина в связи с задачами создания советской сатиры?

Я уверен в том, что всякие попытки создать сатиру обречены на полнейшую неудачу. Она создается сама собой, внезапно. Она создастся тогда, когда появится писатель, который сочтет несовершенной текущую жизнь и, негодуя, приступит к художественному обличению ее. Полагаю, что путь такого художника будет весьма и весьма труден».

С. 138. *...совещание по музыке к «Бегу»... Лев Книппер...* — Книппер Лев Константинович (1898—1974) — известный композитор, дири-

жер. Автор многих опер и балетов, написал музыку к спектаклю «Оптимистическая трагедия» (1933).

...арестованы Николай Эрдман и Масс. — Эрдман Николай Робертович (1902—1970) — драматург, автор пьесы «Самоубийца» (1928), в дальнейшем писал пьесы, киносценарии чаще всего в соавторстве. В конце тридцатых годов был дружен с Булгаковым. Масс Владимир Захарович (1896—1979) — драматург, сатирик, сочинял буффонады на злободневные темы.

Днем — актер Волошин... — Тимофей Волошин, актер Камерного театра, частый гость семьи Булгаковых.

...будет ли Редакция печатать биографию Мольера... — Какие-то надежды на благоприятный исход Булгаков еще сохранял, поскольку положительных отзывов на книгу было немало. Но с некоторой задержкой писатель получил ответное письмо, датированное 17 ноября 1933 г., в котором А.Н.Тихонов извещал, что «со стороны редакции нет возражений против того, чтобы Ваша книга «Биография Мольера», написанная для серии биографий, была издана в каком-либо другом издании, так как в нашей серии она, к сожалению, выйти не может».

...Прудкину-Голубкову. — Прудкин Марк Исаакович (1898—1996) — ведущий актер МХАТа, народный артист СССР (1961). В «Днях Турбиных» исполнял роль Шервинского. Предполагалось, что в «Беге» он будет исполнять роль Голубкова.

...спрашивает Арендта (хирурга)... — Арендт Андрей Андреевич — врач, друг семьи Булгаковых, прямой потомок знаменитого врача Н.Ф.Арендта, лечившего А.С.Пушкина.

С. 139. *Будто бы Юрьев получил внушение.* — Видимо, речь идет о Юрьеве Юрии Михайловиче (1872—1948) — актере и режиссере, народном артисте СССР (1939).

...ходил к Блументалю... — Блументаль Марк Леопольдович — домашний врач Булгаковых.

С. 140. *...физиолог Брюхоненко...* — Брюхоненко Сергей Сергеевич (1890—1960) — физиолог, в начале тридцатых годов — зав. лабораторией экспериментальной терапии; в 1935 г. возглавил Институт физиологии и терапии. Любопытно, что уже в начале двадцатых годов он разработал метод искусственного кровообращения и сконструировал первый в мире аппарат для искусственного кровообращения, который использовал в опытах на собаках при оживлении после наступления клинической смерти. Очевидно, Булгаков с интересом следил за этими опытами при написании повести «Собачье сердце». Следует отметить, что по методу Брюхоненко в 1945—1951 гг. осуществлялось оживление организма человека. За эти научные достижения ученому была присуждена Ленинская премия.

С. 141. *Гости: Федя Михальский, Дорохин...* — Михальский Федор Николаевич (1896—1968) — главный администратор-распорядитель МХАТа, позже — директор музея МХАТа; прототип одного из героев «Записок покойника» — Филиппа Филипповича Тулумбасова. Дорохин Николай Иванович (1905—1953) — ведущий актер МХАТа, в котором работал с 1927 г. Частый гость семьи Булгаковых.

...и Гедике... — Гедике Иван Иванович (1875—1942) — актер МХАТа (с 1924 г.), работал также, администратором Второй студии МХАТа.

Киршон Владимир Михайлович (1902—1938) — драматург, один из самых активных гонителей Булгакова.

..Кедров играет хорошо. — Кедров Михаил Николаевич (1893—1972) — актер, режиссер, народный артист СССР (1948). Во МХАТе — с 1924 г. В спектакле «Мертвые души» исполнял роль Манилова.

Ермолинский Сергей Александрович (1900—1984) — драматург, киносценарист, близкий друг Булгакова; муж М.А.Чимишкиан.

С. 142. *Полонский* Яков Натанович — член Всероссийского союза поэтов.

Зенкевич Михаил Александрович (1891—1973) — поэт, переводчик.

Голованов с оркестром... — Голованов Николай Семенович (1891—1953) — выдающийся дирижер, композитор, пианист.

С. 143. *Вечером — Дмитриев.* — Дмитриев Владимир Владимирович (1900—1948) — театральный художник, автор оформления многих оперных и драматических спектаклей в театрах Москвы и Ленинграда, друг писателя. Работал над оформлением булгаковских пьес «Бег» и «Мертвые души», но «Бег» был запрещен, а декорации к «Мертвым душам» не понравились К.С.Станиславскому. В.В.Дмитриев выполнил несколько карандашных портретов писателя в последние дни его жизни.

...на открытии театра Рубена Симонова... — Симонов Рубен Николаевич (1899—1968) — актер, режиссер, народный артист СССР (1946). В Студии (затем в Театре) Вахтангова — с 1920 г. Исполнял роль Аметистова в «Зойкиной квартире» и главную роль в булгаковском «Дон-Кихоте» (1941). Автор воспоминаний о Булгакове.

С. 144. *...мы были званы к Свечиным.* — С семьей Свечиных Елена Сергеевна Булгакова дружила много лет, с начала двадцатых годов.

Еланская Клавдия Николаевна (1898—1972) — с 1924 г. актриса МХАТа, народная артистка СССР (1948), жена режиссера И.Я.Судакова.

С. 145. *—Дай «Полоумного Журдена» Мордвинову...* — Комедию «Полоумный Журден» Булгаков написал очень быстро (в течение сентября—ноября 1932 г.) для театра Ю.А.Завадского. Первоначально пьеса задумывалась как адаптация комедии Мольера «Мещанин во дворянстве», но в ходе работы Булгаков использовал сцены и героев из других пьес Мольера: «Дон Жуан», «Брак поневоле», «Скупой». В результате получилась «Мольериана в трех действиях». Мордвинов Борис Аркадьевич (1899—1957) — в те годы режиссер МХАТа, позже работал режиссером в Большом театре.

..Берсенева закрывают. — Берсенев Иван Николаевич (1889—1951) — режиссер и актер, народный артист СССР (1948). С 1924 по 1936 г. работал во МХАТе-2, с 1928 г. — художественным руководителем.

Звонки... Кнорре. — Федор Кнорре, режиссер, вместе с Булгаковым работал в Театре рабочей молодежи (ТРАМ) в 1930 г.

Леонидов Леонид Миронович (1873—1941) — старейший актер МХАТа, народный артист СССР (1936). С блеском играл роль Плюшкина в «Мертвых душах».

Топорков Василий Осипович (1889—1970) — актер МХАТа с 1927 г., народный артист СССР (1948). Исполнитель роли Чичикова в «Мертвых душах». Автор воспоминаний о Булгакове.

Яншин Михаил Михайлович (1902—1976) — актер МХАТа с 1924 г. Народный артист СССР (1955). Оставил замечательные воспоминания о Булгакове.

...пошел к Горчакову... — Горчаков Николай Михайлович (1898—1958) — режиссер, с 1924 г. — во МХАТе, с середины тридцатых годов — художественный руководитель Театра сатиры. В 1933 г. вел репетиции булгаковской пьесы «Мольер» в качестве режиссера.

С. 146. *...у него роман с Аллой Т...* — Имеется в виду Алла Константиновна Тарасова (1898—1973) — ведущая актриса МХАТа, народная артистка СССР (1937).

...«Машинель»... — Речь идет о пьесе американской писательницы С.Тредуэлл.

С. 147. *Мучения с Бутонами... Грибков, Грибов...* — Грибков Владимир Васильевич (1902—1960) — актер МХАТа, заслуженный артист РСФСР (1948). Грибов Алексей Николаевич (1902—1977) — актер МХАТа, народный артист СССР (1948). С блеском исполнял роль Собакевича в «Мертвых душах».

Соснин (Соловьев) Николай Николаевич (1884—1962) — актер МХАТа, народный артист РСФСР (1957), исполнитель роли Алексея Турбина в «Днях Турбиных».

Рапопорт Иосиф Матвеевич — актер и режиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР (1946). В Вахтанговском театре с 1926 г. Постановщик «Дон-Кихота» (1941). Автор воспоминаний о Булгакове.

...американский посол Буллит был на «Турбиных»... — Уильям К.Буллит — первый посол США в России (в 1933—1936 гг.).

...компания Пильняка. — Пильняк (наст. фам. Вогау) Борис Андреевич (1894—1941) — известный писатель, прототип одного из героев «Записок покойника» — Агапенова.

С. 148. *На роль Бутона дают Петкера.* — Петкер Борис Яковлевич (1902—1983) — актер, на сцене с 1919 г., во МХАТе — с 1933 г., народный артист СССР (1963). Исполнитель роли Плюшкина в «Мертвых душах».

...Рипси, а потом и Федя. — Рипси — Рипсимэ Карповна Таманцова; Федя — Федор Михальский.

С. 149. *...авось, переедем...* — В ноябре 1933 г. Булгаков получил из Парижа письмо от Замятиных, в котором они сообщали интересную информацию о своей жизни, делились впечатлениями о женитьбе Булгакова. Е.И.Замятин писал: «Дорогой Мольер Афанасьевич, я задержался с ответом на Ваше письмо для того, чтобы иметь возможность поздравить Вас одновременно с Октябрьской годовщиной — и с новым семейным очагом. Ах, молодежь, молодежь! Ах, ветрогоны! Когда-то я был вроде Вас, а теперь вот наказан за грехи: два месяца пролежал в постели с жестоким ишиасом в левой ноге. <...> Летом видел здесь «Турбиных», одного из небезызвестных Вам Мольеров в исполнении так называемой «пражской группы». За исключением превосходного Мышлаевского — все остальные... — Вы

бы не досидели до конца...» А Л.Н.Замятина добавляла: «Я не представляю Вас в новой обстановке, в новом окружении. Мне жаль Любовь Евгеньевну... Устроена ее личная жизнь? Ах, Мася, Мася... Вы должны, конечно, измениться теперь, и изменитесь наверное. Вот почему Вы не поняли, что Вам надо было ответить скорее на мое последнее письмо, послать хоть два слова, надо было это сделать. Можете порадоваться — благодаря Вам я стала более равнодушна к родине, меньше стала думать и мечтать о ней... Если напишете — буду очень рада, но уже никаких условий не ставлю больше. Пусть Елена Сергеевна сдержит слово и провезет Вас по Европе. Тогда я познакомлюсь с ней, а пока передайте мой привет».

...американский журналист Лайонс со своим... спутником — Жуховицким. — Юджин Лайонс (1898—1985) много лет работал корреспондентом американских газет в СССР, беседовал со Сталиным. Жуховицкий Эммануил Львович — журналист, переводчик, выполнявший примерно ту же роль, что и барон Майгель в романе о Мастере.

С. 150. *...сцена за сценой — намечает пьесу.* — Речь идет о пьесе «Блаженство», черновой вариант которой Булгаков уничтожил в 1930 г. (см. письмо правительству от 28 марта 1930 г.).

...громадный успех у Шкваркина — «Чужой ребенок». — Шкваркин Василий Васильевич (1894—1967) — драматург. Комедия «Чужой ребенок» долгие годы шла во многих театрах страны.

Ливанов на репетиции... бузил... — Ливанов Борис Николаевич (1904—1972) — ведущий актер МХАТа (с 1924 г.), народный артист СССР (1948). Исполнял роль Ноздрева в «Мертвых душах».

— Коренева в штанах! — Коренева Лидия Михайловна (1885—1982) — актриса МХАТа (с 1904 г. — в школе МХТ, по окончании — в труппе театра), народная артистка РСФСР (1937), репетировала роль Мадлены в «Мольере». Своеобразие характера этой актрисы Булгаков отразил в героине «Записок покойника» — Людмиле Сильвестровне Пряхиной.

С. 151. *...художник Федоровский, постановщик Баратов.* — Федоровский Федор Федорович (1883—1955) — известный театральный художник. С 1921 г. — зав. художественно-постановочной частью, а затем главный художник Большого театра СССР. Баратов Леонид Васильевич (1895—1964) — режиссер-постановщик. С 1923 г. — актер и режиссер Музыкальной студии, позднее — Театра им. В.И.Немировича-Данченко. В 1931—1936 гг. — режиссер-постановщик Большого театра и руководитель его филиала.

Состав слабый: Игорь — Савранский, Кончак — старик Петров. — Савранский Леонид Филиппович (1876—1966) — солист Большого театра (лирико-драматический баритон) с 1914 по 1946 г., народный артист РСФСР (1934). Петров Василий Родионович (1845—1937) — солист Большого театра (бас) с 1902 по 1936 г., народный артист РСФСР (1933).

Василенко Сергей Никифорович (1872—1956) — композитор, дирижер, педагог. Народный артист РСФСР (1940), профессор Московской консерватории. Автор ряда опер и балетов. Хороший знакомый М.А.Булгакова.

С. 152. *Прекрасна Соколова...* — Соколова Вера Васильевна (1896—1942) — первая исполнительница роли Елены в «Днях Турбиных».

...очень хороши: Хмелев, Яншин, Станицын. — Все — первые исполнители в спектакле «Дни Турбиных»: Н.П.Хмелев — Алексей Турбин (Сталин был в восторге от игры Хмелева в этой роли), М.М.Яншин — Лариосик (лучший Лариосик за всю историю этой роли), В.Я.Станицын — фон Шратт.

С. 155. *...я оценил и белый лес, и шумящий самовар, и варенье.* — П.С.Попов сообщал в письме к М.А.Булгакову от 6 марта о прелестях деревенской жизни в Ясной Поляне: «Ну, вот, мы заделались настоящими деревенскими жителями. Гуляем, ходим на лыжах, пьем чай у самовара, который пыхтит на столе, появились — откуда ни возьмись — мед, варенье, яблоки. Здесь после оттепели и дождя наступило сильное похолодание, и все деревья и ветви оказались одетыми льдом. Сучья в лесу звенели, и все окно точно в хрустале...»

«Пиквикский клуб» репетируем... — Автор инсценировки «Пиквикского клуба» — Н.А.Венкстерн, постановщик — В.Я.Станицын. Булгаков оказывал посильную помощь в подготовке этого спектакля и даже читал текст инсценировки (май 1932 г.) на режиссерском совещании МХАТа — по просьбе автора. С удовольствием он исполнял также роль судьи в этом спектакле. Премьера «Пиквикского клуба» состоялась 1 декабря 1934 г.

...мажу, сценка за сценкой, комедию. — Речь идет о комедии «Блаженство».

...послушаем цыганские вальсы. — Жена П.С.Попова — А.И.Толстая с большим искусством исполняла цыганские романсы и песни. Работая над музыкальным оформлением пьесы «Бег», Булгаков часто прослушивал «настоящие концерты» в исполнении А.И.Толстой, а иногда приглашал на эти вечера и других певцов.

С. 157. *Барнет* Борис Васильевич (1902—1965) — актер и режиссер, заслуженный артист РСФСР (1935). Автор первого звукового фильма «Окраина» (1933).

...кинорежиссер Пырьев с предложением делать сценарий для кино по «Мертвым душам». — Пырьев Иван Александрович (1901—1968) — выдающийся советский кинорежиссер. Успех мхатовской постановки «Мертвых душ» привлек внимание и деятелей кино. Руководство Первой кинофабрики «Союзфильм» 31 марта 1934 г. заключило с Булгаковым договор о написании сценария по «Мертвым душам». Сроки были очень сжатые: сдача экспозиции — 15 мая, сценария — 20 августа. Постановка «Мертвых душ» была поручена И.А.Пырьеву. Вот как он описал это событие в своих воспоминаниях, которые до сих пор не опубликованы:

«Ободренный успехом своей первой звуковой картины «Конвейер смерти» и закрепившись на студии как режиссер, я решил поставить в кино какое-либо произведение русской классической литературы. После небольшого раздумья выбор мой остановился на бессмертной поэме Н.В.Гоголя «Мертвые души».

Написать сценарий я решил предложить М.А.Булгакову. Его пьеса «Мертвые души» уже в то время шла во МХАТе...

Михаил Афанасьевич, вместе с женой Еленой Сергеевной и сыном Сергеем, жил тогда в Нащокинском переулке. Встретил он меня

в узбекском халате, под халатом были только трусики. Церемонно поклонившись, он пригласил пройти в кабинет.

Войдя в небольшую комнату с книжными шкафами и полками, я с недоумением увидел висящие на стенах аккуратно окантованные, под стеклом, самые ругательные рецензии на спектакли Булгакова... Очевидно, хозяин хотел предупредить гостя или посетителя, чтобы он знал, куда он попал и с кем ему придется иметь дело...

— Чем могу служить? — прервав мое обозрение рецензий, спросил, входя в кабинет, уже облачившийся в костюм хозяин.

— Я бы хотел, — назвав себя, смущенно начал я, — чтобы вы написали для меня сценарий «Мертвых душ»...

— Душ! — воскликнул Булгаков. — Каких вам нужно душ?.. А почем вы изволите их покупать? — лукаво улыбнувшись, заговорил он со мной языком Гоголя...

Одним словом, через три месяца сценарий был готов, его единодушно одобрили виднейшие литературоведы, и он был разрешен к постановке».

Я тревожусь. — Как раз в эти дни Булгаков готовил заявление в официальные органы о своей поездке (вместе с Еленой Сергеевной) во Францию, где, разумеется, предполагал встретиться с братьями, которых не видел почти пятнадцать лет.

С. 157—158. *...закончил, наконец, пьесу...* — Речь идет о пьесе «Иван Васильевич», которую Булгаков написал для Театра сатиры. Первоначальное ее название — «Блаженство».

С. 159. *...вспомнил... «Фрегат «Палладу»...* — Имеются в виду путевые очерки И.А.Гончарова «Фрегат «Паллада».

...Григорович вкатился в Париж... — Речь идет о путевых очерках «Корабль «Ретвизан»» Д.В.Григоровича.

С. 160. *Вчера у нас... Поль, Кара-Дмитриев и Милютина.* — Поль (Синицын) П.Н., Кара-Дмитриев Д.Л., Милютина Е.Я. — актеры Театра сатиры.

С. 161. *...я позволяю себе беспокоить Вас просьбой...* — К Горькому писатель обратился как к человеку авторитетному и влиятельному, к тому же благожелательно относившемуся к его творчеству. Но ответа на письмо не последовало. Можно предположить, что причиной тому была преждевременная кончина сына Горького. Но, видимо, были и другие причины. Во всяком случае, Булгаков предполагал, что отношение к нему со стороны Горького могло измениться в худшую сторону в связи с тем, что вокруг патриарха советской литературы «свили гнезда» люди типа Леопольда Авербаха, которые полагали Булгакова своим первейшим врагом. Знал также Булгаков и о том, что сам Горький и его близкие находятся под пристальным вниманием людей Ягоды.

С. 163. *...приведет к обеду Степанову...* — Степанова Ангелина Осиповна (1905—2000) — ведущая актриса МХАТа, народная артистка СССР (1960). Репетировала роль Арманды в пьесе «Мольер».

С. 164. *Лоли* — домашнее имя Екатерины Ивановны Буш, воспитательницы Сергея Шиловского.

...продиктовал мне первую главу будущей книги. — Речь идет о начале работы над книгой «Был май...», которая не была завершена.

С. 169. *...совершился пятисотый спектакль...* — Имеется в виду пятисотое представление «Дней Турбиных».

...Жене Калужскому... — Калужский Евгений Васильевич (1896—1966) — актер МХАТа, игравший в «Днях Турбиных» Студзинского; муж О.С.Бокшанской.

С. 170. *...в голове бродит моя Маргарита, и кот, и полеты...* — Так получалось, что именно в Ленинграде, будучи в командировках, Булгаков возвращался к работе над романом о дьяволе. Так было в 1932 г., когда писатель начал сочинять новую редакцию романа под условным названием «Великий канцлер». Так было и летом 1933 г., когда, находясь с Еленой Сергеевной в Ленинграде, Булгаков продолжал работу над романом после перерыва. И на сей раз, пребывая в городе на Неве вместе со МХАТом, писатель интенсивно работал над романом в течение пяти дней, с 12 по 16 июля, о чем свидетельствуют датированные рукописи. В новой тетради на первой странице Булгаков записал: «Роман. Окончание (Ленинград, июль, 1934 г.)».

...по поводу смерти твоего отца. — Сергей Максимович Попов, отец П.С.Попова, был личностью примечательной, колоритной. Он возглавлял «Товарищество М.Попова с сыновьями», среди предприятий которого выделялась Ивановская фабрика сукон.

...что мне сказал Вайсфельд... — Вайсфельд Илья Вениаминович (р. 1909) — критик и теоретик кино, тогда заместитель директора кинофабрики.

Директор театра... — Вольф Вениамин Евгеньевич (1898—1959) — директор Ленинградского Красного театра и основатель Ленинградского Театра им. Ленинского комсомола.

С. 171. *...послал другое письмо...* — Имеется в виду письмо М.Горькому от 1 мая 1934 г.

С. 175. *...«Украинфильм» предлагает делать «Ревизора» для кино.* — Несмотря на колоссальную занятость, Булгаков никак не мог пройти мимо гоголевского «Ревизора». 16 августа «Украинфильм» заключил с Булгаковым договор на сценарий «Ревизора», и тут же Михаил Афанасьевич с Еленой Сергеевной отправились в Киев.

С. 176. *...увидели Бориса Эрдмана.* — Эрдман Борис Робертович (1899—1960) — театральный художник, брат Николая Робертовича Эрдмана.

Какой-то... Стецкий... — Стецкий А.И. — партийный деятель, чиновник. В данном случае — имя нарицательное.

С. 177. *...разговор с Мамошиным.* — Мамошин И.А. — секретарь партийной организации МХАТа.

С. 178. *...купил сегодня Станюковича, полного...* — Имеется в виду полное собрание сочинений известного русского писателя К.М.Станюковича.

С. 179. *Ох, дама! Ох, Жуховицкий!* — Булгаковы, конечно, прекрасно понимали, что находятся под постоянным наблюдением. Открытые ныне материалы ОГПУ ясно указывают, что осведомителями служили не только люди типа Жуховицкого, но и писатели, режиссеры, актеры.

С. 180. *Нижний кабинет...* — Во МХАТе к тому времени отношения между Станиславским и Немировичем-Данченко настолько ис-

портились, что коллектив театра разделился на два лагеря. «Нижний кабинет» возглавлял, разумеется, Станиславский, а помощниками его были Н.В.Егоров и Р.К.Таманцова. «Верхним кабинетом» руководил Немирович при активнейшем участии О.С.Бокшанской.

С. 181. *Мысль — делать картину из «Следопыта».* — Булгаков в своих ранних сочинениях нередко упоминал Ф.Купера. Об этом детском его увлечении писала в своих воспоминаниях сестра — Надежда Афанасьевна Булгакова. В «Записках юного врача» есть такая фраза: «...и долгими вечерами я мерил и мерил свой кабинет и жадно хотел газет, так жадно, как в детстве жаждал куперовского «Следопыта».

...только бы Бубнов не стал мешать... — Имеется в виду А.С.Бубнов — тогдашний нарком просвещения, сменивший А.В.Луначарского.

С. 183. *...показывал Петкеру...* — Петкер Борис Яковлевич (1902—1983) — актер МХАТа, народный артист СССР (1963). В «Мертвых душах» исполнял роль Плюшкина.

С. 184. *От Пырьева получен сценарий «Мертвых душ».* — И.А.Пырьев сопроводил присланный сценарий письмом, в котором, в частности, говорилось: «Многоуважаемый Михаил Афанасьевич! Посылаю Вам экземпляр сценария, в котором я сделал кое-какие режиссерские поправочки, прошу за них на меня не обижаться. Дня через два, если позволите, я к Вам зайду лично, и тогда мы эти «поправочки» обговорим, кстати, я Вам сообщу мнение о сценарии тов. Храпченко (ЦК ВКП(б))».

5 ноября Булгаков послал кинорежиссеру свои «поправочки». Он писал:

«Милый Иван Александрович!» При просмотре экземпляра сценария «Мертвых душ», переписанного с Вашими режиссерскими добавлениями, я обнаружил многие вещи, которые следует немедленно исправить. В частности, на балу Вы ввели менуэт. Я не могу сейчас сделать срочной проверки танцев того времени, но и без этой проверки могу сказать, что на губернаторском балу менуэт в чичиковские времена никак танцевать не могли. Менуэт надо убрать.

Далее: на 56-й странице у Вас введен *урядник*. Урядники появились в России в 1878 году. Следовательно, урядника надо немедленно убрать.

Еще: на стр. 41-й введена странная надпись: «Несравненно замечательное впечатление он произвел на дам...» Такой надписи быть не может!

Вообще весь сценарий содержит такое множество стилистических ошибок и всякого рода искажений, что его надлежит немедленно править. И я прошу Вас прислать мне экземпляр для того, чтобы я его выправил, с этого выправленного переписать и лишь тогда давать его читать. Я не хочу отвечать за те ошибки, которые в них содержатся. На сценарии стоит моя фамилия, и я, как автор, настаиваю на том, чтобы текст был мною выправлен.

Я надеюсь, что Вы меня познакомите и с режиссерским сценарием».

Илья — настоящий бандит. — Имеется в виду И.Я.Судаков.

С. 185. *...были еще Шапошниковы.* — Борис Валентинович (1890—1956) и Наталья Казимировна Шапошниковы — близкие приятели Булгакова. Познакомились они у Лямина в 1925 г. Б.В.Шапошников (художник, искусствовед, действительный член ГАХНа) — автор нескольких превосходных фотопортретов Булгакова.

...с Марианной Толстой. Она... рассказывала... про свою несчастную любовь к Е.А. — Марианна Алексеевна Толстая (1911) — дочь Алексея Николаевича Толстого. Познакомилась с Евгением Александровичем Шиловским (бывшим мужем Елены Сергеевны) в 1933 г., а женой его стала в 1936 г. Неоднократно встречалась с Еленой Сергеевной и «просила советов» — как ей устроить свое счастье с Евгением Александровичем. После «породнения» с А.Н.Толстым Булгаковы стали шутливо называть его «дедом».

Вечером М.А. писал роман. — 21 сентября 1934 г. и в последующие дни Булгаков работал над предпоследней («Ночь») и последней («Последний путь») главами романа о дьяволе.

С. 186. *...встреча с Веровым...* — Веров И.Н. — заместитель директора Театра сатиры.

...указывает... на Р.К. — Р.К. — Рипсимэ Карповна Таманцова.

С. 187. *Похороны О.Н.Басова...* — Басов Осип Николаевич (1892—1934) — актер и режиссер Театра им. Евг. Вахтангова, руководитель Современного театра (1934).

...М.П.Гальперин... поставил... «Тартюфа». — Видимо, речь идет о Михаиле Петровиче Гальперине (1882—1944) — драматурге и переводчике. Возглавлял литературно-художественный кружок «Среда».

С. 188. *Старик недоволен ульяновской работой...* — Ульянов Николай Павлович (1875—1949) — художник, автор первых эскизов к «Мольеру». Оформлял спектакль «Дни Турбиных».

...на роль кардинала назначить Ершова... — Ершов Владимир Львович (1896—1964) — актер МХАТа (с 1916 г.), народный артист СССР (1948).

Халютина Софья Васильевна (1875—1960) — актриса МХАТа (с 1898 г.), народная артистка РСФСР (1948).

...ехать к Дикому... — Дикий Алексей Денисович (1889—1955) — актер, режиссер, народный артист СССР (1949).

С. 189. *...письмо с фабрики, требуют поправок к «Мертвым душам» — какая мука.* — Дирекция кинофабрики подготовила замечания к киносценарию на основе указаний комиссии ЦК РКП(б). В письме дирекции, в частности, говорилось, что «вышестоящими инстанциями даны дополнительные указания по исправлению сценария «Мертвые души».

22 октября Булгаков отправил руководству кинофабрики следующее письмо: «Уважаемые товарищи!.. Сообщаю вам, что я согласен произвести в сценарии «Мертвых душ» те переделки, которые указаны в письме, но при условии, что эта работа будет оплачена фабрикой. По нашему договору фабрика могла требовать от меня переделки сценария два раза. Дважды мною и были произведены переделки, после чего сценарий был принят фабрикой».

В этом вопросе стороны пришли к договоренности.

...ставить... «Привидения». — «Привидения» — пьеса Г.Ибсена.

М.А. созвонился с Андреем Андреевичем... — Речь идет об А.А.Арендте.

...с доктором Бергом. — Берг С.М. — врач-психиатр, лечил гипнозом.

Кторов Анатолий Петрович (1898—1980) — актер МХАТа, народный артист СССР (1963). Исполнял роль Шервинского (1936) в «Днях Турбиных».

Попова Вера Николаевна (1889—1982) — актриса Московского драматического театра, народная артистка РСФСР (1948).

С. 191. *Вечером приехала Ахматова... Рассказывала о горькой участи Мандельштама. Говорили о Пастернаке.* — О том, что разговор Сталина с Пастернаком широко обсуждался в кругах интеллигенции, свидетельствует также дневниковая запись Ю.Слезкина — писателя и давнишнего друга М.Булгакова:

«...Как мало мужества и ума у многих «прославленных» писателей, от которых ждут прежде всего правды.

После ареста Мандельштама Пастернаку (его другу) позвонил И.В.Сталин и спросил, что может сказать Пастернак о поэте Мандельштаме. Пастернак до того растерялся, что мог только ответить:

— У меня телефон в коридоре, а потому я не могу говорить обо всем, Мандельштама знаю мало.

На это ему ответили:

— Я бы своего товарища защищал лучше».

Любопытно, что эту запись Ю.Слезкин сделал после положительной характеристики, данной М.Булгакову. И не потому ли Анна Ахматова так высоко ценила не только талант, но и человеческие качества Булгакова, оставаясь в то же время, прохладной в отношениях с Пастернаком?

С. 194. *Каменский Анатолий* Павлович (1877—1941) — писатель, с 1920 г. — в эмиграции, в начале тридцатых годов возвратился в СССР. Позже был репрессирован.

С. 197. *М.А. перегружен мыслями, мучительными.* — В первой редакции дневника (она сохранилась начиная с 5 декабря 1934 г.): «Я чувствую, насколько вне Миши работа над «Ревизором», как он мучается с этим. Работа над чужими мыслями из-за денег. И безумно мешает работать над Пушкиным».

Кончается год. — В первой редакции далее: «И вот, проходя по нашим комнатам, часто ловлю себя на том, что крещусь и шепчу про себя: «Господи! Только бы и дальше было так!»

С. 198. *«Шляпа» в Вахтанговском.* — «Шляпа» — комедия В.Ф.Плетнева.

...и Маруся Т. — Мария Георгиевна Топленинова.

С. 200. *Гдешинский* Александр Петрович (1893—1951) — близкий друг Булгакова с детства. 26 апреля 1913 г. он присутствовал на обряде венчания Булгакова с Татьяной Лаппа в Киево-Подольской Добра-Николаевской церкви в качестве поручителя.

Я был в прошлом августе... — Речь идет о поездке Булгакова в Киев в августе 1934 г. Поводом для поездки послужили переговоры о возможности постановки «Мольера» в местном театре и «Ревизора» в кино.

С. 201. *Теперь накомандовал Станиславский.* — Прекрасные отношения, существовавшие между Булгаковым и Станиславским в течение ряда лет, в период репетиций пьесы «Мольер» стали осложняться. Станиславский по-прежнему с чистым сердцем и любовью относился к Булгакову. Но вторжение Станиславского в процесс работы над пьесой после длительных репетиций Булгаков воспринимал резко отрицательно.

С. 202. *...отзывом о чеховской переписке...* — Речь идет о переписке А.П.Чехова и О.Л.Книппер (издана в трех томах в 1934—1936). В письме П.С.Попова, в частности, говорилось: «Я как-то с боязнью брался за книгу, опасался, что еще больше разочаруюсь в Книппер. Но письма говорят в ее пользу...»

С. 203. *...написал отзыв о режиссерском сценарии «Мертвых душ».* — Хроника этого запутанного дела такова. 13 декабря 1934 г. дирекция кинофабрики прислала Булгакову на отзыв исправленный вариант режиссерского сценария. 20 января 1935 г. в «Вечерней Москве» появилось сообщение о том, что режиссер И.А.Пырьев «приступил к съемке звукового фильма «Мертвые души» по сценарию М.А.Булгакова и... Ив. Пырьева». Е.С.Булгакова тут же обратилась к И.А.Пырьеву за разъяснениями. Ответа не последовало. Тогда сам Булгаков 11 февраля обращается в Управление по охране авторских прав, полагая, что кинофабрика нарушила его авторские права, переделав сценарий без его ведома и наделив правами автора И.А.Пырьева. 17 февраля М.Б.Храпченко, руководитель кинокомиссии ЦК РКП(б), пишет отзыв на сценарий «Мертвых душ», в целом одобрительный, и заключает: «Огромные трудности... преодолены. Сценарий обещает интересный и значительный фильм». 11 марта директор кинофабрики С.А.Саврасов направляет в Управление по охране авторских прав письмо, в котором указывает, что режиссерский сценарий «был сдан для согласования М.А.Булгакову, но фабрика никаких замечаний от автора до сих пор не получила» и что «литературный сценарий не годен к производству, а режиссерский сценарий годен и, таким образом, основная задача по экранизации «Мертвых душ» достигнута». 26 марта Булгаков все-таки направляет свой отзыв на режиссерский сценарий руководству кинофабрики.

Сценарий был принят к постановке, но затем работы прекратились, так как Пырьев стал снимать фильм «Партийный билет». Сам режиссер так объясняет в своих воспоминаниях принятое решение:

«Начался подготовительный период. Я договорился с Н.П.Акимовым о художественном оформлении им будущего фильма. Д.Д.Шостакович согласился писать музыку. В.Э.Мейерхольд обещал играть Плюшкина. На роль Ноздрева был намечен Н.П.Охлопков, Ю.А.Завадский — на роль Манилова, а К.А.Зубов должен был играть Чичикова...

Уже начали готовиться к пробам. Шить костюмы, делать парики... Как вдруг в «Правде» появилась редакционная статья «Сумбур вместо музыки». Статья резко обрушивалась на Д.Д.Шостаковича за его музыку к опере «Леди Макбет Мценского уезда».

Статья призывала мастеров искусства к созданию подлинно реалистических произведений, в основе которых лежала бы не страсть

к формалистическим выкрутасам, а подлинная правда жизни. Я понял ее, возможно, даже шире ее действительного значения... Мне шел тогда 33-й год, в этом возрасте, если человек не обременен большой семьей, — творческие решения принимаются быстро. И я отказался от постановки «Мертвых душ».

С. 206. *А Булгаков — незаконное!* — В первой редакции дневника далее: «Билль-Белоцерковский (написавший в 1929 г. на Булгакова донос Сталину. — *В.Л.*) и Кирпотин (литературовед, партийный чиновник. — *В.Л.*) опустили глаза — целомудренно».

С. 209. *...умер Юра Неелов.* — В первой редакции: «...умер мой первый муж Юрий Мамонтович Неелов. Как странно: я о нем совсем было забыла, а в последние дни вспоминала очень часто».

С. 210. *...прошу Вас «Мольера» снять...* — Споры между Станиславским и Булгаковым в ходе репетиций пьесы «Мольер» достигли большого накала, поскольку Станиславский предлагал драматургу написать совершенно иную пьесу. Каждый из них отстаивал свое видение Мольера. Отношения стали ухудшаться. Письмо же Булгакова в конечном счете привело к полному разрыву. Для режиссера оно было неожиданным и даже непонятным. Он полагал, что Булгаков капризничает, не может преодолеть авторского самолюбия. Но великий психолог не учел в сложившейся ситуации именно психологического состояния писателя. С одной стороны, Булгаков в то время был по-прежнему в опале, подтверждением чему были бесплодные пятилетние репетиции «Мольера». С другой стороны, к нему, как к крупнейшему драматургу, стремительно нарастало внимание, лестные предложения театров уже не были редкостью, а дипломатический корпус ряда влиятельных стран назойливо выражал ему свое восхищение. В то же время физические силы писателя истощались, многолетняя изнуряющая работа не имела логического завершения. Булгакову был необходим — как воздух! — положительный результат, а его-то как раз и не было. Станиславский не уловил этого особого состояния драматурга. Булгаков решил вовсе не ходить на репетиции, потеряв к ним всякий интерес. Между тем Станиславский не стал добиваться изменений в тексте, но решил актерскими и режиссерскими средствами доказать свою правоту. Не исключено, что многоопытный режиссер сознавал уязвимость пьесы с точки зрения ее «автобиографичности», о чем говорил ему Горький в 1931 г., и многие участники спектакля. Возможно, Станиславский стремился уберечь ее автора и театр от очередного погрома. Но трагичность ситуации заключалась в том, что Булгакову не нужна была приглаженная пьеса, отличающаяся от его первоначального замысла.

Вскоре возникли новые противоречия, в которых активное участие принимали уже и актеры. Спектакль стал разваливаться. Нашлись «доброжелатели», которые стали спекулировать на трениях между драматургом и постановщиком. Булгаков в это время фактически отошел от Художественного театра. За спиной Станиславского плелись интриги, но режиссер продолжал упорно, не отходя от авторского текста, репетировать пьесу. А в это время уже было принято решение о его замене Немировичем-Данченко. Булгаков вос-

принял известие сдержанно, но с удовлетворением. Елена Сергеевна отметила этот факт победным восклицанием. Станиславский же, по свидетельствам очевидцев, в одной из бесед заметил с горькой иронией, что после отстранения его от «Мольера» он стал «безработным в театре».

Как показали дальнейшие события, Булгаков, в результате разрыва со Станиславским, лишился последней реальной поддержки в борьбе с «черной Кабалой».

С. 211. *...мы сели в их посольский кадиллак...* — В первой редакции: «С нами в машину сел незнакомый нам, но известный всей Москве и всегда бывающий среди иностранцев — кажется, Штейгер. Он — впереди с шофером, мы сзади» (Штейгер — прототип барона Майгеля в романе «Мастер и Маргарита». Подробнее об этом см.: Паршин Л. Чертовщина в американском посольстве в Москве... М., 1991. С. 117—127).

С. 221. *...Дикий с дирекцией театра ВЦСПС...* — Режиссер А.Д.Дикий в то время (1931—1936) руководил Театром имени ВЦСПС.

С. 222. *Я получил Ваше письмо...* — 22 августа В.В.Вересаев писал М.А.Булгакову: «<...> Мне ясен основной источник наших несогласий — органическая Ваша слепота на общественную сторону пушкинской трагедии. Слепота эта и раньше была в Вас сильна, а теперь, отуманненному похвалами поклонников, Вам еще труднее почувствовать дефекты Вашей пьесы в этом отношении. <...> Под моим давлением Вы ввели упоминание о декабристах и Пугачеве, но настолько этим не смогли зажечься, что, не переплавив, механически вписали в пьесу мою черновую схему. Для Вас это была та же жирная точка над «и», которую Вы скрепя сердце предоставили поставить в пьесе моей руке.

Та же слепота сказывается и в большинстве других возражений.

<...> Ну, да что продолжать! Мы говорим на разных языках. Я только одного не понимаю. Вы глубоко убеждены в полной несценичности всего мною предложенного. Почему же Вы так настойчиво протестуете против предложения театру на сравнение и моих вариантов? Театр с улыбкою их отвергнет, Вы докажете свою правоту, и все будет очень хорошо.

Я за лето измучил Вас, Вы измучили меня. Оба мы готовы друг друга ненавидеть. Дальше идти некуда. Делайте с пьесой, что хотите, отдавайте в театр в том виде, в каком находите нужным. Я же оставляю за собой право, насколько это для меня окажется возможным, бороться за устранение из Вашей прекрасной пьесы часто изумительно ненужных нарушений исторической правды и усиление ее общественного фона.

Преданный Вам В.Вересаев.

Пора бы нам заключить договор о наших правах на пьесу и уточнить наши взаимоотношения как соавторов. Я, напр., полагаю, что если Вы считаете себя вправе прочесть пьесу Дикому, так и я вправе прочесть ее в пушкинской комиссии».

С. 223. *...не имеем права читать пьесу порознь...* — Булгаков старался соблюдать достигнутую договоренность. Однако изредка читал пьесу на квартире в узком кругу лиц.

...с театрами, с которыми есть договоры. — Договоры были заключены с Вахтанговским театром и Красным театром в Ленинграде.

Виленкин Виталий Яковлевич (1911—1997) — с 1933 г. — секретарь, затем — зам. зав. литературной частью МХАТа. Автор воспоминаний о Булгакове.

С. 224. *...роль еврея в «Турбиных» выкинул К.С.* — В первой редакции: «МХАТ не сходит с языка. Узнали, что роль еврея, как Миша давно уже говорил по догадке, из «Турбиных» выбросил Станиславский. А в театре врали, говорили, что это по распоряжению свыше».

Следует отметить, что в сложившейся во МХАТе ненормальной обстановке сплетни и пересуды стали явлением не только рядовым («театральная обстановка»!), но и приобрели злобно-клеветнический характер. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что Станиславский в высшей степени был порядочен в отношении Булгакова.

Шведе-Радлова Надежда Константиновна (1895—1944) — художница, написала серию картин, посвященных Пушкину. В конце двадцатых годов поддерживала, как и ее супруг Н.Э.Радлов, хорошие отношения с Булгаковым, часто приезжавшим в Ленинград по делам.

Спасибо тебе за дубовый листок... — С письмом Дина Радлова прислала и лист дуба, «под которым любил сидеть Пушкин и под которым они с Языковым часто сидели, лежали, даже спали».

С. 225. *...берусь за отделку комедии.* — Речь идет о пьесе «Иван Васильевич».

С. 230. *Познакомилась с Меликом*. — Мелик-Пашаев Александр Шамильевич (1905—1964) — с 1931 г. — дирижер, с 1953 г. — главный дирижер Большого театра.

С. 231. *...привезли Млечина.* — Млечин В.М. — сотрудник Главреперткома, неоднократно выступал с критикой творчества Булгакова.

С. 232. 7 *ноября.* — Далее полностью опущена следующая любопытная запись от 8 ноября из первой редакции дневника:

«Мы с Мишей совсем устали от забот, хлопот. Постоянные звонки, то по поводу «Пушкина», то «Ивана Васильевича». Решили вечером куда-нибудь пойти поразвлечься. Поехали в клуб мастеров, он почему-то оказался заперт. По дороге в автобусе ломали голову, куда пойти, и решили идти в «Националь», благо автобус остановился у него. Произошло интереснейшее приключение. В вестибюле — шофер, который возит соседнего американца. Страшно любезен, предлагает отвезти обратно, желает приятного аппетита.

Поднялись в ресторан. Я ахнула — дикая скука. Ни музыки, ни публики, только в двух углах — две группы иностранцев.

Сидим. Еда вкусная. Вдруг молодой человек, дурно одетый, вошел, как к себе домой, пошептался с нашим официантом, спросил бутылку пива, но пить ее не стал, не спуская с нас глаз. Миша говорит: «По мою душу». И вдруг нас осенило. Шофер сказал, что отвезет, этот не сводит глаз, — конечно, за Мишей следят.

Дальше лучше. Я доедаю мороженое, молодой человек спросил счет. Мы стали выходить. Оборачиваемся на лестнице, видим — мо-

понимал, что информация регулярно поступает на самый верх. И до самой премьеры не верил в положительный исход. Тем не менее — пьеса шла! И, возможно, писатель решил, что настало время для реализации давно зародившейся идеи — написать пьесу о Сталине.

С. 237. *...смотрел «Мольера» секретарь Сталина Поскребышев.* — Итак, «король» направил на спектакль своего приближенного, а «Кабала» уже начала действовать. О.Литовский писал: «Самый материал пьесы настолько недостоверный, что все усилия мхатовцев создать спектакль социально-страстный не могли увенчаться успехом. В основу пьесы Булгакова положено драматическое столкновение Мольера с тайным обществом «святых даров» (по пьесе «Кабала»). Из-за доноса актера... Муаррона о том, что Мольер будто бы женат на собственной дочери, «Кабала» получает в свои руки сильнейшее оружие для борьбы с ненавистным писателем. Мольер лишается милости короля и трагически гибнет... «Кровосмесительная» версия никем в пьесе не опровергается, придает ей сугубо мещанский характер... Булгакову нельзя отказать в драматургическом таланте и сценической опытности. Эта опытность не спасает автора от примитива, который особенно чувствуется в социально значительных сценах пьесы (например, заседание «Кабалы»)... С булгаковским Мольером в конце концов «Кабале» незачем так упорно бороться и мобилизовать столько сил. Он нисколько не опасен...» Таким образом, прозвучал первый сигнал к травле и одновременно донос «королю».

С. 238. *...вахтанговцы начинают работу...* — Речь идет о пьесе Булгакова «Александр Пушкин». Постановку пьесы о Пушкине пытался осуществить Вахтанговский театр. Право первой постановки оспаривал МХАТ, включивший пьесу (в декабре 1935 г.) в свой репертуар. Вообще пьеса вызвала огромный интерес в театральных кругах. Дирекция Большого театра решила поставить по ней оперу. 6 января Булгаков читал пьесу для руководства театра. Присутствовали также Шостакович и Мелик-Пашаев. Пьеса очень понравилась, особенно Шостаковичу, которого и прочили в соавторы к Булгакову. Однако судьба распорядилась иначе. Вскоре на Шостаковича в прессе обрушилась лавина критики. 28 января в «Правде» появилась редакционная статья «Сумбур вместо музыки». Через несколько дней последовал новый удар по Шостаковичу: статья «Балетная фальшь». Булгаков, как и многие другие из его окружения, был уверен, что статьи против Шостаковича в «Правде» были написаны по указанию Сталина, о чем свидетельствует сохранившийся устный рассказ Булгакова на эту тему. Рассказ юмористический, ибо писатель, чувствуя предопределенность многих событий, смотрел на происходящее с некоторым чувством юмора. Замысел создания оперы пришлось отложить до лучших времен.

...мечтаю о валенках. — В письме от 1 февраля Поповы приглашали Булгаковых на отдых в Ясную Поляну. «Дорогой Михаил Афанасьевич, — писала Анна Ильинична, — погода меняется от метели к оттепели, от оттепели к морозу, от мороза к сильнейшему ветру, а мы все в том же мирном настроении, в полном неведении, что делается на белом свете, и только окружены белым снегом, белым музеем, а сидим в комнатах, скромно занимаясь своими делами... В Моск-

лодой человек, свесившись, стоит на верхней площадке и совершенно уж беззастенчиво следит за нами. Мы на улицу, он без шапки, без пальто мимо нас, мимо швейцара, шепнув ему что-то. Сообразили — вышел смотреть, не сядем ли мы в какую-нибудь иностранную машину. Ехали в метро, хохотали. Никогда не бывала в «Национале», и вот сегодня черт понес! Захотели съесть котлету де воляй!»

И далее: «Странное явление — ниоткуда нет уже давно никаких писем».

С. 234. *Новый год встречали у Батурина и Дуловой.* — Батурин Александр Иосифович (1904—1983) — певец Большого театра (бас, баритон), народный артист РСФСР (1966). Дулова Вера Георгиевна (1910—2000) — известная арфистка, солистка оркестра Большого театра, народная артистка РСФСР. Встреча Нового года в кругу людей Большого театра не была случайной, поскольку ближайший друг семьи Булгаковых Я.Л.Леонтьев, перейдя из МХАТа в ГАБТ, вынашивал идею привлечь Булгакова и для работы в Большом театре.

Небольсин предлагал М.А. вместе писать оперу. — Небольсин Василий Васильевич (1898—1958) — выдающийся дирижер, в Большом театре с 1922 г. Вел преимущественно русский оперный репертуар.

Сегодня репетиция по «Мольеру» с Немировичем. — Приняв на себя обязанности «выпускающего», Немирович-Данченко попал в достаточно сложное положение, поскольку свои режиссерские идеи он уже реализовать не мог — поджимали сроки. В Архиве МХАТа сохранилась его «оправдательная» записочка следующего содержания: «Мне спектакль был показан, так сказать, накануне сдачи публике. Официально я мог его не допустить. Но перед работающими в нем в течение нескольких лет актерами и режиссурой я не имел на это ни малейшего права. Мне оставалось помочь исполнителям довести спектакль до конца».

«Тихий Дон» — опера композитора И.И.Дзержинского (1909—1978).

С. 235. *У нас... Мутных...* — В.И.Мутных — директор Большого театра в 1936—1937 гг.

С. 236. *М.А. окончательно решил писать пьесу о Сталине.* — Эта запись требует объяснений (в дневнике их, к сожалению, нет). Можно предположить, что Булгаков, как бы получив одобрение на постановку «Мольера» от самого Сталина (такова была практика МХАТа — придворного театра), ощутил возможность взаимопонимания со стороны человека, действия и поступки которого писатель давно и мучительно пытался разгадать. Ибо трудно было не увидеть в пьесе параллели между прошлым и настоящим. Многие актеры Художественного театра (Кудрявцев, Яншин и др.) прямо указывали на «автобиографичность» «Мольера». Это прекрасно видел и Станиславский, стремившийся несколько затушевать эти параллели. Сталин, при его проницательности, подозрительности и мнительности, не мог не заметить того, что явно просматривалось... Тем не менее получалось так, что вроде бы Сталин снисходительно отнесся к «шалостям» драматурга и не отреагировал даже на монолог Мольера о тиране! Булгаков прекрасно знал о закулисной возне,

ву не тянет ни одного, ни другого. Видно, что необходимо посидеть в тишине... Неужели не приедете?»

В коротенькой записке Булгаков отвечал Анне Ильиничне: «Думал, думал — не поехать ли, в самом деле? Но не придется. Забот и хлопот много. <...> Конечно, если бы можно было перенестись без всяких усилий в сугробы Ясной, я посидел бы у огня, стараясь забыть и «Мольера», и «Пушкина», и комедию. Нет, невозможно. Вам завидую, и желаю отдохнуть, и благодарю за приглашение».

С. 240. *...отрицательные отзывы о «Мольере»...* — Далее в первой редакции: «Участь Миши мне ясна, он будет одинок и затравлен до конца своих дней».

С. 242. *В «Правде» статья «Внешний блеск и фальшивое содержание»...* — В статье, в частности, говорилось: «Гениальный писатель XVII века, один из самых передовых борцов против поповщины и аристократов, один из ярчайших реалистов, боровшихся за материализм, против религии, за простоту, против извращенности и жеманства, — такую биографию очень трудно, казалось бы, извратить и опошлить. Однако именно это и случилось у Булгакова с «Мольером»... Показан, к удовольствию обывателя, заурядный актерик, запутавшийся в своих семейных делах... Интрига «черной Кабалы», выведенной в пьесе по всем правилам драмодельских шпаргалок, не только не вяжется с исторической правдой, но и со здравым смыслом... Когда видишь заседание «Кабалы» или исповедь в соборе — просто не веришь, что все это происходит в филиале МХАТ, настолько низкопробно... Эта фальшивая, негодная пьеса идет решительно вразрез со всей творческой линией театра... Это урок для всех наших театров».

Вновь, как и в 1929 г., «Кабала» подготовила справку на самый верх (Сталину и Молотову), назвав ее очень простенько: «О «Мольере» М.Булгакова (в филиале МХАТа)». Подписал все тот же злополучный П.М.Керженцев.

Основной удар в справке был сделан на политический смысл сочинения. А смысл этот был очевиден... Процитируем первый раздел справки:

«1. В чем был политический замысел автора? М.Булгаков писал эту пьесу в 1929—1931 гг. (Разрешение Главреперткома от 3.X.31 г.), т.е. в тот период, когда целый ряд его пьес был снят с репертуара или не допущен к постановке («Зойкина квартира», «Багровый остров», «Бег» и одно время «Братья Турбины»). Он хотел в своей новой пьесе показать судьбу писателя, идеология которого идет вразрез с политическим строем, пьесы которого запрещают.

В таком плане и трактуется Булгаковым эта «историческая» пьеса из жизни Мольера. Против талантливого писателя ведет борьбу таинственная кабала, руководимая попами, идеологами монархического режима. Против Мольера борются руководители королевских мушкетеров, — привилегированная гвардия и полиция короля. Пускается клевета про семейную жизнь Мольера и т.д. И одно время только король заступается за Мольера и защищает его против преследователей католической церкви.

Мольер произносит такие реплики: «Всю жизнь я ему (королю) лизал шпоры и думал только одно: не раздави... И вот все-таки раздавил... Я, быть может, вам мало льстил? Я, быть может, мало ползал? Ваше величество, где же вы найдете такого другого блюдолиза, как Мольер». «Что я должен сделать, чтобы доказать, что я червь?»

Эта сцена завершается возгласом: «Ненавижу бессудную тиранию!» (Репертком исправил: «королевскую».)

Несмотря на всю затушеванность намеков, политический смысл, который Булгаков вкладывает в свое произведение, достаточно ясен, хотя, может быть, большинство зрителей этих намеков и не заметят.

Он хочет вызвать у зрителя аналогию между положением писателя при диктатуре пролетариата и при «бессудной тирании» Людовика XIV».

Осведомители из близкого окружения Булгакова следили за каждым его шагом. Один из них, например, сообщал в ОГПУ: «Статья в «Правде» и последовавшее за ней снятие из репертуара пьесы М.А.Булгакова особенно усилили как разговоры на эту тему, так и растерянность. Сам Булгаков сейчас находится в очень подавленном состоянии (у него вновь усилилась его боязнь ходить по улице одному, хотя внешне он старается ее скрыть). Кроме огорчения от того, что его пьеса, которая репетировалась четыре с половиной года, снята после семи представлений, его пугает его дальнейшая судьба как писателя (снята и другая его пьеса «Иван Васильевич», которая должна была пройти на этих днях в Театре сатиры), он боится, что театры не будут больше рисковать ставить его пьесы, в частности, уже принятую театром Вахтангова «Александр Пушкин», и, конечно, не последнее место занимает боязнь потерять свое материальное благополучие. В разговорах о причинах снятия пьесы он все время спрашивает: «Неужели это действительно плохая пьеса?» — он обсуждает отзывы о ней в газетах, совершенно не касаясь той идеи, какая в этой пьесе заключена (подавление поэта властью). Когда моя жена сказала ему, что, на его счастье, рецензенты обходят молчанием политический смысл его пьесы, он с притворной наивностью (намеренно) спросил: «А разве в «Мольере» есть политический смысл?» — и дальше этой темы не развивал. Также замалчивает Булгаков мои попытки уговорить его написать пьесу о безоговорочной советской позиции, хотя, по моим наблюдениям, вопрос этот для него самого уже не раз вставал, но ему не хватает какой-то решимости или толчка. В театре ему предлагали написать декларативное письмо, но это он сделать боится, видимо, считая, что это «уронит» его как независимого писателя и поставит на одну плоскость с «кающимися» и подхалимствующими. Возможно, что тактичный разговор в ЦК партии мог бы побудить его сейчас отказаться от его постоянной темы — противопоставления свободного творчества писателя и насилия со стороны власти, темы, которой он в большей мере обязан своему провинциализму и оторванности от большого русла текущей жизни».

С. 243. *...появились Сталин, Молотов и Орджоникидзе.* — Булгаковы, скорее всего, не знали о решении Политбюро по пьесе «Моль-

ер» и поэтому сохраняли призрачные надежды на вмешательство в их судьбу высокой особы. Тем более что на этот раз Сталин не выступил открыто против Булгакова, как это было в 1929 г.

...скверная по тону заметка о «Пушкине». — В статье под названием «Покушение на Пушкина» были и такие слова: «Памяти Пушкина угрожают халтурщики, пошляки, драмоделы, спекулирующие на его имени». И это о Вересаеве и Булгакове!

С. 244. *Арестовали Колю Лямина.* — Лямин был арестован 2 апреля, и через несколько месяцев суд приговорил его к трем годам лагеря. Вернулся он в 1939 г. и поселился в Калуге, так как был лишен права на жительство в Москве. Незадолго до смерти Булгакова тайно приезжал в Москву попрощаться с ним. В начале войны Лямина вновь арестовали, и он пропал без вести.

С. 248. *На каждом шагу про меня*. — Журнал «Театр и драматургия» (1936, № 4) поместил материалы дискуссии под заголовком «Против формализма и натурализма». В передовой статье «Свежий ветер» говорилось о «низкопробной фальшивке» — «Мольере», которая была поставлена во МХАТе. Мейерхольд заявил, что более всего его страшит подражание ему, которое стало, по его мнению, повсеместным. А коль скоро подражатели не отмечены его способностями и талантом, то и получаются театральные казусы. В этих условиях ему приходится яростно бороться с «мейерхольдовщиной», расплодившейся особенно в Ленинграде и в Москве. Нет ничего для него страшнее, чем «плохо понятый Мейерхольд». Вот и Горчаков в «Мольере» «ухитрился протащить мейерхольдовщину, но дал это на идейно порочном материале».

Далее, оценивая работе Театра сатиры, он заявил: «Этот театр начинает искать таких авторов, которые, с моей точки зрения, ни в какой мере не должны быть в него допущены. Сюда, например, полез Булгаков».

С. 249. *«Минин» закончен. М.А. написал его ровно в месяц, в дикую жару.* — Но в это же время на даче в Загорянке Булгаков написал и последнюю главу романа о дьяволе (третья редакция — «Великий канцлер»), которую назвал «Последний полет».

...сестренка Ольга. — Имеется в виду О.С.Бокшанская.

...и Женю... — Речь идет о Е.В.Калужском, муже О.С.Бокшанской.

...взялся за перевод «Виндзорских»... — В мае 1936 г. Булгаков заключил договор со МХАТом на перевод пьесы Шекспира «Виндзорские проказницы». Перед драматургом была поставлена задача написать новое произведение на основе объединения сюжетных мотивов «Виндзорских проказниц» и «Генриха IV». В дальнейшем Булгаков отказался от этой работы в связи с разрывом отношений с МХАТом.

Что с «Мининым»? — Лето и осень 1936 г. стали для Булгакова временем тяжелых раздумий о дальнейшей своей творческой судьбе. Во МХАТе он уже оставаться не мог после снятия со сцены его пьесы «Мольер». Хотя он и подписал в мае договор со МХАТом на перевод «Виндзорских проказниц», было ясно, что разрыв с театром неизбежен. «Кладбище моих пьес», — с горечью говорил писатель о любимом театре.

И в этот момент, а именно 16 июня, к Булгакову обратился с предложением написать либретто оперы «Минин и Пожарский» композитор Б.В.Асафьев, который давно вынашивал замысел создания русской патриотической оперы и считал, что лучше Булгакова этого никто не сделает.

Первый разговор между художниками был тяжелым. Булгаков не дал ясного ответа, хотя Асафьев ему чрезвычайно понравился. Однако на следующий день Булгаков не только дал согласие на творческий союз с Асафьевым, но и подписал договор с Большим театром, чему руководство ГАБТа было очень радо. Стало ясно, что Большой театр стремится заполучить блестящего стилиста в свой штат.

Булгаков тут же приступил к работе. Проработав за короткий срок огромный исторический материал, он закончил первую редакцию либретто почти за месяц.

С. 254. *Днем генеральная «Богатырей»...* — «Богатыри» — пьеса Демьяна Бедного.

...«Богатыри» снимаются. — Событие это было из ряда вон выходящим, ибо Демьян Бедный почти двадцать лет безнаказанно (напротив: всячески поощрялся!) глумился над православием, сочинив сотни и тысячи «произведений» различного жанра, которые тут же печатались огромными тиражами в газетах, журналах и его собраниях сочинений. Булгаков же, кстати, многие из этих «сочинений» собирал и аккуратно подшивал (для «воодушевления» при работе над романом о дьяволе).

С. 255. *Дирижер — Штидри...* — Штидри Фриц (1883—1968) — известный дирижер. В 1929—1932 гг. — первый дирижер Берлинской оперы; в 1933—1937 гг. (после прихода фашистов к власти в Германии) — художественный руководитель Ленинградской филармонии; с 1938 г. — в США.

Дирижировал Клейбер. — Клейбер Эрих (1890—1956) — австрийский дирижер, эмигрировавший из Германии в 1935 г.

С. 260. *Слушали... отрывки... Шебалин...* — Шебалин Виссарион Яковлевич (1902—1963) — известный русский, советский композитор, дирижер, педагог и общественный деятель. В конце тридцатых годов часто навещал семью Булгаковых.

С. 261. *Спешу отправить это письмо.* — Столь тщательно готовившаяся постановка «Зойкиной квартиры» в Париже оказалась на грани срыва в связи с появлением на сцене зловещей фигуры Каганского. Предстояла вновь изнурительная борьба за авторские права, победить в которой практически не было никаких шансов. Но Булгаковы все же решили сразиться. Письмо Н.А.Булгакова от 2 февраля 1937 г. представляет, на наш взгляд, большой интерес, и поэтому предлагаем читателю ознакомиться с некоторыми выдержками из него.

«...Театр «Vieux Colombier», — сообщал Николай Афанасьевич, во всю работает над «Зойкиной», и ее представление для прессы назначено на 8 февраля. <...> Мне даны формальные заверения в том, что все твои требования и указания строжайше исполнены. <...> К постановке отнеслись весьма серьезно, и артисты подобраны высоко-

го качества и с большими именами. <...> Хочется верить, что годы работы <...> увенчаются успехом. <...> Но есть и огорчения: на сцену вновь всплыл пресловутый Захар Л.Каганский. Пока шла кропотливая и трудная работа <...> этот комбинатор ничем себя не проявлял... <...> Теперь же, когда дело налажено <...>, когда запахло поступлением денег (авторского гонорара), он появился на горизонте сначала с предупреждением, а теперь и угрозами судом, арестом постановки и т.д. <...> Выяснилось, что все документы, составленные и выправленные по указаниям Société des auteurs оказались совершенно непригодными с юридической точки зрения, и ими оперировать не могу.

Здешним юристам совершенно необходимо письмо, посланное тебе издат. Ладыжникова 3 октября 1928 г., в котором это издательство предложило точные условия соглашения. <...> Из этого подлинного письма нужно немедленно же выяснить, на каких языках и для каких стран издат. Ладыжникова взяло на себя распространение твоей пьесы «Зойк. квар.» — и на какой срок. <...> Если только издат. Ладыжникова изданием немецкого перевода закрепило за собой право какого бы то ни было перевода, — т.е. на любой язык и в любой стране — инсценировки, аранжировки, переделки, сценарии и т.д., то ты лично с того момента, т.е. 8 октября 1928 года (в этом твоем ответе издат. Ладыжникова ты письменно согласился с условиями письма его от 3 октября 1928), никаких прав на «Зойкину» не имеешь — она целиком принадлежит через издат. Ладыжникова Фишеру. <...> Точно так же и твой авторский гонорар тебе может выделить лишь С.Фишер. <...> А Захар Л.Каганский заявляет, что он есть единственный и полномочный агент С.Фишера по театральным делам в Европе и что на его имя С.Фишером выданы соответствующие законные (?) документы, по которым он смог устроить постановки пьесы в Варшаве и Брюнне (Чехословакия). Мария Рейнгард, готовя французск. перевод-адаптацию, должна была обратиться к Фишеру и с ним уже договариваться об условиях этой адаптации.

Итак, все построено на подлинном и оригинальном письме издат. Ладыжникова к тебе от 3 октября 1928 года. Только имея это подлинное письмо в руках в Париже, мы сможем установить, насколько законны права издат. Ладыжникова — издат. С.Фишера — З.Каганского, как представителя С.Фишера — и какие меры можно принять, чтобы парализовать этого дельца. <...> До начала спектаклей осталось всего пять дней, нельзя терять ни одной минуты. <...> Если будешь немедленно писать в Париж, то пиши в Société des auteurs, что ты никогда и никоим образом не уполномочивал З.Каганского защищать твои права на «Зойкину» и всегда указывал С.Фишеру, чтобы Каганскому ведение твоих дел никогда и никак не поручалось, как ты уже писал в свое время самому С.Фишеру. <...> Действуй незамедлительно, точно и определенно, иначе чужая рука растащит то, что тебе принадлежит, а я, твой законный представитель, попаду в глупое и неловкое положение. <...> Решительная борьба за твои права внезапно вступила в критическую фазу, едва лишь спектакль объявлен и дело запахло деньгами. <...> Комбинатор З.Каганский, очевидно, лучше знал и законы и способы, как подцепить

оплошности в ведении дела. <...> Ах, сколько негодяев и бандитов рассеяно по целому миру!

Я, конечно, постараюсь все сделать, чтобы избежать огласки, скандала, но как это трудно, невыразимо трудно сделать!. <...> Всплывает снова старая и путаная история: издательство Ладыжникова... издательство С.Фишера и ее единственный и всемогущий представитель Захар Леонтьевич Каганский, которому якобы принадлежат все права на «Зойкину» повсюду и навсегда! <...> Итак, Ладыжников не существует, С.Фишер, может быть, также не существует, но существует Лазарь[1] Каганский, который остается невидимкой...»

С. 262. *...обратился... Петунин...* — Петунин Евгений Евгеньевич — оперный композитор.

С. 263. *Напишите мне срочно...* — Асафьев ответил Булгакову в день получения его письма (16 февраля). В послании, в частности, говорилось: «...*Петра* обязательно *со мной.* Я подбираюсь к нему давно и не хотел бы ни его, ни Вас уступить кому-либо. Затем с Вами же намерен делать *Хаджи Мурата* (тоже давно облюбовываю и с ужасом услышал, как Керженцев назвал эту тему для оперы в числе желанных: я его умолял никому ее не выдавать). И наконец, в третью очередь (с Вами же) *1812 год* по наметке трагедии А.С.Грибоедова. Все остальное пусть с Вами работают другие!.. Если останусь жив, непременно сделаю эти три вещи».

...между ним и Федоровским. — Федоровский Федор Федорович (1883—1955) — театральный художник, много лет проработавший в Большом театре. В частности, он оформлял декорации к опере «Князь Игорь» и др.

...просидели... с... Раевским и Ардовым... — Раевский Иосиф Моисеевич (1901—1972) — актер и режиссер МХАТа. Часто бывал в семье Булгаковых. Оставил воспоминания о М.А.Булгакове. Ардов (наст. фам. Зильберман) Виктор Ефимович (1900—1976) — писатель, автор юмористических рассказов, очерков, фельетонов. Драматург и киносценарист. Хорошо знал М.А.Булгакова, оставил воспоминания о нем.

Вечером... Орлова. — Орлова Любовь Петровна (1902—1975) — актриса кино и театра, народная артистка СССР (1950). Часто с мужем Г.В.Александровым они бывали в семье Вильямсов, где и сблизились с Булгаковыми. Александров Григорий Васильевич (1903—1983) — кинорежиссер, народный артист СССР (1948), один из создателей жанра советской музыкальной комедии.

С. 264. *...приветствие Блюменталь-Тамариной...* — Блюменталь-Тамарина (урожд. Климова) Мария Михайловна (1859—1938) — актриса, народная артистка СССР (1936).

Звонок Горюнова. — Горюнов Анатолий Иосифович (наст. фам. Бендель) (1902—1951) — актер, народный артист РСФСР (1946). Вся творческая жизнь его связана с Театром им. Евг. Вахтангова.

С. 265. *...пьеса Глобы «Пушкин»...* — Глоба Андрей Павлович (1888—1964) — поэт, писатель и драматург. В 1936 г. написал пьесу

[1] Так в тексте.

«Пушкин», которая, по мнению литературоведов, получила наибольшую известность из созданного автором. В 1937 г. эта трагедия была поставлена в Ярославле и Сталинграде.

...звонок Надежды Афанасьевны. — Надежда Афанасьевна Булгакова-Земская, сестра Михаила Афанасьевича, как и другие близкие родственники писателя, не часто навещала его после того, как он женился на Елене Сергеевне. Прохладные отношения сохранялись до осени 1939 г., когда Михаил Афанасьевич тяжело заболел.

Звонок Городинского... — Городинский Виктор Маркович (1902—1959) — музыковед, критик. В тридцатые годы занимал видные должности в руководстве советским искусством, а в 1935—1937 гг. был зав. сектором искусств Культпросветотдела ЦК ВКП(б).

С. 266 *...будто Замятин умер...* — Евгений Иванович Замятин умер 10 марта 1937 г. Через несколько лет А.А.Ахматова обратит внимание Елены Сергеевны на то, что и Замятин и Булгаков умерли в один и тот же день — 10 марта.

С. 268. *Разговоры по телефону с Калужскими.* — После развода Елены Сергеевны с Е.А.Шиловским старший их сын Евгений остался жить у отца. В доме Шиловского осталась жить и Ольга Сергеевна Бокшанская с мужем Е.В.Калужским. Но после женитьбы Е.А.Шиловского на Марианне Толстой ситуация изменилась: Бокшанская и Калужский вынуждены были искать себе квартиру.

С. 269. *...несчастье с «Пушкиным».* — Театр русской драмы в Харькове предъявил иск Булгакову и Вересаеву на полученный ими аванс за неразрешенную к постановке пьесу о Пушкине.

С. 270. *...был у Захавы.* — Захава Борис Евгеньевич (1896—1976) — режиссер, актер, педагог, народный артист СССР (1967).

— Аркадьев уезжает... — Аркадьев Михаил Павлович — партийный работник, театральный деятель.

С. 272. *Михоэлс патологичен. Великолепен Зускин...* — Михоэлс (наст. фам. Вовси) Соломон Михайлович (1890—1948) — известный еврейский советский актер, общественный деятель, народный артист СССР (1939), художественный руководитель Государственного еврейского театра. Был незаконно репрессирован, посмертно реабилитирован. Зускин Вениамин Львович (1899—1952) — актер Еврейского театра, народный артист РСФСР (1939).

С. 274. *Оформление Ходасевич...* — Ходасевич Валентина Михайловна (1894—1970) — театральная художница.

...умер Ильф. — Ильф (наст. фам. Файнзильберг) Илья Арнольдович (1897—1937) — писатель-сатирик, создавший совместно с Евгением Петровым (Катаевым) юмористические романы «Двенадцать стульев» (1928) и «Золотой теленок» (1931). С огромным уважением относился к Булгакову, преклонялся перед его талантом.

С. 276. *...Киршон был главным организатором травли М.А.* — В.М.Киршон многократно выступал против постановки булгаковских пьес на сцене. Так, при обсуждении «Новой резолюции о художественной литературе» Киршон писал: «Мне кажется, что резолюция должна дать анализ основных течений буржуазной и новобуржуазной литературы, показав увязку стремлений и чаяний литературных идеологов с требованиями и политикой классового врага в

стране... Ведь совсем еще недавно пытались протащить «Бег» на советскую сцену. Ударить по капитулянтам... одна из задач резолюции» (Вечерняя Москва. 1929. 7 декабря).

Головкина танцевала... — Головкина Софья Николаевна (р. 1915) — выдающаяся советская балерина, народная артистка СССР (1973).

С. 280. *...последний акт... с Лепешинской.* — Лепешинская Ольга Васильевна (р. 1916) — балерина, народная артистка СССР (1951).

С. 283. *Соловьев-Седой* (наст. фам. Соловьев) Василий Павлович (1907—1979) — композитор, народный артист СССР (1967).

...о привлечении...Лернера, Санникова... — Лернер Николай Никитич (1884—1946) — драматург. Санников Григорий Александрович (1899—1969) — поэт.

...в связи со всеми событиями в литературной среде... — В литературной среде действительно происходило «перетряхивание» различных направлений, групп и устоявшихся авторитетов. Активные поборники «пролетарской культуры» превращались в ее врагов, недавние гонители испытывали на себе все прелести положения гонимых. Ситуация менялась с калейдоскопической быстротой, круг «агентов в литературе» расширялся с каждым днем. В «Правде» появилось сообщение об исключении из партии В.Киршона. Были опубликованы и другие статьи о «похождениях» героев дня. Выделяется среди них статья известного литературоведа В.Кирпотина — «Троцкистская агентура в литературе» («Правда», 17 мая), в которой в центре внимания оказались Авербах, Киршон, Афиногенов, Лебединский. Концепция обвинения — «контрреволюционеры-двурушники» «прокладывали дорогу контрреволюции...»

С. 284. *Ясенский* Бруно (Виктор Яковлевич) (1901—1941) — польский и русский советский писатель. В 1928 г. был выслан из Парижа за памфлет «Я жгу Париж». С 1929 г. проживал в СССР. В 1937 г. репрессирован. Посмертно реабилитирован.

...звонил... Пиотровский... — Пиотровский Андриан Иванович (1898—1938) — литературовед, киновед, театровед, заслуженный деятель искусств. Один из зачинателей советского театроведения и киноведения. Автор ряда пьес. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

С. 285. *...«При помощи Гейтца...»* — В первой редакции дневников содержится более детальная характеристика М.С.Гейтца: «Вот фигура, между прочим, была этот Гейтц! Производил впечатление уголовного типа».

С. 286. *Мельник — Пирогов.* — Пирогов Александр Степанович (1899—1964) — один из выдающихся исполнителей басового репертуара, солист Большого театра, народный артист СССР (1937).

...о самоубийстве Гамарника. — Гамарник Ян Борисович (1894—1937) — крупный советский государственный, партийный и военный деятель, зам. наркома обороны и зам. председателя Реввоенсовета СССР.

С. 288. *...странное письмо Аркадьева.* — Этому «странному» письму предшествовала информация Аркадьева в «Правде» от 4 июня о предстоящих гастролях МХАТа в Париже. В заметке, в частности, говорилось: «8 августа в помещении театра «Елисейские поля» спек-

таклем «Анна Каренина» начнутся гастроли Московского Художественного театра в Париже. Затем пройдут «Враги» М.Горького и «Любовь Яровая» К.Тренева. Кроме этих трех постановок, коллектив Художественного театра предлагает показать в Париже новый в репертуаре МХАТ спектакль «Борис Годунов».

5 июня в «Правде» появилось «Письмо в редакцию» М.Аркадьева, в котором указывалось: «Корреспонденту «Правды» я ошибочно сообщил <...>, будто предполагается постановка четвертой пьесы — «Борис Годунов».

С. 289. *Куза* Василий Васильевич (1902—1941) — актер, заслуженный артист РСФСР (1937), выступал также в качестве режиссера и руководителя художественной частью Театра им. Евг. Вахтангова.

...с профессором Плетневым. — Плетнев Дмитрий Дмитриевич — известный врач-терапевт, профессор. Речь идет о статье в газете «Правда» от 8 июня 1937 г. «Профессор — насильник, садист». Заканчивалась статья призывом к советским врачам вынести «свой суровый приговор преступнику».

С. 290. *...Вирта написал пьесу...* — Вирта Николай Евгеньевич (1906—1976) — писатель и драматург.

Утром сообщение в «Правде» прокуратуры Союза о предании суду Тухачевского, Уборевича, Корка... — Следует отметить, что Елена Сергеевна многих из военных руководителей знала лично, так как те часто посещали квартиру Шиловских. Находясь в эвакуации в Ташкенте во время войны, Елена Сергеевна приютила дочь И.П.Уборевича.

Подгорный Николай Афанасьевич (1879—1947) — известный актер. Сподвижник К.С.Станиславского, с 1903 г. выступал во МХАТе, с 1919 г. — зав. труппой и репертуаром МХАТа. Заложил основу Второй студии МХАТа.

Комиссаров Александр Михайлович (1904—1975) — актер МХАТа, народный артист РСФСР (1948). В тридцатые годы исполнял роль Николки («Дни Турбиных»).

Зуева Анастасия Платоновна (1896—1986) — известная актриса, народная артистка СССР (1957). В труппе МХАТа — с 1924 г. Одна из самых значительных ее ролей — Коробочка («Мертвые души», инсценировка М.А.Булгакова).

С. 291. *...вычеркнули... Шевченко...* — Шевченко Фаина Васильевна (1893—1971) — актриса, народная артистка СССР (1948). Во МХАТе — с 1914 г.

С. 293. *...просит позвонить Ванеевой...* — Ванеева Екатерина Николаевна — директор Театра им. Евг. Вахтангова (1932—1939).

С. 294. *...встретили... Жуховицкого.* — Подобных лиц Елена Сергеевна часто называла «шуллерами» (известные персонажи из пьесы «Адам и Ева»).

Сегодня в «Комсомольской правде» статья под заглавием «Доколе же можно увиливать?»... — А.Безыменский был одним из самых активных преследователей Булгакова. Его высказывания в адрес писателя по наглости и бездоказательности ничем не отличались от тех «характеристик», которыми его самого наградила «Комсомоль-

ская правда». Безыменский оказался как бы в шкуре Булгакова. Но такой поворот событий не удивил последнего и не порадовал. Лишь Елена Сергеевна, которая была «кровожаднее» в этом смысле и долго помнила обиды, нанесенные Михаилу Афанасьевичу его недругами, записала в дневнике: «Интересно, как закончится для Безыменского это?» Но во второй редакции дневников она эту запись сняла.

С. 295. *Вольский* (наст. фам. Зейдель) Виталий Фридрихович — белорусский писатель и драматург.

Бухов Аркадий Сергеевич (1889—1937) — русский советский писатель. После Октябрьской революции оказался в Прибалтике. В 1927 г. принял советское гражданство, вернулся в СССР.

...Городецкий уже сделал либретто... — Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — известный поэт, либреттист. Один из организаторов «Цеха поэтов», положившего начало акмеизму — новому направлению в русской поэзии в десятые годы.

С. 298. *...была Тяпкина...* — Тяпкина Е.А. (1927—1936) — актриса Театра-студии под руководством Ю.А.Завадского, одновременно играла в Государственном театре им. Мейерхольда.

С. 299. *Клычков* (наст. фам. Лешенков) Сергей Антонович (1889—1941) — поэт, прозаик. Участвовал в Первой мировой войне. Примкнул к ново-крестьянскому направлению (Есенин, Клюев и др.). Незаконно репрессирован (1937). Посмертно реабилитирован.

Жизнь в Богунье поначалу была прелестна. — В дневниковой записи Елены Сергеевны от 20 октября 1955 г. есть такие строки: «Степун Вл. Был в ссылке 16 лет. На допросах били и заставляли подписать черт знает что. В частности, что в 1937 г. М.А. жил у него на даче и занимался контрреволюционной деятельностью, пропагандой. Донос написали две женщины, жившие там».

С. 301. *...директором МХАТ назначен Боярский...* — Боярский Яков Осипович — театральный деятель, до назначения директором МХАТа служил во Всесоюзном комитете по делам искусств (был заместителем П.М.Керженцева), руководил редакцией Театрального энциклопедического словаря, возглавлял ЦК профсоюзов работников искусств.

С. 303. *Чуркин* Александр Дмитриевич (1903—1971) — поэт. Многие его стихи положены на музыку композиторами В.П.Соловьевым-Седым, И.И.Дзержинским и др. и получили широкую известность («Вечер на рейде», «Парень кудрявый», «Далеко-далеко» и др.).

...«Аросев тяжело заболел...» — Аросев Александр Яковлевич (1890—1938) — советский партийный и государственный деятель, с 1934 г. — председатель правления Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. Занимался литературной деятельностью, автор романа «Корни» (1933) и др. Незаконно репрессирован, посмертно реабилитирован.

С. 304. *...арестован Абрам Эфрос.* — Эфрос Абрам Маркович (1888—1954) — искусствовед, театровед, литературный критик, переводчик.

С. 305. *Израилевский* Борис Львович (1886—1969) — бессменный директор и зав. музыкальной частью МХАТа (1909—1953). Очевидно, является прототипом одного из персонажей булгаковских «Записок покойника» — дирижера Романуса.

Иверов принес ему бутылку коньяку... — Иверов Алексей Люцианович (1883—1967) — врач Московского Художественного театра.

С. 306. *Биндлер позвонил...* — Биндлер И.Г. — в те годы управляющий делами Большого театра.

Это записка с заголовком «О Петре», состоящая из 10 пунктов. — Замечания П.М.Керженцева усугубили и без того тяжелое душевное состояние Булгакова. О том, что над либретто еще надо работать, Михаил Афанасьевич прекрасно знал (например, незаконченность некоторых картин просматривалась явно), но дело было в другом: Булгаков не мог в принципе принять некоторых замечаний Керженцева в силу их конъюнктурности и прямолинейности (привести высказывания Сталина, написать «песнь угнетенного народа», отразить будущие государственные перевороты и т.п.). А замечание об отсутствии в опере народа («надо дать 2—3 соответствующие фигуры... — крестьянин, мастеровой, солдат...») могло лишь привести Булгакова в бешенство, поскольку на подобных «замечаниях» была построена оголтелая критика его произведений, начиная с «Суда над Белой гвардией». К тому же Булгаков предусмотрительно дал на отзыв второй вариант либретто, а не первый, в котором симпатии автора явно были на стороне Алексея, таким образом, Булгаков уже провел первичную «самоцензуру» текста, и замечания Керженцева повергли его в глубокие и горькие раздумья.

С. 307. *...умер Азарий Азарин.* — Азарин (наст. фам. Мессерер) Азарий Михайлович (1897—1937) — известный комедийный актер, заслуженный артист РСФСР (1935). С 1919 г. — во Второй студии МХАТа, одновременно участвовал в спектаклях основной труппы Художественного театра. С 1936 г. работал в Малом и других театрах Москвы.

С. 308. *...внезапно навалилась... срочная работа...* — Возможно, Булгаков имел в виду оперу «Поднятая целина».

С. 309. *Смирнов попросил, чтобы ему показали рецензии Горького на «Бег», а также Пикеля...* — А.М.Горький внимательно следил за творческим ростом Булгакова. Известны его положительные отзывы о ранних произведениях писателя. В трудные периоды жизни Булгаков обращался к нему за помощью. Когда в 1928 г. возникли затруднения с постановкой пьесы «Бег» во МХАТе (против выступили многие функционеры Главреперткома), руководство театра пригласило на обсуждение пьесы Максима Горького. В своем выступлении Горький заявил, что на Судакова излишне подействовала резолюция Главреперткома, что со стороны автора нет никакого раскрашивания белых генералов, что такая вещь должна быть поставлена на сцене Художественного театра.

Однако Главрепертком продолжал борьбу против пьесы. Его поддержали многие «неистовые ревнители» из РАППа и других организаций. К тому же в это время (13 октября) Горький по решению врачей срочно выехал в Италию, и МХАТ потерял самого авторитетного своего защитника. Трудно сказать, чем бы закончилась вся эта эпопея (МХАТ продолжал репетиции в течение нескольких месяцев), если бы в феврале 1929 г. не последовал ответ И.В.Сталина Билль-Белоцерковскому: «Впрочем, я бы не имел ничего против по-

становки «Бега», если бы Булгаков прибавил к своим снам еще один или два сна, где бы он изобразил внутренние социальные пружины гражданской войны в СССР, чтобы зритель мог понять, что все эти, по-своему «честные» Серафимы и всякие приват-доценты, оказались вышибленными из России не по капризу большевиков, а потому, что они сидели на шее у народа (несмотря на свою «честность»), что большевики, изгоняя вон этих «честных» сторонников эксплуатации, осуществляли волю рабочих и крестьян и поступали поэтому совершенно правильно» (С т а л и н И.В. Сочинения. Т. II. М., 1949. С. 327—329).

Разумеется, после такого отзыва вождя, отличавшегося некоторой корректностью в сравнении с бранью «неистовых ревнителей», судьба пьесы была предрешена. Хотя нужно заметить, что Булгаков многие годы не мог простить Немировичу-Данченко, Судакову и другим руководителям МХАТа их пассивную позицию после отъезда Горького в Италию. И спустя десять лет, в августе 1938 г., Булгаков не мог без сильнейшего волнения писать Елене Сергеевне на эту тему. «Но вот что я считаю для себя обязательным упомянуть при свете тех же звезд — это то, что действительно хотел ставить «Бег» писатель Максим Горький. А не Театр!»

Что же касается Р.В.Пикеля, то он выступил в роли одного из наиболее активных «персональных» критиков творчества Булгакова, сосредоточив свое внимание, главным образом, на «Беге».

Композитор Багриновский... — Багриновский Михаил Михайлович (1885—1966) — известный композитор и дирижер. В 1910—1925 гг. дирижировал в Московской частной опере С.И.Зимина (с 1922 г. — «Свободная опера»). Занимался преподавательской деятельностью, в том числе в Институте военных дирижеров. Многие годы работал над музыкой к опере «1812 год», которую закончил в 1927 г.

С. 310. *...Вы пишете насчет пушкинской биографии и о другом.* — Речь идет о недоброжелательных откликах критики на работу Вересаева о Пушкине.

Пели хорошо — Лемешев, Норцов, Барсова. — Лемешев Сергей Яковлевич (1902—1977) — один из самых выдающихся певцов советского времени, народный артист СССР (1950). Пользовался огромной популярностью. Норцов Пантелеймон Маркович (1900—1993) — советский певец, баритон, народный артист РСФСР (1947), солист Большого театра. Барсова (наст. фам. Владимирова) Валерия Владимировна (1892—1967) — выдающаяся советская певица, народная артистка СССР (1937), с 1920 по 1948 г. — солистка Большого театра.

С. 311. *В газетах о снятии Бубнова с должности.* — Так, в газете «Правда» за 13 октября говорилось: «Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановил снять с поста Народного Комиссара Просвещения РСФСР тов. Бубнова А.С., как не справившегося со своей задачей и систематически срывавшего работу по просвещению, несмотря на колоссальную помощь со стороны органов советской власти».

С. 315. *...извините, что до сих пор не прислал Вам ответа...* — По существу, Булгаков выполнял функции «главного либреттиста»

Большого театра. Художественное руководство театра направляло ему весь поток либретто — на «экспертизу». Чаще всего Булгакову приходилось самому дорабатывать или перерабатывать эти либретто, за исключением тех, которые он отвергал как абсолютно непригодные. В мае 1937 г. главный дирижер ГАБТа С.А.Самосуд познакомил Булгакова с молодым композитором из Ленинграда В.П.Соловьевым-Седым, который задумал написать оперу на «современную тему» под названием «Дружба». Несмотря на перегруженность текущей и другой работой, писатель все же согласился, по мере возможности, оказывать помощь талантливому композитору в подготовке либретто (следует заметить, что Соловьев-Седой понравился Булгакову чисто по-человечески). Работать с настырным композитором Булгакову пришлось довольно плотно, правда, эпизодически. Об этом свидетельствуют раздраженные записи в дневнике Елены Сергеевны. После длительного перерыва, осенью, совместная работа Булгакова с Соловьевым-Седым возобновилась.

С. 316. *Пусть Воинов подписывает договор...* — Воинов Владимир Васильевич (1878—1938) — поэт, прозаик, драматург.

С. 317. *Книга произвела на М.А. неприятное впечатление.* — Отрицательное отношение Булгакова к книге Лиона Фейхтвангера «Москва-1937» еще раз свидетельствует о том, что драматург глубоко проникал в суть происходивших политических событий. Он, естественно, не мог согласиться с мнением автора, одобрявшего, по сути дела, репрессивную политику Сталина. Кстати, эта позиция Фейхтвангера, как и других западноевропейских деятелей культуры, является и до настоящего времени в некотором смысле загадочной, неясной.

С. 319. *...я был приглашен к Керженцеву...* — Керженцев сообщил Булгакову, что докладывал «на верх» о «Минине». О мнении «высокопоставленного лица» (скорее всего, это был Сталин) можно судить из письма Керженцева авторам оперы и режиссеру (Асафьеву, Булгакову и Самосуду) от 20 декабря, в котором он писал: «Моя тема снова «Минин и Пожарский». На днях я еще раз имел возможность беседовать об этом с руководящими товарищами (по их инициативе). Меня спросили, как продвигается опера. Думаю, что это даст Вам новый толчок, чтобы работать над «Мининым и Пожарским»».

С. 320. *Я-то знаю, что Вы писали «Минина» не во сне...* — Булгаков отвечает на следующую реплику Асафьева (письмо композитора от 15 декабря): «Вчера мне сообщили из здешнего Радио, что на их просьбу исполнить <...> «Минина», им ответили из Всесоюзного комитета сухим безапелляционным отказом. Смысл отказа: «опера не утверждена, еще пишется и до постановки в Большом театре ее исполнять нельзя...»

Очевидно, я видел во сне, что я написал «Минина»...

...Борис Петрович передал ему письмо от Асафьева. — Борис Петрович Иванов был в те годы руководителем балетной труппы Большого театра. Письмо Асафьева (от 23 декабря) было написано в том же духе, что и предыдущие, ситуации он не понимал. К тому же врачи запретили Асафьеву поездку в Москву.

С. 321. *...Елина...* — Очевидно, имеется в виду Ангелина Степанова — актриса МХАТа.

С. 322. *Шумяцкого сняли...* — Шумяцкий Борис Захарович (1886—1938) — советский государственный партийный деятель. В 1919—1920 гг. — председатель Сибревкома и Совета министров Дальневосточной республики. Затем — на руководящей советской работе. В 1937—1938 гг. был заместителем председателя Всесоюзного комитета по делам искусств.

Потом были... у Уманского... — Уманский Дмитрий Александрович — драматург, в тот период возглавлял «Литературное агентство».

С. 325. *...о смягчении участи Николая Эрдмана.* — Булгаков, очевидно, понимал, что немало рискует, написав письмо о смягчении участи Эрдмана. Во всяком случае, о своей судьбе он не отправил ни одного письма Сталину с 1934 г., хотя, судя по дневникам Елены Сергеевны, многократно предпринимал попытки это сделать (было сделано несколько черновиков).

Письмо не помогло. Но бывали случаи и более радостные. Так, в 1935 г. к Булгакову обратилась за помощью Анна Ахматова, у которой были арестованы сын Лев и муж Н.Н.Пунин. Вместе они подготовили письмо к Сталину. Вскоре муж и сын Ахматовой были освобождены.

С. 329. *...арестована Кудрявцева...* — Кудрявцева Валентина Васильевна (1904—1951) — балерина Большого театра.

Смольцов Иван Васильевич (1892—1968) — артист балета, балетмейстер, заслуженный артист РСФСР (1938). В Большом театре — с 1910 г.

С. 330. *М.А. читал первый акт своей пьесы «Адам и Ева»...* — 5 июля 1931 г. Булгаков заключил договор с Ленинградским Красным театром о написании пьесы «на тему о будущей войне» в четырех действиях. 8 июля аналогичный договор был заключен с Театром им. Евг. Вахтангова (право премьеры оставалось за ленинградцами). Очевидно, работа над пьесой началась вскоре после этого, а рукописный вариант был закончен, согласно авторской датировке, 22 августа. Вероятно, в конце августа пьеса была представлена в театры. К сожалению, постановка ее так и не осуществилась.

В ней наш треугольник — М.А., Е.А., я. — Елена Сергеевна полагает, что главные герои пьесы (Адам, Ева и Ефросимов) решали те же жизненные проблемы, какие приходилось решать в момент создания произведения Е.А.Шиловскому (Адам), самой Елене Сергеевне (Ева) и Булгакову (Ефросимов).

С. 332. *Приговор: все присуждены к расстрелу, кроме Раковского, Бессонова и Плетнева.* — Об истинных причинах преследования профессора Д.Д.Плетнева можно судить по материалам статьи В.Тополянского «Он слишком много знал» (Литературная газета. 1988. 15 июня). В статье, в частности, отмечается: «Непосредственным поводом к его преследованию стал политический секрет, который он и не собирался скрывать от друзей. Плетнев и Левин были лечащими врачами Г.К.Орджоникидзе и, разумеется, знали, что 8 февраля 1937 года он умер от огнестрельной раны, а не в результате заболевания сердца. Но в официальном медицинском заключении, написанном корявым полупрофессиональным языком, смерть нар-

кома объясняли «параличом сердца»... Это заключение Плетнев не подписал, что ничего, впрочем, не меняло. Почти все посвященные в эту тайну гибели Орджоникидзе были вскоре арестованы и расстреляны».

С. 336. *...в «Известиях» — подписанная певцом Рейзеном заметка...* — Заметка называлась «Смерть Шаляпина». В ней, в частности, говорилось: «...Шаляпин, пройдя в свое время большой творческий путь, создал ряд образов, вошедших в историю русского оперного театра. Однако в расцвете сил и таланта Шаляпин изменил своему народу, променял родину на длинный рубль. Ушел он из жизни, не оставив после себя ничего... Литературное наследство Шаляпина не представляет ничего интересного для искусства» (Известия. 1938. 14 апреля).

С. 337. *Сегодня в «Известиях» опровержение...* — «Тов. Рейзен М.О., — отмечалось в заметке, — обратился в редакцию с заявлением, что он такой заметки не писал, что с ним была лишь беседа по телефону сотрудника газеты... Заметка резко расходится с тем, что было сказано в беседе сотруднику редакции... Редакция считает необходимым извиниться перед т. Рейзеном М.О. Сотрудник редакции А.Эфраимсон, применивший метод, недозволенный в советской печати, исключен из состава работников «Известий».

С. 338. *Козырев* Михаил Яковлевич (1892—1941) — писатель.

...заходил Асафьев, взял клавир «Минина»... — Печально закончилась эпопея с оперой «Минин и Пожарский». Не сбылись надежды писателя и композитора. Особенно переживал Асафьев. 4 июня 1938 г. он написал Булгакову «прощальное» письмо, подводившее итог их творческому содружеству. Вот эти горькие строки: «Простите, что долго Вам не писал. Я так скорбно и горестно похоронил в своей душе «Минина» и прекратил и работу, и помыслы над ним, что не хотелось и Вас тревожить. В Большом театре и в Комитете меня как композитора знать больше не хотят. Это мне было ясно, еще когда я сидел у Вас и просил клавир. Кстати, клавир в целости и сохранности лежит близко от Вас в надежных дружеских руках, и если у Вас его никто не спрашивает, то я просил бы Вас повременить с изъятием его из этих рук (Николай Яковлевич Мясковский, Сивцев Вражек, 4, кв. 11)».

С. 339. *...Настя говорит...* — Настя — домработница Булгаковых.

С. 340. *Провожал твой поезд джаз...* — В конце мая 1938 г. Е.С.Булгакова уехала с младшим сыном Сергеем на отдых в Лебедянь. По существу это была первая разлука Булгакова с Еленой Сергеевной со дня начала их совместной жизни. Отдых Елене Сергеевне был крайне необходим, поскольку жизнь в условиях постоянных потрясений привела ее к нервному истощению. Головные боли, бессонница стали постоянными. К тому же на ее плечи легли хозяйственные и деловые вопросы. Булгаков, как врач и превосходный психолог, прекрасно понимал ее состояние и решил немедленно отправить Елену Сергеевну с сыном в относительно спокойное место, подальше от той обстановки, что явилась причиной нервного переутомления. При этом он запретил ей употреблять какие-либо лекарства.

Может быть, сам Булгаков еще больше нуждался в отдыхе, но категорически отказался от этого по двум причинам: из-за крайне напряженной работы в Большом театре и в силу твердого желания непременно завершить в кратчайший срок основную свою работу — роман «Мастер и Маргарита».

К маю 1938 г. была закончена последняя рукописная редакция романа, включавшая 30 глав. Но работа предстояла еще большая — необходимо было откорректировать текст перед перепечаткой. Для этого нужна была квалифицированная машинистка-корректор, поскольку Булгаков намеревался часть текста диктовать. Таким помощником согласилась стать сестра Елены Сергеевны — Ольга Сергеевна Бокшанская.

Награжденный Евгений... — Речь идет о старшем сыне Елены Сергеевны.

В 11 час. утра Соловьев... — Композитор Соловьев-Седой настойчиво просил Булгакова принять участие в написании либретто к опере «Дружба». Булгаков отказывался.

Мордвинов о Потоцком, композитор Юровский о своем «Опанасе». — Мордвинов Борис Аркадьевич (1899—1953) — режиссер Большого театра. Потоцкий Сергей Иванович (1883—1958) — композитор; Булгаков написал в содружестве с ним либретто к опере «Черное море». Юровский Владимир Михайлович (1915—1972) — композитор, работавший вместе с С.М.Городецким над оперой «Дума про Опанаса».

...Евгений, приглашающий себя ко мне... — Речь идет о Е.В.Калужском.

С. 343. *Мокроусов* Борис Андреевич (1909 —1968) — композитор.

С. 344. *...пристроить Николая Робертовича...* — Очевидно, имеется в виду Н.Р.Эрдман, который собирался приехать в Лебедянь.

С. 345. *...ни строчки не написала Якову?!* — Речь идет о Якове Леонтьевиче Леонтьеве.

...почему Сергей не ответил на мое письмо... — В архиве Булгакова сохранилось это письмо. Вот его текст:

«Секретное письмо.

Одному Сергею.

Дорогой Сергей!

Спасибо тебе за письмо и рисунки! Пиши еще, а то мне будет скучно.

Напиши мне по секрету, пожалуйста, как, по твоему мнению, поправляется ли Мася и пополнела ли она или нет?

Целую тебя!

Саше привет.

Твой ДяМи.

3 июня, 1938 года».

С. 356. *Пьесу никому не читал...* — Речь идет о пьесе «Дон-Кихот»

С. 361. *Рыдала незабвенная Лидия Михайловна...* — Имеется в виду Л.М.Коренева.

...на статью о фантастике Гофмана. — Речь идет о статье И.В.Миримского «Социальная фантастика Гофмана», которая была опубликована в журнале «Литературная учеба» (1938, № 5). Этот вы-

пуск журнала в архиве сохранился. Булгаков проявил к статье очень большой интерес. Вся она испещрена его подчеркиваниями и пометками. Очевидно, он нашел много родственного в принципах творчества с выдающимся немецким писателем. Привлекло его в статье прежде всего то обстоятельство, что Гофман не был понят и оценен отечественной критикой.

С. 363. *...нахожусь под впечатлением смерти Константина...* — Имеется в виду К.С.Станиславский.

...директором Николая Васильевича посадят! — Речь идет, очевидно, о Н.В.Ерохове — зам. директора МХАТа.

С. 364. *...от него листок.* — В архиве сохранилась эта записка. В ней, в частности, имеются такие шутливые строки: «Тщетно зову Мишу приехать ко мне. Он сидит голый, в рваных трусиках и в чернильных пятнах — и ни за что не хочет покинуть свой московский дом. Сейчас закончу эту приписочку и начну снова его уговаривать».

С. 367. *Были: Захава, Глазунов, Рапопорт, Орочко, Козловский и Горюнов...* — Все — артисты и сотрудники Театра им. Евг. Вахтангова.

С. 369. *...кто-то из дирекции Свердловского театра, хочет поговорить с М.А. относительно пьесы...* — Очевидно, речь идет о Георгии Адольфовиче Георгиевском — режиссере Свердловского театра.

...вечером Акимов... — Акимов Николай Павлович (1901—1968) — режиссер и художник, народный артист СССР (1960). С 1935 г. — художественный руководитель Ленинградского театра комедии.

С. 370. *...познакомился с Давыдовой...* — Давыдова (в замужестве — Мчедлидзе) Вера Александровна (1906—1993) — известная певица, народная артистка РСФСР (1951). В 1932—1956 гг. — солистка Большого театра.

С. 379. *В «Известиях» помещена статья некоего Хентли Картера...* — Автор статьи, очевидно, многие годы наблюдал за развитием мирового театрального искусства. В поле его зрения был и русский театр.

«В начале нынешнего века впервые посетив МХАТ, — пишет автор статьи, — я мог сообщить народам, читающим по-английски, что в России возник новый театр необычайно непосредственный, подлинно национальной ценности и что он имеет огромное интернациональное значение как фактор прогресса.

За весьма короткий срок своего существования Художественный театр вырос в самый значительный из всех русских театров, стал носителем самых лучших традиций... Влияние МХАТ можно также проследить по постановкам пьес из его репертуара. Так, в одном только Лондоне были поставлены: «Синяя птица», «На дне», «Чайка», «Вишневый сад», «Три сестры» и современная пьеса «Дни Турбиных» под названием «Белая гвардия»... После 20 лет советской власти МХАТ остается одним из наиболее выдающихся театров Европы...»

С. 386. *...присоединился к ним Вайнонен...* — Вайнонен Василий Иванович (1901—1964) — известный балетмейстер, заслуженный артист РСФСР (1939).

С. 392. *...поэт Чачиков.* — Чачиков (наст. фам. Чачикашвили) Александр Михайлович (р. 1903) — поэт, переводчик. Булгаков встречался с ним в Батуми в 1927 г.

С. 393. *...верно говорит С.Е. ...* — Очевидно, имеется в виду Сергей Ермолинский.

С. 402. *Разговор о Чулкове...* — Чулков Георгий Иванович (1878—1939) — известный писатель, историк литературы, пушкинист, исследователь творчества Ф.И.Тютчева. Известность Чулкову принесли его романы «Сатана» (1915), «Метель» (1917) и др.

...Миша сказал мне очень хорошие вещи, и я очень счастлива, в честь чего ставлю знак. — В тетради Еленой Сергеевной проставлен знак чернилами, представляющий собой определенный символ, ясный, для нее и Михаила Афанасьевича, — крест с множеством линий, исходящих из точки перекрещивания. Возможно, этот знак символизирует солнце, свет.

С. 404. *...Миша взялся, после долгого перерыва, за пьесу о Сталине.* — Долгий перерыв в работе над пьесой о Сталине объяснялся многими причинами: нежеланием сотрудничать с МХАТом, отсутствием архивного материала, трудностью темы и т.д. Заслуживает внимания и мнение К.Симонова по этому поводу, который писал: «Проблема Сталина. Серьезная проблема... Если уж говорить о Сталине в связи с Булгаковым, а, очевидно, это нужно, то нужно реально представить себе отношение Булгакова к Сталину в тот или иной период. Я думаю, например, что пьеса «Батум», наверное, не могла бы быть написана в 1937 году, в разгар ежовщины. И могла появиться из-под пера Булгакова в 1939 году, когда начали выпускать людей, и когда ежовщина была признана перегибами, и когда Сталин стремился создать ощущение, и создал в значительной мере его, что не он, а другие дурные люди повинны в том, что произошло, а он увидел это, хотя и поздно, и исправил».

Разумеется, Булгаков не был столь наивен, как полагал К.Симонов, но доля истины в его рассуждениях есть. Булгаков предполагал написать объективное произведение о Сталине, и в 1939 г. (кстати, почти символически звучит фраза, записанная Е.С.Булгаковой 18 января: «Второй день оттепель»), когда немного потеплело, появилась микроскопическая надежда на возможность исполнения давно задуманной идеи. Писатель прекрасно понимал, чем может закончиться вся эта история, если пьеса вызовет недовольство ее живого героя. И все же решился.

С. 405. *Очень ее Анастас Иванович хвалил!* — Очевидно, речь идет об А.И.Микояне, который, как и все окружение Сталина, восторгался пьесой «Дни Турбиных».

С. 406. *...ковать железо, пока горячо.* — Но «ковать железо» Дунаевский вместе с Булгаковым не стал. Любимец публики был занят другими делами, коих у него было с избытком. Исследователь творчества И.Дунаевского Н.Шафер справедливо отмечает: «Конец 30-х годов оказался самым счастливым периодом в творческой судьбе композитора. Он купался в лучах всенародной и заслуженной славы. Не было такого уголка в нашей стране, где не звучали бы мелодии из «Веселых ребят», «Цирка, «Волги-Волги» и других кинофильмов. Первым из советских композиторов он получил орден. Его увековечили при жизни — по Волге начал курсировать прекрасный пассажирский теплоход «Композитор Дунаевский». Мучительные

<...> искания Булгакова <...> не могли в то время вызвать понимание у Дунаевского...» (Ш а ф е р Н. Дунаевский сегодня. М., 1988. С. 150). Все старания Я.Леонтьева и Булгакова «зажечь» «Дуню» не дали положительного результата. Лишь через месяц Дунаевский объявился у Булгакова, который уже был настроен пессимистически в отношении дальнейшей работы.

Булгаков, безусловно, подметил склонность Дунаевского к политической конъюнктуре, а это, как понимал писатель, неизбежно приведет к отрицательному результату в работе. Мысленно он и на этом сочинении уже поставил крест. И хотя на следующий день Дунаевский, как бы успокаивая Булгакова, поработал с ним над оперой, все же было ясно, что настоящей совместной работы не будет. И Дунаевский вновь надолго исчез. Булгаков же приступил к правке романа «Мастер и Маргарита».

С. 408. *...знакомил Юзовский.* — Юзовский Иосиф Ильич (1902—1964) — известный театральный и литературный критик, автор монографии «Вопросы социалистической драматургии». В списке «авторов ругательных статей о Мише», составленном Е.С.Булгаковой, И.Юзовский не упоминается.

С. 413. *...писательница — оказалась Сергей Мятежный.* — Сергей Мятежный — псевдоним писательницы Софьи Александровны Апраксиной-Лавринайтис.

С. 414. *...наше соглашение по «Пушкину».* — В соглашении предусматривалось, что подпись под пьесой будет одна — Булгакова, а авторский гонорар будет разделен пополам.

Кончили ли Ваш перевод? — В это время В.В.Вересаев работал над новым переводом «Илиады» Гомера.

Хотелось бы повидаться с Вами. — В ответ Вересаев, подписав договор, послал небольшую записку, в которой сообщал, что очень хотел бы встретиться с Булгаковым. «...И мне не нужно в этом заверять Вас, Вы должны это чувствовать сами», — писал он. Тем самым Вересаев подчеркнул, что прежние творческие споры никак не повлияли на их отношения.

С. 416. *...с Эль-Регистаном пили кофе.* — Эль-Регистан (наст. фам. Уреклян) Габриэль Аркадьевич (1899—1945) — известный журналист, писатель, вместе с С.В.Михалковым сочинил текст гимна Советского Союза.

С. 418. *...письма к Кельверлей...* — В мае 1935 г. Булгаков подписал соглашение с представительницей акционерного общества «Куртис Браун» (Лондон) Горацией Кельверлей на постановку пьесы «Дни Турбиных» на английском языке сроком на три года.

С. 419. *...Дунаевский, говоря о «Рашели», посоветовал обратиться к Мише.* — Очевидно, этот звонок Долгополова (М.Н.Долгополов — деятель кино и театра), по рекомендации Дунаевского, еще раз напомнил о том, что работа над музыкальной частью оперы «Рашель» слишком затянулась. В этот день Булгаков отправил Дунаевскому четвертую и пятую картины оперы. Елена Сергеевна, пользуясь случаем, сделала следующую приписку к сопроводительной записке мужа: «Миша мне поручил отправить Вам письмо... Неужели и «Рашель» будет лишней рукописью, погребенной в красной ши-

фоньерке! Неужели и Вы будете очередной фигурой, исчезнувшей, как тень, из нашей жизни?»

С. 428. *..умер Виталий Лазаренко.* — Лазаренко Виталий Ефимович (1890—1939) — известный артист цирка, мастер клоунады, поэт-сатирик, заслуженный артист РСФСР (1929).

С. 431. *..звонки вроде поэта Д'Актиля...* — Д'Актиль (наст. фам. Френкель) Анатолий Адольфович (1890—1942) — поэт, либреттист.

..отсылка письма Николаю Булгакову... — Конечно, Булгаков не предполагал, что это письмо брату будет последним. Но так получилось, что на этом переписка с братьями оборвалась. Эта короткая записка касалась того самого «проклятого Лондонского дела», и Михаил Афанасьевич предполагал в ближайшие дни отправить Николаю Афанасьевичу обстоятельное письмо.

С. 438. *..необыкновенные отзывы о пьесе Калишьяна и Хмелева.* — Сохранилось письмо Хмелева жене — Н.С.Тополевой, которое он написал после прослушивания пьесы:

«Был у Булгакова — слушал пьесу о Сталине — грандиозно! Это может перевернуть все вверх дном! Я до сих пор нахожусь под впечатлением и под обаянием этого произведения.

25 августа Булгаков пьесу сдает МХАТу в законченном виде. Утверждают, что Сталина должен играть я. Поживем-увидим.

Заманчиво, необычайно интересно, сложно, дьявольски трудно, очень ответственно, радостно, страшно!»

С. 441. *Я устал.* — Булгаков работал над пьесой о Сталине с увлечением, но с перерывами (первые записи сделаны в начале 1936 г., а закончена пьеса в начале августа 1939 г.). МХАТ предполагал закончить работу над пьесой к декабрю 1939 г., поэтому Булгакову были определены исключительно сжатые сроки для завершения работы. Елена Сергеевна писала 11 августа своей матери в Ригу:

«Мамочка, дорогая, давно уж собиралась тебе написать, но занята была безумно. Миша закончил и сделал МХАТу пьесу. Диктовал он ее мне, так что, сама понимаешь, сидела за машинкой с утра до вечера.

Устал он дьявольски, работа была напряженная, надо было ее сдать к сроку. Но усталость хорошая — работа была страшно интересная. По общим отзывам, это большая удача! Было несколько чтений — два официальных и другие — у нас на квартире, и всегда большой успех.

Пьеса называется «Батум». Теперь в связи с этой вещью МХАТ командирует бригаду под руководством Михаила Афанасьевича в Тифлис и Батум для подготовительных работ к этой пьесе. Едут два художника для зарисовок, помощник режиссера и пом. заведующего литературной частью для собирания музыки, наблюдения за типажами, над бытом и так далее. Возглавляет Миша, который будет руководить ими, вести переговоры с грузинскими режиссерами.

Ну, а я при нем, конечно».

С. 443. *Слушали замечательно, после чтения очень долго, стоя, аплодировали.* — Елена Сергеевна настолько была уверена в успехе пьесы, что на следующий день уговорила Михаила Афанасьевича написать шутливую записку Федору Михальскому от своего имени. Вот ее текст:

«Милый Феденька!

Миша просил меня заранее сделать распределение знакомых на премьеру «Батума».

Посылаю Вам первый список (художники, драматурги и композиторы).

Будьте добры, Феденька, сделайте так:

Эрдман Б.Р. — ложа дирекции

Вильямс П.В. — 1-й ряд (лево)

Шебалин В.Я. — 3-й ряд

Эрдман Н.Р. — 7-й ряд

Дмитриев — бельэтаж, постоять.

Феденька! Если придет Олеша, будет проситься, сделайте мне удовольствие: скажите магистру, что он барышник. Я хочу насладиться!..»

С. 446. *..уезжаю на поиски материалов...* — Бригада МХАТа, возглавляемая Булгаковым, должна была в Тбилиси немедленно связаться с Секретариатом ЦК КП(б) Грузии и начать работу на постоянной выставке, посвященной деятельности Сталина в Закавказье. Предстояло вжиться в атмосферу рабочих собраний тех лет, как можно больше узнать о Сталине. Предполагалось привезти с мест событий фотографии и характерные зарисовки, дающие материал для атмосферы быта.

Планировался осмотр подходящих зданий и местностей для тех картин, где протекает действие пьесы, в частности, планировалось обследование пересыльной тюрьмы или казармы в Батуми, ряда старых помещений в Тбилиси, Кутаиси и Батуми, а также типичных домиков и комнат рабочих. Особое внимание уделялось изучению природы, национального колорита, традиций и обычаев. Специальный раздел плана работы над пьесой был посвящен прологу. Декорации и обстановка на сцене должны были создать реальную атмосферу, царившую в Тифлисской духовной семинарии. Предполагалось изучить все подробности «подобных заседаний в семинарии, как протекал выгон ученика за антиправительственную деятельность», как кончаются «торжественные литургии или молитвы после обедни в духовных семинариях».

План предусматривал решение еще многих вопросов, предстояла огромная работа в сверхсжатые сроки — премьера должна была состояться 21 декабря 1939 г. в день шестидесятилетия Сталина. Дирекция МХАТа обратилась в ЦК КП(б) Грузии с просьбой оказать максимальное содействие в работе бригады по ознакомлению с историческими местами, связанными с деятельностью Сталина.

Но и детальный план при работе над пьесой не вполне удовлетворял писателя. Требовалось строго документальное отражение действительности. Прежде всего это касалось фигуры Сталина. Писателя крайне огорчало, что нет достаточного фактического материала. Он постоянно изучал литературу, в которой упоминалась деятельность Сталина в молодые годы. Воспоминания участников Батумской демонстрации 1902 г. Булгаков исследовал как ученый-источниковед, сопоставляя их с другими документами, стремясь восстановить наиболее существенные факты и их последовательность.

Булгаков наметил провести огромную дополнительную работу по сбору материалов в Тбилиси и Батуми, в частности, изучить архивные документы и экспонаты в партийных и государственных архивохранилищах и музеях, периодические партийные издания того времени («Искра», «Брдзола», «Квали», «Элва» и др.), духовный вестник грузинского экзархата за 1884—1898 гг.; побеседовать с участниками революционного движения Закавказья (в записной книжке писателя значатся десятки фамилий и адресов); провести детальный осмотр с выполнением зарисовок всех мест, связанных с деятельностью Сталина и его соратников в Закавказье; познакомиться с памятниками культуры и традициями народов Грузии, и многое другое.

Но тревога Булгакова о судьбе пьесы была связана не только с пониманием ее некоторой незавершенности. Он смотрел гораздо глубже. В ходе работы над «Батумом» Булгаков, несмотря на исключительно благоприятную внешнюю обстановку и восторженные отзывы о пьесе, неоднократно впадал в состояние отчаяния.

С. 452. *Вечером у нас Федя... что могло сыграть роль при запрещении: цыганка, родинка, слова, перемежающиеся с песней.* — Федор Михальский указывал на те места в пьесе, которые могли не понравиться Сталину. В картине первой — прологе — Сталин рассказывает своему товарищу по гимназии о встрече с цыганкой: «Понимаешь, пошел купить папирос, возвращаюсь на эту церемонию, и под самыми колоннами цыганка встречается. «Дай, погадаю, дай, погадаю!» Прямо не пропускает в дверь. Ну, я согласился. Очень хорошо гадает. Все, оказывается, исполнится, как я задумал. Решительно сбудется все. Путешествовать, говорит, будешь много. А в конце даже комплимент сказала — большой ты будешь человек! Безусловно стоит заплатить рубль».

Не надо обладать большой проницательностью, чтобы понять, что подобные сценки не могли быть с восторгом восприняты Сталиным. Не говоря уже об эпизоде в тюрьме, когда начальник «тюремного замка» буквально шипит на Сталина: «У, демон проклятый!»

С. 454. *...я тяжело заболел...* — Сохранились записи Е.С.Булгаковой на листках календаря, которые и зафиксировали развитие болезни у Булгакова. Приводим наиболее важные из этих записей. 9 сентября: «В Большом театре Миша в первый раз не увидел лица в оркестре, не узнал Максакову — лица задернуты дымкой». 10 сентября: «Отъезд из Москвы в Ленинград — международный вагон, Борис (Эрдман. — *В.Л.*), Виленкин на вокзале». 11 сентября: «Астория» (Ленинград). Чудесный номер, радостная телеграмма Якову. // Гулять. Не различал надписей на вывесках, все раздражало, — домой. Поиски окулиста». 12 сентября: «Остались в номере, я — в книжную лавку. Вечером у Андынского. Настойчиво уговаривал уехать. // Разговор с портье о билетах. // Молния Якову. // Ночной разговор из Москвы от Леонтьевых. // Страшная ночь. «Плохо мне, Люсенька. Он мне подписал смертный приговор» (речь идет, конечно, о Сталине. — *В.Л.*). 13 сентября: «Портье принес билеты, а за обедом сказал, что из поездов пойдет один только бесплацкартный. Миша — еду! Я не согласилась. Совет портье идти к начальнику станции».

14 сентября: «У начальника станции — записка. Носильщик. Билеты в третьем классе плацкарта. // Спешные сборы. Поезд в 5.18. На вокзале Файер. В поезде Чабукиани». 15 сентября: «Приезд в Москву. Яков — машину. <...> В постель Мишу». 17 сентября: «Рапопорт направил к Вовси. Центр мозговой системы в порядке». 20 сентября: «Вовси. Диагноз (он и Захаров)». 23 сентября: «Страхов подтвердил диагноз Андынского». 25 сентября: «Яков Леонтьевич — разговор о завещании. Об усыновлении Сергея». 26 сентября: «Углубленный в себя взгляд. Мысли о смерти, о романе, о пьесе, о револьвере». 27 сентября: «Жаловался на глаза, на голову. // Исследование крови. Звонок мой Захарову. Его слова («нет, безнадежным я его не считаю, но положение тяжелое»). Попросила Женю ночевать у меня». 28 сентября: «Сонливость, сон стал очень тихий и очень крепкий. Не слышит, когда я вхожу в комнату. // Вечером попросил достать роман, записи. Работать, конечно, не смог. // Те же мысли и разговоры, что третьего дня». 29 сентября: «Утром — плохое настроение, сильная головная боль, после дневного сна проснулся в шесть часов без сильной боли и лежал в хорошем состоянии до одиннадцати. Тогда заболела голова, принял порошок. Пришел Николай Антонович (Захаров. — *В.Л.*), пробыл до двенадцати. В половине первого заснул до четырех. С четырех до пяти не спал. Потом заснул после порошка. // Велел вечером вынуть записи мои, роман. Я сделала запись 29-го. Прочитала впервые строчки романа. Устал». 30 сентября: «Утром кровопускание <...> В половине шестого Страхов. Освидетельствовал, сидел до восьми. Пришел Захаров. // Вечером довольно хорошее настроение, изредка шутил, улыбался на шутки. В десять заснул. Проснулся в ужасном состоянии в час ночи. Сидел до четырех. Потом уснул». 1 октября: «Разбудил в семь часов — невозможная головная боль. Не верит ни во что. О револьвере. Слова: отказываюсь от романа, отказываюсь от всего, отказываюсь от зрения, только чтобы не болела так голова». 2 октября: «Заснул в одиннадцать, проснулся в три часа с безумной болью в голове. Полное отчаяние».

С. 455. *...замечено здесь улучшение...* — Устройству писателя в правительственный санаторий «Барвиха» предшествовали весьма важные события.

Более всего тревожило и оскорбляло Булгакова то обстоятельство, что его заподозрили в стремлении «навести мосты» к высшему руководству страны, т.е. ему приписывали то, против чего он боролся всю жизнь. Покушались, по сути, на честь писателя.

В роли «спасителя» вновь выступил Сталин. Получив информацию о том, что Булгаков после запрещения «Батума» (не исключено, что запрещение пьесы было оформлено решением высшего партийного органа) заболел, и весьма серьезно, Сталин прибыл в Художественный театр и дал понять его руководству, что он высоко оценивает творчество Булгакова и его последнюю пьесу «Батум». Вполне понятно, что весть эта распространилась по Москве мгновенно, и вновь пошла молва о благородстве всесильного вождя.

Нет никаких сомнений в том, что А.А.Фадеев, неоднократно навещавший Булгакова, делал это по распоряжению Сталина (до это-

го Фадеев вообще не был лично знаком с Булгаковым). Но, пообщавшись с Булгаковым, Фадеев проникся к нему искренним уважением и симпатией, что он, конечно, в той или иной форме довел до сведения Сталина.

Художественный театр незамедлительно отреагировал на посещение Сталина и 24 октября принял решение о постановке булгаковской пьесы «Александр Пушкин». Причем все участники художественного совета дали восторженные оценки пьесе. Протокол совета был доставлен Булгакову.

И все же болезнь не отступала. После нескольких дней работы над романом «Мастер и Маргарита» (с конца октября до 9 ноября) вновь наступило ухудшение здоровья. Именно в эти дни Булгакова навещает его сестра Надежда Афанасьевна. Ее дневниковые записи тех дней представляют несомненный интерес. Она записала: «Оля (старшая дочь Н.А.Земской. — *В.Л.*) за утренним чаем говорит: «А ты знаешь, что дядя Миша болен? <...> Андрюша (Понсов) мне сказал, что он был очень серьезно болен уже давно». Я испугалась и тотчас пошла звонить по телефону Елене Сергеевне, услышала о серьезности его болезни <...> тут же Е.С. делает попытку объяснить, почему они нас никак не известили (хотя этот факт, говорящий сам за себя, в объяснениях не нуждается), и от телефона, как была, в моем неприглядном самодельном старом пальтишке отправилась к нему <...> Нашла его страшно похудевшим и бледным, в полутемной комнате в темных очках на глазах, в черной шапочке Мастера на голове, сидящим в постели <...> Когда мы остались одни, он рассказал мен историю «Батума» и начало своей болезни <...> Вернувшись домой, я плачу, не веря надежде. // Когда я ухожу, плачем с Люсей, обнявшись, и она горячо говорит: «Несчастный, несчастный, несчастный!»

27 сентября 1939 г. Елена Сергеевна, «по желанию М.А.», завела новую тетрадь, в которой стала записывать сведения о ходе болезни Булгакова. Чаще всего записи эти печальны и страшны. Мы приведем лишь некоторые из них (в сокращении).

10 ноября: «Проснулся в семь утра. Разговор ненормальный <...> Позвонила к Николаю Антоновичу. Не может приехать. К Забугину. Приехал. О больнице. К Арендтам — то же самое <...> Приход Бориса. Несколько разошелся за игрой. После ухода Бориса:

— Я в ужасе... По-моему, доктора заметили, Забугин безусловно заметил, что я не нахожу слов, которые мне нужны, говорю не то, что хочу!.. Ужасно!.. Какое впечатление? Это, наверно, из-за наркотиков?!

Потом:

— Наверно, я очень плох, и они понимают, что вылечить меня нельзя. И оттого смущены!

В четыре часа ночи проснулся, позвал очень тихим голосом: Мася...

Я подошла и тоже очень тихо спросила: что?

— Что ты так кричишь?! Отвечай тихо...

Потом съел кусок рыбы, выпил чаю холодного. Велел считать ему пульс. Был очень раздражителен. Пульс — 70, ненаполненный, но ровный. Стал жаловаться на состояние:

— Чувствую, что умру сегодня.

Уложила, села рядом. Был потный, стонал. Стал засыпать. Часов в 5.30 сказал сквозь сон:

— Теперь мне хорошо, иди спать».

11 ноября: «Проснулся в 10.15. Раздражителен, недоверчив. Рассказывал, что видит людей, которых нет в комнате (например, сегодня утром К.Федина), чаще всего меня, иногда Сергея...

— Придет этот, Бобрович... Я хотел сказать — Александр Александрович, как его — Фадеев.

Сергей Ермолинский. Рапопорт и Вильямс с эскизами (к «Дон-Кихоту». — *В.Л.*). Разговор совершенно здоровый. Память точная.

Приезжали от Фадеева за пьесами».

12 ноября: «Консилиум (Захаров, Арендт, Герке, Рапопорт).

Заключение консилиума в составе профессора Герке А.А., профессора Рапопорта М.Ю., доктора Захарова Н.А. и доктора Арендта А.А.

Гражданин Булгаков М.А. страдает начальной стадией артериосклероза почек при явлениях артериальной гипертонии и нуждается в 2-месячном пребывании в подмосковном санатории с применением физических методов лечения, диетпитания и соответствующего ухода.

2.30 проснулся (рассказ о «галлюцинации» — оказывается сном). Потом слова — мне сегодня ночью лучше».

13 ноября: «Бросил курить».

15 ноября: «Необычайное настроение, разговор о пьесе новой».

К уходу за больным присоединилась сестра Леля (Елена Афанасьевна Светлаева), которая жила недалеко от квартиры Булгаковых. 17 ноября она написала письмо Надежде Афанасьевне, в котором говорилось: «Сегодня я была у брата Миши, куда меня вызвали по телефону. Последние дни он чувствовал себя лучше, но сегодня перед моим уходом стал жаловаться на боли в пояснице (в области почек). Елена Сергеевна тоже больна, лежит. Я буду пока к ним ездить и сидеть с Мишей... 19-го могли бы туда приехать (день именин Булгакова. — *В.Л.*). <...> К нему допускают только по одному человеку и только с утра, так как вечерами у него врачи, процедуры, он чувствует себя плохо и очень раздражителен <...> Я думаю, нам всем, т.е. сестрам Вере, Надежде и Елене, следовало бы повидать его до санатория. Он тяжело болен, плохо выглядит, грустно настроен... Если попадешь к Мише без меня, говори, что отцу долго не могли поставить диагноз, что поэтому в начале болезни он не соблюдал диеты и т.п. Мишу мучает мысль, что у него все, как у отца».

Сведений о том, как протекала болезнь во время пребывания Булгакова в «Барвихе», сохранилось мало, но и из писем его видно, что в это время наметилось значительное улучшение. К сожалению, пребывание писателя в санатории ограничилось одним месяцем, хотя врачи настаивали на двухмесячном лечении.

С. 456. *Файко* Алексей Михайлович (1893—1978) — драматург. В различных театрах в двадцатые годы были поставлены его пьесы: «Озеро Люль» (1923), «Учитель Бобус» (1925), «Евграф, искатель приключений» (1926), «Человек с портфелем» (1928) и др.

С. 457. *...все время приковываюсь к воспоминаниям...* — Судя по свидетельствам родных и близких, Булгаков задумал написать автобиографическую повесть.

...кончу кое-что, что хотел бы закончить. — Имеется в виду незавершенная рукопись романа «Мастер и Маргарита».

С. 460. *Миша, сколько хватает сил, правит роман, я переписываю.* — С начала октября 1939 г. Булгаков начинает работу над последней редакцией романа «Мастер и Маргарита». С этой целью были заведены две особые тетради, в которые, под диктовку Булгакова, Елена Сергеевна заносила поправки к тексту и новый текст. В одну из тетрадей Елена Сергеевна записала подробный план доработки романа. К сожалению, именно эта тетрадь отсутствует в архиве писателя, и местонахождение ее неизвестно. Поэтому можно предположить, что последняя опубликованная редакция романа не является полной.

С. 461. *Намазала Марфуше лицо кремом — отправила ее...* — Новая домработница Булгаковых — Марфуша — активно помогала Елене Сергеевне в труднейшие для нее дни. В архиве сохранилась записка неизвестного автора, адресованная Марфуше, следующего содержания: «Милая Марфуша! Прилагаю просфору за болящего Михаила. За обедней молились, молебен был, свечку ставила, дала на хор, там поют слепые. Завтра будут молиться за ранней обедней. Дала нищим, чтобы молились за болящего Михаила и сама горячо за него молилась».

С. 462. *Спасибо Вам, дорогие Оля и Лена...* — Предпоследний автограф Булгакова. Эти слова он написал на своей фотографии, которую подарил племянницам — Оле и Лене Земским.

Записи в тетради о болезни («история болезни») неутешительны. 2 февраля: «Боли в желудке. // Позвонила М.М.Покровскому. Боли. // Приехал М.М.Покровский. Укол пантапона. Облегчение. // 15.40. У Миши состояние ужасное... 1.00. Приехал Николай Антонович. 1.15. Укол морфия». 3 февраля: «Я всю жизнь презирал, то есть не презирал, а не понимал... Филемона и Бавкида... а вот теперь понимаю, это только и ценно в жизни...» 00.15 Укол морфия». 5 февраля: «Мне: «Будь мужественна». 6 февраля: «Мучительная рвота и боли в животе (сам сделал укол пантапона в 10.30 утра). Утром в 11 часов: «В первый раз за все пять месяцев болезни я счастлив... Лежу, покой, ты со мной... Вот это счастье... Сергей в соседней комнате». // 12.40: «Счастье — это лежать долго... в квартире... любимого человека... слышать его голос... вот и все... остальное не нужно». // Пришли Леонтьев, Арендт, Ермолинский, Патя Попов. После них, в семь вечера — сам сделал укол пантапона. // С утра — Леля, и ночевала». 7 февраля: «6.45. Проснулся... Плохое самочувствие. 7.00. Сам сделал инъекцию пантапона. // В восемь часов (Сергею): «Будь бесстрашен, это главное». // В девять часов (в забытье после укола): «...не знаю, в каком ряду партера был этот звук...» 11.15. Доктор Покровский М.М. У Ми-

ши сильные страдания. Михаил Михайлович сделал инъекцию пантапона... Приходы: Файко, Виленкин, Марика, Калужский... Леля, Женичка, Патя Попов. Ермолинский...» «8 февраля: «Возбужденное состояние, иногда затруднение в выборе слов, перескакивание с мысли на мысль. 16.30. Укол пантапона (М.А.). // Надя, Вера, Файко, Дмитриев, Борис, Марика. // Звонили: Ангарский, Ленч, Борис, Леонтьевы».

В этот день, 8 февраля, великие актеры МХАТа Качалов, Тарасова и Хмелев обращались к секретарю Сталина А.Н.Поскребышеву с письмом следующего содержания:

«Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Простите, что беспокоим Вас этим письмом, но мы не можем не обратиться к Вам в данном случае, считаем это своим долгом. Дело в том, что драматург Михаил Афанасьевич Булгаков этой осенью заболел тяжелейшей формой гипертонии и почти ослеп. Сейчас в его состоянии наступило резкое ухудшение, и врачи полагают, что дни его сочтены. Он испытывает невероятные физические страдания, страшно истощен и уже не может принимать никакой пищи. Практической развязки можно ожидать буквально со дня на день. Медицина оказывается явно бессильной, и лечащие врачи не скрывают этого от семьи. Единственно, что, по их мнению, могло бы дать надежду на спасение Булгакова, — это сильнейшее радостное потрясение, которое дало бы ему новые силы для борьбы с болезнью, вернее — заставило бы его *захотеть* жить, — чтобы работать, творить, увидеть свои будущие произведения на сцене.

Булгаков часто говорил, как бесконечно он обязан Иосифу Виссарионовичу, его необычайной чуткости к нему, его поддержке. Часто с сердечной благодарностью вспоминал о разговоре с ним Иосифа Виссарионовича по телефону десять лет тому назад, о разговоре, вдохнувшем тогда в него новые силы. Видя его умирающим, мы — друзья Булгакова — не можем не рассказать вам, Александр Николаевич, о положении его, в надежде, что Вы найдете возможным сообщить об этом Иосифу Виссарионовичу».

В истории же болезни характер записей не менялся, но по ним легко проследить приближение к кризису. Приведем лишь некоторые кусочки из записей. 11 февраля: «Всю ночь не спал, очень мучился...» 12 февраля: «Состояние плохое, тяжелое, подавленное настроение. Неохотно говорит. Укол морфия». 13 февраля: «Парикмахер. Пришли Мелики. Укол. Миоль-Спермоль. 17.30. Ермолинский. Леля. 20.10.Чтение романа. Его правка». Это последнее прикосновение писателя к рукописи «Мастера и Маргариты».

Еще несколько отрывков из записей в истории болезни.

14 февраля: «Разговаривал сам с собою (о «Беге»)».

15 февраля: «17.30—19.30. Фадеев. 22.15. Припадок — укол морфия».

19 февраля: «Ермолинский, Патя, Леля, Файко, Марика.

— Отчего ты нахмурился так?

— Оттого, что умираю очень тяжко».

В тот же день Елена Сергеевна сделала предпоследнюю запись в дневнике: «У Миши очень тяжелое состояние — третий день уже. //

Углублен в свои мысли, смотрит на окружающих отчужденными глазами. К физическим страданиям прибавилось, или, вернее, они привели к такому болезненному душевному состоянию. Ему сейчас неприятен внешний...»(обрыв текста. — *В.Л.*).

На обороте истории болезни сохранилась запись Елены Сергеевны, адресованная одному из дежурных (в это время ночью дежурили сестра Леля, Сергей Ермолинский, <...> медсестра и другие). «Мне нельзя подходить к телефону. Сейчас говорила с Ольгой — обревелась».

В эти дни Ольга Сергеевна писала матери в Ригу: «Сегодня опять вышел с Люсей разговор очень короткий. <...> Люся страшно изменилась; хоть и хорошенькая, в подтянутом виде, но в глазах такой трепет, такая грусть и столько выражается внутреннего напряжения, что на нее жалко смотреть. Бедняжка, конечно, когда приходят навещать Маку, он оживляется, но самые его черные минуты она одна переносит, и все его мрачные предчувствия она выслушивает и, выслушав, все время находится в напряженнейшем желании бороться за его жизнь. «Я его не отдам, — говорит она, — я его вырву для жизни». Она любит его так сильно, что это не похоже на обычное понятие любви между супругами, прожившими уже немало годов вместе...»

27 февраля: «Приход Сергея Ермолинского и К.Венца. Фотографии».

29 февраля: «Звонок Фадеева».

1 марта: «20.30. А.А.Фадеев. Весь вечер — связный разговор, сначала возбужденный с Фадеевым, потом более сдержанный со всеми вместе».

3 марта: «Очень тяжело, беспокойное состояние».

О.С.Бокшанская сообщала в тот же день в Ригу: «...вчера днем была у Люси. <...> Картина ужасно грустная. У него появляются периоды помутнения рассудка, он вдруг начинает говорить что-то странное, потом опять приходит в себя. <...> Бедная Люсенька в глаза ему глядит, угадывает, что он хочет сказать, т.к. часто слова у него выпадают из памяти и он от этого нервничает. <...> Ах, как грустно, как страшно на все это смотреть. Он обречен, и все мы теперь больше думаем о Люсе, как с ней будем, ведь сколько силы душевной надо иметь и еще это выдержать, как на ее глазах мутится разум близкого человека. Но когда он в себе, он мил, интересен ласков постарому с Люсей...»

4 марта: «Служить народу... За что меня жали? Я хотел служить народу... *Я никому не делал зла*».

5 марта: «18.30. Приход Фадеева. Разговор (подобрался сколько мог).

Мне: «Он мне друг».

Сергею Ермолинскому: «Предал он меня или не предал? Нет, не предал!»

Как вспоминал Сергей Ермолинский, в этот день состоялся доверительный прощальный разговор между Фадеевым и Булгаковым. И когда Булгаков, указывая на Елену Сергеевну, сказал ему: «Я умираю, она все знает, что я хочу», — Фадеев, стараясь держаться спо-

койно и сдержанно, ответил: «Вы жили мужественно». После чего выбежал на лестницу, уже не сдерживая слез.

6 марта: «16.00. Уснул (поцеловал и так заснул).

«Они думают, что я исчерпал... исчерпал уже себя?!» (при Цейтлине, Арендте и Якове Леонтьевиче).

Когда засыпал после их ухода: «Составь список... список, что я сделал... пусть знают...»

12.30 ночи. Проснулся — в почти бессознательном состоянии... Потом стал очень возбужден, порывался идти куда-то... Часто выкрикивал: «Ой, маленький!!»... Был очень ласков, целовал много раз и крестил меня и себя — но уже неправильно, руки не слушаются. Потом стал засыпать и после нескольких минут сна стал говорить: «Красивые камни, серые красивые камни... Он в этих камнях (много раз повторял). Я хотел бы, чтобы ты с ним... разговор... (Большая пауза.) Я хочу, чтобы разговор шел... о... (опять пауза). Я разговор перед Сталиным не могу вести... разговор не могу вести».

Проснулся в восемь часов утра в таком же состоянии, что и ночью. Опять все время вырывался и кричал: «Идти! Вперед!» — Потом говорил много раз: «Ответил бы!.. Ответил непременно! Я ответил бы!»

Одно время у меня было впечатление, что он мучается тем, что я не понимаю его, когда он мучительно кричит... И я сказала ему наугад (мне казалось, что он об этом думает): «Я даю тебе честное слово, что перепишу роман, что я подам его, тебя будут печатать!» — А он слушал, довольно осмысленно и внимательно, и потом сказал: «Чтобы знали... чтобы знали».

10.30. Уснул. Незадолго до того, как уснуть, закричал: «Маленький мой!» — И сказал внятно: «Ну, прощай. Дай руку. — Я дала руку. — До... прощай...»

7 марта: «Очень ослабел. Сидеть не может, падает, голова клонится на грудь... Дмитриев рисует: били часы на Кремлевской башне (слышно было радио из верхней квартиры (Михалковых. — *В.Л.*) и играли «Интернационал».

Ночь с 7 на 8 марта: «1.40. Засыпал трудно. Когда его укладывали на постель общими усилиями, сказал:

— Ну, вот и готово... копейка!

Повторял слово: «Заметил...»

Все время требовал: «Нарзан!» Пил его, а когда давали лекарство под видом нарзана, выплюнул. Перед засыпанием случайно ударил меня и сказал: «Прости». До этого два раза поцеловал мне руку.

Явно узнает Сергея Ермолинского и вообще, мне кажется, что сознает все окружающее гораздо яснее.

Почти все время с открытыми глазами, приглядывался.

Сказал: «Кто меня возьмет?»

Я сказала: «Кто тебя возьмет?»

Он ответил два раза: «Кто меня возьмет?» (Второй раз громче.) Это было шестого ночью.

Седьмого днем: «Меня возьмут. Тебя возьмут? Меня возьмут?»

Седьмого ночью: «Возьмут, возьмут...»

Засыпая: «Тяжело... тяжело... Болят...»

Во сне улыбался.

Зрение слабеет сильно.

С сегодняшнего дня потеряна способность координации движений.

Ночь с 7 на 8 марта — не спал всю ночь. Принимать лекарство внутрь отказывался».

8 марта: «Тяжелый день — ужасные мучения».

Почти все время стонет и кричит. Совсем не позволяет укрыть себя. Судороги сводят все тело.

Между двумя и четырьмя с половиной часами дня дремал. Удалось укрыть до пояса легким одеялом... В 16.30 сел, просил есть, указывая пальцем на рот. Но есть не смог. Проглотил с трудом два раза капельку желе. Пить отказался. Все время испытывает чувство страха. Страдает от судорог. Сильные боли. Когда днем нашли удачный способ переменить простыни, сказал: «Это гениально!»

Вечером в десять часов приход П.Н.Покровского... Укол. Пять кубиков с мединалом. Клизмочка с тройчаткой, люминалом, хлоралом...

Без двадцати одиннадцать уснул. В 2.30 просыпался... Уснул снова и спал до десяти часов с небольшими пробуждениями.

В десять часов проснулся совсем, стонал и кричал. Укол с мединалом... 12.05. Уснул...

Отдельные слова: «Ну!.. Что дальше... Да... Нет... Измучен... Отдохнуть бы. Тяжело!.. Болят! Вижу... вижу... Я заметил... Я заметил... Неужели ты не можешь... вы не можете... Сочинение... немцы, немцы, немцы... Маська! (много раз с разными интонациями). Мама...»

Вечером на вопросы П.Н.Покровского, что болит, отвечал: «Жилы, жилы». Порывался встать и говорил: «Идти». Часто повторял: «Ножик!»

Иногда был ласков и целовал. На вопрос Лели вечером: «Хочешь пить, Мишенька?» — сказал: «Да, детка».

Когда вечером доктор Покровский вышел из комнаты, два раза позвал: «Доктор!»

Потом начал часто повторять:

— Ножик... ножик...

Приподнимался, указывал на стол и снова говорил: «Ножик».

«Мася очень, очень устала, измучилась».

О.С.Бокшанская в тот же день писала матери: «...Маке все хуже и хуже <...> уж сутки как не говорит совсем, только вскрикивает порой <...> Люсю он как бы узнает, других нет <...> в мозгу продолжается какая-то работа, мысль идет по какому-то руслу...»

Последние записи делались теми, кто дежурил у постели умирающего.

9 марта: «Проснулся окончательно в 10 часов утра. Стонал. Вскрикивал. Громко не произнес ни одного слова. Только шевелил губами...

Искал Люсину руку (запись дежурной сестры. — *В.Л.),* когда она сидела рядом, на ее ласковые слова — кивал утвердительно головой... Узнал Сережу (сына), стоном пожаловался ему и протянул губы для поцелуя... Заснул, но спал неспокойно, стонал...

17.20. Сказал: «Свет!»

Зажгли лампу.

Звонили: Файко, Страхов, Фадеев (звонил каждый день. — *В.Л.*), Ольга Сергеевна, Вера (сестра писателя. — *В.Л.*)...

20.10. Доктор Покровский отметил резкое ухудшение деятельности сердца и ухудшения дыхания (отек легкого), холодные руки. Очень холодные ноги...

Пришли: Дмитриев, Вера Афанасьевна, Женя, потом — П.Попов, Надежда Афанасьевна.

До укола лежал спокойно, в забытьи. Дыхание с хрипами. Когда Люсенька его поцеловала, почувствовал, губами попытался улыбнуться.

Ночь. Ермолинские — оба, Патя, Дмитриев и я. Сидели и вспоминали Мишины рассказы, выдумки и неудержимо смеялись».

10 марта: «С десяти часов утра лежит в одном и том же положении — на спине, левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локте и опирается на подушку рядом с головой. Глаза не совсем прикрыты, рот полуоткрытый, дыхание неравномерное: короткий вдох и длинный выдох с хрипотой. Пауз нет. Дышит не очень громко, но в соседней комнате слышно ясно. Судорог нет. Лицо спокойно, нет страдальческого выражения.

Яков Леонтьевич был у нас часа в три и скоро уехал. Я ввела его к Мише в комнату.

16 ч. 39 м. *Миша умер.*

Начал двигаться беспокойно беспокойно в 16 часов 10 минут. Было несколько сильных судорог, от которых снова страдальчески изменилось лицо и он заскрипел зубами (два раза). Когда судороги кончились, начались сильные предсмертные хрипы. Пульс упал, стал неровным, еле слышным.

В момент смерти совсем открыл глаза и рот.

Возле него были Люся, Женя, Леля, Сережа Ермолинский и Маричка. В день смерти никак не могли вызвать медицинскую сестру. Когда умирал, никого из сестер не было. Позднее пришли Лидия Алексеевна и Алексей Михайлович, вызвали Павла Сергеевича Попова...

После смерти лицо приняло спокойное и величественное выражение».

Из воспоминаний С.А.Ермолинского:

«На следующее утро — а может быть, в тот же день, время сместилось в моей памяти, позвонил телефон. Подошел я. Говорили из секретариата Сталина. Голос спросил:

— Правда ли, что умер товарищ Булгаков?

— Да, он умер.

Трубку молча положили...

Ни во время панихиды, ни во время кремации не было музыки, по предсмертному желанию Миши».

Виктор Лосев

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил и Елена Булгаковы

ДНЕВНИК МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ

Редакторы *И.В.Андоньева, В.П.Кочетов*

Художественный редактор *Т.Н.Костерина*

Технолог *С.С.Басипова*

Компьютерная верстка обложки, сканирование и запись иллюстраций *В.М.Драновский*

Оператор компьютерной верстки *И.В.Соколова*

П. Корректоры *В.А.Жечков, С.Ф.Лисовский*

Издательская лицензия № 065676 от 13 февраля 1998 года
Налоговая льгота -
общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2:953000 - книги, брошюры
Подписано в печать 20.06.2001
Формат 60x100/16. Гарнитура Гарамонд
Печать офсетная. Объем 35 печ. л.
Тираж 10 000 экз. Изд. № 1714
Заказ 2133

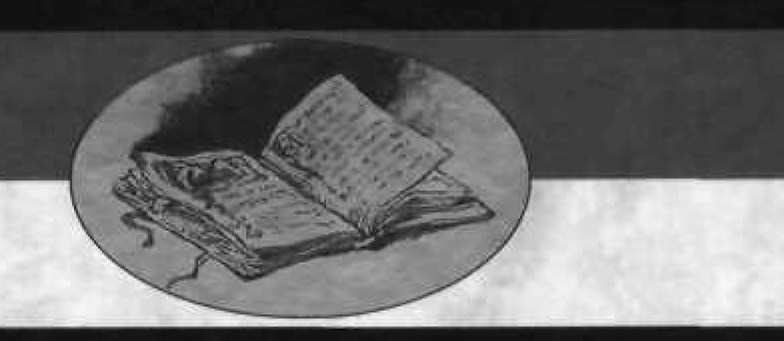
Издательство "ВАГРИУС"
129090, Москва, ул. Троицкая, 7/1
Электронная почта (E-Mail) – vagrius@vagrius.com

Получить подробную информацию о наших книгах и планах
Вы сможете, посетив сайт издательства в сети
Интернет http://www.vagrius.com; http://www.vagrius.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

СЛОВА УЛЕТАЮТ, НАПИСАННОЕ ОСТАЕТСЯ

В 1926 году органы ОГПУ изъяли у Михаила Афанасьевича Булгакова дневник, красноречиво озаглавленный им «Под пятой». Больше писатель не решался обращаться к столь личностной форме изложения своих мыслей и переживаний, но мужественно продолжал спор творца с властью: его письма – к Сталину, правительству СССР, Ягоде, Рыкову, Луначарскому, Горькому, родным, друзьям развили и углубили многие мысли дневника. С 1933 года и до самой смерти писателя дневник, по его настоянию и часто под его диктовку, вела Елена Сергеевна Булгакова – верный друг и жена Мастера, прообраз Маргариты в знаменитом романе. Дневники и письма Булгаковых составили летопись жизни классика литературы XX столетия. Читаются они с захватывающим интересом – как повесть о трагической судьбе художника в тоталитарном государстве.

ISBN 5-264-00693-8

ВАГРИУС